РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

В ЧЕСТЬ 75-ЛЕТИЯ
ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА КОШЕЛЕНКО

1 (27)

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ–МАРТ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2010

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов*, член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков*,
академик РАН *А.П. Деревянко,* член-корр. РАН *С.П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г.А. Кошеленко,*
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А. Макаров*,
д.и.н. *Л.П. Маринович*, д.и.н. *Ю.М. Могаричев,*
академик РАН *В.И. Молодин*, д.и.н. *Э.Д. Фролов*

Редакционная коллегия

М.Г. Абрамзон (главный редактор)

В.А.Г аибов, *О.В. Гнэвек*, *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
С.В. Мокроусов (зам. главного редактора),
И.В. Октябрьская (зам. главного редактора),
И.Е. Суриков, *З.М. Уметбаев*, *С.Г. Шулежкова*,
Л.И. Киреева (ответственный секретарь),

Editorial Board:

M.G. Abramzon (Editor-in-Chief),

*V.A. Gaibov, O.V. Gnevek, V.D. Kuznetsov, S.V. Mokrousov, I.V. Oktyabrskaya,
S.G. Shulezhkova, I.E. Surikov, Z.M. Umetbayev.*

Head, Editorial Office L.I. Kireyeva

© Российская академия наук, 2010
© Магнитогорский государственный университет, 2010
© Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» (составитель), 2010

Дорогому Геннадию Андреевичу
от любящих коллег, друзей
εὐνοίαν καὶ εὐεργεσίαν ἕνεκα

21 января 2010 года исполняется 75 лет выдающемуся ученому-антиковеду, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН Геннадию Андреевичу Кошеленко. Четверть века (с 1979 по 2008 годы) Геннадий Андреевич руководил Отделом классической археологии Института археологии Российской Академии наук, не один десяток лет он является членом редколлегий научных журналов "Российская археология", "Вестник Древней истории", "Проблемы истории, филологии, культуры". Имя Г.А. Кошеленко известно не только в России, но и широко за ее пределами, всем специалистам по истории и археологии античного мира и эллинистического Востока. Г.А. Кошеленко является членом-корреспондентом Французской Академии надписей и изящной словесности, членом-корреспондентом Германского Археологического института, членом-корреспондентом Итальянского института Африки и Востока. Неоценим вклад в науку Г.А. Кошеленко - автора более 400 научных работ по различным аспектам истории античной цивилизации. Геннадий Андреевич воспитал целое поколение специалистов, которые трудятся не только в России, но и во многих странах. Полвека Геннадий Андреевич посвятил археологическим исследованиям памятников Боспора, Туркменистана, Узбекистана, Афганистана, Сирии, Йемена.

Мы, его коллеги, друзья и ученики, сердечно поздравляем дорогого Геннадия Андреевича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, бодрости духа и новых творческих успехов.

Отдел классической археологии ИА РАН,
Ректорат МаГУ,
Редколлегия журнала "Проблемы истории, филологии, культуры"

Древний Восток

© 2010

З.И. Усманова

Г.А. КОШЕЛЕНКО И ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ЮТАКЭ)

Считай меня своим товарищем надежным,
И так же, как вчера, мне завтра верен будь

(Мунис Хорезми)

Пользуюсь случаем поблагодарить Оргкомитет за приглашение принять участие в юбилейном выпуске журнала, посвященном Геннадию Андреевичу Кошеленко. Хочу еще раз поздравить с избранием его членом-корреспондентом Академии наук Российской Федерации и с его очередным юбилеем, пожелать здоровья ему и его семье, творческих успехов в плодотворной научной деятельности.

Спустя 50 лет мне представилась счастливая возможность вспомнить о нашем знакомстве с Геннадием, которое переросло в дружеские творческие отношения, о которых у меня сохранились теплые воспоминания. Это было давно, наша творческая научная жизнь только начиналась. После аспирантуры я была оставлена на кафедре археологии Средней Азии истфака ТашГУ в качестве ассистента и была полна желания и творческих сил начать педагогическую работу и внести посильный вклад в изучении истории Древнего Мерва (на примере Эрк-калы), темы моей кандидатской диссертации. Энтузиазм и одержимость характерны были для целеустремленных молодых людей 50-х годов. К этому времени у меня накопился многолетний опыт полевых работ, отработана методика раскопок ЮТАКЭ, и Михаил Евгеньевич Массон (заведующий кафедрой и научный руководитель ЮТАКЭ) обычно направлял ко мне на Эрк-калу для прохождения полевой практики вновь поступивших на кафедру студентов.

Так было и с Геннадием Андреевичем Кошеленко, который прибыл в Старомервский лагерь XVIII отряда ЮТАКЭ в 2 часа ночи 27 сентября 1959 года, тогда ему было 24 года. Родом из Сибири Геннадий был крепкого телосложения, слегка бледным на фоне загорелых на южном солнце молодых студентов, не-

Фото 1. Мерв. Весна 1962 г. Аренда машины для маршрутного проезда в Байрам-Алинском автопарке. Завхоз Федор Алексеевич Гулашев, Усманова Замира Исмаиловна, Кошеленко Геннадий Андреевич

много взволнованным и настороженным в ожидании, как его примет коллектив.

Для Геннадия на том этапе его жизни самым главным была профессия: молодой специалист был одержим идеей научных открытий на избранном им пути в большую науку. На истфаке в МГУ Геннадий прошел замечательную школу В.Д. Блаватского, хорошо знал античные памятники и историю Северного Причерноморья, но ему этого было мало, его тянуло в античную Парфию и Бактрию, а дорога туда шла практически через ЮТАКЭ, проводившую на землях Парфии и Маргианы успешно раскопочные работы.

Как узнала позже, В.Д Блаватский попросил Галину Анатольевну Пугаченкову поговорить с М.Е. Массоном на предмет участия Г. Кошеленко в работах ЮТАКЭ для ознакомления со спецификой методики полевых исследований среднеазиатских памятников. Согласие было получено, и Геннадий вступил на землю древней Маргианы.

Утром перед завтраком Михаил Евгеньевич вызвал меня к себе в кабинет (я в тот год исполняла должность начальника лагеря) и сообщил о прибытии из Москвы нового члена экспедиции, ученика В.Д. Блаватского, и поручил мне ознакомить его с распорядком лагеря и с городищами уникального Мерва. Поскольку Г. Кошеленко должен был работать на Эрк-кале под моим наблюдением, он был ознакомлен и с методикой полевых исследований ЮТАКЭ. При таких обстоятельствах произошло наше знакомство.

Руины Древнего Мерва произвели на Г. Кошеленко потрясающее впечатле-

Фото 2. Весна 1962 г. Маршрутный проезд по пути Исидора Харакского

Фото 3. Весна 1962 г. Раскоп 9 (буддийская ступа). Расчистка росписей. Мелис Омаров, Замира и Гена

ние. На Эрк-кале он ознакомился со всеми раскопами, быстро освоился, безболезненно принял ютакинскую поквадратно-ярусную систему вскрытия археологических памятников. Мы выбрали место для его раскопа на западном стыке стен Гяур-калы и Эрк-калы. Он сразу поверил в перспективность начатой им работы, и в результате была наша первая совместная публикация. Так Г.А. Кошеленко стал полноправным ютакинцем.

Но Геннадия привлекала не цитадель Мерва, а сам античный город (Гяур-кала, в основе Антиохия Маргианская), на территории которой с 1950 г. было раскопано несколько разновременных объектов: дом медника, квартал мукомолов, памятники, связанные с зороастризмом, христианством, буддизмом, керамические печи VI–VIII вв. и др. Геннадий с большим интересом посещал со мной эти раскопы, любил самостоятельно ходить по городищу, собирал подъемный материал и обращал внимание на некоторые всхолмления, предполагая, какие тайны они могут в себе хранить. Но выбрать объект для нового раскопа было практически невозможно из-за того, что в конце 50-х годов Гяур-кала использовалась в качестве полигона для маневров танковых частей Марыйского военного округа. В результате погибли верхние культурные слои под гусеницами танков, исчез исторический микрорельеф городища. К счастью, в первые годы работ в Мерве М.Е. Массон успел сделать глазомерную съемку Гяур-калы.

В студенческие годы «дом медника» был темой моей дипломной работы, и в публикацию не вошла коринфизированная капитель, которая заинтересовала Геннадия, и мы совместно ее опубликовали. А когда были обнаружены при земляных работах на Мунон-депе фрагменты оссуария с уникальными налепными украшениями, М.Е. Массон поручил Геннадию Андреевичу обследовать объект, и затем находки были им опубликованы.

Г.А. Кошеленко проявил себя в экспедиции серьезным, работоспособным и инициативным научным сотрудником, что позволило Михаилу Евгеньевичу дать согласие на его самостоятельный маршрутный проезд по древнему караванному пути от Мерва на запад, описанному античными авторами с указанием конкретных пунктов остановок, которые следовало отождествить с сохранившимися на сегодняшний день памятниками. В этот маршрутный проезд в качестве помощников Геннадий Андреевич взял меня и Маргариту Ивановну Филанович, за что мы ему благодарны. Машину вел опытный шофер из Байрам-Али, Алиев Али Агаевич. Это была незабываемая поездка с остановками на памятниках, где собирался подъемный материал, делались описания, схематические планы, обмеры и т.д. Научная работа сочеталась с экзотикой: на всем пути следования нас сопровождали змеи, пауки, ящерицы, вараны, ежи, лисы, тушканчики, встреча и беседа у костра ночью с пограничниками на Намазга-депе, а в пограничной зоне у Душака и Каахка нас даже задерживали для выяснения личности. Маршрут наш закончился в Ашхабаде, откуда мы с Маргаритой отбыли в Ташкент, а Геннадий Андреевич продолжил работу уже без нас.

За годы, проведенные в Мерве, Геннадий принял не только стиль работы, но и полевой быт ЮТАКЭ. Он научился жить по звонку, по субботам с ребятами ездить в баню в Байрам-Али, а после ужина в тот же день по традиции петь песни с участием Михаила Евгеньевича. У Геннадия от его бурной студенческой

Фото 4. Мерв. Эрк-кала. 1959. Р. Сулейманов, З. Усманова, Т. Ходжаниязов, Г. Кошеленко, Л. Жукова

Фото 5. 1959 г. Кошеленко на своем раскопе 4 на стыке стен Глур-калы и Эрк-калы

жизни сохранился богатый песенный репертуар и он часто был основным запевалой. Общительный по характеру, он просто и легко общался с ребятами и на досуге (чаще после отбоя ко сну) принимал активное участие в состязаниях «кто больше знает анекдотов» и чаще побеждал Геннадий, но перед Евгенией Зауровой сдавался с поднятыми руками.

С Геннадием в экспедиции было легко и интересно, его положительной чертой было отсутствие зазнайства, гонора, вел себя просто, доброжелательно и охотно делился своими знаниями иностранной археологической литературы (он некоторое время работал в библиотеке и регистрировал поступающую литературу). Лично мне он очень помог с привлечением иностранной литературы по теме моей диссертации, консультировал и давал советы.

В полевых условиях Михаил Евгеньевич не оставлял в покое студентов: по воскресеньям и в праздничные дни 7-8 ноября проводил научные заседания кафедры, СНАКа (студенческий научный археологический кружок), организовывал выезды на интересные объекты за пределы Мерва. В этих мероприятиях Геннадий Андреевич принимал активное участие и сам неоднократно выступал с докладами и сообщениями на заседаниях кафедры. Так, 16 октября 1960 г. на заседании, посвященном памяти академика В.В. Латышева Геннадий Андреевич, сделал два сообщения — «Значение трудов В.В. Латышева» и «Архитектура жилищ греческих городов Парфии». На 246 заседании кафедры, посвященном 30-летию со дня смерти Василия Лаврентьевича Вяткина выступил с докладом «О проникновении буддизма в Маргиану». 21 октября 1962 г. сделал доклад «О изобразительных сюжетах на мунондепинских оссуариях», а 13 сентября 1963 г. на 278 заседании — «Эстетические теории раннего христианства».

В годы пребывания в Мерве Геннадий общался в коллективе со студентами, которые со временем стали ведущими учеными, среди них следует упомянуть Б. Кочнева, В. Горячеву, В. Пилипко, И. Масимова, Т. Беляеву, Э. Ртвеладзе, а Р. Сулейманов, Т. Ходжаниязов и З. Хакимов были еще и участниками советско-афганской экспедиции.

В 1963 г. М.Е. Массон поручил Геннадию Андреевичу руководить раскопом буддийской сангарамы в Мерве, которая была темой дипломной работы Л. Букинич. С легкой руки Геннадия в тот год была обнаружена глиняная голова Будды от крупной статуи и расписная ваза с рукописью. Это была настоящая сенсация, до этого на этом объекте были только мелкие находки — монеты, терракоты, керамика, несколько остраков. В архиве ЮТАКЭ сохранились фото Е.Н. Юдицкого, который подробно фиксировал расчистку и закрепление головы статуи, упаковку расписной вазы в специально заказанный футляр. Изъятие рукописи осуществлено было уже на кафедре в Ташкенте. Геннадий Андреевич опубликовал расписную вазу и после этого в работах ЮТАКЭ больше не участвовал. Он начал самостоятельные работы совместно с А. Губаевым по изучению памятников Мервского оазиса.

В свое время, будучи студентом, А. Губаев стажировался на кафедре археологии в ТашГУ и причастен к археологической школе М.Е. Массона, что позволило ему на примере ЮТАКЭ вести подготовку археологических кадров для Туркмении.

В Туркменском государственном Университете им. Махтумкули студенче-

ская наука занимает важное место в работе истфака, о чем свидетельствует участие студентов во главе с А. Губаевым в археологических экспедициях Г.А. Кошеленко, где они проходят полевую практику и закрепляют теоретические знания.

За последние 40 лет при непосредственном участии Г.А. Кошеленко и под его руководством археологами на территории Маргианы было сделано множество важнейших открытий. Это позволило ему внести коррективы в основные проблемы истории Мервского оазиса конца II — начала I тыс. до н.э. с привлечением данных Авесты в решении вопроса начала раннежелезного века в Маргиане и ввести в науку понятие «вождество» как важнейшую стадию на пути формирования государственной власти.

Работа Г.А. Кошеленко с привлечением специалистов — ученых А. Бадера и А. Гаибова по сбору данных авестийской традиции относительно Мерва «Древний Мерв в свидетельствах письменных источников» стала неоценимым вкладом в изучение древней истории Туркмении. Огромный список научных работ и монографий указывают на то, что Г.А. Кошеленко достиг своей цели и связал дальнейшую свою научную деятельность со Средней Азией.

В настоящее время, когда уже нет ЮТАКЭ и кафедры археологии Средней Азии — детища М.Е. Массона (все в прошлом), хочется верить, что у Геннадия Андреевича остались теплые воспоминания общения с коллегами в ЮТАКЭ, с корифеями среднеазиатской археологии и искусствознания, Михаилом Евгеньевичем Массоном и Галиной Анатольевной Пугаченковой.

G.A. KOSHELENKO AND SOUTH TURKMENESTAN COMPREHENSIVE ARCHEOLOGICAL EXPEDITION

Z.I. Usmanova

The article deals with G.A. Koshelenko's academic role for and his participation in South Turkmenestan Comprehensive Archeological Expedition .During the past forty years a lot of archeological discoveries have been made under his supervision and with his participation in Margiana. His book on ancient Merv became an invaluable contribution to the study of Turkmenestan ancient history. A. Bader and A. Gaibov were invited to gather data on Avestan traditions concerning Merv. A long list of scientific papers and monographs testifies that G.A. Koshelenko has reached his goal and committed himself to further research in Central Asia.

© 2010

Э.В. Ртвеладзе

СТАРЫЙ МЕРВ

Об этом удивительном городище, как тогда говорили, — самом большом древнем городище на территории Советского Союза, — я впервые услышал от Михаила Евгеньевича во время наших частных бесед в Кисловодске.

В августе 1961 года я вернулся из археологической экспедиции Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (КБНИИ), раскопки которой в этот год проводились в Верхнем Чегеме и в районе селения Этоки, расположенном на границе между Кабардино–Балкарской АССР и Ставропольским краем. Пришел по обыкновению к Михаилу Евгеньевичу, а он, после долгих расспросов о работах нашей экспедиции, говорит мне: «Знаете, Эдди, пора Вам пройти, до поступления в ВУЗ, мою полевую археологическую школу. В конце сентября начинается очередной сезон раскопок ЮТАКЭ на городище Старый Мерв, подумайте, Эдди, и сообщите мне о своем решении». Но я сразу же дал согласие, а сам стал думать — где мне достать деньги на эту дальнюю поездку. Из Кавминвод в Ашхабад можно было добраться либо самолетом, который вылетал с аэродрома в Минеральных водах — этот путь занимал немногим более трех часов, — либо поездом до Баку, затем паромом до Красноводска через Каспийское море, где надо было пересесть опять на поезд Красноводск — Ташкент, но этот путь занимал более трех суток, и притом при самом благоприятном стечении обстоятельств. Я выбрал самолет, тем более, что мне прежде не приходилось летать. Но вначале надо было достать деньги на дорогу, поскольку даже тогда билеты на самолет стоили недешево, особенно для меня, немногим более 30 рублей.

Я вернулся в экспедицию на Этоку. Узнав о моих планах, Гавриил Иосифович Ионе — начальник экспедиции — предложил мне вместе с его сыном Леней засыпать раскопанный сарматский курган, в котором мы на глубине 5 м. обнаружили катакомбу с длинным и узким дромосом. Курган этот находился около дороги, к тому же неподалеку располагалась конеферма, так что опасность упасть в курган случайным прохожим и даже машине была велика.

Благодаря любезности работников конефермы, я часто носился по предгорьям и плато, где мы работали, на прекрасных скакунах — кабардинках рысью, галопом, аллюром и хорошо помню то необыкновенное чувство, которое охватывало меня, когда, прильнув к шее коня и крепче сжав бока, я давал ему шенкеля, и конь несся с бешеной скоростью, едва касаясь копытами поверхности земли.

Задание мы выполнили и получили деньги. Недостающую часть денег я заработал иным способом, так что в начале сентября уже взял билет на самолет в Ашхабад.

Однако уже на следующий день я был потрясен, получив письмо от М.Е. Массона, в котором он писал, что в этом году ЮТАКЭ выделили небольшие средства на проведение полевых работ, и поэтому мне лучше воздержаться от поездки и готовиться к экзаменам в ТашГУ на следующий год.

Тем не менее, не предупредив М.Е. Массона, я 16 сентября вылетел в Ашхабад. В аэропорту Минеральных Вод, который тогда был еще небольшим, а все службы умещались в одноэтажном здании, меня провожала мама. Она сильно волновалась и все время разыскивала в толпе пассажиров какого-либо доброго туркмена, чтобы он опекал меня в этой поездке.

Это вообще был первый мой полет на самолете на легендарном ИЛ-18. После их было неисчислимое множество в различные страны мира, на различных самолетах. Только в США я приземлялся и взлетал с аэропортов Нью-Йорка, Вашингтона, Ричмонда, Хьюстона, Далласа, Лос-Анжелеса, Сан-Франциско, Бостона и многих других городов. А тогда это было в первый раз! Впечатление незабываемое.

Прилетел я в Ашхабад днем. Несмотря на то, что была середина сентября, здесь было очень знойно и душно. Никто меня, конечно, не встречал, но я на автобусе добрался до небольшой гостиницы, которая располагалась вблизи ж/д вокзала. В ту пору Ашхабад был совсем небольшим городом в основном с одноэтажными домами, недавно отстроенных после катастрофического землетрясения 1948 года. Да и население в нем было совсем незначительным. На следующий день я сел в знаменитый тогда поезд Ташкент–Красноводск, о котором в ту пору слагали песни и стихи. Даже в среде студентов-ютакинцев была популярной песня, которая начиналась со слов: «В красноводский поезд посадили и сказали, ну, давай, вези...».

К сожалению, этого поезда, с образованием в Средней Азии независимых государств, уже не существует. А жаль! Ведь это была прямая и наиболее удобная дорога, связывавшая республики Средней Азии с закавказскими и далее через Черное море с Европой, и почти повторявшая древний путь. Одно время

главами государств этих республик был выдвинут проект ТРАСЕКИ, широко пропагандируемый и обсуждаемый в печати. Однако он по существу провалился из-за неимоверных амбиций глав некоторых государств и политической нестабильности в государствах Закавказья, главным образом, в Грузии.

Я приехал в Байрам-Али, где-то после полудня, проделав немалый путь через южные районы Туркмении. Для меня, выросшего среди кавказских гор, покрытых густой растительностью, было непривычно наблюдать однообразный пейзаж с обеих сторон дороги — барханы песков, в ряде мест заросшие саксаулом, прерываемые редкими зелеными оазисами, в которых находились небольшие городки. Особенно запомнился мне Теджен своим очень вкусным и необыкновенно дешевым виноградом. Помниться, выскочив на станции, во время остановки, я буквально за 20–40 копеек купил несколько килограммов винограда.

В ту пору, Байрам-Али был небольшим городком, с весьма пестрым населением: туркмены, русские, курды, персы, уйгуры, армяне, причем туркмены вовсе не преобладали. Основным языком общения среди них был русский язык, на котором все говорили достаточно грамотно. Таких городков в советское время немало сложилось в Средней Азии и Казахстане вдоль железных дорог и в местах новостроек и освоения новых земель, осуществлявшихся за счет притока квалифицированных рабочих и их семей из различных уголков огромного Союза. В них постепенно складывался неповторимый сплав населения различного этнического происхождения — один из элементов советской общности или советского народа. Данное понятие сейчас нередко служит предметом язвительных насмешек политиков, журналистов и телекомментаторов. Но что было то было, я сам вырос и был воспитан в такой же среде, отличительным признаком которой была дружба между ребятами различных национальностей и полное отсутствие так называемого этнического высокомерия, которое ярким цветом расцвело в государствах, созданных на развалинах «Великой Красной Империи». Сейчас подобные населенные пункты, вернее, такого рода население в них исчезло, подавляющее число так называемых пришлых мигрирует на свою историческую родину, а оставшиеся, по различным причинам, в основном материального характера, люди постепенно вымирают, их место занимают представители определенных титульных национальностей.

Я полагаю, что данный процесс затянется ненадолго.

Главной примечательностью Байрам-Али было старинное здание, построенное еще в конце XIX века для страдающих заболеванием почек. В советское время оно было превращено в почечный санаторий, куда направлялись больные изо всех республик Советского Союза, чему способствовал весьма благоприятный, исключительно сухой климат в этом месте и наличие большого количества особых туркменских арбузов, весьма полезных людям, страдающим заболеванием почек.

Первым делом я по извилистой улице двинулся от вокзала в гостиницу, чтобы устроиться на ночлег и разузнать дорогу к экспедиционному лагерю ЮТАКЭ в Старом Мерве.

В небольшой одноэтажной гостинице меня устроили в коридоре, так как мест в номерах не было. На мой вопрос администратору гостиницы, — прожи-

вает ли здесь кто-либо из археологов? — она ответила, что в гостинице сейчас живет группа реставраторов и археологов из Ашхабада, работающих на мавзолее Султана Санджара.

Вечером, когда эта группа вернулась в гостиницу, я подошел к руководителю группы, коренастому полному туркмену — это был археолог Курбан Адыков, — представился и попросил помочь мне добраться до лагеря ЮТАКЭ. Тот согласился.

Утром мы погрузились в машину и двинулись в путь. Хорошо помню то чувство восторга, поглотившее меня, когда мы ехали по развалинам через южные ворота Абдуллахан-калы, Султан-калы, где около величественного мавзолея, построенного над могилой сульджукского султана Санджара в середине XII века, мы оставили группу реставраторов. Везде, куда ни взглянешь, располагались бесконечные всхолмления, с густой россыпью разноцветной керамики и битого кирпича — остатки средневековых строений, и высокие длинные стены, окружающие Султан-калу. Наконец мы, проехав действующую мечеть Юсуфа Хамадани, остановились у какого-то холма.

«Дальше мы не поедем, — сказал Курбан Адыков. — Вон лагерь. Иди туда». Машина развернулась и, окутав меня густым облаком пыли, двинулась назад к мавзолею Султана Санджара. До лагеря оставалось совсем недалеко, и я, водрузив рюкзак, двинулся к нему. Это была бывшая конюшня белуджей, которая стараниями студентов и сотрудников ЮТАКЭ, посланных заранее до приезда основной группы с проф. М.Е. Массоном, превращалась в благоустроенный лагерь. Но обо всем этом я расскажу позднее, а в тот день, пройдя через ворота, я оказался в огромном дворе, окруженном по периметру высокой глинобитной стеной, в середине западного фаса двора возвышалось длинное глинобитное строение с маленькими окнами, к тому времени уже застекленными. Это и был

лагерь, в котором я в тот год прожил два с лишним месяца, а затем и пять осенних полевых сезонов. Около входа в здание стояла группа людей, я подошел к ним и представился. На тот момент в лагере было всего пять человек — прежний завхоз ЮТАКЭ, Абдул Гусейнович Алиев, его жена — очень добродушная и ласковая женщина, которую мы все звали тетя Роза, новый завхоз — Фирдоус Али Аскер Гулями, называемый нами на русский лад — дядя Федя, повар экспедиции — татарка из Байрам-Али Надежда Гафуровна и рабочий по лагерю. Все они встретили меня очень радушно, устроив в одном из стоил, превращенных в спальное место студентов и сотрудников ЮТАКЭ.

Позднее в лагерь вернулись с раскопок на Эрк-кале преподаватель кафедры археологии, в тот год начальник лагеря Замира Исмаиловна Усманова и Геннадий Андреевич Кошеленко — аспирант Института Археологии АН СССР, занимавшийся парфянской историей и археологией.

В первые дни моего пребывания в лагере ЮТАКЭ я особенно сблизился с Абдул Гусейновичем, который очень внимательно относился ко мне. Абдул Гусейнович в ту пору был уже пожилым грузным человеком, многие годы проработавший в ЮТАКЭ, честнейшим и образованнейшим, прекрасно знавшим не только все стороны ислама, но и персидскую прозу и поэзию. Абдул Гусейнович был первым человеком, давшим мне уроки персидского языка и арабской графики, которую я ко времени отъезда из Мерва освоил уже достаточно прилично.

По своим религиозным убеждениям, так же, как дядя Федя да и почти все персы, проживающие в Туркмении, он был бахаистом — последователем учения, созданного Мирзой Хусеином Али, прозванного Баха-Улла, т.е. Слава Божья, попытавшимся создать универсальную мировую религию. Согласно учению Баха-Уллы, божественное откровение прогрессивно, через установленные Провидением определенные периоды являлись и будут являться пророки, носители откровения, передающие волю Бога человечеству, а различие в существующих религиях носит второстепенный характер и относится к законам социальной категории. Бахаисты верят, что их религия — это религия современной эпохи и её принципы и законы отвечают всем запросам человечества на данной стадии его развития. Бахаистские общины в то время существовали в различных городах Туркмении, где проживали персы, особенно, в Мары и Ашхабаде.

Подружился я и с новым завхозом ЮТАКЭ — дядей Федей, невысоким плечистым, коренастым человеком с необычайно сильными руками, покрытыми густыми черными волосами, напоминающий мне легендарных персидских пахлаванов, которыми всегда славился и славится Иран. С этого времени начались и наши дружеские персидско-грузинские пикировки, которые вызывали живейший интерес, и все сотрудники и студенты, собиравшиеся за длинным столом на ужин в лагере, с нетерпением ждали того момента, когда они начнутся.

Федя был воспитанником детдома, участвовал в войне, получил ранение и слегка прихрамывал на левую ногу. Он всегда сидел за столом по правую руку от Михаила Евгеньевича и всегда внимательно слушал его речи и замечания, запоминал даже кое-какие археологические определения. Помню, что во время редкой в лагере ссоры между студентами, Федя ворвался в мужскую секцию и закричал: «Если Вы сейчас же не прекратите, то я ударяю Вас античным кирпи-

чом 40х40х12 см. с Танькиного раскопа (имелась ввиду Таня Беляева)». Потом я часто подкалывал Федю этим во время наших пикировок, — «Ну что Федя, сознайся, что грузины победили персов, или ударишь меня по голове античным кирпичом?!».

На следующий день после моего приезда Замира Исмаиловна, в тот год бывшая начальником лагеря, разрешила мне походить и посмотреть Султан-калу.

Надо отметить, что само городище Старого Мерва состояло из пяти основных разновременных городищ, последовательно сменявших друг друга и занимавших разные участки — Эрк-кала, Гяур-кала, Султан-кала, Абдуллахан-кала и Байрамалихан-кала, выходящие своими стенами на окраину современного города. Все эти городища располагались на площади более 60 км., причем раскопочные площадки находились весьма далеко друг от друга — самый крайний восточный раскоп в военном лагере сельджукидов — Шаим-кале располагался в более чем 10 км от самого крайнего западного. Керамические отвалы из средневековых гончарных печей вблизи от ворот Фирюза и мавзолея Мухаммада ибн Зайда. Сам же экспедиционный лагерь находился примерно в центре между ними, так что, когда по каким-либо причинам машина не приходила за нами, то дорога от самых крайних раскопов до него занимала несколько более часа. Я и сам добирался пешком до лагеря от моего раскопа в пригороде Гяур-калы, где в 1963 году исследовал остатки буддийской ступы. Правда, ходить было всегда интересно, через все городище Гяур-кала, в то время еще совсем не заболоченное, каким оно стало через несколько лет, благодаря подъему грунтовых вод, чему способствовал Кара-кумский канал. Здесь можно было подобрать терракотовую статуэтку или парфянскую монету, или вообще какой-либо предмет, а затем, преодолев крутые стены Гяур-калы и протекавший под нами средневековый канал Разыка, через маленький кишлак белуджей выйти в лагерь.

Я почти весь день бродил по огромному городищу Султан-кала, поражаясь его размерами и грандиозностью, тщательно осматривал величественный мавзолей Султана Санджара и более скромные могилы асхабов, сподвижников пророка Мухаммада Бурейды и Гифари.

Особенно прославился ал-Хаким ибн Амр ал-Гифари, который немногим раньше 670 года был первым арабским полководцем, переправившимся через Джейхун (Амударья), и он же был первым, по свидетельству ал-Балазури, кто прочитал мусульманскую молитву по ту сторону Джейхуна на территории нынешнего Узбекистана.

Арабы совершали свои набеги на Мавараннахр («то что за рекой»), так они называли междуречье Амударьи и Сырдарьи, из Мерва, который они захватили в 651 году и который, по словам выдающегося русского ориенталиста В.А. Жуковского — автора книги «Развалины Старого Мерва», стал «естественным базисом», откуда арабы распространяли свое владычество в Туркестане.

Все дни, оставшиеся до приезда основной группы экспедиции во главе с проф. М.Е. Массоном, мы жили достаточно свободно, не по тому железному распорядку, который возобладал в лагере позднее.

Замира Исмаиловна брала меня с собой на раскопки разреза Эрк-калы, и собственно здесь я стал познавать навыки археологии Средней Азии. Разрез этот гигантской траншеей прорезывал западную стену Эрк-калы и уже в ту пору

был очень глубоким. Замира Исмаиловна работала на этом разрезе с небольшой группой рабочих и студентов уже несколько лет. Уже были изучены стены Сасанидского времени, пройдена значительная часть стен парфянского времени, а он все еще не был пройден до конца. Если мне не изменяет память, его глубина в то время уже составляла около 20 м., и еще не одно поколение студентов-археологов трудилось на нем. Между собой мы даже подшучивали, что дескать Замира, которой в начале 60-х годов было всего лишь 28 лет, закончит его, когда выйдет на пенсию.

Несколько дней я работал и на раскопе–9, в юго-восточном углу Гяур-калы у Геннадия Кошеленко, учился расчищать кирпичи, находить стены. Все для меня было новое, совершенно отличное от той археологии, которой я занимался на Северном Кавказе.

В 1961 году назначение этого памятника еще не было определено и только в следующем году, после находки большой скульптурной головы Будды и кувшина, покрытого замечательной росписью, повествующей о жизни богатого дихкана, внутри которого находились рукописи, прочитанные Воробьевой-Десятовской и отражающие учение буддийской школы сарвастивадинов, стало очевидным, что здесь почти две тысячи лет назад располагался буддийский монастырь — сангхарама.

Это был собственно третий буддийский памятник, открытый археологами в Средней Азии, после Айртама и Каратепа в Старом Термезе, и первый на территории, входившей в состав Парфянского и Сасанидского государств.

Споры о времени его возведения ведутся до сих пор — I–II, III–IV века и даже позднее, но я хорошо помню отчеты М.Е. Массона о датировке сдаваемых ему на определение монет, после ужина в Старомервском лагере, в том числе и найденных на Р-9, среди которых он упоминал и парфянские монеты, обнаруженные в платформе этого здания.

С утра 27 сентября мы стали готовиться к приезду М.Е. Массона. Встречать поезд из Ташкента на вокзал поехали Замира Исмаиловна и дядя Федя — все остальные остались в лагере, в том числе и я. Где-то после полудня мы увидели, едущую в клубах пыли со стороны мавзолея Султана Санджара экспедиционную машину, которая через некоторое время въехала во двор лагеря.

Первым из кабины машины вышел М.Е. Массон, а затем уже из кузова стали вылезать один за другим ребята и девушки — студенты II-V курсов кафедры археологии ТашГУ. Двор сразу как-то изменился — до этого пустынный он внезапно заполнился. Стоял шум и гам, все разбирали свои вещи и занимали помещения в лагере. Я подошел к Михаилу Евгеньевичу и поздоровался. Он посмотрел на меня из-под очков и сказал: «Вы все же приехали, несмотря на моё письмо». Я ничего не сказал и только кивнул головой, но, по-моему, М.Е. Массон был доволен моим приездом.

Все приехавшие студенты, а с ними был еще один преподаватель кафедры Светлана Борисовна Лунина, стали устраиваться в лагере.

Лагерь к этому времени уже был полностью подготовлен для жизни и работы. В центре прямо против входа находился кабинет начальника экспедиции с табличкой «профессор М.Е. Массон» на дверях. Слева от него комната завхоза — дяди Феди, а справа комната для приезжих.

Напротив комнаты завхоза располагалась кухня с большой плитой, в которой полной хозяйкой была Надежда Гафуровна — сухощавая татарка из Байрам-Али.

Левую половину здания (от комнаты завхоза) заняла женская часть экспедиции, а правую (от комнаты для приезжих) — мужская. В них между огромными глинобитными колонами, подпирающими потолок здания, стояли раскладушки, по две в каждом стойле, а за изголовьем вдоль стен с каждой стороны размещались бывшие кормушки для лошадей, которые нами использовались в качестве хранилищ для своих личных вещей, тогда как на столбах развешивалась одежда.

В центре здания находился зал, в котором стоял длинный стол, на столбах были развешаны фотографии наиболее выдающихся находок ЮТАКЭ, тогда как боковые стены и кормушки использовались в качестве полевого музея, где строго по каждому раскопу отдельно раскладывались экспонаты — находки. Музей был украшен красивыми букетами из камыша и солянки. Их составлением, как и самим декорированием зала, занимался непосредственно Михаил Евгеньевич.

В этом зале мы завтракали и ужинали, обед брали с собой на раскопы. Обычно он состоял из немыслимо твердых пирожков, которых не удостаивали своим вниманием даже такие непривередливые создания как термиты, пожиравшие всё, что им понравилось — туфли, чертежи, одежду (похоже, они предпочитали менее калорийную пищу!). Однажды нам с Колей Васецким так надоели эти пирожки, испеченные не с особенной любовью, что мы закопали их в кучу отвала. Каково же было наше удивление, когда на следующий год мы случайно наткнулись на них, причем бумага, в которую они были завернуты, исчезла, а сами пирожки сохранились в первозданном виде!

В лагере было так чисто и опрятно, что приезжавшие к нам удивлялись: «А мы-то думали, что вы живете в палатках!» — говорили они.

Однажды к нам приехала Галина Борисовна Никольская, бывшая тогда зам. декана, для проверки полевой практики студентов-археологов, так она не переставала удивляться и восхищаться теми условиями, в которых мы жили, и все время сравнивала их с условиями жизни остальных студентов, уехавших на хлопок.

Хлопковые компании тогда приобрели невероятный размах, на сборы хлопка забирали всех во всех городах, в том числе и в Ташкенте, от мала до велика — старшеклассников, студентов, рабочих и служащих. Надо сказать, что Михаил Евгеньевич своим авторитетом добился у университетского начальства самого тогда невероятного — в разгар хлопковых компаний студенты-археологи на полтора месяца — с конца сентября и до начала ноября работали в ЮТАКЭ. Правда, по приезду, после октябрьских праздников, их все равно забирали на хлопок, порой до самого снега. Я сам испытал это на себе, но об этом позднее.

Ни света ни радио в нашем лагере, конечно, не было. Основным источником освещения были керосиновые лампы, за которыми весьма тщательно ухаживали — до немыслимого блеска протирали стекла, подрезали фитиль. Они стояли на большом столе в зале, в кабинетах М.Е. Массона и завхоза. Портативных приемников в то время еще не было, да и само наличие их в лагере,

даже если они уже и выпускались, было бы расценено Михаилом Евгеньевичем как «криминал». Все должно было быть подчинено науке и только науке, никаких развлечений.

Не было в лагере и воды, она была привозная. Воду раз в несколько дней привозили в чилеках — плоских туркменских бочонках. Они использовались для приготовления пищи и умывания, тогда как пить сырую воду категорически запрещалось, о чем было объявлено в перечне правил поведения в лагере наряду с распорядком дня в соответствующих таблицах, вывешенных М.Е. Массоном по обе стороны двери его кабинета в первый же день приезда в экспедицию. Над этими же дверями вывешивалось объявление, в котором непременно каждый год красивым почерком был написан обязательно по-латыни с переводом на русский язык соответствующий девиз, по которому работала экспедиция в тот или иной полевой сезон. В первый год моего пребывания в ЮТАКЭ — это было знаменитое латинское изречение: «Nulla dies sine linea» — «Ни одного дня без черточки», ни дня без занятий наукой.

Распорядок дня, установленный М.Е. Массоном, был очень строгим и четким. Первыми в 6 часов вставали повар и студенты-дежурные по лагерю. В 6 часов 30 минут давался общий подъем — для этого дежурный стучал по рельсу, который был помещен на специальной треноге. В 7 часов все должны были уже сидеть за общим столом. В 7 часов 30 минут завтрак заканчивался и все собирались к машинам, которые развозили студентов на свои полевые площадки-раскопы. Одна машина ехала на Гяур-калу и Эрк-калу, другая — на Султан-калу и пригороды. До четырех часов с перерывом на обед мы работали на своих площадках. Ответственной за раскопки на Гяур-кале была Замира Исмаиловна, на Султан-кале командовала Светлана Борисовна. На каждой площадке был свой начальник — обычно им назначался старшекурсник, в подчинении у него был коллектор — студент младших курсов и рабочие, если таковые имелись. Рабочих было мало, они по одному или по двое распределялись М.Е. Массоном на наиболее важные объекты, так что наибольшая нагрузка ложилась на коллекторов, которые и копали и вели полевые описи и шифровали находки и чертили керамику.

К пяти часам вечера мы возвращались в лагерь, приводили себя в порядок, умывались, переодевались в другую одежду. В 6 часов 30 минут все усаживались строго по ранжиру за длинный стол в центральном зале. Последним к столу выходил М.Е. Массон, который занимал место во главе стола. Справа от него сидели начальник лагеря, дядя Федя, Г. Кошеленко и девушки от старшекурсниц и дальше по нисходящей. Слева — Светлана Борисовна Лунина и студенты-ребята. Я сидел в конце стола, а рядом со мной, справа — совсем юные Уткур Алимов, ныне зам. директора Музея Темуридов в Ташкенте, и покойный известный туркменский археолог, тогда студент II курса, Эмин Масимов, по происхождению уйгур, которого мы все называли Эмилем.

После ужина начинались отчеты. К Михаилу Евгеньевичу поочередно выходили начальники полевых площадок и докладывали ему о результатах прошедшего дня. Он внимательно выслушивал каждого, делал свои замечания, порой доброжелательные и одобрительные, а порой весьма язвительные типа «Глаза есть, посмотри, нету!» — выражение, заимствованное, по его словам, у десятни-

ка узбека, работавшего в дореволюционные годы вместе с В.Л. Вяткиным и юным Мишей Массоном на раскопках городища Афрасиаб.

После отчетов Михаил Евгеньевич обычно подводил итоги дня, зачитывал определение данных ему монет, докладывал новости из писем, полученных Федей на почте в Байрам-Али.

В субботу был короткий день на раскопках, после чего мы уезжали в Байрам-Али, где старались быстрей помыться для того, чтобы погулять по городу, в парке, выпить пива, а иногда вина — популярный в те годы туркменский портвейн «Эрик-кала». Возвратившись в лагерь, к вечеру мы на полчаса позднее, чем обычно, усаживались за стол в зале-музее и тогда начинались песни. Запевалой обычно был Геннадий Кошеленко, а мы все остальные подпевали ему. Большинство песен были весьма старинные, причем М.Е. Массону больше всего нравились две из них — «Бродяга подходит к Байкалу, рыбачью лодку берет...» и знаменитый «Шумел камыш, деревья гнулись...». Он даже подпевал и выбивал пальцами по столу мелодии этих песен. Пели мы и не менее знаменитую «Таганку». В общем, вторая половина дня субботы для всех нас была «днем отдыха», так как даже в воскресные дни мы не были свободны. Каждое воскресенье поочередно происходили заседания кафедры археологии и СНАК (Студенческого научного археологического кружка). На первом выступали старшие, на втором — в основном студенты. Я также выступил на одном из таких заседаний с докладом об археологических раскопках в селении Верхний Чегем (Верхняя Балкария) в 1961 году.

Начиналась новая неделя, и все происходило по одному и тому же сценарию, разработанному М.Е. Массоном. Нарушение установленного порядка вело к серьезным последствиям — нарушителя удаляли из лагеря, а следовательно, и с кафедры археологии. Причем, когда кто-либо покидал лагерь по каким-то причинам, М.Е. Массон всегда выходил из лагеря, доставал из кармана огромный платок и долго махал уезжавшим вслед, что он никогда не делал, если из лагеря провожали нарушителя.

Вообще в полевом лагере царила железная дисциплина, все было подчинено археологии и только археологии. Конечно, мы нарушали её, но делали тайком. Мы были молодые, почти все ребята и девушки были ровесниками, самому старшему из нас, Нариману Юсупову, было тогда всего лишь 25 лет, однако все его величали «старик» и эта кличка еще на долгие годы закрепилась за ним. Завязывались любовные романы, праздновались дни рождения, устраивались танцы где-нибудь среди развалин, под таинственным светом маргианской луны под аккордеон, на котором обычно играла модные тогда танго Валя Горячева. Аккордеон, трофейный, немецкий, привозил ежегодно из Ашхабада наш славный завхоз Федя, он же Фирдоус Али Аскер, с которым мы весьма сдружились. С отъездом Абдуллы Гусеиновича и тети Розы он продолжал учить меня персидскому языку. Тогда же начались и наши ставшие в последующем знамениты грузино-персидские дружеские пикировки, суть которых состояла в том, что каждый из нас искал какие-либо эпизоды из взаимоотношений грузин и персов, чаще исторические, и обыгрывал их на анекдотический лад. Все с нетерпением ждали за столом этого момента, причем некоторые, особенно Г. Кошеленко, старались подкинуть тот или иной стороне неизвестный им факт. Начи-

нал обычно я: «А помнишь Федя, как мы, грузины, накостыляли вам, персам, при Марабде?», на что он откликался гневной фразой, пояснявшей, чту шах Аббас потом сделал с грузинами. Я отвечал, что персы — это сейчас не персы, а грузины, поскольку 300 тысяч грузин, переселенных шахом Аббасом из Кахетии, разбавили персидскую кровь своей благородной грузинской, постарались и тюрки, так как все средневековые персидские династии были тюркскими по происхождению. Это приводило Фирдоуса Али Аскера в полное неистовство и к ответным коварным действиям.

Согласно приказу по лагерю, написанному М.Е. Массоном красивым мелким почерком с подчеркиванием красным карандашом наиболее важных пунктов и вывешенному на стене перед его кабинетом, я в первые две недели был направлен на Гяур-калу, на раскопки Р-9 (буддийский памятник) и Р-7 (христианский монастырь), вместе с Галиной Дресвянской и Лидией Букинич. После этого я был переброшен на средневековье в пригород Султан-калы, где дипломант Людмила Жукова копала керамические обвалы. Рядом находились остатки праздничной мечети Намазгох, на которой работал Борис Кочнев, сравнительно недавно перешедший на кафедру археологии из Университета г. Фрунзе (ныне Бишкек). На раскоп Борис всегда ходил в неизменной спортивной шапочке и парусиновых, тогда весьма популярных среди археологов, сапогах, постоянно посвистывая какую-нибудь мелодию из классической музыки. Борис был большим поклонником классической музыки, особенно Вивальди, музыка которого в те годы у определенной части молодежи стала почему-то признаком истинной интеллигентности.

С Борисом мы очень быстро подружились и зачастую, не дожидаясь машины, из пригорода Султан-калы, через все огромное городище возвращались в лагерь пешком. Борис, как впрочем и я, был большим любителем сбора подъемного материала, и его острые глаза мгновенно выхватывали из разноцветной «подъемки» то какой-нибудь необычайно интересный черепок, то зеленый кружок монеты.

Борис копал мечеть-намазгох и, можно сказать, проследил по следам от кирпичей, оставшимся после ее почти полностью разобранных стен, полный ее план. Он тщательно делал чертежи на отдельных листах ватмана и хранил их в изголовье кровати. Каково же было его удивление и огорчение, когда однажды, достав чертежи, он увидел, что от них остались «рожки да ножки», всё было поедено термитами. Термиты вообще были «бичем божьим» для обитателей Старомервского лагеря: у Маргариты Филанович они съели праздничные туфли. У меня они начисто съели переднюю часть модной рубашки черного цвета, которую я по приезду в лагерь повесил на гвоздь на столбе. Зачастую они падали прямо с потолка нам в тарелки, и уже в 1963 году, когда в лагере были перебои с доставкой мяса, сидевший рядом со мной Кутбиддин, глядя на очередного термита, упавшего в его тарелку, меланхолически повторял «А вот и мясо».

Борису Кочневу, учитывая значительность его объекта, М.Е. Массон выделил одного рабочего (у нас с Людой их не было). Это был высокий худощавый туркмен — меджаур мавзолея Мухаммада б. Зайда, расположенного рядом. На обед он уходил домой, недалеко от раскопа, возвращался с чайником крепкого зеленого чая и протягивая нам, кратко констатировал: «Вот чай». Это были

единственные слова, которые он знал по-русски, произнося с особенным ударением на букву «т». С тех пор, когда Борис приезжал к нам домой, я приносил чайник чая и говорил ему «Вот чай». Это напоминало нам о славных годах нашей юности в Старом Мерве.

Впоследствии я не раз с ним ездил на раскопки этого городища, в Китаб и Карши. В 1965 году помогал обмерять мечеть-намазгох в Касби. После защиты диссертации об этих мечетях, к которой он готовился у нас в доме в Ташкенте (моя супруга Лида была его однокурсницей), он оставил эту тему и вплотную занялся нумизматикой, особенно караханидской. Он стал выдающимся специалистом в этой области, и его смерть нанесла непоправимый урон этой области исторических знаний, так как караханидской нумизматикой никто фактически сейчас не занимается. Борис был педантичным, скрупулезным исследователем, его отличала тщательность и необычайная глубина исследований, в отличие, к примеру, от другого специалиста в этой области, так же выпускника нашей кафедры М. Федорова. Его исследования более похожи на историю литературную, нежели научную.

В последний раз мы виделись с ним в доме у Лизы Некрасовой, на его проводах в Израиль, где он надеялся избавиться от тяжелой болезни, поразившей его. Я до сих пор считаю его отъезд ошибкой. И вот почему. Первые признаки тяжелой болезни у него появились в середине 90-х годов прошлого столетия. Когда он сказал мне об этом, я отвез его к своему приятелю Равилю Тухватуллину — прекрасному хирургу-онкологу. Равиль вырезал у него опухоль, несколько лет наблюдал за ним. Казалось, болезнь прошла. Борис активно занимался наукой, ходил в горы каждую неделю; помню, мы с ним отправились в Арнасай, и я был поражен его мощным ходом по горам. Однако после приезда из Нью-Йорка весной 2001 года, он снова сильно занемог, врачи определили у него раковую опухоль в легких. Борису назначили операцию на 21 апреля, а перед этим мы с Бахтиером Бабаджановым отвезли его в больницу, устроили в палату, создали максимум возможных условий. На следующий день я уехал на Кампыртепа, так как это были первые годы раскопок Тохаристанской Археологической экспедиции, что требовало моего присутствия. Каково же было мое удивление, когда вечером 21-го позвонив домой, Лида ответила мне, что Борис отказался от операции и переезжает в Израиль в надежде на искусство тамошних врачей. Все три месяца, остававшиеся до его отъезда, были полной нервотрепкой — продажа квартиры, библиотеки, оформление виз, на все это требовалось огромное напряжение физических сил, которых у него уже было слишком мало.

Но в тот уже совсем далекий 1961 год мы еще ни о чем не знали, что нас ждет впереди, а любимой темой наших долгих разговоров была археология, которую мы беззаветно любили. То быстро, то медленно проходили дни в Старомервском лагере, насыщенные раскопками, камеральной обработкой полевых материалов, научными заседаниями, интересными докладами и рассказами М.Е. Массона из истории археологических исследований в Средней Азии, каковой он был великий знаток, об ученых прошлого, биографии которых и их вклад в познание исторического прошлого он знал досконально. Многих он знал лично, других по рассказам старых туркестанцев, собиравшихся за столом в доме его отца в Самарканде в начале XX века.

Я прежде слышал, что некоторые ученые, в основном из Москвы и Ленинграда, называли и до сих пор называют М.Е. Массона «краеведом широкого профиля». Но все это от некоего снобизма, присущего им столичного высокомерия. Я скажу одно: «Посмотрите, господа, товарищи, что сделал он и сравните это с тем, что сделали Вы». Чаша весов деяний М.Е. Массона на научном поприще во много раз перевесит чашу их собственных.

Первый год пребывания в Старом Мерве для меня очень многое дал — я впервые узнал, что такое большая комплексная экспедиция, познал методику полевых исследований огромных городищ, на практике познал, что такое научная школа.

Все это для меня было открытием совершенно нового мира науки, научило подчинять всё личное ее интересам, чему я, как представляется, следовал всю мою научную жизнь.

Оглядываясь сейчас назад в те годы, я жалею единственно о том, что Михаил Евгеньевич так и не написал научную монографию о Старом Мерве, которую он хотел и готовился написать, ежегодно осуществляя исследования этого огромного городища. Думается, что так, как ее мог написать Михаил Евгеньевич, уже никто никогда не напишет.

Отъезд

Четвертого ноября 1961 года мы, остававшаяся в лагере группа, провожала на вокзале в Байрам-Али Михаила Евгеньевича в Ташкент. Вместе с ним уезжали сотрудники кафедры и студенты. Нас осталось шестеро — Замира Усманова, Петр Гаврюшенко — студент 3 курса из Киргизии, наш завхоз Федор Алексеевич (он же Фирдоус Али Аскер Гулями), повариха Надежда Гафуровна, шофер Вадим Смирнов и я. В нашу задачу входило собрать весь оставшийся археологический инвентарь, разобрать и упаковать все предметы обихода в лагере и отправить все это в Ашхабад.

В помощь нам оставили еще одного рабочего, не помню его имени — это был несколько недоразвитый парень, но удивительно работоспособный, бодрый и безотказный.

Хорошо помню гнетущее чувство, нахлынувшее на меня по возвращении с вокзала в лагерь. Еще день назад здесь просто бурлила жизнь, а сейчас тишина. Еще больше потянуло домой, на Кавказ. Но в этот день я не знал, что мое возвращение затянется еще на двадцать долгих дней.

В оставшиеся до октябрьских праздников дни каждый из нас занимался своим делом. Замира Исмаиловна решала свои локальные задачи, связанные всё с тем же гигантским разрезом на Эрк-кале. Петя, я и рабочий разбирали и паковали вещи, вынимали стекла, снимали двери. Словом, возвращали наш лагерь в прежнее состояние — конюшню белуджей.

Шестого ноября, закончив свою работу в экспедиции, домой в Байрам-Али возвратилась Надежда Гафуровна, вместе с ней в город уехали шофер и Федор Алексеевич. Как он объяснил нам, навестить своих персидских друзей, которые якобы замечательно готовили фишты — национальное туркменское блюдо, весьма похожие на чебуреки.

Они должны были вернуться восьмого ноября. И они вернулись, только не восьмого, а девятого, да еще в каком виде и без машины!

Стояла прекрасная солнечная погода, и даже ночи были теплыми. Мы сидели перед входом в лагерь, наслаждаясь ноябрьским теплым воздухом, обсуждая вопрос — куда же пропали наши товарищи. Седьмого ноября — день революции — мы отметили очень скромно: втроем за чашкой чая и разговорами об археологии Средней Азии и Кавказа.

Мы вначале и не заметили, как с противоположной стороны от Султан-калы появились две запыленные фигуры. Один человек шел довольно быстро, размахивая руками и прихрамывая — это был Федя, второй — Вадим, шофер, двигался в своей обычной манере, неторопливой походкой в накинутой на плечи телогрейке. Как выяснилось потом, шли они пешком от самого Байрам-Али.

На законный вопрос Замиры Исмаиловны, — а где же машина? — последовал долгий и невнятный ответ. Федя рассказал, что когда они возвращались из Мары в Байрам-Али от своих персидских друзей в полном здравии и ясном уме, их вдруг на шоссе остановили сотрудники ГАИ, предъявившие им обвинения в нетрезвом состоянии и отобравшие водительские права. Далее события разворачивались так: Федя, придя в разъяренное состояние, стал угрожать сотрудникам ГАИ, аргументы при этом были следующие — он воспитанник детдома, участник Великой Отечественной войны и что он сотрет их всех в порошок. Посмотрев на Федю, Вадим стал действовать самостоятельно — он подошел к гаишникам, открутил крышку бачка с бензином у патрульного мотоцикла и, угрожая взорвать его, стал требовать вернуть права.

В общем, скандал был неимоверный. В итоге мы остались без машины и шофера, так как Федя отправил его за ненадобностью в Ашхабад и стал ежедневно слать телеграммы начальнику ЮТАКЭ — Джан Мамеду Овезову с требованием принять нового шофера с правами, чтобы он забрал машину в ГАИ и обеспечил отъезд экспедиции.

С Джан Мамедом я познакомился еще до приезда в ЮТАКЭ в Кисловодске, где он в летние месяцы, как и многие другие туркмены, спасались в прохладе кисловодского климата. В эти месяцы и в те годы Кисловодск вообще становился наполовину азербайджанским, а наполовину туркменским, так много их отдыхало в этом городе. Туркменские женщины были обычно в своих ярко красных длинных платьях, увешанных большим количеством серебряных украшений, а туркмены—мужчины нередко надевали огромные шапки-тюльпеки. Узбеков-курортников, кстати, было тогда меньше — в Кисловодске был специальный санаторий «Узбекистан», расположенный в очень красивом месте в парке, рядом со знаменитой «Стеклянной струёй», но они, в отличие от туркменов, носили обычную европейскую одежду и лишь иногда тюбетейки.

В те годы социальная забота о трудящихся была весьма высокой. В Кисловодск — всемирно известный курорт — приезжали не только и не столько богатые люди, как сейчас, а преимущественно рабочие и колхозники. Они отдыхали здесь в санаториях, каковых здесь было множество. Ехали по путевке или «диким» способом, снимая квартиру или просто комнату у местных жителей, все было доступно.

Знаменитый кисловодский парк по вечерам был переполнен отдыхающими со всех концов Советского Союза, а в ресторанах, особенно в известной всем «Чайке», расположенных в центре города на берегу реки Ольховке, невозможно

было достать столик. Особенно много гуляли в них шахтеры, для которых в Кисловодске был построен специальный санаторий «Шахтер».

Теперь, я думаю, в связи с изменением строя их здесь значительно меньше, если им вообще доступен отдых в Кисловодске.

Но вернемся к Старому Мерву. Начальник ЮТАКЭ Джан Мамед Овезов был добрейшей души человеком, замечательным знатоком этнографии туркменских племен, ведавший всеми финансовыми и административными делами ЮТАКЭ. Машину с новым шофером он, конечно же, прислал, но это было позднее, через неделю.

Десятого ноября я с Федей проводил в Ташкент З.И. Усманову и П. Гаврюшенко и остался один в огромном, почти полностью разобранном экспедиционном лагере. Федя напрочь поселился в Байрам-Али, то ли у своих персидских друзей, то ли у одной из своих многочисленных женщин, до которых он был весьма охоч.

Он приезжал в лагерь на какое-то время, привозил мне продукты и забирал экспедиционный инвентарь и археологические находки, которые мы затем отправляли контейнером по железной дороге в Ашхабад.

После 15-го ноября погода ухудшилась, усилился ветер, а по ночам стало совсем холодно. Лагерь стоял без окон и дверей, потеряв свой цивилизованный облик, не в состоянии защищать от ветра, который сильно завывал в углах конюшни. Я перебрался спать в кухню, где еще не была разобрана печь с большой чугунной плитой. До вечера я её топил собранным саксаулом, а затем укладывался спать на еще не остывшую плиту, засыпая под жуткий вой ветра и несмолкаемый визгливый лай шакалов, которых в те годы развелось в Старом Мерве неимоверное количество.

Целыми днями я оставался в лагере совсем один, но иногда по вечерам ко мне заходил белудж — Али Мардон из расположенного за стеной лагеря маленького белуджского кишлака. Он забирал меня к себе домой, и там возле очага, попивая чай, я слушал его рассказы о героических деяниях белуджей, предания их старины. От него я впервые услышал о брагуях — единственном дравидском племени, проживающем далеко на север от основного проживания дравидов — древнейшего населения Индии — в Афганистане. Брагуи живут в основном в провинции Кандагар, а также Гильменд, Фарах и Забаль, но кочуют вплоть до Серахса на севере, а в конце XIX века они появляются и на территории современного Туркменистана. Не исключено, что брагуи — остатки древнейшего доиндо-арийского населения этих областей, оставшиеся здесь после гибели великой дравидской цивилизации Хараппы, тем более что два десятилетия назад, в конце XX века на левом берегу Окса французскими археологами раскопано поселение III–II тыс. до н.э. Шор-тугай, которое, как они считают, являлось хараппским (дравидским) форпостом этой цивилизации, построенным на пути, ведущем к лазуритовым месторождениям в Бадахшане.

Мать Али Мардона происходила из брагуйского племени захри-менгал. Она своим таинственным обликом напоминала мне древних жриц, тем более, что у белуджей она выполняла роль знахарки и, вероятно, исполняла какие-то древние, далекие от ислама обычаи. Хорошо помню, что когда мы с покойным ныне археологом Эмилем Масимовым, а тогда студентом II курса, пришли по

какой-то надобности в их дом, то она появилась буквально из-под плоской крыши с горевшей связкой прутьев (барсом?). Позже я узнал, что в комнате, где эта женщина исполняла свои обряды, не было ни окон ни дверей, а вход и выход осуществлялся по прикладной лестнице через отверстие в крыше комнаты. Сам Али Мардон говорил мне, что в ней он никогда не был и не знает, что там находится, так как мать никогда и никого туда не пускает. От него я узнал и запомнил первые слова на языке этого во многом еще загадочного племени.

Наконец-то 16 ноября приехал шофер, курд по национальности — Курбан, а на следующий день вечером Федя уехал красноводским поездом в Ашхабад.

Мы вдвоем погрузили вещи в машину, собираясь как можно быстрее уехать в Ашхабад, но внезапно машина стала барахлить, она никак не заводилась, и все утро мы потратили на то, чтобы загнать её на небольшой пригорок в конце двора с тем, чтобы машина завелась как бы на ходу. Но после долгих мучений наш грузовик, пыхнув два-три раза, останавливался. Все начиналось сначала. Я ругался, обзывал Курбана неудачливым шофером, которому надо вернуться в курдские горы и там ездить на ишаке. Он виновато отмалчивался. Наконец после долгих мытарств машина заводилась, и мы ехали в Байрам-Али, на железнодорожную станцию, сдавать последний контейнер. Возвращались мы под вечер в совсем пустой и холодный лагерь.

Погода еще более ухудшилась, стал накрапывать дождь и даже появились первые снежинки. Ночью я спал на печке, а Курбан в машине, так как последние кровати и раскладушки мы уже отправили в Ашхабад.

Наконец 21-го ноября мы двинулись в долгий путь. Погода к этому дню стала совсем плохой, буря, сильный холодный ветер, с неба срывались снежинки. Лагерь совсем опустел, он выглядел каким-то мрачным и угрюмым в сером сумраке дня. Первая моя среднеазиатская экспедиция завершалась, впереди трудная дорога в Ашхабад, а там аэропорт и Кавказ. Мы обогнули Гяур-калу и выехали на шоссе, в магазине на окраине Байрам-Али я взял две бутылки водки и, как оказалось, не напрасно. Покинув Мары, мы выехали на дорогу, шедшую через Хауз-хан в Теджен, которая тогда была очень плохой.

К этому времени пошел очень густой снег, который, вкупе с ветром и песком, делал видимость почти нулевой. Курбан ехал по этой дороге в первый раз, водитель был неопытный и не мудрено, что в конце концов мы потеряли дорогу. Машина прочно завязла в пески и, несмотря на наши попытки и испытанный метод подкладки досок под передние колеса, так и не сдвинулась с места. Вокруг стояла сплошная стена из песка и снега, видимости не было никакой. В ответ на причитания шофера я сказал: «Ты старше меня намного, а ведешь себя как мальчишка, давай выпьем водки и уляжемся спать — я в кузове, ты в кабине». Так мы и сделали.

Как это нередко бывает в Средней Азии погода на следующий день совершенно изменилась. Проснувшись, мы увидели голубое небо и ослепительное солнце, а вокруг заснеженные барханы. Я отправился на разведку и вскоре обнаружил такыр со следами шин. Кое-как вытолкнув машину, мы затем по такыру, перешедшему в грунтовую дорогу, добрались до коша пастухов, где выяснили, что мы свернули не на юго-запад, а на юг и потеряли дорогу. Выбравшись на неё, мы уже без приключений добрались до Теджена, а затем по

хорошему шоссе до Ашхабада.

Несколько дней до отлета в Минводы я жил у Феди, по вечерам мы ходили в кафе, к его персидским друзьям и играли в нарды.

27 ноября я прилетел в Минводы. На этом завершилась моя первая археологическая экспедиция в Среднюю Азию.

ANCIENT MERV

E.V. Rtveladze

The author reminisces about joint archeological expedition at ancient Merv settlement in south Turkmenistan in the fall of 1961 giving sketches of archeologists' daily routine and their research. He presents a vivid portrayal of his friends and colleagues. He thinks he had the rare honor of working together with them under the direction of M.Ye. Masson.

© 2010

A. Invernizzi

A GODDESS ON THE LION FROM SUSA

The French excavations in Susa brought to light, among other sculptures, the fragmentary representation in relief of a female figure, obviously divine, riding side-saddle in a frontal attitude a lion passant (fig. 1). The subject is new in the religious *imagerie* of the city. It is also uncommon that it was carved as the decoration of the inner side of a white marble bowl, on its centre. The fragment is 7,4 cm high and 9 cm large, and is registered in the Musйe du Louvre with the number Sb.3784.[1]

The vessel has a thin low disc-shaped base; its walls were almost vertical, judging from what remains of their inner surface next the head of the lion, though the presence of a figured central medallion inside suggests that the bowl was not much deep. The fragment has a roughly oval contour but, when entire, the vessel can well have had a common circular shape. The presence of a figured medallion in relief on the inner centre of a bowl or dish is a peculiarity very common in ancient metalwork, both classical and oriental; less frequent, though not unknown, is the use of a stone material. However, this could have been thought of a value no less than silver, in a milieu such as that of Susa, deprived of good material for sculpture.

The object must have filled a special ritual function in some religious practice of the city, but nothing precise can be said about it, in the absence of evidence on the context of use of the bowl. The subject and the iconography of the relief, by contrast, appear very interesting, and suggest a number of references to various cultural milieus.

The lion is in right profile. Its hind-part has a relatively more pronounced relief thanks to the contour groove that isolates it from the figure of the goddess, while between the latter and the forepart of the animal a deep profile line separates only the

head of the lion from the torso of the goddess, and the left leg of the latter from the right leg of the lion. By contrast, there is almost continuity of thickness between the knee of the goddess and the shoulder of the lion.

The feline is passant, its left foreleg is not bent but straight, and it is placed higher up probably not because it is intended to be raised from the ground but simply because it follows the curve of the bowl's wall. The problem of adapting the figures in a circular medallion inside a vessel found similar solutions since the time of Greek archaism, as Attic vase painting widely shows. Both hind-legs of the animal rest on a horizontal plane, though no line of ground seems to be clearly indicated.

The forelegs have strong and large claws; a slight groove runs straight along their back profile. The shoulder is less prominent than the thigh, which is particularly large. The tail is thick and falls along the wall of the bowl, then perhaps twisting around the right leg, so as to turn its tip upwards. This is what seems to be suggested by a shape in relief lined by grooves on the right hind-leg, which is missing on the forelegs. The left hind-leg has claws less prominent than those of the forelegs (the surface of the right hind-leg is fragmentary), and is partly covered by the edge of the skirt of the goddess.

The lion turns its head backward, showing its full left profile. The twist movement is skilfully executed with plastic means; the ruff is smooth, differently from the mane, but delicately modelled dosing the relief on both sides of a roughly vertical curving line that divides it in two different surfaces, so as to describe the two sides of the coat. The mane is a series of radiating plastic tufts placed in a single row in the lower part, in at least two series upwards. The pointed, almost vertical ear stands out from the crown of tufts.

The muzzle of the lion, large and strong, is carved in a naturalistic way; the open mouth discovers the upper canine tooth in full view; the eye, small and round, clearly protrudes from the eye-socket, which is slightly marked by corner incisions. The forehead is worn-out. The front profile of the muzzle is stressed by the wide and deep groove that divides it from the goddess figure. The overall effect of the animal is based on a fresh naturalism, thanks to the careful nuances of the modelling, and in spite of the linear description prevailing in several details of the legs. The treatment of the mane, in particular, seems to produce the effect of a single soft mass, although the lower rows of the tongue-tufts are individually designed.

The dimensional relationship between the two figures of the subject is rather out of proportion, for the lion is very large in respect to the goddess, a feature that immediately reminds the Cybele metal plaque from Ai Khanum (fig. 8). Stylistically, the goddess image, smaller and distinctly frontal, makes a strong contrast with the animal, which maintains substantially the hallmark of the original Hellenistic model. She wears a long tunic that leaves only the tip of the feet free, and a mantle that covers the thighs, torso and head (the latter is missing), and wraps up the bent right arm. The right hand lies however uncovered and rests open in full evidence on the left side of the breast.

The modelling of the drapery is rather simple and schematic. The tunic covers the legs down to the lower horizontal edge, which acquires relief from an oblique undercutting. A few vertical folds fan slightly while falling down, and form small side-swellings. The legs are also shown below the garment as two perfectly vertical shapes. The slight raising of the tunic edge above the feet (these are deprived of any relief) is a consequence of the fan-like design of the central bundle of folds and side-swellings more than of a real description.

1 – Paris, Musée du Louvre: goddes on a lion from Susa, marble; 2 – Kabul, National Museum: a sacrifice to Cybele, silver plaque; 3 – Baghdad, Iraq Museum: Nemesis-Allat riding a dromedary, frieze from the Allat Temple in Hatra; 4 – Paris, Musйe du Louvre: tongue relief from Susa, terracotta; 5 – Paris, Musйe du Louvre: female rider from Susa, terracotta; 6 – Female rider from Susa, terracotta; 7 – Nana on the lion, Kushan coin; 8 – Penjikent, Building XXV.12: Nana on the lion, wall painting

The tunic covers the torso, but its surfaces are uniformly and slightly convex and do not describe any precise kind of drapery. However, a breast-plate or large necklace possibly completed the dress, for a small fan-like pattern can perhaps be singled out on the breasts.

The edge of the mantle along the right arm is doubled, and a short cut stresses the relief and the pointed shape of the elbow. The edge at the right wrist is flat and becomes thicker downwards, while it widens towards the left shoulder. This is a drapery model of Greek origin and very common in the Hellenized Orient, as plentiful terracotta figurines of the Seleucid and Parthian periods show.

The treatment of the material on the thighs is more original. There is no recourse to perspective in describing the seated posture of the goddess: the foreshortenings that in a relief of limited thickness like this would have made easy to describe the natural inclination in depth of the thighs are avoided. However, the sculptor could not refrain from showing the full shape of the thighs. So, he carved them as seen from above, on an almost vertical line that only suggests and does not represent their actual arrangement in depth. Therefore, the general resulting effect is that of a strong frontal flattening of the figure. We find the same taste also in sculptures of larger size, as for example the Azzanathkona stela from Dura Europos .[2]

The ornamental design of the folds in the form of small hanging arches (with their points downwards) set in parallel rows on the thighs helps suggesting the volume and obliquity of the latter, although only on a descriptive level. The groove at the waist, which is equally shaped as a hanging arch, also falls within the decorative structure of this drapery model. This reflects a taste rather widespread in the sculpture of the Parthian world, though in our case it still succeeds suggesting the bent position of the legs, although always on a purely ideal level.

In conclusion, the naturalistic approach of the modelling and the search for vivacity of expression remain evident in the representation of the lion. Naturalism on the other hand is often common to Greek and Oriental animal representations, although we probably cannot count on a precise continuity of the Ancient-Oriental taste, for the attitude of our lion is clearly depending on Greek models. By contrast, the goddess figure reveals the expression of hieratic sentiments and is closer to the divine representations widespread in the late Parthian age. The mixture of different iconographic elements and the general style of the execution suggest a date in the late 1st c. AD or the beginning of the 2nd c. AD for the carving of the marble bowl from Susa.

Who is the divinity the Parthian sculptor from Susa represented under the aspect of a goddess riding a lion? The image of the goddess herself does not offer any hint at her identification, for she does not wear any specific attribute on her, and her entirely generic dress and iconography are characteristic of the time. In particular, the right arm bent on the breast and wrapped in the mantle is a very frequent pattern that appertains to mortals, demigods and divine characters. The rich repertoire of the terracotta figurines in the most important cities of the Parthian domain offers countless examples of it in the variants standing/seated, veiled/bare head. This is so at Seleucia on the Tigris,[3] Babylon,[4] and Susa herself.[5] The aspect of the goddess of the marble bowl falls entirely within the range of the seated variants that are continuously reproduced down to late-Parthian times, attaining extreme results of frontalization and simplification.[6]

Our goddess finds a good parallel in Mesopotamia in the frontal figure of Nemesis-Allat mounting a dromedary (Fig. 2) in the relief from her temple that represents her triumphal entry into Hatra.[7] This Arab goddess is also represented in other ways in Mesopotamia: in Hatra she more often assumes the aspect of Athena, standing between two acolytes over the lion,[8] or seated in arms on the lion.[9] In Palmyra she is portrayed seated on the throne in tunic and mantle with the lion next to her.[10] That Susa did attach a particular importance to her own religious traditions, does not rule out the worship of other Oriental gods in the city, and a possible name for the goddess of the bowl could be that of Allat. However, not only she rides a mount different from that of the Allat frieze in Hatra, which points to the original homeland of the goddess; the gesture of her left arm and the resulting significance of the general pose were probably quite different.

The gesture of the Susa goddess can hardly be better defined, however: she is apparently deprived of her left arm, so the reconstruction of its intended pose is not assured, though this was certainly different from that of the goddess in the Hatra temple. We would actually expect a left arm extended outwards, leaning onto the head of the lion or embracing its neck, but the wide groove between the torso of the goddess and the head of the animal seems to rule out such a reconstruction. What remains of the edge of the mantel on the left shoulder would perhaps leave open a unique possibility: an arm raised almost vertically to her head, which makes little sense, however. It seems therefore likely that, though the sculptor did not take much care of a complete description and failed to represent the left arm of the goddess, her image should be understood as a typical draped figure of Hellenized Asia, the right arm in the posture that is on sight, the hand disproportionately large so as to attract the attention, the left arm covered by the mantle and extended along the side, in spite of the fact that the latter was not described, for there are no hints at all at its volume and shape and no details suggesting its existence are visible.

A Seleuco-Parthian terracotta tongue-relief from Susa (Fig. 3) could somehow help explaining the apparent absence of the left arm of the figure of the medallion. It represents a canonical draped figure, standing, the right arm folded at the breast, the left extended along the side.[11] The mantle that covers the left arm forms a few shallow folds, but the arm is modelled in particularly low relief on the background of the relief, so that it is not much evident. In the case of the stone bowl, the prominence of the bulky lion could have hampered a though minimal description of the left arm of the goddess, and this can have been the reason of its possible "integration" into the torso of the figure.

The repertoire of the Seleuco-Parthian terracotta figurines from Susa includes another iconographic model of horsewoman that approaches in some way that of the goddess on the lion of the bowl: a female figure riding a horse side-saddle,[12] in precisely the manner the goddess sits on the lion also from the stylistic point of view. This iconography is documented by more than one specimen (Figs. 4-5); which rules out an interpretation of it as the result of an occasional act of invention, though the female figure has certainly not been created expressly as a horsewoman, for she follows the common iconographic pattern of the period, seated, the right arm folded on the breast (assured only for n. 313), the left extended along the side, which is very probably the same attitude as that of the goddess on the lion. The two figurines from Susa are the

result of the same operation as that carried out by the sculptor of the marble medallion: the assembly of a common, independent iconographic type onto a mount; the terracotta figurine being modelled from a single stamp and applied roughly to a hand-modelled animal, the goddess having obviously been carved together with her lion.

The horsewoman is unfortunately fragmentary in both terracotta figurines, and her incomplete state of preservation leaves her subject uncertain. In particular, the question remains open whether she, too, has the status of a goddess or demigoddess. It is in any case likely that the figurine should be related in some way to a religious context, similar to that of the sacred processions attested to by the terracotta figurine from Syria representing a dromedary that bears a baldachin with two musicians.[13] This Syrian figurine can probably be referred to a procession such as that carved on the lintel from the temple of Bel at Palmyra, which makes room for a closed canopy mounted on the back of a dromedary.[14]

It must also be stressed that the identification of the mount of the terracotta figurines as a horse is not unquestionably clear. The hind-legs are modelled in the way normal for Seleuco-Parthian hand-made horses, which is an entirely generic stylistic and iconographic feature, however. By contrast, the neck shows a slightly arched profile that differs from the straight or a little bit concave one that is common in the hand-modelled horses at Susa, and rather reminds the neck profile of a dromedary. The muzzle, too, where preserved, is anomalous for a horse, and differs considerably in form from the elongated one characteristic of the remaining horses from Susa, which have a long muzzle, prominent or adherent to the neck in the style of the Achemenid tradition. The muzzle here is rather small and pointed, instead. However, these are features not even suitable for a dromedary. So, their extreme simplification and schematism leave at the end uncertain the true identity of the animal, which is particularly regrettable for, if the figurine intended to portray a lady riding a dromedary, it could have something to do with the iconography of the frieze of the Allat temple in Hatra, and its processional subject, though the lady of the terracotta figurine can hardly be thought to represent a goddess.

Only the lion, therefore, can help explaining the identity of the goddess of the marble bowl. In the Ancient Orient the lion is *par excellence* the animal of Ishtar. In the 1st millennium BC this goddess seems to mingle main features of her personality with those of other deities, such as Allat in the western Semitic regions, and especially Nana, the name and cult of whom seem to overshadow the colleague at such a point, that Nana, having practically superseded Ishtar as the main goddess of the pantheon in Mesopotamia, comes to be worshipped on a very wide territory, from the Mediterranean to Central Asia and India.[15] It is precisely as images of Nana that the figures of a goddess on the lion have been interpreted for quite a long time in the eastern regions, the static ones of the goddess seated on the crouching lion (Fig. 6), and those that show her riding the lion passant. Among the latter, the wall painting in Building XXV.12 of Penjikent is particularly worthy of mention,[16] for the close affinity of the subject — the goddess seated side-saddle on the lion -, in spite of the great differences in style, specific iconography (the Sogdian goddess has received four arms, her lion looks straight in front), date and cultural milieu (Fig. 7). On the other side, the name of Nana enjoyed an enormous diffusion, and her images seem to adapt from time to time to the local culture of the different background, not only from the

iconographic but the religious point of view. The Susa medallion is obviously likely to show an image of Nana – better than Allat — in a perfectly local Elymaean version, built with the features proper to the iconography that was in fashion in the city during the Parthian period.

The iconographic variant of Susa fits without any difficulty the complex repertoire of Nana so as it has been singled out in the countries between the Mediterranean, Central Asia and India. That the peculiarities of the aspect of the Susa goddess differ from the goddess of the Sogdian painting can hardly surprise. It could perhaps be more astonishing to find an image of Nana on the lion, if this is Nana, in the general iconographic and religious context of Susa, where a number of occurrences show that Nana has Artemis as her Greek counterpart. It is to Nana that the city coins with the motifs of Artemis the archer and a rayed head refer, following common agreement among the scholars.[17] It must nevertheless be observed that these coin motifs show themselves a plurality of iconographic orientation: patently toward Greek culture in the first instance, toward Graeco-Oriental or better Oriental *tout court* in the second case, for specifically Hellenistic stylistic features cannot be observed in the rayed heads. The goddess on the lion of the marble bowl, therefore, would open a third chapter in the iconographic rendering of Nana in Susa and the Elymaean region.

If we consider that the lion much more than the goddess is reminiscent of Greek models, of which it maintains the basic features of vivid image, we are urged to suppose that the lion suggests, of course to Greek minds, still another divine connection. In the Greek pantheon, the lion is *par excellence* the animal of Cybele, another Great Goddess. The diffusion of the cult of Cybele into the Hellenized Orient is a subject that still awaits research. However, the silver plaque from Ai Khanum (fig. 8) shows that Cybele was far from being unknown in Greek Bactria, where the precious object portrays her while taking part in a cult of which the iconographic context is widely open to Oriental contributions. These are very clearly seen in the parasol held by the attendant and the cosmic setting represented by the astral symbols that crown the scene. A curious coincidence is the dimensional relationship between the lion and the divine character, which is similar in both documents. The subject of the Ai Khanum plaque, too, has been interpreted with good reasons as the sacrifice offered to Cybele-Nana.[18] The astral symbol in the shape of a rayed bust that is part of the cosmic setting is of course entirely generic in its shape and style, but can be compared closely to the rayed heads of the coins of Susa referred to Nana.

In conclusion, the Susa relief acquires a particular importance for on the one hand it seems to confirm that Cybele, too, entered the complex iconographic and possibly also religious synchretism that defines the new Nana worshipped in Hellenized Asia; on the other hand this synchretism confirms the existence of very close ties between the western regions of the Parthian empire and the Central-Asian and Indian regions, where the popularity of the goddess on the lion seems to have been particularly long-lived.

NOTES

1. *Amiet P.* La sculpture susienne a l'époque de l'empire parthe // Iranica Antiqua. XXXVI. 2001. P. 290, III.37; *Invernizzi A.* Nisa Partica. Le sculture ellenistiche // Monografie di Mesopotamia. XI. Firenze, 2009. Fig. 2.26.

2. *Downey S.B.* The Stone and Plaster Sculpture (The Excavations at Dura-Europos. Final Report III.I.2). Los Angeles, 1977. P. 11-14, 251-252, n. 3, pl. II.
3. *Van Ingen W.* Figurines from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor. 1939. P. 91-100, n. 174-208, pls. XII-XV; *Invernizzi A.* Figure panneggiate dalla Mesopotamia ellenizzata // *Mesopotamia*. 1973/74. VIII-IX. P. 181-228. Fig. 87-92.
4. *Klengel-Brandt E., Cholidis* Die Terrakotten von Babylon im Vorderasiatischen Museum in Berlin. Teil 1, Die anthropomorphen Figuren (WVDOG, 115). Saarwellingen, 2006. Pl. 54-55.
5. *Martinez-Seve L.* A. Les figurines de Suse. De l'époque néo-élamite à l'époque sassanide. Tomes 1 et 2, (Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales). Réunion des Musées Nationaux. Paris, 2002. T. I. P. 278-279, n. 329-332.
6. *Sulla via di Alessandro*. Da Seleucia al Gandhara, catalogo della mostra. Torino—Palazzo Madama—Milano, 2007. P.197-198, n. 124, from Uruk.
7. *Invernizzi A.* The investiture of Nemesis-Allat in Hatra // Mesopotamia. 1989. XXIV. P. 129-176. Fig. 63, 66.
8. *Safar F., Muhammad Ali Mustafa*. Hatra. The City of the Sun God. Baghdad, 1974. P. 232-233, n. 224.
9. Ibid. P. 304, n. 204.
10. *Colledge M.A.R.* The Art of Palmyra. London, 1976. Pl. 49.
11. *Martinez-Seve*. Les figurines de Suse. P. 282-284, n. 336.
12. Ibid. P. 268-269, n. 313-314.
13. *Bossert H.Th.* Altsyrien. Tübingen, 1951. P. 200, n. 662.
14. *Colledge*. The Art of Palmyra. Pl. 20.
15. *Ambros Cl.* Nanaja — eine ikonographische Studie zur Darstellung einer altorientalischen Göttin in hellenistisch-parthischer Zeit // Zeitschrift für Assyriologie. 2003. 93. P. 231-272; *Ghose M.* Nana: The 'Original' Goddess on the Lion"// Journal of Inner Asian Art and Archaeology. 2006. I. P. 97-112; LIMC Suppl. 2009 (Invernizzi). Nanai in Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Supplementum. Düsseldorf, 2009. P. 374-378; *Invernizzi A.* Nisa Partica. Le sculture ellenistiche // Monografie di Mesopotamia. XI. Firenze, 2009.
16. *Grenet F., Marshak B.* Le mythe de Nana dans l'art de la Sogdiane // *Arts Asiatiques*. 1998. 53. P. 14-15, fig. 12; *Invernizzi*. Nisa Partica. Le sculture ellenistiche. P. 377, add. 25.
17. *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville //Mémoires de la mission archéologique en Iran. XXXVIII. Paris, 1965. P. 295-296; *Ambros*. Nanaja — eine ikonographische Studie... P. 250-251
18. *Ghose M.* Nana: The 'Original' Goddess on the Lion"// Journal of Inner Asian Art and Archaeology. 2006. I. P. 98, fig. 1; LIM*C* Suppl. 2009 (Invernizzi). Nanai in Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. P. 375-376, add. 15; *Invernizzi*. Nisa Partica. Le sculture ellenistiche. Fig 2.25.

A GODDESS ON THE LION FROM SUSA

A. Invernizzi

The old French Excavations in Susa brought to light the fragment of a marble bowl of the Parthian period decorated with a central medallion in relief. The picture shows a goddess dressed in tunic and mantle and seated on a lion passant.

While the style of execution of the lion maintains a fresh naturalism of Hellenistic origin, the goddess is frontal and rather flattened, which points to a date in the late Parthian period.

The image may perhaps be interpreted as a variant of that of Nana/Nanaia, who was a major deity in the city of Susa and was often represented on a lion in the eastern regions of the Hellenized Orient down to pre-Islamic times.

© 2010

C. Lippolis

NOTES ON PARTHIAN NISA ON THE LIGHT OF NEW RESEARCH

The publication of this volume of studies in honour of professor Gennadij Andreevič Koševenko is a particularly welcome opportunity to remind my first encounter with him in 1993, during my first fieldwork experience in Old Nisa. The Italian team of the Turin Centre for Archaeological Research and Excavations was opening trenches on the northern and western sides of the Round Hall, while that of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Moscow, the State University of Moscow and the State University of Ashgabat was investigating the southern and eastern sides of this same building under the supervision of professor Koševenko[1] (Fig. 1).

Professor Коњеlenko's scientific work, rich of ingenious insights as it is, is crucial for any research on the history and culture of Hellenized Asia, and specifically on Parthia. It is also a great pleasure to celebrate his achievements with the following information on the new Italian excavations in the south-western sector of Old Nisa, though they are preliminary for the excavations are still in progress.

In 2007, after the completion of fieldwork in the monumental central complex, the Italian-Turkmen Expedition in Old Nisa[2] selected the south-western section of the site as a new area for archaeological investigation. Here, the surface inspection of the ground suggested the likely presence of structures on a large area of about 500 square m, only superficially touched by old trenches and partially covered – in its northern part – by the earth dug up from older excavations[3]. Though fieldwork is still in progress, after three campaigns a schematic plan of the relevant structures, which cover an area of approximately 55x60 m, can be traced (Fig. 2). It is however likely that this building complex – of the Parthian period – extended originally eastward, in the area where today the terrain slopes down and the natural erosion was more intense.

Under the surface layers dating to the Middle Ages, the excavations brought to light a large square Parthian complex of about 50 m on each side, the precise external limits of which were not defined. The general layout of the structures inside the excavated area was cleared farther during the 2008 and 2009 seasons (Fig. 3), and a general plan of the complex can now be traced, although the western and northern limits of the building need further investigation, and the southern and eastern ones were excavated only partially. One or two rows of rooms of different size were placed around a large and probably uncovered area, which was disturbed by late cuts, re-occupation layers

Fig. 1. Old Nisa, at the beginning of excavations of the northern corner of the Round Hall in 1993; italian and russian expedition teams (professor Košelenko is on the second row in the middle)

and modern trenches. To the south and west these structures reach to the city walls, from which they were probably separated only by means of narrow passageways. The precise relationship between the building and the ramparts is still to be cleared and this will be the object of the next season. The northern fазade of the building runs probably at a distance of about 25-30 m from the southern side of the Round Hall, while the limit reached by the excavations on the east cannot correspond with its original external boundaries[4].

The construction is in square mud bricks, in the format typical for Parthian Nisa (40-42 cm in length, 10-12 cm in thickness, though with some variations)[5]. Two main types of bricks can be easily distinguished because of their different paste, which is likely to correspond to different building or occupational phases. The first type of brick is made of fine clay of bright colour mixed with straw, has a good quality and is similar to the bricks of the central monumental complex. The second type is made of red-brownish clay mixed with gravel (while the mortar has usually a greenish colour) and it is of lesser quality. The analysis of the texture of the walls and of the several repairs that occur in the masonry will help in establishing a general relative chronology within the building. This seems to have been in use for a long time, and can offer significant evidence for the latest Parthian occupational layers in Old Nisa. In general, the mud bricks used in the building are of lesser quality than those in the central monumental complex; moreover, only a few fragments of terracotta architectural decorative elements were found (whereas they are widely employed in the main buildings).

Fig. 2. Old Nisa, general view of the excavations in the south-western corner (season 2009; photo A. Battezzati)

A simple look at the topographical position of these structures out of centre suggests that they did not belong to the main ceremonial complex, although the distance between the two compounds is not considerable. In any case, the importance of the South-Western Building is made clear by its size and the width of its main walls (up to 2,50 m). Its general layout with rooms around a central open courtyard and its monumental size recalls, in some way, the Square House in the northern sector of the site, although the latter is much more regular and rich in architectural details because of its official purpose.

Instead, the destination of the South-Western Building was not official, nor ceremonial, but was mainly functional, at least in the latest Parthian levels. The devices brought to the light inside the rooms (fireplaces, grindstones, benches, *khums* etc...) mirror the everyday life and the "common" production activities of the inhabitants of this quarter of Mithradatkert. Who lived here is still difficult to say: probably not common people, if we think of Old Nisa as a royal centre or a ceremonial place and mausoleum[6]. No significant traces of a strong military presence have been discovered in these premises, so far, though they are so close to the fortification walls. Moreover, the different wings of the building could have had different destinations, as for example testified by the latest levels of the southern and eastern sides. Most rooms were almost completely empty of material and devices, but a number of interesting artefacts were found in some of them.

The south side of the building is the better preserved thanks to the collapse of the city-walls, which did likely occur some time after the abandonment of the site. In rooms 12 and 15 the debris protected some of the *khums* that originally were placed there, sunk partially into the virgin soil (Fig. 4). Clay sealings or *bullae*[7] and fragments of clay with straw that originally sealed the *khums* and the doors were found in this wing of the building, in particular in rooms 12 and 15. Dozens of clay fragments, sometimes bearing more than one seal impression (the total number of seal impressions is around 180), were found on the two superimposed floors of the Parthian period or inside the *khums* stored there. Sometimes these sealings were found in correspondence of the doorways. Some *bullae* show the impression of strings and hollows, while imprints of reeds or fibres of wood are still visible in other cases. It is

Fig. 3. Schematic plan of the excavated building in the south-western corner of Old Nisa

Fig. 4. Old Nisa, south-western corner: room 15 from south-east

also clear that the *bullae* were used to seal laces of sacks, necks of *khums*, doors and/or wooden boxes.

The practice of sealing doors is well known in the Square House[8] and in general is obvious for the most important rooms of a storehouse or treasury. That room 15 did also contain precious objects is suggested by the finding of a little ivory lid, finely decorated with acanthus and ivy leaves (Fig. 5).

The clay used for sealing is in general very similar to that of the bricks, but usually of poorer quality with straw and gypsum inclusions. It seems also of lower quality in respect to the finer and denser clay of the sealings found in the Square House. We can assume that containers sealed with these *bullae* were not transported over a long distance or were not transported at all.

Unfortunately, only a small number of seal impressions is still legible, and the seal motif, whenever recognizable, is rarely complete and clear. The seal impressions are of various shapes and sizes: square, oval or circular, usually with a diameter of no less than 0,9 cm and no more than 3,4 cm. The number of recognizable impressions discovered during the last season was made from seals; in no case the impression of Parthian coins has been ascertained[9].

Animals (horses, goats and fantastic creatures), plants (?), geometric and perhaps tribal patterns (*tamga*), and anthropomorphic representations (Fig. 6) can be

Fig. 5. Ivory lid from room 15 (scale 1:2)

recognized among the motifs occurring on the sealings. On the whole, the motifs on the sealings from the South-Western Building are different from those from the Square House in Nisa[10], and in general simpler. So far, no inscription of the type attested in some sealings of the Square House has been found.

However, two black terracotta sticks have been discovered recently on the floor of room 15. Although their end is unfortunately broken in both cases, their size and form suggest that they were used to produce the hollows impressed on some of the clay *bullae* (as showed in Fig. 7). The detailed study and iconographic analysis of the sealings is still to be done, however[11], and we cannot rule out that the western side of the building, which is very close to the city walls and is still to be excavated, could also contain rooms and devices for storage.

The presence of *khums* and *bullae* allows us to state that the southern side of the building, though devoted mainly to storage of food, was also containing objects. The seals, according to their different motifs, belonged to the officials responsible for the storage and dispatching of the commodities destined to the ceremonies and rituals performed in Old Nisa, or perhaps to the military garrison, guards or employees of Mithradatkert.

Other finds from the recent excavations in the south-western corner of the citadel are worthy of mention. The excavations in the eastern side of the complex have brought to the light some pieces of a fine mortar, made of a mixture of sand and gypsum. These fragments have a roughly convex external side, while the inner one is finely carved and has a smoothed surface. It was immediately evident that these fragments were moulds for sculptures in the natural size or even larger. In the 2009 campaign we made casts from some of them, mixing silicone and gypsum, which showed parts of the legs (the rear lower parts and the hoofs) of one or more horses. The modelling of the legs is finely naturalistic and of a high quality standard (Fig 8).

Fig. 6. Seal impressions from rooms 15 (scale 1:1)

So far, ten large fragmentary moulds have been discovered, some of them pairs that still fit together thanks to their keys, plus several smaller unidentified fragments. Almost all of the moulds were lying on the second (late) floor of the small room 13, where they have probably been collected and stored in antiquity. They were found covered by the bricks of the walls that collapsed later. Two of them have been brought to the light in the "courtyard" and in the area immediately to the north of room 13 (room 20) that will be investigated further in the next season. As in the case of the seals, the study of this material has not yet been carried out and hopefully the excavations will produce other fragments.

The discovery of these moulds is particularly important, for they did certainly serve for a special production in Nisa that we apparently ignored until today. Although we know that some parts of the clay statues of the monumental buildings were modelled separately (likely using gypsum/mortar moulds) and then applied to the main body, this is not the use we can suppose for these larger and heavy moulds. Except for the clay statues, in Old Nisa we have no information or evidence of sculptures in the natural or a larger scale. We should therefore think of other materials for the statues produced with these moulds, as for example gypsum, terracotta or metal, the latter being a charming hypothesis. No large fragments of bronze statues have been discovered during the previous excavations in Mithradatkert, but this is not too strange if we consider that metal was often melted and re-used in antiquity. In the present stage of the research, the question of the utilization of this moulds remains problematic and only a close investigation of all excavated fragments will allow defining a plausible interpretation.

Fig. 7. Bullae with sealings and seal-stick

Fig. 8. Gypsum moulds/cast from room 13 (to the right the imprint made with silicone and gypsum)

In any case, we can imagine the existence in Old Nisa of an equestrian statue (representing a king, a hero, or a group of horsemen?), in the natural size or little larger, and the modelling of the animal suggests that it was probably of Greek iconography. This is another clue that craftsmen or workshops well acquainted with the Hellenistic repertoire were working on the spot.

In conclusion, the new excavations in Old Nisa are giving us new significant information. The precise destination of the south-western sector is still to be understood better; also the limits of these structures have to be defined in detail. However, it is likely that all these structures belonged to a large functional complex, no less than 45-50 m on each side, and that they included storerooms but also other functional premises with cooking-places[12], restrooms and perhaps workshops - though no furnaces have been discovered, so far. This building or block has been used for a long time and at least two floors, both of them of the Parthian period, are attested in almost all rooms. Only a few rooms were sealed by the collapse of the walls; elsewhere (especially to the north) the walls remained exposed for a long time and were partly re-used or cut in the Middle Ages.

Although Old Nisa has been by this time extensively excavated, it still continues to offer new hints and suggestions that could allow to a better understanding of its nature and history.

NOTES

1. *Bader A., Gaibov V., Gubaev A., Košelenko G., Lapšin A., Novikov S.* Ricerche nel complesso del Tempio Rotondo a Nisa Vecchia // Parthica. 4. 2002.
2. In 1990 the Turin Centre for Archaeological Research and Excavations started excavations here in cooperation with the Academy of Sciences of Moscow (*Invernizzi A., Košelenko G.A.* Soviet-Italian Excavations in Old Nisa (Season 1990) // Mesopotamia. XXV. 1990. P. 47-50.); in the following nineteen years the Italian Centre established a collaboration with the Ministry of Culture of Turkmenistan, the State Universities of Ashgabat and Moscow and the Turin University. The excavations, study and technical analyses on the excavated materials have been carried out with the support of the Italian Ministry of Foreign Affairs, the Italian Institute for Africa and the Orient (IsIAO, in 2000) and the Compagnia di San Paolo (in 2000-2007).
3. Both, A.A. Marušиenko and the JuTAKE Expedition are likely to have worked in this area, but no detailed plans had been provided. N.I. Krašeninnikova carried out a limited survey and opened trenches here, arguing the presence of a modest domestic building, perhaps the house of a guard-keeper charged of the surveillance of the monumental central complex after its abandonment (*Крашенинникова Н. И.* Полевой отчет о раскопках на Старой Нисе, 1967, Библиотека АН Туркменской ССР); *Там же.* Парфянская керамика Старой Нисы, Илл. 13; See also *Пилипко В.Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. Москва, 2001. С. 339.
4. The state of preservation of the structures eastwards is probably very poor, for the terrain here slopes considerably and some modern trenches are also visible. For the preliminary report of the first season (2007) see *Lippolis C., Messina V.* "Preliminary report on the 2007 Italian excavations in Parthian Nisa"// Parthica. 10. 2008. P. 53-61.; Lippolis forthcoming, "The "Dark Age" of Old Nisa. Some notes on late Parthian levels in Mithridatkert", Proceedings of the conference '*Sogdians at Home and Abroad*' dedicated

to the 75th anniversary of Boris Ilyich Marshak (1933-2006), November, 13th — 14th 2008, Saint-Petersburg.

5. *Пугаченкова Г. А.* Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ.Т I. Ашхабад, 1949.
6. According to V.N. Pilipko, Old Nisa was a royal residence in the reign of its founder Mithradates I and changed its status after the death of the great king, when the central ceremonial complex was built *Пилипко*. Старая Ниса. Основный итоги археологического изучения в советский период.; *он же*. Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе // РА. 2007. № 1. С. 150-158; *Pilipko V.N.* The Central Ensemble of the fortress Mihrdatkirt. Layout and chronology" // Parthica. 10. 2008. P. 33-51. For the sacral character of some of the main buildings at Old Nisa see also *Кошеленко Г.А.* Родина парфян. М., 1977; *Invernizzi A.* "Arsacid Palaces" // *Nielsen I.* (ed.) The Royal Palace Institution in the 1st Millennium BC. Athens, 2001. P. 295-312.
7. V. Gaibov pointed out that "bullae have only been recorded in a few Classical and Early Sasanian sites in Central Asia": Old Nisa, Kanka, Erkurgan, Ak-depe, Paikend, Dzhiga Tepe, Panjikent and Gobekly-depe (*Košelenko G.A.* "Bullae from Gobekly-Depe. General Problems and Main Subjects" // Archives et Sceaux Hellénistique, Atti del Convegno di Torino 13-16 gennaio 1993 (BCH suppl. 29). 1998. P. 365-370.). For a bibliography on the *bullae* from all these sites: see *Gaibov V.* The *Bullae* of Gobekly-depe // *Cribb J.– Herrmann G. (eds.)* After Alexander. Central Asia before Islam. London, 2007. P. 285. During the excavations at Shahr-i Qūmis in the '60s and in the '70s clay *bullae* were also found: see *Bivar A.D.H.* Seal-Impressions of Parthian Qūmis (Qūmis Commentaries No. 4) // Iran. XX. 1982. P. 161-176.
8. Dozens of sealings have been discovered in the Square House during the JuTAKE excavations in the '50s (seal impressions were found in rooms VI, XVI, XVII, XX, and in the filling between rooms XX and XXI, while sealings without seal impressions are reported from the area between room XIV and the courtyard, in room XI and in other not specified sectors of the building). On the sealing practice in Old Nisa see *Mollo P.* Le sigillature di Nisa Vecchia // Parthica. 3. 2001. P. 170-174.
9. Contrary to the gypsum balls from Old Nisa, where the impressions made by Arsacid coins are frequent (see recently: *Пилипко В.Н.* Старая Ниса. Основный итоги археологического изучения в советский период. М., 2001. С. 285-287; *Messina V.* Gli sferoidi in gesso // *Invernizzi A., Lippolis C. (eds.)* Nisa Partica. Ricerche nel complesso monumentale 1990-2006. Monografie di Mesopotamia IX, Firenze, 2008. P. 329-343). My assertion on the lack of Parthian coin imprints on the sealings is however speculative, for the investigation of the southern and western side of the building is not yet completed. Moreover, at the moment, it cannot be excluded that some of the impressions (the larger ones but also some elliptical imprints) are from Seleucid coins or bezels (*Bivar A.D.H.* Seal-Impressions of Parthian Qūmis (Qūmis Commentaries No. 4) // Iran. XX. 1982. P. 168).
10. *Масон М.Е.., Пугаченкова Г.А.* Оттиски парфянских печатей из Нисы // ВДИ. № 4. 1954.; *Nikitin A.B.* Parthian Bullae from Nisa // Silk Road Art and Archaeology. 3. 1993/1994; *Mollo P.* Le sigillature di Nisa Vecchia // Parthica. 3. 2001; *Кошеленко Г.А.* Буллы Старой Нисы и Гебеклы-депе: сопоставление // ПИФК. XV. 2005.
11. This article has been written only two months after the discovery of the *bullae* during the last season in Old Nisa (2009), and gives only a general information on these finds.
12. Upper *khum* halves have sometimes been discovered upside down on the late Parthian floors, where they have clearly been re-employed as ovens for cooking.

NOTES ON PARTHIAN NISA IN THE LIGHT OF NEW RESEARCH

C. Lippolis

Under the surface layers dating to the Middle Ages, the excavations brought to light a large square Parthian complex of about 50 m on each side, the precise external limits of which were not defined. Clay sealings or bullae and fragments of clay with straw that originally sealed the khums and the doors were found in this wing of the building, in particular in rooms 12 and 15. On the whole, the motifs on the sealings from the South-Western Building are different from those from the Square House in Nisa, and in general simpler. But for the clay statues in Old Nisa we have no information or evidence of life-size or larger sculptures. In conclusion, the new excavations in Old Nisa are giving us new significant information.

© 2009

К. Абдуллаев

ГРЕЧЕСКИЕ ТИПЫ В КЕРАМИКЕ СОГДА И БАКТРИИ

Греческая гегемония, установившаяся со времени походов Александра Великого на обширной территории, включавшей также некоторые регионы среднеазиатских республик (Согдиана, Бактриана, Парфия и др.), наложила своеобразный отпечаток на развитие народов, соприкоснувшихся с новой для них культурой. После распада державы Александра области, находившиеся под греческой властью, вошли в состав селевкидской империи. Именно с эпохи селевкидов начинается интенсивное освоение среднеазиатских колоний и знакомство греков с terra incognita (экспедиция Демодама за Яксарт). После отложения от селевкидской державы бактрийского эпарха Диодота и создания независимого греко-бактрийского царства начался бурный расцвет экономики и культуры. Власть греков в этот период распространилась на юге вплоть до Индии.

Культура греко-македонян, осевших на территории Средней Азии, проникла во все сферы жизни населения. Относительно длительный период греко-бактрийского владычества (более 100 лет) наложил глубокий отпечаток на культурное развитие, включая и художественную деятельность.

Наиболее известными образцами этой культуры являлись великолепные по художественному исполнению монеты греко-бактрийских царей. Реалистическое искусство и тонкая портретность образов возвели их в разряд высших достижений античной культуры. Образцы скульптуры, несмотря на их немногочисленность, а также мелкая терракотовая пластика говорят о том, что традиции ваяния, принесенные греками в далекую Азию, прочно укоренились здесь и успешно развивались на основе местных изобразительных традиций.

Яркий пример развития эллинистической культуры на среднеазиатской почве дают материалы городища Ай Ханум. Этот памятник, открытый французски-

ми археологами, изучался на протяжении многих лет Археологической миссией (под руководством Д. Шлюмбержье, а затем П. Бернара)[1]. Весь археологический комплекс наглядно демонстрирует все элементы и структуру греческого полиса.

Наряду с блестящими образцами пластического искусства здесь богато представлены основные формы керамики. Керамика Ай Ханум демонстрирует не только наиболее популярные формы, но и позволяет проследить их трансформацию на основе локальных традиций. В этих изделиях нашли отражение наиболее значительные изменения, которые произошли в самой этно-культурной среде, представленной преимущественно греко-македонским населением. Ситуация в отдаленных от городских центров окраинах, население которых скорее всего, было смешанным или в основе своей местным, может указывать на влияние греческой керамической культуры на провинциальные мастерские.

Таким пунктом мог быть, например, Кампыртепа, который локализуется авторами открытия этого памятника с Пандахейон — Пардагви — Бардагуй — древней переправой через реку Окс[2]. Исследование этого памятника позволило собрать богатые коллекции (монеты, терракота, керамика), свидетельствующие о сильном влиянии греческой культуры.

Другим памятником, давшим богатый материал греческого облика, является храм Окса на Тахти-Сангине. Многие находки на этом объекте демонстрируют высокий уровень развития художественной культуры. Глиняная скульптура, резная кость, монеты, статуэтки и др. предметы говорят об активной жизни прихожан храма, которые приносили эти дары божеству Окса — как об этом говорит посвятительная надпись на одном из предметов[3].

К сожалению, не вполне документированным остался материал раннего этапа изучения руин городища Старого Термеза. Часто этот сбор представлял собой собрание предметов без какой-либо пояснительной информации. Интересно в этом отношении сообщение М.Е. Массона: *«Между тем, как указал мне Б.Н. Засыпкин, среди имущества бывшего Музея Строгановского училища, переданного несколько лет назад Музею восточных культур, оказались ящики, неизвестно кем присланные из Термеза примерно в 1904 году и заключавшие в себе несколько обточенных водой и обветренных фрагментов резного алебастрового штука явно подъемного происхождения. В одном из ящиков среди прочих предметов оказался небольшой эллинистического типа чернолаковый ликинф" (так в оригинале. К.А.)*[4].

Объектом исследования настоящей статьи является керамика — одна из самых многочисленных категорий археологического комплекса. В то же время это один из надежных источников, позволяющих с относительно большой степенью точности датировать весь археологический комплекс. Характерные формы эпохи, ее эстетические особенности также отражаются в формах и манере оформления посуды, особенно парадной. Одной из важнейших задач данного исследования было не только выявление самих греческих форм, но и выделение особенностей, новых элементов и деталей, которые они приобрели, соприкасаясь с местными традициями. Следует также отметить, что культура керамического производства в эллинистическую эпоху по отношению к предыдущим периодам классики и поздней классики изменялась по-разному в разных регионах.

В Средней Азии до настоящего времени в археологических комплексах не зафиксирована керамика, которая могла бы свидетельствовать об искусстве вазописи[5]. Отсутствие даже фрагментов этой керамики, насколько это известно, говорит об исключительной редкости ввоза ее на территорию среднеазиатского региона. Что касается производства такой керамики, то говорить о нем не приходится. И тем не менее, среди археологического материала встречаются формы, которые не типичны для местной традиции и отсутствуют в предыдущих комплексах, т.е. можно говорить что они были привнесены греками.

Приведем лишь самых яркие примеры находок, которые известны в научной литературе. Многие из этих находок были обнаружены в культурных слоях археологических памятников — соответственно могут датироваться более или менее точно.

Амфора

Одной из таких находок была амфора из Кампыртепа. Она была найдена при раскопках цитадели в пом. № 25, в слоях II-I вв до н.э.[6]. Высота амфоры 31,5см, диаметр по венчику — 16 см. Изготовлена она на гончарном круге из серой глины. Поверхность сосуда покрыта ангобом черного цвета, на корпусе имеются следы вертикального лощения *(Рис. 1)*.

Тулово амфоры имеет яйцевидную форму, несколько укороченную в нижней части (приземистость). Плечики сосуда плавные, но переход к горлу подчеркнут рельефным ободком. Горло невысокое с довольно круто прогнутыми вовнутрь стенками. В верхней части стенки горла расширяются, идя на раструб, и заканчиваются венчиком простой подтреугольной профилировки. Две ручки, продолговатые в сечении в нижней части, оформлены в виде трехпалой птичьей лапки. Они крепятся на уровне слабовыраженных плечиков. В верхней части ручки прикреплены под венчик. Над ручкой сверху налеп прямоугольной формы. Амфора декорирована несколькими поясками, разделенными между собой концентрическими вдавленными линиями, между которых заключен узор. Первый декоративный пояс, который проходит на уровне крепления ручки, представляет собой зигзагообразную линию. Линия это сделана по сырой глине инструментом.

Второй декоративный пояс примерно в два раза шире первого и представляет собой сочетание двух видов оттисков. Оттиск овальной формы с заостряющимся вверху концом представляет собой пальметку или листок с центральной осевой прожилкой, от которой отходят по обе стороны более мелкие прожилки. Второй тип оттиска представляет прямоугольник с кружочками по углам и в центре.

Ниже повторяется первый декоративный пояс — зигзагообразная линия. Далее довольно широкое пространство, занимающее примерно середину тулова, не носит следов декора, за исключением вертикальных полосок лощения, расположенных плотно друг к другу. В нижней части узор передан в виде горизонтальной процарапанной линии, от которой отходят вверх и вниз косые штрихи в виде елочки. Амфора стоит на полой ножке подконической профилировки с выделенным валиком на месте перехвата (между собственно ножкой и дном амфоры).

Прямых аналогий к кампыртепинской амфоре найти на данный момент не удается. Ай Ханум дает несколько фрагментов остродонной амфоры для транспортировки[7]. Отличие кампыртепинской амфоры от позднеклассических и раннеэллинистических форм заключается в следующих деталях.

1. Горло на переходе на раструб (форма перевернутого усеченного конуса — «блюдца» у классических амфор) на кампыртепинском образце обрывается, переходя сразу на венчик.

2. Ручки амфоры крепятся под венчик, между тем как у традиционных форм ручки примыкают непосредственно к горлу сосуда.

3. Необычно декоративное оформление тулова и ручек. По всей вероятности, роспись греческих амфор заменяется примитивной гравировкой и оттисками печатей. Интересно в связи с этим отметить, что, например, оттиск пальметки в ее огрубленной передаче, напоминает столь изысканный и в то же время наиболее употребляемый мотив в греческой вазописи. Пальметта используется греческими вазописцами и как раппортный узор, следующий поясом на различных частях сосуда, и как заполнение основного фона композиции[8].

4. Ярко выраженный валик в основании на кампыртепинском экземпляре присутствует и на некоторых греческих амфорах, но выражен очень слабо.

5. Наличие на ручках прямоугольных налепов типа платформ для упора пальца — также является новой деталью.

Хотелось бы остановиться на одной особенности в манере декоративного оформления кампыртепинской амфоры — это изображение пальметки. Пальметта, как показывают оттиски на керамике того же Ай Ханума[9], аналогична конструкции на росписях античных ваз. Пальметта имеет симметрично расположенные по обе стороны удлиненные лепестки, возрастающие к центру. В нижней части пальметта имеет две закрученные спирали, расположенные также симметрично[10]. Самый ранний пример штампованной пальметки дает керамика Ай Ханума, датированная периодом 3 (290-270 гг. до н.э.)[11].

Другим интересным элементом в декоре амфоры является процарапанный узор в виде веточки ели. Этот мотив напоминает, хотя и очень отдаленно, вьющиеся ветки плюща или другого растения на вазописи, столь часто заполняющие фон композиции.

Крат ер

Другой тип греческой керамики — кратер известен по образцу, найденному на городище Афрасиаб в 1995 году на раскопе в слоях Афрасиаб III, который датируется от I в. до н.э. — II в. н.э.

Но прежде чем приступить к описанию этого кратера, напомним некоторые находки эллинистической керамики на этом городище в предыдущие годы. Этому вопросу была посвящена специальная работа Г.В. Шишкиной, рассмотревшей весь комплекс керамики эллинистического времени, среди которой было много и локальных форм[12]. Из выделенных греческих форм афрасиабской керамики можно отметить кратер *(Табл. I, 2)* на высоком поддоне — ножке с профилированным венчиком[13]; один из фрагментов кратера с двойным венчиком. На уникальность этого фрагмента Г.В. Шишкина не обратила внимания,

между тем как именно он доносит до нас образец орнамента греческой вазописи. Он нанесен по плоскости нижнего венчика в виде язычков *(Табл. I, 1)*, обращенных вниз, по верху следует ряд двойных черточек, передающих, по всей вероятности, схематично астрагалы[14]. Мотив этот довольно известен по росписям греческих ваз. Афрасиаб дал несколько фрагментов, которые могли принадлежать кратерам. Качество черепка, ровное ангобное покрытие и лощение — все эти признаки сближают керамику древних Мараканд с образцами других пунктов эллинистического мира.

Другой представительной формой эллинистической посуды являются фрагменты, напоминающие так называемые мегарские чаши[15]. Среди керамики эллинистического периода Афрасиаба (Афрасиаб II) следует отметить фрагмент ритона, ойнохои, рыбных блюд, фиалы[16].

Французско-узбекской экспедицией на городище Афрасиаб (раскоп 2Г) в слое, относящемся к периоду Афрасиаб III, был найден кратер, сохранившийся почти полностью[17]. Кратер изготовлен на гончарном круге из тонкоотмученной глины с качественным ровным обжигом. Поверхность покрыта коричневато-черным ангобом, нанесенным не ровно, а хаотично размазанном. Такая манера нанесения ангоба встречается не только в Согде, но и Бактрии[18]. Кратер украшен терракотовым налепом в виде бюста молодого человека с кудрявой шевелюрой и калафом на голове *(Рис. 2)*, нижняя часть бюста полускрыта листьями аканта — подобно фигурам известного рельефа из Айртама. Однако более раннюю аналогию к персонажу, полускрытому среди листьев аканта, дает ручка из Ай Ханума[19]. Среди материалов из святилища храма с нишами имеется бронзовая ручка дугообразной формы, основание которой украшали два одинаковых бюста, выполненных в технике литья *(Рис. 3)* и укрепленные на фоне пышных листьев аканта. Голову обрамляют крупные букли кудрей, на макушке видны два рога — последний элемент явно указывает на дионисийский характер персонажей (сатиры или, скорее, сатирессы). Не исключено, что и афрасиабский налеп также передает персонаж, близкий к дионисийскому кругу. Создается впечатление, что персонаж на кратере выполнен в комбинированной технике. Голова более всего напоминает образцы греческой мелкой пластики с тонкой моделировкой деталей, между тем как туловище и костюм выполнены в довольно грубой манере. Не исключено, что модель головы выполнена в более раннее время[20]. Кратер с двумя ручками и выделенным бортиком у плечиков украшен зигзагообразной линией, такая же линия, но с более мелкой волной следует по внутренней части кратера. Довольно массивное тулово сужается книзу и покоится на небольшом коническом основании. Кратер был найден в слое Афрасиаб III, который датируется в широких пределах от I в. до н.э. до II в. н.э.[21].

Керамический материал Ай Ханума, полученный в результате раскопок сокровищницы, дает два типа кратера[22]. Первый тип имеет горизонтальный венчик, тулово в форме усеченного овала на высокой полой профилированной ножке *(Табл. I, 3)*. Из декора можно отметить налеп, расположенный под венчиком примерно на уровне плечиков и имитирующий ручку [23]. Второй тип кратера имеет более приземистую форму подконической профилировки с намеченным плечиком и сильно отогнутым наружу венчиком клювовидной формы *(Табл. I, 4)*. Ножка этого кратера сильно укорочена и представляет собой невы-

сокий кольцевой поддон, более широкий в диаметре. На этом экземпляре более массивная и более выразительная декоративная ручка, налепленная под венчик. Элементы этих двух типов кратеров из Ай Ханума перекликаются с фрагментами из Афрасиаба, опубликованными Г.А. Шишкиной.

Аск

При раскопках городища Паенкурган (Северная Бактрия[24] на глубине примерно одного метра от дневной поверхности в переотложенном слое, который содержал фрагменты неангобированной, но высокого качества керамики, встречающейся в более нижних эллинистических слоях памятника (II в. до н.э.) и красноангобированной, типичной для кушанского комплекса (I-II вв. н.э.), был найден целый сосуд с округлым туловом и с горизонтальной, расположенной сверху ручкой. Последняя крепится к тулову с одной стороны и к горлу-раструбу — с другой.

Довольно широкое горло-слив оформлено выраженным венчиком. Форма эта очень напоминает греческий аск, претерпевший, однако, ряд изменений. Он изготовлен на гончарном круге из довольно грубоотмученной глины с включением кусочков гипса, речного песка, слюды (с мелкими блестками) и шамота. Фактура поверхности сосуда неровная, рыхлая серовато-розового оттенка, сплошь покрыта толстым слоем светлого серовато-желтого ангоба, который отслоился от примерно половины поверхности. Внутренняя поверхность сосуда покрыта более тонким слоем того же ангоба.

Тулово имеет почти сферическую форму с усеченным плоским дном, в верхней части сфера идет на конус и заканчивается основанием ручки *(Рис. 4)*. Основание это как бы происходит от центра в верхней части и идет на соединение с длинным и широким, идущим на раструб горлом. Высота сосуда до основания ручки 15 см (максим. высота 19 см), длина горла 7,5 см. Диаметр горла по внешнему краю 7,8 см, плоское донце имеет диаметр 10 см. Сосуд имеет орнаментацию в виде концентрической линии, следующей по тулову сосуда до основания горла. Линия вдавлена инструментом, имеющим гладкий закругленный кончик, так как след ровный и полукруглый. Над этой линией проходит зигзаг, который также исчезает под горловиной.

Судя по концентрическим линиям, сохранившимся от вращения гончарного круга, как тулово, так и горловина выведены на круге, а затем соединены, так как основание горла имеет неровную, бугристую поверхность, разглаженную пальцами.

Близкую аналогию по форме к паенкурганскому аску имеет сосуд из поселения побережья Средней Амударьи[25]. Однако, несмотря на сходство по форме, имеются и некоторые различия. Во-первых, трубкообразный нос паенкурганского экземпляра расположена по отношению к плоскости дна примерно на 45 градусов, между тем как аск из поселения Средней Амударьи имеет более вертикальное положение. Во-вторых, на последнем отсутствует узор в виде зигзагообразной линии.

Аск, или аскос, в переводе с греческого означает трубка, и его типичная форма — это небольшой уплощенный сосуд с трубкообразным горлом и ручкой, прикрепленной одним концом к тулову, другим — к горловине.

Аски классического и раннеэллинистического периодов часто украшались фигурной росписью. Однако сама форма аска не была строго стандартна и во многом зависела от традиций гончарной школы или мастерской того или иного региона. Приведем как пример аск из собрания Государственного музея изобразительного искусства им А.С.Пушкина, происходящий из Южной Италии (Апулия,)[26] и датирующийся, как и вся группа асков из Триеста, 3-ей четвертью IV в. до н.э.; имеет также округлое тулово, но в верхней части оно как бы раздваивается, сужаясь на ручку и на горловину. Интересно отметить ширину горловины-раструба — 7,9 см, почти совпадающую с паенкурганским экземпляром. Конечно же, по качеству исполнения и по художественному оформлению (краснофигурная роспись чернолакового сосуда с изображением эрота среди буйной растительности) они не сопоставимы. Тем не менее форма безусловно восходит к греческому аску, который со временем утрачивает не только свою изысканную форму и декоративное оформление, рассчитанное на парадное использование, но изготовляется из обычной глины, идущей на обыденную посуду.

В позднеэллинистическое время декоративное оформление аска меняется и вместо росписи сосуд украшается рельефными композициями и орнаментом. Интересен в этой связи ряд подделок XIX века, хранящихся в различных музеях Европы и Америки, сохранивших и доносящих до нас, тем не менее, образ оригинала[27]. Во-первых, меняется ряд деталей в форме самого аска — горловина-раструб украшается фестончатым краем, ручка оформляется либо в виде животного, например, льва, как это видно на подделках из музея Онтарио и музея Университета Принстон (оба из США)[28], либо фигурой воина, как на образце из Эрмитажа[29]. Как известно, к данной группе подделок был причислен и «аск из Термеза» с многофигурной композицией на дионисийские темы, который многократно фигурировал в публикациях как подлинное произведение «бактрийских мастеров»[30].

Возвращаясь к аску из Паенкургана, следует отметить, что он представляет еще одну из форм греческой керамики, которые вошли в обиход местного населения Средней Азии.

Рит оны

Корни этой традиционной формы уходят в искусство Древнего Востока. Разнообразие форм и стилей в производстве ритонов свидетельствует о его широкой популярности среди населения. К одним из ранних образцов этой формы относится ритон из Зивие, оформленный в виде протомы вепря (кабана); датируется он VIII-VII вв. до н.э. Совершенно другую форму имеет терракотовый ритон в виде лежащего оленя из Калар Дашт (Тегеранский Музей), датированный также VIII-VII вв. до н.э.

Великолепно исполненный образец ритона ахеменидского времени (V в. до н.э.) представлен в Музее Тегерана. Протома его оформлена в виде крылатого льва[31]. Другой, схожий по форме конического резервуара и оформлению протомы ритон из предполагаемого Хамадана, но исполненный в несколько ином стиле, хранится в Нью-Йоркском Метрополитен музее[32]. Можно привести множество примеров превосходно исполненных ритонов, происходящих из

1 — Амфора. Кампыртепа. Слой 2. I вв. до н.э. Институт искусствознания г. Ташкент; *2* — Амфора. Афрасиаб. Слой Афрасиаб 3. I в. до н.э. — II в. н.э. Музей Афрасиаба. Самарканд; *3* — Бронзовая ручка с изображением двух сатиресс. Ай Ханум. III-II вв. до н.э. Место хранения неизвестно, предположительно Кабульский музей; *4* — Аскос. Паенкурган. Слой I-II вв. н.э. Институт археологии. Самарканд; *5* — Ритон. Ниса. II в. до н.э. Ашхабадский музей. По Б.Я. Ставискому (1979); *6* — Ритон. Дальверзинтепа. II-III вв. н.э. Институт искусствознания. Ташкент; *7* — Ритон. Нижняя часть. Зартепа. IV в. н.э. Институт истории материальной культуры. СПб.; *8* — Ритон. Бабатаг. Сурхандарьинская область. Случайная находка. I в. до н.э. — I в. н.э. Музей археологии. Термез; *9* — Ритон. Фрагмент. Ай Ханум (святилище). III-II вв. до н.э. Кабульский музей (?); *10* — Ритон. Афрасиаб. VI-VII вв. н.э. Музей истории культуры народов Узбекистана. Самарканд; *11* — Ойнохоя. Хатынрабад. Сурхандарьинская область. I-II вв. н.э. Институт искусствознания. Ташкент. (Все рисунки кроме № 5, выполнены автором)

различных регионов Ирана, Мидии, Ассирии. Прекрасная подборка этого материала помещена в книге Романа Гиршмана, посвященной искусству протоиранцев[33]. Хотелось бы привести в качестве иллюстрации к применению ритона один из рельефов древней Ассирии. Рельеф изображает группу бородатых персонажей с высоко поднятыми ритонами за пиршественным столом. У всех ритонов нижняя часть оформлена в виде голов животных. На основе вышеприведенных примеров можно заключить, что ритон как форма посуды для питья особого устройства имеет очень древние истоки; традиция их изготовления продолжалась на протяжении многих веков.

В эллинистическом мире ритоны занимали особое место в религиозной культуре и в быту. Наиболее представительной и богатой стала коллекция ритонов, найденных при раскопках городища Ниса (Туркмения)[34]. Выполненные из слоновой кости, они воистину являют собой высокие достижения художественной культуры античности *(Рис. 5)*.

Оформленные протомами фантастических животных или антропоморфных существ, в верхней части под фризом они украшались различными сюжетами на античные темы[35]. Чаще эта форма служила для сакральных целей, в особенности мистерий, связанных с дионисийскими культами. Показательна в этом отношении сцена состязания в питье между Дионисом (Вакхом) и Гераклом, запечатленном на мозаике из Антиохии (Музей Антакьи), где Дионис изображен полулежащим на банкетке с поднятым ритоном, здесь же рядом другой ритон; оба оформлены протомой животного. Мозаика датируется 1-ой половиной III в. н.э.

Ритон получил широкое распространение и на эллинистическом Востоке, свидетельством чему могут послужить вышеупомянутые ритоны из Нисы.

Материал для изготовления этого сосуда употреблялся самый разнообразный — от драгоценных металлов и слоновой кости до обычной глины. На росписях в Помпеях изображен набор парадной посуды на столе, среди прочих форм показан ритон на специальной подставке[36]. Судя по голубоватому оттенку, он мог быть изготовлен из серебра, однако существовали ритоны и из стекла, как это показывает экземпляр из Аквиленского музея, датированный I в. н.э.[37]. В Средней Азии большая часть дошедших до нас ритонов изготовлена из глины. Так, несколько фрагментов из эллинистических слоев Афрасиаба (Афрасиаб II) представляют собой округлое донце сосуда с двумя отростками-сосочками по бокам с проделанными отверстиями в резервуар *(Табл. I, 5)*. Близкую аналогию к подобной придонной части дает ритон-амфора с ручками в виде горных козлов из частной коллекции Парижа (VI-IV вв. до н.э.)[38].

Головки козлов украшают не только нижнюю часть, но и корпус ритона, как это демонстрирует ритон из Дальверзинтепа[39]. Ритон выполнен в форме двуручной остродонной амфоры *(Рис. 6)*. Под горлом следует по горизонтали ряд округлых налепов, ниже голова архара с круто загнутыми рогами (высота ритона 21 см, диаметр устья 12 см)[40].

Нижняя часть ритонов чаще всего украшена зооморфной головкой, как это видно на нижней части ритона из Зартепа *(Рис. 7)* и Бабатага *(Рис. 8)*. При раскопках храма с нишами в Ай Хануме был найден подобный ритон. Нижняя часть его была оформлена в виде лежащей фигуры быка *(Рис. 9)* — мотив, более

Табл. I. 1 — Фрагмент венчика с орнаментом греческой вазописи. Афрасиаб. IV-III вв. до н.э. Место хранения неизвестно; *2* — Кратер. Афрасиаб 2-3. II-I вв. до н.э. Музей Афрасиаба. Самарканд; *3* — Кратеры. Ай Ханум. Сокровищница. III-II вв. до н.э. Место хранения неизвестно; *4* — Кратер. Ай Ханум. Сокровищница. III-II вв. до н.э. Место хранения неизвестно; *5* — Ритон. Фрагмент нижней части. Афрасиаб 2. IV-III вв. до н.э. Музей Афрасиаба. Самарканд; *6* — Рыбные блюда. Афрасиаб 2. IV-II вв. до н.э. Музей Афрасиаба. Самарканд; *7* — Чаши мегарского типа. Афрасиаб 2-3. III-II вв. до н.э. — I в. до н.э. — I в. н.э. Музей Афрасиаба. Самарканд; *8* — Фрагмент чаши мегарского типа. Ай Ханум. Сокровищница. II в. до н.э. Кабульский музей (?).

характерный для ахеменидского Ирана[41]. Зартепинский экземпляр демонстрирует характерные пластические приемы, которые часто используются мастером при орнаментации керамики: налепы с вдавлением полой трубочки, насечки, нанесенные стеком и т.д. Ритон из Зартепа датируется IV — серединой V в. и носит все черты орнаментации позднекушанского и посткушанского периодов.

На среднеазиатской почве ритоны доживают вплоть до раннего средневековья, приобретая порой самые причудливые формы. Интересен в этом отношении антропоморфный ритон из Самаркандского музея в виде фигуры с подчеркнутыми половыми органами *(Рис.10)*. Высота его 16 см и выполнен он ручной лепкой. Мастер в гротескной манере передал круглые налепные глаза, нос — приемом защипа, насечками — волосы и элементы нашейного украшения. Два небольших отросточка на голове отдаленно напоминают рога, что может намекать на дионисийский характер персонажа. Ритон датируется VI-VII веками н.э.[42].

Изображения ритонов можно видеть и на настенных росписях. В частности, живопись Пенджикента изображает пирующих персонажей, в высоко поднятых руках которых показаны ритоны с протомами архара, верблюда, слона [43].

Ойнохоя

Другой наиболее устойчивой формой в керамике Средней Азии была ойнохоя. Следует сразу отметить, что ойнохоя в первую очередь атрибутируется по форме слива с характерным трехчастным изгибом.

Однако следует отметить, что в раннеэллинистических слоях этот тип сосуда — явление относительно редкое. Так, в слоях Афрасиаб II (IV-II вв. до н.э.) было встречено лишь два фрагмента от кувшинов типа ойнохои[44]. В последующие эпохи процент сосудов типа ойнохойи в керамических комплексах Бактрии и Согда заметно увеличивается. Сохраняя общую конфигурацию, слив ойнохои претерпевал ряд значительных изменений. Что же касается тулова ойнохои, то оно имело различные формы от сферической до яйцевидной или грушевидной формы в зависимости от периода и региона.

Показателен в этом отношении, например, образец с городища Хатынрабад, датированный I-II вв. н.э. и демонстрирующий сферическую форму тулова, гладкую лощеную поверхность, покрытую красным ангобом *(Рис 11)*.

Рыбные блюда

Одной из наиболее представительных и показательных форм эллинистических комплексов являются так называемые рыбные блюда. Практически во всех эллинистических комплексах Средней Азии встречается этот тип посуды. Рыбное блюдо представляет собой плоскую чашку с вертикально отогнутым вниз или же чуть приподнятым венчиком.

Классические формы рыбных блюд получили широкое распространение в последней четверти IV в. до н.э. Большей частью эти блюда расписывались изображениями рыб или других морских животных. В особенности в большом количестве они производились в Кампании и Апулии. Характерными чертами в рыбных блюдах была, как уже говорилось, плоская поверхность дна с наклоном

к центру. По центру было небольшое углубление, диаметр по краю был около 20 см и более. Как правило, блюдо имело невысокую ножку на кольцевом поддоне. Классическая форма рыбного блюда имела довольно широкий венчик, вертикально опущенный вниз.

На среднеазиатской почве многие элементы этой формы претерпели ряд изменений. Судя по имеющемуся материалу, рыбные блюда стали глубже, т.е. угол от нижней горизонтали (по плоскости поддона) по отношению к вертикальной оси приближается к 45^0, иначе говоря, стенки приподнимаются. Дно этих сосудов имеет округлое углубление, иногда подчеркнутое концентрическим кругом. Кольцевой поддон заменяется сплошным дисковидным невысокой формы. Меняется угол наклона венчика, причем для наиболее ранних типов характерны вертикально опущенные венчики. Такая форма венчика последовательно стремится к горизонтальному положению. Как правило, следов специального декорирования на этих блюдах не имеется. Нет каких-либо данных о фукциональном назначении этих блюд, хотя по их греческим аналогиям можно предполагать, что они использовались и как рыбные, и как блюда для подачи других кушаний.

О широком ареале бытования этой формы говорят находки в Согде (Афрасиаб II — *Табл. I, 6*)[45], Бактрии (Афганистане: Ай Ханум, Талукан, Аскалон, Арчи[46], Жигатепе[47], Северная Бактрия: Дальверзинтепа[48], Халчаян[49], Старый Термез[50], Хаитабад[51], Паенкурган[52]), Маргиане[53]. Еще одним памятником, давшим греко-бактрийский комплекс с рыбными блюдами, был Мирзабеккала (Туркмения)[54].

Мегарские чаши

Широко распространенные на эллинистическом Востоке так называемые мегарские чаши появляются и среди керамической посуды среднеазиатских гончаров. Они отличаются от своих западных аналогий более скромным орнаментом, чаще всего представляющим растительные мотивы по корпусу сосуда или другого упрощенного варианта орнаментации (например, фрагмент чаши из Ай Ханума — *Табл I, 8* — по C. Rapin. La Tresorerie...), размещенной под венчиком; иногда декорировка полностью отсутствует. В айханумском комплексе так называемые мегарские чаши появляются в 4-ом периоде (270-250 гг. до н.э.). Они имеют, как правило, тонкие стенки и удлиненные венчики (a paroi mince et levre effilee), иногда украшенные оттиснутым в матрице декором (характерная черта мегарских чаш) или налепным рельефом (манера украшения, типичная для пергамской посуды[55].

Согдийская керамика эллинистического времени, представленная в основном комплексом Афрасиаба, также включает в себя несколько чаш, форма которых напоминают мегарскую[56]. За исключением небольшого налепа под венчиком, орнамент сводится к неглубоким вдавленным линиям в форме желобков, следующим под венчиком по всему корпусу *(Табл. I, 7)*. Линии эти следуют параллельно в две или три строки. Нижняя часть этих чаш, как правило, закруглена и не имеет ножки [57].

Заключение

Из краткого экскурса в керамику Бактрии и Согдианы можно сделать определенные выводы. Как показывают последующие археологические комплексы, не все формы греческого происхождения имеют длительную жизнь. Амфоры и кратеры как формы утрачивают свое применение в качестве парадной посуды и заменяются более простыми и недорогими образцами. В противовес им такие формы, как ритон и ойнохоя, доживают вплоть до раннего средневековья.

Для II-I вв. до н.э. характерно рельефное или штампованное декоративное оформление посуды, что как бы компенсирует утраченную вазопись, хотя уступает ей по многим параметрам. Интересна категория сосудов с налепами на дне в виде антропоморфных головок, чаще богинь, реже царей (чаша из Бактр с головой в царственном венце)[58]. Появление этого типа сосудов можно связать с распространением в греко-римском мире серебряной посуды, украшенной рельефными изображениями и нередко именно по дну чаш. Интересно отметить, что они бытуют в течение относительно короткого срока, так как в кушанский период открытых форм с налепом на дне (за редким исключением) не встречается. Таким образом, их распространение падает примерно на конец III — первую половину II в. до н.э.

В первые века нашей эры парадная посуда чаще всего украшается рельефными изображениями. Чаще всего налепы прикрепляются к устью или к основанию ручки, иногда ручки целиком имеют зооморфный облик и представляют головы или фигуры различных животных.

Особую категорию составляет посуда, которую в литературе условно называют мегарскими чашами или сосудами типа мегарских чаш, также нередко украшенных рельефными украшениями. Не исключено, что все они испытали влияние декорировки драгоценной металлической посуды из золота или серебра.

Интересна в этом отношении, например, греческая *фиала*, которая не только своим названием, распространенным среди народов Средней Азии, но и формой напоминает современную *пиалу*[59]. Среди греческой посуды привлекает внимание еще один плоский открытый сосуд, правда, с крышкой — *лекан*, который по созвучию названия и отдаленно формой напоминает среднеазиатский *ляган*. Этот пример мы приводим здесь лишь как возможную параллель, которая, конечно же, нуждается в анализе исторической фонетики и грамматики.

Как и паенкурганский *аск*, *кратер* из Афрасиаба далек по своему художественному уровню от расписных кратеров эллинистического мира. Однако важно то, что в керамическом производстве Средней Азии и, в частности, Согда и Бактрии можно проследить эти новые традиции с их последующей эволюцией. Эти традиции были отмечены неоднократно в научной литературе[60], и новый археологический материал со всей наглядностью показывает, насколько сложным и многосторонним был процесс взаимообмена и взаимовлияния в культуре Средней Азии античного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Schlumberger D.* Ai Khanoum une ville hellénistique en Afganistan // CRAI. 1965; *Bernard P.* Prèmiere campagne de fouilles d'Ai Khanoum // CRAI. 1966; *idem.* Deuxième

campagne de fouilles en Bactriane // CRAI. 1967; *idem*. Troisième campagne de fouilles a Ai Khanoum en Bactriane // CRAI. 1968 *Bernard P.* Quatrième campagne de fouilles a Ai Khanoum (Bactriane) // CRAI. 1969; *idem*. Fouilles d'Ai Khanoum (campagne 1965, 1966, 1967, 1968, 1969) // MDAFA. XXI. 1973; *Bernard P., Francfort A.-P., Gardin J.-C., Liger J.-C., Lyonnet B.,Veuve S.* Fouilles d'Ai Khanoum (Afganistan): Campagne de 1874 // BEFEO. LXIII. 1976; *Bernard P.* Les traditions Orientales dans l'architecture greco-bactrienne // Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines á la conquete islamique. Colloques internationaux du centre nationale de la recherche scientifique. Paris, 1976; Diod. XVII,83,I: Alexandrie du Caucase ou Alexandrie de l'Oxus? // Journale des savants. Juillet-Decembre, 1982; *idem*. An Ancient Greek City in Centrale Asia // Scientific American. January, 1982. Vol. 246. No.1.

2. *Ртвеладзе Э.В.* К локализации «греческой переправы» на Оксе // ВДИ. 1977. № 4; *он же*. Кушанская крепость на Кампыртепа // ВДИ. 1984. № 2; *Rtveladze E.* Archaelogical Researche at Kampyr Tepe: A Kushan Fortress on the Oxus // CIAA. 10. November 1999. P. 5-7.
3. *Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С.84-110.
4. *Массон М.Е.* Изучение городищ Старого Термеза до 1936 года // Термезская археологическая экспедиция 1936 г. Труды Узбекского филиала Академии Наук СССР. Ташкент, 1941. С. 21.
5. Здесь имеется в виду греческая вазопись. В среднеазиатской керамике традиция так называемой «расписной керамики» не имеет ничего общего с греческой. По технике греческой расписной керамики см.: *Noble J.V.* The Techniques of painted Attic Pottery. New York, 1965.
6. Древности Южного Узбекистана. Каталог. Токио, 1991. № 146. С. 283.
7. *Rapin C.* Fouilles d'Ai Khanoum. La Trésorerie du Palais Hellénistique d'Ai Khanoum // MDAFA. XXXIII. 1992. Pl.70, 41, 42, 43, 45, 46.
8. Такое сочетание можно видеть, например, на чернофигурной амфоре с изображением Аполлона, Артемиды и Лето из коллекции Музея изобразительного искусства им. А.С. Пушкина (инв. № II 1б) или на амфоре с изображением борьбы Геракла с амазонками из той же коллекции (инв. № II 1б 75).
9. *Lyonnet B.* Céramique et peuplement du chalcolitique a la conquête arabe. pl.IV, 2a, 2b, 2c.
10. Авторы публикации амфоры предполагают, что это мотив «древа жизни», что не соответствует действительности См. каталог «Древности Южного Узбекистана», 1991. С. 284, № 146 .
11. *Gardin J.-Cl. et B. Lyonnet.* La Céramique // P. Bernard *et al.* Fouilles d'Ai Khanoum (Afganistan): Campagne de 1974 // Bulletin de l'Ecole Francaise d' Extreme-Orient. LXIII. Paris, 1976. P. 50.
12. Первая статья, посвященная керамике IV–II вв до н.э. была опубликована в сборнике Афрасиаб. См. *Шишкина Г.В.* Керамика IV–II вв до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 28-51. Более расширенный вариант статьи см. Г.В. Шишкина. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60-78. Комплекс Афрасиаб II, к которому относится эллинистическая керамика, датируется IV–II вв до н.э. Соответственно Афрасиаб III охватывает I в. до н.э. — II в. н. э. См. там же.
13. *Шишкина.* Эллинистическая керамика... . С. 66, рис.7, 1-6.
14. Форма венчика на данном фрагменте (значится как материал с раскопа С.К. Кабанова, см. *Шишкина Г.В.* Керамика IV–II вв до н.э.) сдвоенный с вытянутым нижним более всего напоминает не кратер, а профиль гидрии или пелики, также украшенные язычковым орнаментом. Однако не исключено, что этот элемент

также трансформировался. Во всяком случае, такая форма венчика отдаленно напоминает айханумский экземпляр. См. *Rapin C.* Fouilles d'Ai Khanoum. La Trésorerie du Palais ... Pl. 71: 58.

15. В отличие от западно-эллинистических мегарских чаш, формованных в форме, среднеазиатские большей частью изготовлены на гончарном круге, то есть речь идет лишь о сходстве форм, хотя некоторые образцы с рельефными украшениями также сближаются с мегарской керамикой.
16. Интересно отметить, что на одном из кубков цилиндро-конической формы, типичной для местной керамики процарапано греческое имя NIKIAC, см. Таблицу I, Это может свидетельствовать о том, что греки пользовались и местной посудой.
17. *Bernard P.* Maracanda-Afrasiab colonie grecque // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti dei convegni Lincei. 127. Roma, 1996. P. 360-364, fig.15, 16.
18. Например, фрагменты керамики с аналогичным ангобом встречены среди материала Паенкургана в слоях, датирующихся II-I вв. до н.э.
19. *Francfort A.-P.* Le Sanctuaire du Temple á niches indentées. 2. Les trouvailles. Fouilles d'Ai Khanoum. III // MDAFA. XXVII. Pl. XX, n 27.
20. Такие примеры встречаются довольно часто в терракотовой пластике Согда и Бактрии. См. *Abdullaev K.* Reutilisation of Old Images for the New Iconographic Generations (To the question on destiny of Greek images in post Hellenistic period) // East and West. Vol. 52. Nos.1-4 (December) 2002. P. 53-69.
21. *Bernard P.* Maracanda — Afrasiab Colonie Grecque // La Persia e l'Asia Centrale. Da Allesandro al X Secolo. Roma, 1996. P. 360, fig. 15, 16. На мой взгляд, характер ангоба и декорировки, да и сама форма в целом (кратеры исчезают уже в раннекушанское время), склоняют к более ранней датировке кратера, т.е. ко второй половине II в. до н.э. — время между падением греческой власти и установлением кушанской.
22. Более ранние формы кратеров имеются среди керамики Гереона и Южного квартала ("maison de la Kokcha"). "Elle comprend en effet des series d'inspiration grecque inconnue á l'heroon, notamment de grands crateres largement ouverts, á paroi convexe ou concave-convexe..." См. *Gardin J.-Cl. et Lyonnet B.* "La Céramique"// *Bernard P. et al.* Fouilles d'Ai Khanoum (Afganistan): Campagne de 1974 // BEFEO. LXIII. Paris, 1976. P. 47.
23. *Rapin.* Fouilles d'Ai Khanoum. La Trésorerie du Palais..., pl. 71: 53, 54.
24. Краткая информация об этом памятнике была дана в сообщении: *Abdullaev K.* Payonkurgan: New Archaeological Discoveries in Nothern Bactria // CIIA. 10. November. 1999. P. 7-9.
25. *Пилипко В.Н.* Побережье Средней Амударьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / По ред. Г.А. Кошеленко. М., 1985. Таб. CIV.
26. *Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С.* Античная расписная керамика. Из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва, 1985. С. 62, илл. 122,123.
27. Более подробно о них см. *Борисковская С.* Об одной группе подделок античной керамики // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIX, Л., 1974. С. 39-42; см. также: *Bernard P.* Á propos de quelques faux dans l'histoire des cultes de l'Asie Centrale // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale preislamique. Paris, 1987. P. 23-28, fig.1, 4, 5.
28. *Bernard.* Á propos de quelques faux... fig. 4, 5.
29. *Борисковская.* Об одной группе подделок... Илл. на стр. 39.
30. *Ставиский Б.Я.* Индия в древности. М., 1964. С. 179; *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана.

Ташкент, 1960. Рис. 104-105; *Пугаченкова Г.А.* Скульптура Халчаяна. М., 1971. С. 89-90; *Masson V.M.* In: La Persia e il mondo Greco-romano. Roma, 1966. С. 347; *Борисковская*. Об одной группе подделок... С. 40.
31. *Girshman R.* Arte Persiana. Proto-Iranici, Medi e Achemenidi. Milano–Rizzoli, 1982, fig. 290.
32. Ibid. fig. 306.
33. Ibid. fig. 395-397, 399-402, 404.
34. *Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Парфянские ритоны Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. IV, Ашхабад, 1959.
35. *Bernard P.* Les Rythones de Nisa. I. Poetesses grecques // Journal des Savans. 1985. Janvier-Septembre. P. 25-118.
36. *Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н.*. Искусство этрусков и Древнего Рима. М., 1982, fig. 162b.
37. Там же. Илл. 197 d.
38. *Ghirshman*. Arte Persiana.... Fig. 307.
39. *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Тургунов Б.А. и др.* Дальверзинтепа — кушанский город на Юге Узбекистана. Ташкент, 1978, рис. 95, 1; рис. 98,1.
40. Ритон в форме амфоры встречается в материалах раннесредневекового Пенджикента. См. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. № 516.
41. *Francfort A.-P.* Le Sanctuaire du Temple á niches indentées. 2. Les trouvailles. Fouilles d'Ai Khanoum. III // MDAFA. XXVII. P. 26. Pl. XIV, 7.
42. Культура и искусство Древнего Узбекистана. Каталог выставки / Под редакцией К. Абдуллаева, Э.Ртвеладзе, Г.Шишкиной. М., 1991. С. 47, № 436.
43. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985, № 568.
44. *Шишкина Г.В.* Керамика конца IV-II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 35, рис.4.
45. *Шишкина.* Эллинистическая керамика Афрасиаба. Рис. 3; *Bernard.* Maracanda — Afrasiab Colonie..., fig.14.
46. *Lyonnet B.* Prospections Archeologiques en Bactriane Orientale (1974-1978). Vol. 2. Céramique et Peuplement du chalcolitique á la conquete arabe. Paris, 1997. P. 382
47. *Пидаев Ш.* Керамика Джига-тепе. Древняя Бактрия. М., 1984. С.112-124.
48. *Некрасова Е., Пугаченкова Г.* Керамика Дальверзинтепе // Дальверзиетепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. Рис.100, 4.
49. *Пугаченкова.* Ук. соч. С. 35. Рис. 14.
50. *Пидаев Ш.* К вопросу о локализации Александрии на Оксе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 26. Рис. 1:27-35.
51. Рыбные блюда были получены автором настоящей статьи из греко-бактрийских слоев шурфа на северной стене городища. Публикуются впервые.
52. *Abdullaev*. Op. cit.
53. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. Таб. XCV. С. 383.
54. Там же. Таб. CIII.
55. *Gardin et Lyonnet.* Op. cit. P.48.
56. *Шишкина.* Эллинистическая керамика Афрасиаба. № 2. Рис.3; 12-16. Возможно, к этой категории относится и круглодонная чаша из раскопа 2б, опубликованная П.Бернаром. *Bernard.* Op. cit. fig. 13, левая верхняя.
57. На Афрасиабе был найден фрагмент чаши мегарского типа с оттиснутым изображением, напоминающим палицу Геракла. Об этом любезно сообщил сотрудник Института археологии (Самарканд) И. Иваницкий.

58. *Schlumberger D.* La prospection archéologique de Bactres (printemps 1947) // Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. 26. Paris, 1949. P. 186-187, fig.16.
59. В современном таджикском, как и в узбекском, буквы П и Ф взаимозаменяемы. Однако, касаясь формы сосуда, нельзя исключить, что фиала изначально была восточного (персидского) происхождения и была адобтирована греками. В какой именно период сказать затруднительно, можно предположить, что это был период ниаболее интенсивных контактов (греко-персидские войны).
60. *Gardin J.-C.* Ceramiques de Bactres // MDAFA. XV. 1957; *Шишкина.* Эллинистическая керамика Афрасиаба; см. *она же.* Керамика конца IV–II вв. до н.э. (Афрасиаб II).

GRECIAN STYLE IN CERAMICS OF BACTRIA AND SOGDA

K. Abdulayev

The article deals with Greek culture influence showing up in ceramic finds. Pottery shape introduced by Greeks undergoes some modification both in proportion and decor. Some specimen of Greek style pottery existed in Central Asia during a relatively short period, others survived till the early Middle Ages.

M. Gelin

CONSERVATION ET MISE EN VALEUR DU PATRIMOINE ARCHITECTURAL AU PROCHE-ORIENT : QUELQUES RÉALISATIONS DE MISSIONS ARCHÉOLOGIQUES

La conservation des monuments impose d'abord la permanence de leur entretien.

(Charte de Venise, 1964, article 4.)

L'archéologie s'est toujours trouvée confrontée à un problème majeur, généré par sa pratique même: le dégagement d'un édifice vieux de plusieurs centaines ou milliers d'années, entraîne une exposition brutale de ce dernier, fragilisé, aux intempéries. L'usure des matériaux, qui jusque-là avaient été préservés grâce à leur enfouissement, est souvent accélérée. De plus, d'éventuelles destructions, volontaires ou du fait d'une urbanisation grandissante, peuvent précipiter ce mouvement.

Afin de résoudre ce problème, la seule solution qui s'offre est de préserver les monuments, le plus tôt possible après leur mise au jour. Dans un deuxième temps et lorsque cela est réalisable, il est préférable de les mettre en valeur afin de les présenter au public[1]. Cependant, dans certains cas, des monuments sont si altérés que, après

Fig. 1. Carte du Proche-Orient avec indication des sites mentionnйs dans le texte. Carte H. David, IFPO.

avoir été étudiés, leur ré-enfouissement peut se présenter comme la meilleure solution[2].

Cette action de préservation, bien que de plus en plus pratiquée, est encore loin d'être systématique auprès des missions archéologiques travaillant au Proche-Orient, ce qui ne doit pas masquer l'évidence: tout archéologue sait qu'il est fondamental et indispensable de préserver les découvertes dont il est responsable, du double point de vue éthique et historique. La politique de certains pays en la matière, comme la Syrie par exemple, devrait l'y inciter grandement, puisque celle-ci rend désormais obligatoire la conservation et la mise en valeur de son patrimoine architectural, parallèlement à la fouille.

Malheureusement, de telles nécessités peuvent entraîner de gros besoins, à la fois financiers et humains et il est très rarement donné aux missions archéologiques de disposer de ces moyens. C'est donc une politique générale, provenant de tous les acteurs impliqués dans l'archéologie, qui devrait pouvoir être établie; les archéologues, seuls, ne peuvent suffire à la tâche. Par ailleurs, ces derniers n'ont pas toujours pu bénéficier d'une formation adaptée à la consolidation architecturale.

L'une des conséquences de ces difficultés est que, encore trop souvent, les archéologues peuvent être effrayés par une confrontation avec la conservation du patrimoine architectural du site sur lequel ils travaillent, ainsi que par le poids des responsabilités à assumer.

Pourtant, on l'a dit, nombre de missions archéologiques se sont déjà attelées à cette tâche, parfois avec difficultés mais souvent avec succès. Dès les années soixante et soixante-dix[3], les Italiens recherchaient des solutions de préservation de l'architecture en brique crue en Irak[4] et, aujourd'hui au Proche-Orient, des missions prennent en charge la consolidation, sans que les études archéologiques n'en pâtissent.

Par ailleurs, en matière de conservation, de restauration et de mise en valeur des sites et des monuments, des règles internationales[5] ont été édictées, posant les bases du travail à réaliser. Non seulement leur aide est précieuse, mais il est de plus indispensable de les connaître et de les respecter, telles la Convention de Malte (revisitée en 1992), et plus précisément la Charte de Venise, rédigée en 1964 (qui actualise celle d'Athènes de 1931), celle-ci concernant plus particulièrement notre sujet. Une abondante littérature a de plus été écrite sur ces thèmes[6].

Il est également important de préciser que la conception et le déroulement des travaux doit se faire en concertation avec l'ensemble des spécialistes des disciplines concernées : seul un réel travail d'équipe pourra aboutir à des résultats satisfaisants pour tous et, avant tout, pour le monument concerné. Un des acteurs de la consolidation qui opère seul, sans connaissance suffisante du monument, des matériaux anciens ou des techniques, peut détruire ou rendre inaccessibles des vestiges importants, ou faire subir à l'édifice des dommages irréversibles[7].

Dans tous les cas et impérativement, l'archéologue ne doit pas être exclu de la conservation des édifices. Il est en effet le seul à connaître au mieux le site, les matériaux dont sont faits les édifices, les réactions de ces derniers après leur dégagement, les emplacements d'anciens sondages rebouchés et de vestiges antérieurs non visibles, les priorités de l'étude d'un monument, etc. De plus, sa participation aux travaux lui offre une connaissance du bâtiment considérable et inégalée, qui devient un atout maître pour son étude architecturale et technique: par exemple, la restauration du glacis romain à Doura, combinée à l'étude des constructions en briques crues, a entraîné un nettoyage et une étude extrêmement poussés, non seulement de la partie à traiter, mais également de nombreuses autres portions. De la sorte, les techniques très particulières de mise en œuvre de ce monument ont été caractérisées dans leurs moindres détails, permettant une restauration à l'identique. Sans la nécessité de cette restauration, il est probable que l'étude n'aurait pas pu être autant approfondie. Enfin, toujours au bénéfice de l'archéologue et de l'historien, lors de consolidations opérées avec les techniques et matériaux d'origine dans le cadre d'archéologie expérimentale, les informations concernant les aspects économiques des chantiers antiques, qui peuvent alors être obtenues, sont fondamentales.

EXEMPLES D'INTERVENTIONS

À travers quelques exemples de travaux auxquels j'ai pu prendre une part active (fig. 1), en Syrie (Qalaat el Moudiq citadelle d'Apamée de l'Oronte, Doura-Europos sur l'Euphrate, Cyrrhus) et en Arabie Saoudite (Hégra), ou pour le projet desquels je contribue au Koweït (Faïlaka), j'ai souhaité rendre compte d'un certain nombre de possibilités offertes aux archéologues pour la préservation des édifices.

Les équipes impliquées ont travaillé selon des étapes précises, qui résultent d'un équilibre entre les besoins des archéologues et historiens, des autorités en charge du tourisme et les règlements internationaux. Ces lignes directrices de conduite ont été les

mêmes dans tous les cas et se sont adaptées à tous les types de matériaux que nous avons rencontrés.

Ces équipes ont compris des spécialistes du bâti antique et des matériaux, des archéologues, historiens, architectes, ingénieurs, maîtres d'œuvre, maçons, ouvriers et entrepreneurs. Les activités ont été réalisées en concertation entre les différentes parties. Les objectifs, ainsi que chaque étape, ont été clairement expliqués à chacun, dans les différentes langues pratiquées : prendre le temps de fournir les explications sur les raisons et moyens des interventions représente souvent un gain de temps considérable, en comparaison avec un travail réalisé sans compréhension de sa destination. Les moyens déployés et les matériaux utilisés ont impérativement respecté ceux d'origine, sans pour autant nier les techniques et matériaux actuels, à condition d'être utilisés avec prudence. Il est à préciser que ces travaux ont été effectués avec des moyens financiers inégaux, car pour Qalaat el Moudiq ainsi que le sanctuaire de Bêl et la "maison romaine" de Doura, nous avons disposé d'une aide européenne importante[8]. En revanche, nombre de travaux ont pu être réalisés avec de petits budgets.

Les sites concernés par nos travaux ont nécessité des interventions à des échelles diverses :

— Qalaat el Moudiq[9] est la citadelle d'Apamée de l'Oronte. Située sur un promontoire constitué d'un tell dont l'essentiel de l'occupation remonte à l'âge du Bronze, la forteresse hellénistique a été recouverte par des fortifications médiévales. Du fait de très violentes intempéries survenues au cours de l'hiver 2003, une partie du glacis médiéval qui recouvrait les pentes du tell s'est affaissée, menaçant d'entraîner dans sa chute une tour médiévale en pierre de taille de 16 m de long, 12 m de large et 10 m de haut. Toute la façade orientale, située en bord de pente, était déstabilisée.

— La ville de Doura-Europos[10] a été partiellement fouillée dans les années vingt et trente, puis laissée à l'abandon durant des dizaines d'années. Ses monuments ont été très endommagés, à la fois par l'usure de matériaux particulièrement fragiles mais aussi du fait de destructions volontaires. Les interventions mentionnées ici ont eu lieu sur divers édifices (maison chrétienne, glacis de la porte principale, "maison romaine" devenue lieu de présentation du site et d'accueil des touristes, sanctuaire de Bêl, odéon du temple d'Artémis), sont réparties sur plusieurs années de 1996 à 2004, et concernent l'ensemble des matériaux de construction présents sur le site: la brique crue, le blocage au *djousse* (plâtre plus ou moins mêlé de cendres et de matières organiques) et la pierre de taille.

— Une intervention ponctuelle a été réalisée à Cyrrhus[11] sur une tour médiévale en pierre de taille de la citadelle, au cours même de la fouille.

— Dans la ville basse de Hégra[12], les vestiges dégagés se composent principalement de murs bâtis en moellons de grès liés à la terre, qui soutenaient une élévation en briques crues. L'usure et les intempéries, ainsi que d'anciens sondages archéologiques non rebouchés, avaient altéré une partie des vestiges dégagés par une équipe saoudienne[13] dans les années 1990; leur consolidation est intervenue en 2007.

— Enfin, à Faïlaka[14], la forteresse hellénistique voit ses vestiges se dégrader du fait de la fragilité des matériaux, de l'usure, des intempéries et d'anciens sondages archéologiques, approfondis en-dessous des fondations des murs et non rebouchés (fig. 2).

1. Choix des niveaux d'intervention

Fig. 2. Faïlaka, secteur méridional de la forteresse hellénistique. Effondrement de murs affaiblis par d'anciens sondages non rebouchйs. Vue vers l'est. © M. Gelin.

Après avoir choisi les édifices sur lesquels travailler en priorité et en fonction de l'objectif et des moyens dont nous disposions, le niveau d'intervention réalisé a été déterminé en premier lieu. Divers niveaux ont pu être abordés:

— **Conservation, consolidation**. Il s'agit de l'intervention la moins invasive, destinée à maintenir un édifice en l'état et l'empêcher de s'altérer davantage, et également la plus fréquente. De manière générale, elle demeure relativement discrète: sans vue de détail du bâtiment qui est situé sur un point élevé et difficile d'accès, seul le nettoyage des façades de la tour de Qalaat el Moudiq permet de constater que celle-ci a été traitée (fig. 3; см. цв. вкл. № 1, Fig.3). La conservation et la consolidation interviennent, soit au cours même du dégagement, soit après le dégagement complet. Par exemple, il peut simplement s'agir de conserver (renforcer et maintenir en place) un enduit fragile (base du mur ouest de la maison chrétienne et divers enduits du sanctuaire de Bêl, à Doura) ou de consolider un mur qui menace de s'effondrer (certains murs du sanctuaire de Bêl à Doura et la porte de la tour à Cyrrhus (fig. 4), ont été renforcés au fur et à mesure de leur mise au jour). Parfois, ce dernier type de consolidation permet d'éviter d'employer des moyens techniques beaucoup plus importants après le dégagement complet d'un mur, qui nécessiterait un équipement plus lourd (étais, échafaudages, etc.). Lorsque l'intervention a eu lieu plusieurs années après la mise au jour, les altérations pouvaient être importantes et avoir entraîné la chute de tout ou partie d'un mur (mur occidental de la maison chrétienne à Doura, anciennes fouilles de la ville basse à Hégra). La consolidation est intervenue également dans des situations d'urgence (menace d'effondrement imminent de la tour à Qalaat ou de la porte de la maison chrétienne à Doura[15]).

— **Restauration d'un état disparu mais connu car ayant été l'objet de documentation**. Cette intervention permet de respecter une certaine vérité scientifique, en rendant à un édifice un état qu'il a réellement eu et dont on possède le témoignage car il a été décrit, relevé et photographié au moment de sa découverte. Elle demeure cependant ponctuelle et, dans notre cas, n'a concerné que des édifices choisis en raison de leur importance historique, architecturale et esthétique[16]. C'est le cas du sanctuaire de Bêl à Doura, auquel nous rendons son aspect, tel qu'il était au moment de sa mise au jour il y a près de quatre-vingts ans, en nous fondant sur la documentation établie par les anciennes missions, l'étude architecturale et des matériaux (fig. 5 A; цв. вкл. № 1, Fig. 5B). Le mur occidental de la maison chrétienne a été restauré en 1996 après son effondrement l'année précédente, en nous appuyant sur l'étude des vestiges et les photographies prises avant sa disparition. Enfin, l'odéon du temple d'Artémis a également été restauré.

— **Restitution complète**. Cette intervention fait davantage appel à l'extrapolation. Si les fondations de la "maison romaine" à Doura sont bien celles de bâtiments romains, d'une part elles appartiennent à plusieurs bâtiments mais sont restituées sous la forme d'une maison unique, d'autre part les élévations n'existaient plus au moment des fouilles. Ce sont les vestiges d'élévations de maisons dégagées dans les années 1930, ailleurs sur le site, et conservées jusqu'au départ de la toiture, qui ont servi de modèles (fig. 6). La restitution se fonde donc, dans ce cas, sur des éléments ayant réellement existé à cette période et dans cette ville, mais dont on ignore s'ils étaient identiques précisément à cet endroit. Les buts didactique, touristique et de mise en valeur du site, sont à la base de cette intervention.

Fig. 4. Cyrrhus, tour médiévale n°3 de la citadelle. Les montants de la porte, ici avant travaux, ont été consolidés au moment même de leur dégagement et restitués avec les blocs d'origine, tombés sur place. Photo M. Gelin, © Mission libano-syrienne de Cyrrhus-Nebi Houri.

2. Étude des édifices, insertion dans leur contexte

La deuxième étape de nos interventions a consisté à obtenir la meilleure connaissance possible des édifices sur lesquels nous devions intervenir.

— **Étude des archives**. Il peut s'agir de sources historiques qui mentionneraient, décriraient, ou dateraient un monument ou une partie de monument, comme les textes anciens, les relations de voyageurs, ou encore des documents photographiques et graphiques. Ainsi, lorsque le site a déjà été l'objet de travaux archéologiques, les archives des fouilleurs précédents peuvent représenter une mine d'informations, particulièrement pour des parties ayant depuis disparu. Par exemple, on apprend dans les notes de R. Duru qui les a fouillées vers 1940, que les maisons d'Achille et de Cassiopée situées à proximité du temple de Bêl, à Palmyre, contenaient de grosses quantités de débris de briques crues qui ne laissent pas de doute quant à la nature de leur élévation. Pour le sanctuaire de Bêl à Doura, ce sont essentiellement les archives qui servent de base à sa restitution (fig. 7).

— **Étude historique et régionale**. Cette phase est destinée à connaître le contexte général d'un édifice et à le replacer dans l'histoire de la région et du pays. Elle établit notamment des comparaisons avec des monuments similaires (qu'il s'agisse de mêmes régions, civilisations, périodes), qui pourront aider à d'éventuelles restitutions et, également, qui permettront de reconnaître s'il existe une répétition d'un lieu à l'autre, un style particulier ou commun.

La fouille archéologique du bâtiment, préalable à la restauration, contribue à le dater au plus près et permet parfois de découvrir des phases de construction qui n'apparaissaient plus.

Fig. 5 A Doura-Europos, sanctuaire de Bêl. État de l'édifice avant les travaux en 2002 et après restauration (état en 2004). Vue vers l'ouest. Photo M. Gelin, MFSDE.

Fig. 6. Doura-Europos, "maison romaine". Élévation restituée de la façade nord, avant la pose de l'enduit. Vue vers le sud-ouest. Photo É. Léna, MFSDE.

Fig. 7. Doura-Europos, sanctuaire de Bêl. Vue du portique ouest peu après son dégagement dans les années 1930. Vue vers le sud-ouest. Archive Yale University.

— **Étude architecturale**. C'est l'étude des types d'édifices, de leur plan, de leur style, de leurs techniques et matériaux de construction, de la progression de leur construction (étapes de chantier). Cette étude est extrêmement importante, car c'est sur elle que s'appuie la plus grande partie des travaux. Elle nécessite de nombreux relevés, tant en plan qu'en élévation, qui sont largement utilisés au cours des chantiers (fig. 8).

— **Caractérisation et étude des matériaux**. Les matériaux ne doivent pas être négligés car ils conditionnent l'emploi de ceux qui serviront à la restauration : en effet il est nécessaire, autant que faire se peut, d'employer des matériaux identiques à ceux d'origine. Afin de caractériser au mieux les matériaux, on peut éventuellement s'aider au moyen d'analyses physiques, chimiques et mécaniques, mais lorsque ceux-ci sont connus, il suffit de rechercher les carrières d'origine, ou des carrières de matériaux similaires pour qu'ils soient compatibles avec ceux des bâtiments anciens (voir plus bas *Recherche de solutions adaptées*). Par exemple, nous avons préféré ne pas utiliser du ciment directement sur les anciens matériaux : il était exclu de l'employer sur de la terre (tous les sites) ou sur tout matériau fragilisé (grès à Hégra et Faïlaka, gypse à Doura). En effet, la différence de matériaux peut créer, au point de contact, une barrière à la circulation de l'air et de l'humidité, qui est néfaste au plus haut point et peut entraîner la destruction des vestiges que l'on cherchait à protéger.

Par ailleurs, la recherche des carrières apporte un éclairage sur les acquis et les capacités économiques et techniques des anciens bâtisseurs, participant ainsi à la connaissance de l'histoire de la ville et aux moyens des commanditaires des constructions. Ainsi, on sait qu'à Doura-Europos la pierre était dans un premier temps extraite au plus près des monuments ; à Faïlaka, c'est le grès marin qui affleure sur les rives de

Fig. 8. Qalaat el Moudiq, façade orientale consolidée de la tour médiévale. Indication des pierres remplacées (en noir), réparées (en gris) et des emplacements des broches (en tiretés). Relevé A. el Bouch, A. Abou Araj, P. Courbon, S. Zugmeyer, mise au net M. Gelin et S. Zugmeyer. © Mission franco-syrienne de Qalaat el Moudiq.

l'île qui a été employé. Tandis qu'à Qalaat el Moudiq, ce sont les bâtiments antiques qui ont été pillés, notamment le théâtre romain[17], pour les besoins de la construction de la tour médiévale sur laquelle nous avons travaillé. En ce qui concerne la terre, celle destinée à la fabrication des briques crues antiques a été choisie de bonne qualité tant que les proches abords du site de Doura-Europos étaient vierges de toute occupation humaine ; lorsque le site a été envahi d'habitations, c'est le plus souvent de la terre archéologique, de très mauvaise qualité[18], qui a été utilisée. Ceci implique que les briquetiers se sont fourni à proximité immédiate des chantiers de construction, cependant que de riches résidences continuaient à être construites avec des matériaux de bonne qualité, prélevés à distance[19]. À Qalaat el Moudiq, du moins pour les briques d'un rempart antérieur à celui de l'époque hellénistique, la terre provenait directement de la plaine environnante, sur ou à proximité immédiate d'un site de l'âge du bronze : des tessons de céramique de cette période ont été retrouvés dans la terre de ces briques[20].

3. Recherche des causes de dégradation et prévention

L'étape suivante a été la connaissance, indispensable, des causes de dégradation des édifices afin de les éliminer, puis de prévenir ces dernières pour éviter qu'elles ne se répètent sur le bâtiment stabilisé. Il a donc fallu :

— **Vérifier** l'état des fondations, la stabilité des sols, la résistance des matériaux, les réseaux d'évacuation des eaux de ruissellement, la présence de végétation et de faune

Fig. 9.

qui peuvent envahir les maçonneries, la fréquentation touristique et la surveillance des vestiges. À Qalaat el Moudiq, la tour est érigée au sommet de la pente du tell, susceptible de subir des glissements de terrain. Notre mission a procédé à une étude de stabilité du sous-sol et à la consolidation du monument, la stabilisation de la pente étant déjà en cours de réalisation par l'Université d'Architecture de Damas. Des évacuations d'eaux usées qui ruisselaient au pied des maçonneries ont été réorientées vers les égouts du village. À Hégra les anciens sondages, approfondis au pied des maçonneries qu'ils déstabilisaient, ont été rebouchés[21]. Pour le sanctuaire de Bêl à Doura, les travaux d'évacuation des eaux restent à faire, avant d'achever la restauration du monument.

Des fouilles archéologiques ont été menées au pied des constructions, préalablement étayées si nécessaire, afin d'accéder à la base des maçonneries pour vérifier leur état: l'affaissement d'une construction peut effectivement être dû à une déficience de sa base (comme à la maison chrétienne de Doura). Ce type de vérification rend les fouilles indispensables avant toute intervention. Bien entendu, certains cas d'urgence peuvent entraîner une sauvegarde immédiate avant le travail de fouille, tout en veillant à laisser un accès pour de futures études archéologiques.

— **Assainir** les abords des édifices et les parties sommitales des maçonneries à risque. Ceci a été réalisé dans le double but de mieux préserver les vestiges ainsi que d'en permettre l'accès sans danger pour le public.

4. Respect des techniques et des matériaux d'origine

Cet aspect a été pour nous l'un des plus importants, car, au-delà du respect de l'authenticité des édifices concernés, il permet de mener de nombreuses recherches:

on l'a vu, les apports à l'histoire de l'édifice, à l'histoire des techniques et de l'architecture, à l'économie de la ville concernée, aux moyens déployés par les bâtisseurs et les commanditaires, sont remarquables et le fonctionnement des chantiers a le plus souvent pu être retracé. C'est pourquoi ce choix s'est imposé à nous et est devenu incontournable.

Cependant, réhabiliter des savoir-faire parfois millénaires est également la solution la plus difficile en raison, d'une part, de la disparition de certains d'entre eux (comme les briques crues dans la région de l'Euphrate, remplacées par le béton), d'autre part du temps nécessaire à leur mise en place sur le site pour les besoins des travaux. C'est à ce stade qu'est intervenue l'**étude ethnoarchéologique**, indispensable pour retrouver et tenter de comprendre les différentes techniques de construction des anciens bâtisseurs. Outre un grand nombre de lectures sur le sujet, cette étude a inclus de nombreuses prospections, dans des régions employant encore les techniques concernées, puis a ensuite été associée à de l'**archéologie expérimentale**. Celle-ci, réalisée dans des conditions proches de celles de l'Antiquité, nous a permis de tester ces anciennes techniques, de vérifier l'analogie des matériaux nouvellement produits avec ceux des constructions anciennes, puis de les appliquer à plus grande échelle.

Une fois cette formation acquise, les avantages ont été considérables. Ainsi, après avoir formé des ouvriers à la taille de pierre selon les techniques et avec des outils identiques à ceux de l'Antiquité, pour les besoins de la restauration de la façade à bossages du palais du Stratège à Doura, J.-C. Bessac a pu évaluer les temps de production et de mise en place des blocs de pierre. Cette estimation a ensuite pu être développée pour l'ensemble des fortifications de la ville[22]. Toujours sur ce site, les briques crues fabriquées pour la restitution de la maison chrétienne et du glacis de la porte principale ont ensuite permis d'estimer le temps et les besoins qui ont été nécessaires à la construction du rempart en briques[23]. Par ailleurs, J. Abdul Massih a pu retrouver quel type de la fabrication du *djousse*[24] se rapprochait le plus du matériau antique et nous a permis de l'utiliser désormais dans nos travaux.

5. Recherche de solutions adaptées

- **Adaptation aux moyens financiers et techniques** : les matériaux et techniques utilisés conditionnent grandement le financement d'un chantier, c'est pourquoi les moyens traditionnels, généralement moins onéreux, ont été là aussi favorisés.

De plus, il s'est avéré indispensable d'adapter les usages des restaurateurs aux moyens disponibles. En effet, les missions archéologiques font souvent appel, par exemple, à des architectes et ingénieurs, formés en Europe à des techniques nécessitant de gros moyens, ou à des matériaux n'existant pas sur les lieux des travaux. C'est ainsi le grand mérite des architectes en charge des travaux à Qalaat el Moudiq, S. Zugmeyer, et à Doura-Europos, É. Léna, d'avoir su s'adapter au terrain plutôt que de lui imposer d'emblée des solutions qui auraient été pratiquées en Europe. Dans le premier cas, plutôt que de procéder au cerclage de la tour à consolider pour œuvrer sur son angle sud-est et remplacer des pierres complètes, qui était la technique qui s'imposait de prime abord mais qui aurait pu considérablement fragiliser l'édifice, ce sont la mise en place de broches à l'intérieur de la maçonnerie et le ragréage de certaines pierres, qui ont été préférés. La mission et l'entreprise en charge des travaux ne disposant pas des moyens nécessaires à la première solution, une autre a été

trouvée, aussi fiable. Dans le second cas, pour les besoins de la restauration de la maison romaine, une formation au matériau, la terre crue, très rarement employé en Europe et inconnu de la plupart des enseignements d'architecture[25], a été un préliminaire indispensable. Fort de son expérience, l'architecte a ensuite pu en exploiter différentes facettes ("plasticité" du matériau, mise en place d'une niche couverte d'un arc, divers jeux esthétiques, etc.) qui ont été autant d'atouts dans la réalisation du bâtiment.

— **Utilisation des moyens les plus modernes**: s'il nous a paru indispensable de respecter les techniques et matériaux d'origine, un équilibre entre ce respect et l'emploi de techniques plus modernes a dû être trouvé, principalement en vue d'un gain de temps. Ainsi, dans certains cas, des outils actuels ont pu être préférés aux traditionnels à condition, bien entendu, que cet emploi ne perturbe pas la qualité des matériaux ni l'authenticité du bâtiment (à Qalaat el Moudiq, injection de mortier au moyen d'un compresseur, percement de la maçonnerie pour l'insertion de broches (fig. 9), etc.). C'est ce qui a fait la différence entre des restaurations dont chaque étape participait à l'étude des techniques d'origine, comme à Doura-Europos, avec une première phase assez longue, et une restauration d'urgence comme à Qalaat el Moudiq. C'est pourquoi, à Doura les pierres ont été extraites et taillées manuellement, tandis qu'à Qalaat el Moudiq elles ont été extraites selon des méthodes actuelles, à l'exclusion de l'explosif qui crée de nombreuses micro-fissures dans le matériau, puis taillées au moyen d'une scie électrique. La finition a cependant été réalisée manuellement.

Il a également été fait appel à des techniques de pointe. Par exemple, une modélisation menée sur la tour restaurée à Qalaat el Moudiq et sur le tell au-devant de la tour, a montré clairement quelle était la zone la plus menacée (fig. 10); les résultats d'un carottage mené jusqu'au rocher ont aidé à définir quels étaient les plus gros problèmes de stabilité du tell.

— **Recherche des meilleurs matériaux** : comme on l'a vu, des recherches de carrières ont dû être effectuées afin de disposer des matériaux les plus résistants et compatibles, si non identiques, avec ceux d'origine. Ceux-ci ont ensuite été manufacturés de manière à être les plus proches possible des produits finis, c'est-à-dire des blocs taillés, des briques crues ou des mortiers, notamment, dans les deux premiers cas, en ce qui concerne les dimensions[26] et l'apparence. Ainsi, la carrière exacte ayant produit les pierres de construction de la tour de Qalaat el Moudiq (donc, du théâtre romain dont elles proviennent) n'ayant pas été retrouvée, une prospection dans l'ensemble des carrières proches du site a été réalisée[27]. Celle dont la pierre s'apparente le plus aux blocs antiques (roche, dureté, couleur, etc.) a été sélectionnée et les pierres extraites, sans explosif, selon les dimensions des matériaux anciens. Les briques crues nécessaires à la reconstruction du mur effondré de la maison chrétienne de Doura ont été produites à partir de la terre provenant de l'effondrement, puis avec de la terre du plateau, la plus proche de celle des briques romaines.

En dehors de toute considération de plasticité ou de granulométrie, c'est la terre contenant le moins d'éléments organiques qui est la plus apte à être utilisée à la restauration. Ces derniers peuvent demeurer sans incidences lorsqu'ils sont présents en faibles quantités. À ce titre, il semble important de signaler que, même si la tentation est grande de procéder au recyclage des déblais de fouille pour fabriquer de nouvelles briques, il est préférable d'exclure la terre issue de ces remblais, car elle est très souvent riche de ces matières organiques et sa résistance, à long terme, est compromise. Les

Fig. 10. Qalaat el Moudiq. Modélisation du sous-sol aux abords de la tour médiévale n°5, réalisée par M. al Heib (École des Mines, Nancy). © Mission franco-syrienne de Qalaat el Moudiq.

carrières d'origine sont souvent difficiles à retrouver avec exactitude du fait de l'évolution du paysage : accumulations de couches de limons par-dessus celles qui affleuraient au moment des constructions d'origine; ruissellement d'eaux ayant raviné les terres en place ; bouchage progressif de fosses par accumulations éoliennes ou intervention humaine. C'est pourquoi, à Hégra comme à Faïlaka et Doura, plusieurs secteurs ont été prospectés, des échantillons de terre ont été prélevés et des analyses, parfois en laboratoire, parfois plus sommaires mais efficaces[28], ont été réalisées. Les terres les plus aptes à satisfaire aux exigences de nos travaux ont été sélectionnées.

À Qalaat el Moudiq et à Cyrrhus, c'est la chaux qui était employée comme mortier dans les constructions d'origine et c'est ce même matériau qui a été utilisé dans nos consolidations.

— **Mise au point de matériaux stabilisés ou optimisés**: cette recherche a une certaine importance car, par exemple, la paille présente dans les briques crues, qui joue un certain rôle d'armature dans la construction en terre, peut disparaître avec le temps et, éventuellement, fragiliser ces briques. C'est ainsi qu'à Doura-Europos, nous avons été amenés à en fabriquer en remplaçant la paille par des fibres synthétiques d'ordinaire employées comme maillage dans le ciment, qui ont une durée de vie plus longue et ne tentent pas les insectes ni les rongeurs. De même, des solutions ont été mises au point pour renforcer la résistance des briques au ruissellement des eaux (ajout de *djousse*).

À Qalaat el Moudiq, dans la mesure où le mortier d'origine n'avait pas une composition fixe, les mortiers employés à la restauration de la tour ont été optimisés selon leur destination, c'est-à-dire que le mélange chaux-sable a été différencié selon qu'il

Fig. 11. Qalaat el Moudiq, inscription de la date sur un nouveau bloc. © Mission franco-syrienne de Qalaat el Moudiq.

devait remplir de larges fissures ou de très fines, ou encore fermer les joints (chaux plus liquide pour les joints difficiles d'accès à l'intérieur de la maçonnerie ou davantage de sables dans le mortier de nouvelles pierres, par exemple).

Lorsque les moyens financiers et le temps nous ont fait défaut, des matériaux nouveaux ont pu être fabriqués, mais à la condition de rester compatibles avec les anciens. Par exemple, à Doura-Europos (pour l'odéon) des briques cuites, brisées en plusieurs endroits, auraient nécessité un investissement important dans des fournées spéciales, chaque fragment ayant sa forme propre. Ceux-ci ont été reconstitués grâce à un mélange de *djousse*, d'éclats de gypse et de céramique pilée, matériaux qui, pris individuellement, sont ceux qui composent la construction d'origine.

Enfin, le cas de Faïlaka représente un défi important, car les matériaux résistent difficilement aux intempéries particulières de l'île: forte humidité, sel et vents forts charriant des sables qui érodent les maçonneries. Plus particulièrement, c'est la terre qui composera le mortier des moellons de grès restitués et les enduits, qui devra être renforcée et stabilisée. Des premières recherches de carrières et des tests de résistance sur les terres ont été menés en 2008, dont nous connaîtront les résultats lors de la prochaine campagne. La question se posera alors de savoir quels adjuvants pourront être introduits dans la terre (faibles proportions de chaux ou de ciment, par exemple) sans que ceux-ci interfèrent sur le grès, et comment les maçonneries pourront être protégées.

6. Respect des vestiges et des visiteurs

Cette étape ne concerne pas seulement la dernière phase de la présentation des édifices et de la finition des travaux, car le respect de l'édifice a dû être pensé dès avant le début des chantiers.

Fig. 12. Doura-Europos, sanctuaire de Bêl. Mise en retrait de la nouvelle maçonnerie lors de la restauration de l'autel nord (avant patinage). Photo M. Gelin, MFSDE.

Fig. 13. Doura-Europos, sanctuaire de Bêl. Patinage d'une colonne en *djousse* du portique ouest, au moyen de boue. Le mur situé immédiatement derrière est patiné, celui en arrière-plan est d'origine. Photo M. Gelin, MFSDE.

Fig. 14. Qalaat el Moudiq, taillage de surface d'un bloc scié afin de "vieillir" le parement. © Mission franco-syrienne de Qalaat el Moudiq.

Fig. 15. Hégra, abattage d'une berme située au centre d'une pièce et bouchage d'anciens sondages pour la présentation du site. Photo M. Gelin, Mission franco-saoudienne de Hégra-Médaïn Saleh.

— **Protection des vestiges en place au cours des chantiers**. De manière évidente, le travail sur des secteurs fragiles, comme un mur très penché, a pu imposer la mise en place d'étais destinés à maintenir les vestiges en place jusqu'à leur consolidation. Plus souvent, la protection était plus sommaire, mais également celle à laquelle les restaurateurs motivés ne pensent pas immédiatement, comme la mise en place d'une bâche sur des maçonneries pour leur éviter de recevoir des coulures de mortier lors de travaux sur un mur proche, ou le renfort du sommet d'un mur sur lequel on grimpe pour accéder à une autre maçonnerie en cours de consolidation, etc.

— **Emploi de matériaux d'origine** lorsque c'est possible, soit issus directement des vestiges, comme par exemple les pierres d'un montant effondré du sanctuaire de Bêl à Doura, qui ont été remises en place lorsqu'elles étaient réutilisables (anastylose), soit nouvellement fabriqués, selon les traditions reconnues sur les vestiges (voir plus haut *Respect des matériaux d'origine*).

— **Distinction des parties anciennes et nouvelles**. À la fois pour les chercheurs et pour un public plus large, il nous a paru important de distinguer les parties anciennes des parties nouvellement réalisées. C'est dans ce but que, sur le terrain, les mortiers ont pu être distingués, par exemple en ajoutant des matériaux ne se trouvant pas dans les constructions d'origine et sans incidence sur les matériaux anciens, comme de la pouzzolane dans le *djousse* à Doura ou des fragments de polystyrène dans la terre à Hégra. Lorsque les matériaux employés ne permettaient pas ce type de distinction, comme des pierres de taille par exemple, leur marquage a pu être nécessaire: à Qalaat el Moudiq, la date a été discrètement gravée sur les nouvelles pierres (fig. 11). Enfin, dans le cas du blocage, les vestiges en place ont été laissés en relief par rapport aux parties nouvelles (fig. 12). Par ailleurs, l'ensemble des vestiges a été photographié avant toute intervention dont chacune a été repérée sur des relevés et décrite, ce qui permet, en cas d'extrême nécessité, la réversibilité de l'intervention.

— Tout en respectant cette distinction, il nous a pourtant semblé nécessaire de **ne pas choquer la perception des vestiges** en affirmant des différences trop marquées. C'est pourquoi la couleur des nouvelles pierres, comme du blocage, a été patinée, simplement au moyen de boue très liquide (fig. 13). Le mortier de chaux a été mélangé avec des sables de couleurs différentes (plutôt rouge à Qalaat, gris à Cyrrhus) pour que l'apparence finale se rapproche des constructions anciennes. Les pierres coupées à la scie électrique à Qalaat el Moudiq l'ont été de manière à laisser quelques millimètres de trop, par rapport aux dimensions requises, sur chaque face exposée; de la sorte, il a été possible de retailler la surface manuellement, afin de présenter un parement d'apparence peu différente de ceux des pierres anciennes, au lieu de laisser une face lisse qui aurait juré sur l'ensemble de la façade (fig. 14).

— **Présentation des vestiges et du site**, afin de rendre l'ensemble lisible pour le public. Dans ce but également, les anciens sondages ne servant plus à l'étude archéologique ont été rebouchés, les bermes abattues (fig. 15). Enfin, les accès aux monuments consolidés ont été facilités (enlèvement de déblais de fouilles, mise en place de passages renforcés) et sécurisés, afin d'en autoriser la visite au public, les vestiges nettoyés et aménagés (fig. 16 A et B). Bien entendu, un budget devra ensuite être prévu pour une présentation générale des sites et des monuments (panneaux explicatifs, cheminements, etc.).

— **Entretien des édifices et des restaurations**. Il est essentiel de réaliser que

Fig. 16 A et B. Qalaat el Moudiq, la galerie orientale avant et aprиs travaux de la tour mйdiйvale, en vue de sa prйsentation. © Mission franco-syrienne de Qalaat el Moudiq

l'ensemble des travaux qui vient d'être décrit, en dépit des moyens et des énergies développés, peut n'être que provisoire, voire inutile, si un entretien régulier n'est pas opéré. Ceci implique un suivi et l'observation régulière des vestiges par des membres de l'équipe de restauration, mais aussi et surtout une surveillance effectuée par des gardiens: les missions ne sont présentes que ponctuellement sur les sites et ne peuvent assurer ce gardiennage. La politique du pays dans lequel se déroulent les travaux est pour cela fondamentale.

Les principes ici énumérés, qui ressortent tant de choix personnels de la part des restaurateurs que de l'adaptation aux règles établies, ont pu être appliqués dans tous les cas, à Doura-Europos où nous avons mené des travaux sur la longue durée, à Qalaat el Moudiq où il s'agissait d'une mission d'urgence, à Hégra et Cyrrhus où les travaux ont consisté en une simple conservation des vestiges. S'y conformer n'a pas représenté un obstacle dans le cas de la mission d'urgence.

Ces exemples ne sont que quelques-uns parmi les nombreuses interventions d'équipes internationales au Proche-Orient, et on ne peut qu'espérer que ces pratiques se multiplient.

Enfin, puisque ce qui vient d'être présenté ressort de travaux d'équipes, il faut insister encore sur le fait que ceux-ci montrent clairement que la restauration monumentale est une démarche pluridisciplinaire qui peut être effectuée dans le respect de l'histoire, de l'archéologie, des vestiges et des matériaux, selon des règles reconnues sur le plan international. Les techniques et les matériaux, proches de ceux d'origine, sont riches d'enseignements sur les chantiers antiques; leur réhabilitation permet de faire revivre des métiers parfois oubliés et, fait non négligeable, offre des coûts souvent avantageux. La formation d'ouvriers à ces techniques, parfois longue et difficile, représente cependant un investissement important[29]. Enfin, les techniques les plus modernes ne sont pas négligées mais adaptées aux besoins des monuments.

NOTES

1. À condition que le site archéologique soit dûment protégé.
2. Cette solution demeure la plus extrême et l'on admet, lorsqu'on la pratique, que le monument pourra être dégagé si de nouveaux moyens de préservation se développent.
3. On n'aborde pas ici les missions qui ont pu travailler dans les années trente et quarante car, du moins dans les pays sous mandats français et britanniques, les directions des Antiquités déployaient d'importants moyens financiers et humains dont les missions archéologiques actuelles ne disposent pas.
4. *Chiari G.* Evaluation of the Preservation Work on Earthen Architecture Done in Iraq in the years 1969-71 // Mesopotamia. Vol. 25. 1990. P. 217-227; *Carter H., Pagliero R.* Notes on Mud-Brick Preservation // Sumer. Vol. 22. 1966. P. 65-82; *Torraca G., Chiari G., Gullini G.* Report on Mud Brick Preservation // Mesopotamia. Vol. 7. 1972. P. 259-286.
5. Que l'on peut consulter aisément, via internet.
6. Voir par exemple: *Bessac J.-C.* Techniques originelles et Éthique de conservation: essais d'application en Syrie pour les monuments en pierre // Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes. Vol. XLII-XLIII. 2004-2005. P. 239-249; *Bossoutrot A.* La conservation des sites archéologiques // Unesco, Études et documents sur le patrimoine culturel. Vol. 15. Conservation des sites et du mobilier archéologiques. Principes et méthode*s*. 1988. P. 5-21; Third International Symposium on Mudbrick (adobe) Preservation. Ankara, 1980.

   Pratiquement chaque mission ayant réalisé des consolidations et restaurations a publié

ses travaux. Par exemple, *Bendakir M.* & *Vitoux F.* Méthodologie de recherche pour la préservation du site archéologique de Mari (Syrie) // 7th International Conference of the Study and Conservation of Earthen Architecture. Silves, 1993. P. 317-323 ; *Gelin M.* Treatment, Conservation and Restoration of Mudbrick Structures // Report on the First Excavation Season at Madâin Sâlih, Saudi Arabia, 2008 // Hegra. Vol. I. / ed. by L. Nehmé, D. Al-Talhi, F. Villeneuve. Riyadh, 2009. P. 27-46; *Samanez Argumedo R.* La restauration de la brique crue dans les monuments historiques de la région andine du Pérou // Unesco, Protection du patrimoine culturel, Cahiers techniques : musées et monuments. Vol. 7. Les "technologies appropriées" au service de la conservation des biens culturels. 1986. P. 83-111; *Stadelmann R.* Les travaux de restauration et de reconstruction au temple de Séti Ier à Gourna // Prospection et sauvegarde des antiquités de l'Égypte / ed. by N.C. Grimal. Le Caire, 1981. P. 19-20; *Tarzi Z.* Préservation des sites de Hadda: monastères bouddhiques de Tape Shotor et de Tape Tope Kalân // Mari. Vol. 8. 1997. P. 207-222.

7. Si, aujourd'hui, la tendance veut que ce travail d'équipe soit de plus en plus effectif, ce n'était pas le cas il y a encore une vingtaine d'années où, par exemple, l'emploi du ciment, gris ou blanc, était d'un usage courant y compris sur des matériaux fragiles comme la terre crue, détruisant ou empêchant l'accès à divers vestiges.
8. Travaux réalisés dans le cadre d'un programme européo-syrien de formation des cadres de la Direction générale des Antiquités et des Musées à la préservation du patrimoine culturel, qui s'est déroulé de 2002 à 2004 et auquel ont participé dix-sept missions européo-syriennes. À Doura, il m'a été donné d'assumer la gestion du programme, concernant les deux projets ("maison romaine" et sanctuaire) et la formation. J'ai personnellement pris en charge l'ensemble des travaux réalisés sur le sanctuaire de Bêl. À Qalaat el Moudiq, j'ai assumé la responsabilité de la totalité des travaux. Voir la publication des résultats dans Programme de formation à la préservation du patrimoine culturel syrien // Documents d'Archéologie syrienne. Vol. XI / ed. by J. Abdul Massih. Damas, 2007.
9. Mission d'urgence créée en 2004, dirigée par M. Gelin, CNRS Nanterre et Sh. Al Shbib, Direction Générale des Antiquités et des Musées de Syrie à Idlib. Autres membres de l'équipe ayant travaillé à la consolidation : A. el Bouch et A. Abou Arraj, topographes (DGAMS Damas), J.-C. Bessac, spécialiste de l'architecture de pierre (CNRS Lattes), P. Courbon, expert géomètre (Marseille), M. Hayek, entrepreneur (Alep), M. Al Heib, ingénieur spécialiste de la stabilité des sous-sols (École des Mines Nancy), M. Hijazi, responsable de la restauration (DGAMS Hama), B. Michaudel, historien des fortifications médiévales (IFPO Damas), S. Zugmeyer, architecte du patrimoine (Arles), ouvriers de l'entreprise et ouvriers de la fouille.
10. Mission dirigée par P. Leriche, CNRS Paris et Y. Shohan, DGAMS Deir ez-Zor. Autres membres des équipes ayant travaillé aux consolidations et restaurations mentionnées ici : Gh. Abd el Aziz, restaurateur (DGAMS Damas), J. Abdul Massih, archéologue (Beyrouth), A. Abou Trabé, archéologue (DGAMS Soueïda), E. Al Ejji, ingénieur (DGAMS Damas), S. El Hamoui, archéologue (Institut de Restauration, Damas), É. Léna, architecte (IFPO Damas), Sh. Al Shbib, archéologue (DGAMS Idlib), M. Soueïdi, maçon (Safsafé), ouvriers de la fouille et ouvriers formés spécialement pour les besoins de la restauration.
11. Mission dirigée par J. Abdul Massih, Université Libanaise, et Sh. Al Shbib, DGAMS Idlib. Autres membres de l'équipe ayant travaillé à la consolidation: W. al Araj, A. Qasseim. Grâce à cette intervention, les montants de la porte d'entrée et les vestiges de l'arc de couvrement ont pu être préservés.
12. Mission dirigée par L. Nehmé, CNRS Évry, D. Al-Talhi, Commission du Tourisme et

des Antiquités à Riyad, F. Villeneuve, Université de Paris I. Équipe ayant pris part aux consolidations, restitutions et mise en valeur : D. Al-Talhi, archéologue (Commission du Tourisme et des Antiquités à Riyad), L. Nehmé, épigraphiste (CNRS Évry), Z. Mhamad Awd et M. El Mutlaq, archéologues (Riyad et Médaïn Saleh), ouvriers de la fouille.

13. Mission dirigée par D. Al-Talhi, Commission du Tourisme et des Antiquités à Riyad.
14. Mission dirigée par O. Callot, CNRS Lyon et Sh. A. Shehab, DGAM Koweït.
15. Pour ce site, on ne précise pas les très nombreuses interventions ponctuelles que nous avons opérées sur des vestiges en situation dangereuse.
16. Cependant, à Doura la façade du palais du stratège a également été restaurée puis, dans un deuxième temps, en partie restituée, travaux auxquels nous n'avons pas pris part.
17. *Bessac J.-C.* À propos des marques lapidaires des fortifications médiévales de Qalaat el Moudiq, citadelle d'Apamée de l'Oronte (Syrie) // Adiyat Halab. Vol. 11-12. 2008. P. 35-50.
18. La terre archéologique comprend le plus souvent de nombreux sels et éléments organiques. Notamment, les matières organiques dissocient les liaisons argileuses qui sont la base même de la stabilité de toute construction en terre.
19. Comme la maison de Lysias.
20. Ces céramiques ne datent donc pas le rempart, mais bien le lieu d'extraction de la terre.
21. En prenant toujours soin, au fond des sondages, de placer un marqueur chronologique (monnaies contemporaines, par exemple) avant bouchage.
22. Voir notamment *Bessac J.-C. La* construction des fortifications hellénistiques en pierre de Doura-Europos (Syrie) // Thèse de doctorat. Université de Rennes 2. 1997.
23. *Gelin M.* La terre au secours de la pierre. Délais d'un chantier de construction hellénistique en briques crues à Doura-Europos sur l'Euphrate // I cantieri edili dell'Italia e delle province romane. Italia e province orientali / ed. by Université de Sienne, Institut d'Archéologie de Mérida, École Normale Supérieure de Paris. À paraître en 2010.
24. *Abdul Massih J.* L'architecture en pierre de taille et en *djousse* à Doura-Europos (Syrie). Histoire et urbanisme // Thèse de doctorat. Université de Paris I. 2000; *id.* Étude ethnoarchéologique sur la fabrication du *djousse* dans la vallée de l'Euphrate : Doura-Europos (Salhiyé) et Deir ez-Zor // Doura-Europos Études. Vol. V. 1994-1997. Damas, 2004. P. 199-211.
25. À notre connaissance, Craterre, à Grenoble, reste une exception en France.
26. Les briques en place ont été mesurées et une moyenne a été établie qui a servi de modèle pour les moules des nouvelles briques.
27. Par J.-C. Bessac.
28. Le simple fait de goûter la terre permet d'éliminer d'emblée celle qui contient trop de sels ou d'éléments organiques. Mélanger la terre avec une certaine quantité d'eau puis laisser décanter offre une estimation, assez large mais indicative, de la part de chacun des éléments minéraux selon leur taille (sables, silts, argiles). Enfin, des tests d'adhérence de la terre humide, de résistance à la traction, de résistance après séchage, de réaction après mélange avec de la paille, permettent d'évaluer le comportement des terres et leur destination dans la consolidation. Par exemple, une terre fine très argileuse, seule, sera utile à l'imperméabilisation, mais ne résistera pas à des pressions importantes.
29. Par exemple à Doura, M. Soueïdi, le maçon formé par la mission, après avoir discuté avec lui des problèmes à résoudre et des solutions à apporter, est désormais, non seulement à même de travailler en grande partie seul avec les ouvriers, mais peut aussi prendre en charge une partie de la formation d'ouvriers et d'archéologues. Sa formation lui permet également de participer à la restauration sur d'autres sites, comme à Mari.

CONSERVATION ET MISE EN VALEUR DU PATRIMOINE ARCHITECTURAL AU PROCHE-ORIENT: QUELQUES RÉALISATIONS DE MISSIONS ARCHÉOLOGIQUES

M. Gelin

Tout monument dégagé au cours d'une mission archéologique est aussitôt, du fait de sa fragilité, exposé à des altérations, voire à des destructions, entraînant une lourde responsabilité pour l'archéologue. Afin de contrer ces dégradations, la solution que possède ce dernier est d'intervenir pour conserver l'édifice et le restaurer si nécessaire. Plusieurs règles internationales ont été émises, qui permettent d'encadrer les travaux. Cependant, trop souvent les archéologues ne possèdent pas de formation adéquate pour travailler sur les matériaux de construction anciens ni consolider les bâtiments et, malheureusement, rares sont les missions dotées de budgets nécessaires aux dépenses inhérentes à la conservation. Surmontant ces problèmes, plusieurs missions, pourvues de moyens financiers et techniques d'importances variées, ont pu mener des travaux, notamment au Proche-Orient. Diverses solutions se sont offertes, dont nous présentons ici quelques exemples (Qalaat el Moudiq citadelle d'Apamée, Cyrrhus, Doura-Europos (Syrie), Hégra (Arabie Saoudite), sur des fortifications en pierre de taille, de l'habitat nabatéen, des sanctuaires parthe et romains en briques crues et blocage), qui ont permis de sauvegarder les vestiges tout en respectant les règles internationales et les constructions d'origine.

© 2010

Б.А. Литвинский

ПАРФЯНО-БАКТРИЙСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Среди многочисленных находок, сделанных при раскопках храма Окса на Тахти-Сангине, имеется алебастровая статуэтка — изображение идущего персонажа. Голова, руки и ноги (частично) отбиты. Верхняя часть левой ноги была отведена назад. Персонаж носит сложно-складчатую тунику (доспех?). Верхняя часть одеяния состояла из вертикальных складок (полос?), нижняя — из горизонтальных складок (полос?). Центральная вертикальная полоса прямая, боковые слегка изогнуты по высоте. Полосы обозначены валиками. Талия, где соединялись две части одеяния (доспеха?), охвачена гладким поясом. В центре свисают, образуя дугу, два его конца. Подол (нижний край) округлый (выпуклиной вниз), с незначительным приострением в центре. Судя по горизонтальным валикам — дугам в верхней, сохранившейся части ног, персонаж носил штаны. Тыльная сторона статуэтки не обработана. Несохранившаяся голова была посажена на штыре — имеется глубокое овальное гнездо (размеры гнезда вверху — 13x8, глубина — 73 мм). Максимальная высота сохранившейся части статуэтки — 112, ширина — 47, толщина — 28 мм.

Для иконографии характерны вытянутые пропорции с узкой талией, неширокими бедрами и плечами, четкая, почти графическая трактовка объема, уверенная передача формы.

Мои иконографические наблюдения и соображения по поводу датировки были опубликованы в начале 80-х гг. XX века[1] ; краткое изложение этого текста (без указания на его авторство) затем было включено И.Р. Пичикяном в свою книгу[2]. В опубликованных ранее работах статуэтка рассматривалась как принадлежащее к бактрийской школе воспроизведение одетого в складчатый кафтан мужского персонажа и датировалась II в. до н.э. — рубежом н.э. Сейчас требуются радикальные коррективы.

Выше при описании, мы привели вариант описания ее как фигурки воина (?). Однако истолкование этой статуэтки как мужской фигуры, одетой в доспех, весьма проблематично. Вертикальные полосы или валики на поверхности одежды в гандхарском искусстве обычно передавали складки. Так, например, обстоит дело с одеянием фигуры женщины на одном рельефе из Свата[3], фигуры аскета на рельефе оттуда же[4]. Известны и другие примеры[5]. Добавим, что в гандхарском искусстве горизонтальные кольцевые полосы («обручи») на руках скульптур также являлись складками одежды — см., например, мужскую фигуру на рельефе из Свата[6]. Реже такие кольца («обручи») охватывают верхние части штанин, например, на статуэтке из Хадды[7]. Это могло бы являться доводом в пользу того, что вертикальные полосы и горизонтальные кольца являются не чем иным, как условным воспроизведением одежды, а не отражение конструкции доспеха.

Вместе с тем, в гандхарском искусстве имеются довольно многочисленные воспроизведения двухъярусного доспеха: короткой куртки, охваченной поясом, под ним — нижняя часть («юбка»), порой колоколовидной формы. Верхняя и нижняя часть доспеха состояли из совершенно различных и по-разному расположенных пластин, коротких полос или чешуек[8]. Однако общая трактовка фигур совершенно иная, они отличаются значительно большей массивностью, конструкция доспеха не имеет ничего общего с конструкцией доспеха на статуэтке из храма Окса, к тому же на гандхарской скульптуре концы пояса не опускаются вниз.

В матхурском искусстве имеются скульптурные изображения гораздо более близких, чем в Гандхаре, пропорций[9]. Сходны отдельные детали, например, трактовка складок одеяния на руках, как колец[10]. Известны отдельные матхурские скульптуры, у которых концы перевязанного пояса спускаются вниз двумя кистями[11]. Следует вместе с тем отметить, что такая перевязка пояса была распространена в Индии, судя по памятникам искусства, уже со II в. до н.э. — рубежа н.э. — Бхархут, Бхаджа, Питалхора, Санчи и др.[12]

Четкие параллели могут быть найдены в парфянском искусстве, где пропорции и общий абрис стоящих мужских фигур в ряде случаев близки к рассматриваемым — Бард-е Нешанде, I в. н.э.[13]. Схожи и некоторые важные детали костюма. Туника парфянских мужских персонажей обычно имеет прямой или вогнутый подол, причем последний состоит из одной (обращенной вверх выпуклиной) дуги или из двух дуг, в центре, в месте их соединения, образующих мыс. Так, в качестве примера можно указать на изображение парфянина

на каменном рельефе в Бисутуне. Согласно пехлевийской надписи, этот персонаж назван «царем царей Вологезом, сыном Вологеза». Однако это не дает точного определения, так как «царей царей» с таким именем с сер. I в. н.э. и до первой четверти III в. н.э. было шесть. Ряд признаков склоняет к мысли, что изображение на рельефе относится ко II–III вв. н.э. На бисутунском изображении линия подола состоит из двух, обращенных выпуклиной вверх, дуг, в месте соединения образующих мыс. Одеяние обтянуто украшенным фалерообразуемым кружками поясом, из центра которого вниз свисают расходящиеся кисти[14].

Очертания подола туники в виде двух сомкнутых дуг с мысом в центре известны и по фронтальным изображениям фигур на рельефе из Хунг-и Аждар (Hung-i Aħdar)[15].

Такие скульптуры есть и в Хатре, например, на рельефе «Жрец на алтаре» имеют кафтан с подолом, у которого впереди одноарочный вырез[16], у мужской скульптуры оттуда же[17], на рельефе оттуда же со сценой «божество с Цербером» с таким же вырезом передней части подола[18].

Что касается кафтана с выпуклым (дугою вниз) краем подола, то, по наблюдениям С.А. Яценко, такие кафтаны появляются в Иране лишь в сасанидское время, с. IV–V вв. Вместе с тем он отмечает наличие таких подолов в искусстве Пальмиры в значительно более раннее время, в I–II вв. н.э.[19].

Впрочем, хотя и редко, выпуклый подол в парфянском костюме все же встречается[20].

Вогнутый подол известен по костюму многих других персонажей, изображенных на памятниках искусства[21]. В этой связи целесообразно также обратиться к искусству Пальмиры. Пальмирский мужской костюм детально изучен[22].

Подол дугообразной формы выпуклиной вниз встречается значительно реже, но они представлены, в частности, в скульптуре Хатры[23].

Анализируя парфянский костюм, В. Картис отмечает, что наиболее совершенные образцы парфянских костюмов, наряду с Хатрой, представлены в Пальмире[24].

Говоря о сложении зрелого искусства Пальмиры, Г. Франц указывает на интенсивность процессов западно-восточного синтеза, особенно с I в. до н.э. Это было связано с распространением на Западе парфянского искусства, причем Пальмира являлась наиболее западным регионом, где происходил этот процесс[25].

Некоторые пальмирские скульптурные изображения I–II вв. н.э. носят одежду, которую исследователи иногда характеризуют как «иранскую»[26], но чаще называют более конкретно — «парфянской»[27]. У этих скульптур подол дугообразный, выпуклиной вниз. Это тем более важно, что есть данные о том, что пальмирские рельефы в древности как будто достигали Маргианы.

Обратимся к другой важной детали костюма — поясу. Завязанный узлом, он на тахтисангинской статуэтке спускается вниз двумя расходящимися кистями. В пятичленной классификации парфянских поясов, предложенной В. Картис, пояса интересующего нас типа отнесены к группе 2 — «пояса, которые завязаны в центре талии и имеют два конца». Они известны на протяжении всего пар-

Рис. 1. Алебастровая статуэтка парфянина. Храм Окса

фянского периода[28]. Исследовательница указывает на скульптуру из Суз (III в. н.э.)[29]. В качестве примеров таких поясов В. Картис также приводит хранящуюся в Британском музее терракотовую статуэтку из Месопотамии и каменную скульптуру из Элимаиды[30].

Пояс с двумя свисающими кистями засвидетельствован в Нимруд Даге (I в. до н.э.)[31], Танг-и Сарваке (ок. 200 г. н.э.)[32], на рельефе из Бисутуна[33]. «Мода» эта распространилась и в Пальмире[34], хотя там такие пояса встречаются редко[35]. Возможно, она восходит еще к ахеменидскому времени[36].

Пояс у иранцев, как показывают письменные источники и памятники искусства, особенно из Хатры, имели не только утилитарное и эстетическое значение, но являлись и символами ранга, в том числе и царских инсигней. Цари вручали представителям высшей гражданской и военной знати соответствующие пояса. Много сведений об этой роли поясов сохранилось в «Шахнаме» Фирдоуси. Это были богато украшенные драгоценными металлами и камнями пояса с фигурными пряжками, накладными пластинами, разнообразными украшениями[37]. Простой пояс тахтисангинской статуэтки скорее свидетельствует о том, что она воспроизводит образ человека невысокого ранга.

Находит аналогии и верхняя половина одежды. Подобно слабо выраженным валикам на алебастровых статуэтках из Дура Европос также имеются аналогичные складки, но гораздо более четкие — в виде серии рельефных вертикальных ребер, треугольных в поперечном сечении (статуэтка, изображающая бога Набу)[38]. Жесткость этих складок напоминает вертикальные металлические полосы доспеха, в который облачен другой персонаж, чья алебастровая статуэтка также происходит из Дура-Европос[39].

Вскоре после находки тахти–сангинской скульптуры Б. Брентьес назвал ее «алебастровой фигуркой в образе парфянского сатрапа»[40].

Действительно ли это фигурка воина в доспехе или же какого-то другого персонажа, носящего складчатое одеяние? Части доспеха в виде колец-обручей известны в Средней Азии с сакского времени и до первых веков н.э.[41], но они относятся к нарукавью. Доспех же, включающий кафтан, состоящий из вертикальных пластин, и «юбки», составленной из обручей, в Центральной Азии не зафиксирован. Конструкция эта очень сложна и невыгодна функционально. Более правдоподобна вероятность того, что «пластины» и «обручи» являлись несколько геометризованной трактовкой складок одежды. Об этом свидетель-

ствует, помимо скульптуры, также и произведения парфянской коропластики. Среди парфянских терракотовых статуэток есть изображение (США, частная коллекция) полулежащего одетого мужчины[42]. Ноги — параллельные. На фигуре — свободная подпоясанная одежда, подол, по-видимому, прямой; внизу — штаны. Складки на одежде переданы узкими рельефными полосками с желобками между ними, на рукавах и ногах — это сравнительно широкие кольца с желобками между ними. Если бы это не был «отдыхающий» парфянин, то эти полоски и кольца можно было бы принять за ободы доспеха, но это явно складки одежды.

Статуэтка из Храма Окса имеет некоторые точки соприкосновения и с кушанской монетной иконографией, с изображением на монетах Канишки и Хувишки. Однако по своим пропорциям и, отчасти, одежде эта статуэтка, пожалуй, больше всего близка к «статуе стоящего вельможи» из Дальверзин-тепе[43]. Определенная перекличка обнаруживается и со скульптурой «сидящего правителя» из Халчаяна[44]. Однако, и эти аналогии имеют приблизительный и частичный характер. Можно лишь с известной долей уверенности утверждать, что статуэтка входит в круг произведений бактрийского искусства. Датировка ее представляет значительные сложности. На данном этапе исследования мы датируем ее в широких пределах от рубежа н.э. и до I–II вв. н.э.

Тщательное сопоставление тахтисангинской статуэтки и ее костюма с парфянским костюмом[45] показывает наличие определенных черт сходства, но не тождества.

Все вышесказанное делает целесообразным обращение к материалам о взаимоотношениях Бактрии и Парфии.

Следует отметить, что статуэтка из Храма Окса не единственная находка парфянских статуэток в Бактрии. При раскопках Кампыр-тепе были найдены еще две статуэтки. Э.В. Ртвеладзе отметил их сходство со скульптурами из Шами и Хатры и датировал I–II вв. н.э.[46].

При раскопках на Кампыр-тепе была обнаружена мужская терракотовая статуэтка, которую скорее всего следует атрибутировать как изображение знатного парфянина. Голова отдельно изготовлена штампом. Лицо очень тщательно и умело моделировано. Глаза крупные, миндалевидные. Высоко посаженные надбровные дуги переходят в спинку носа. Имеются клинообразная небольшая борода и две расходящиеся дуги усов. Головной убор в виде высокого конического колпака с рельефным валиком в основании. Персонаж одет в тесно облегающий двубортный кафтан с правым запахом. Руки согнуты и скрещены на уровне пояса. Тело выполнено лепкой и довольно небрежно. Высота фрагмента — 10 см[47].

На этом же памятнике найдена деревянная статуэтка в фрагментарно сохранившемся серебряном окладе. Фронтальная фигурка сохранилась почти целиком, отсутствуют лишь верх головного убора и ступни ног. Лицо широкое с миндалевидными глазами, крупным носом, бородой и опускающимися вниз длинными усами. На голове — конусный головной убор. Кафтан — с правым запахом, с гладкой рельефной каймой вдоль лацканов. Подол прямой, также выделенный рельефной каймой. Рукава прорезаны охватывающими горизонтальными бороздками, так что создается впечатление дранированности. Каф-

тан охвачен гладким поясом, от его середины свисают две слегка расходящиеся кисти. Внизу из-под кафтана выступают штаны, драпированные крупными наклонными складками. Высота статуэтки — 10,2 см[48].

Политические и культурные связи Бактрии и Парфии нашли отражение и в монументальном искусстве Бактрии. Имеется в виду комплекс Халчаян. В раскопанном дворцовом сооружении обнаружено большое число глиняных скульптур, некогда входивших в состав декоративного убранства здания. В центральной скульптурной композиции зофора зала рядом с сидящим на троне правителем, по правую руку от него находился стоящий мужской персонаж, фигура которого выполнена в том же (или соизмеримом) масштабе, что и фигура сидящего правителя. Голова скульптурного персонажа прекрасно сохранилась. Она выполнена в полном объеме, но сзади начерно. Лицо широкое, его черты выполнены очень тщательно. На голове масса волос, по бокам густыми прядями-буклями, ниспадающими на шею. Внизу они ровно подстрижены, а вверху, надо лбом, охвачены широкой лентой гладкой диадемы. Небольшая клинообразная борода с завитками волос и дугообразные усы дополняют прическу. Волосы были рыжей окраски.

Весь облик этой головы резко отличает ее от голов других персонажей.

Г.А. Пугаченкова, раскопавшая и исследовавшая этот комплекс, отмечала, что принадлежность этой фигуры «распознается без труда. Манера стрижки волос здесь совершенно иная, чем у всех остальных персонажей. Между тем подобная форма усов и заостренной бороды, подобная стрижка волос, отчего прическа как бы расширяется к шее, подхваченная плотной лентой или ремнем, была широко распространена в парфянской среде». Далее она ссылается на некоторые произведения парфянской скульптуры, а также на портреты на парфянских монетах. Она указала, что халчаянский портрет «особенно сходен» с монетным портретом Фраата IV (38/37–3/2 гг. до н.э.) — «...то же худощавое лицо, заостренная, разделенная буклями борода, тщательно завитые волосы»[49]. Г.А. Пугаченкова в процессе раскопок и в своих основных публикациях относила время сооружения халчаянского дворца и его архитектурного декора к I в. до н.э. Эта датировка опиралась на принятую тогда дату монет Герая, чьи монетные портреты перекликались с некоторыми халчаянскими скульптурами. Вначале Г.А. Пугаченкова использовала дату А.Н. Зографа (вторая четверть I в. до н.э.)[50]. Учитывая исследования Е.А. Давидович[51], она сочла необходимым сдвинуть дату дворца и украшавший его скульптуры ближе к рубежу н.э.[52]

В последние десятилетия Д. Крибб выдвинул гипотезу о датировке монет Герая значительно более поздней, чем считалось раньше. Он относит эти монеты к чекану Кадфиза I, который, по его мнению, правил между 30–78 гг. н.э.[53]

Очень эрудированное исследование проблемы датировки халчаянского дворца и скульптуры провел Ф. Грене. Он выдвинул гипотезу, что «парфянский принц» халчаянской скульптурной композиции не кто иной, как парфянский царь Вардан I (ок. 39–47 гг. н.э.). Эта гипотеза опирается на свидетельство Тацита (Ann. XI. 8–10), сообщающего о связях этого парфянского царя с Бактрией. Ф. Грене очень осторожен в своих заключениях и пишет о своей интерпретации парфяно-бактрийских событий, что она «...скорее напоминает литературную фантазию»[54] Отметим, что А.С. Балахванцев предложил совсем иную

Рис. 2. Подражания парфянским монетам “Фраата IV” с ложным надчеканом

интерпретацию этих событий[55], которую Ф. Грене, без должных, на наш взгляд, оснований, отвергает. Возникают и сложности иконографического порядка. Была ли халчаянская скульптурная композиция «фотографическим» воспроизведением конкретного эпизода придворной жизни или же обобщенным отражением ряда таких эпизодов? Представляется более вероятным второе предположение. Скульптор скорее всего отталкивался от монетного портрета. Какого именно? В Бактрии наиболее широко были распространены монеты Фраата IV (38/37–3/2 гг. до н.э.) в виде подлинных монет этого царя, подражаний им, монетам с надчеканом и, особенно многочисленные, монеты с ложным надчеканом. Последние в первой половине или, во всяком случае, в первые десятилетия I в. н.э. являлись одним из сегментов денежного обращения Бактрии (детальнее см. ниже). Монеты же Вардана I пока на территории Бактрии вообще не зарегистрированы (что, конечно, само по себе не может служить доказательством). Главное же заключается в том, что халчаянский портрет «парфянского принца», безусловно, значительно ближе именно к монетному портрету Фраата IV. Учитывая сочетание этих двух моментов (распространенность монет Фраата IV и близость иконографической трактовки), можно предположить, что именно монетный портрет Фраата IV послужил прототипом для халчаянского скульптурного портрета.

Разумеется, это отнюдь не означает, что в скульптурной композиции изображен именно этот парфянский царь. Интенсивность парфянско-бактрийских отношений с их войнами, союзами, посольствами, просьбами об убежище нам неизвестны — эти перипетии не освещены в источниках. Поэтому при дворе кушанского царя (или правителя) могли не раз находиться с различными целями и в различном составе и царственные парфянские гости. Этот элемент и был включен в композицию, но не в качестве реального исторического персонажа, а особого рода знака, свидетельствующего о величии и могуществе кушанского царя (правителя).

Такая трактовка полностью противоположна заманчивой гипотезе Ф. Грене. Точная дата дворца и скульптурной композиции, увы, пока по-прежнему остаются без точной даты.

Рис. 3. Скульптурный фриз из Халчаяна. Сцена “Царский прием”

***

Тесные связи между населением Бактрии и Парфии существовали уже в эпоху бронзы — тогда возник «бактрийско-маргианский археологический комплекс»[56]. В ахеменидскую эпоху Маргиана входила, согласно Бехистунской надписи, в состав Бактрии (DB, 3, 10–21).

В эпоху эллинизма, после образования во второй половине III в. до н.э. Парфянского и Греко-бактрийского царств, между ними сразу же возникли острые противоречия, приведшие к военным действиям, а затем к заключению мирного пакта[57].

Дальнейшие события развивались вначале как соперничество двух империй. В образовании Парфянского государства огромную роль сыграл кочевнический фактор; со второй половины II в. до н.э. в истории Парфии и Бактрии роль кочевых народов имела решающее значение[58].

Политический и военный аспекты этих отношений были детально исследованы Э.В. Ртвеладзе, который выделил три периода в этих взаимоотношениях в эллинистическое и кушанское время, введя в эту периодизацию такие подпериоды-фазы. Первый период относится к сер. III — сер. II вв., второй продолжается до середины I в. н.э., третий период соответствует развитому кушанскому времени.

На территории Бактрии, по подсчетам Э.В. Ртвеладзе, опубликованным в 1995 г., найдены монеты ряда парфянских царей. Приведем его список:

Серебряные монеты

1) Митридат II: Тилля-тепе, Мазари-Шериф, Старый Термез
2) Синатрук: Старый Термез, Музабек-кале, Меймане
3) Фраат III: Мирзабек-кала
4) Фраат IV: Тилля-тепе, Орлиная горка

Бронзовые монеты

1) Ород II: Кампыр-тепе
2) Фраат IV: Кампыр-тепе
3) Фраат V: Кампыр-тепе
4) Готарз II: Кампыр-тепе

Не идентифированные точно парфянские монеты I в. н.э. — Кампыр-тепе и некрополь у Айртама[59].

Сейчас число найденных парфянских монет значительно выросло. Приведем сводку, составленную Э.В. Ртвеладзе. Дильберджин — 2 монеты; одна драхма Митридата II из Тилля-тепе, одна из Мазари-Шерифа. На Кампыр-тепе обнаружено около десяти парфянских бронзовых монет (Фраат V, Готарз II). В Старом Термезе найдены две драхмы: Митридат II и Фраат III. В храме Окса обнаружено 69 подражаний монетам Фраата IV с ложным надчеканом (см. ниже). Подражание монетам Фраата IV обнаружено в некрополе Тилля-тепе[60]. Драхма Фраата IV из Тилля-тепе имеет надчекан, в котором присутствует голова правителя в короне, мнения об идентификации которого различны. Е.В. Зеймаль утверждал, что это голова Евкратида, и сопоставлял его с юэчжийскими подражаниями оболам Евкратида[61].

При раскопках Храма Окса в 1978 г. в ботросе 3 (центральный зал — помещение 1) были найдены 69 монет — подражаний драхмам Фраата IV[62]. На лицевой стороне этих монет — бюст бородатого царя, за головой — птица, держащая в клюве венок. Все это и другие детали обычны для монет Фраата IV. На оборотной стороне — сидящий персонаж с луком в вытянутой руке, что также вполне традиционно для монет Фраата IV. Необычным является углубление на лицевой стороне, под головой царя, с миниатюрным изображением головы правителя в шлеме. Само изображение может быть сопоставлено с изображением царя на оболах Евкратида.

Е.В. Зеймаль, тщательно изучивший тахтисангинские монеты, пришел к заключению, что это не подлинные монеты Фраата IV, а подражания им. Это подтверждается и тем, что вес тахтисангинских монет намного ниже веса подлинных драхм Фраата IV.

Исследуя тахтисангинскую группу монет, Е.В. Зеймаль обратил особое внимание на то, что углубление с миниатюрным бюстом не является результатом надчеканивания (никакой выпуклости или расплющивания на обратной стороне монет нет). Отсюда он сделал вывод, что это «ложный надчекан»: бюст царя в шлеме был **включен** в штемпеля, употреблявшиеся для изготовления самих монет. Этому должны были предшествовать несколько других этапов, когда монеты Фраата IV проникли на территорию Бактрии, затем здесь стали для «легализации» обращения надчеканивать, позже началось изготовление их подражаний с надчеканиванием их и, наконец, надчеканы были введены в общий штемпель. Отсюда, а также привлекая другие нумизматические материалы, Е.В. Зеймаль сделал заключение об участии парфянских монет, в частности монет Фраата IV, в денежном обращении в Бактрии в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э., в период окончательного сложения кушанской монетной системы[63]. Э.В. Ртвеладзе присоединился, внеся некоторые нюансы, к этой трактовке Е.В. Зеймаля[64].

Особое место занимает идея Г.А. Пугачнковой относительно роли подражаний монетам Фраата IV из Храма Окса. Приведем полностью соответствующий отрывок из ее статьи. «В восточной зоне (Бактрии. — *Б.Л.*) они [подражания монетам Фраата IV] не попадались, но здесь была сделана уникальная находка — 69 драхм Фраата IV с надчеканом Сападбиза в храме Тахти-Сангин на берегу Амударьи. Однако здесь играли роль не коммерческие функции монет, а их подношение в качестве ценного дара. Донатором мог быть представитель

знати, приплывший по Амударье из Западной Бактрии, дабы совершить богоугодный акт у храма Окса — божества-покровителя Окса-Вахша, т.е. Амударьи». Конечно, донатор мог приплыть из Западной Бактрии, но Г.А. Пугаченкова, очевидно, не обратила внимание на главное: надчекан был ложным! Это прямо свидетельствует, что такие монеты участвовали в денежном обращении (т. е. и в «коммерции»).

***

Перейдем к вопросу о парфяно-бактрийских параллелях в погребальной практике и погребальном обряде.

На территории Бактрии, преимущественно Северной, расположено множество могильников. Полученный в них материал позволяет чрезвычайно детально представить погребальную практику как часть обряда и погребальные сооружения. В связи с рассматриваемым вопросом наибольшее значение имеют грунтовый могильник Туп-хона[65], наусы Тепаи-шах[66] и Дальверзин-тепе[67], а также некоторые другие памятники.

Соответствия и параллели выявляются на разных уровнях: в погребальных сооружениях (в том числе их архитектуре), специфических формах помещения покойника, отдельных важных деталях погребального обряда. Остановимся на некоторых моментах.

Наусы Тепаи-шах имеют бесспорные аналогии в своей планировочной схеме с наусами Мерва. Так, квадратный наус I–II вв. н.э. Мерва по своей планировке очень близок наусу № 1 Тепаи-шах, причем совпадает даже такая специфическая деталь, как наличие портала; наличие суф роднит камеру № 1 с мервским наусом на холме № 6; наконец, характерный для наусов Мерва постамент представлен в наусе № 2 Тепаи-шах[68].

Для тепаишахского сооружения № 2 интересно также сопоставление с сооружением Р-3 Хатры, квадратным в плане (10,2х10,3 м) и двухэтажным; нижний этаж состоит из центрального коридора, в середине длинных сторон которого — входы в длинные узкие помещения (2х7,7 м). Планировка верхнего этажа крестообразная, с широким (1,15 м) центральным коридором и перпендикулярно отходящими от него посредине сторон двумя узкими и низкими коридочиками (у основного коридора их ширина — 0,7 м, высота — 2,2 м, к концам они суживаются и понижаются до 2 м). Назначение их осталось для производителя раскопок неясным. В углах образовавшегося креста — 4 комнаты (3,25х2,25 м), входы в которые через проемы у торцов большого коридора. Нижние помещения перекрыты сводами, у верхних — суживающиеся по типу ложного свода пролеты, затем перекрытые плоскими балками. Сооружение Р-3 варьирует крестообразную четырехкамерную схему, которая могла здесь развиться от типа, состоящего из коридора, вдоль длинных сторон которого вытянуты помещения.

Наусы Дальверзина, в свою очередь, находят весьма близкие аналогии в наземных сводчатых семейных гробницах Ниппура, сделанных из жженого кирпича.

Погребальный обряд в тепаишахских и дальверзинских наусах предусматривал предварительное выставление трупа, что сближает его с погребальным обрядом Южной Туркмении. Наус № 1 Тепаи-шах, как и гробница в Сузах, имеет

три суфы, но было ли их назначение аналогичным, сказать невозможно из-за разграбленности науса.

Можно отметить и такую деталь: в наусах Дальверзина, Шахри-Кумиса обнаружено погребение человеческих черепов. Д. Стронах и Д. Хансман уже пытались истолковать факт нахождения в Шахри-Кумисе человеческих черепов, приводя эпизод, о котором рассказывает Табари: Ардашир I (224–240) направил головы своих убитых врагов в Истахр, в храм Анахиты[69]. В этом же храме примерно в 340 г. были развешаны головы христианских мучеников[70]. В этой связи можно упомянуть также эпизод с головой Красса. Но все эти истории связаны с головами врагов, в наусах же хоронили членов общины. Так что, возможно, у бактрийцев и парфян было распространено известное многим народам представление о голове как олицетворении человеческой личности (души).

Рис. 4. Ашур. Керамические ваннообразные гробы из погребений парфянского времени (по В. Андрэ и Х. Ленцену)

Подземные кирпичные склепы имеются в погребениях 262 и 275 Туп-хоны (раскопки 1971 г.). Покойник располагается в неглубокой (0,25–0,45 м) яме шириной 0,55–0,6 м. Край ее обложен одним слоем сырцовых кирпичей (36x36x12–13 м и 37x11 см), положенных плашмя и образующих прямоугольную или трапецеидальную «раму». Сходство этих склепов с подземными склепами месопотамских парфянских центров бесспорно, хотя те, как правило, имеют более развитые формы и конструкции. Следует отметить и такую деталь: в оградках подбойных могил Туп-хоны применялся упор наклонного кирпича в специально сделанную полочку-заплечики — прием чрезвычайно частый в склепах Месопотамии.

Ограждение могилы с одной стороны с помощью наклонных сырцовых кирпичей обнаружено в 11 погребениях Туп-хоны (раскопки 1969 и 1971 гг.). Квадратные кирпичи поставлены на ребро с постелью, параллельной продольной оси ямы. Такие (или близкие) оградки имеются в Йорган-тепе и в Санге-Шир.

В Бактрии применялись и керамические гробы двух типов: ваннообразные (цельные и двусоставные) и антропоидные. Цельные (2 экз.) и двухчастные (2 экз.) гробы встречены на Туп-хоне (2% от числа вскрытых погребений). Еще один двухчастный гроб найден неподалеку от Дальверзин-тепе[71]. Фрагменты гробов обнаружены на Хайрабад-тепе и Джумалак-тепе[72]. Близ Пахтаабада был найден антропоидный гроб[73] (ср. находку керамического гроба в Миздахкане)[74]. На территории Бактрии, как и в Парфии, имеются захоронения в хумах, причем известны случаи применения хумов в качестве оссуариев (как на Мунчак-тепе)[75].

Сравнение показывает большое сходство и при захоронениях с применением трупоположения. На Туп-хоне велик удельный вес захоронений на боку с подогнутыми ногами и по-разному расположенными руками. Даже такие специфические позы, как например, с одной рукой, согнутой под прямым углом в локте и положенной кистью от тела, а другой — с кистью у подбородка или же с обеими руками, согнутыми в локтях так, что кисти — у подбородка (лица), встречаются как в Парфии, так и в Бактрии.

Много общих моментов и в составе погребального инвентаря. Особенно существенно широкое распространение в Бактрии обычая помещать монету в руку или рот погребенного — «обол Харона». М.М. Дьяконов в 1950 г. указал, что инвентарь погребений типа III-Б Туп-хоны напоминает инвентарь греческих погребений, хотя в его составе не было столь обычных для эллинистических погребений статуэток. Особое внимание он обратил на факт наличия в составе инвентаря некоторых погребений монеты — обола. «В эллинистическом обряде, — писал М.М. Дьяконов, — обол клался неизменно в рот покойника, тогда как на Туп-хоне обол то кладется в рот, то помещается на сердце. Для некрополя Туп-хона характерна строгая ориентация захоронений, в то время как в греческом мире ориентация захоронений очень разнообразна».

Вместе с тем М.М. Дьяконов указал на наличие аналогичных обычаев в древнем Китае. Он сделал два очень осторожных заключения: «Несмотря на ряд черт сходства с греческим обрядом, следует все же воздержаться от поспешного заключения о непосредственном влиянии греческого обряда на бактрийский». Затем, приведя сообщения об обычае класть золото или другие драгоценные

Рис. 5. Вавилон. Керамические гробы и захоронения в них. (по О.Рейтеру)

предметы в рот мертвым в древнем Китае, он предположил: «Таким образом, обычай класть “драгоценный предмет” в рот покойнику, возможно, имел и в Бактрии глубокие местные корни и лишь слился с греческим обрядом, привнесенным завоевателями[76].

Г.А. Пугаченкова, сообщив о наличии в Тулхарском могильнике и на Туп-хоне погребенных с монетой во рту, полагает, что это «интереснейшая деталь погребального обряда, явно связанная с греческой традицией “выкупа Харону”. По-видимому, именно греками она была занесена в Бактрию, хотя и не стала обязательным элементом погребального ритуала»[77] (разрядка наша; обязательным элементом, как хорошо известно, обол Харона не был и в греческих погребениях. — *Б.Л.*).

То же самое, с некоторой модификацией, повторил Б.Я. Ставиский. «Это позволяет говорить об эллинистическом, видимо, греко-бактрийском влиянии на обряд захоронения и культовые представления хотя бы части кочевых завоевателей Бактрии и Согда», — писал он, утверждая также, что следует предположить проникновение этого обычая к кочевникам через посредство оседлых жителей. И так как Г.А. Пугаченкова не сделала никаких ссылок, то Б.Я. Ставиский решил, что «впервые на связь этих находок с греческим обычаем “платы Харону” справедливо указала Г.А. Пугаченкова»[78]. Следует, однако, сказать, что Г.А. Пугаченкова, а вслед за ней и Б.Я. Ставиский, использовали идею М.М. Дьяконова, отбросив его осторожные оговорки. Впрочем, они лишь последовали Э. Бикерману, который, сославшись на публикацию М.М. Дьяконова, писал: «...греческие поселенцы или эллинизированные местные жители в долине Кафирнигана, области верхней Амударьи, располагали монету для Харона во рту (или на груди) покойника более чем через столетие после того, как греческая власть в Бактрии кончилась»[79]. Хотя эта работа Б.Я. Ставискому осталась неизвестной, но фактически он лишь повторил категорические утверждения Э. Бикермана. Б.Я. Ставиский не учел и соответствующую российскую литературу, в частности нашу книгу по погребальному обряду древних ферганцев, где детально рассматривался этот круг вопросов[80]. Суть дела состоит в том, что на Востоке греческий обычай и связанные с ним представления могли наслоиться на однотипные местные представления. Кроме того, этот обычай вошел в зороастрийскую практику и дожил до нас в ритуалах иранских парсов.

В погребальной церемонии иранских парсов есть такой элемент. На третий день после погребения в доме покойника проводится церемония *Яшт-е шавгире* («Служба ночного бдения»). Специально изготовленная для этой церемонии *седра* (одежда из неокрашенного хлопка, нити из которого прялись в доме; здесь же ткалась ткань), вновь вытканный ритуальный шнур *кошти* и кусочек серебра, монета или же кольцо освящаются во время службы. Считается, что эти предметы предназначены для души умершего. М. Бойс отмечает, что кусочек серебра (монета, кольцо) встречается в погребальном церемониале современных зороастрийцев лишь в Иране, в Индии же этот обычай отсутствует. М. Бойс считает, что «представляется возможным, что этот обычай восходит — может быть, начиная с селевкидского времени — к греческому обычаю погребать покойника с монетой для Харона». Она приводит несколько примеров, когда монеты были найдены в Иране в погребениях сасанидского времени[81].

Разумеется, все эти параллели и сходства неоднозначны. Двускатное перекрытие склепов могло зародиться в Средней Азии независимо от Месопотамии. Спонтанно могли возникнуть и аналогичные позы погребенных. Сходство архитектурных форм маргианских и бактрийских наусов свидетельствует об общности путей развития погребальной архитектуры и об общих или близких идеологических представлениях. Выявляется параллелизм в развитии погребений с предварительным выставлением трупов в Северной Парфии и Бактрии, где этот обряд и связанные с ним представления выявлены во многих пунктах[82]. Бактрия и Маргиана, связанные историко-культурной общностью, несмотря на все различия исторических судеб, и в области религии развивались во многом параллельно. Вероятно, существовали связи по многим направлениям, что углубляло эту общность. Характерно, что степень этой общности в области погребальных обычаев и идеологии была сильнее между Северной Парфией и Бактрией, чем между Северной и Западной Парфией.

Под египетским влиянием антропоидные гробы распространяются в Палестине, а затем появляются в Месопотамии[83].

В Месопотамии в силу прочной местной традиции погребения в керамических саркофагах (гробах), антропоидные саркофаги не были восприняты как чужеродное явление. Однако в месопотамской этнокультурной среде они были заменены на более привычные и дешевые керамические гробы и утратили (вероятно, постепенно) те свои специфические черты, которые были обусловлены собственно египетской религией. Ко II–I вв. до н.э. (возможно, несколько раньше) они превратились в обычные гробы, форма которых, однако, своим очертанием «выдавала» первоначальное происхождение.

«Диффузия» основных типов гробов в Иран и далее, в Среднюю Азию, как справедливо указывает М. Негро Понци, — «результат парфянского владычества над Месопотамией»[84]. Однако в этот вывод следует внести одну существенную поправку: керамические гробы начинают распространяться в Иране задолго до парфян. Яркий пример тому — Персеполь, где в позднеахеменидских или селевкидских погребениях встречены двухчастные керамические гробы. Нет никакого сомнения, что захоронения в гробах в Западном Иране распространяются в ахеменидское, а может быть, и в более раннее время. Другое дело — более восточные области: туда гробы должны были попасть значительно позже, вероятно действительно в парфянское время.

Что же касается найденных в Северной Бактрии керамических гробов, то невозможно себе представить их конвергентное происхождение, особенно такой, в высшей степени специализированной, формы как антропоидные гробы. Возникает вопрос: было ли появление таких гробов в Северной Бактрии результатом «диффузии», как думает М. Негро Понци, или же они попали на эту территорию в результате появления здесь парфянских поселенцев.

Как известно, в II в. до н.э. — I в. н.э. военно-политические взаимоотношения между Парфией и населением Бактрии были очень интенсивными. В последней трети II в. до н.э. постоянно шли военные действия, в которых активное участие принимали среднеазиатские кочевники. Греко-Бактрия была разгромлена юэчжами, но кушанское государство еще не возникло. В это время происходит парфянская экспансия на юго-восток. Дрангиана, Арахозия, Ганд-

хара, западный Пенджаб оказываются под властью индо-парфянских династий, и это продолжается вплоть до середины I в. до н.э.[85]. Но и в Бактрии, вплоть до возникновения кушанского государства (ок. 30 г. н.э.) Парфия и парфянская культура играла значительную роль, чему способствовали жившие здесь парфяне, а, возможно, группы парфянского происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Litvinskij B.A., Picikjan I.R.* Découvertes dans le sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // RA. 1981. № 2. P. 156–157; *Litvinskiy B.A., Picikyan I.R.* Monuments of Art from the Sanctuary of the Oxus (North Bactria) //AAASH. 1983. T. 28, № 1–4. P. 66–67. Fig. 8.
2. *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 196.
3. *Faccenna D.* Sculptures from the Sacred Area of Butkara (Swat, Pakistan). Rome, 1962. Pl. XCIII.
4. *Faccenna.* Op. cit. Pl. CCLXXIIb.
5. *Faccenna.* Op. cit. Pl. CDXXXVIII–CDXXXLX.
6. *Faccenna.* Op. cit. Pl. CXCV; *Zwalf W.* A Catalogue of the Gandhвra Sculpture in the British Museum. Vol. I–II. L., 1996. Fig. 128.
7. *Barthoux J.* Les fouilles de Hadтdтa. Vol. III. Figures et figurines. Paris, 1930. Pl. 111d.
8. *Inholt H.* Gandhāran Art in Pakistan. New York, 1957. Pl. 64, 66, 68, 80; *Faccenna.* Op. cit. Pl. CDLXVIII; *Ackermann H.Ch.* Narrative Stone Reliefs from Gandhara in the Victoria and Albert Museum in London. Roma, 1975. Pl. XXXb, XXXI, XLIIb, LXXXIIa; *Горелик М.В.* Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 82–112; *Zwalf.* Op. cit. P. 121. Fig. 102.
9. *Rosenfield J.* The Dynastic Art of the Kushans. Los Angeles, 1967. Pl. 26–27 и др.
10. *Rosenfield.* Op. cit. Pl. 53, 63.
11. *Rosenfield.* Op. cit. Pl. 51.
12. *Loth A.-M.* Les costumes (La vie publique et privée dans l'Inde ancienne. IIe siécle avant J.-C. — VIIIe siécle environ, fasc. VII). Paris, 1979. Pl. III/3–4; IV/1–2; VII/1; 31/6–8.
13. *Kawami T.S.* Monumental art of the Parthian period in Iran. Leiden, 1987. Pl. 26.
14. *Ghirshman R.* Iran. Parthians and Sasanides. Paris, 1962. Ill. 103; *Gropp G.* Bericht über eine Reise in West- und Südiran // AMI. 1970. Bd. 3. S. 200; *Vanden Berghe L.* Reliefs rupestres de l'Irān ancien. Paris, 1984. P. 229. (№ 22). Pl. 11; *Kawami.* Op. cit. P. 43–45. Fig. 2. Pl. 4; *Mathiessen H.E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Studi in Chronology. Aarhus, 1992. Vol. II. 140/18. Fig. 2. Pl. 4, ill. on the cower; *Gall H., von.* Der grosse Reliefblock am sog. Partheigang // Bisutun. Ausgrabungen und Forschungen in den Jahren 1963–1967. Berlin, 1996. S. 84–88. Abb. 1. Taf. XIII/1–XIV.
15. *Vanden Berghe.* Op. cit. P.155–166; *Kavami.* Op. cit. P. 209–213. Pl. 57–60. Fig. 25.
16. *Schlumberger D.* Der hellenisierte Orient. Baden-Baden, 1969. Fig. 50; *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М., 1985. Рис. 113.
17. *Curtis V.S.* Parthian Belt and Belt Plaques // Iranica Antiqua. 2001. Vol. XXXVI. Pl. X/b.
18. *Schlumberger.* Op. cit. S. 146 (Taf.), *Шлюмберже.* Ук. соч. Табл. 117.
19. *Яценко С.А.* Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Докторская диссертация (рукопись). М., 2002. Т. I. С. 485.

20. *Curtis*. Op. cit. Pl. X/a.
21. *Яценко*. Ук. соч. Т. II. Илл. 22, 24, 27; 60; 63; 73; 76.
22. *Seyrig H*. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. XVIII. P. 4–37; *Taha A*. Men's Costume in Palmyra // Les annales archeologiques arabes syriennes. Revue d'archeologie et d'historie. 1982. Vol. XXXII. P. 117–132.
23. *Safar F., Mustafa M.A*. Hatra. The City of the Sun god. Tehran, 1998. Pl. 111; *Curtis*. Op. cit. P. 30. Col. pl. III
24. *Curtis V.S*. The Parthian Costume and headdress // Das Partherreich und seine Zeugnisse. Beitrage der Internationalen Colloquiums, Eutin (1996). Stuttgart, 1998. P. 64.
25. *Franz H.G*. Die Kunst von Palmyra zwischen Okzedent und Orient (zum Problem der parthischen Kunst) // Palmyra. Geschichte, Kunst und Kulture der syruschen Oasenstadt. Einführende Beiträge und Katalog zur Ausstellung. Linz, 1987, S. 164.
26. *Tanabe K*. Sculptures of Palmyra, I. Tokyo, 1986. P. 43–44.
27. *Colledge M.A.R*. The Art of Palmyra. L., 1976. Pl. 112; *Tanabe*. Op. cit. P. 43–44, pl. 440–443, 448; *Зеймаль Е.В*. Древности Пальмиры. Каталог выставки. Л., 1986. С. 9, 13, 17–19; *Franz*. Op. cit. S. 294, 296. Taf. 14–15.
28. *Curtis*. Parthian Belt... P. 300–301.
29. *Ghirshman*. Op. cit. Fig. 35/B.
30. *Curtis*. Parthian Belt... Pl. IV/b, pl. III/a.
31. *Ghirshman*. Op. cit. Ill. 79–80.
32. *Vanden Berghe L*. Archéologie de l'Irān Ancien. Leiden, 1959. P. 59–60. Pl. 89/a-b; *Ghirshman*. Op. cit. P. 54–55. Ill. 68; *Schlumberger D*. Parthian Art // CHI. III/2. 1983. P. 1043. Pl. 73; *Vanden Berghe*. Reliefs rupestres... P. 124/30. Pl. 15; *Kawami*. Op. cit. P. 198–200. Pl. 87; *Curtis V.S*. More Parthian finds from ancient Elimais in Southwestern Iran // Iranica Antiqua. 1994. Vol. XXIX. Pl. III/s.
33. *Ghirshman*. Op. cit. Pl. 66; *Kawami*. Op. cit. Fig. 2. Pl. 4; *Mathiesen*. Op. cit. P. 140/fig. 22, 175/fig. 96, ill. on cover.
34. *Ghirshman*. Op. cit. Ill. 84.
35. *Литвинский Б.А*. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 339–340.
36. SPA, 1967, vol. VII, pl. 108/A-C
37. *Jamzadeh P*. The Function of Girdle on Achaemenid Costume in combat // Iranica Antiqua. 1987. Vol. XXII. P. 267; *Curtis*. Parthian Belt... P. 308–310.
38. *Downey S.D*. The Stone and Plaster Sculpture. (Excavations at Dura-Europos. Final Report III/I/2). Los Angeles, 1977. P. 64–65, pl. XII/11; *Mathiesen*. Op. cit. P. 201. Fig. 61.
39. *Downey*. Op. cit. P. 62–64. Pl. XII/47; *Mathiesen*. Op. cit. P. 201. Fig. 20.
40. *Brentjes B*. Tacht-i Sangin in Tadshikistan // Das Altertum. Bd. 28. Berlin, 1982. S. 168.
41. *Литвинский*. Ук. соч. С. 309–310; *Горелик*. Ук. соч. С. 84. Табл. 1; *Горелик М.В*. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 116–117. Табл. 2–3.
42. *Der Osten H.H. von*. Seven Parthian Statuettes // The Art Bulletin. 1926. Vol. XIII. No. 3. P. 173. Fig. 7.
43. *Пугаченкова Г.А*. Художественные сокровища Дальверзина, Л., 1978. Табл. 129–130.
44. *Пугаченкова Г.А*. Скульптура Халчаяна. М., 1971. С. 57–58. Табл. 68.
45. *Al-Shawi N.A*. Sculptures of Hatra. A Study of Costume and Jewelry. Diss. Indiana University. University Microfilms International, № 48106. Ann Arbor, 1986; *Curtis*. The Parthian Costume...P. 61–67. Figs. 1–4; *Schneider R.M*. Die Faszination des Feindes:

Bilder der Parther und des Orients in Rom // Das Partherreich und seine Zeugnisse. Beitrage der Internationalen Colloquiums, Eutin (1996). Stuttgart, 1998.
46. *Ртвеладзе Э.В.* Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. I. Ташкент, 2002. С. 154.
47. Древности Южного Узбекистана. 1991. С. 286. Рис. 159.
48. Древности Южного Узбекистана. 2002. С. 287. Рис. 166.
49. *Пугаченкова.* Скульптура... С. 55.
50. *Зограф А.Н.* Монеты «Герая». Ташкент, 1937.
51. *Давидович Е.А.* Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. 1976. № 4; *Davidovich E.A.* The First Hoard of Tetradrachmas of the Kustâna «Heraios» // AAASH. 1983. 28. No. 1–4.
52. *Пугаченкова Г.А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966; Пугаченкова. Скульптура...
53. *Cribb J.* The «Heraus» Coins: Their Atribution to the Kushan King Kujula Kadphises // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins. London, 1993. P. 107–139; *Cribb J.* The Early Kushan Kings: New Evidence for Chronology. Evidence from the Rabotak Inscription on Kanishka I // Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Wien, 1999. P. 188.
54. *Грене Ф.* Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна // ВДИ. 2000. № 2. С. 130–135.
55. *Балахванцев А.С.* Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.
56. *Hiebert F.T.* Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia // American School of Prehistoric Research. Cambridge, 1994. Vol. 42.
57. *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938; *Narain A.K.* The Indo-Greeks. Oxford, 1962; *Altheim F. und Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. Berlin, 1970; *Rtveladze E.V.* Parthia and Bactria // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archeology in Altertum. Firenze, 1995. P. 182–183; *Балахванцев А.С.* Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 214.
58. *Olbrycht M.J.* Parthia et *ulteriores gente*s: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München, 1998. S. 51–175.
59. *Rtveladze.* Op. cit. P. 190.
60. *Ртвеладзе.* Ук. соч. С. 155.
61. *Сарианиди В.И., Кошеленко Г.И.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе // Древняя Индия. История, культура, связь. М., 1982. С. 311; *Zeymal E.V.* Tillya-Tepe within the Context of the Kushan Chronology // Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic history of the Indo-Iranian Bordenlands. Wien, 1999. P. 240.
62. *Zeimal E.V.* Coins from the Excavation of Takhti Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in Honour of Ikuo Viragama. Kamakura, 1997. № 59–127.
63. *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 129–135.
64. *Ртвеладзе.* Ук. соч. С. 155–157.
65. Помимо результатов раскопок М.М. Дьяконова (*Дьяконов М.М.* Работы Кафирниганского отряда // МИА. № 15. М.-Л., 1950, С. 194–178) для сопоставления также использованы материалы наших раскопок на Туп-хоне в 1960, 1961, 1969 и 1971 гг. (находки хранятся в Институте истории им. Ахмада Дониша АН Таджикистана). Полное издание: *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984. С. 17–35, 48–84.

66. *Литвинский Б.А.* Из области идеологии кушанской Бактрии (зороастрийские наусы на берегу Окса — Аму-Дарьи) // AAASH. 1977. 25. No. 1–4; *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 27–62.
67. *Ртвеладзе Э.В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 97–114.
68. Постамент должен был «изолировать» или хотя бы «отдалить» собственно погребальные камеры от земли, что соответствует зороастрийским представлениям: внутренность дахмы у парсов обязательно должна была быть значительно выше поверхности земли. Иногда для этого применялись и магические меры: на стоящие у ограды дахмы четыре кола наматывался шнур, состоящий из сотни нитей (хлопчатобумажных и золотых); их развевание должно было означать, что дахма не находится на земле, а «парит» в воздухе. См.: *Spiegel F.* Avesta. Die heiligen Schriften der Parsen. Bd. 2. Leipzig, 1859. S. XXXVII – XXXVIII.
69. *Hansman S., Stronach D.* Excavations at Shahr-i Qumis, 1971 // JRAS. 1974. No. 1. P. 18; см. также *Nöldeke Th.* Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arzbischen Chronik des Tabari überzetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehn von Th. Nöldeke. Leiden, 1973 S. 48.
70. *Nöldeke.* Op. cit. S. 4. Abb. 2.
71. *Пугаченкова.* Художественные сокровища...С. 201. Рис. 14.
72. *Альбаум Л.И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.С. 212. Рис. 152.
73. *Литвинский Б.А.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой // Труды АН Тадж. ССР. Т. XXV. Сталинабад, 1954. С. 114.
74. *Ягодин В.Н., Ходжайов Т.Г.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. С. 57–58, 117. Рис. 24.
75. *Пугаченкова Г.А.* О культах Бактрии в свете археологии // ВДИ. 1974. № 3. С. 134.
76. *Дьяконов.* Ук. соч. С. 177.
77. *Пугаченкова.* О культах... С. 133.
78. *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 160. Прим. 50.
79. *Bickerman E.* The Seleucid and the Achaemenids // Accademia Nazionale dei Lincei. Quaderno. No. 76. Roma, 1966. P. 110.
80. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. С. 113–117.
81. *Boyce M.* A Persian Stronghold Katanbai Katrak Lectures. Oxford, 1977. P. 154–155.
82. *Bernard P.* Campagne de fouilles 1976–1977 a Ai Khanoum (Afghanistan // CRAI. 1978. Avril–Juin. P. 439–441. Fig. 11.
83. *Литвинский Б.А.* Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях) // Средняя Азия. Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 113.
84. *Negro-Ponzi M.* Jewellery and Small Objects from Tell Mahuz (North Mesopotamia) // Mesopotamia. 1968–1971. Vol. 5–6. P. 302.
85. *Puri B.N.* The Sakas and Indo-Parthians // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. Paris, 1994. P. 181–207; *Bopearachchi O.* Indo-Parthians // Das Partherreich und seine Zeugnisse. Beitrage der Internationalen Colloquiums, Eutin (1996). Stuttgart, 1998; *Alram M.* Indo-Parthians and early Kushan Chronology: the numismatic Evidences // Coins, Art and Chronology. Essais on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Wien, 1999.

PARTHIAN-BACTRIAN MUTUAL EXCHANGE

B.A. Litvinsky

Military, diplomatic and other relationship of Parthia and Bactria are partially presented in general and special historical writings that for the most part were based exclusively on written sources and to a much lesser degree on works of art. Archeological and numismatic material revealing close contacts between these two regions is hardly studied.

The article provides additional data on Parthia and Bactria contacts on the basis of archeological excavations together with art and numismatic material.

Of special interest is an alabaster figurine found in Cush context of Oks temple, which was presented by a British scholar V. Cartise in his article and catalog. Russian numismatist Ye.V. Zeimal, when studying coins obtained from Oks temple, established that Parthian coins together with their local counterfeits with false chiseling were in general use in Bactria. They were found both in Oks temple and in Till-tepe burial. Parthian king's image from these coins was used in a sculptural composition in Khalchayan. During burial excavation in Hissar valley and adjoining Surkhandarya valley they found bath-like tombs similar to those found in Babylon and Uruk. Similarity of burial chambers leads to the conclusion that there were Parthian colonies or settlements on the territory of Bactria.

To this must be added that ancient Buddhism spread in Margiana in the 2nd c B.C., and from there together with Buddhist missioners it penetrated into Bactria and then into China (which was stipulated by S. Levi, G.A. Koshelenko, and B.A. Litvinsky). This is also true concerning Manichaeism and Christianity that, according to Beruni, appeared in Margiana in two hundred years after Christ, then expanding to Bactria.

Thus ideological beliefs and trends link Bactria and Parthia in many ways. These links have just come under the scrutiny of science. Observing correlation between archeological complexes, finds, and works of art appears most promising.

© 2010

В.Н. Пилипко

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ «МУЖСКИХ» ТЕРРАКОТ ИЗ МЕРВА

Среди множества фрагментов терракотовых фигурок, вращающихся на ашхабадском антикварном рынке, мое внимание привлекла небольшая группа изделий с изображением своеобразных мужских персонажей — обладателей пышных причесок, состоящих из трех округлых выпуклостей.

Относительно происхождения этих находок, естественно, нет никаких известий, тем не менее, по ряду характерных признаков их можно определять как продукцию мервских ремесленников и датировать позднеантичным временем.

Наиболее информативными являются две верхние половины плоских терракотовых плиток с оттиснутыми на них изображениями. На одном изделии представлен анфас обладатель пышной прически (рис. 1, 2). Из-за неполной

1

2

Рис. 1— Персонаж в одеянии с очень длинными рукавами; Рис. 2 —Персонаж в одеянии с очень длинными рукавами. Прорисовка.

сохранности трудно определить стоит он, или сидит, а если сидит, то на чем и в какой позе. Относительно второй терракоты, несмотря на подобную же сохранность, такие вопросы не возникают — перед нами определенно всадник (рис. 3, 4). На рассматриваемых терракотах, возможно, представлено одно и то же лицо или типовое изображение обладателя высокого социального ранга. Оба образка выполнены в одном стиле, вероятно, в одной и той же мастерской, условно в одно и то же время.

На первой плитке, с изображением анфас, сохранилась верхняя половина туловища. При относительно тонкой и изящной моделировке, изображение довольно условное. Пропорции нарушены. Голова слишком большая (это общая черта позднеантичных мервских терракот). Руки непропорционально короткие. При всем этом прослеживается стремление к четкой передаче некоторых деталей, возможно, имеющих важное значение для социального маркирования данного образа. В частности, особо тщательно «выписана» пышная прическа, усы, аккуратно подстриженная борода, четко показана кольцевидная пряжка, скрепляющая концы условно изображенного плаща, предпринята попытка передать особенности формы рукоятий меча и жезла (?).

Персонаж представлен строго анфас. Лицо несколько одутловатое, но его черты тщательно проработаны. Дуговидные брови, большие миндалевидные глаза, изящно загнутые вверх усы, небольшая ухоженная борода. Волосы выше лба перехвачены широкой лентой и представлены тремя преувеличенно большими овальными выпуклостями. Поверхность последних разделена параллельными рядами волнистых линий — условная передача курчавых или завитых волос. Следует обратить внимание на то, что начельная повязка, призванная разделять прическу на три букли, изображена неправильно, она расположена ниже всей массы волос. Это наблюдение свидетельствует о том, что матрица для дан-

3

4

Рис. 3 — Всадник. Верхняя половина изделия; Рис. 4 — Всадник. Верхняя половина изделия. Прорисовка.

ного оттиска изготовлена не первоначальным, исходным штампом.

Ниже подбородка изображена рельефная дуга, обозначающая шейное украшение (гривну), или оторочку ворота. (Более четко эта деталь изображена на всаднике). Кисть правой руки на уровне груди опирается на какой-то вертикально поставленный предмет. Полусогнутая левая рука придерживает у пояса кинжал (или меч). Персонаж одет в тунику с очень длинными рукавами, скрывающими пальцы рук. Подобным образом изображена только правая рука, на левой нет никаких следов изображения одежды, только на запястье слабо прослеживаются несколько поперечных валиков (браслет или просто складки?). Туника на талии перехвачена поясом, вероятно, состоящим из отдельных металлических пластин, обозначенных небольшими выпуклостями. Поверх туники наброшен плащ, переданный очень условно. На левом плече он скреплен крупной кольцевой пряжкой. С локтевого сгиба правой руки свисает какая-то непонятная узкая полоса; возможно, это переброшенная через руку пола плаща.

Оттиск выполнен на плоской глиняной лепешке. После оттиска в матрице плитка была тщательно обрезана с боков и тыльной стороны. Обжиг равномерный, качественный, черепок в изломе светло-коричневый, внешняя поверхность зеленовато-желтая. Максимальная ширина плитки — 3,5 см, сохранившаяся высота 5,9 см, толщина до 1,2 см. Вероятно, при обнаружении плитка была разломана на две части, разлом проходит по линии плеч.

Неполная сохранность создает проблемы с общей характеристикой композиции. Первое впечатление, что перед нами хорошо известное по сасанидскому искусству изображение царя, сидящего на троне и держащего перед собой меч. К числу наиболее ранних подобных изображений относится наскальный рель-

Рис. 5. Ольвия. Парфянская резная кость

еф Варахрана II (277-293) в Бишапуре[1]. Но другая близкая аналогия — резная кость из Ольвии[2], представляющая сидящего на троне (?) «царя» (рис. 5), предостерегает от подобного сопоставления. На ольвийской пластине, как и на терракоте, «царь» левой рукой придерживает сбоку меч или большой кинжал, а правая его рука опирается на относительно короткий предмет, вертикально поставленный на бедро. Это мог быть скипетр или булава[3]. Аналогичная композиция, возможно, представлена и на терракоте. Но, до нахождения более полно сохранившихся терракотовых изделий, вопрос следует считать открытым. Ниже этот тип изделий будет условно именоваться «сидящий персонаж».

Изображение всадника. Помимо верхней половины терракоты (рис. 3, 4), удалось ознакомиться с нижней, принадлежащей другому подобному изделию. На ней представлен тот же персонаж, но моделировка несколько иная (рис. 6,7). Сопоставление этих двух разных оттисков позволило полностью реконструировать данную композицию (рис. 8). На плитке представлен всадник на спокойно стоящем или мерно идущем влево коне. Последний изображен в профиль, всадник сидит на нем в полоборота к зрителю.

При нормальном реалистическом изображении всадника на коне в профиль требуется вытянутое по горизонтали, в крайнем случае, квадратное поле. Мастер же вписал изображение в вытянутый по вертикали прямоугольник с соотношением сторон примерно 1:3. Возможно, это было сделано для того, чтобы придать образку привычное для мервских терракот очертания. Решение этой задачи потребовало деформации изображения. В основном, это было достигнуто за счет значительного уменьшения длины тулова коня. В угоду общему композиционному решению также были сильно уменьшены в размерах его голова и шея.

6

7

Рис. 6. Нижняя часть плакетки с изображением всадника; Рис. 7. Нижняя часть плакетки с изображением всадника. Прорисовка.

Несмотря на деформацию изображения, лошадь обнаруживает несомненное сходство с конями, представленными в сасанидском изобразительном искусстве. Для них характерен мощный относительно короткий торс, мощная крутоизогнутая шея, коротко подстриженная грива. Эта порода хорошо представлена на сасанидских скальных рельефах и в торевтике, но выведена она была еще в парфянское время. На рельефе в Фирузабаде, изображающем последнюю битву парфян с Сасанидами, парфяне представлены на таких же конях[4].

На рассматриваемой терракоте довольно четко передана упряжь. Сзади показана шлея, спереди широкий нагрудный ремень с большим, круглым фаларом на плече, узда с двумя поперечными ремнями, повод переброшен через шею, позади всадника с седла на длинном ремне почти до земли свисает большая кисть.

Всадник изображен непропорционально большим. Как уже отмечалось, он сидит вполоборота к зрителю. На нем относительно короткие, но просторные штаны с волнистым нижним краем, поколенная туника, вероятно, с округлым шейным вырезом (вариант трактовки — ниже шеи изображена не оторочка ворота, а широкое шейное украшение). Поверх туники накинут условно переданный плащ, скрепленный пряжкой на правом плече. Левая рука придерживает у пояса длинный меч, кисть согнутой правой руки расположена над шеей лошади. Ниже изображения всадника находится прямоугольное, вытянутое по горизонтали поле, заполненное двумя рядами небольших дисковидных налепов, появившихся уже после извлечения оттиска из матрицы.

Плитка, представляющая нижнюю часть изображения, имеет наибольшую ширину в 2,9 см, сохранившаяся ее высота 6,8 см, толщина до 1,4 см. Тыльная и боковые стороны аккуратно обрезаны ножом. Нижний край плитки не обрезан

Рис.8. Условная реконструкция плакетки с изображением всадника

и здесь торчит выступ «лишней» глины. Лицевая сторона оттиска слегка вогнута. Глиняное тесто плотное, хорошо промешанное. Черепок внутри и снаружи одного зеленовато-желтого цвета. Обжиг равномерный.

Кроме крупных фрагментов известны еще две головки, имеющие такие же пышные прически. В соответствии с ракурсом, одну из них, представленную в развороте «три четверти», следует относить к числу изображений всадника (рис. 9), а вторую, представленную анфас — к воспроизведениям «сидящего персонажа» (рис. 10). У этих головок обращает на себя внимание размытость изображений, они оттиснуты в сильно изношенных матрицах. Кроме того, у трехчетвертной головки кудри переданы не гравировкой, а мелкими выпуклостями. Все это служит дополнительными доказательствами в пользу относительно длительного периода изготовления подобных образков.

Поскольку данная группа терракот относится к числу случайных находок, датировка их возможна лишь на основании анализа иконографических, стилистических и технологических признаков.

Среди них наиболее показательна прическа представленных на терракотах персонажей. Подобного рода куафюры обычно определяются как состоящие из трех овальных или шаровидных буклей. Но парфянскими и сасанидскими мастерами парикмахерского дела подобные конструкции, видимо, создавались редко. В основе рассматриваемой парфянской прически лежат пышно взбитые, вьющиеся или завитые волосы, перетянутые выше лба широкой лентой. Прически такого рода обыкновенны для Аршакидов и вообще парфянской знати с ранних времен. Но обычно волосы на темени плотно прижимались к голове и «букли» образовывались лишь ниже повязки. В позднепарфянский период (II — нач. III в. н.э.) появились монеты, представляющие правителей с пышно взбитыми волосами и на макушке.

Рис. 9. Голова с изображением персонажа с пышной прической; рис. 10. Голова с изображением персонажа с пышной прической

Трудно решить, была ли это всеобщая мода или подобным образом оформляли свои прически люди (в том числе правители) с курчавыми от природы волосами. В достаточно представительной галерее портретов парфянских правителей такие прически известны лишь у Хосроя и Вологеза V и разделены 70-летним промежутком[5]. На появление подобных причесок мог повлиять и старинный парфянский обычай перед битвой взлохмачивать волосы, чтобы приобрести более устрашающий вид[6].

Особо следует отметить, что бронзовые монеты по типу драхм Вологеза V выпускались и мервским монетным двором (рис. 11), т.е. такие «портреты» были хорошо знакомы местным жителям и художникам позднепарфянского времени[7].

Другой важный признак — очень длинные рукава туники. Подобного рода рукава характерны для парфян также с ранних времен. В суровых степных условиях они заменяли рукавицы. Обычно их поддергивали вверх и они образовывали гофры по всей длине руки. Изредка подобные рукава изображались свободно свисающими, как на одной из рассматриваемых терракот. Наиболее близкую ей аналогию можно видеть на резных костяных пластинах, найденных в Ольвии, но, по единодушному мнению специалистов, принадлежавших пар-

Рис.11. Бронзовая монета маргианского чекана

Рис. 12. Статуэтка богини с зеркалом

фянскому ритону[8]. Представленный на одной из пластин царь (?) обнаруживает большое сходство с рассматриваемым персонажем и в прическе, и в одеянии, и в позе (рис. 5). Причем отчетливо прослеживается сходство не только в иконографических деталях, но в стилистических приемах. Выше уже отмечалось странное расположение начельной повязки у первого терракотового бюста, но точно также она изображена на пластине с «царем» из Ольвии. (Более правильно она изображена на втором бюсте — всадника). Сходным образом переданы контуры ступни у всадника и у персонажей на «ольвийском ритоне»[9]. Эти изображения объединяет форма и манера изображения штанов. Другая аналогия этой детали одеяния — роспись синагоги в Дура Европос, относящаяся к II в. н.э.

Как датирующий элемент в некоторых случаях рассматривается кисть, подвешенная к седлу всадника. В частности, Б.А. Литвинский использовал этот элемент как один из аргументов в пользу датировки костяных пластин из Тахти Сангина (пластина со сценой охоты) и Орлата, но в то же время сам допускает «эпизодическое» (?) использование этого элемента экипировки знатных всадников в парфянское время[10]. По Ордосским материалам этот вид украшения упряжи известен с II в. до н.э.[11]. Учитывая стремительность распространения по степному поясу различных полезных и престижных новшеств, нет оснований связывать его появление на Среднем Востоке именно с Сасанидами тем более, что эта новация распространялась с востока на запад.

Пользуясь поводом, сделаю еще одно замечание относительно «упряжных кистей». Относительно их заполнения можно только гадать, но при их характе-

ристике вместо слова «набиты», лучше использовать слово «наполнены». Заполнение кистей должно быть рыхлым и очень легким. При быстром движении всадников они легко взлетали вверх. Возможно, их наполняли пухом или пером, или они вообще были полыми.

В числе технических (технологических) особенностей, прежде всего, следует отметить уплощенность рассматриваемых терракотовых изделий. Для Мервского оазиса это, несомненно, поздний признак. Вторая технологическая особенность — во II в. н.э. в гончарном производстве Мерва из-за повышения температуры обжига появилась керамика, имеющая светлый, почти белый в изломе черепок и светлую часто зеленоватую поверхность. Часть рассматриваемых терракот относится именно к этой группе. Наконец, следует обратить внимание на заполненное кружками поле внизу терракоты с изображением всадника (рис. 3). Этот элемент обнаруживает определенное сходство с трансформированными, относительно поздними образами мервской богини с зеркалом (рис. 12), т.е. данный признак указывает на позднее, в пределах II-III вв., время изготовления терракот с изображением всадника. Это сопоставление наводит еще на одну мысль. У поздних терракот богини с зеркалом заполненное кружками поле очень напоминает пьедестал. Возможно, также можно трактовать прямоугольник в основании плакетки с изображением всадника, и тогда мы получаем косвенное свидетельство в пользу существования в Мерве большой конной статуи данного персонажа, а терракота это лишь ее реплика.

Другой важный вопрос — кого изображали рассматриваемые терракоты, и для каких целей они предназначались. Фрагмент с изображением сидящего персонажа, в виду отсутствия данных о полном его облике, с обсуждения снимается.

Мужские персонажи в терракотовой пластике Мерва относительно редки[12]. Если не принимать во внимание лепные фигурки всадников, использовавшиеся как игрушки, и налепы в виде личин на стенках сосудов, то можно указать лишь на три образа: обнаженные персонажи с воздетыми вверх руками, изображения музыкантов и «рыцарей» - прямостоящих персонажей, держащих перед собой меч.

Наиболее тесную связь с рассматриваемой группой обнаруживают «меченосцы». В том и другом случае представлены какие-то героические или знатные персонажи. Мужи с мечами, вероятно, появились много раньше, рассматриваемых терракот. Эти статуэтки выполнены в более высоком рельефе, многие из них имеют красный в изломе черепок. Появление их в терракотовой пластике Мерва, вероятно, относится к I в. н.э. и затем они изготовлялись в течение нескольких столетий. Поздние образки имеют ярко выраженный «сасанидский» облик и получают распространение не только в Маргиане, но и в Мавераннахре[13].

Мне представляется, что эти «вельможи с мечами», терракоты, изображающие сидящий персонаж, и плакетки с всадником могли быть связаны с династическим культом местных правителей. В Парфянском государстве с ранних времен существовал царский культ. Аршаку Основателю и его потомкам приписывалось божественное происхождение. Существовало прокламативное искусство, призванное возвеличивать обладателей верховной власти, был вырабо-

Рис. 13. Оттиски печатей с Гебеклы-депе

тан ряд канонизированных образов, представленных на монетах, печатях, в пластике и торевтике.

Наиболее распространенный образ — знаменитый парфянский лучник, в котором большинство исследователей видит обожествленного основателя династии, благословляющего на власть очередного своего преемника. Этот образ сохранился до конца парфянской эпохи. Несколько позднее на оборотной стороне парфянских монет, наряду с Аршаком Основателем, обосновались и сами правящие цари, то в «позе Зевса», то принимающие знаки благословления от различных божеств-покровителей.

С I в. н.э. в государственном чекане появляется новая инвеститурная сцена: царь, просто величественно восседающий на коне или также принимающий благословление от богов. В Маргиане этот образ конного царя мог иметь свои давние традиции. Цари Мерва имели какие-то династические связи не только с Аршакидами, но Гондофаридами, а через них, возможно, с саками-шаками, владевшими частью Северо-Западной Индии и находившимися в тесных политических связях с парфянами. На монетах индо-саков задолго до Фраата V и Артабана II помещались изображения конной фигуры царя или героя.

В начале I в. н.э. правители Мерва, возможно, за услуги, оказанные Артабану II борьбе за аршакидский трон, получили значительную самостоятельность. Власть их, вероятно, стала наследственной. Им было позволено чеканить собственную бронзовую монету, на которой они гордо величали себя царями. Вслед за царями царей, заботясь о престиже своей власти, они, вероятно, создали и активно поддерживали собственный династический культ. Вполне возможно, что рассматриваемые терракоты — это одна из форм его проявления. Причем нужно отдать должное древним идеологам, умело использовавшим для своих целей старую местную традицию массового изготовления миниатюрных глиняных культовых образков. Радикально отличаясь от них по содержанию, они были очень похожи на них внешне.

Для III в. н.э. для области Мерва, помимо рассматриваемых терракот, известны оттиски печатей с изображением всадника перед алтарем[14] и всадника, венчаемого Никой[15] (рис.13). При Шапуре I (242-272) были выпущены монеты

Рис.14. Монета «царя Мерва», современника Шапура I. Реконструкция типа (по Логинову и Никитину)

последнего условно самостоятельного правителя Мерва, на оборотной стороне которых был представлен царь на коне (рис. 14)[16]. В связи с нашей темой важно подчеркнуть, что этот царь уже полностью следовал сасанидской моде. Он одет в просторные "сасанидские" шальвары. Его прическа на некоторых экземплярах еще похожа на "буклю" парфянских правителей, но на большинстве изображений округлый пук волос расположен не на месте уха, а позади головы. Это тип прически на сасанидских монетах известен со времен Шапура I[17]. соответственно персонаж на терракотовых плакетках должен представлять какого-то более раннего царя Мерва.

Заканчивая рассмотрение данной группы терракотовых изделий, можно сделать следующие предварительные выводы.

Эти изделия лучше называть не статуэтками, а плакетками, так как они выполнены на плоских плитках в очень низком рельефе и, как в случае со всадниками, представляют не просто человеческую фигуру, а композицию.

Несмотря на отсутствие паспортных данных, они определенно изготовлены в древнем Мерве (Нижнемургабском оазисе), который в античную эпоху был крупнейшим коропластическим центром на территории современного Южного Туркменистана. На это указывают технические и стилистические особенности рассматриваемых терракот.

При всех связях с традициями мервской коропластической школы, они представляют новое явление. Это не традиционные культовые статуэтки, а предметы прокламативного придворного искусства, созданные по инициативе местных правителей, добившихся в I-II вв.н.э. значительной самостоятельности. Их можно рассматривать как свидетельство существования у мервских правителей собственного династического культа.

Совокупность наблюдений позволяет предполагать, что наиболее вероятное время изготовления этих изделий — конец II — первая треть III в. н.э. Конец этому явлению положил шахиншах Шапур I, покончивший с самостоятельностью мервских царей.

Рис.15. Фрагмент резной кости из Шаштепа

Сопоставление мервских терракот с резными костяными пластинками, обнаруженными в Ольвии и в окрестностях Ташкента[18] (рис. 13), позволяет предположить, что это произведения одной художественной школы, центр которой располагался именно в Мерве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 99, рис.15.
2. *Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии // Отчет Императорской археологической комиссии за 1906 год. СПб., 1909. С. 42-44, рис. 41.
3. Б.В. Фармаковский определял этот предмет как секиру, обращенную лезвием вниз (*Фармаковский*. Ук. соч.), М.И. Филанович — как топорик (*Филанович М.И.* Две находки на Шаштепа в Ташкенте // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 48).
4. *Ghirshman R.M.* Parthes et Sassanides. Paris, 1962.
5. *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1980. Tipes 80 and 86.
6. *Bernard P.* Plutarque et la corffure des Parthes et des nomads // Journal des Savants. 1980. № 1-2.
7. *Пилипко В.Н.* Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком // ВДИ. 1980. № 4. Тип. VI. 3.
8. *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. М., 1966. С. 202; *Пугаченкова Г.А.* Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 66; *Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977. С. 128
9. *Фармаковский*. Ук. соч.
10. *Литвинский Б.А.* Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Нов. Серия. Т. 1 (XXVI). СПб., 2002. С. 181-213.
11. *Jettmar K.* Die fruhen Steppenvölker. Der eurasiatische Tierstile Entstehung und sozialer

Hintergrund. Baden-Baden, 1965. С. 237; *Wagner M., Butz H.* Nomadenkunst. Ordos Bronzen der Ostasiatischen Kunst. Samlung Museum für Asiatische Kunst, Staatliche Museum zu Berlin // Archdologie in Eurasien. Bd. 23. Meinz, 2007. С. 86-87.
12. *Пугаченкова Г.А.* Короластика Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Т. 11. Ашхабад, 1962. С. 148-161.
13. *Сулейманов Р.Х., Исамиддинов М.Х.* О находке серийной продукции коропласта Еркургана // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990; *Сулейманов Р.Х.* Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент, 2000. С. 198.
14. *Гаибов В.А.* Маргианская булла с изображением царя-всадника // ВДИ. 2004. № 2. С. 69–75; *он же.* Образ царя в искусстве Маргианы парфянского времени // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2008.
15. *Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Буллы из раскопок Гебеклы-депе // ВДИ. 2001. № 2. С. 71–78.
16. *Логинов С.Д., Никитин А.Б.* Монеты с всадником из Мерва // СА. 1986. № 3.
17. *Луконин.* Культура Сасанидского Ирана ..., табл. 3.
18. *Филанович.* Ук. соч.

ON MALE TERRACOTTA GROUP FROM MERV

V.N. Pilipko

Among the many ancient terracotta finds in Turkmenestan are original small plaques showing men with luxuriant hair dressed in late Parthian style. Two motifs have emerged. It is presumed that on one plaque there is a figure of a sitting man, evidently highborn, probably a ruler (the plaque is only partially preserved). The second one shows a similar man on horseback. The finds are not rated, but their connection with Merv oasis is quite evident. The plaques can be referred to the 2nd — first third of the 3rd cc. B.C., to judge from some stylistic and technical properties. They can be regarded as object of Merv proclamation art.

© 2010

А.Б. Никитин

САСАНИДСКИЙ КУШАНШАХР

Сасанидский Кушаншахр — территория современных южных районов Средней Азии, Афганистана и Пакистана, находившаяся под контролем Сасанидского Ирана с середины III в. до конца IV в. н.э. Ранее все перечисленные территории, а также часть Северной Индии и, вероятно, некоторые районы Восточного Туркестана входили в состав Кушанского царства, возникшего на месте прежних греко-бактрийских государств, откуда происходит название Кушаншахр — «царство кушан».

До недавнего времени наши представления об истории Кушаншахра, его хронологии, политическом статусе, культуре, были весьма неопределенными.

Только в последние десятилетия, благодаря археологическим открытиям, а также исследованиям в области нумизматики, глиптики и эпиграфики, мы получили более полное представление о Кушаншахре как в кушанский период, так и в то время, когда эти районы контролировала иранская династия Сасанидов[1].

Вопрос о хронологии Сасанидского Кушаншахра тесно связан с проблемой кушанской хронологии, которая в течение последних полутора столетий породила множество предположений и догадок, не имевших под собой каких-либо реальных оснований. Кушанские монеты и надписи, происходящие главным образом с территории Северной Индии и Пакистана, позволили выстроить относительную хронологию правителей кушанской династии: безымянный царь («Сотер Мегас»), Куджула Кадфиз, Канишка I, Хувишка, Васудева, гипотетический Канишка II, Канишка III. При Канишке I было принято новое летоисчисление, начиная с первого года его правления, которым пользовались немногим более 100 лет. Именно этот столетний период, за которым последовал упадок, а затем завоевание Кушаншахра Сасанидским Ираном, именуется эпохой Великих Кушан. Споры об абсолютной хронологии Кушанского государства, об «эре Канишки», начались еще в первой половине XIX века. Предлагались самые разные начальные даты для «эры Канишки» — от конца I в. до н.э. до середины III в. н.э.[2] Только в самом конце XX столетия появились объективные данные, позволившие сузить хронологические рамки для начала «эры Канишки» до одного десятилетия. Нумизматические и эпиграфические данные позволили установить также, что Сасанидский Кушаншахр не был неким статичным образованием. В течение полутора столетий менялся и статус этих территорий и их границ.

В середине 1990-х гг. в научный оборот были введены монеты сасанидских правителей Варахрана I (273-276) и Нарсе (293-302), чеканившиеся в Балхе, столице северной части Кушаншахра[3]. Наличие этих серебряных драхм с обозначением монетного двора Балха — bhly — говорит о том, что к концу III в. Кушаншахр уже вошел в состав Сасанидской империи, причем управлялся из центра, как одна из провинций. Никаких полуавтономных «вассальных» правителей в конце этого столетия в Кушаншахре еще не было. Балх и его округа, а, возможно, и вся северная часть Кушаншахра, управлялись сасанидским наместником, носившим титул «шахраб Балха». Глиняные буллы с оттисками печати этого шахраба найдены в Северном Афганистане на Жига-тепе. Примечательно, что они имеют «двуязычную» надпись — среднеперсидскую и выполненную бактрийским курсивным письмом. При этом бактрийская надпись на самом деле является повторением среднеперсидской титулатуры, хотя и начертана знаками бактрийского алфавита[4].

Наличие сасанидских монет и надписей III в. подтверждает сведения, содержащиеся в царских надписях Шапура I (241-272), претендовавшего на владение Кушаншахром «вплоть до Пешкабура». Ранее многие исследователи рассматривали это заявление Шапура как не имевшую под собой реальной основы пропаганду. Отсюда следует, что около 260 г. Шапур уже владел Кушаншахром, что Кушаншахр мог быть завоеван Сасанидами в первой половине его правления. Это подтверждается и недавней находкой в Афганистане наскального рельефа, изображающего охоту царя Шапура на носорога[5].

Уточнение хронологии Сасанидского Кушаншахра позволяет привести в относительный порядок и абсолютную хронологию Великих Кушан: если Кушаншахр перешел к Сасанидам в середине III в., следовательно, отсчет лет по эре Канишки, которой пользовались немногим более ста лет, начинается где-то от середины II в. Все гипотезы, относившие начало эры Канишки к рубежу н.э. или к III в. н.э., таким образом, отпадают. Научная литература прошедшего столетия содержит немало попыток синхронизировать различные системы летоисчисления, которыми пользовались в Индии в предкушанское и кушанское время (эра Шака, эра Викрамы, эра Канишки и др.), однако они не увенчались даже созданием достоверной относительной хронологии, не говоря уже об абсолютной.

Изучение монет сасанидских царей, чеканившихся в Кушаншахре, и сасанидо-кушанских правителей позволяет предположить, что к началу IV в. сасанидская администрация отказалась от системы управления Кушаншахром из Ирана. Кушаншахр превратился в контролируемое Ираном автономное государство, управляемой собственной династией. Цари Кушаншахра получили право чеканить собственную золотую и медную монету, серебро, за исключением отдельных ограниченных эмиссий, не чеканилось. В этом они следовали прежней кушанской денежной системе, в которой также отсутствовало серебро, а медные денежные знаки обеспечивались золотом. Имена правителей Сасанидо-кушанской династии — западноиранские, такие же, как у представителей Сасанидской династии: Варахран, Хормизд, Пероз, Кавад. Было предложено несколько реконструкций относительной хронологии сасанидо-кушанской династии. Все они основывались исключительно на нумизматическом материале. Наиболее правдоподобные принадлежат Р. Гёблю и Дж. Криббу[6].

Все сасанидо-кушанские монеты можно условно поделить на две группы: северную, представленную медными монетами, отчеканенными на аккуратных круглых кружках, а также золотыми скифатными монетами с именами тех же правителей (значительная часть последних чеканилась в Балхе), и южную, в которой золото отсутствует, а медные монеты, более тяжелые, отчеканены на небрежно отлитых или обрубленных толстых кусочках меди. К этой группе принадлежат серия монет с именем Шапура (как с бактрийской, так и со среднеперсидской легендой) — несомненно, Шапура II из династии Сасанидов (310-379) и серия с именем Кавада (не имеющего никакого отношения к правившему позднее в Иране Каваду I), с бактрийской легендой — kobado. Наличие монет Шапура II (изображенная на них корона полностью соответствует короне Шапура II на сасанидских драхмах) говорит о том, что какие-то районы Кушаншахра (часть территории современного Пакистана) и в IV веке продолжали управляться из Ирана.

Монеты позволяют нам говорить и о переходном периоде, который приходится на начало IV в., годы правления Хормизда II (303-309) или начало правления Шапура II, когда начинается внедрение в Кушаншахр новой, связанной с Сасанидами династии. В этот период временной базой для новой администрации Кушаншахра становится Мерв, столица Северного Хорасана и важный административный и торговый центр на путях, связывавших Сасанидский Иран с Кушаншахром и областями Средней Азии. В.Г. Луконин первым отме-

тил, что первые золотые сасанидо-кушанские монеты, еще не скифатные, но близкие к сасанидским эмиссиям, могли выпускаться в Мерве[7].

Нам не известно ничего определенного о том, что вызвало интерес Сасанидов к Кушаншахру и предопределило его завоевание и последующее создание «буферного государства», управляемого ставленниками Сасанидов. Естественно, что любая империя, достаточно сильная, чтобы присоединить и удержать соседние территории, стремится к территориальной экспансии. Экспансия может продолжаться до тех пор, пока центростремительные силы не приходят в равновесие с центробежными, или пока динамично расширяющаяся империя не сталкивается с сильным соседом, проводящим сходную политику.

Начальным импульсом для сасанидской экспансии стало возрождение единого иранского государства при Ардашире I (224-241), первом правителе династии Сасанидов. Территориальная экспансия трактовалась как возвращение исконных иранских земель, входивших в состав Ирана еще при Ахеменидах (в VI-IV вв. до н.э.), тем более, что многие присоединенные области были действительно населены народами, говорившими на иранских языках или испытавших заметное влияние иранской культуры. Кушаншахр (древняя Бактрия) тоже входил в прошлом в состав империи Ахеменидов, и население его говорило на одном из диалектов иранского языка. Это идеологическая составляющая сасанидской экспансии, но, вероятно, не единственный фактор, предопределивший вторжение Ирана в Кушаншахр.

Захват Кушаншахра привел к тому самому балансу центробежных и центростремительных сил на восточных рубежах Ирана. Кушаншахр (в прошлом — Бактрия-Тохаристан, в будущем — Афганистан) — не та территория, которой с легкостью можно управлять извне. Его географическое положение, наличие проходящих через него торговых путей, особенности рельефа, сами по себе поощряют развитие сепаратизма. На западе иранской экспансии противостояла Римская Империя, не менее агрессивная, но также начинающая испытывать проблемы с центробежными тенденциями.

Можно предположить, что помимо простого желания сасанидских царей захватить побольше земель и пользоваться доходом с них, экономическая составляющая уже в III-IV вв. включала и международную торговлю.

Ни о какой сколь либо масштабной торговле между Китаем и Западом, в том числе и Ираном, в то время говорить не приходится; отдельные упомянутые в источниках контакты Китая с Западом потому и попали в анналы истории, что представляли собой исключения. Как бы ни пытались сторонники идеи «Шелкового пути» (возникшей в XIX веке) удревнить историю торговых отношений между Востоком и Западом, для выводов о каких-либо устойчивых связях ранее начала IV века у нас нет данных. В IV веке они появляются, причем как в Китае, так и на Западе. Экспансия Сасанидов на Восток стала скорее всего причиной возникновения новых торговых путей, а вовсе не следствием их стремления установить контроль над «Шелковым путем», тогда еще не существовавшим.

Что касается торговли с Индией или, вернее, торговли Индии с соседними странами, поскольку Индия проводила в этом направлении весьма активную политику, то установление контроля над ней могло стать веским аргументом

для экспансии. Индия, одна из наиболее технологически развитых стран Древнего Мира, уже в домаурийское время (VI-V вв. до н.э.) монополизировала центральноазиатскую торговлю предметами роскоши (зеркала, ювелирные украшения). В первые века н.э. индийские торговцы преобладают на рынках Восточного Туркестана (северо-западных областей Китая). Вместе с индийскими товарами в Центральную Азию проникают и индийская культура, письменность (документы начала эры из Восточного Туркестана на индийских языках), идеология (индуизм и буддизм). Следы влияния индийской культуры на культуру центральноазиатских народов не менее заметны, чем следы влияния Ирана и Китая.

Упадок индийской торговой монополии, по-видимому, не случайно совпадает по времени с возникновением Сасанидского Кушаншахра. На международном рынке появляется новая сила — согдийцы. Их внезапное появление с начала IV в. одновременно в Китае (о чем свидетельствуют согдийские «старые письма», переписка резидентов согдийской торговой колонии в Китае с метрополией) и в Кушаншахре (буллы с согдийскими надписями из Северного Афганистана; гемма с двойным портретом в ознаменование брака между согдийским принцем и индийской принцессой[8]) заставляет предположить, что захват Ираном Кушаншахра и создание там подконтрольного Ирану государства что-то радикально изменило в соотношении сил на мировом рынке. Проводил ли Иран сознательную протекционистскую политику в отношении согдийских купцов, мы не знаем, но согдийцы с этого времени появляются всюду, где от международной торговли можно получить малейшую выгоду.

Не менее любопытна и культурная составляющая сасанидской экспансии. Если в самом Иране объединение исконных иранских территорий предполагало унификацию их идеологии, искоренение иноземных культов, насаждение «ортодоксального» зороастризма (в той его форме, которой придерживалась сасанидская жреческая элита), то на Востоке ничего подобного не прослеживается. В то время как в самом Иране иноверцы преследуются, а их святилища (в том числе и буддийские храмы) разрушаются и заменяются зороастрийскими храмами огня, в восточных иранских землях буддизм процветает. Буддийский монастырь появляется даже в Мерве, на территории, исторически связанной с Кушаншахром. Знаменитая ступа в юго-восточном углу Гяур-калы, центр обширного буддийского комплекса, закладывается, судя по найденным в ее основании монетам, в первой половине правления Шапура II[9]. Такая двойственная «либеральная» политика Сасанидов на Востоке может быть объяснена только их ясным пониманием того, что удержать Кушаншахр, не сообразуясь со вкусами и взглядами его населения, невозможно.

Дошедшие до нас произведения искусства Сасанидского Кушаншахра отражают очень сложное переплетение иранских, индийских и средиземноморских черт. Даже в таком консервативном жанре, как изображение царской охоты (сюжет, в III-IV вв. доминирующий в сасанидской торевтике), искусство Кушаншахра отходит от традиционных канонов. Особой популярностью там пользуется изображение охоты на кабана: сасанидо-кушанский царь, рубящий с коня выскочившего из камышей кабана на блюде из эрмитажной коллекции, принцы, поражающие одного кабана рогатиной и отбивающие атаку другого

кабана точным ударом пятки в пятачок — в классическом сасанидском искусстве подобная легкомысленная трактовка сюжета была бы недопустима[10]. В IV-V вв. в торевтике Кушаншахра неожиданно возрождаются и почти забытые уже античные сюжеты: триумф Диониса, Диоскуры, сцены из греческой драмы, напоминающие изображения на мегарских чашах. То же самое относится и к глиптике: в очень близкой к иранской технологии трактуются необычные сюжеты, восходящие к античной или к индийской мифологии, портреты владельцев в три четверти (на классических сасанидских геммах их предпочитали изображать в профиль), сочетание иранских и индийских элементов в прическе и одежде. Один из шедевров сасанидо-кушанской глиптики — сердоликовая инталия с портретом знаменитой Шахерезады (коллекция Джонатана Розена, Нью-Йорк) — яркий пример неожиданной, не без индийского влияния, трактовки иранского женского портрета на гемме. Гемма имеет бактрийскую легенду: siurozado «благороднорожденная», «царственнорожденная». В иранской ономастике это женское имя, с момента выхода знаменитого труда Ф. Юсти[11] и до самого недавнего времени, было представлено всего одним примером — именем той самой рассказчицы из «1001 ночи». Его появление на бактрийской (сасанидо-кушанской) почве наводит на размышление и заставляет вспомнить выводы литературоведов, неоднократно отмечавших связь сказок «1001 ночи» с индийской литературой («Панчатантра», «Калила и Димна» и другие сборники). «Страна Кушан» вполне могла обеспечить условия для смешения индийских и иранских литературных элементов и для ассоциации их с именем Шахерезады — судя по гемме, представительницы местной знати.

Сасанидский Кушаншахр просуществовал немногим более ста лет. Археологические раскопки на юге Средней Азии и в Северном Афганистане подтверждает, что на этот период приходится расцвет культуры, ремесла, градостроительства. В начале V века Сасаниды теряют контроль над Кушаншахром. Это косвенно подтверждается появлением серии монет, выполненных в одной манере, но подражающих сасанидским драхмам Шапура III (393-388), Варахрана IV (388-399) и Йездигерда I (399-420). Находки таких подражаний происходят с территории Кушаншахра. По-видимому, новые пришельцы с Востока (письменные источники именуют их хионитами и эфталитами), вытеснив Сасанидов из Кушаншахра, вынуждены были первое время выпускать свою монету по образцу сасанидских драхм, обращавшихся в тот момент на местном рынке.

С образованием на территории бывшего Кушанского царства новых эфталитских, а затем тюркских государств, Иран не утратил окончательно контроль над этими территориями. Местные монеты до конца VIII века чеканились по образцу сасанидских драхм, в местной культуре продолжают преобладать иранские влияния. Можно предположить, что с развитием международной торговли, в первую очередь с Китаем и Восточным Туркестаном, Сасанидам оказалось выгодней поддерживать местных правителей, гарантировавших безопасность торговых путей, а не пытаться вернуть свои бывшие восточные владения, управление которыми потребовало бы от них чрезмерных затрат.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Завьялов В.А.* Кушаншахр при Сасанидах. По материалам раскопок на городище Зартепа. СПб., 2008.
2. *Herzfeld E.* Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930; *Зеймаль Е.В.* Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1965; *Bivar A.D.H.* The Absolute Chronology of the Kushano-Sasanian Governors in Central Asia // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979. P. 317-332; *Brunner Ch.J.* The Chronology of the Sasanian Kušanšahs // American Numismatic Society. Museum Notes. 1979. P. 145-164; C*ribb J.* Some Further Hoards of Kushano-Sasanian and Late Kushan Series // Coin Hoards. Vol. VII. London, 1985. P. 308-321.
3. *Nikitin A.B.* Notes on the Chronology of the Kushano-Sasanian Kingdom // Coins, Art and Chronology. Wien, 1999. P. 259-263.
4. *Никитин А.Б.* Сасанидский сатрап Балха // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 54-57.
5. *Grenet Frantz.* Le relief sassanide de Rag-i Bibi en Afghanistan // Les Perses sassanides. Fastes d'un empire oublié (224-642). Paris, 2006. P. 39.
6. *Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984; *Cribb J.* Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // Studia Iranica. 19. Fasc. 2. 1990. P. 151-193.
7. *Луконин В.Г.* Кушано-Сасанидские монеты // Эпиграфика Востока. XVIII. 1967; *он же.* Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 124 сл.
8. *Ghirshman R.* Quelques intailles du musée de Calcutta, a légendes en Tokharien, Pehlevi Aesacide et Pehlevi Sassanide // Archaeologia Orientalia in memoriam Ernst Herzfeld. New York, 1952. P. 108. Pl XXI, 5a, 5b.
9. *Loginov S.D., Nikitin A.B.* Coins of Shapur II from Merv // Mesopotamia. 1993. 28. P. 247-264.
10. *Harper P.O.* An Iranian Silver Vessel from the Tomb of Feng-Hetu // Bulletin of the Asia Institute. 4. 1990; Glories of the Past. Art from the Shelby White and Leon Levy Collection. New York, 1990. P. 58-59
11. *Justi F.* Iranisches Personennamenbuch. Marburg, 1895.

SASANIAN KUSHANSHAKHR

A.B. Nikitin

The article deals with the history of Kushanshakhr (formerly Bactria-Tokharistan and later Afghanistan) that existed over a hundred years under the control of Sasanian dynasty. Until the present time we did not know much about its chronology, political status, and culture. And only past decades brought us a more or less full notion of the Kushanshakhr both of Kushan period and of Sasanian dynasty control period thanks to archeological discoveries, and research in the area of numismatics, glyptics, and epigraphy.

© 2009

С.Б. Болелов

РАСПИСНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОСУДА ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛАЛЫ-ГЫР 2)

Не ранее конца V — начала IV вв. до н.э. Хорезм, ставший к этому времени отдельной сатрапией Ахеменидской державы, становится самостоятельным государством[1]. Надо полагать, в первой половине IV в. до н.э. происходит начальный этап становления древнехорезмийского археологического комплекса. В литературе уже не раз высказывалась точка зрения о том, что он формировался под сильным влиянием культурной традиции Ирана середины I тыс. до н.э.[2]. Это было обусловлено функционированием водного пути по Амударье и обводненному в это время руслу Узбоя, который, через южную часть Каспия, напрямую связывал низовья Амударьи с северо-западными областями Ахеменидской державы[3].

Безусловно, самой многочисленной составляющей древнехорезмийского археологического комплекса является керамика, часть которой и послужила предметом данного исследования. Основным источником является многочисленный и представительный комплекс керамики, полученный в результате раскопок культового центра Калалы-гыр 2, погибшего во время пожара. В результате этого коллекция насчитывает большое количество целых или археологически целых сосудов.

Всю глиняную посуду Калалы-гыр по функциональному назначению можно разделить на три основные группы: кухонную, хозяйственную и столовую. Кроме того, выделятся немногочисленная, но достаточно характерная группа культовых сосудов.

Группа кухонной посуды определяется по технологическим признакам. Все сосуды изготовлены вручную из глины с обильными примесями шамота, дресвы и гипса. Ведущими формами являются горшки различных размеров, а также глубокие миски и чаши. Сосуды, относящиеся к этой группе керамики, не были орнаментированы[4].

В группе столовой посуды, большая часть которой была красноглиняной, по технологическим признакам — в данном случае основным является режим обжига, выявлена немногочисленная, но очень характерная подгруппа серо-глиняной керамики.

Столовая посуда сформована из хорошо промешанной глины практически без примесей, и большая ее часть покрыта плотным ангобом-поливой. Ведущими формами являются кубки, чаши, миски, одноручные красно-ангобированные кувшины[5]. Столовая керамика, так же, как и кухонная, не орнаментировалась

Хозяйственная посуда, по функциональному признаку, подразделяется на две подгруппы: тарную, которая использовалась для длительного хранения и транспортировки продуктов и, собственно, хозяйственную, которая, возможно, использовалась для переработки и краткосрочного хранения продуктов пита-

ния. Ведущими формами являются хумы, хумчи, горшки различных размеров, крупные кувшины без ручек, тагора, вьючные фляги.

Одной из наиболее характерных черт хозяйственной керамики Калалы-гыр 2 является роспись внешней поверхности сосуда. Рисунок наносился красной ангобной краской на светлый ангоб, если таковой имелся, или просто на заглаженную поверхность. Процент посуды с росписью достаточно высок. Например, среди закрытых форм в группе хозяйственной посуды он достигает 86,5 % от общего числа.

Следует отметить, что подобная ситуация фиксируется не только в Хорезме. Так, например, на территории Бактрии в начале I тыс. н.э. орнаментировалась только хозяйственная керамика. Сосуды, в которых хранились запасы продовольствия, а также перерабатывались продукты питания, украшались или прочерченным зигзагообразным орнаментом или крупным штампом. Орнамент чаще всего украшал верхнюю треть профиля сосуда[6].

Не вызывает сомнения, что эта традиция уходит корнями в глубокую древность. Е.В. Антонова в своих многочисленных статьях, посвященных мифологическим представлениям первобытных земледельцев Передней Азии, неоднократно подчеркивала, что функция сосуда, т.е. его предназначение для определенного содержимого и его оформление составляли неразделимое целое. Разные виды пищевых продуктов имели свою мифологию, которая находила свое отражение в их орнаментации, месте в интерьере жилища или сакральной постройки[7].

В ходе исследования комплекса керамики Калалы-гыр 2 удалось выявить устойчивый набор декоративных элементов, наиболее часто встречающихся на сосудах. К таковым относятся «мазки», «потеки», «широкие вертикальные полосы», «широкие горизонтальные полосы» «прямоугольники», «треугольники», «зигзаг», «завитки», «спирали», «деревья», «крест» (рис.4). Все эти мотивы присутствуют на сосуде как отдельно, так и в различных сочетаниях. Элементы близкие по форме и, как можно предполагать, по содержанию, объединяются в группы: 1 группа — «капли», «потеки», «вертикальные полосы»; 2 группа — «нависающие закрашенные треугольники», «стоящие закрашенные треугольники», «зигзаг»; 3 группа — «спираль», «завиток» или «запятая». Надо полагать, по своему смысловому значению близки между собой «горизонтальная полоса» и «закрашенные прямоугольники». Несколько особняком стоят «дерево» и «крест».

По соотношениям основных линейных параметров, которые являются формообразующими, группа хозяйственной посуды подразделяется на два отдела — закрытые и открытые формы.

Первый отдел — закрытые формы. В нем в равной степени представлена как тарная, так хозяйственная посуда.

К закрытым формам отнесено 97 целых сосудов, которые, безусловно, различаются по своему функциональному назначению. О чем красноречиво свидетельствует разница в абсолютных размерах сосудов.

На первом этапе классификации был проведен сравнительный анализ форм по абсолютным линейным показателям — высота сосуда и максимальный диаметр тулова. В результате этой операции были выделены два массива форм, ко-

торые различаются между собой по размерам и по соотношению указанных параметров.

Первый включает в себя хумы — Д3 — 48-57см, Н– 66-72см, хумчи — Д3 — 36-45см, Н — 48-51см и крупные кувшиновидные сосуды без ручки — Д3 — 24-30 см, Н — 36-48см. У всех этих сосудов высота как минимум в 1,2 раза превышает величину максимального диаметра. Они различаются между собой и по некоторым морфологическим признакам, которые выражаются соотношениями отдельных параметров — конфигурация верхней части сосуда, степень крутизны плечиков, величина диаметра устья.

Второй массив включает в себя сосуды, у которых максимальный диаметр тулова равен или превышает высоту сосуда. По соотношению пропорциональных показателей все эти формы близки друг другу, и их с полным основанием можно назвать горшковидными. Они различаются между собой только по абсолютным линейным параметрам. По этим показателям можно выделить крупные горшковидные сосуды Д3 — 48 — 57см, Н — 30-39см, а также собственно горшки, которые, в свою очередь по соотношению пропорциональных показателей подразделяются на типы и варианты.

Таким образом, можно рассматривать, по крайней мере, две самостоятельные формы крупных толстостенных сосудов, использовавшихся для хранения продуктов — собственно хумы, у которых высота всегда превышает максимальный диаметр и крупные горшковидные сосуды, максимальный диаметр тулова которых равен или превышает высоту сосуда. В некоторых публикациях такие сосуды называют корчагами[8].

Хумы и хумчи. Большая часть этих сосудов фрагментирована, но, опираясь на многочисленные аналогии и находки целых экземпляров, уверенно можно говорить, что форма их тулова напоминала бочонок. В комплексе представлены фрагменты довольно крупных сосудов — максимальный диаметр тулова более 90см. Они имели, строго говоря, усеченно-биконическую форму тулова, которая часто называется яйцевидной, овоидальной[9]. Максимальный диаметр тулова всегда располагался в верхней трети профиля сосуда. Лишь у одного из хумов тулово было, по всей видимости, грушевидной формы. В этом случае максимальный диаметр располагался в нижней трети его профиля.

Все сосуды сформованы из хорошо промешанной глины с обильными примесями пережженного и хорошо измельченного гипса, в некоторых случаях в глину добавлялась дресва. Они сформованы методом наращивания широких глиняных полос на основании донного начина, который изготавливался при помощи вогнутого глиняного диска. Поэтому большинство сосудов имеют выпуклое округлое дно.

Несмотря на близкие параметрические показатели, по некоторым морфологическим и декоративным признакам можно выделить два варианта хумов.

Вариант 1 (X-I). Сравнительно высокие хумы и хумчи (соотношение Н : Д3 — не менее 1,4), которые с внешней стороны украшались росписью красного цвета в виде «спиралей» (рис. 1: 1,2).

Вариант 2 (X-II). Более приземистые хумы и хумчи (соотношение Н : Д3 — не более 1,3), характерным признаком этих сосудов являются располагавшиеся на плечиках налепы с отверстиями, сделанными до обжига (рис. 1: 3,4). В неко-

Рис. 1. Крупные хозяйственные тарные сосуды. *1-4* — хумы; *5, 6* — кувшины без ручек

торых случаях отверстия шли параллельно стенкам сосуда, не проходя сквозь них. Сосуды этого варианта с внешней стороны покрывались несколькими поясами орнамента в виде рядов закрашенных «треугольников» по верхней части тулова, в некоторых случаях под ними идет пояс «потеков». У большинства из них в нижней части тулова располагались крупные «спирали» в полтора — два с половиной оборота.

В тех случаях, когда сосуд украшался несколькими орнаментальными поясами (хумы 2-го варианта), они разделялись между собой валиками или желобками. Если же на сосуд наносился один декоративный элемент (хумы 1-го варианта), во всех случаях это была крупная «спираль» валики или желобки на внешней поверхности отсутствовали. Лишь у отдельных сосудов отмечен валик чуть ниже шейки. Надо полагать, различия эти были не случайными и связаны, возможно, с тем, что в различных по виду сосудах хранились разные продукты. В этом случае, можно предполагать, что различные виды орнамента были своеобразным «маркером», указывавшим на содержимое сосуда. Орнамент наносился в процессе изготовления сосуда до обжига и вполне логично предположить, что мастер четко представлял себе, какие продукты будут храниться в нем, а количество тех или иных сосудов определялось в зависимости от объема заказа.

Следует заметить, что среди хозяйственной керамики нижнего культурного слоя Кой-Крылган-калы и других памятников Хорезма этого времени также выделяются две разновидности хумов, обладающие теми же признаками[10].

К отделу закрытых форм относятся также **крупные кувшины без ручки (К-I)**. Они имели четко выраженную невысокую горловину. У всех них высота не менее чем в 1,5 раза превышает величину максимального диаметра тулова (рис. 1: 5,6).

Сосуды в общем очень близки друг другу по морфологическим и декоративным признакам. На этом основании было сделано предположение, что они близки друг другу и по другим признакам, прежде всего параметрическим. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, серия кувшинов из раскопок Калалы-гыр 2 была обработана статистически с учетом соотношений линейных параметрических признаков.

У всех кувшинов был просчитан объем тулова, у целых сосудов учитывались также размеры горловины и высчитывался полный объем.

Нам удалось выявить два более или менее устойчивых модуля объема: меньший — 10,5–14 л и больший 15,75–19 л у целых сосудов. Кроме того, намечается еще один модуль — 21–25, который, возможно, можно будет выделить окончательно на большем количестве целых сосудов. Такая же тенденция наблюдается при сравнении объема тулова, где также выделяются два основных модуля: 8,75–12,25 л и 14–15,75 л, и также намечается тенденция к выделению третьего модуля — 21–24 л. Заметим, что между модулями существует определенный интервал, который составляет в среднем 1,75–2 л. Если принять этот интервал за определенную единицу объема, то вместимость кувшинов составит: приблизительно 5-6 единиц для малого модуля и 8–9 единиц для среднего модуля, а также, возможно, 11–13 единиц для большого модуля[11].

Как можно предполагать, существование более или менее постоянных мо-

Рис.2. Горшки и фляги. *1–6* — горшки; *8* — фляга; *9* — орнамент на фляге

дулей объема сосуда и, как следствие, стандартов объема в определенной степени свидетельствует о функциональном назначении сосудов, которые, возможно, использовались в качестве тары для перевозки продуктов, масса которых могла подсчитываться количеством кувшинов определенного объема. Весьма вероятно, что в Хорезме, так же, как и во всей Средней Азии сыпучие, и особенно жидкие продукты перевозились в керамических сосудах. Это обстоятельство, по всей видимости, и определяло стандартизацию объемов некоторых форм посуды.

Почти все кувшины покрыты с внешней стороны светлым ангобом, поверх которого наносилась роспись красной краской в виде «спиралей». В тех случаях, когда ангоб отсутствует, роспись наносилась непосредственно на заглаженную поверхность. Следует подчеркнуть, что других декоративных элементов на сосудах этого типа не отмечено (рис. 4). Все сосуды с росписью имеют один или два валика в нижней части горловины, которые как бы отделяют ее от тулова сосуда. Данный морфологический признак, как кажется, связан с традицией изготовления глиняных сосудов в подражание металлическим образцам. Это предположение подтверждается наличием такого же элемента у неорнаментированных кувшинов с ручками, покрытых красным ангобом, которые, безусловно, подражали ахеменидскому металлу.

Горшки. Эта форма является одной из ведущих в подгруппе хозяйственной посуды и включает в себя все сосуды горшковидной формы независимо от их размеров. Все горшки сформованы на гончарном круге. Из 174 учтенных сосудов орнаментировано 126, что составляет 72,4 %

По соотношению параметрических признаков выделяются три типа сосудов.

Тип I (Г-I). Все горшки этого типа изготовлены на гончарном круге по донно-емкостной «программе» с использованием вогнутой подставки. Это сосуды со сферическим приземистым туловом. Все они имеют покатые или умеренно покатые плечики и широкое или умеренно широкое устье. Среди горшков этого типа явно преобладают сосуды, для которых характерно широкое дно и устье, при этом они имели сравнительно небольшую высоту (рис. 2: 1). Максимальный диаметр тулова располагался в верхней четверти профиля сосуда.

На горшках I типа наиболее часто встречаются орнаментальные элементы 1-ой группы — «вертикальные полосы», «потеки» и «капли» (рис. 4). Безусловно, преобладает простой орнамент, то есть состоящий из одного ритмично повторяющегося декоративного элемента. 50 % горшков этого типа украшено «вертикальными полосами», на 25 % отмечены «потеки» и на 8,3 % сосудов нанесены мазки — «капли». Никаких других элементов орнамента не отмечено. На всех горшках роспись покрывала только верхнюю часть тулова. В тех случаях, когда отмечалось несколько декоративных поясов (сложная орнаментация), в равной степени были представлены все перечисленные выше элементы. Кроме того, отдельные горшки I типа украшались «горизонтальной полосой» с «потеками».

Тип II (Г-II). Сосуды этого типа изготовлены на гончарном круге методом наращивания глиняных полос. У большинства из них плоское дно. Это пропорциональные сосуды с шаровидным туловом. В большинстве случаев диаметр устья равен диаметру дна. Сосуды имеют широкую или умеренно широкую гор-

Рис. 3. Керамические крышки. *1–3* — I тип; *4, 5* — II тип; *6, 7* — III тип

ловину, умеренно покатые плечики и широкое или умеренно широкое дно. Преобладают горшки, характерной особенностью которых являются равные диаметры устья и дна, а также сравнительно невысокая шейка (рис. 2: 2). На горшках II типа присутствуют 7 из 12 орнаментальных элементов, присущих керамике Калалы-гыр 2 (рис. 4). В простых орнаментальных композициях преобладают «потеки» — 37 %, значительно меньше сосудов украшенных вертикальными полосами. Среди горшков этого типа представлены сосуды орнаментированные «спиралями» — 13,1 % и «завитками» — 1,6 %. В небольшом количестве отмечен такой орнаментальный мотив как нависающие «закрашенные треугольники» — 3,2 %.

В сложных орнаментальных композициях также преобладают потеки — 31 %, которые чаще всего наносились на плечики. Здесь же отмечены и «капли» — 13,2 %, которыми украшался только венчик. Сравнительно часто в сочетаниях встречаются «спирали» и «завитки» — 13,2 %. В таком же количестве представлены декоративные элементы второй группы. Среди них преобладают нависающие «закрашенные треугольники». Кроме того, в орнаментальных композициях на горшках II типа, на шейке сосуда присутствуют «горизонтальные полосы» и «закрашенные прямоугольники». Следует заметить, что эти элементы отмечены только в сложных композициях и, по всей видимости, являются вспомогательными, которые можно воспринимать, как разделители орнаментальных поясов.

Тип III (Г-III). Большинство сосудов этого типа имеют плоское дно, они так же, как и горшки II типа, изготовлены по донно-емкостной программе, методом наращивания глиняных полос. Вместе с тем встречаются и горшки с круглым дном, что предполагает использование вогнутой подставки при изготовлении дна. Это сравнительно крупные сосуды с яйцевидным или шаровидным туловом. Диаметр днища всегда превышает диаметр устья. У всех сосудов сравнительно высокая и узкая шейка (рис. 2: 3,4,6). В небольшом количестве представлены сосуды, у которых диаметр дна равен или меньше диаметра устья (рис.2:5).

На горшках III типа в простых орнаментах преобладают «потеки» — 31,5 %. В то же время значительно меньше сосудов, украшенных «вертикальными полосами», вместе с тем несколько больше «закрашенных треугольников» — 7,8 %. Примечательно полное отсутствие в простых орнаментальных композициях на горшках III типа «спиралей» (рис. 4).

Среди элементов декора, использовавшихся в сложных декоративных композициях, ведущее место занимают орнаментальные элементы 1 и 2 групп — 48,1 % и 38,7 % соответственно. Среди орнаментов второй группы явно преобладают нависающие «закрашенные треугольники». Значительно меньше представлены «спирали» и «завитки» — 13,2 %, которые располагались всегда в нижней части тулова.

В результате детального исследования этой формы хозяйственной посуды удалось установить, что для каждого из выделенных типов горшков характерен определенный декоративный элемент или сочетание элементов[12].

Все эти данные позволяют сделать заключение о том, что орнамент наносился на поверхность сосудов, в данном случае горшков, непроизвольно. Надо полагать — определенному типу сосуда соответствовал определенный вид орна-

Рис. 4. Таблица соотношения типов орнамента и форм сосудов

мента или орнаментальная композиция, что, вполне возможно, обуславливалось функциональным назначением сосуда и его содержимым. По нашим наблюдениям, выбор этот происходил сознательно в процессе формовки. Об этом говорит прежде всего разделение поверхности сосудов валиками и желобками на зоны, заполнявшиеся определенным видом орнамента в том случае, когда горшок украшала сложная орнаментальная композиция. На сосудах, украшенных простым орнаментом, такие «разделители» отсутствовали.

Фляги (F) — асимметричные сосуды с невысокой горловиной и полусферическим или сильно уплощенным с одной стороны сферическим туловом (рис.2: 8). Это довольно сложная в техническом исполнении форма, которая состояла из трех частей, формовавшихся раздельно. По всей видимости, в плоских или сильно уплощенных, слегка вогнутых подкладных керамических дисках методом выдавливания формовалась плоская сторона фляги. В глубоком вогнутом диске изготавливалась выпуклая сторона тулова. После небольшой просушки эти части, иногда при помощи дополнительного глиняного жгута, соединялись между собой. Затем в одной из боковых сторон ножом вырезалось круглое отверстие, в которое вставлялась предварительно изготовленная на гончарном круге горловина. Она примазывалась изнутри. Следует заметить, что в процессе изготовления как плоской, так и выпуклой сторон фляг они подправлялись на гончарном круге.

Несмотря на то, что все фляги Калалы-гыр кажутся однотипными по форме, что собственно объясняется назначением сосудов, они, тем не менее, довольно разнообразны, и различия эти заключаются в их декоративном оформлении.

По цвету ангоба можно выделить две разновидности этих сосудов — светлоангобированные и красноангобированные.

Среди фляг, покрытых светлым ангобом, встречаются как расписные — чуть менее половины, так и неорнаментированные. Роспись, как и на остальных сосудах хозяйственного назначения, производилась красной краской по светлому фону или непосредственно по неангобированной заглаженной поверхности. Орнаментировалась, в основном, выпуклая сторона сосуда. В отдельных случаях декорировалась и плоская сторона, где встречается «решетка», орнаментальный элемент, который на других формах не зафиксирован. Обращает на себя внимание тот факт, что если на фляге помещалась орнаментальная композиция, то центром ее практически во всех случаях являлся крест или крест в круге, вокруг которого располагались другие орнаментальные элементы — «спирали», «завитки», «потеки» и т.д. (рис.2: 9; рис.5: 4,6).

Среди красноангобированных фляг выделяются два подвида, один из которых кажется весьма значимым, как иллюстрация мифологических представлений древних хорезмийцев. Речь идет о флягах с рельефами на плоской стороне. Эти сосуды не раз служили предметом исследования и не только и не столько в работах, посвященных керамике[13]. По этой причине необходимости еще раз подробно останавливаться на описании этих сосудов. Следует лишь заметить, что технология их изготовления ничем не отличалась от всех остальных с той лишь разницей, что для оттиска штампа использовались специальные подкладные диски[14].

Рис. 5. Орнаменты на хорезмийских сосудах (по Ю.А. Рапопорту)

Кроме красноангобированных фляг с рельефами в керамическом комплексе Калалы-гыр 2 представлены неорнаментированные красноангобированные фляги. Обычно все они относительно небольших размеров и имеют налепы на плечиках со сквозными вертикальными отверстиями.

Назначение небольших красноангобированных фляг не вызывает сомнения — в них носили воду или вино на спине. Об этом красноречиво свидетельствует фрагмент рельефа, найденный на Кой-Крылган-кале[15]. Самые маленькие фляги могли крепиться на поясе. Большие фляги использовались, по всей видимости, как емкости для транспортировки жидкостей или сыпучих продуктов на вьючных животных.

Крышки. В комплексе Калалы-гыр 2, впрочем, как и на других памятниках Хорезма IV–I вв. до н.э., крышки представлены в достаточном количестве. Основными признаками, по которым они отличаются от прочих форм посуды, например, мисок, являются отверстия в верхней части, сделанные до обжига. В комплексе представлены как светлоангобированные крышки с росписью, так и крышки, покрытые красным ангобом без росписи. Учитывая тему данной статьи, мы рассматриваем только крышки с росписью.

Все крышки изготовлены на гончарном круге из хорошо промешанной глины с незначительными примесями гипса. В керамическом комплексе Калалы-гыр 2 выделяется несколько типов керамических крышек.

Тип I (Kr-I) — наиболее многочисленный в комплексе. Все крышки имели сегментовидную или округло-коническую форму с полусферической или уплощенной полусферической верхней частью (рис.3: 1-3).

Большинство крышек этого типа украшено росписью в виде креста по наружной поверхности. В отдельных случаях отмечен простой орнамент в виде «завитков» и «потеков» (рис.3: 1,3; рис. 4).

Тип II (Kr-II) — это сравнительно крупные крышки с прямостоящим нижним краем и немного выпуклым верхом (рис.3: 4,5). М. Г. Воробьева, по материалам Кой-Крылган-калы, также выделяла эти крышки в отдельный тип и называла их «низко цилиндрическими»[16]. Следует заметить, что орнаментация этих крышек, так же, как и Кой-Крылган-кале, отличается от всех остальных. На Калалы-гыр 2 они украшены прорезным орнаментом в виде двух диаметрально противоположных прямых линий и отходящих от них косых линий, между которыми были нанесены мазки красной краски (рис. 3: 4,5). В целом, композиция напоминает растительную — радиально расходящиеся от центра деревья (?). Напомним, что орнаментальный мотив в виде стилизованного дерева отмечен на некоторых горшках. На Кой-крылган-кале на одну из крышек этого типа была нанесена двухсторонняя роспись. На верхней поверхности был «крест» в круге с радиально расходящимися от него прямыми линиями по краю, а на внутренней поверхности — «спираль»[17].

Тип III (Kr-III). Это крышки, которые представляют собой плоские или слегка выпуклые глиняные диски с вертикальной грибовидной ручкой или без нее диаметром не менее 25 см. Большинство из них также украшено сложной росписью в виде концентрических кругов, закрашенных «треугольников» и «расходящихся прямых «потеков» по краю (рис.3: 6).

В типологических классификациях керамики крышки обычно рассматрива-

ются как отдельная форма, которой, по сути, они не являются, так как в отдельности от сосуда, который она накрывает, во всяком случае, в древнехорезмийском керамическом комплексе, она не функциональна. В большей степени это заключение относится к орнаментированным крышкам, которые являются неотъемлемой частью орнаментальной композиции на сосуде.

Второй отдел — открытые формы.

Тагора. 62 целых сосуда. Большая часть этих сосудов покрывалась светлым ангобом, на который, с внутренней стороны, наносилась роспись красной краской в виде креста. По венчику с внутренней, а в некоторых случаях с внешней стороны также была полоса красной краски. Таким образом, если смотреть на сосуд сверху, то роспись внутренней его поверхности приобретала вид креста в круге. В отдельных случаях следы росписи в виде широких полос отмечены на внешней стороне сосудов.

Рассматривая систему орнаментации хозяйственных хорезмийских сосудов в целом, нельзя не заметить несколько различных принципов, которым следовали мастера, расписывая сосуд. Следует подчеркнуть устойчивость системы построения орнамента вне зависимости от формы сосуда, но с учетом его функционального назначения. На рис. 4 показано соотношение формы сосуда с определенным декоративным элементом или сочетанием этих элементов.

На хорезмийских хозяйственных сосудах встречаются как простые, так и сложные орнаментальные композиции. Наиболее простая из них, — это один декоративный элемент орнамента или один орнаментальный пояс в верхней части профиля сосуда.

Один декоративный элемент фиксируется только на определенных типах сосудов — хумы первого типа, кувшины без ручек и горшки 2-го типа. При этом необходимо подчеркнуть, что в данном случае это всегда «спираль». Один орнаментальный пояс фиксируется только на горшках и хумах первого типа, причем, если для горшков характерны орнаментальные пояса исключительно из декоративных элементов первой группы — «капли», «потеки», «вертикальные полосы», то на хумах отмечены только «спирали». Обращает на себя внимание очень устойчивая связь весьма характерных по параметрическим признакам керамических форм (высокие хумы, относительно высокие горшки и, безусловно, высокие кувшиновидные сосуды без ручек) с определенным и единственным декоративным элементом, а именно, со «спиралью» (рис.4). Обычно спираль в два с половиной или в полтора оборота устойчиво связывается с водной стихией. Очень возможно, что упомянутые выше сосуды изначально предназначались для жидкостей. Во всяком случае, учитывая тот факт, что кувшиновидные сосуды использовались как транспортная тара, весьма вероятно, в них перевозили жидкость, скорее всего вино. В связи с этим уместно вспомнить, что, согласно документам Нисийского архива, вино учитывалось в хумах больших или малых, а доставлялась в сосудах (вероятно в кувшинах — Б.С.). Таким образом, такой декоративный элемент как спираль вполне возможно трактовать как знак, определяющий назначение сосуда, как хранилища для определенного вида продукта — жидкости.

Примечательно, что на сосудах типа X–II «спираль» встречается только как часть орнаментальной композиции и никогда как единственный декоративный

элемент. Одним из основных орнаментальных мотивов на сосудах этого типа являются «треугольники», которые, обычно, достаточно устойчиво ассоциируются с земной твердью. Возможно, что эта орнаментальная композиция на хумах 2-го варианта являлась своеобразным «маркером» для сосудов, в которых хранились твердые сыпучие продукты, может быть, зерно.

Еще одна простая орнаментальная композиция, а именно, «крест» или «крест в круге», помимо крышек, четко соотносится с другой керамической формой — тагора (рис.4). Это открытая форма, и поэтому вполне естественно, что орнамент воспринимается целиком, если смотреть на сосуд сверху. «Крест», «крест в круге» наряду с колесом или свастикой является древнейшим, повсеместно распространенным солярным символом, и присутствие этого знака на предметах или в архитектурных планах (крестообразная планировка) чаще всего трактуется как свидетельство почитания солнца[18]. Однако этот знак можно трактовать и по-другому, а именно, как символ, выражающий идею четырехсторонности пространства. Представления об определенной организации предметов в пространстве, простейшими координатами которого, наряду с понятиями верх — низ, были четыре направления, более или менее соответствующие четырем сторонам света, уходят корнями в мировоззрение древнейших земледельцев Передней Азии[19]. Графическими воплощениями этих представлений являлись квадрат и крест с выделенным центром. Мир первобытных земледельцев имел четыре направления, человек находится в центре, и, только защитив себя с четырех сторон, он оказывался в безопасности. В Месопотамии, в вавилонский период идея защиты с четырех сторон, помимо персонифицированных изображений богов по четырем сторонам горизонтальной плоскости или изображения богов с четырьмя лицами, выражалась простыми глиняными амулетами поделенными диагоналями на четыре части[20]. Возможно, с этими же представлениями связано нанесение на дно открытых чаш эпохи энеолита фигур в виде квадрата, креста или сочетания этих форм, а в Иране эта традиция сохранилась вплоть до железного века[21], то есть распространилась уже в арийской этнической среде.

О функциональном назначении хорезмийских тагора трудно судить однозначно. Возможно, кроме всего прочего, в них могли замешивать тесто. В этом случае «крест» как знак-оберег был вполне уместен.

Сложные орнаментальные композиции фиксируются на трех закрытых формах, а именно хумах 2-го варианта, горшках 2 и 3-го типов и флягах. Они представляют собой несколько орнаментальных поясов (не менее 2), которые покрывали верхнюю часть или верхние две трети сосуда у хумов и горшков. В сложных композициях в одном орнаментальном поясе всегда присутствует только один декоративный элемент. У фляг принцип построения орнаментальной композиции был несколько другим, — орнаментальные пояса располагались концентрическими кругами на выпуклой части сосуда, и в этом случае в композиции всегда выделялся центр, чаще всего это был «крест» (рис. 2: 9; рис.5: 4,6). Аналогичный принцип построения фиксируется на горшках, если смотреть на них сверху и считать орнамент на крышке частью общей композиции (рис.5: 1,3).

Разделение поверхности сосуда на орнаментальные пояса или зоны преду-

сматривались уже в процессе его изготовления. Во время формовки будущие орнаментальные зоны размечались желобками или валиками, затем, после просушки, эти зоны заполнялись определенным видом орнамента. Это свидетельствует о том, что мастер сознательно расписывал сосуд, при этом четко представлял себе, что определенной форме посуды соответствует определенный вид орнамента. Напомним, что на формах, украшенных крупными спиралями, валики и желобки на тулове отсутствуют.

Профиль сосудов традиционно подразделяется на две-четыре части или зоны по вертикали (тулово, донная часть для открытых форм и горловина, плечики, центральная и придонная части для закрытых форм). В археологической литературе давно утвердилось мнение о том, что подобное членение соответствует представлениям древних о структуре картины мира, которая складывается из трех зон по вертикали — неба, земли и подземного мира — и четырех главных направлений по горизонтали[22]. Другими словами, керамический сосуд можно представить как модель микрокосма.

В горизонтальной модели особую семантическую нагрузку имел центр композиции, и все находящееся в этой точке обладало высшей персонифицированной сакральной ценностью. Горизонтальная модель передается часто при помощи различных фигур образующих квадрат или крест, располагавшихся в центре круга[23]. Подобная структура орнамента отмечается на выпуклой стороне хорезмийских фляг, где в центре всегда был крест в круге, а на периферии располагались орнаментальные пояса, заполненные другими декоративными элементами, чаще всего «спиралями» или «завитками». В этом случае немаловажно еще и то, что выпуклая сторона фляги имела форму полусферы, что само по себе можно считать моделью мира.

Учитывая тот факт, что среди орнаментированных крышек 1-го типа, которые имели полусферическую форму, 83,3 % украшено крестами, то аналогичная орнаментальная композиция фиксируется на горшках, если анализировать их вместе с крышками как единую орнаментальную систему. В этом случае сосуд может восприниматься одновременно как вертикальная модель микрокосма, если смотреть сбоку, и в то же время как горизонтальная, если смотреть сверху.

Элементы, составляющие палитру хорезмийского орнамента, кажутся очень абстрактными, если каждый из них анализировать в отдельности. Трактовка их весьма неоднозначна. Например, крест можно воспринимать как солярный символ, а можно, как уже говорилось выше, и как символ организации пространства. По этой причине при анализе сложных орнаментальных композиций все элементы орнамента следует рассматривать как единую систему, и в тесной взаимосвязи с формой сосуда, на поверхности которого каждый элемент или орнаментальный пояс занимают определенное место.

Для того чтобы выявить взаимосвязь декоративных элементов в сложных орнаментальных системах на хорезмийских сосудах, в процентах было просчитано распределение по зонам на тулове сосуда как групп декоративных элементов, объединенных по смыслу и в определенной степени по виду, так и отдельных элементов орнамента, несших, возможно, самостоятельную смысловую нагрузку.

Профиль закрытых типов сосудов условно был разделен на четыре зоны сверху вниз: 1 — устье, включая крышку (для горшков), 2 — горловина или шейка, 3 — плечики, 4 — центральная часть (зона максимального расширения тулова сосуда и верхняя четверть придонной части).

На уровне первой зоны, безусловно, преобладает крест, как уже указывалось выше 83,3 % крышек 1 типа были украшены знаком «крест» или «крест в круге», в единичных случаях на крышках этого типа встречаются «потеки» и «завитки». Примечательно, что на крышках других типов подобные орнаментальные элементы не отмечены вовсе. Верхняя горизонтальная плоскость венчика сосуда не украшалась. У фляг на уровне верхней зоны (в вертикальной модели это верхняя часть полусферы тулова, в горизонтальной — центральная часть окружности) отмечается только «крест или крест в круге). Таким образом, если считать первую зону верхним миром в вертикальной модели, то «крест» или «крест в круге» вполне можно связать с астральным культом, и даже более конкретно с культом солнца. В горизонтальной модели, как уже отмечалось, крест мог восприниматься как символ упорядоченности пространства. Однако горизонтальную модель вполне возможно считать проекцией вертикальной, и в этом случае «крест» мог нести двойную смысловую нагрузку — солнце, которое воспринимается как центр упорядоченного пространства. Особенно следует отметить устойчивость традиционной орнаментальной системы, когда основная ее доминанта остается неизменной независимо от формы сосуда.

На уровне 2 зоны в основном фиксируются орнаментальные элементы 1 группы — «капли», «потеки», например, у горшков это более 42 % у хумов второго типа более половины. Необходимо подчеркнуть, что на венчик в подавляющем большинстве случаев наносились «капли», а в других зонах они практически не отмечены. На шейке фиксируются «потеки», которые спускаются на плечики, то есть уже в третью зону. На уровне 2 зоны довольно часто встречаются горизонтальные полосы и «закрашенные прямоугольники» — 11,1 % и 13,3 % соответственно. Других видов декора во второй зоне не зафиксировано. Семантика этих декоративных элементов представляется довольно сложной. По этнографическим данным, нанесение на внешнюю поверхность сосуда беспорядочных неправильной формы пятен является оберегом от сглаза[24]. Однако трудно провести параллель между этим обычаем и орнаментом на хорезмийских сосудах прежде всего из-за того, что в районах традиционного гончарства, исследовавшихся Е.М. Пещеревой, пятна наносились на поверхность сосуда нарочито беспорядочно. В Хорезме они занимали на поверхности сосуда определенное место и, кроме того, «потеки», в том случае, когда они располагаются чуть ниже «капель», можно рассматривать как их продолжение. В связи с этим можно вспомнить целый комплекс верований первобытных земледельцев Месопотамии, связанный с изливающимися водами, и в том числе небесными, оплодотворяющими землю. В некоторых случаях изливающиеся воды вполне определенно можно рассматривать как небесные. Например, на каменном сосуде, посвященном богу Нингирису, где богини, склонившиеся с облаков, то есть явно относящиеся к верхнему миру, держат сосуды. Богини с сосудами изображены в верхней части стелы Урнамму из Ура. Особо следует отметить антропоморфные сосуды самаррской культуры, найденные в Телль-эс-Саванне,

где на горловине изображены человеческие лица с налепными глазами и рельефным носом. Под глазами краской нанесены волнистые вертикальные линии, еще ниже вертикально поставленные треугольники. Сочетание всех этих элементов позволяет предположить, что сосуд передавал образ плачущего божества и был связан с кругом представлений о вызывании дождя, то есть с изливающимися из верхнего мира водами[25]. Приведенные выше факты дают некоторые основания отождествить «капли» и «потеки» на хорезмийских сосудах с изливающимися водами. Примечательно, что на сосудах из Телль-эс-Саванна потеки помещены во вторую зону, занимающую промежуточное положение между верхним миром (глаза) и средним (стоящие треугольники). Точно такое же положение занимают «капли» и «потеки» на хорезмийских сосудах, что может быть связано с реликтами древнейших представлений об изливающихся из верхнего мира водах.

На уровне третьей зоны в равной степени представлены декоративные элементы первой — «потеки» — 44,3 % и второй группы — «треугольники», «зигзаг» 33,2 % . В единичных случаях отмечаются декоративные элементы третьей группы — «спирали», «завитки» и «деревья». Следует отметить, что «потеки», так же, как и «деревья» в третьей зоне присутствуют исключительно на горшках и только в том случае, когда на сосуде нет декоративных элементов второй группы. Треугольники в большей степени характерны для хумов второго типа и крупных горшковидных сосудов. Здесь они всегда располагались ниже «капель» или «потеков». Исключение составляет единственный сосуд в выборке — хум второго типа — где потеки располагаются ниже треугольников, который можно расценивать как некий казус — ошибка мастера, которая, возможно, свидетельствует о том, что керамисты не всегда понимали смысловое значение орнаментальных элементов украшавших сосуд и наносили их по традиции.

Треугольник является одной из самых распространенных фигур на расписной керамики Средней Азии начиная с эпохи энеолита, где он являлся, частью орнаментальной композиции. Позднее, в эпоху бронзы (Чуст, Эйлатан) и в период РЖВ (Шурабашат, Яз-1) он чаше всего выступает как самостоятельный декоративный элемент. На хорезмийской расписной керамике декоративные элементы второй группы всегда являются частью орнаментальной системы. Декоративная композиция на хорезмийских хумах 2-го типа (X-II) по смыслу полностью соответствует орнаментации антропоморфных сосудов из Телль-эс-Саванна, которые упоминались выше. В данном случае «треугольники» и «зигзаг» символизируют горы или земную твердь, то есть средний мир. Горы чаще всего ассоциируются со средним миром в вертикальной модели микрокосма[26]. На хорезмийских сосудах они всегда занимают средний регистр (3, реже 2 зона).

На уровне 4 зоны отмечены декоративные элементы 3 группы — «спирали» и «завитки» — 22,1 % на горшках, практически на всех хумах 2-го типа и на большинстве фляг (периферия горизонтальной модели), реже встречаются элементы первой (только у горшков) и второй группы (у горшков и хумов), где они являются продолжением орнаментального пояса третьего регистра. Выше, в связи с орнаментацией хумов 1-го типа, уже говорилось о семантике этого изображения. Смысл «спиралей» и «завитков» в сложных орнаментальных композициях на закрытых формах (вертикальная модель) не вызывает сомнения — они сим-

волизируют собой третий мир, который, например, в скифской космологической модели отождествляется с землей и водой[27]. Такая же орнаментальная схема зафиксирована на крышке из Кой-крылган-калы, где на верхней части изображен крест в круге и отходящие от него «потеки», а на нижней поверхности изображена спираль. По-видимому, и на флягах (горизонтальная модель) «спирали» могли нести такую же смысловую нагрузку. Однако в данном случае можно предложить и несколько другую трактовку исходя из расположения символа в орнаментальной композиции. Как уже говорилось выше, в горизонтальной модели крест мог быть символом организации пространства и отождествлять его центр — ось мирового порядка. По представлениям древних, по мере удаления от этой оси порядок не столь стройный, а на периферии, т.е. в нижнем мире, царит хаос. При таком прочтении орнаментальной схемы спираль можно трактовать как символ хаоса, а может быть круговорота, из которого, в результате определенных действий, рождается порядок. И в этом случае горизонтальную композицию также можно рассматривать как горизонтальную проекцию модели микрокосма.

Возможно, некоторые выводы и заключения, изложенные выше, покажутся спорными. Безусловно, они должны быть подтверждены или опровергнуты на более многочисленном материале. Однако уже сейчас можно говорить о том, что в последней трети I до н.э. на территории Хорезма складывается своеобразный керамический комплекс, резко отличающийся от керамики остальных историко-культурных областей Средней Азии. Наиболее яркой и своеобразной составляющей этого комплекса является расписная хозяйственная посуда. Следует заметить, что традиция расписывать хозяйственные сосуды сложилась здесь на местной основе. Об этом красноречиво свидетельствует керамический комплекс позднеархаического периода (Дингильджинский этап) — V — начало IV вв. до н.э., где большая часть хозяйственной посуды была покрыта росписью красной краской (широкие полосы, «полукружья»)[28]. В то же время в раннем комплексе полностью отсутствуют геометрические орнаментальные элементы, в частности «треугольники», которые появляются на хорезмийской керамике не ранее конца IV — начала III вв. до н.э. Возможно, что появление в Хорезме этих декоративных элементов связано с упрочившимися в это время связями с северо-западным Ираном и Закавказьем, где подобные орнаментальные мотивы на керамике были распространены уже в эпоху раннего железного века и продолжали бытовать в период античности[29].

Таким образом, на территории Хорезма в конце IV — начале III вв. до н.э. сложилась довольно устойчивая знаковая система, выражавшаяся определенным набором символов в росписи на хозяйственных сосудах и отражавшая, как можно предполагать, космологические представления древних хорезмийцев. По-видимому, эта система символов несла и определенную утилитарную нагрузку, являясь, вероятно, своеобразным «маркером» для различных по функциональному назначению сосудов. Примечательно, что этот знаковый код в массовом порядке помещался на бытовые сосуды и был распространен повсеместно, то есть, как можно предполагать, был обычным и привычным для всего населения Хорезма. Нельзя не отметить, также очень устойчивые сочетания символов на определенных керамических формах, что достаточно красноречи-

во свидетельствует о высоком уровне стандартизации керамического производства Древнего Хорезма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Балахванцев А.С.* К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. II (XXVII). СПб., 2006. С. 365-373.
2. Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV-II вв. до н.э. М., 2004. С. 143; *Болелов С.Б.* К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тыс. до н.э. по археологическим данным (древнехорезмийский археологический комплекс) // Центральная Азия. Источники. История. Культура. М., 2005. С. 230.
3. *Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 70-х — 80-х годах.// Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Ч. I. М., 1991. С. 22; *Вайнберг Б.И.* Водный торговый путь по Амударье и культовые центры вблизи него // ПИФК. Вып. XV. 2005. С. 13-18.
4. Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. С. 95-102.
5. *Воробьева М.Г.* Керамика Хорезма античного периода.// Труды ХАЭЭ. IV. М., 1959. С. 90-119; Кой-крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. — IV в. н.э. // Труды ХАЭЭ. Т. V. М., 1967. С. 107-114.
6. *Болелов С.Б.* Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000–2001 годов) // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы ТЭ. Вып. 3. Ташкент, 2002. С. 57.
7. *Антонова Е.В.* К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986. С. 38.
8. *Исамитдинов М.Х., Сулейманов Р.Х.* Еркурган. Ташкент, 1984. С. 23.
9. *Шишкина Г.В.* Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979. С. 16, табл. IV.
10. Кой-крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма. С. 314, табл. I, 1,5,12; *Воробьева М.Г., Гертман А.Н.* Раскопки двух усадеб второй половины I тыс. до н.э. в Джанбаскалинском оазисе. Новые открытия в Приаралье. Вып.I. М., 1991. С. 66, 4; *Мамбетуллаев М.* Городище большая Айбуийр-кала (раскопки 1976-1977 и 1981 гг.) // Археология Приаралья, вып. IV. Ташкент, 1990. С. 99, рис. 5.
11. *Болелов С.Б.* К вопросу о стандартизации среднеазиатской керамики в древности (по материалам Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 20-21.
12. *Болелов С.Б.* К вопросу о соотношении типов и орнаментов в керамике (по материалам Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме) // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000. С. 19-26.
13. Кой-крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма. С. 201-206; *Рапопорт Ю.А.* Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 58-72; Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. С. 167-169.
14. *Вайнберг Б.И.* Техника изготовления культовых сосудов второй половины I тысячелетия до н.э. в Хорезме. М., 2000. С. 144-145.
15. Кой-крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма. С. 205, рис.79.
16. Там же. С. 108.
17. Там же.
18. *Рапопорт Ю.А.* Из истории религии Древнего Хорезма. М., 1971. С. 50-51; *Боле-*

лов С.Б. Крепость Аяз-кала 3 в правобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 131-132.
19. *Антонова Е.В.* Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анаусской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 14.
20. *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 61.
21. Там же. С. 71.
22. *Антонова Е.В.* К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986. С. 51-52; *Кузьмина Е.Е.* Гончарное производство у племен Андроновской культурной общности. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986. С. 175-178; *Литвинский Б.А.* Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 70-72.
23. *Топоров В.Н.* Пространство — Мифы народов мира. М., 1982. С. 341; *Антонова.* К исследованию места сосудов. С. 52.
24. *Пещерева Е.Е.* Гончарное производство Средней Азии. М., 1959. С. 79-81.
25. *Антонова.* Очерки культуры древних земледельцев. С. 128-131.
26. *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006. С. 151.
27. Там же. С. 151.
28. *Воробьева М.Г.* Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в Древнем Хорезме. М., 1973. С. 120 и сл.; *Болелов С.Б.* К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент, 2004. С. 51.
29. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. С. 176, табл.LXII; Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. С. 147.

PAINTED HOUSEHOLD UTENSILS OF ANCIENT KHWAREZM (BASED ON KHALALY-GYR 2 MATERIAL)

S.B. Bolelov

This is a thorough study of household ceramics as one of the principal constituents of Ancient Khwarezm ceramic complex (4th — 2nd cc. B.C.). It is based on the material of Khalaly-gyr II cult center. The article presents shape typology of household ceramic utensils. Formal and statistic analysis helped to establish a close correlation between vessel decoration, shape, and type. What is more, there is a good reason to believe that complicated ornamentation on vessels of a particular type is a graphic representation of Ancient Khwarezmians cosmological beliefs.

© 2009

Н.Д. Двуреченская

НОВЫЙ МЕТОД КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ

Одной из важнейших задач в изучении терракотовой пластики Средней Азии на сегодняшний день представляется введение этой категории находок в разряд полноценного археологического источника. Парадоксально, но, несмотря на свое происхождение из археологических раскопов, изделия терракотовой пластики, как правило, уже в первичных публикациях теряют свой археологический контекст или, в лучшем случае, сохраняют его минимум.

Это объясняется сложившимся стойким стереотипом в методах и подходах к изучению этого материала как источника по изобразительному искусству и религии. Существует ошибочное мнение, что для исследования иконографии и интерпретации образов археологический контекст находки изделия не играет важной роли, вследствие чего мы имеем на сегодня ситуацию, когда массовый археологический материал не исследуется в полной мере как таковой. Традиционно наиболее интересные с точки зрения иконографии виды изделий рассматривались совокупно с изделиями изобразительного искусства, а все остальные либо в контексте керамического комплекса, либо в контексте индивидуальных находок.

Сегодня мы имеем массу аналитических работ, посвященных исследованию отдельных видов терракотовой пластики. На наш взгляд, назрела необходимость перейти от частных вопросов к постановке общих проблем терракотовой пластики как явления материальной культуры. В первую очередь к таким вопросам относятся генезис, хронология, выявление археологических типов, формирование «школ» среднеазиатской коропластики и т.д. В связи с этим совокупное рассмотрение всех видов терракотовой пластики становится принципиальным условием.

Вопросы методики исследования терракотовой пластики поднимались неоднократно в советской и российской литературе. Однако зачастую они ставились в ходе решения задач по исследованию объектов терракотовой пластики и решались попутно с ними[1]. Поскольку историография этого вопроса чрезвычайно обширна и ее рассмотрению посвящена специальная монография, позволим себе опустить ее в данной работе и лишь озвучить основные выводы[2].

История изучения терракотовой пластики Средней Азии уже перешла свой столетний рубеж. Накоплен колоссальный материал по всем историко-культурным регионам, где она имеет распространение. Необходимо отметить громадное значение проделанной работы по осмыслению и систематизации накопленных материалов. Сведения и анализ по рассматриваемому вопросу содержится более чем в четырехстах книгах и статьях различных научных изданий. Весь этот объем литературы может быть разбит на три этапа. Первый включает в себя отрезок времени от первых работ до создания региональных археологических экспедиций. Его характеризует изучение проблем терракотовой пласти-

ки в целом по всей Средней Азии. Второй этап начинается в 30-40-е годы нашего столетия, когда научное исследование проводилось в отдельно взятых регионах Средней Азии. Связан он с деятельностью комплексных археологических экспедиций, которые действовали почти до конца XX века. Параллельно с развитием региональных исследований второго этапа в конце 1960-х годов возникают работы обобщающего характера по терракотовой пластике всей Средней Азии С ними мы связываем начало третьего этапа, продолжающегося до сих пор.

На первом этапе в поле зрения ученых попадали в основном случайные находки. Несмотря на это, первыми среднеазиатскими археологами и историками были обозначены опорные точки важнейших методов изучения терракотовой пластики, которые в дальнейшем определили суть двух направлений: искусствоведческого и археологического. Нужно отметить, что в период поиска и формирования методов исследования терракотовой пластики отмечается некий синкретизм в использовании обоих методов, и лишь к 1940-м годам наметилась их четкая дифференциация.

Работы искусствоведческого направления представляли собой специализированные исследования терракотовой пластики. В них эти изделия рассматривались как памятники искусства. Как правило, использовалось несколько методов: каталожный, т.е. публикация коллекций и их анализ; интерпретационный, т.е. разъяснение, толкование идейного содержания изображений, отождествление их с известными в искусстве посредством привлечения различных аналогий, а также свидетельств письменных, археологических и этнографических источников; иконографический, изучающий определенный изобразительный ряд и процессы, происходящие в нем; стилевой (выявление для определенной территории и хронологического отрезка своей манеры оформления мысли в изобразительном искусстве.)

Характерной особенностью этого направления является не только вычленение терракотовой пластики из комплекса археологического материала и ее отдельное рассмотрение, но и вычленение изобразительного ряда и исследование его отдельно от самих терракотовых изделий. Такой подход имеет свои преимущества, но лишь до тех пор, пока он составляет один из компонентов в целостном изучении предмета.

В отличие от искусствоведческого, формирование археологического направления в изучении терракотовой пластики нашло свое отражение всего в нескольких статьях. В свернутом виде они были представлены в работе В.В. Бартольда. В ней говорится о необходимости держаться определенного направления, которое не отвлекало бы археологов от их главного подхода, основанного на изучении самого предмета материальной культуры: «сопоставление отдельных экземпляров, установление отдельных разновидностей и выяснение их зависимости от географических, этнографических и иных условий».

За второй период — (время интенсивной работы региональных комплексных археологических экспедиций) был получен значительный по объему, насчитывающий тысячи единиц и чрезвычайно разнообразный материал по терракотовой пластике Хорезма, Бактрии, Маргианы и Согда эпохи древности и средневековья. Проведена огромная работа по публикации и систематизации

вновь открытых материалов. Высокий уровень и качество археологических работ, а также публикаций сохранили значительную часть информации по археологическому контексту каждой отдельно взятой находки. Исследование на втором этапе велось в основном в рамках отдельно взятых регионов, и потому картина изученности каждого из них имеет свои локальные особенности, однако для всех регионов сохранялся неизменным приоритет искусствоведческих методов в изучении терракотовой пластики.

Для сохранения и развития достигнутых успехов, а также для сведения различных точек зрения в объективную систему знаний необходимо понимание процесса развития научного поиска и его ошибок. Суть последних, на наш взгляд, заключается в приоритетном применении искусствоведческих методов, успешно освещающих часть проблем, но принципиально не позволяющих исследовать проблему целостно. В итоге большое количество субъективных взглядов не может обеспечить качественного приближения к новому уровню осмысления роли и назначения различных видов терракотовых изделий. Необходимо отметить, что частичное использование археологических данных в работах этого направления несет не самостоятельное значение, а зачастую является подкреплением основных выводов исследователей.

Выход из создавшейся ситуации могут обеспечить уже разработанные универсальные археологические методы исследования различных категорий изделий. Они подразумевают: создание надежной базы стратиграфически датированных изделий; изучение технологии; установление корреляции внутренних связей изделий с комплексом памятника, внешних связей в рамках материальной культуры региона и государства; установление корреляции терракотовых изделий как внутри одного вида, так и между различными видами; применение статистических методов. В рамках этих методов и во взаимосвязи с ними необходимо применение искусствоведческих методов для изучения изобразительного ряда.

Таким образом, для перевода терракотовой пластики в разряд полноценного археологического источника представляется необходимым в первую очередь создание археологического свода стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики Средней Азии. На основе только такой базы данных возможно проведение исследования с учетом и анализом археологического контекста. Исследование стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики, как и всякий массовый археологический материал, требует обязательного применения статистических методов.

Однако вначале во избежание разночтений представляется уместным остановиться на формулировке таких понятий, как терракотовая пластика, виды терракотовой пластики, самостоятельное и несамостоятельное функциональное назначение отдельных видов, археологический тип.

Терракотовой пластикой являются объекты, наделенные самостоятельным смысловым и изобразительным содержанием, которые объемно формуются из сырой глиняной массы разными способами с обязательной ручной доработкой и последующим обжигом.

По функциональному значению объекты терракотовой пластики подразделяются на виды. Выделяется несколько видов, имеющих **самостоятельное и не-**

самостоятельное значение. Самостоятельность функционального назначения вида основана на невозможности существования самого этого изделия без терракотовой пластики. К примеру, статуэтка без сформованного объемного изображения не может быть статуэткой, а кувшин без прикрепленного к нему налепа с каким-либо изображением может функционировать, как кувшин. Таким образом, выделяются такие самостоятельные виды терракотовой пластики как **статуэтки, плитки с рельефами, погребальные и театральные маски, алтарики, модели и др**.

Важно отметить, что у самостоятельных видов изделий, таких, как статуэтки или плитки с рельефами, могут быть **разные смысловые значения**. Часть статуэток может быть предметом почитания, совершения культовых обрядов (вотивное приношение), часть может являться игрушками или игральными фигурками (шахматами) и т.п.

К несамостоятельным видам относится терракотовая пластика на керамике. Этот вид включает такие подвиды, как налепы на разные части сосудов; фигурно трактованные сосуды (т.е. изображения различных существ с полостью и назначением сосуда), в том числе ритоны с оформлением только одной своей части при помощи терракотовой пластики (к примеру, завершение ритона фигурой в виде протомы лошади) или фляги с рельефом на одной из сторон.

К несамостоятельным относятся также терракотовая пластика на погребальных сосудах, в том числе оссуарии; на очажных подставках с зооморфными навершиями, на погремушках и свистульках.

Характерно, что в несамостоятельных видах самостоятельное смысловое и визуальное содержание терракотовой пластики соотносится с функциональным назначением и смысловым содержанием того объекта, с которым она соединяется. При этом их функции и смысловое содержание взаимно согласуются.

В истории изучения терракотовой пластики Средней Азии сложился довольно широкий набор терминов, применяемых для обозначения одного и того же вида изделий. Несогласованность в терминологии отражала в первую очередь непонимание разницы между видами изделий, что в свою очередь сказывалось в использовании терминов, не отражающих реального значения предмета. Наиболее сложно складывалась терминология для обозначения статуэток и плиток с рельефом. Зачастую не осознавалось принципиальное отличие статуэток и рельефов. В отличие от статуэток рельеф, это скульптурное изображение на плоскости, являющейся физической основой и фоном изображения.

Предлагается использование следующих основных терминов:

Статуэтка — самостоятельный вид изделия, скульптурное изображение, представляющий определенный иконографический образ в виде фигуры антропоморфного, зооморфного, мифического и другого характера без фона.

Плитка с рельефом - самостоятельный вид изделия, скульптурное изображение на плоскости, представляющее определенный иконографический образ или сюжет с фоном[3].

Керамика с применением терракотовой пластики — несамостоятельный вид изделий терракотовой пластики, физической основой которых являются различные виды керамической посуды, также представляющий определенный иконографический образ или сюжет с фоном в зависимости от подвида.

Принцип отбора источников.

Для решения задачи перевода терракотовой пластики Средней Азии в разряд полноценного археологического источника наиболее перспективным представляется рассмотрение материала, происходящего только из стратифицированных археологических слоев. Для этого предполагается следующая последовательность работ.

Во-первых, выявление стратиграфически датированных изделий, происходящих прежде всего из археологических раскопов, шурфов и разрезов. Необходимо оговорить отношение к памятникам, датировка которых имеет узкие хронологические рамки, не выходящие за границы конкретных хронологических периодов. С таких памятников, при учете особенностей (топографии, соседства с другими памятниками и пр.), изделия терракотовой пластики могут браться все, включая подъемный материал. К примеру, стратиграфия таких памятников, как Ай-Ханум, Калалы-гыр 2, Мирзакултепе, Чопли-депе и др., четко фиксирует рамки бытования памятника в пределах исключительно одного периода (греко-бактрийского, или раннекангюйского, или раннекушанского или кушанского). Соответственно и материал, включая подъемный, не может быть датирован иным временем.

Во-вторых, необходимо уточнение надежности и актуальности датировок, предложенных авторами публикаций материалов по терракотовой пластике, происходящих из раскопов. Длительное существование проблемы кушанской хронологии требует на сегодня соотнесение датировок по археологическим комплексам с полученными в последние десятилетия новыми материалами, в случае необходимости уточнение датировки.

Важным условием целостного изучения терракотовой пластики, на наш взгляд является необходимость рассмотрения **в совокупности всех видов изделий** терракотовой пластики как **явления, имеющего общую природу.** Однако также важно в рамках целого проводить и деферренцированное исследование в рамках разных по функциональному значению видов изделий.

Принципы аналитической работы над археологическими источниками (4 группы информации).

Информация по каждому отдельно взятому изделию, отобранному по выше приведенным принципам отбора, требует унификации и подразделяется на четыре группы: функционального назначения; технолого-параметрических показателей; археологического контекста; показателей иконографо-стилистических.

Каждый из показателей внутри одной группы последовательно конкретизирует информацию об изделии.

Первая группа. Показатели функционального назначения: самостоятельные изделия (статуэтки, плитки с рельефом, маски, протомы и матрицы для их изготовления; подставки (алтарики); несамостоятельные: терракотовая пластика на керамике (налепы; фигурные сосуды (в том числе ритоны); курильницы и т.д.); очажные подставки; погребальны сосуды и т.д. Дополнительно в рамках этой группы рассматривается показатель конструктивной морфологии, отвечающий за устойчивость в вертикальном положении таких самостоятельных видов изделий, как статуэтки и плитки с рельефом.

Вторая группа. Технолого-параметрические показатели: технология изготовления (основные и дополнительные приемы в производстве); размеры, в том числе, реконструируемые.

Третья группа. Показатели археологического контекста: историко-культурная область, ирригационный район, памятник, его типология (городское, сельское поселение), архитектурный объект, функциональное назначение конкретного места находки (помещение жилое, хозяйственное и т.д.); археологический комплекс, в том числе керамический, к которому относится рассматриваемый объект терракотовой пластики. Последний показатель учитывался на стадии отбора материала для введения его в свод стратиграфически датированных изделий.

Четвертая группа. Показатели иконографии и стиля образов:

а. Иконографический анализ. Вначале выделяется основной иконографический образ (антропоморфный, зооморфный, всадники, мифологический, абстрактный, растительный и т.д.); далее идет конкретизация образа (например: женский, кабан, диморфное существо, свастика, листочек и т.д.); и, наконец, на третьем уровне конкретизации дается описание в деталях иконографии изображения.

б. Стиль изображения. Стиль устанавливается по соотношению ряда показателей. Всего выделено четыре стиля: эллинистический, эллинизированный, автохтонный и примитивный.

Анализ первой группы показателей позволяет выделить в определенных хронологических рамках и в отдельно взятом историко-культурном регионе количество и **набор** характерных для этого периода и территории видов изделий терракотовой пластики, различающихся по функциональному и смысловому назначению.

Анализ показателей второй группы позволяет установить процентное соотношение изделий, изготовленных разными технологиями, выявить закономерности и установить корреляцию между показателями технологии изготовления и функциональным видом изделия, иконографическим рядом.

Анализ показателей третьей группы (археологического контекста) позволит установить, где именно в тот или иной хронологический период фиксируются разные виды изделий терракотовой пластики: в крупных городских центрах; в небольших укрепленных поселениях (крепостях); в дворцово-храмовых комплексах; в культовых центрах; сельских поселениях; в погребальных комплексах и т.д.

Рассмотрение изделий, которые происходят из стратиграфических слоев и связаны с конкретными строениями, получившими интерпретацию своего функционального назначения, позволяет впервые аргументировано проследить характер местонахождений изделий терракотовой пластики. Установление на значительной выборке массового материала процентного соотношения изделий, обнаруженных на территории храмов и в связанных с ними постройках; в жилых домах; в строениях, связанных с фортификацией; в общественных постройках; в месте непосредственного изготовления — гончарных печах и т.д. позволяет вплотную подойти к аргументированному решению вопроса использования, функционального и смыслового назначения и роли в жизни местного

населения Средней Азии различных видов терракотовой пластики.

Наиболее сложным является рассмотрение таких показателей как иконография и стиль (4 группа показателей). Это та область, в которой максимально преобладает субъективный взгляд отдельного исследователя. В попытке отойти от традиционного описательного метода изучения изобразительных сюжетов (не отрицая, плодотворный опыт применения искусствоведческих подходов) предлагается опыт применения качественных характеристик, в рамках исследования изобразительного ряда. В частности, если определенные искусствоведческие характеристики разложить на конкретные составляющие и закрепить их за ними, то они станут просчитываемы. Вследствие этого отнесение того или иного изображения к определенному стилю основывается на определенном соотношении показателей.

В качестве опыта были выявлены группы противоположных или взаимоисключающих показателей стиля: 1. пропорциональность и непропорциональность; 2. динамичность (свободные позы, передающие движение или раскованность) и статичность (иератизм, строгая фронтальность и зажатость позы и жестов); 3. объемность и плоскостность (имеется в виду характер изображения, а не характер изделия); 4. равномерность в проработке или обобщении деталей иконографического образа и неравномерность (к примеру, проработка атрибутов, деталей одежды и отсутствие таковой в передаче анатомии). 5. реалистичность и условность (реалистичность подразумевает отражение жизни максимально близкое к оригиналу; второе — не руководствуется правилом идентичности образа прототипу в целом).

Для эллинистического стиля необходимыми показателями являются пропорциональность (т.е. соотношение высоты головы к высоте всей фигуры 1:6,5-7,5), равномерность в проработке или обобщении деталей, и достаточными показателями - динамизм, объемность и реалистичность.

Эллинизированный стиль сохраняет от эллинистического стиля пропорциональность (однако соотношение высоты головы к высоте всей фигуры снижается до 1:5-6), динамичность, а остальные меняет на противоположные.

Автохтонный стиль подразумевает непропорциональность (отношение высоты головы к высоте всей изображаемой фигуры 1:3-4), статичность, условность изображения, уплощенность и неравномерную проработку деталей.

Примитивный стиль продиктован технологией изготовления лепных изделий, как правило, диспропорционален, статичен, объемен и с неравномерным уровнем проработки деталей.

При анализе иконографии и стиля на изделиях терракотовой пластики необходимо учитывать качество исследуемого изображения, которое, как правило, зависит:

— от качества матрицы, с которой был сделан слепок

— от положения этой матрицы в ряду редукции (т.е. степень удаленности от первоначальной модели, с которой готовились матрицы)

— от мастерства керамиста, который изготовлял оттиск с матрицы и дорабатывал его вручную, иногда подправляя брак в изображении.

— качество используемого изображения (если анализ идет не по оригиналу, а по прорисовке или фотографии).

Только учет вышеперечисленных характеристик изображения позволит избежать значительного числа ошибочных оценок.

Выделение археологического типа.

Одним из важнейших инструментов превращения массового материала по терракотовой пластике в полноценный археологический источник является выделение в рамках самостоятельных видов изделий археологических типов.

Археологический тип в формулировке И.С. Каменецкого — объективно существующая категория реально существующей группы вещей, связанных более или менее тесным сходством и противостоящие другим группам.

Наиболее перспективной представляется разработка археологических типов для массовых серий самостоятельных видов терракотовой пластики, к которым относятся статуэтки. Выделение археологического типа базируется на анализе всех групп показателей, собранных в аналитических таблицах. Важно обратить внимание, что археологический тип конкретного вида изделий терракотовой пластики **выделяет ся по сумме показат елей: морфологии, иконографии, размерных характ ерист ик, т ехнологии изгот овления, т еррит ории и времени распрост ранения, количест ва, а** не на основе преимущественно иконографии или стиля.

Для перечисленных критериев представляется важным выделить конкретные показатели, на общности которых и необходимо выделять тип.

Общность показателей морфологии статуэток включает:

1. характер объема (круглообъемность, неполный объем и т.д.);
2. общий абрис контура, и характер формы глиняной основы.

Общность технологических показателей подразумевает единый принцип формовки, продиктованной технологией изготовления:

1. оттиск односторонней матрицей;
2. комбинирование ручной лепки и оттиска в одностронней матрице;
3. ручная лепка;

Общность иконографии в рамках типа включает в себя следующие показатели:

1. количество персонажей;
2. антропоморфность, полиморфность;
3. пол (женский, мужской, гермофродит);
4. определенная поза. Такая поза характеризуется повторяемым общим положением тела изображаемого образа. В рамках типа общее положение тела включает в себя не только расположение относительно горизонта (Стоит, сидит на высоком сидении, сидит на полу), но и символическое положение рук и ног в характерной жестовой позиции (подразумевается такое положение рук, которое не продиктовано особенностями одежды или какими-либо нуждами, а выражает пантомимически определенную мысль) или функциональной позиции (например, держание каких-либо предметов в руках).
5. одеяние или его отсутствие (данная позиция предполагает изображение устоявшегося типа одежды для конкретного персонажа или обнаженность) (костюм и головной убор греческого типа (хитон, гиматион, калаф, петаса и т.п.); восточного типа костюмы (платья с вшивными рукавами, нашивками; накидки без драпировок, шаровары и короткие кафтаны с поперечными складка-

ми, кулохи, тюрбаны и др.); синкретические костюмы (сочетают детали костюмов обоих типов); защитное вооружение воина (доспехи).

6. атрибуты или их отсутствие.

Как уже было сказано выше, для выделения типа важно учитывать близость морфологии, технолого-размерных характеристик, единых территориальных и хронологических рамок для определенной типологически близкой серии статуэток или иных самостоятельных видов терракотовой пластики.

При этом важно отметить, что в рамках типа выделяются варианты типов и стиль.

Вариант типа выделяется по набору уточняющих конкретных иконографических черт, таких, как, например, варианты положения рук конкретного иконографического персонажа или варианты деталей костюма, атрибутов.

В рамках варианта типа определяется стиль изображения конкретного иконографического образа.

Разные археологические типы могут отображать как различные персонажи, так и принципиально отличную иконографию одного персонажа (сидящий в падмасане Будда с руками в жесте дхьяни-мудра и шествующий Будда с руками в жесте обхайя-мудра — это два археологических типа одного религиозного образа). При этом в рамках одной иконографии могут выделяться конкретные иконографические образы, которые отражены на уровне варианта типа.

Среди археологических типов выделяются по количественным показателям устойчивые и неустойчивые типы. К устойчивым типам относятся насчитывающие серии более пяти стратиграфически датированных изделий и подкрепленные определенным числом аналогичных изделий подъемного характера. К неустойчивым относятся типы, насчитывающие менее пяти изделий. Минимально необходимым числом для выделения типа является два стратиграфически датированных изделия.

Отрыв от чисто иконографического исследования позволяет изучать не только изобразительный ряд, а конкретный тип и вид реально существующего материального объекта, вписанного в контекст археологической культуры того или иного историко-культурной образования.

Выделенные функциональные виды и археологические типы терракотовой пластики являются конкретным отражением духовной, художественной и материальной культуры населения изучаемых историко-культурных областей, а не блуждающий образ, который может воплощаться для разных эпох и культур в различных по функциональному назначению изделиях и зачастую приобретать совершенно разный семантический смысл. **Археологический тип всегда связан и взаимообусловлен с уровнем развития материальной и художественной культуры конкретной историко-географической области в определенном хронологическом интервале.** Только выделение на основе анализа вышеперечисленных групп показателей археологических типов позволит надежно решить или подойти к решению целого ряда таких проблем, как:

— время зарождения и рамки бытования отдельно взятого вида изделий;

— ареал распространения;

— происхождение, причины появления;

— функциональное и смысловое значение;

— основные этапы эволюции: иконографические, смысловые, количественные

— причины расцвета или гибели разных по функциональному назначению видов изделий терракотовой пластики;

— причины и время зарождения самостоятельных среднеазиатских региональных «школ коропластики».

Таким образом, анализ материала в рамках функциональных видов и археологических типов не только вводит предметы терракотовой пластики в разряд археологических источников, но и позволяет на новом уровне осветить ряд вопросов, и в том числе иконографии, стилистики, эволюции технологии, семантики и смыслового значения конкретных образцов терракотовой пластики Средней Азии. Археологический тип представляет нам четко вписанные в конкретные хронологические и территориальные рамки, легко узнаваемые и определяемые по сумме показателей реально существующие объекты материальной культуры[4].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Маршак Б.И.* Согдийские терракоты // Тезисы докладов на лекциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972; *Мешкерис В.А.* Коропластика Согда. Душанбе; она же. Согдийская терракота. Душанбе, 1989а; она же. Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана // Тезисы докладов конференции Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 1998; *Зеймаль Т.И.* Терракоты Северного Тохаристана: вопросы археологической периодизации // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции посв.10-летию Южно-Таджикской археологической экспедиции. М., 1983; *Ilyasov D.Y., Mkrtychev T.K.* Bactrian goddess from Dalveryintepe — attampts of typological analysis //Silk Road Art and Archaelogy. 2. Kamakura, 1992; *Исамиддинов М., Хасанов М.* История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба. Ташкент, 2000.
2. *Двуреченская Н.Д.* Изучение терракотовой пластики Средней Азии. Древность и раннее средневековье (археологический аспект) // ПИФК. Вып. XV. 2005. С. 141-308; *она же.* Изучение терракотовой пластики Средней Азии // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции. СПб., 2000. С. 151-154.
3. В разработке терминологии мы основывались на общепринятых понятиях «скульптура», «пластика», «терракота», «фигура», «рельеф», и пр., раскрытых в различных изданиях Большой советской энциклопедии (БСЭ. 3-издание. Том 19. 1975-1977.).
4. Приведенная выше методика была апробирована в диссертации Н.Д. Двуреченской (Терракотовая пластика Средней Азии IV вв. до н.э. — IV в. н.э. (археологический аспект). Дисс... канд. ист. наук. М., 2009). В диссертации был собран и первично проанализирован свод археологически датированных изделий терракотовой пластики, включающий 1203 предмета.

NEW COMPREHENSIVE METHOD OF TERRACOTTA PLASTIC ART STUDY

N.D. Dvurechenskaya

The paper puts forward a new comprehensive approach to terracotta items study - material analysis in the context of all functions and archeological types. This method allows to present a number of problems in a new light, including iconography, stylistics, technique evolution, semantics, and the meaning of concrete terracotta samples from Central Asia. An archeological type presents authentic objects of material culture that naturally fit chronological and territorial context. They are easily recognized and identified on the basis of all their properties.

© 2010

P. Leriche

L'ANCIENNE TERMEZ DANS L'ANTIQUITÉ

Introduction

Par le rôle qu'elle a joué dans l'Antiquité et au Moyen-Age, Termez est incontestablement l'une des cités majeures de la Bactriane-Tokharestan (Fig. 1). Jouissant d'une position stratégique mais aussi commerciale de premier plan sur l'un des points de traversée majeurs de l'Amou Daria, elle a connu une expansion remarquable qui en a fait l'une des cités les plus vastes d'Asie Centrale. Frappée à mort en 1220 par Gengis Khan qui fit égorger la population de la ville, elle a retrouvé vie sur d'autres emplacements plus proches du Sourkhan Daria[1], laissant à l'abandon une ville fantôme de 500 hectares qu'on appelle aujourd'hui "l'Ancienne Termez".

La première expédition archéologique sur le site de l'Ancienne Termez a été lancée en 1926 et, depuis, les fouilles y ont été poursuivies de manière irrégulière, à l'Ancienne Termez même ou aux monastères bouddhiques de sa périphérie, Zourmala, Fayaz Tepe et Kara Tepe[2]. De nombreux monuments islamiques puis bouddhiques y ont été découverts, mais il aura fallu attendre le dernier quart du vingtième siècle pour que soient mis au jour des vestiges d'époque hellénistique qui témoignent du début de l'existence de la cité. C'est pour contribuer à l'étude de ces périodes anciennes qu'en 1993 la MAFOuz de Bactriane[3] a ouvert plusieurs chantiers à l'Ancienne Termez dans le cadre plus général de ses recherches sur le peuplement antique et médiéval de la Bactriane du Nord.

Rappelons que les ruines de l'Ancienne Termez couvrent une surface considérable dans laquelle on distingue plusieurs zones (Fig. 2): au sud, la citadelle (*kohandiz*) dominant l'Amou Daria et, au nord de celle-ci, la ville islamique (*chahristan* ou *madinat*) avec ses murailles relativement bien conservées mais gravement menacées par l'irrigation. A l'est s'étendent de vastes faubourgs (*rabat*), également fortifiés et, à l'ouest, une zone incertaine où s'élève le mausolée du célèbre Hakim at Termezi. Au

© Aurorhe Juin 2009
Zones irriguées depuis l'époque achéménide
HISSAR
BAYSSOUN TAU
KUGITANG TAU
PAMIR
HINDOU KOUCH
Shahr i Nao
DOUCHANBE
Yavan
Kala i Kafirnigan
Karabag Tepe
Dal'verzhin Tepe
Payou Kourgan
Kouganzol
Kyzyl Tepe
Dandavlat Tepe
Khayrabad
SHIRABAD
Dabit Kourgan
Talashkan Tepe
Kampyr Tepe
Termez
TERMEZ MODERNE
Kohl
Key-Kobad-Shah
Kala i Mir
Takht-i-Sangin
Khisht Tepe
Ayatan Tepe
Shatrabad
Shar-i Bano
Kelif Nao
Bourrat Tepe
MAZAR I SHARIF
Bactres
TASH KOURGAN
Afyn Dilar Tepe
Jiga Tepe
Dil'bergine Tepe
Afyn Tepe
Fayzabad
Nouliik
Sakar Tepe
Emshi Tepe
Khwaja Hafiz
Kakout
Ghouz Tepe
Zoulm
Kafir Kala
ROUSTAO
Koughan Tepe
Ishkamish
Ai Khanoum
Kafir Kala
ARGHI
Outaja
Qursar
IMAM SAHIB
Kanoum
KOUNDOUZ
Baja Hissar
BAGHLAN
Site de la période achéménide
Site des périodes achéménide et hellénistique
Site apparu à la période hellénistique
VILLE MODERNE
Mur de l'oasis de Bactres

Fig. 1

Fig. 2. Ancienne Termez Plan

nord, se distingue la puissante colline de Tchingiz Tepe, point culminant de la région et peut être l'emplacement du camp de Gengis Khan en 1220. Plus au nord enfin, se trouvent les deux zones de monastères bouddhiques de Kara Tepe et de Fayaz Tepe et, au sud-est le grand stoupa monumental de Zourmala.

Les premières recherches de la MAFOuz de Bactriane ont concerné la citadelle·. Une grande tranchée stratigraphique de 50 m de long a d'abord été ouverte entre la rive du fleuve et le sondage profond où avaient été découverts les niveaux hellénistiques (Fig. 3). Parallèlement, une série de précieuses photographies de la citadelle et du site ont été prises depuis le milieu du fleuve (Fig. 4). Enfin, les fortifications médiévales de l'angle sud-est, celles-là mêmes qui furent emportées au bout de onze jours d'assauts incessants par Gengis Khan, ont été partiellement dégagées.

Les recherches se sont ensuite élargies au petit plateau du Tchingiz 2, isolé par une dépression périphérique au sud du ravin qui limite la colline de Tchingiz Tepe 1 et qui porte deux édifices religieux (Fig. 5). Puis elles ont concerné la colline de Tchingiz Tepe 1, où a été découverte une ville antique fondée *ex nihilo* et puissamment fortifiée (Fig. 6).

Plus récemment enfin, des chantiers ont été implantés plus à l'est, dans la partie civile du site, c'est-à-dire dans la ville islamique non loin du mausolée du Hakim at-Termezi et des prospections ont été conduites en divers secteurs de la zone archéologique.

Fig. 3. Citad Tranchèe B

Fig. 4. Tz Citvue de l'Oxus copie

Les résultats obtenus à l'issue de ces recherches ont renouvelé et considérablement enrichi notre connaissance de l'histoire et de la topographie de Termez depuis l'époque hellénistique et kouchane jusqu'à la conquête mongole et même l'époque chaybanide (17e siècle).

Dans le cadre nécessairement limité de cet article, nous ne présenterons ici que les vestiges de la période antique de l'Ancienne Termez, la plus mal connue et celle qui a connu le plus de renouvellement, et à l'exclusion des grands monastères de Kara Tepe, Fayaz Tepe et Zourmala.

Termez grecque

A l'issue des recherches anciennes et après quinze ans de fouilles discontinues de la Mission BACTRIANE, le plan et la structure de Termez hellénistique demeurent encore loin d'être clairs. Mais l'on sait maintenant que cette fondation grecque occupait deux secteurs situés le long du fleuve. Le premier a été identifié en 1983 par Ch. Pidaev sur la citadelle. Il représente le fort militaire (*phrourion*) fondé par les Séleucides qui constitue le premier noyau de la future ville. Le deuxième se trouve à environ 500 m plus au nord le long de l'Oxus sur le petit plateau de Tchingiz Tepe 2, immédiatement au sud du ravin du Tchingiz Tepe[4].

Une colonie militaire

Les niveaux de cette période sur la citadelle se trouvent enfouis sous d'importantes accumulations de couches d'occupation des époques postérieures. Nulle part on n'a pu atteindre les murailles de cette implantation, mais l'on a pu en cerner les traits principaux en se basant sur la topographie de la citadelle et sur les données des divers chantiers qui y ont été ouverts (Fig. 7).

Il apparaît ainsi qu'à l'époque hellénistique Termez n'était sans doute qu'un simple *phrourion* qui n'occupait qu'une partie de la zone méridionale de l'actuelle citadelle, sur environ un hectare. C'est là, en effet, qu'ont été découverts quatre niveaux de construction de maçonneries en briques crues carrées de grandes dimensions associées à une épaisseur de deux mètres et demi de couches d'occupation grecque. Le matériel recueilli ici, à plus de douze mètres de profondeur, ne remonte pas au-delà des années 280[5]. Le nom de cette fondation ne nous a pas été révélé par la fouille et reste l'objet de spéculations (voir infra).

Il s'agit donc d'une petite fondation séleucide, semblable à celle découverte à Kampyr Tepe, à une journée de marche en aval du fleuve, mais aussi à Dalverzine Tepe ou Khaytabad Tepe dans le Sourkhan Daria, Payon Kourgane ou Kourganzol dans les monts du Hissar ou Jiga Tepe près de Bactres (Fig. 1).

Le complexe cultuel près de l'Oxus

Toutefois, la fonction de surveillance militaire et de contrôle de la traversée du fleuve ne résume pas toute l'activité de cette création gréco-bactrienne. Les fouilles récentes révèlent, en effet, qu'à l'époque hellénistique, il existait sur le plateau du Tchingiz 2, une plateforme de culte (bâtiment B1) construite à l'aide de briques carrées de grand module (46 cm) et associée à du matériel gréco-bactrien (céramique et quelques monnaies). A l'époque hellénistique, une construction en briques de même type avait été édifiée dans la partie orientale du plateau, mais cette construction a été arasée lors de l'édification d'un grand bâtiment d'époque kouchane (bâtiment A1) et il n'en subsiste plus, malheureusement, que des lambeaux de maçonnerie (Fig. 8).

Fig. 5. Plateau duTchingiz2

Fig. 6. TzTch1 Panoram Lègendè

Fig. 7. Tzplan Citadelle

Fig. 8. Briques hellènistiques

Le plateau du Tchingiz 2, tel qu'il se présente aujourd'hui, ne correspond sans doute pas à la totalité de la zone habitée de ce secteur à l'époque hellénistique. La dépression nord-sud qui limite à l'est le plateau n'existait probablement pas à cette époque et une zone d'habitation s'étendait vers l'est dans le secteur aujourd'hui recouvert par des bâtiments contemporains. Lors de travaux récents, en effet, on y a découvert du matériel céramique incontestablement d'époque hellénistique, mais rien ne permet dévaluer l'extension de cette zone d'habitation. Enfin, plusieurs indices montrent qu'à l'époque gréco-bactrienne, l'occupation du Tchingiz 2 s'étendait nettement plus à l'ouest, jusqu'au bord du fleuve, c'est-à-dire dans une zone malheureusement aujourd'hui inaccessible même aux archéologues et où se trouve la partie la plus importante des constructions de ce plateau (Fig. 9)[6].

Par sa situation, ses dimensions et la période à laquelle il appartient, l'ensemble monumental du Tchingiz 2 évoque le "temple de l'Oxus", d'époque achéménide et hellénistique découvert sur la rive droite de l'Amou Daria, à Takht-i-Sangin, à une centaine de kilomètres en amont. Un sanctuaire bien préservé et qui a fourni un très riche matériel révélateur de l'intégration des pratiques religieuses grecques et bactériennes. La poursuite et l'extension de la fouille des états anciens du plateau de Tchingiz 2 pourrait donc apporter des informations décisives.

Avec la découverte de cet ensemble monumental du Tchingiz 2 et d'un habitat à l'est de celui-ci, on peut penser qu'à la fin de l'époque hellénistique, Termez était devenue une agglomération et jouait un rôle religieux qui dépassait les limites du seul poste fortifié de la citadelle (Fig. 10).

Fin de la présence grecque à Termez

Située en Bactriane du nord, non loin des monts du Hissar qui constituaient la frontière entre Bactriane et Sogdiane, Termez aurait dû être l'une des premières à subir une attaque des populations nomades que la plupart des historiens s'accordent à présenter comme une menace permanente qui pesait sur la Bactriane grecque et auxquels on attribue l'éviction des Grecs de ce pays. Pourtant, comme le montrent les dernières recherches, on ne trouve à Termez nulle trace de destructions ou d'incendie.

C'est d'ailleurs la même image que l'on retrouve sur de nombreux sites grecs de Bactriane. Même la grande cité grecque d'Aï Khanoum ne montre aucun témoignage d'incendie ou de saccage et le pillage de la ville est visiblement le fait de la population locale. Apparemment, le pouvoir grec s'était retiré de lui-même et avait abandonné la Bactriane avant même l'arrivée des tribus nomades. On peut donc supposer que la garnison gréco-bactrienne de Termez avait également abandonné les lieux et qu'ensuite la ville s'est rendue aux nomades sans résistance particulière.

Termez sous les Yue Tche et les Kouchans

Développement de la ville sous les Yue Tche

Après la conquête par les nomades Yue Tche, Termez est probablement devenue le centre administratif de la région soumise à cette tribu. Les dynastes Yue Tche frappaient des monnaies de bronze selon le modèle des tétradrachmes d'Hélioclès, le dernier roi grec. Des monnaies de ce type ont été trouvées dans presque tous les sites du Sourkhan Daria, ce qui signifie que tout ce territoire se trouvait dans un même

Fig. 9. Plan Tchingiz Tepe 2009

Fig. 10. Fig 10 Tz06 Etat Grec

ensemble politique. Mais la majorité de ces découvertes proviennent du site de l'Ancienne Termez qui a, en outre, fourni des petites unités de ce monnayage. Il n'est pas impossible que ces monnaies proviennent d'un atelier monétaire installé dans cette ville.

Les fouilles nous procurent l'image d'un développement très net de la vie urbaine dans tout le territoire sous domination Yue Tche. A l'Ancienne Termez même, les découvertes de matériel céramique et de monnaies montrent qu'à cette époque, l'habitat s'étend progressivement au nord et à l'est de la citadelle. C'est peut-être alors qu'une ligne défensive protégeant la ville à l'est a été fixée dans le prolongement approximatif de la muraille orientale de la citadelle, une ligne qui a ensuite été utilisée comme limite occidentale de la ville islamique (Fig. 2).

Un accroissement aussi rapide de la ville peut s'expliquer par deux raisons non exclusives. La première est celle de l'immigration d'éléments nouveaux, sans doute Yue Tche, qui viennent s'ajouter à la population locale. On pourrait alors supposer que le processus d'installation des Yue Tche et l'intégration d'une partie d'entre eux au sein de la population urbaine a commencé très vite après la conquête de la Bactriane, alors que d'autres groupes nomades s'établissaient dans de nouvelles implantations.

Une autre explication est celle du creusement d'un canal pour amener l'eau du Sourkhan Daria dans la ville. La prise d'eau se trouvait dans le secteur de Talitagora Tepe où, à l'époque Yue Tche, une forteresse a été implantée, visiblement pour garder la tête du canal. Ce canal a permis d'approvisionner la ville et les régions environnantes en eau potable et de développer les surfaces cultivées grâce à l'irrigation[7]. A l'Ancienne Termez, ce canal traverse le site d'est en ouest pour aboutir dans le ravin qui sépare la colline du Tchingiz Tepe 1 et le plateau de Tchingiz 2.

Ce nouveau canal a occupé une place essentielle dans l'histoire de Termez dont on se souviendra qu'elle est implantée dans une zone sableuse. C'est son creusement qui a

permis l'essor de la ville et, par la suite, le développement et l'organisation territoriale de Termez ont été entièrement conditionnés par l'existence et le tracé de ce canal.

Archéologiquement, peu de faits peuvent être attribués à l'époque Yue Tche en dehors du creusement de ce canal. Sur la citadelle, des constructions nouvelles, malheureusement très mal préservées, débordent les limites du *phrourion* grec. Le plateau du Tchingiz Tepe 2 témoigne également d'une certaine activité architecturale. La plateforme cultuelle est alors agrandie et surélevée (état B2) en parallèle avec un aménagement de la surface de l'esplanade sud qui reçoit une couche de remblais d'égalisation (Fig. 11). Dans la partie orientale du plateau, les eaux de surface devaient poser un problème puisqu'une canalisation de drainage a été creusée depuis la dépression au sud du plateau jusqu'au canal du Sourkhan Daria qui venait d'être creusé au nord du plateau. Il est probable qu'un mur de péribole devait entourer ce plateau car, à son extrémité nord, la canalisation qui était à l'air libre s'enfonce en souterrain dans le substrat rocheux pour passer sous le mur et ressortir à l'air libre et se jeter dans le canal à quelques mètres plus loin (Fig. 12).

Les constructions d'époque hellénistique de la zone orientale ont nécessairement été affectées par le passage du canal et l'on peut penser qu'elles avaient probablement laissé la place à un autre aménagement dont on ne connaît encore que peu de chose. On est seulement en droit de supposer que c'est probablement à cette époque que l'un des monuments du Tchingiz 2 s'est orné de colonnes de pierre dont quatre tambours ont été retrouvés en remploi dans l'état postérieur de la plateforme cultuelle (voir plus loin, Fig. 15). Le poids de ces tambours laisse à penser que ceux-ci ne provenaient pas de très loin, peut-être la plateforme de cette époque ou d'un édifice de prestige qui se trouvait dans la zone orientale du plateau et a ensuite été détruit[8].

Prospérité de Termez a l'époque kouchane

C'est à l'époque kouchane que Termez atteint son plein épanouissement et devient le centre politique, économique et culturel de la Bactriane au nord de l'Oxus.

Les souverains de cette dynastie née en Bactriane du nord ont œuvré en faveur de la prospérité de la région qui perd alors son nom achéménide et grec de "Bactriane" et devient le "Tokharestan". La vigoureuse politique de développement qu'ils mènent, creusant de nouveaux grands canaux et améliorant les conditions de vie ainsi qu'on peut l'observer également en Bactriane orientale, favorise nettement le développement de la vie urbaine au Tokharestan.

Au milieu du IIIe s. de n. è., l'empire kouchan perd ses provinces indiennes et passe sous la domination du nouvel empire sassanide dont il devient un royaume associé que l'on appelle *Kushanshahr*[9]. Les gouverneurs portent alors le titre de "Grand Roi kouchan", "Grand Roi des Rois kouchans" sur leurs monnaies qu'on trouve à Termez et qui sont de type sassanido-kouchan puis kouchano-sassanide. Il est possible qu'alors se soient constituées une série de petites principautés, dont celle de Termez. Mais cette période ne dure pas longtemps et l'empire kouchan tombe aux mains de conquérants hunniques, les Chionites-Ephtalites.

Sur le terrain, il est difficile de distinguer la période kouchano-sassanide de l'époque kouchane si ce n'est que le matériel céramique témoigne d'une plus grande qualité à l'époque kouchano-sassanide. Apparemment, ces deux phases de l'histoire de

Coupe schématique nord-sud de l'édifice B
ETAT 1
Nord
Sud
roche
roche
roche
0 1 5m
Réalisation S. de Pontbriand
Coupe schématique nord-sud de l'édifice B
ETAT 2
Nord
Sud
roche
mur
mur
0 1 5m
Réalisation S. de Pontbriand
Coupe schématique nord-sud de l'édifice B
ETAT 3
Nord
Sud
mur
mur
mur
0 1 5m
Réalisation S. de Pontbriand
Coupe schématique nord-sud de l'édifice B
ETAT 4
Nord
Sud
mur
mur
0 1 5m
Réalisation S. de Pontbriand

Fig. 11.

Grotte
Grotte
bord du canal
tranchée ouest
déblais
fond du ravin
Bâtiment B
Bâtiment B
bord du plateau
escalier
portail
propylées
salle à banquetes
Cour
Bâtiment A
Bâtiment A
salle à piliers
limite orientale probable du bâtiment A
canal
FRONTIÈRE
ROUTE
Zone détruite
Mission Bactriane
Termez 2008 Tchingiz
Complexe cultuel
N

Fig. 12.

Termez correspondent à une période de prospérité qui prolonge celle de l'époque Yue Tche. On observe cependant sur le terrain la présence de phases d'abandon ou même de destructions, mais on en ignore encore la date précise et l'on ne sait même pas s'il faut les associer ou s'il s'agit d'événements ponctuels. Les études sont en cours et il est encore trop tôt pour savoir si l'on peut lier les différents épisodes de la vie de la cité que nous révèle la fouille avec des événements politiques plus généraux.

Une politique de grandeur urbaine

Il est évident que durant la période kouchane, Termez a bénéficié des faveurs du pouvoir politique qui en fait la cité principale de la Bactriane septentrionale. De grands travaux transforment la physionomie de la citadelle et du plateau du Tchingiz 2, le canal du Sourkhan Daria est élargi et sans doute utilisé de manière plus efficace. Mais surtout, fait nouveau, la colline de Tchingiz Tepe 1 est annexée et fait l'objet d'un aménagement urbain à grande échelle.

La citadelle

La **citadelle** de l'époque grecque a été largement développée en surface. Les anciennes lignes de défense sont repoussées vers le nord, l'est et l'ouest et remplacées par de puissantes murailles. C'est alors que la citadelle prend sa physionomie actuelle avec une surface de près de dix hectares. A l'est, une grande forteresse est édifiée en position dominante au-dessus du fleuve (Fig. 13). Au centre, à l'emplacement du *phrourion*, s'élève un palais aux murs épais, puissamment renforcés du côté du fleuve (Fig. 14) et orné de colonnes monumentales sur des bases au profil attique d'un mètre de côté. L'épaisseur des couches d'occupation (plus de cinq mètres) montre que cette citadelle était alors densément occupée.

Le plateau du Tchingiz Tepe 2

Le plateau du **Tchingiz Tepe 2** semble avoir connu une brève période d'abandon, puis les deux édifices sont reconstruits et notablement agrandis à plusieurs reprises.

Première phase

A l'ouest, la plateforme cultuelle est étendue vers le nord et prend une allure monumentale (B3) avec l'édification d'un mur de soutènement (*analemma)* de plus de six mètres de haut dominant le ravin. A son pied une plateforme de pahsa s'étend le long du canal. La surface sommitale de la plateforme est surélevée, et agrandie. Elle semble avoir été pourvue de sortes de bassins rectangulaires. Dans sa partie occidentale, une canalisation couverte d'évacuation d'eau s'enfonçant à l'arrière du mur d'*analemma* est aménagée en remployant les tambours de colonnes de pierre mentionnés plus haut (Fig. 15).

A l'est, un nouvel édifice (A1) est édifié à l'aide de briques crues de module kouchan (37x37cm). Seul en subsiste une sorte de socle massif en briques avec une façade orientale de direction nord-sud dont toute la partie occidentale a été détruite par la construction de l'état suivant (Fig. 16 - 1).

Un nouveau bâtiment A2 est, en effet, implanté plus à l'ouest (Fig. 16 - 2). Il

Fig. 13. Tz citVersL'E

Fig. 14. Cit photo gale

présente les mêmes caractéristiques, mais, cette fois, on peut mesurer sa largeur est-ouest qui est d'un peu moins de quarante mètres. Malheureusement on ne connaît guère l'aspect qu'il présentait à cette période, car toute sa partie occidentale a été détruite par des aménagements récents. On sait cependant que, comme le précédent, il reposait directement sur le rocher et qu'il s'étendait vers le nord, sous la forme d'une sorte de plateforme massive de briques d'environ quarante mètres de long. Au nord, au pied de la plateforme, sur la roche en place, se trouvaient des sortes de baignoires quadrangulaires limitées par des murets bas couverts d'un épais enduit. On ignore la fonction de ces bassins, mais on constate que ce dispositif semble passer sur le tracé du canal nord-sud qui avait alors été bouché par des terres rapportées.

Ce bouchage est le signe d'une notable modification de la topographie de l'endroit, visiblement en liaison avec l'évolution du **canal du Sourkhan Daria** au nord. C'est alors, en effet, que le grand canal a dû être recreusé, ce qui a porté sa largeur aux environs de huit à dix mètres (Fig. 17 a et b)[10].

L'étroite canalisation large d'environ un mètre, s'étant sans doute montrée insuffisante pour drainer la zone du plateau a été abandonnée pour être remplacée par un nouveau et très large fossé implanté à treize mètres plus à l'est et se raccordant plus bas à la dépression du grand canal. C'est ce fossé qui délimite désormais le plateau à l'est, coupant ce plateau du reste de la ville basse d'époque hellénistique.

Suit une période d'abandon de l'activité sur le plateau du Tchingiz 2. On ignore la durée et la raison de cet abandon, mais on constate que le bâtiment A2 se ruine et se trouve en partie recouvert par une épaisse couche de sable éolien. Sans doute en va-t-il de même de la plateforme B3.

Deuxième phase

A cet abandon, succède une période de réaménagement important de toute la zone du plateau du Tchingiz 2.

La **plateforme** est à nouveau reconstruite (B4), en particulier au nord où le mur d'*analemma* est surélevé, sans doute pour tenir compte de la surélévation de la vaste esplanade qui s'étend dans l'angle formé par ces deux constructions par l'apport de remblais. En revanche, ses dimensions ont été légèrement réduites et le système d'évacuation d'eau a été abandonné.

A l'est, les ruines encore relativement hautes du bâtiment A2 sont englobées dans une importante plateforme d'égalisation en pahsa qui en surélève le niveau de fonctionnement de près de deux mètres et permet d'amplifier les dimensions du bâtiment abandonné, en particulier vers le nord, tout en reproduisant la forme du bâtiment antérieur au sud (Fig. 16 - 3). La longueur du **bâtiment A3** atteint maintenant environ soixante-dix mètres du nord au sud et probablement un peu moins d'est en ouest (Fig. 18).

En dépit des importantes dégradations qu'il a subies récemment, ce bâtiment A3 présente un certain nombre d'aspects qui montrent qu'il s'agissait d'un édifice de prestige.

- L'axe de la partie méridionale qui réutilise des maçonneries de l'état A2, est constitué par deux longues salles nord-sud séparées par un mur épais. En façade ouest, on trouve une deuxième salle allongée ornée de pilastres (Fig. 19), cependant qu'à l'est se succèdent, du sud au nord, une série de pièces carrées dont l'une comporte en son centre un massif de maçonnerie également carré en forme de socle (de stoupa?).

Fig. 15. Colonnes10-05 141

Fig. 16. Tz99 Bátt A Destrâull

— La partie nord, ajoutée au bâtiment originel est, contrairement à la précédente, organisée de part et d'autre d'un long couloir ouest-est s'ouvrant à l'ouest par un portail monumental à escalier. Ce portail, malheureusement détruit par la construction d'un four de potier (Fig. 20), conduisait vers l'est, à une grande salle à banquettes que l'on atteignait après avoir gravi un escalier aux marches très usées et franchi deux autres portails (Fig. 21) dont le premier était protégé par deux salles des gardes au centre desquelles fonctionnait un foyer.

Dans cette partie septentrionale du bâtiment, le grand couloir, les salles, les banquettes et les portails étaient recouverts de fines couches d'enduit superposées atteignant souvent une quarantaine de centimètres d'épaisseur. Ceci révèle un entretien attentif et sur une longue durée, comme l'indique aussi l'état d'usure des marches de ces "propylées", digne d'un édifice religieux ou palatial.

De plus, tous les espaces étaient pourvus d'un décor de bases de corniches moulurées et de consoles renversées, c'est-à-dire un décor caractéristique de l'époque kouchane. Parmi les décombres d'écroulement des murs de la grande salle à banquettes, se trouvaient un chapiteau de stoupa (*harmika*) (Fig. 22) et de petits fragment de décor plâtré et doré à la feuille. Dans les déblais anciens accumulés contre la face nord-ouest du bâtiment, a été découvert un fragment de bas-relief bouddhique en calcaire où l'on reconnaît la présence d'un bouddha ou bodhisattva, d'un fidèle et d'une base de pilastre de type attique (Fig. 23).

Le bâtiment A3 était donc incontestablement un édifice de prestige dans lequel le culte bouddhique était pratiqué. Mais il est encore trop tôt pour décider s'il s'agit d'un temple bouddhique ou d'une résidence palatiale dans laquelle le culte bouddhique avait sa place.

La colline de Tchingiz Tepe

Cette histoire très animée du complexe cultuel trouve un écho amplifié dans celle de la **colline du Tchingiz Tepe**. Celle-ci, en effet, est l'objet d'aménagements nouveaux de grande ampleur (Fig. 25 et 26).

Première phase

La première construction identifiée au Tchingiz Tepe se trouve au sommet même de la colline qui est le point culminant du site. Il s'agit d'un bâtiment de briques crues (de 36-37 cm de côté) presque entièrement détruit, mais dont subsistent deux murs perpendiculaires (RN2 et RS2) posant directement sur la couche naturelle de sable et graviers fluviatiles en place.

A trois mètres au sud de ce bâtiment, dans la pente, un mur de soutènement aligné est-ouest était destiné à maintenir en place la couche sableuse fragile du sommet afin de permettre la construction en contrebas, à quatre mètres environ plus au sud, d'un autre bâtiment de plus grande ampleur situé à deux mètres plus bas. Il s'agit d'un édifice cultuel carré d'environ quinze mètres de côté, très soigneusement construit et entouré sur trois côtés au moins d'un trottoir de brique large d'un peu plus d'un mètre (Fig. 27).

Nous ignorons quelle était la relation de ces deux bâtiments qui semblent avoir été construits au début de l'époque kouchane, mais peut-être pas en même temps, la plateforme ayant été construite après l'édifice sommital dont il a fallu assurer la stabilité en construisant l'analemma. Le bâtiment du sommet ne comporte pas de sol particulier alors que la plateforme en contrebas a encore conservé près d'un mètre et

Fig. 17A Tranchèe dans le ravin 186

Fig. 17B. Canal 3209

demi d'épaisseur de maçonnerie massive de brique crue. Il s'agissait donc d'un édifice sur podium.

Ces deux bâtiments ont été fortement détruits, de manière volontaire au moins pour le second, car on a retrouvé, dans l'accumulation de briques crue de sa façade nord, des fragments de visage de bouddha ou bodhisattva dorés à l'or fin, fracassés et dispersés. L'état de fraîcheur de ces fragments implique qu'il se trouvait sur la plateforme une superstructure pour protéger la statue. Le bâtiment n'était donc pas un simple podium à l'air libre, mais plutôt un temple sur podium qui pourrait avoir abrité une statue et peut-être un stoupa.

Cet ensemble de deux bâtiments avait donc, de manière évidente, une fonction religieuse officielle. L'existence de cet ensemble religieux est peut-être la raison d'être de la présence d'un puissant mur de pahsa d'orientation est-ouest qui barrait la pente à quatre-vingt-dix mètres au sud du sommet et dont on peut supposer qu'il avait une fonction de mur de péribole. A l'époque kouchane, un tel dispositif monumental peut être comparé à un *bagolango* dont le grand sanctuaire dynastique de Surkh Kotal en Afghanistan donne une image très parlante.

Deuxième phase

Dans un deuxième temps, toute la colline se trouve concernée par la construction sur d'une belle fortification à galerie intérieure encore conservée sur ses deux côtés nord et est. Cette muraille est renforcée de tours carrées creuses et porte un décor d'archères sagittales du même type que celui qu'on trouve sur les murailles de Bactres. Nous sommes alors en pleine époque kouchane.

Cette enceinte couronne le sommet de la colline jusqu'au fleuve, intégrant dans sa maçonnerie les vestiges de l'édifice sommital, cependant que la plateforme dévastée est totalement abandonnée. A l'ouest la muraille suivait probablement la rive du fleuve, mais celle-ci s'est écroulée depuis, emportant la totalité de l'ouvrage. A l'est, le rempart descend à angle droit jusqu'au ravin qui limite la colline au sud. La longueur totale dégagée est de près de 400 m. Quinze tours y ont été à ce jour mises en évidence.

On note une différence certaine dans la conception de l'ouvrage sur le rempart oriental entre la moitié septentrionale bien construite en briques crues sur base de pahsa et la moitié méridionale qui fait plus largement appel au pahsa et présente une direction légèrement divergente par rapport à la précédente (Fig. 27 et 28). Cela signifie-t-il qu'on a deux phases de construction ou, plus simplement, qu'on là la trace du travail de deux équipes différentes? La réponse ne peut encore être formulée de manière assurée.

Cette enceinte connaît un certain nombre de phases de modification ou de transformation avec la mise en place de placages, la surélévation des sols intérieurs des tours par des maçonneries de brique et l'épaississements des tours, en particulier sur le front oriental, ce qui indique un entretien régulier et un fonctionnement sur une certaine durée.

Cette fortification présentait des qualités esthétiques certaines, soulignant le prestige de la ville nouvelle avec ses tours très rapprochées (25 mètres), son décor en creux aligné sur plusieurs registres et ses enduits régulièrement refaits et blanchis à la chaux. Sa fonction défensive était bien réelle, si l'on en juge par les dimensions du fossé large de près de douze mètres et profond de quatre mètres bordé d'un *proteichisma* qui en interdisait l'approche (Fig. 29)

Fig. 18

Fig. 19

Enfin, au centre de la colline, un grand temple est construit, dont les dimensions dépassent cinquante mètres de côté (Fig. 30). La partie centrale est constituée d'un petit bâtiment orienté vers l'est, aux murs très épais, comportant deux pièces totalement étrangères l'une à l'autre, avec deux portes latérales s'ouvrant au nord pour la pièce de façade et au sud pour la pièce arrière. Ce bloc central est entouré d'un couloir périphérique et de cours.

La nature de cet édifice religieux n'est pas encore clairement établie : mausolée, temple funéraire, temple dynastique? Des vestiges de peintures rehaussées de feuille d'or y ont été découverts et le matériel associé indique qu'au moins à une certaine époque le culte bouddhique y était pratiqué. De même la date de sa création n'est pas encore fixée. Peut-être faut-il la mettre en relation avec la suppression du temple du sommet avant la construction de l'enceinte?

La colline du Tchingiz Tepe est donc devenue une zone d'urbanisation créée *ex nihilo* liée à une volonté délibérée d'étendre la ville de Termez et d'en faire une métropole prestigieuse. On sait que des maisons y ont été construites, mais la fouille demande à être étendue pour qu'on puisse se faire une idée de la manière de concevoir l'organisation urbaine.

L'expansion de la ville basse de Termez

Au cours de cette période, le territoire urbain de Termez s'étend considérablement, si l'on en juge par la zone de diffusion du matériel céramique de cette époque. Cette zone englobe maintenant les régions situées au nord et à l'est de la citadelle, formant une ville basse aux limites imprécises. Durant un certain temps, les limites orientales de la ville basse coïncident peut-être avec le tracé de la muraille occidentale de la future cité médiévale (*chahristan*), mais, à la fin de l'époque kouchane, les habitations débordent cette limite et atteignent même la région du château du haut Moyen Age appelé "le kourgane". La zone d'habitat de Termez couvre alors une surface de 350 hectares (Fig. 31).

A n'en pas douter, cette expansion territoriale de l'habitat est la conséquence d'un apport d'eau abondant grâce, sans doute, au recreusement du canal du Sourkhan Daria.

Certains indices laissent à penser que la structure du tissu urbain de Termez kouchane était relativement lâche. A la différence d'autres villes bactriennes de l'époque kouchane, en effet, les maisons se répartissent en propriétés particulières au milieu des jardins et des potagers.

Un bouddhisme urbain

Enfin, durant la période kouchane et kouchano-sassanide plusieurs monuments importants ou de prestige sont construits dans la ville comme le montre la découverte, sur l'ensemble de la ville, de plusieurs chapiteaux et de nombreuses grandes bases de pierre à profil attique. Les édifices auxquels appartiennent ces décors sculptés sont de type religieux et tout particulièrement bouddhiques.

C'est ainsi qu'ont été découverts en plusieurs points de la colline de Tchingiz Tepe des éléments de sculpture provenant de stoupas, comme des fragments de parasols de pierre, (*chattra*). Tout laisse à penser que ces fragments proviennent de la plateforme cultuelle, qui pourrait avoir connu un changement de culte, ou bien du temple ou encore de petits sanctuaires domestiques.

Fig. 20. EntrèePropylèe & FourCopie

Fig. 21. CCA Propyl Gale

Dans la zone de la ville islamique, sous les restes peu identifiables d'un grand édifice des XIe-XIIe siècles, a été dégagée la base d'un petit stoupa qui a subi plusieurs remaniements et qui semble d'époque tardive (Fig. 32). A l'est de ce stoupa ont été récemment découvertes deux grottes bouddhiques souterraines probablement de même époque que le stoupa. A proximité, dans une fosse, se trouvait également un beau chapiteau de pilastre de type gréco-bouddhique avec des bustes de bouddhas émergeant d'acanthes de type grec (Fig. 33). Ce chapiteau semble dater du premier ou du deuxième siècles. Il est remarquablement conservé et appartenait à une construction différente du stoupa (mur périphérique de sanctuaire?), construction qui reste à découvrir.

A l'ouest de la ville islamique, près du mausolée du Hakim at Termezi, plusieurs cellules souterraines de moines bouddhistes ont également été dégagées au cours de fouilles provoquées par l'aménagement de la zone du mausolée (Fig. 34). Toutes ces grottes bouddhiques ont dû fonctionner relativement longtemps et n'ont été bouchées qu'au XIe siècle, probablement à l'époque de Mahmoud II.

On constate donc grâce aux découvertes récentes faites dans la ville basse, sur le plateau du Tchingiz 2 et sur la colline de Tchingiz Tepe, que le culte bouddhique était pratiqué, non seulement par les moines vivant dans les monastères de la périphérie de Termez, mais aussi par la population civile et par les notables de la ville.

Ce constat est d'un grand intérêt car, jusqu'à une date récente, on ne connaissait que le bouddhisme des monastères de la périphérie de Termez et l'on ignorait tout du bouddhisme dans la ville.

Termez paraît donc être devenue à l'époque kouchane un grand centre du bouddhisme en Asie Centrale et probablement l'une des bases à partir desquelles le bouddhisme s'est diffusé vers l'Asie orientale.

Toutefois, le culte bouddhique n'était pas la religion exclusive de la population de Termez. A l'époque kouchane, en effet, certains continuaient à pratiquer le zoroastrisme, à vénérer des divinités locales anciennes tout en pratiquant le culte dynastique des Kouchans. L'attachement aux divinités locales demeurait fort, en particulier à la "Grande Déesse Bactrienne", déesse de la fertilité, et à un dieu cavalier dont on trouve de nombreuses figurines modelées en terre cuite.

Termez capitale kouchane?

A l'époque kouchane, Termez connaît donc le doublement et le renforcement de la citadelle, une forte activité architecturale sur le plateau du Tchingiz 2, le recreusement du canal du Sourkhan Daria, l'aménagement urbain du Tchingiz Tepe, une rapide extension territoriale de la ville basse vers l'est et le nord, et le développement de grands monastères bouddhiques à la périphérie de la ville.

Tous ces constats archéologiques semblent converger vers une même conclusion : une telle entreprise ne peut être le fait d'un simple pouvoir local. Il s'agit incontestablement de la volonté d'un pouvoir supra régional et très probablement royal qui vise à faire de Termez un lieu majeur d'affirmation de sa puissance et peut-être le siège de son autorité.

Il n'est donc pas interdit de penser que l'un des premiers souverains kouchans a décidé d'établir à Termez la capitale du royaume, lorsque l'aire d'extension de celui-ci

Fig. 22. Harmika

Fig. 23. Bas relief

Fig. 24. Plan plate-forme rapport

était limitée à la Bactriane du nord. Il s'agirait donc d'une fondation urbaine, manifestation royale par excellence et acte d'affirmation de l'existence et de l'autorité de la nouvelle dynastie.

Du coup, l'on peut sans grand risque de se tromper identifier l'Ancienne Termez avec la capitale des Yue che et du début de l'empire kouchan, la *Jianshi* des sources chinoises.

En faveur de cette hypothèse, on peut évoquer le fait que la ville kouchane qui s'est créée autour du *phrourion* grec de Kampyr Tepe est brusquement abandonnée dans la première moitié de l'empire kouchan. Sans doute sa situation beaucoup plus éloignée par rapport au Sourkhan Daria a-t-elle joué en sa défaveur. On peut alors supposer que sa population a été transférée, plus ou moins volontairement à Termez, dans la nouvelle ville qu'il fallait peupler, comme Séleucos Ier l'aurait fait pour peupler la nouvelle capitale mésopotamienne Séleucie du Tigre au détriment de Babylone.

Bien entendu, ce fait historique nouveau demande encore à être définitivement confirmé par de nouvelles preuves, écrites si possible.

Or, on sait que le Han Chou décrit le royaume des Ta Yue Tche et place leur capitale à *Jianshi* au nord de la rivière *Gui* que l'on s'accorde à identifier avec l'Amou Daria.

Depuis la publication de ce texte par Chavannes en 1907, nombreux sont ceux qui ont tenté d'identifier cette première capitale kouchane avec des sites très différents, avec des arguments différents qu'il serait trop long d'exposer ici. C. Benjamin qui a récemment tenté de faire le point sur la question, cite les diverses publications qui ont proposé tour à tour des sites du Badakhchan, Khulm-Tach Kourgane au sud de l'Amou Daria, Kampyr Tepe, Dal'verzine Tepe, Khaltchayan, ou Payon Kourgane dans la province du Sourkhan Daria, ou encore des sites du Khorezm[11].

Toutes ces hypothèses ne semblent pas tenir face à la réalité archéologique de la puissance de Termez à l'époque kouchane et l'on peut sans grand risque de se tromper identifier l'Ancienne Termez du temps des Yue Tche et du début de l'empire kouchan avec la *Jianshi* des sources chinoises.

LE DÉCLIN

A la fin de l'époque kouchane sassanide, l'Ancienne Termez présente plusieurs signes d'une crise grave.

Après une longue période de fonctionnement du complexe cultuel, le bâtiment A3 connaît une destruction volontaire et sauvage à en juger par le renversement volontaire des murs qui s'écroulent et par l'état misérable des fragments de décor architectural.

Quant à la plateforme cultuelle B, elle semble avoir été simplement abandonnée.

Après cette catastrophe, on constate que des réoccupants tardifs s'installent dans les ruines du bâtiment B sur les masses de décombres plus ou moins nivelés. Ils aménagent certaines pièces en construisant des murs de refend ou de doublage à l'aide de grandes briques crues de 46 cm de côté visiblement prélevées sur la plateforme abandonnée.

Sur la colline du Tchingiz Tepe, visiblement le programme défensif ambitieux n'a servi à rien. La fortification perd son rôle défensif et le fossé se comble progressivement de sable éolien, apparemment sans avoir jamais servi, ce que paraît confirmer l'absence de traces de combat sur l'ensemble de la muraille. C'est alors que des

Fig. 25. Plateforme & Ècroulement

Fig. 26. Plateforme Phot gènèrale

Fig. 27

Fig. 28

Fig. 29

Fig. 30. Temple Tchingiz T 1

Fig. 31

maisons viennent s'accoler à la face interne de l'enceinte et certaines tours servent de lieu d'habitation comme la tour 4 où a été installé un *tannour* pour la cuisine.

Au sommet de la colline, la fortification est abandonnée. Le corridor se remplit de sable, certaines parties sont privatisées par la construction de des murs transversaux pour servir de tombes collectives ou d'ossuaires (Fig. 35). Certaines tours s'écroulent en partie, comme la façade de la tour 2 où s'installent des tombes en fosse. Au point culminant, la face arrière du corridor s'écroule dans la pente, recouvrant en partie l'emplacement du temple à podium disparu.

Curieusement, à cette époque de dégradation de la cité, la butte que formaient les restes du temple du début de l'époque kouchane est partiellement dégagée à travers les décombres de la muraille. Elle est partiellement reconstruite à l'aide de briques rectangulaires provenant des voûtes de la fortification effondrée. Des massifs de maçonnerie sont établis aux angles afin de redonner à la ruine la forme d'une plateforme quadrangulaire, et de nouvelles façades sont élevées en retrait des anciens tracés. Au sud, un escalier monumental cantonné de deux rampes plus petites semble avoir été édifié contre la nouvelle façade.

La fouille de cette plateforme n'est pas encore achevée, mais déjà on peut faire l'hypothèse de la réappropriation du sommet du Tchingiz Tepe par une communauté bouddhique qui aurait reconstruit ici une plateforme avec un stoupa à laquelle aurait appartenu les nombreux fragments de décor architectural en pierre qui gisaient aux alentours.

Fig. 32

Fig. 33. Chapiteau Grèco Boud

L'usure du monument ne permet pas de connaître quelle a été la fin de celui-ci. On sait seulement qu'il a été pillé de son décor de pierre qui a été débité et gît aux alentours. La présence d'un petit four à plâtre dans l'angle sud-ouest de la plateforme peut s'expliquer par la volonté de récupérer la matière première d'un décor en stuc ou en plâtre.

Quant à la citadelle, il n'est pas possible pour l'instant de déterminer quel a été son sort dans cette période critique de l'histoire de la ville. Sans doute la puissance de ses fortifications la mettait-elle à l'abri du vandalisme qu'a connu le plateau du Tchingiz 2.

Au VIIe siècle, Termez est gouvernée par une dynastie locale, celle des Termezchahs dont le palais a été retrouvé en limite orientale de l'agglomération. Une épidémie particulièrement meurtrière se déclare et la ville de Termez est en grande partie décimée. Elle ne reprend vie qu'avec l'arrivée des Arabes.

ANNEXE: LA PLACE DE TERMEZ DANS LA BACTRIANE GRECQUE

Alexandre et Termez

Selon l"Epitomé de Metz", l'une des sources de l'histoire d'Alexandre assez proche de la tradition de Quinte-Curce et de Trogue Pompée, ce dernier aurait traversé le fleuve Oxus près d'une forteresse. Certains auteurs, suivant I. V. Piankov, ont émis l'hypothèse que cette forteresse pouvait se trouver dans la région de l'Ancienne Termez, et peut-être à Termez même[12].

Cependant, si on se réfère à Quinte-Curce (VII-5) qui nous donne un récit dramatique mais précis de ce passage, cette traversée s'est faite au pied d'une montagne proche du fleuve sur laquelle Alexandre aurait fait allumer un grand feu pour rassembler son armée égarée et assoiffée dans la nuit. Or si l'on consulte les cartes de la région, on constate que le seul point de la rive gauche de l'Amou Daria où s'élève une telle montagne se trouve nettement plus à l'ouest, à Kerki en face de la ville de Kélif dans l'actuel Turkménistan. C'était encore il y a peu un point de passage majeur sur l'Amou Daria. Depuis Kélif, une route aisée et directe, parsemée de points d'eau, mène à Samarcande en longeant le piémont du Kuhitang Tau[13], sans les embûches et les dangers que présente une traversée des monts du Hissar, qu'aurait imposée un itinéraire partant de Termez.

D'autre part, on n'a jusqu'à présent pas identifié d'établissement d'époque achéménide sur le site de l'Ancienne Termez et l'on ne voit pas en quoi Termez peut être envisagée dans cette question. Il convient donc de rejeter les hypothèses sur la traversée d'Alexandre à Termez et revenir au bon sens tel qu'il s'exprimait déjà chez Fr. von Schwarz, suivi avec raison par P. Bernard[14].

Alexandrie de l'Oxus?

Au printemps 329 av. n. è., Alexandre détruit les forteresses achéménides de l'Iaxarte autour de Cyropolis et fonde Alexandrie Eschatè. Après le soulèvement de la Sogdiane et sa longue répression sanglante, Alexandre charge Héphestion puis Cleitos de fonder de nouvelles colonies et de les peupler, pendant qu'il parachève la conquête de la Sogdiane. A l'été 327, il quitte la Bactriane-Sogdiane.

Alexandre aurait ainsi fondé sur le territoire de la Sogdiane et de la Bactriane plus de dix villes dont on pourrait supposer qu'elles auraient porté le nom de leur fondateur.

Fig. 34

Fig. 35

Parmi celles-ci, Ptolémée cite en Sogdiane deux villes Alexandreia Oxeianè et Oxeiana (VI, 12, 5-6). “Alexandrie de l’Oxus” aurait ainsi été nommée parce qu’elle aurait été fondée sur les bords de l’Oxus[15]. Certains auteurs ont pu supposer que cette fondation se trouvait à l’emplacement de “Tarmita-Termez”. Cela n’aurait pas été en soi étonnant puisque presque toutes les fondations d’Alexandre se trouvent sur des points stratégiques importants et l’on a vu que “Termez” se trouve sur un de ces points de traversée du fleuve entre Bactriane et Sogdiane[16].

Toutefois, jusqu’ici, la céramique grecque trouvée à Termez n’est pas antérieure à l’époque séleucide et aucune trace matérielle ne permet de supposer que Termez ait pu être cette Alexandrie de l’Oxus. De plus, récemment ont été découverts d’autres sites de traversée qui constituent de meilleurs candidats à une telle identification. C’est le cas, en particulier, du site de Kampyr Tepe à une trentaine de kilomètres en aval de Termez, également situé en position dominante au-dessus du lit de l’Amou Daria, qui présente d’importants vestiges de fortifications, d’épaisses couches de matériel céramique et des témoignages épigraphiques de l’existence d’une communauté grecque. On ne peut douter qu’il s’agissait là d’une garnison grecque surveillant l’un des plus importants points de passage du fleuve[17].

Antioche-Tarmita?

Selon certains auteurs, Tarmita aurait été fondée, peut-être sur les ruines d’Alexandrie de l’Oxus, par Antiochos Ier, successeur de Séleucos Ier. Celui-ci lui aurait donné son propre nom en l’appelant “Antioche”.

Une telle hypothèse découle de la présence d’une Antioche-Tarmita sur la carte de l’anonyme de Ravenne (VIIIe s. de notre ère) et sur la “Table de Peutinger” qui est une transcription du Xe s. d’une carte du III-IVe s. de n.è. La mention de ce nom sur ces cartes pourrait montrer que Tarmita séleucide était un point assez important pour que, loin vers l’ouest, il ait pu être connu sous son nom local aussi bien que sous son nom grec. Le problème est que ladite Antioche-Tarmita est placée sur la carte de Peutinger à l’embouchure de l’Indus et que ce rapprochement est des plus hasardeux.

Un autre argument a été invoqué par V.G. Lukonin qui pensait avoir décelé la dernière partie du nom “Antioche” sur un graffiti en moyen perse, découvert au cours de fouilles sur une paroi dans le monastère bouddhique de Kara Tepe[18]. Il s’appuyait sur une lecture sur photographie du graffiti par V. Henning, lequel aurait évoqué cette hypothèse dans une lettre privée mais ne l’aurait jamais publiée ni confirmée. Une référence bien fragile dans une reconstruction de géographie historique.

En géographie historique, on se fonde sur ce qui est connu sur le terrain pour y localiser les agglomérations anciennes dont les noms nous ont été transmis par les sources. Encore faut-il ne pas oublier que nous ne connaissons pas tous les toponymes antiques et que les récits des voyageurs et les travaux d’archéologues ne nous ont pas encore permis de connaître toutes les réalités du terrain. On n’a pas encore trouvé à ce jour les fameuses “roches” sogdienne et choriène, puissantes forteresses de montagne qu’Alexandre dut prendre d’assaut après avoir soumis le reste de la Sogdiane. Et ce n’est qu’en 1965 que fut découverte l’existence de la grande cité grecque d’Aï Khanoum, à la frontière nord de l’Afghanistan, alors que certains érudits doutaient de l’existence même de l’hellénisme en Bactriane.

Il faut donc dans ce domaine faire preuve de la plus grande circonspection et donner la priorité aux réalités du terrain si l’on veut éviter les erreurs tenaces et les

hypothèses qui ne sont que des exercices académiques inutiles, qui encombrent les bibliographies et sont généralement invérifiables par ceux qui sont éloignés du terrain en question[19].

L'existence de Termez, seule grande cité antique connue de la région, a ainsi conduit certains auteurs à faire nécessairement de celle-ci une fondation urbaine d'Alexandre. Mais aujourd'hui, la fouille a réglé cette question en apportant une première réponse claire : il existe bien une implantation grecque sur la citadelle de Termez, mais celle-ci est très limitée et n'est pas due à Alexandre mais à ses successeurs[20].

NOTES

1. La ville timouride et chaybanide à l'est, autour de Kirk Kyz, Sultan Saodat et Kokil Dora, et la ville contemporaine, née de la présence d'un fort russe implanté en 1897 près du confluent du Sourkan Daria et de l'Amou Daria et qui compte aujourd'hui plus de cent mille habitants. Sur l'histoire de Termez: *Leriche P., Pidaev Ch.* Termez sur Oxus Cité-capitale d'Asie Centrale. Paris, 2007.
2. Expéditions dirigées par B.P. Denike (1926 et 1928) puis expédition dirigée par M.E. Masson après la découverte des frises d'Ayrtam, (1936-38). Au lendemain de la guerrre, fouilles de L.I. Albaum, (1960-90), puis expédition dirigée par B. Ya. Staviski (1963-1994) à Kara Tepe et expédition dirigée par Ch. Pidaev depuis 1979.
3. Mission Archéologique Franco-Ouzbèque de Bactriane du Nord, ou mission BACTRIANE, dirigée conjointement par Ch. Pidaev succédant à T. Annaev et l'auteur de ces lignes.
4. Avant même les travaux de la Mission BACTRIANE, le site de l'Ancienne Termez avait fourni plus d'une trentaine de monnaies d'argent et de bronze de tous les rois gréco-bactriens: Diodote, Euthydème, Démétrios, Eucratide, Hélioclès et d'autres.
5. La production céramique de Termez hellénistique et de ces forteresses ne diffère guère de celle de la grande ville grecque d'Aï Khanoum en Bactriane orientale. Elle est recouverte d'un engobe clair léger ou d'une couverte plus épaisse rouge marron ou noire et lustrée pour la rendre brillante et se caractérise par une grande variété de formes et une haute qualité technique. Certaines formes de poteries produites dans la ville ont une origine locale bactrienne. D'autres apparaissent très proches des productions du reste du monde hellénistique. Voir, par exemple, *Сверчков Л.М.* Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыр Тепа, Джига Тепа, Кургаизол // Материалы Тохаристанской экспедиции 5. Ташкент, 2006. С. 105-124.
6. Le plateau a la forme d'un triangle rectangle dont toute la partie parallèle à l'hypoténuse, soit les deux tiers de la surface, est malheureusement actuellement inaccessible. La zone fouillée mesure 60 m d'est en ouest et 80 m nord-sud alors que le plateau mesure 130 m d'est en ouest et 150 m du nord au sud.
7. Le long de ce canal apparaissent de nouveaux villages dont celui de Mirzakoul Tepe (dans la zone de l'aéroport de Termez) où ont été découverts quelques greniers à grains de cette époque. Pour la Bactriane du Nord, cette époque est celle d'un important développement des établissements agricoles sédentaires et de la multiplication des petits manoirs fortifiés où résidaient de petits potentats locaux.
8. Il s'agit là d'une découverte exceptionnelle car c'est la première fois que des colonnes de pierre antiques ont été mises au jour au nord de l'Amou Daria, à l'exception de celles de Saksanokhour, probablement récupérées (selon P. Bernard) dans les ruines d'Aï Khanoum .

9. La partie septentrionale du *Kuchanshahr* (empire kouchan), sur la liste des conquêtes que Chapour Ier a fait graver sur la Ka'aba de Zoroastre à Naqsh-i-Rustam et, sur les monnaies, figure le titre de "*Kuchanshah*" sassanide.
10. C'est ce que révèlent les résultats de la grande tranchée pratiquée à travers le ravin par S. de Pontbriand au cours des campagnes de fouille de 2008 et 2009 de la Mission Bactriane.
11. *Benjamin C* .The location of Jianshi // TRANSOXIANA. Tachkent, 2004. P. 109-117. L'auteur penche pour Khaltchayan, pour des raisons d'iconographie mises en avant par P. Bernard et K. Abdullaev.
12. C'était alors le seul point connu des historiens dans la région. Depuis, l'archéologie a fait apparaître d'autres sites possibles, comme celui de Chor Tepe près de Kampyr Tepe, et d'autres historiens ont alors proposé Chor Tepe.
13. Voir déjà la démonstration de *Bernard P.* Les sites anciens riverains du moyen Oxus // *Bernard P., Francfort H.-P.* Etudes de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum. Paris, 1978. P. 53-61. n° 13, p. 56.
14. *Schwarz von Fr.* Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. Munich, 1893. P. 47-51; *Bernard P.* Le nom de la ville grecque du tepe Aï Khanoum // *Bernard, Francfort*, Op. cit. P. 3-15.
15. Pour *Bernard*. Op. cit. Ces deux villes ne font qu'une.
16. On sait maintenant que la plupart des fondations d'Alexandre et de ses successeurs étaient, non pas des villes au sens plein du terme, mais le plus souvent des forteresses dont le rôle était de tenir le pays. Alexandrie de l'Oxus devait être une de ces fondations militaires de taille limitée.
17. Abondante bibliographie sur le sujet. Par exemple, Kampyr Tepe 1-6. Rtveladze Ed. edit. Tachkent, 2000-2007 ou, dernièrement. TRANSOXIANA. Tachkent, 2008.
18. *Луконин В.Г.* Средневековые надписи из Кара Тепе // Кара Тепе / Под ред. Ставиского Б.Я. 2. 1969. С. 46. № 24.
19. Voir les multiples identifications souvent éphémères ou contradictoires proposées pour Marginia ou pour les "roches" qui ont été récemment localisées en divers endroits de la chaîne du Hissar, en Ouzbékistan ou au Tadjikistan.
20. *Leriche P.* Termez fondation d'Alexandre? // Journal Asiatique.2002. P. 411-415.

L'ANCIENNE TERMEZ DANS L'ANTIQUITÉ

P. Leriche

Depuis 1993, les travaux de la Mission de Bactriane*(*Mission archéologique franco-ouzbèque (MAFOuz) de Bactriane du nord) ont pris pour objet principal la fouille et l'étude de l'Ancienne Termez dans la province du Sourkhan Daria (Ouzbékistan du sud). Cette ville couvrait une surface de cinq cents hectares lorsqu'en 1220 elle décida de s'opposer par Gengis Khan. Sa population a alors été totalement massacrée et la ville s'est reconstruite sur un site nouveau.

Des fouilles menées entre les deux guerres mondiales et dans la deuxième moitié du XXe siècle, sur l'ancienne Termez y ont mis au jour de nombreux vestiges islamiques, mais aussi des vestiges importants des époques kouchane, pré kouchane et grecque.

Les fouilles de la Mission Bactriane se sont concentrées sur la zone proche du fleuve, incluant la citadelle et une large bande au nord-ouest jusqu'au sommet de la colline de Tchingiz tepe1. Au terme de vingt campagnes d'importance variable, plusieurs monuments

(dont quatre édifices à caractère religieux et un vaste système de fortifications) ont été découverts et l'histoire ancienne du site a pu être précisée.

A l'origine, l'ancienne Termez était une simple colonie militaire séleucide puis gréco bactrienne de surveillance du fleuve. Elle s'est fortement développée après le départ des Grecs, sous les Yue Tche, probablement en liaison avec le creusement du canal du Sourkhan Daria. C'est alors qu'elle est vraisemblablement devenue la capitale des Yue Tche au nord du fleuve Oxus.

© 2010

А.О. Захаров

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ВЛАСТИ В ШРИВИДЖАЙЕ*

Одним из наиболее загадочных обществ средневекового Востока было древнемалайское царство Шривиджайя, существовавшее в VII–XIII вв. на юго-восточной Суматре и порою подчинявшей своему влиянию другие области Индонезийского архипелага и Малаккский полуостров. Шривиджайя оставила удивительно мало свидетельств своей жизнедеятельности. В основном это надписи, свидетельства иноземных: китайских и арабских — авторов и данные археологии. В данной статье хотелось бы исследовать вопрос об основаниях власти правителя Шривиджайи. Не вдаваясь в обсуждение проблемы того, что такое власть, я приму в качестве рабочего определения известное положение Макса Вебера, согласно которому власть есть способность навязать свою волю другим людям, несмотря на их (возможное) сопротивление. В наличии такой способности у правителя Шривиджайи сомневаться не приходиться, иначе трудно объяснить сведения о его могуществе в иноземных традициях и оставленные надписи, которые нужно было продумать и высечь на камне. Тем не менее, на чём основывалась эта способность, благодаря чему она осуществлялась и из возможности становилась действием/действиями, на этот вопрос пока не было дано убедительного ответа. Данная статья призвана исправить это положение.

Основные источники по истории Шривиджайи относятся к последней трети VII в. это надписи и свидетельства китайского паломника И Цзина[1]. Археологические данные в отсутствие надёжной стратиграфической шкалы имеют более широкую датировку, а другие письменные источники: китайские и арабские тексты — принадлежат более позднему времени и не находят поддержки в

* Статья представляет собой переработанный и расширенный текст доклада «Воды в политических институтах Шривиджайи», прочитанного на Третьей конференции Ассоциации Южной и Юго-Восточной Азии для изучения культуры и религии (The South and Southeast Asian Association for the Study of Culture and Religion) «Воды в Южной и Юго-Восточной Азии: взаимодействие культуры и религии», 3–6 июня 2009 г., Денпасар, Бали, Индонезия.

местной письменной традиции. Поэтому моё исследование сосредоточится на том временном периоде, от которого дошли аутентичные данные, т.е. последней трети VII в. Более поздние сведения будут привлекаться лишь в том случае, когда они могут что-то добавить к реконструируемой картине.

Немногочисленность источников неизбежно ведёт к гипотетичности реконструкций. Тем не менее, К. Холл и Х. Кульке показали, что правитель Шривиджайи был первым среди равных, потому что он и ряд его подданных носили общий титул вождя *dātu*[2]. На чём основывалась его власть?

Представляется, что основания власти правителя Шривиджайи были символическими, военными и экономическими. Первые состояли из обряда питья клятвы (*minum sumpah*), идеи божественного владыки (*punta hyiang*) и связанных с нею запретов, почитания водных духов (*Tandrun Luaḥ*) и буддийской идеи «незапятнанной Тантры» (*tantramāla*), обещанной верным подданным. Рассмотрим их подробнее.

Обряд питья клятвы (*Minum sumpah*) упоминается в текстах присяги Шривиджайи[3]. В 21-й строке надписи Сабокингкинг говорится: «эта клятва/проклятие, выпиваемая вами» (*sumpaḥ niminumātmu ini*)[4]. Сам источник выгравирован на обрядовом камне, украшенном семью змеиными головами и снабжённом отверстием для стока воды, возможно, смешанной с кровью. Сосуд с кровью упоминается в 12-й строке источника (*pātra daṅan daraḥ*)[5]. Все тексты присяги адресованы верным или неверным подданным правителя Шривиджайи. Если подданные окажутся непокорными, они «будут убиты клятвой» (*niwunuḥ kātmu sumpaḥ*). Это может означать, что неверные подданные будут наказаны самой клятвой, а может быть образным выражением, указывающим на кару за нарушение клятвы. В любом случае, клятва была средством обеспечения господствующего положения правителя. Фрагментарная надпись А, опубликованная Й.Г. де Каспарисом, упоминает смерть в реке для непокорных вассалов: «Они будут проглочены рекой» ([*Pra*]*jā ini muara ya uma ṁgap*)[6]. В обоих случаях показательна связь с водой или, более общо, с жидкостью, выступающей в роли связки при клятве или исполнителя наказания за преступление.

Титул «божественный владыка» (*Punta Hiyang*) упоминается в надписях Кедукан Букит 682 г. и Таланг Туво 684 г. В первом источнике говорится: «Наш божественный владыка взошёл на корабль, чтобы совершить/получить сиддхаятру» (*Dapunta hiyang nāyik di samwau maṅalap siddhayātra*)[7]. Значение слова *siddhayātra* не ясно: оно может означать и «путешествие с целью обретения магической силы» и «успех»[8]. Второй источник дважды упоминает «божественного владыку». «Процветания! Удачи! В год шаков 606, на второй день светлой половины лунного месяца, в месяц Чайтра, в это самое время был сделан сад (по имени) Шрикшетра (Прекрасное поле) по приказу (?) божественного правителя почтенного Джаянаши. Здесь пожелания божественного владыки...» (*Swasti śrī śakawarṣātīta 606 ding dwitīya śuklapakṣa wulan caitra sāna tatkālāña parlak śrīkṣetra ini niparwuat* (2) *parwāṇḍa punta hiyang śrī jayanaśa ini pranidhānāṇḍa punta hiyang*)[9]. Варуно Махди переводит это предложение несколько иначе: «Этот сад Шрикшетра был сделан при содействии /под покровительством благородного *Punta Hiyang*»[10].

Значение «владыка» принадлежит корню **pu*, породившему много слов в

австронезийских языках, которые обозначают высокое положение, например малайское слово *етри* «господин» или древнеяванская почётная частица *Pu*[11]. Её можно встретить в именах правителей Явы, в частности Пу Кумбхайони и Пу Локапалы, князя Кайюванги[12]. Бухари опубликовал надпись на древнемалайском языке, упоминающую «владыку (из династии) Шайлендров» (*Dapunta Selendra*)[13]. Термин *Hiyang* обозначает «бога», согласно С.В. Кулланде[14]. Ж. Сёдес предлагает значения «священный, используемый в почётных титулах»[15]. Он сравнивает его с малайским словом *yang* и древнеяванским *hiyang.* Во всех случаях термин обозначает почётное положение.

Табу правителя отражены, к сожалению, лишь в позднем китайском тексте «Чжу Фань Чжи» (Описании всего иноземного), написанном в 1225 г.[16] Правитель Шривиджайи не должен был есть зерно в определённый день года, чтобы не вызвать засуху в следующем году. Он не должен был мыться в обычной воде, чтобы избежать наводнения[17]. Таким образом, монарх считался ответственным за благополучие и процветание своей страны. Хотя эти сведения поздние, они находят подтверждение в надписи Таланг Туво, где правитель высказывает тревогу о трудностях и желает процветания и богатства своим подданным и своей стране[18].

Духи вод *Tandrun Luah* встречаются в вводной формуле на неизвестном, возможно, прото-Малагаси или языке Мааньян, и в начале древнемалайской части ряда надписей Шривиджайи. Вводная формула надписи Сабокингкинг такова: *titaṁ hamwan vari awai kandra . kāyet nipaihumpa . an umuha ulu lawan* **tandrun luaḥ** *makamatai* **tandrun luaḥ** *an hakairu muaḥ kāyet nihumpa unai tuṇai . umenteṁ bhakti ni ulun haraki . unai tuṇai*[19]. В текстах из Кота Капур, Каранг Брахи и Палас Пасемах мы читаем: *titaṁ hamwan vari avai kandra kāyet ni paihumpaan namuha ulu lawan* **tandrun luaḥ** *makamatai* **tandrun luaḥ** *vinunu paihumpaan hakairu muaḥ kāyet haraki unai tuṇai*[20]. Поскольку эти части не расшифрованы, единственное надёжное заключение состоит в том, что *Tandrun Luaḥ* упоминаются четыре раза.

Древнемалайская часть надписей Кота Капур, Каранг Брахи, Палас Пасемах и Каранганьяр (Бунгкук) начинается с обращения к божествам: «Все вы, могущественные божества, собравшиеся вместе защищать кадатуан[21] Шривиджайи, и вы, *tandrun luaḥ,* все вы, божества, — первооснова всякой клятвы!» *(Kita sawañakta dewata maharddhika sannidhāna maṁrakṣa yaṁ kadātuan Śrīwijaya kita tuwi tandrun luaḥ wañakta dewata mūlāña yaṁ parsumpahan parāwis*)[22].

Представляется, что *Tandrun luaḥ* защищают правителя от мятежных подданных, участвовавших в обряде питья клятвы и нарушивших своё слово. Собственно, они (духи) покровители клятвы. *Luaḥ*, по-видимому, означает воду или реку, как яванский термин *luah/lwah*[23]. В чамском языке есть эквивалент *lwar/lwa* «вода»[24]. Надпись Мантьясих I на древнеяванском языке содержит сходное выражение *taṇḍang lwaḥ*[25]. Термин *tandrun* до сих пор не получил объяснения. Несмотря на это, связь *tandrun luaḥ* с водой выглядит убедительно[26]. В этом отношении любопытны два обстоятельства. Во-первых, покровителями клятвы оказываются местные божества, а не заимствованные к тому времени буддийские. Во-вторых, в арабских текстах владыку Шривиджайи называют «махараджей островов», снова подчёркивая его связь с водами, пусть и не

напрямую[27]. Можно предположить, что *Tandrun luaḥ* в последней трети VII в. занимали одно из ведущих мест в пантеоне Шривиджайи.

«Незапятнанная Тантра» *(tantramāla*) как награда верным подданным упоминается в 25-й–26-й строках надписи Сабокингкинг: «Если вы покорны, верны (и) честны со мной и не совершаете этих преступлений, незапятнанная/чистая тантра будет моей наградой» (*Kadāci kāmu bhakti tattvārjjāwa diy=āku . tīda marwuat kāmu doṣa ini tantramāla pamwalyaṅku*)[28]. Хотя не представляется возможным установить точное значение термина tantra в надписях Шривиджайи, он показывает использование элементов буддийского словаря для легитимации власти правителя и включения его подданных в его сферу влияния.

Власть как таковая предполагает возможность принуждения непокорных к выполнению воли обладателя власти. В случае Шривиджайи правитель мог опираться на военную силу. Это следует из многочисленных упоминаний его войска, карательных экспедиций и побед в источниках. Надпись Кедукан Букит ссылается на «армию в двадцать тысяч [человек], а также двести следовали на кораблях и одна тысяча триста двенадцать по суше...» (*wala dualakṣa daṅan ko duaratus cāra de sāmwau daṅan jālan sariwu tlurātus sapulu dua vañakña;* пер. Ж. Сёдеса)[29]. А.К. Оглоблин предложил другой вариант: «...войско же его составляло двадцать тысяч человек с двумя бочками (?) провианта на кораблях и пехотинцев было числом тысяча триста двенадцать»[30]. В любом случае существование армии, равно как и флота, не подлежит сомнению. В надписи Кота Капур говорится: «...когда войско Шривиджайи отправилось в поход на землю Джава, не преданную Шривиджайе» (*yaṁ wala Śrīwijaya kaliwat manāpik yaṁ bhūmi jāwa tida bhakti ka Śrīwijaya*)[31]. Надпись Сабокингкинг повествует о войске для карательной экспедиции (*wala yaṁ ... manāpik*) и «войске, отправленном в пограничные районы» (*wala yaṁ niwawa di samaryyāda*)[32]. Во фрагментарной санскритской надписи, найденной около Палембанга, где располагался исторический центр Шривиджайи, упоминается «командир армии моих рабов» (*netā maddāsasenāyāḥ*)[33].

Принципы организации войск правителя Шривиджайи остаются неизвестными. Более поздние иноземные источники рассказывают об обычае самого населения назначать вождей в случае войны. Согласно Ф. Хирту и В.В. Рокхиллу, Чжао Жугуа пишет: «Население живёт или рассеяно вне города или на воде на плотах из досок, крытых тростником, и не платит налогов. Они искусны в сражениях на земле и на воде. Когда они собираются воевать с другим государством, они совещаются и посылают подходящее к случаю войско. Тогда они назначают вождей и обеспечивают себя оружием и провизией сами. В презрении к смерти перед лицом врага не имеют равных среди народов»[34]. Согласно М.Ю. Ульянову, тот же фрагмент должен переводиться несколько иначе: «Тамошние люди живут разрозненно за городской стеной или делают плоты и живут на реке: настилают доски, покрывают их тростником. Не платят ни арендную плату-цзу, ни поземельный налог-фу. Люди страны опытны в сражениях на воде и на суше. Те, кто ходит в походы, на эти случаи делают снадобья, придающие стойкость. Во главе стоят вожди. Все сами готовят вооружение и еду. Перед лицом врага не страшатся смерти. [Саньфоци] гегемон над всеми странами»[35]. Исследователь из Гонконга Со Ки-лун, реконструируя образ Шривид-

жайи по китайским хроникам XI–XII вв., в данном случае избрал перевод Хирта и Рокхилла[36]. Не будучи синологом, я не могу судить о надёжности того или иного перевода. Чжоу Цюй-фей, чьё сочинение датируется 1178 г., не упоминает обычая назначать вождей[37], но о нём говорится в летописи «Суншу» (История династии Сун)[38].

В любом случае, правитель Шривиджайи располагал определёнными вооружёнными силами, иначе он не мог бы оказаться *первым* среди равных. Древнемалайские тексты предполагают, что он командовал военными действиями, например, отправляя войска против «земли Джава». По свидетельству китайского паломника И Цзина, Шривиджайя подчинила район Малайю (провинция Джамби) между 671 и 689 г.[39]

Экономической основой власти монарха Шривиджайи были таможенные сборы от международной торговли и, возможно, контроль над людскими ресурсами. Первое следует из описаний Шривиджайи в поздних китайских источниках. Чжоу Цюй-фей пишет, что «иноземные морские суда проходят через её границы. Если появится такое судно, которое не зайдёт в эту страну, то непременно выводят войско и польностью уничтожают его. Благодаря этому страна богата рогом носорога, слоновой костью, жемчугом, благовониями, снадобьями»[40]. Согласно Чжао Жугуа, «эта страна, занимая стратегическое положение на море, контролирует движение морского транспорта всех иноземных стран в этом ключевом месте... если проходящие мимо корабли не заходят в порт, то сразу же выплывают суда и затевают бой, с тем чтобы и непременно уничтожить»[41].

Богатство правителя Шривиджайи отражено в арабских текстах. Ибн Хордадбех, чей труд «Китаб ал-масалик вал-мамалик» («Книга путей и царств») датируется примерно 844–848 гг., отмечал, что «каждый день махараджа получает доход в 200 *ман* золота, из которых отливают брусок, бросаемый правителем в воду со словами “Смотрите, это мои сокровища!”»[42] Писавший около 916 г. Абу Зайд Хасан рассказывает такую историю: «Дворец царя, носящего титул махараджи, соединён с морем каналом. Этот канал образует вблизи дворца небольшое озеро. Каждое утро казначей предстаёт перед государем с золотым слитком в форме кирпича... затем казначей бросает этот слиток в озеро в присутствии царя. Во время прилива вода покрывает целиком этот слиток, а также другие, которые уже находятся там; когда наступает отлив и море отступает, слитки блестят на солнце... Пока царь жив, он не касается этих слитков. После его смерти наследник распоряжается вынуть все слитки до единого из воды. Золото считают, взвешивают; затем его делят между членами царской семьи — мужчинами, женщинами и детьми; военачальниками и царскими слугами в соответствии с их рангами. То, что остаётся, раздают бедным»[43]. На основании оборота *daṇḍaku daṇḍa* из надписи Сабокингкинг К. Холл предположил, что монарх был связан с налогообложением[44]. Й.Г. де Каспарис перевёл его так: «оштрафованы мною штрафом»[45]. Как бы то ни было, правитель Шривиджайи обладал значительным доходом.

Контроль над рабочей силой отражён в надписи Таланг Туво, упоминающей постройку парка Шрикшетра и работы по управлению водными ресурсами — сооружение дамб и водоёмов (*dṅan tawad talāga sawañākña yaṁ wuatku* «со всеми

сооружёнными мною дамбами и водоёмами»)[46]. Археологи обнаружили кирпичные постройки VII–VIII вв.[47]

Но власть правителя не была абсолютной. Её ограничивали разные факторы. Важным указанием на неабсолютный характер власти следует считать то обстоятельство, что правитель Шривиджайи был только первым среди равных. Как уже говорилось выше, это вытекает из общего ему и некоторым его подданным титула *dātu* «вождь». Надпись Кота Капур упоминает *dātu* Шривиджайи и других *dātu*, кто признавал его власть[48]. Санскритский термин *bhūpati* в Лигорской стеле 775 г. относится к правителю Шривиджайи, а в надписи Сабокингкинг — к его подданным, и означает, по-видимому, вождя[49]. Лигорская стела показывает сходство титулов монарха и его подданных: первый называется *nṛpa*, *nṛpati* и *indrarājā*, а остальные — *sāmantarāja* и *sāmantanṛpa*[50].

Существовали сложности контроля над подвижным населением. Обычай жить на плотах и отсутствие налогообложения свидетельствуют о трудностях осуществления власти и по крайней мере одной из её причин. Можно указать и на поголовное вооружение подданных, которые во время войны сами обеспечивают себя оружием (см. выше). И Цзин не упоминает резиденции правителя в своих описаниях Шривиджайи, а «укреплённый город Шривиджайи» появился в его тексте вследствие ошибки переводчика Такакусу, как показал О.У. Уолтерс[51]. Природная среда Суматры способствует коммуникациям главным образом по водным путям из-за многочисленных джунглей, болот и тропических лесов. «Морские кочевники» (*Orang laut*), которых принято связывать со Шривиджайей, тем более были способны избегнуть правительственного контроля[52].

В Шривиджайе процветали родовые группы, кланы и, вероятно, господствовала коллективная ответственность. Это можно предположить на основании многочисленных ссылок на них в источниках. Надписи Кота Капур, Каранг Брахи, Палас Пасемах, Каранганьяр и Боом Бару провозглашают: «Если они преданы мне и тем, на кого мною возложены обязанности дату, да будут благословенны их деяния вместе с их родом-племенем, преуспеяние, благоденствие, отсутствие болезней, отсутствие бедствий, изобилие всякой их стране» (*kadāci iya bhakti tattwārjjāwa diy=āku dṅan di yaṁ nigalarku sanyāsa datūa śānti muaḥ kawuatanāña dṅan gotrasantānāña samṛddha svastha niroga nirupadrawa subhikṣa m u a ḥ yaṁ wanuāca parāwis*)[53]. В 6-й и 11-й строках надписи Сабокингкинг упоминаются «семьи» (*kula*). 19-я строка этого памятника содержит очень показательное предложение: «Вы будете наказаны с вашими детьми, вашими женами, вашим потомством, вашими родами/кланами и вашими друзьями» (*Tālu muaḥ kāmu dṅan anakmāmu winimāmu santānāmāmu gotramāmu mitramāmu*). Сложносоставное слово *kulagotramitrasantāna* («семьи, роды/кланы, друзья и потомство») встречается в 21-й строке источника, а следующая строка повторяет угрозу: «С вашим родом-племенем (буквально — потомством) вы будете наказаны» (*gotramāmu santānamāmu tālu muaḥ iya*). В 5-й строке надписи Кота Капур можно прочесть: «Они будут наказаны с родом-племенем (потомством)» (*Tālu muaḥ ya dṅan gotrasantānāña*).

Осуществлению прямого контроля над населением в VII в. препятствовал находящийся в стадии становления административный аппарат. На его сла-

бость указывают многочисленные данные[54]. Так называемый «перечень должностей» в надписи Сабокингкинг не может трактоваться буквально, ибо большинство его терминов не находят отражения в остальных источниках. И Цзин, при всём уважении китайцев к правительственному аппарату, ни разу не упоминает чиновников Шривиджайи[55]. Незначительное число дошедших до нас аутентичных письменных источников, оставленных самими её жителями, позволяет предположить, что административный аппарат был относительно слабым.

Поведение правителя было отчасти ограничено идеей благоприятных дней. О её существовании говорит надпись Таланг Туво: «Пусть все звёзды и созвездия будут благоприятны для них (подданных)» (*Anukūla yaṁ graha nakṣatra parāwis diya*)[56]. С одной стороны, можно предположить, что правитель не зависит от этих предрассудков, но доказать это будет трудно: многие надписи (Кедукан Букит, Таланг Туво, Кота Капур, Телага Бату[57]) содержат столь чёткую дату деяний правителя, что убедительной выглядит как раз обратное допущение: монарх сам действовал сообразно астрологическим расчётам, по крайней мере, в важных мероприятиях. Установить, какие дни благоприятны, а какие — нет, мог лишь знаток астрологии, гадатель. В надписи Сабокингкинг встречается слово *waidika*, переведённое Й.Г. де Каспарисом как «врач, медик, целитель»[58]. Но можно предложить и значение «знаток, мудрец», исходя из того, что оно заимствовано из санскрита и образовано от корня *vid* «знать» и производного суффикса *-ika*. Впрочем, это только гипотеза. Установить, кем были эти знатоки астрологии, кажется, затруднительно. Поскольку археологи обнаружили в районе Палембанга храмовые постройки[59], напрашивается мысль о связи гадателей со жречеством. Однако подтвердить или опровергнуть её посредством имеющегося материала, кажется, затруднительно.

Подводя итоги, можно утверждать, что власть правителя Шривиджайи имела символические, военные и экономические основания. При этом она была ограничена могуществом кланов, поголовным вооружением населения, его подвижностью. В религиозных представлениях жителей Шривиджайи в VII в. Значительную роль играли духи вод. Правитель считался защитником страны от наводнений и покровителем богатства. Приносимая ему вассалами клятва верности гарантировалась духами вод, а это означает, что они покровительствовали и самому правителю. Таким образом, власть монарха имела и божественную санкцию. Различение светской и духовной власти было не характерно для Шривиджайи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Coedus G.* Les Inscriptions malaises de Çrīvijaya // Bulletin de l'École Francaise d'Extreme Orient. T. 30. 1930. P. 29–80; *Coedus G., Damais L.-Ch.* Sriwijaya: History, Religion and Language of an Early Malay Polity. Kuala Lumpur, 1992. P. 41–92; *De Casparis J.G.* Selected Inscriptions from the 7th to the 9th century A.D. Bandung: Masa Baru, 1956. P. 1–46; *Boechari.* An Old Malay Inscription at Palas Pasemah (South Lampong) // Pra Seminar Penelitian Sriwijaya (Jakarta 1978). Jakarta, 1979. P. 19–42; *Boechari.* New Investigations on the Kedukan Bukit Inscription // Pusat Penelitian Arkeologi Nasional, Untuk Bapak Guru. Persembahan para murid untuk memperingati

Usia Genap 80 Tahun Prof. Dr. A.J. Bernet Kempers. Jakarta, 1986. P. 33–56; http://history.melayuonline.com/; *Takakusu J.* A Record of the Buddhist Religion as Practiced in India and the Malay Archipelago (A.D. 671–695) by I-Tsing. Oxford, 1896; *Chavannes E.* Mémoire composé a l'époque de la grande dynastie T'ang sur les religieux éminents qui aller chercher la Loi dans les pays d'Occident, par I-tsing. Paris, 1894.

2. *Hall K.* State and Statecraft in Early Srivijaya // Explorations in Early Southeast Asian History: The Origins of Southeast Asian Statecraft / Ed. by K. Hall, J.K. Whitmore. Ann Arbor: University of Michigan, Center for South and Southeast Asian Studies, 1976. P. 61–105; *Kulke H.* "Kadātuan Śrīvijaya" — Empire or Kraton of Śrīvijaya? A Reassessment of the Epigraphic Data // Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extreme Orient. T. 80. Fasc. 1. 1993. P. 159–180.
3. Их анализ см.: *Захаров А.О.* Политическое устройство Шривиджайи (по данным текстов присяги VII в.) // Восток (Oriens). 2009. № 4. С. 5–14.
4. *De Casparis.* Op. cit. P. 35
5. Ibid. P. 34.
6. Ibid. P. 4–5.
7. *Coedès.* Les Inscriptions malaises... P. 34, pl. II; *Coedès G.* A Possible Interpretation of the Inscription at Kedukan Bukit (Palembang) // Malayan and Indonesian Studies: Essays presented to Sir Richard Winstedt on his 85th Birthday / Ed. by J. Bastin & R. Roolvink. Oxford, 1964. P. 25.
8. *Coedès.* Les Inscriptions malaises... P. 79; *Hall.* State and Statecraft in Early Srivijaya... P. 84; *Chhabra B.Ch.* Expansion of Indo-Aryan Culture During the Pallava Rule (as evidenced by inscriptions). Delhi, 1965. P. 24–25.
9. *Coedès.* Les Inscriptions malaises... P. 39–40, pl. III; *Coedès, Damais.* Op. cit. P. 49–50, pl. VI.
10. *Mahdi W.* Old Malay // The Austronesian Languages of Asia and Madagaskar / Ed. by A. Adelaar, N.P. Himmelmann. London–New York, 2005. P. 190.
11. *Кулланда С.В.* История древней Явы. М., 1992. С. 78.
12. *Sarkar H.B.* Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum) (up to 928 A.D.). Vol. I. Calcutta, 1971. P. 172–173, 178–179.
13. *Boechari.* Preliminary Report on the Discovery of an Old-Malay Inscription at Sojomerto // Madjalah Ilmu-ilmu Sastra Indonesia. Vol. 3. No. 2–3. 1966. P. 241–5.
14. *Кулланда.* История древней Явы... С. 78.
15. *Coedès.* Les Inscriptions malaises... P. 80; *Coedès, Damais.* Op. cit. P. 84.
16. *Hirth F., Rockhill W.W.* Chau Ju-kua, His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, entitled Chu-fan-chi. Saint-Petersburg: Print. Off. of the Imperial Academy of Sciences, 1911; *Чжао Жугуа.* «Чжу Фань Чжи» (1225 г.) (сообщение о государстве Шривиджайя) / Введение, пер. с кит. и комментарии М.Ю. Ульянова // Восток (Oriens). 1996. № 6. С. 141–155; *Чжао Жугуа.* «Чжу Фань Чжи» («сообщения о подвластных Шривиджайе государствах») / введение, пер. с кит. и комментарии М.Ю. Ульянова // Восток (Oriens). 1999. № 1. С. 156–166.
17. *Hirth, Rockhill.* Chau Ju-kua... P. 60–62; *Чжао Жугуа.* «Чжу Фань Чжи» (1225 г.)... С. 144.
18. *Coedès, Damais.* Op. cit. P. 49–50; *Nilakanta Sastri K.A.* History of Śrī Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947). Madras, 1949. P. 114; *Hall.* State and Statecraft in Early Srivijaya... P. 89.
19. *De Casparis.* Op. cit. P. 32.
20. *Boechari.* An Old Malay Inscription at Palas Pasemah... P. 38.
21. Буквально «место правителя», может означать столицу, ставку или трактоваться

буквально (вспомним, что правитель поднимался на корабль и его «место», таким образом, оказывалось подвижным).

22. *Кулланда С.В.* Надпись Кота Капур (608 г. эры шака — 686 г. н.э.) // Дорофеева Т.В. История письменного малайского языка (VII — начала XX веков). М., 2001. С. 252; *Boechari.* An Old Malay Inscription at Palas Pasemah... P. 38, 22; *idem.* New Investigations... P. 34. *Damais L.-Ch.* Études soumatranaises: La langue B de l'inscriptions de Çrīwijaya // Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extreme Orient. T. 54. Fasc. 1. 1968. P. 546; *Coedès.* Les Inscriptions malaises... P. 48; *Coedès, Damais.* Op. cit. P. 55.
23. *Coedès, Damais.* Op. cit. P. 131.
24. Ibid. P. 131.
25. *Sarkar.* Corpus... Vol. II. 1972. P. 69, 77 (B,18–19).
26. *Damais.* Études soumatranaises... P. 523–566; *Coedus, Damais.* Op. cit. P. 131, 135ff., 148.
27. *Hall.* State and Statecraft in Early Srivijaya... P. 65, 85, 91.
28. *De Casparis.* Op. cit. P. 45–46 (with corrections).
29. *Coedès.* Les Inscriptions malaises... P. 34; *Coedès.* A Possible Interpretation of the Inscription at Kedukan Bukit... P. 25.
30. Цит. по: *Парникель Б.Б.* Сривиджайская эпиграфика и проблема древнемалайской «буддийской литературы» // Буддизм и литература. Отв. ред. Н.И. Никулин. М., 2003. С. 266.
31. *Кулланда.* Надпись Кота Капур... С. 252; *Coedus.* Les Inscriptions malaises... P. 48; *Coedus, Damais.* Op. cit. P. 55.
32. *De Casparis.* Op. cit. P. 36.
33. Ibid. P. 6.
34. *Hirth, Rockhill.* Chau Ju-kua... P. 60–62; *Nilakanta Sastri.* History of Śrī Vijaya... P. 88–89; *So Kee-long.* Dissolving Hegemony or Changing Trade Pattern? Images of Srivijaya in the Chinese Sources of the Twelfth and Thirteenth Centuries // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 29. No. 2. 1998. P. 301.
35. *Чжао Жугуа.* «Чжу Фань Чжи» (1225 г.)... С. 143.
36. *So Kee-long.* Dissolving Hegemony... P. 301.
37. Ibid. P. 300; *Чжоу Цюй-фей.* За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова. М., 2001. С. 141.
38. *Ferrand G.* L'Empire Sumatranais de Çrīvijaya // Journal Asiatique. 11 sér. T. 20. 1922. P. 16; *Groeneveldt W.P.* Historical Notes on Indonesia and Malaysia Compiled from Chinese Sources. Djakarta, 1960. P. 63.
39. *Wolters O.W.* Restudying Some Chinese Writings on Srivijaya // Indonesia. D. 42. 1986. P. 19–20; *idem.* Early Indonesian Commerce: A Study in the Origins of Śrīvijaya. Ithaca–New York, 1967. P. 241; *Takakusu.* A Record... P. XXX, XXXIV, XL; *Chavannes E.* Mémoire... P. 119.
40. *Чжоу Цюй-фей.* За хребтами. Вместо ответов... С. 141; см. также: *So Kee-long.* Dissolving Hegemony... P. 299–300; *Wolters O.W.* A Few and Miscellaneous *pi-chi* Jottings on Early Indonesia // Indonesia. D. 36. 1983. P. 55–56; *Hirth, Rockhill.* Chau Ju-kua... P. 64.
41. *Чжао Жугуа.* «Чжу Фань Чжи» (1225 г.)... С. 145; *Hirth, Rockhill.* Chau Ju-kua... P. 62.
42. *Nilakanta Sastri.* History of Śrī Vijaya... P. 63; *Hall K.* Maritime Trade and State Development in Early Southeast Asia. Honolulu, 1985. P. 80–81.
43. *Тюрин В.А.* История Индонезии. М., 2004. С. 34–35; *Ferrand.* L'Empire Sumatranais de Çrīvijaya... P. 57–58.

44. *Hall.* State and Statecraft in Early Srivijaya... P. 80.
45. *De Casparis.* Op. cit. P. 27, 42.
46. *Coedès, Damais.* Op. cit. P. 49–50.
47. *Manguin P.-Y.* Southeast Sumatra in Protohistoric and Srivijaya Times: Upstream-Downstream Relations and the Settlement of the Peneplain // From Distant Tales: Archaeology and Ethnohistory in the Highlands of Sumatra / Ed. by D. Bonatz. Berlin, Cambridge, 2009. Я глубоко признателен Пьер-Иву Мангэну за предоставленную рукопись этой статьи. К сожалению, опубликованная монография остаётся мне недоступной. — *А.З.*
48. *Coedès, Damais.* Op. cit. P. 54–56.
49. *Nilakanta Sastri.* History of Śrī Vijaya... P. 120; *De Casparis.* Op. cit. P. 37.
50. *Nilakanta Sastri.* History of Śrī Vijaya... P. 120; *Coedus, Damais.* Op. cit. P. 103–111.
51. *Wolters.* Restudying Some Chinese Writings on Srivijaya... P. 26; *Miksic J.* Urbanization and Social Change: The Case of Sumatra // Archipel. T. 37 (Villes d'Insulinde II). 1989. P. 8.
52. Идею эту высказывал Ф. фан Нарссен. О «морских кочевниках» писал Л. Андайя. См.: *Naerssen F.H. van.* The Economic and Administrative History of Early Indonesia // Naerssen F.H. van, de Jongh R.C. The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden–Köln, 1977. P. 1–84; *Andaya L.Y.* Leaves of the Same Tree: Trade and Ethnicity in the Straits of Melaka. Honolulu, 2008. P. 173–201.
53. *Кулланда.* Надпись Кота Капур... С. 252; *Coedus.* Les Inscriptions malaises... P. 49; *Coedès. Damais.* Op. cit. P. 55 (with corrections).
54. *Захаров.* Политическое устройство Шривиджайи... С. 5–14.
55. *Takakusu.* A Record...; *Chavannes.* Mémoire...
56. *Coedès Damais.* Op. cit. P. 49–50.
57. *Coedès.* Les Inscriptions malaises... P. 34, 39, 48; *De Casparis.* Op. cit. P. 14–15.
58. *De Casparis.* Op. cit. P. 33, 30, 40.
59. *Manguin.* Southeast Sumatra in Protohistoric and Srivijaya Times...

FOUNDATIONS OF POWER IN EARLY SRIVIJAYA

Anton O. Zakharov

The paper focuses on the Old Malay polity Srivijaya existed in the 7th — 13th centuries. Its main objective is to reconstruct the foundations of power of the ruler. The main sources are the Old Malay inscriptions and the Chinese and Arabian texts. The power was based on symbolic, military, and economic foundations. Symbolic foundations consisted of the ceremony of oath drinking *minum sumpah*, the idea of 'divine lord' *punta hyiang* and his taboos, the devotion of water spirits *Tandrun Luah*, and a Buddhist idea of 'an immaculate tantra' *tantramāla*. The power of the ruler of Srivijaya was also based on military force. It can be deduced from multiple mentioning of his army, punitive expeditions, and his victories in many sources. Economic foundations of power in Srivijaya included customs duties from international trade and control over manpower.

© 2010

B. Genito

THE BUILDING NO. 546 AT ULY KISHMAN COMPLEX IN THE MERV OASIS*

Introduction

The topographical work effected in South-Turkmenistan by the Italian/Russian/Turkmenian joint Archaeological Mission, headed by Profs. G.A. Koshelenko, A. Gubaev and M. Tosi[1] from 1990 to 1994 and the Italian/Turkmenian joint Archaeological Mission, directed from the Italian side by Dr. Sandro Salvatori till 2005[2] and more recently by dr. Barbara Cerasetti, was aimed at realising an Archaeological Map of the Murghab delta [3].

A part from the different research lines[4] related to the Bronze Age, Andronovo and Iron Age, conducted within the main aim of the project, particular attention was also devoted to the historical complex system of sites named Uly (New)(Töze, or western) Kishman, and Dingli (Old)(Garrhi, Köne or eastern) Kishman complexes, located to the north-eastern periphery of the Merv oasis[5], not very far from the area with the presence of the so-called Antiochus's wall[6].

Both the areas of Kishman tepes (Fig. 1), distant 8 km. c. each other, and at 30 km. c. north from Gyaur Kala (Merv), comprising many archaeological remains, are strictly territorially connected (Figs. 2, 3), and had been many times and with different touches of details explored, both at the beginning of the last century[7] and recently in the 50s and 60s of the last century[8]. The attention paid to those historical monuments led also, more recently, Russian scholars to propose historical interpretations of the topographical development of the related areas in the middle of the 80s[9] and in the 90s[10] and of the close areas of Durnali and Changly as well[11].

The whole set of the monuments known as Uly (New) (Töze, western) Kishman complex, was first identified by G.I. Karpov as the large old medieval town of Khurmuzfarrah[12] mentioned many times in the medieval texts[13]. They are located on the big caravan route running from Chorasmia to the periphery of the irrigated territories of the Merv oasis, in the ending zone of the homonymous Khurmuzfarrah canal originated from a dam closing the Murghab river, a little bit southward of Merv[14]. According to the geographer Abu Ishaq Ibrahim ibn Muhammad al-Farisi al-Istakhri (10th century)[15], the town had, amongst other monuments, certainly also a Friday mosque.

In 1990, the late Umberto Scerrato during a visit to the group of monuments

* I hope very much that the subject of this short paper will be appreciated by prof. Gennady Andreevich Koshelenko. I still remember when we work together from 1989 to 1994 in Kholkoz 50'anniversary in the Garagum etrap not far from Bayram Ali during the joint activities. The common scientific and life experiences done in those years will remain live in the memory for ever. A shorter version of this contribution will be published in a volume devoted to Dr. Baghir Zadeh, former responsible in the 70s of last century, of the National Cultural and Art Organization of Iran.

North East Area of Murghab Delta
Archaeological Sites
Uly Kishman
Dingly Kishman
0
6
12 Kilometers
N
W
E
S

Fig. 1

Uly Kishman Complex
Lumsden's Map 1885
U.S Map 1963
Modern Channels
Archaeological Sites
Uly Kishman
0
10
20 Kilometers

Fig. 2

Fig. 3

around the Uly (New) (Töze, or western) Kishman complex paid attention to a square-shaped towered building located north-west of a large settlement present in the area (Figs. 4, 5). The identification for that building as a caravanserai, proposed in the 50s by Pugaиenkova[16] did not convince very much Umberto Scerrato, who suggested me to return to the place. I had the occasion to visit the complex and the monuments again, and this paper is the result of the Scerrato's suggestions and of some my personal considerations as well.

The Italian topographical work

According to the topographical work in the Murghab delta, the area of Uly (New) (Töze, or western) Kishman is particularly ample and rich in monuments (most of them already known), indicated in the dbase list of the sites as nos.:

543 (Uly Kishman 1, a sharestan, 7000 sq. m., E 421963, N 4198909);
544 (Uly Kishman 2, a tepe. 1312 sq. m., E 421899, N 4199043);
545 (Uly Kishman 3, a monument, 64 sq. m., E 421782, N 4198894);
546 (a so-called western caravanserai, 3927 sq. m., E 421478, N 4199226);
547 (a kiosk, 120 sq. m., E 421425, N 4198068);
682 (a so-called north caravanserai sq. m. 3600, E 422035, N 4199475);
683 (a very large settlement, 1.840.000 sq. m. wide, E 422971, N 4198909) (Fig. 6).

Given the macroscopic and grandiose architectonic and archaeological evidences present, the area yields a special and attractive viewpoint to the scholars and simple

Fig. 4

visitors, representing as well one of the crucial interpretative territorial keys for understanding the defensive complex system of the Parthian/Sasanian and Medieval time in the north-eastern frontier of the Merv oasis; unfortunately, up to now, the area has been very little and only partially investigated.

Here it is not the case to go more in detail about the historical interpretation of the topography of the related areas which different scholars have already dealt with by Gubaev, Koshelenko, Novikov[17]; Bader, Gaibov and Koshelenko[18]; Bader, Gaibov and Koshelenko 1993–1994[19], but it is important, in my opinion, to emphasize its particular role, inside a very complicated system in the oasis.

The importance of the area is also given by the close possibly presence of the so-called Anthiocus' wall (in the dbase list of sites the trench effected there in 1994 is numbered as no. 248) and the related geo-morphological and historical aspects of its interpretation[20], and of the other already mentioned Kishman complex, named Garrhi (Old) (Köne, Dingli, or eastern Kishman, or Kushmeikhan) at east (Fig. 7), identified by Zukovskij at the end of two centuries ago as the medieval Kushmeikhan, many times mentioned by the Arab sources[21]. The area has revealed to be very interesting for the Italian /Turkmenian joint topographical work there effected as well, especially during the 2000 and 2002 seasons.

The area is part of the articulated and complex defensive territorial system as well, containing different other buildings and sites.

According to the topographical work in the Murghab delta, the area of Garrhi (Old) (Köne, Dingli, or eastern Kishman, or Kushmeikhan) Kishman is particularly ample and rich in monuments (most of them already known), indicated in the dbase list of the sites as nos.:

no. 587 (Garry Kishman; Kischmak-tepe; Kojne Kishman; Kushmejkhan; Staryj Kishman, a tepe, 28.912 sq. m., E 430404, N 4197719);
no. 584 (Dingli Kishman 1, a small medieval homestead, 3500 sq. m., E 430317, N 4197625);
no. 585 (Dingli Kishman 2, a mediaeval home-tower, or minaret, 36 sq. m., E 430511, N 4197528);
no. 586 (Dingli Kishman 3, a fortress or caravanserai, 5075 sq. m., E 430580, N 4197955), no. 587 (Dingli Kishman-depe, a tepe, 28912 sq.m, E 430404, N 4197719);
no. 588 (wall remains of a medieval town 28.912 sq. m., E 430519, N 4198062) (Fig. 7).

On the basis of the analyses and results done and collected in the area, at 12 c. km. north from both the Kishman complexes, in fact small-size trenches have been opened within the sites numbered as nos. 174 and 173[22] in the frame of another archaeological project, suggested and promoted by the writer, as an integrated historical-archaeological program to the Archaeological Map of the Murghab Delta, and mainly related to the Iron Age I–IV horizons [23].

North from site no. 587, the enormous deflated area comprising sites listed as nos. 211, 212, 213 was first considered as a macroscopic set of only three very large low lying depositional sites, related to the Yaz II and Yaz III horizons (7th — 4th century AD)[24]. Since 1999 the area has been progressively more extensively investigated and considered more wider with the individuation of other site-areas inside, amongst which nos. 1234, 1235, 1236, 1238, 1239, 1248, 1250, 1251, 1252, 1253, 1254. The cultural-chronological span-time widespread over the whole area according to the surface materials collected, is mainly ranging between Yaz III and late Yaz III horizon (6th century BC — 6th century AD)[25]. From a territorial point of view the enormous distribution of this scatter of pottery ends just nearby the tepes nos. 174 and 173. Starting from there, yet more to the north the chronological and territorial situation is changing very much, because a new chain of probably earlier fortresses (as nos. 172, 215) starts (Fig. 8)[26].

The area around those two tepe, 174 (bigger) and 173 (smaller) (generally named, given their strict proximity, as twin tepes) on which the archaeological activity concentrated in those years, presented on the basis of the surface material there previously collected, a general chronological horizon corresponding to Yaz III or late Yaz III horizon as well. In 2000 the whole area was already once again surveyed and new numbers have been given to the small elevated mounds around 174 (i.e. 1239–1240–1252–1253) and 173 (i.e. 1234, 1236, 1237, 1238, 1250, 1251, 1253) (Fig. 9). The historical hypothesis from which the decision of opening those trenches has come out from, is that these, prevalently LLDA (Low Lying depositional areas) and small elevated EDA (Elevated Depositional areas) sites, extensively covered by pottery of Yaz III or Late Yaz III horizon, were, in a way, connected to those tepes and could constitute the remains of peripheral town traces, urban refuses, and agricultural fields etc. The almost regular distance between the Kishman complexes and the site-areas of tepe nos. 174 and 173 (a triangle with base of 8,600 km. and sides 12,500 km. c.) (Fig. 10), gives evidence of an area, probably chronologically related and successive.

Fig. 5

Fig. 6

Fig. 7

In the long lying depositional flat area 50 km. sq. c., in this north-eastern periphery of the Merv oasis around the Antiochus's wall, the Kishman complexes and the settlement systems around tepe 174 and 173 are the only elevated sites and fortresses. The deposit recognized in the trenches effected in 174 and 173, which gave to the light small rooms and pits, seems to give confirmation of the preliminary assumption and that those remains are the only few Yaz III and Late Yaz III archaeological evidences up to now come to light in the area (Genito forthcoming)[27].

Building no. 546: caravanserai or mosque?

Completely different and much less investigated by the joint Italian/Turkmenian activity has been certainly the area around Uly (New) (Töze, western) Kishman complex, where at north-west of the big square-shaped tepe no. 544, there is the above mentioned grandiose building, partly towered, no. 546 (so-called western caravanserai), which was explored for the first time by Vjazigin[28]. Later in 1950 it was described by Pugaиenkova and recognized as a caravanserai, datable to the 9th – 10th century[29], and whose identification has been largely accepted by later scholars[30].

The building, entirely made of mud bricks is now in a very bad shape (Fig. 11), comparing to the conditions of fifty years ago when the soviet scholar visited and studied it; all the arcs, at that time still standing[31], lapsed down, and many inner pillars defining the plan of the building are now unfortunately destroyed. The building presents an almost square plan, measuring 70 x 76 m. c., with a recess at the north-western corner (Fig. 12). A big tower, originally cylindrical, with an inner helicoidal staircase was located on the south-eastern corner with a clear, slightly sloping reshaping. The eastern side is strengthened by three semicircular bastions and in the north-eastern corner by another one, three/quarter of a circle shaped. On the very damaged northern side no any more bastions are now present, though two of them have been registered in the Pugaиenkova's map, like also on the western; whilst on the southern a little bit to east, a couple of semicircular bastions probably defining an entrance is clearly visible.

Inside the building a big square courtyard is located; it is 44 x 44 m. c. wide, and pillared porticoes linked by arcs supporting a covering made of small domes, open there. The arcs now seem slightly elliptical, though from the early photos of the southern side[32] they look like round. The porticoes had the depth of a nave on the eastern side, of two on the southern, of three in the western, and on the northern there was a series of nine oblong rooms not communicating each-other, covered originally by vaults and surrounded on three sides by a domed corridor. In the map of Mrs. Pugaиenkova, in the north-western corner of the courtyard a sort of protrusion is represented, jut out between the western portico and the northern zone, and formed by a couple of two small domes.

The eastern side of the building, though it was represented in the Pugaиenkova's map as continuous, present instead four big gates, as it is evident by the cavities defining the related jambs (Fig. 13), and which Mrs. Pugaиenkova was defining as extra gates on this side[33] as well. One of these gates, the second from south is in correspondence with a nave of the western portico, the sixth starting from south, which needs a certain amount of attention. The back wall of this nave is completely

237
640
287
972
971
970
246
247
216
215
215
221
327
326
969
325
214
328
172
172
373
360
324
1071
364
363
361
1072
372
356
174
1237
1250
1242
174
220
218
1244
1239
1027
1070
217
1378
980
219
1069
1393
1391
1394
981
1392
1395
1397
179
213
191
982
1066
1396

Fig. 8

Fig. 9

broken, but looking with attention at the inner decoration of the remaining wall, to the right and to the left of the breaking point, one can observe precise structural elements defining a slightly deep niche, probably contained in the thickness of the wall (Fig. 14). The weakening of the wall in this point can easily explain the break. Particularly interesting are, furthermore, two remaining pillars in this side of the portico, and located to the north-western angle; they show that this front on the courtyard had a particular architectonic dignity. These two pillars had a particular treatment unlikely from the others, in particular from those of the inner front, which are in better conditions. The front pillars of the western portico, measuring ca. 1,50 x 1, 30 m. present their own corners on the front of the courtyard decorated with thin small columns engagи, according to a very well known typology widespread by the great Abbasid architecture of Iraq. The small dimensions of the diameters of those columns, nevertheless, led one to think to a relatively later chronology, the second half of the 10th century.

The northern side, as it has already told, is very much damaged and partly covered by sand; it is now particularly difficult to recognize the two semicircular bastions and the three gates as represented in the Pugaиenkova's map. Inside few traces of the rooms indicated in the map remain, and they seem due to a later intervention which stop down the pillars. Considering this, a part from the southern entrance, there were at least four more gates on the eastern and three on the northern side. Eight entrances are too many in order to consider the possibility that the building could concretely be a

caravanserai; all those openings contradict the typical functions of protection and control of a caravanserai. Most of the already known central-Asiatic caravanserais has only one entrance as that of Beleuli[34], Dahistan[35], Suli Tepe[36], al-Askkar[37], Akcha Kale[38] and Kurtli[39]. With only one entrance are, on the basis of the description, two caravanserais known with the name of Kyzilcha Kala datable to 10th century, located on the route which, through the Karakum desert, runs from Merv to Amol and others two on the same caravan route; one in a site identifiable with the old Nasrak and another at al-Tashmalaj[40]. The caravanserai of Day Khatun presenting in the drawing only one entrance[41], seems to have, a part from the main opening, also two very small gates[42]. Two entrances can be found in the grandiose building of Akir Tash, nearby Dħambul' in Semireи'e (Kazakhstan), whose precise destination is, nonetheless,

Fig. 10

Fig. 11

uncertain, because it was identified in time, both as a multi-functional caravanserai and a Khanaqa or a palace[43]. The plan of the building at Khurmuzfarrah as already pointed out by Pugaиenkova is, nonetheless, not completely dissimilar from the already known caravanserais, and its originality as a caravanserai was attributed by the soviet scholar to a sort of special city/resting place with ample zones of stock-breeding for animals[44].

The multiplicity of the entrances and the simplicity of the set up of this building leads one, nevertheless, to think that it can be recognised as a large mosque rather than a caravanserai. In favour of this interpretation there is, in my opinion, the possibly presence of a flat niche identifiable inside the western wall and destined to contain a mihrab inside the thickness of the wall. Not unlikely it happens in a little bit later Friday mosques in the area, as those at Cehelburj, Bashan and Dahistan[45]. All these monuments present, telling the truth, only one entrance. That the western portico of the square-shaped building in Uly Kishman has to be considered the prayer hall of the mosque finds, in my opinion, a confirmation in that the pillars of the front of the courtyard with their own small columns, had a particular treatment, unlikely from those of the other porticoes, at least on the basis of what one can now say. Also the position of one of the entrances on the eastern side which is in axis with the presumed mihrab, is a pretty good confirmation of the religious character of the building. The big bastion with helicoidal staircase in the south-eastern corner could represent, in this respect, a minaret; the minarets of the Friday mosques of Chehelburj, Basham and Dahistan have similar position. Unfortunately the map of the Friday mosque uncovered at Gyaur Kala at Merv it is not yet well known.

The building at Uly Kishman could constitute, therefore, the Friday mosque described by Istakhri, and present, according to him, in the town of Khurmuzfarrah.

С
Двор
44
44
76
70
5 0 5 10 15 20 25 м

Fig. 12

С
Двор
44
44
76
70
5 0 5 10 15 20 25 м

Fig. 13

Fig. 14

Against this identification it must be observed, that the orientation was not properly correct, because the qibli wall should have been oriented more to south-west; the mistakes on the exactness of the orientation of the qibli wall are very frequent, specially in pre-Seljuk period, period to which the mosque certainly belongs, also if its dating can be certainly go back to 10th century. The mihrab is not exactly centred on the qibli wall, and this anomaly could be derived by the particular asymmetry of the western aisle of the building, perhaps due, as Pugaиenkova has suggested, to some previous topographic conditions. The circumstance that the nave in correspondence with the mihrab does not seem differentiated minimally in its wideness with regard to the others, it is not a particularly relevant fact. This makes it all the more interesting that it is not centred on the faзade of the courtyard. Also in the contemporary Friday mosque of Chehelburj, however, is not present this architectonic device, known and widespread over the Iranian world. The presence of nine rooms located in the eastern portico seem to be secondary with regard to the original set up, but it could find an explication in a guest function, very well known in a mosque. The interpretation here developed obviously represents an "hypothesis" which only an accurate field investigation and a re-examination of the plan, may be with a digital new photogrammetric plan, on the existent structural remains, accompaigned by opportune trial trenches, could be confirmed.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. The project "Archaeological map of the Murghab delta", initiated in 1990 on a proposition by G.A. Koshelenko and R.M. Munchaev of the Institute of Archaeology of the Soviet Academy Sciences, as a co-operative effort of Italian, Russian and Turkmenian specialists. Between 1990 and 1996 significant resources, mainly provided

by the Italian Institute for Middle and Far Eastern Studies (IsMEO) later renamed Italian Institute for Africa and Orient (IsIAO), the National Council for Researches (CNR) and a large spectrum of specialists and technicians of different nationalities and skills, created a vast archive of data by intensive ground reconnaissance, low altitude flights and adopting state-of-the-art technologies for image processing and field recording.

2. The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / *Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M.* (eds.) // Reports and Memoirs Series Minor. III. Roma, 1998.
3. The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95; The Archaeological Map of the Murghab Delta III. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies / *Salvatori S., Tosi M.* (eds.) // BAR International Series. Oxford, 2007.
4. During the work trial-trenches were also opened at Takhirbaj 1 (1992–1994) (*Cattani M.* Excavations at Takhirbai-depe (thr-1) (1992–1993). Preliminary Notes // The Archaeological Map of the Murghab Delta — Preliminary Reports 1990–95. Roma, 1998. P. 97–103), Adzhi Kuj (in 1997) (Bronze Age) (*Salvatori S.* The Margiana Settlement Pattern from the Middle Bronze Age to the Parthian-Sasanian: a Contribution to the Study of Complexity // The Archaeological Map of the Murghab Delta III. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies // BAR International Series. Oxford, 2007. P. 59–76), at site no. 215 (*Genito B.* Trial-Trench at Site no. 215 // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 // Reports and Memoirs Series Minor. III. 1998. P. 125–134), at tepes nos. 173–174 (2001–2002) (Late Iron Age) (*Genito B.* Al di la dei confini degli imperi iranici e oltre // Scritti in onore di Umberto Scerrato per il suo settantacinquesimo compleanno (*Fontana M.V., Genito B.* a cura di). Napoli, 2003. P. 403–430), and at sites 1211, 1219 (2001–2002) (LBA and Andronovo) (*Cattani M.* Excavations at Sites no. 1211 and no. 1219 (Final Bronze Age) // The Archaeological Map of the Murghab Delta III. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies / *Salvatori, S., Tosi M.*(eds.) // BAR International Series. 2007. P. 121–134).
5. *Bader A., Gaibov V., Koshelenko G.* Materials for an Archaeological Map of the Merv Oasis: Köne Kishman // Mesopotamia. XXVII. 1992. P. 225–226).
6. *Вязигин С.А.* Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // Труды ЮТАКЭ. I. Ашхабад, 1949.
7. *Huntington E.* Description of the kurgans of the Merv oasis // Explorations in Turkestan in 1903 and 1904 / Pumpelly R. (ed.) Vol. I. 1908. P. 226, pl. 58, 1–2, pl. 60, 23.
8. *Дурдыев Д.* Городище Старого Кишмана (отчет о раскопках 1956–1957 гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. V. 1959. С. 136 сл.; *Масон М.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // Труды ЮТАКЭ. XIII. Ашхабад, 1966. С. 86.
9. Древние государства Кавказа и Средней Азии / Под. ред. Г.А. Кошеленко // Археологии СССР. М., 1985 С. 226; *Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А.* Маргиана // Древние государства Кавказа и Средней Азии // Археологии СССР. М., 1985. С. 232.
10. *Bader, Gaibov, Koshelenko.* Materials for an Archaeological Map of the Merv Oasis: Köne Kishman. P. 225–251; *Bader A., Gaibov V., Koshelenko G.* The Northern

Periphery of the Merv Oasis — from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest // Silk Road Art and Archaeology. 3. 1993–1994. P. 56–62.

11. *Bader A., Gaibov V., Koshelenko G.* Materials for the Archaeological Map of the Merv oasis: the Durnaly region // Bulletin of Asia Institute. 8. Chicago, 1994. P. 117–128; *Bader A. Gaibov V., Koshelenko G.* Materials for the archaeological map of Margiana: the Changly region // Mesopotamia. XXVI. 1991. P. 165–187.
12. *Массон М.* Средневековый город Хурмузфарра, Тезе Кишман // Известия Академии наук Туркменской ССР. № 2. Ашхабад, 1961; *Бартольд В.* К истории Мерва // Сочинения. Т. IV. М., 1965; *Ляпин А.* Хурмузфарра // Памятники Туркменистана. 1988. № 1 (45). С. 20–22.
13. *Бартольд В.* К истории ирригации Туркестана // Сочинения. Т. III. М., 1965.
14. The system of canals in the Murghab delta has been very much investigated during the realization of the related GIS (*Cattani M., Cerasetti B., Salvatori S., Tosi M.* The Murghab Delta in Central Asia 1990–2001: GIS from a Research Resource to a Reasoning Tool for the Study of Settlement Change in Long-Term Fluctuations // Computer Application in Archaeology. 2002; *Tosi M., Bonora G.L., Cattani M., Cerasetti B.* Carta Archeologica del Delta del Murghab. Scavi, ricognizioni e ricerche nell'area del Meana-Chaacha. Rapporto preliminare della campagna 2001. Progetto congiunto Is.I.A.O., Roma–Ashgabat–S. Pietroburgo–Napoli // Ocnus, Quaderni della Scuola di Specializzazione in Archeologia. 9–10. Bologna, 2002. P. 331–334; the irrigation subsystem around Merv was fed by the Sultan-ab water collector, probably built in the Iron Age times. All these information are in work made by dr. Barbara Cerasetti' PhD in *Archeologia e Storia, Rapporti tra Oriente e Occidente* — XII ciclo in Istituto Universitario Orientale di Napoli (now Universita degli Studi di Napoli "L'Orientale"), with a dissertation with the title "Fluttuazioni fluviali e storia del popolamento sul delta endoreico del fiume Murghab (Turkmenistan), dal neolitico al consolidamento dello Stato Seleucide" (*Cerasetti B.* Fluttuazioni fluviali e storia del popolamento sul delta endoreico del fiume Murghab (Turkmenistan), dal neolitico al consolidamento dello Stato Seleucide, Archeologia e Storia: Rapporti tra Oriente e Occidente — XII ciclo in Istituto Universitario Orientale di Napoli (ora Universita degli Studi di Napoli "L'Orientale" — unpublished PhD, discussed in april 2002, of which I was the tutor).
15. *Al-Istakhri, Abu Ishaq Ibrahim Ibn Muhammad Al Farisi* was a tenth-century Arab traveller, born perhaps at Istakhr (south-eastern Iran). He visited Spain, China, Madagascar. He left a work entitled *Kitab al-masalik wa 'l-mamalik* (*Book of the ways and realms*) which was published for the first time in Leiden in 1870 and *Suwar al-Aqaaleem*. In them one can read good geographical descriptions of the countries visited.
16. *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. VI. М., 1958. С. 162–167; *она же.* Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 107.
17. *Gubaev A., Koshelenko G., Novikov S.* Archaeological exploration of the Merv oasis // Mesopotamia. XXV. 1990. P. 51– 60.
18. *Bader, Gaibov, Koshelenko.* Materials for an Archaeological Map of the Merv Oasis: Köne Kishman. Fig. 4, 8.
19. *Bader, Gaibov, Koshelenko.* The Northern Periphery of the Merv Oasis — from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest.
20. *Bader A., Callieri P.F., Khodzhaniyazov T.* Survey of the "Antiochus' Wall". Preliminary Report on the 1993–1994 Campaigns // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary reports 1990–1995 // IsIAO Reports and Memoirs Series minor. III. Roma, 1998. P. 159–186.

21. *Жуковский В.И.* Древности в Закаспийском крае и сопредельных странах // Известия Императорского Русского Географического Общества. XX. СПб., 1894. С. 42.
22. *Genito B.* Al di la dei confini degli imperi iranici e oltre. P. 420–422. Tav. LXV, a-b; idem. The Yaz III and Late Yaz III horizons from north-east of Merv oasis: trial-trenches at sites nos. 174 and 173 in the Garrhi/Dingli Kishman area // The Iranian Centre for Archaeological Research. Symposium. The Archaeology of North and North-east Iran. Gorgan,7th — 11thNovember 2005. Gorgan, 2005. P. 318–321.
23. In 1998 the Istituto Universitario Orientale (now Universita degli Studi di Napoli, L'Orientale) signed a specific agreement with the State University of Turkmenistan; inside the main topics of the agreement was included that of the analyses and study of the archaeological horizons of Iron Age I–IV in Murghab delta and in Turkmenistan in general. In 2002 the academic and institutional situation in the country suddenly changed very much and for the moment, the new protocol has not yet been signed.
24. Древние государства Кавказа и Средней Азии; *Cattani M., Genito B.* The Pottery Chronological Seriation of the Murghab Delta from the End of the Bronze Age to the Achaemenid Period: A Preliminary Note // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–1995 // Reports and Memoirs Series Minor. III. 1998. P. 75–88.
25. *Genito B.* The Achaemenids in the History of Central Asia // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 // Reports and Memoirs Series Minor. III. 1998. P. 149–158; *idem.* The Iron Age in Merv Oasis // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 // Reports and Memoirs Series Minor. III. 1998. P. 89–96; *Cattani, Genito.* Op. cit.)
26. *Genito.* Trial-Trench at Site no. 215; *Vidale M., Battistella E., Guida G.* Iron-working and Ceramic Recycling on the Surface of a Late Iron Age Fort at the North-eastern Fringe of the Murghab Delta // The Archaeological Map of the Murghab Delta III. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands: Facts and Methodological Proposal for a Redefinition of the Research Strategies // BAR International Series. 2007. P. 197–222.
27. The question is very interesting and full of interpretative suggestions. At the moment unfortunately without the possibility to continue any trial-trenches of excavations as the ones we have done in 2001 and 2002, the hypothesis needs to be more widely demonstrated to the light of future archaeological evidences.
28. *Вязигин.* Ук. соч.
29. *Пугаченкова.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 162–167; она же. Искусство Туркменистана. С. 107.
30. *Brentjes B.* Mittelasien — Kunst des Islam. Leipzig, 1979. P. 51; *Al'baum L.I., Brentjes B.* Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. Berlin, 1986. C. 25.
31. *Пугаченкова.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана...С. 163, 165.
32. Там же. С. 164.
33. Там же. С. 163.
34. *Толстов С.П.* Древний Хорезм: опыт историко-археологического исследования. М., 1959. Рис. 85.
35. *Пугаченкова.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 220.
36. Там же. С. 221.
37. Там же. С. 223.
38. Там же. С. 227.
39. Там же. С. 241.

40. Там же. С. 165–166.
41. *Лавров В.А.* Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XV века). М., 1950. Рис. 186; *Пугаченкова*. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 235.
42. *Пугаченкова*. Искусство Туркменистана. С. 108, № 3.
43. *Лавров*. Ук. соч. С. 50, рис. 111; *Al'baum, Brentjes*. Op. cit. P. 25, fig. 3.
44. *Пугаченкова*. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... С. 163.
45. *Пугаченкова*. Искусство Туркменистана. С. 112, рис. 1–3; *Al'baum, Brentjes*. Op. cit. Fig.12.

Скифия, Северное Причерноморье и Кавказ

© 2010

М.Ю. Трейстер

ИМПОРТНАЯ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА В СКИФИИ. АТРИБУЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА*

1. Введение

Скифские курганы дают многочисленные находки импортной металлической посуды[1]. Частично они опубликованы, однако очень небольшая часть их послужила предметом специальных исследований — между тем только такие работы, конечно, если они выполнены на должном уровне, дают основание для атрибуции находок, а на основе таких атрибуций в дальнейшем можно строить культурно-исторические интерпретации. При этом желательна первоначальная публикация находок по погребальным комплексам, в которых они были найдены. На основе этих исследований может быть создан корпус. Нами подготовлены к публикации и частично опубликованы комплексы металлических сосудов из хозяйственной ниши Северной катакомбы и тайника Центральной катакомбы Гайматовой Могилы, Восточной могилы Бердянского кургана, тайника впускной катакомбы Чмыревой Могилы[2]. Уже на этом этапе очевидно, что можно сделать некоторые промежуточные обобщения и выводы.

В статье будут рассмотрены некоторые находки из отдельных хорошо датируемых комплексов трех категорий:

1) Из непотревоженных погребений центральной[3] и боковой[4] катакомб Большого Рыжановского кургана; погребения № 1 в кургане № 9 у с. Пески (рис. 1)[5] или непотревоженных комплексов внутри погребений, таких, как хозяйственные ниши (в северной стене Северной катакомбы Гайматовой Могилы (рис. 2-3)[6]. — 2) Из тайников в стенках катакомб (впускной катакомбы

* Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе, возможность изучения памятников, предоставление информации коллегам в Музее исторических драгоценностей, Киев (Л. В. Строковой, Е. П. Подвысоцкой), Музее истории Украины (С.А. Корецкой, О.А.Пуклиной, С.В. Диденко), Институте археологии НАНУ, Киев (С.А. Скорому, С.В. Полину, Ю.В. Болтрику, Е.Е. Фиалко, Н.А. Сон), в Государственном Эрмитаже (А.Ю. Алексееву).

Рис. 1. Погребение 1 кургана № 9/1972 у с. Пески: 1 — серебряная чаша на кольцевом поддоне; 2 — серебряная ситула (по: *Гребенников Ю.С.* Курганы скифской знати в Поингулье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987); 3, 4 — серебряные круглодонные сосуды (фото, М. Трейстер, 2008); 5 — вид погребения (по: Шапошникова О.Г., Бочкарев В.С. Отчет о работе Ингульской экспедиции за 1972 г. Архив Института археологии НАНУ. Ф. 1972/3). 1, 2 — место хранения неизвестно, утрачены?; 3-4 — Киев, Музей исторических драгоценностей.

Чмыревой Могилы[7]) — 3) Находка 15 бронзовых сосудов (цв. вкл. № 2, рис. 4), сделанная при добыче торфа в районе с. Песчаное в долине р. Супой, которая может рассматриваться как груз затонувшей лодки[8].

2. Анализ различных категорий импортной металлической посуды

Основные категории импортной бронзовой и серебряной посуды в Скифии, которые будут рассмотрены ниже, представлены ситулами, кратерами, полусферическими чашами на поддонах, жаровнями и ойнохоями.

2.1. *Ситулы*

Бронзовая ситула из Гайматовой могилы (цв. вкл. № 3, рис. 3, 1 справа)[9] относится к редкому варианту бронзовых ситул в форме калафа с вогнутыми стенками[10], который до сих пор был представлен пятью известными находками (рис. 5): одной из Фракии (Оризово[11]), и четырьмя — из богатых македонских погребений в Дервени (гробницы А[12] и Б[13]).

Отметим тот факт, что находка из Гайматовой Могилы — единственная бронзовая ситула в форме калафа, известная в Скифии, хотя бронзовые ситулы с туловом колоколовидной или яйцевидной формы, типы который также был широко распространен в Македонии[14] и Фракии[15] во второй половине IV в. до н.э., известны в Северном Причерноморье, включая фрагментированные находки из Карагодеуашха (рис. 6, 3)[16], Тишково (рис. 6, 4)[17] и Чертомлыка (рис. 6, 2)[18] и полностью сохранившуюся ситулу из Песчаного (рис. 6, 1)[19].

Фрагментированная ситула из Тишково с пальметтой в низком рельефе с парой S-видный двойных спиралей, обрамляющих в верхней части двойное отверстие для ручки, относится к группе ситул так наз. Вальдальгесхаймовского типа (по находке такого бронзового сосуда в кельтском погребении у слияния рек Наэ и Рейн[20]. Помимо ситулы из Вальдальгесхайма, близость к находке из Тишково обнаруживают ситула, предположительно найденная в Пруссии в Вифинии[21], а также фрагментированная находка из Будвы на иллирийском побережье Адриатического моря (Монтенегро)[22]. Стилистически близки также отлитые отдельно атташи ручек с пальметтами: на бронзовой ситуле с туловом яйцевидной формы из Мал-тепе (Мезек) во Фракии[23] и найденный отдельно в Олинфе, который может быть, соответственно, датирован временем не позднее 348 г. до н.э.[24]. Я присоединяюсь к мнению Б. Шефтона, который рассматривал ситулу из Тишково как ранний экземпляр группы «Вальдальгесхайм», датируя ее второй четвертью — серединой IV в. до н.э.[25]. Б. Барр-Шаррар предполагала, что такие ситулы изготовлялись в Македонии, возможно, мастерами, выходцами из Афин[26]. По мнению Б. Шефтона, эти ситулы изготовлялись в середине — второй половине IV в. до н.э. в одном из центров Эгейского бассейна, оспаривая часто приписываемое им происхождение из мастерских Южной Италии или Великой Греции[27].

Еще большую популярность в Скифии (рис. 7) приобретают бронзовые ситулы с усеченно-коническим туловом, со сливом, оформленным в виде львиной головки (тип С, по классификации Г. Цалхааз[28]), находки которых проис-

1

2

Рис. 2. Хозяйственная ниша в северной стенке Северной катакомбы Гайматовой Могилы: 1 — вид ниши (по: *Бідзиля В.И.* Дослідження Гаймановоп Могили // Археологія. 1971. № 1); 2 — амфоры из ниши (по: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв.до н.э. Саратов, 1999).

ходят из центральной[29] и боковой[30] катакомб Большого Рыжановского кургана, а также из находки у с. Песчаного (рис. 8; цв. вкл. № 4)[31]. У всех этих ситул сливы оформлены в виде практически идентичных львиных головок. Очень близкие параллели им имеются на ситулах такой же формы из гробниц А[32], Б[33] в Дервени, гробницы II в Вергине (в серебре)[34], погребения Е в Никисиани[35], гробницы северного некрополя Пидны[36], и гробницы № 3 в Метоне[37]. Ситулы из Рыжановки объединяет с македонскими находками не только форма слива, но и другие особенности формы сосудов. Атташ ручки в форме бюста Афины в шлеме на ситуле из Песчаного (рис. 8, 4; цв. вкл. № 4) находит параллели (рис. 9) только на нескольких экземплярах из Западной Македонии (Цотилион[38]), Фракии[39] (из Славяне[40] и из окрестностей Казанлыка[41]), а также на сосуде, предположительно происходящем из Додоны[42].

Находки с территории Фракии датировались И. Венедиковым и Т. Герасимовым второй половиной IV в. до н.э. Отметим, что у фрагментарной находки из Славяне сохранились слив и ручки, причем слив оформлен в виде львиной головки, а концы ручек оформлены каннелюрами[43]. Последний признак необычен для ручек ситул, однако, именно такая комбинация рассмотренных деталей: атташ ручки в форме головки Афины в шлеме, слив в форме львиной головки и ручки с канеллированными концами, демонстрирует ситула из Песчаного (цв. вкл. № 4, рис. 8, 4).

По мнению Б. Барр-Шаррар, атташи в виде бюстов Афин ситул из Песчаного и Славяне, вероятно, следует датировать V в. до н.э. Исследовательница считает, что на более поздних ситулах головки Афины выполнены в другом стиле[44]. Проблема заключается в том, что на других ситулах нет головок Афины! Далее Б. Барр-Шаррар высказывается в пользу возможности того, что «македонские образцы более древние, чем контексты их находок, вне зависимости от того, местные они или привозные»[45]. Однако нам не известен ни один экземпляр бронзовой ситулы с усеченно-коническим туловом со сливом в форме львиной головки и атташем ручки в виде головы Афины или маски Силена не только из комплексов, надежно датированных V, но и первой половиной IV в. до н.э. Соответственно, очень трудно представить, что все многочисленные бронзовые ситулы этого типа, найденные в Македонии и Фракии, использовались в течение почти ста лет! Вряд ли возможно датировать ситулы только основываясь на стиле атташей. Так, например, различные стилистические признаки демонстрируют, вероятно, хронологически близкие атташи в виде головы Афины в шлеме: на бронзовом шлеме халкидского типа из гробницы Голямата Косматка с погребением Севта III[46] и из Олонештского клада на правом берегу р. Днестр[47]. Последний, возможно, также относится к украшению шлема, найденного в кладе[48], который связывают с походом на Ольвию Зопириона, полководца Александра Македонского[49].

На рассматриваемом фоне выделяется серебряная ситула с туловом такой же усеченно-конической формы, со сливом, который поддерживается снизу атташем в виде листа и подпоркой в виде согнутого стержня, с ручкой на противоположной стороне сосуда. Эта ситула была найдена в погребении № 1 кургана № 9 у с. Пески (рис. 1, 3)[50]. Бронзовые ситулы со сливами и ручками такой формы относят к самой ранней разновидности группы С[51]: известны лишь две

Рис. 5. Карта. Распределение бронзовых и ситул в форме калафа. 1 — Гайманова Могила, 2 — Орихово, 3 — Дервени.

аналогии (рис. 10, 1), происходящие из погребения II первой половины IV в. до н.э. в Козани в Македонии (рис. 10, 2)[52] и из погребения середины IV в. до н.э. № 166 некрополя Витца в Эпире (рис. 10, 3-4)[53].

Также уникальны ситулы следующей группы. Э. Миннз назвал сосуд и тайника Чмыревой Могилы (рис. 11, 1) «варварским кувшином с золотой крышкой и ручками»[54]. Очевидно, однако, что сосуд относится к редкому типу ситул со ступенчатой крышкой, единственная параллель которому происходит из Зеленского кургана на Тамани[55]. Сосуд из Зеленского кургана имеет тулово близкой формы и чрезвычайно близкую по форме крышку (серебряную) с подобным же кольцом (рис. 11, 2). Отметим, что и размеры тулов сосудов и диаметров крышек практически идентичны. Очевидно, что изначально, сосуд из Чмыревой Могилы также имел подвижную литую ручку, к которой при помощи цепочки была прикреплена крышка (один конец цепочки, как у ситулы из Зеленского кургана, был продет в кольцо на крышке; другой — зафиксирован на ручке). После утраты ручки у сосуда из Чмыревой Могилы были демонтированы атташи, а к тулову сосуда была приклепана вертикальная пластинчатая ручка. Кроме ручки и атташей, сосуд также лишился профилированного кольцевидного поддона. Таким образом, была изменена функция сосуда, который из ситулы был превращен в кубок с крышкой. О его первоначальной форме, однако, свидетельствуют и форма тулова, и крышка с прикрепленным на ее верхней площадке кольцом.

Я уже обращал внимание на сходство атташей ручек ситулы из Зеленского кургана с атташами ручек бронзовых гидрий типа Патрас, датируемых второй половиной IV в. до н.э. и, вероятно, изготовленных в мастерских Северного Пелопоннеса[56].

Из сосудов, современных находкам из Зеленского кургана, ступенчатую крышку (двухступенчатую) имеет лишь бронзовая курильница или светильник на подставке и с двумя подвижными ручками, происходящая из гробницы II в Дервени. Интересно, что и у этого сосуда крышка соединяется цепочкой с одной из ручек[57]. Возможно, аналогичную крышку имел и сосуд аналогичной формы из Дервени[58],один из атташей ручек которого, имеющий довольно кустарно выполненную форму листа плюща, отличается от второго сохранившегося изначального атташа и свидетельствует о ремонте сосуда.

Редкость формы сосудов из Чмыревой Могилы и Зеленского кургана и отмеченные особенности сосудов из Македонии, привлеченных в качестве параллелей, не позволяют однозначно ответить на вопрос о центрах их изготовления — атташи ручек характерной формы, сохранившиеся на сосуде из Зеленского кургана, дают некоторое основание предполагать изготовление таких ситул в мастерских Северного Пелопоннеса. Отдаленные параллели форме крышки и способа ее фиксации в македонской гробнице не обязательно свидетельствуют в пользу местного изготовления таких редких в Македонии светильников[59], один из которых демонстрирует следы кустарного ремонта.

2.2. *Кратеры*

Два аналогичных бронзовых кратера происходят из центральной катакомбы

1

2

3

4

Рис. 6. Бронзовые ситулы с туловом яйцевидной формы: 1 — Песчаное; 2 – Чертомлык; 3 — Карагодеуашх; 4 — Тишково. 1 — Киев, Национальный музей истории Украины; 2-4 — Ст. Петербург, Гос. Эрмитаж. 1 — по: Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. San Antonio, 1999; 2 — по: *Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju.* Königskurgan Èertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts. Mainz, 1998; 3 — по: *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. СПб., 1894; 4 — по: *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. (САИ, Д1-27). М., 1970.

Большого Рыжановского кургана[60] и из комплекса бронзовых сосудов, найденных у с. Песчаного (цв. вкл. № 4, рис. 12)[61]. Параллели им известны только в Македонии и Фракии (рис. 13, 1): в гробницах А (рис. 13, 2)[62], В[63] и Z[64] в Дервени, в гробнице II в Вергине (рис. 13, 3)[65], а также в кургане Наип в Пропонтийской Фракии (в окрестностях Перинфа)[66]. И. Делемен считает, что находки в кургане Наип и в гробнице в Вергине служили в качестве сосудов для воды; он также отмечает, что в гробнице в Свещари изображен аналогичный сосуд. Б. Барр-Шаррар связывает рассматриваемые кратеры с ритуальным омовением перед симпосиями[67].

2.3. *Чаши с туловом полусферической формы на кольцевом поддоне с подвижными ручками*

Две аналогичных чаши с туловом полуферической формы на кольцевых поддонах с подвижными ручками были найдены в центральной и боковой катакомбах Большого Рыжановского кургана. Подобная же бронзовая чаша была найдена в северной могиле кургана № 22 у Архангельской слободы[68], а серебряная — в погребении № 1 кургана № 9 у с. Пески (рис. 1, 1)[69]. Возможно, к этому же типу следует отнести и бронзовую полусферическую чашу из Курджипского кургана, у которой отмечаются два рельефных пояска под краем[70], подобно указанным выше сосудам, а также подобную ей чашу из Чертомлыка[71].

Многочисленные параллели, совпадающие в деталях декора и в форме ручки, происходят из македонских гробниц второй половины IV в. до н.э. (рис. 14), включая находки в гробницах В[72] и Z[73] в Дервени, в гробнице II в Вергине (в серебре) (рис. 22)[74], гробнице Е в Никисиани[75], погребении № 20 в Пидне[76], гробнице в Метоне (рис. 23)[77] и т.д.[78]. Известны подобные сосуды в погребениях этого же времени в Эпире (Вотоноси[79] и Витца[80]) и во Фракии: в Вырбице были найдены похожие чаши с поясками под краем, с утраченными поддоном и двумя ручками[81]. Чаша с двумя ручками происходит из македонской гробницы в Котрони (Эретрия на Эвбее)[82].

2.4. *Бронзовый таз с подвижной ручкой*

Бронзовый таз с подвижной ручкой и атташем в форме ажурной пальметты (цв. вкл. № 5, рис. 15) из хозяйственной ниши Гайматовой Могилы[83] находит ближайшую параллель и по размерам, и по деталям декора атташа в форме пальметты в гробнице № 2 фракийского кургана Могилянска Могилы под Врацой, которая датируется около середины IV в. до н.э.[84].

2.5. *Бронзовая жаровня*

Бронзовая жаровня биконической формы с боковыми ручками и небольшим углублением в верхней части, приклепанной к подставке шестью заклепками (цв. вкл. № 6, рис. 3, 4; 16), из хозяйственной ниши Гайматовой Могилы относится к очень редкому типу, до сих пор не представленному среди находок из скифских курганов — мне известны лишь три параллели этой жаровне[85], две из которых происходят из Македонии (рис. 17)[86]. Одна из была обнаружена под

Рис. 7. Карта. Находки бронзовых и серебряных ситул типа С. 1 — Рыжановка, 2 — Песчаное, 3 — Пидна, 4 — Метоне, 5 — Вергина, 6 — Дервени, 7 — Никисиани.

Рис. 9. Карта. Находки бронзовых ситул типа С с атташами в виде бюста Афины. 1 — Песчаное, 2 — Казанлык, 3 — Славяне, 4 — Цотилион.

полом дома A XI 10 в Олинфе[87], куда она, вероятно, была спрятана владельцем перед захватом и разграблением города македонянами в 348 г. до н.э.

Сравнение с жаровнями из Македонии и Египта с очевидностью свидетельствует о том, что жаровня из Гайматовой Могилы была выполнена в той же технике и с использованием подобных конструктивных элементов. Местоположение, форма и размеры заклепок жаровни из Гайматовой Могилы соответствуют заклепкам на жаровне из Олинфа. Практически не возникает сомнения, что жаровня из Гайматовой Могилы была изготовлена в той же мастерской в Халкидике, или, во всяком случае, в Македонии. Заслуживает внимания следующее наблюдение — у жаровни из Гайматовой Могилы утрачены вертикальные стержни, фиксирующие верхнюю ее часть, которые сохранились у жаровни из Олинфа. О том, что изначально они существовали, свидетельствуют отверстия для заклепок в основании конической подставки и в верхней части жаровни. Составные ручки жаровни из Гайматовой Могилы — наиболее вероятно являются результатом починки ремесленником-кустарем.

2.6. *Бронзовая ойнохоя*

Ойнохоя с биконическим туловом (цв. вкл. № 7, рис. 3, 1 слева вверху; 18) из хозяйственной ниши Гайматовой Могилы имеет четыре параллели среди находок из Северного и Восточного Причерноморья: из Семибратнего кургана № 6[88], из кургана на Зеленской горе на Таманском полуострове[89], из кургана № 9 раскопок 1909 Елизаветовского могильника в Нижнем Подонье[90], а также из погребения № 24, открытого в 2004 г. в Вани[91]. Данный тип ойнохой восходит к этрусским ‘Schnabelkanne’, и с конца V или начала IV в. до н.э. получает распространение в Македонии[92]. Во фрако-македонском ареале на протяжении IV в. до н.э. складывается характерный для этого региона вариант, который здесь же, вероятно, и изготавливался (рис. 19). Шесть серебряных и бронзовых сосудов этой формы и подражание, выполненное в глине были обнаружены в македонских погребениях второй половины IV — начала III в. до н.э.[93], включая две находки из гробницы A в Дервени[94]. Шесть подобных бронзовых ойнохой происходят с территории Фракии, где они были обнаружены в погребениях, датирующихся от второй четверти до середины IV в. до н.э.[95], в том числе находка из гробницы 2 Могиланской Могилы недалеко от Врацы[96], а одна находка происходит из кургана Наип конца IV в. до н.э.[97]. Подобная бронзовая ойнохоя была найдена в погребении C10M.70 гетского могильника Зимниче в Румынии, вместе с клейменой амфорой Гераклеи Понтийской ок. 330-300 гг. до н.э. и бронзовым тазом[98].

Характерной особенностью ойнохои из Гайматовой Могилы является ее ручка: такие ручки, украшенные в верхней части женской головкой, с нижним атташем в форме головки Силена (рис. 18, 3-4) вообще характерны для другого класса ойнохой, с туловом яйцевидной формы, так называемых ойнохой Формы 2, на сосудах второй половины V в. до н.э. такое сочетание декоративных мотивов преобладает[99]. Ручки, украшенные в верхней части женской головкой, с нижним атташем в виде маски Силена украшали и бронзовые ойнохои, характеризующиеся более вытянутыми пропорциями, относящиеся к типу II. E, по

Рис. 10. Бронзовые ситулы типа Козани и их распределения: 1. Карта находок ситул: 1 — Пески, 2 — Козани, 3 — Витца. 2 — ситула из Козани (по: Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue. Thessaloniki, 1978), 3 — ситула из Витцы (по: *Vokotopoulou I.* Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κώμης. Athens, 1986).

Рис. 11. Ситулы из Чмыревой Могилы и кургана на Зеленской горе: 1 — ситула из тайника Чмыревой Могилы, 2 — ситула из гробницы III кургана на Зеленской горе. 1 — утрачена, 2 — Ст. Петербург, Гос. Эрмитаж (по негативам фотоархива ИИМК).

классификации Т. Вебера[100]. Упомянем аналогичный бронзовый сосуд из гробницы А в Дервени[101]. Особенно близка по форме и деталям декора ручка такой бронзовой ойнохои, происходящей из клада с кизикинами, обнаруженного в 1967 г. недалеко от д. Орловка Одесской области; этот сосуд был ошибочно аттрибутирован как аттический второй четверти V в. до н.э.[102]: скорее всего он северогреческой, возможно, македонской работы, первой половины[103] или середины IV в. до н.э. З. Арчибальд учла восемь находок подобных бронзовых ойнохой из фракийских комплексов[104]: отметим, в частности, ойнохою из Поляново с ручкой, нижний атташ которого украшен головкой Геракла (?), стилистически близкой головке Силена на публикуемой ойнохое[105]. Следует также упомянуть сохранившуюся фрагментарно ойнохою с подобной ручкой, найденную в черепичной гробнице в Даблагоми и датированную концом IV — началом III в. до н.э.[106].

Стилистически головка Силена на нижнем атташе находит параллель на одной из бронзовых ойнохой формы 2, происходящей из некрополя Карфагена и хранящейся в Музее Бардо[107]. Интересно, что из некрополя Карфагена происходит серия таких ойнохой, верхние концы ручек которых украшены женскими головками, а нижние — атташами в виде масок Силенов[108]. Стилистически ближайшей параллелью, особенно верхнего декора ручки ойнохои из Гайманової Могилы является украшение ручки упомянутой выше ойнохои из Орловки.

Маловероятно, что ручка, украшающая рассматриваемую ойнохою из Гайманової Могилы, была выполнена специально для этого сосуда; косвенно об этом свидетельствует сравнение местоположения нижних атташей ручек ойнохои из Гайманової Могилы и типичных биконических ойнохой из Македонии и Фракии. Таким образом, есть все основания предположить, что для ремонта биконической ойнохои была использована ручка от ойнохои формы 2, относящейся к более раннему времени.

2.7. *Бронзовое ситечко*

Ситечко из хозяйственной ниши Гайманової Могилы с волнистой ручкой

Рис. 13. Бронзовые кратеры и их распределение. 1 — Карта находок кратеров: 1 — Рыжановка, 2 — Песчаное, 3 — Наип, 4 — Дервени, 5 — Вергина. 2 — кратер из гробницы А в Дервени (по: *Themelis P., Touratsoglou I.* Οι ταφοι του Δερβενίου. Athens, 1997), 3 — кратер из гробницы II в Вергине (*Andronicos M.* Vergina: The Royal Tombs. Athens, 1984).

из гнутого стержня (рис. 3, 1 внизу) относится к типу 2 по классификации З.А. Билимович, которая рассматривала такие ситечки, обнаруженные в Северном Причерноморье, как изделия этрусских мастерских[109]. В настоящее время известны находки трех подобных ситечек в Северном Причерноморье: все они (из кургана № 403/1903 у с. Журовка[110], из погребения № 37/1913 некрополя Ольвии[111], а также из погребения № 15/1968 греческого некрополя Пичвнари[112]) происходят из погребальных комплексов первой половины — середины V в. до н.э. Большая часть подобных ситечек, действительно, происходит с территории Италии, причем не только из Этрурии, где целая серия таких ситечек происходит из богатых и хорошо датированных погребений некрополя Чертозы[113], но также и из Апулии[114]. В богатых гробницах Македонии и Фракии середины — второй половины IV в. до н.э. такие ситечки не зафиксированы, впрочем, необходимо указать на находки трех длинных и одной короткой ручек такого типа в Олинфе[115], которые были справедливо сопоставлены Д.М. Робинсоном с находками из Ольвии и Журовки.

2.8. *Бронзовые сосуды для питья*

Килик с отогнутым краем, со вторично приклепанными ручками, и гравированным декором на дне в форме шестилепестковой розетты, с лепестками, соединенными арками (цв. вкл. № 8, рис. 20) из хозяйственной ниши Гайманової Могилы находит параллели среди аттических чернолаковых чаш (cup-skythoi) с толстыми стенками (“heavy wall”), распространенных между 420 и 380 гг. до н.э.[116]. Большинство бронзовых киликов аналогичной формы происходит с территории Центральной и Северной Греции[117]. Два бронзовых килика подобной формы происходят из некрополя Вотоноси в Эпире[118]. Ю. Вокотополу датировала их ок. 420 г. до н.э. На одном из них имеется изнутри на донце гравированная розетта. Аналогичные бронзовые килики были найдены в Галаксиди в Фокиде[119], в Арголиде[120], в окрестностях Коринфа[121]. Известны находки аналогичных бронзовых киликов и в Южной Италии[122]

К этому же типу относятся два бронзовых килика из гробницы, раскопанной в 1968 недалеко от д. Староселска Шуменского округа в Болгарии, с инвентарем, датирующимся последними десятилетиями IV — первой четвертью III в. до н.э.[123], один из которых также имеет подобный гравированный декор на внутренней стороне донца, форма которого напоминает орнаментацию аттических чернолаковых сосудов “Delicate Class“[124].

В скифских комплексах IV в. до н.э., помимо публикуемого килика, находки бронзовых киликов известны также из центрального погребения Большого Рыжановского кургана[125], а также из Татьяниной Могилы[126]. По сравнению с серебряными киликами в комплексах того же времени (отмечается более 20 находок)[127], они чрезвычайно редки.

Бронзовый канфар из центральной катакомбы Большого Рыжановского кургана[128] имеет тулово редкой формы, хотя высокая ножка на кольцевом поддоне, а также ручки, изгиб которых украшен горизонтальной пластиной подтреугольной формы, находят параллели на бронзовых канфарах из македонских гробниц второй половины IV в. до н.э., в том числе находок из гробницы Д в

Рис. 14. Карта. Распределение чаш с полусферическим туловом на поддоне и подвижными ручками. 1 — Рыжановка, 2 — Пески, 3 — Архангельская Слобода, 4 - Курджипская, 5 — Никисиани, 6 — Дервени, 7 — Вергина, 8 — Метоне, 9 — Пидна, 10 — Витца, 11 — Вотоноси.

Дервени[129], гробницы В[130] и Е в Никисиани[131], гробницы III в Вергине[132], из Фракии (Хаджидимово, бывш. Горняни: серебряный канфар[133], Копринско, некрополь Севтополиса, курган 1, серебряный килик[134]), а также Центральной Греции (Галаксиди в Фокиде[135]). Более-менее близкое по форме тулово и аналогичная ножка имеются у бронзового килика из Музея Метрополитен[136].

Форма нижних атташей ручек в виде удлиненных листьев с заостренными концами также находит параллели на бронзовых канфарах с различной формой тулова, например, из гробницы В в Дервени[137], из Амфиполя[138] и его окрестностей[139] в Восточной Македонии, из Галаксиди[140].

3. Использование импортных бронзовых сосудов скифами

Прежде чем попасть в погребение, сосуды определенное время находились в употреблении, о чем свидетельствуют утраты на биконической жаровне (рис. 16), а также признаки ремонта и переделок той же жаровни, ойнохои (рис. 18) и килика (рис. 20) из Гайманoвой Могилы. Ситула из бокового погребения Рыжановского кургана также имеет следы ремонта: вместо бронзовой ручки у нее железная, которая плохо сохранилась[141]. Серебряная ситула из тайника Чмыревой Могилы была переделана в кубок с вертикальной ручкой (рис. 11, 1). Такое использование импортных предметов в скифской среде было совершенно универсальным и применялось не только к металлическим сосудам, но и к бронзовым аттическим зеркалам, которые дополнительно украшались золотыми обкладками в зверином стиле, а диски которых могли быть дополнительно украшены гравированными изображениями животных, а также к ювелирным изделиям и оружию[142]. Все это примеры доработки изделий.

Однако, в некоторых случаях, среди находок из скифских курганов обнаруживаются импортные бронзовые сосуды с утраченными поддонами или ручками, при этом сами изделия не переделывались. Эти утраты нельзя объяснить низким уровнем раскопок или последующими утратами при хранении вещей в музеях, о чем свидетельствуют находки из центральной катакомбы Большого Рыжановского кургана, исследованного недавно, например, утраченный атташ, обломанный конец одной из ручек и одна утраченная подставка ситулы, утраченные ручка и поддон, а также деформированный край кратера.

4. Параллели в Македонии и Фракии

Анализируя набор серебряных и бронзовых сосудов из гробницы III кургана на Зеленской горе (рис. 21), который изначально предназначался для симпозия[143], я высказал предположение о том, что большинство форм сосудов характерно для богатых погребений Македонии последней четверти IV в. до н.э.

В случае с сосудами из хозяйственной ниши Гайманoвой Могилы (рис. 3) имеются еще более очевидные параллели, позволяющие мне предполагать, что значительная часть сосудов[144] могла происходить из Македонии, или, по крайней мере, из фрако-македонского региона, т.к. некоторые сосуды были распространены как в Македонии, так и во Фракии. Убедительная археологическая

Рис. 17. Карта. Распределение бронзовых жаровен. 1 — Гайманова Могила, 2 — Олинф, 3 — Пелла, 4 — Гераклион.

датировка комплекса, а также аналогия бронзовой жаровне, происходящей из Олинфа, позволяют относить приобретение этих сосудов не позднее, чем к 340-м — началу 330-х гг. до н.э.[145].

Еще в 1990 г. О. Я. Неверов обратил внимание на сходство бронзовых кратера и ситулы с атташем в виде головы Афины в шлеме из клада у с. Песчаное и из некоторых македонских находок[146]. Это справедливое наблюдение может быть уточнено и расширено. В наборах бронзовой посуды из основного и бокового погребения Рыжановского кургана, а также из погребения у с. Пески (рис. 1) сочетаются находки бронзовых ситул типа С по сливами (рис. 1, 3) и бронзовых чаш на кольцевидных поддонах (рис. 1, 1). Помимо указанных комплексов такое сочетание известно только в гробницах последней трети IV в. до н.э. в Македонии (рис. 22-23)[147]; инвентарь основного погребения Рыжановского кургана кроме того включал бронзовый кратер типа известного только по находкам в погребальных комплексах Македонии и Фракии (рис. 13), а также в кладе из Песчаного (рис. 12).

Также и в кургане Карагодеуашх, который некоторые считают гробницей царя фатеев[148], были найдены серебряные и бронзовые сосуды (рис. 24) и золотые ювелирные украшения, которые можно атрибутировать как македонские или, в некоторых случах, как северогреческие[149]. Это не единственные документированные свидетельства скифо-македонских контактов, которые проявились также, например, в находках обкладок горитов, выполненных в одних матрицах, в гробнице II в Вергине (цв. вкл. № 9)[150], которая в последнее время убедительно связывается с погребением не Филиппа II, а Филиппа III Арридея, убитого в 317 г. до н.э.[151], и в Карагодеуашхе (цв. вкл. № 10)[152].

5. Предметы торговли? Дары? Военная добыча? Краденные вещи? Комплекс находок из Песчаного.

Для находок одинаковых обкладок горитов в царских погребениях в Македонии и в Прикубанье вряд ли можно найти какое-либо другое адекватное объяснение, кроме того, что они отражали дипломатические контакты на самом высоком уровне. Не случайно, что в Карагодеуашхе был также найден серебряной так наз. ахеменидский кубок македонского типа (рис. 24, 4), с золотым, возможно, портретным медальоном[153].

Возможно, характерные только для Македонии наборы сосудов, вероятно, связанных с омовением, включаюшие ситулы характерной формы и чаши полусферической формы с ручками, также могли быть подарками. Наборы таких сосудов в богатых погребениях Македонии выполнены из бронзы (рис. 22), лишь в царских гробницах в Вергине найдены наборы, включающие серебряные ситулы и чаши[154]. Таким образом, можно понять, каким высоким статусом обладал предыдущий владелец серебряного сервиза из сравнительного скромного скифского погребения у с. Пески (рис. 1); впрочем, не приходится говорить о том, что погребенные в Большом Рыжановском кургане относились к высшей скифской знати.

То, что характерные для Македонии наборы бронзовой и серебряной посуды как части сервизов, употреблявшихся во время банкетов, могли попасть к пред-

Рис. 19. Карта. Распределение бронзовых ойнохой с биконическим туловом. 1 — Гайманова Могила, 2 — Елизаветовская, 3 — Зеленская гора, 4 — Семибратнике курганы, 5 — Вани, 6 — Зимниче, 7 — Алекандрово, 8 — Враца, 9 — Лешникова Могила, 10 — Филиппополис, 11 — Аризово, 12 — Мезек, 13 — Арзос, 14 — Наип, 15 — Дервени, 16 — Ставруполис, 17 — Вергина, 18 — Вероя.

ставителям скифской знати в результате торговли свидетельствует уникальный комплекс бронзовых сосудов, найденный у с. Песчаного (рис. 4). Этот комплекс, включающий в себя 15 бронзовых сосудов, в том числе три амфоры, пять гидрий, три лутерия, стамнос, две ситулы и кратер[155], был датирован издателем V в. до н.э.[156], причем эта датировка продолжает использоваться многими исследователями без критического анализа[157].

Поскольку я собираюсь посвятить специальное исследование комплексу из Песчаного, отмечу здесь, что, действительно, значительная часть происходящих из него сосудов относится V в. до н.э., причем некоторые могут быть датированы еще концом VI — первой половиной V в. до н.э. В то же время, среди сосудов комплекса имеются уже упомянутые выше ситула типа С (рис. 8)[158] и кратер (рис. 12)[159], наиболее вероятно македонского происхождения (рис. 9; 13), которые, как было показано выше, никак не могут быть датированы временем ранее середины — третьей четверти IV в. до н.э. На более позднюю датировку ситулы обратил внимание еще В. Фукс, который предположил, что перевозчик и владелец клада бронзовых сосудов из Песчаного мог быть «торговцем старой металлической посудой»[160].

Был ли комплекс находок из Песчаного награбленной добычей, предметом торговли или подарками для обмена — вопросы, на которые пока трудно дать однозначный ответ. Значительный хронологический разброс сосудов из комплекса (минимум 150, возможно 170 лет), дающий, тем не менее, «моментальный снимок» ассортимента торговца бронзовыми сосудами (см. ниже), заставляет с осторожностью относиться к идее о том, что это был обычный торговый груз, мнение, часто приводимое в литературе без всякого анализа[161]. Его интерпретация как груза торговца старой посудой (!), высказанная В. Фуксом[162], заслуживает внимания, так как именно на наиболее старых сосудах отмечаются следы ремонта, у многих из них отсутствует одна из ручек или поддон, тогда как упомянутые выше ситула и кратер относятся к немногочисленным сосудам, не имеющим ни утрат, ни следов ремонта[163]. В таком случае, есть все основания предполагать, что путь торговца старыми сосудами в Скифию проходил через Македонию или Фракию, тогда как наиболее поздние сосуды комплекса из Песчаного, вероятнее всего, могли быть привезены оттуда. Отмеченные выше особенности некоторых импортных бронзовых сосудов, в частности, отсутствие ножек, ручек и кольцевых поддонов у сосудов из центральной катакомбы Большого Рыжановского кургана в свете рассмотренными нами деталей сохранности находок из Песчаного заставляет задуматься о том, не могла ли в некоторых случаях импортная бронзовая посуда попадать к скифам уже в таком виде? Было ли это экстраординарным явлением или можно говорить о том, что к скифам, наряду с первоклассными произведениями античного искусства, попадали также старые выбракованные вещи, в некоторых случаях подвергшиеся ремонту, вопрос, остающийся пока открытым.

6. Исторический контекст

Анализ импортной бронзовой и серебряной посуды из скифских курганов второй половины IV — начала III в. до н.э. подтверждает ранее высказанные

Рис. 21. Бронзовые и серебряные сосуды из гробницы III кургана на Зеленской горе. Ст. Петербург, Гос. Эрмитаж (по негативам фотоархива ИИМК).

гипотезы о скифо-македонских контактах, которые имели место еще в 330-е гг. до н.э. во время правления в Македонии Филиппа II и Атея — в Скифии[164]. Другим известным историческим событием, которое могло бы объяснять распространение македонских бронзовых и серебряных сосудов в Скифии, был поход полководца Александра Великого, Зопириона, который вторгся в Скифию и осадил Ольвию в 331 или 330 г. до н.э. (Just. XII. 2. 16; Macrob. Saturn. I. 11. 33; Oros. IV. 18.4)[165]. Известны и сведения о скифских посольствах к Александру в 329/8 (Arr. Anab. IV. 1; 15) и 323 г. до н.э. (Arr. Anab. VII. 15. 4). Есть основания предполагать, что отношения между Македонией и Скифией продолжались и в последние два десятилетия IV в. до н.э., при этом нельзя исключать, что наряду с дарами, поступавшими в ходе дипломатических контактов, бронзовая посуда к скифам могла поступать и в результате торговых связей. Не исключено, учитывая отмеченные особенности распределения находок, что некоторые из рассмотренных нами бронзовых сосудов могли попасть к скифам и из Фракии, что является еще одним подтверждением уже неоднократно отмечавшихся фракийско-скифских контактов[166], которое нашли проявление как в проникновении в Северное Причерноморье произведений фракийской торевтики[167]: парадного вооружения[168], конской узды[169] и серебряной посуды[170], так и в возможной миграции мастеров[171].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. См., например, своды импортов из скифских курганов: *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Д1-27. М., 1966; *он же.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. Д1-27. М., 1970.
2. См., например, *Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю., Фиалко Е.Е.* Імпортний бронзовий посуд із Східноп могили Бердянського кургану // Археологія. 2009. № 1. С. 40-52; *Трейстер М.Ю.* Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы // ДБ. XIII. 2009. С. 414–460.
3. *Скорый С.А.* Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 1998. T. 19. C. 119–137; *Скорий С.А., Хохоровскі Я., Григорьев В.П., Ридзевські Я.* Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. 1991. № 1. С. 94–105; *Chochorowski J., Skoryj S.* Die Zentralbestattung des Groß-Grabhügels von Ryžanovka im rechtsseitigen Teil des ukrainischen Waldsteppengebietes // Hommage à Gavrilă Simion. Pratiques funeraires dans l'Europe des XIIIe — IVe s. av. J.-C. Actes du IIIe Colloque International d'Archéologie Funéraire organisé à Tulcea, Brăila, Călărași et Slobozia, 15-20 septembre 1997. Tulcea, 1997. P. 105-122; *Скорый С.А., Хохоровски Я.* Большой Рыжановский курган — эталонный памятник скифской элиты // Вестник истории, литературы, искусства: альманах. Т. 4. М., 2005. С. 7-19.
4. *Ossowski G.* Wielki Kurhan Ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884 i 1887. Cracovie, 1888; *Бобринский А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2. СПб., 1894. С. 138–147. Табл. 16–9; *Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S.* Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanówce na Ukrainie // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 1996. T. 17. S. 239–249.
5. *Гребенников Ю.С.* Курганы скифской знати в Поингулье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987. С. 152-156. Датируется по амфорам Менды

ок. 330-310 гг. до н.э.: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Москва, Саратов, 2003. С. 94. Прим. 46; С. 295. Табл. 65, 4-5; ср. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 406: по стратиграфии, не ранее 320-х гг. до н.э.

6. *Бідзиля В.И.* Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. № 1. С. 47–48. Рис. 2; *Charriure G.* Die Kunst der Skythen. Köln, 1974. Fig. 348; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 145; *Rolle R.* The World of the Scythians. Berkeley–Los Angeles, 1989. P. 111. Fig. 83.
7. *Веселовский Н.И.* Чмырев курган // Гермес. 1910. Т. VII. № 11–12. С. 307–309; *Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1909. Rußland // AA. 1910. Sp. 219–226. Abb. 18–25; *Трейстер.* Ук. соч. (с полной библиографией). — О датировке кургана примерно 350-320 гг. до н.э., см. *Алексеев А.Ю.* Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. 1985. Вып. 50. С. 34.
8. *Ганіна О. Д.* Античні бронзи з Пищаного. Киев, 1970; *Fuchs W.* Bronzegefäße in Kiev // Boreas. 1978. Bd. 1. S. 113-115; *Parzinger H.* Die Reiternomaden der eurasischen Steppe während der Skythenzeit // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München–Berlin–London–New York, 2007. S. 34–35. Abb. 5.
9. *Трейстер М.Ю.* Жаровня из Гайматовой Могилы (к вопросу о скифо-македонских контактах в третьей четверти IV в. до н.э.) // РА. 2006. № 4. С. 144. Рис. 6.
10. См. *Zahlhaas G.* Grossgriechische und römische Metalleimer. München, 1971. S. 74–87 (тип B); *Pfrommer M.* Italien-Makedonien-Kleinasien. Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik // JdI. 1983. Bd. 98. S. 251–252. Abb. 9; *Archibald Z.H.* The Odryssian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked. Oxford, 1998. P. 189–190, 275–76; *Barr-Sharrar B.* Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla // Antike Bronzen. Werkstattkreise: Figuren und Geräte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen in Köln, 21.bis 24. September 1999 (Kölner Jahrbuch, Bd. 33). Köln, 2000. P. 280–81; *Eadem.* 2002. Osservazioni sulla produzione di vasi in bronzo greci tra il V e il III secolo a.C. // Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia. Trieste, 2002. P. 70–72; *Pellegris C.* Osservazioni sulle situle a kalathos // The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congres of Antique Bronzes, organized by the Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th — 31st, 2003. Bucharest, 2004. P. 359–360.
11. *Цончев Д.* Антични могилни гробнице при Оризово // Годишник на Народния археологически музей Пловдив. Т. 1. София, 1948. С. 19. № 1; С. 20. Рис. 4; *Venedikov I.* Le situles de bronzes en Thrace // Thracia. 1977. V. 4. P. 99, No. 11. P. 80. Fig. 31; *Archibald.* Op. cit. P. 275–276. Note 46; P. 329; *Barr-Sharrar.* Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. P. 280–281.
12. *Themelis P., Touratsoglou I.* Οι ταφοι του Δερβενίου. Athens, 1997. P. 33–4. Nos. A48–A50. Pls. 3; 35–37.
13. *Barr-Sharrar B.* Macedonian Metal Vessels in Perspective: Some Observations on Context and Tradition // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. Washington, 1982. P. 130–131. Fig. 16; *Themelis, Touratsoglou.* Op. cit. P. 73. No. B28. Pls. 18, 78; *Barr-Sharrar B.* The Derveni Krater. Masterpiece of Classical Greek Metalwork. Princeton, 2008. P. 23. Fig. 18.
14. См., например, Дервени: *Themelis, Touratsoglou.* Op. cit. Pls. 111, Д4, 6; 134, Z15; *Barr-Sharrar.* Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. P. 282; Никисиани, гробница А-Г: *Lazaridis D., Rhomiopoulou K., Touratsouglou G.* Ὁ τύμβος τῆς Νικήσιανης. Athens, 1992. P. 42–43. No. A 2580. Fig. 14. Pl. 27.

15. Враца: *Paunov E.I., Torbov N.T.* The Bronze Vessels from Tomb 2 in the Mogilanska Mogila Tumulus at Vratsa (NW Bulgaria) // From the Parts to the Whole 1. Acta of the 13th International Bronze Congress, held at Cambridge, Massachusetts, May, 28- June 1, 1996. Portsmouth, 2000. P. 167. Fig. 3. *Торбов Н.* Могиланската могила във Враца. Враца, 2005. С. 82, 101, № 72. Табл. XII, 3.
16. *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Древности Южной России. Курган Карагодеуашх. СПб., 1894. С. 45. Рис. 13; *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. С. 21.
17. *Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. С. 115. № 764. Табл. XVII; *Shefton B.* 1994. The Waldalgesheim Situla: Where was it made? // Festschrift für Otto-Herman Frey zum 65. Geburtstag. Hitzeroth, 1994. P. 584, 592, No. 2; *Скорый.* Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана. С. 126.
18. *Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. С. 21. № 408; *Rolle R., Murzin V.Ju., Alekseev A.Ju.* Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts. Mainz, 1998. Bd. 1. S. 150; Bde. 2-3. S. 27. Nr. 157. Taf. 44, 2.
19. *Ганіна.* Античні бронзи з Пищаного. С. 48–50, 89–90. Рис. 18, 46; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. San Antonio, 1999. No. 87.
20. *Zahlhaas G.* Grossgriechische und römische Metalleimer. München, 1971. Nr. A 6; *Eadem.* Der Bronzeeimer von Waldalgesheim // HambBeitrA. 1971. Bd.1, H.2. S.115-130. Taf. 2-3, ок. 380-370 гг. до н.э.; *Schiering W.* Zeitstellung und Herkunft der Bronzesitula von Waldalgesheim // HambBeitrA. 1975. Bd. 5. S. 90. Taf. 6-7: ок. 340-320 гг. до н.э.: италийская работа под влиянием тарентских и македонских (?) образцов; *Shefton.* Op. cit. P. 583-585. Fig. 1, 4; P. 593. No. 5; *Joachim H.-E.* Waldalgesheim. Das Grab einer keltischen Fürstin. Köln–Bonn, 1995. S. 27, 54-59. Nr. 2. Abb. 32-36. Taf. 3.
21. *Zahlhaas.* Grossgriechische und römische Metalleimer. S. 41. Anm. 61; *von Bothmer D.* A Greek and Roman Treasury (BMetMus, XLII, 1). No. 74; *Shefton.* Op. cit. P. 586, 593. No. 6; *Barr-Sharrar.* Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. P. 287. Fig. 13a-b.
22. *Popović L.B., Mano-Zisi D., Veličković M., Jeličić B.* Greek, Roman and Early Christian Bronzes in Yugoslavia. Belgrade, 1969. No. 59; *Zahlhaas.* Grossgriechische und römische Metalleimer. Nr. A10; *Schiering.* Op. cit. S. 85; *Shefton.* Op. cit. P. 592. No. 3.
23. *Venedikov.* Op. cit. P. 88. Fig. 44; P. 101. No. 28; *Barr-Sharrar.* Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. P. 286. Fig. 11.
24. *Robinson D.M.* Metal and Minor Miscellaneous Finds (Excavations at Olynthus, 10). Baltimore, 1941. P. 47-50. No. 36. Fig. 12. Pl. 6; *Zahlhaas.* Grossgriechische und römische Metalleimer. Taf. 3, 9; *Shefton.* Op. cit. P. 584-585. Fig. 1, 3; P. 590. No. B1.
25. *Shefton.* Op. cit. P. 584.
26. *Barr-Sharrar.* Macedonian Metal Vessels in Perspective... P. 127-128. *Shefton B.* Metal and Clay: Prototype and Re-Creation // REA. 1998. T. 100. 3-4. P. 633: “Suggestions have ranged from Ionia in the east to Corinth in the centre and Taranto in the west, as well as Macedonia in the north”.
27. *Shefton B.* Magna Grecia, Macedonia or neither ? Some Problems in 4th Century B.C. Metalwork // Magna Grecia, Epiro e Macedonia. Napoli, 1985. P. 406-410.
28. *Zahlhaas.* Grossgriechische und römische Metalleimer. S. 96–107; *Barr-Sharrar.* Macedonian Metal Vessels in Perspective... P. 129–30; *Pfrommer.* Op. cit. S. 250–262; *Candela M.* Situle metalliche e ceramiche a beccuccio nel IV e III secolo a. C. Origine e diffusione // BABesch. 1985. V. 60. P. 25–42; *Zimmermann N.* Beziehungen zwischen

Ton- und Metallgefäßen spätklassischer und frühhellenistischer Zeit. Rahden, 1998. S. 47–54.

29. *Скорый*. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана. С. 125–126; *Скорий и др.* Центральна могила Великого Рижанівського кургану. С. 99; *Chochorowski, Skoryj*. Die Zentralbestattung des Groß-Grabhügels von Ryžanovka. S 107; *Скорый С.А.* Античная металлическая посуда из Большого Рыжановского кургана // Музейні читання. Киев, 2000. С. 123; *Скорый С., Хохоровски Я.* Последняя археологическая сенсация XX века // Древний мир. 2002. № 3. С. 9 (илл. вправо вверху). *Скорий и др.* Ук. соч. С. 99; *Chochorowski, Skoryj*. Op. cit. S. 107; *Скорый*. Античная металлическая посуда... С. 123.
30. *Бобринский*. Ук. соч. С. 141, 145–146. Табл. XIX, 5–7; *Онайко*. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. С. 115. № 765. Табл. 33; *Zahlhaas*. Grossgriechische und rцmische Metalleimer. S. 90. Nr. C7; *Скорый*. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана. С. 125–126; *он же*. Античная металлическая посуда... С. 123.
31. *Ганіна*. Ук. соч. С. 68–71, 90. Рис. 19-22, 30; *Zahlhaas*. Grossgriechische und römische Metalleimer. S. 92. Nr. C18; *Boucher S.* Trajets terrestres du commerce étrusque aus Ve et IVe siècle savant J.-C. // RevArch. 1973. Fasc. 1. P. 94–95. Figs. 18-20; *Ganina O.D.* Kiev Museum of Historical Treasures. Kiev, 1974. Fig. 20; *Fuchs*. Op. cit. S. 115. Taf. 21; *Candela*. Op. cit. P. 31. No. 43; P. 34. Figs. 25–26; 42–43; Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. Nr. 103f; Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. Wien, 1993. Nr. 65; Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine. No. 85.
32. *Zahlhaas*. Grossgriechische und römische Metalleimer. S. 89. Nr. C4; Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue. Thessaloniki, 1978. P. 57. No. 158; *Candela*. Op. cit. P. 27. No. 2. Fig. 1; 34; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 33. No. A 2. Pls. 2, 34; Makedonen die Griechen des Nordens. Hannover, 1994. S. 225. Nr. 262.
33. Treasures of Ancient Macedonia. P. 64. No. 212; *Candela*. Op. cit. P. 27. No. 3; P. 34; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 73. No. B 29. Pl. 79; Alexander the Great. Treasures from an Epic Era of Hellenism. New York, 2004. P. 79. No. 6.
34. Treasures of Ancient Macedonia. P. 52. No. 112; *Andronicos M.* Vergina: The Royal Tombs. Athens, 1984. P. 146–147. Figs. 104–105; *Candela*. Op. cit. P. 27. No. 1; P. 34.
35. *Boucher*. Op. cit. P. 91, 93. Fig. 16; The Search for Alexander. An Exhibition. Washington, 1980. P. 161. No. 122. Col. pl. 18; *Barr-Sharrar*. Macedonian Metal Vessels in Perspective... P. 129–130. Fig. 14; *Lazaridis et al.* Op. cit. P. 27. No. A1403. Pl. A; Makedonen die Griechen des Nordens. S. 241. Nr. 305.
36. *Bessios M., Pappa M.* Πύβνα. Athens, 1995. Pl. 83A.
37. *Bessios, Pappa*. Op. cit. Pl. 83B.
38. *Zahlhaas*. Grossgriechische und rцmische Metalleimer. S. 92. Nr. C16; *Boucher*. Op. cit. P. 91–92. Fig. 14; *Pfrommer*. Op. cit. S. 253; *Candela*. Op. cit. P. 27. No. 4. Fig. 20; P. 41; *Zimmermann*. Op. cit. S. 165. Nr. STM 13.
39. Еще одна такая бронзовая ситула со сливом в форме львиной головки и атташем в виде бюста Афины в шлеме, происходящая с территории Болгарии, хранится в коллекции В. Божкова в Софии: Спасенные сокровища древней Фракии. Коллекция Васила Божкова. М., 2009. С. 119-120. № 38.
40. *Venedikov I., Gerassimov T.* Thrakische Kunst. Wien, München, 1973. Taf. 109; *Candela*. Op. cit. P. 30. No. 37; P. 42–43. Figs. 27, 30.
41. *Venedikov, Gerassimov*. Op. cit. Taf. 110; *Candela*. Op. cit. P. 30. No. 38; P. 42–43.
42. *Zahlhaas*. Grossgriechische und rцmische Metalleimer. S. 92. Nr. C17; *Candela*. Op. cit.

P. 28. No. 8; *Gschwantler K.* Guß + Form. Bronzen aus der Antikensammlung. Kunsthistorisches Museum Wien. Wien, 1986. S. 70–71. Nr. 67. Abb. 132–133.

43. *Venedikov, Gerassimov*. Op. cit. Taf. 111 (справа).
44. *Barr-Sharrar*. Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. P. 279. Note 11.
45. Ibidem. P. 280.
46. L'or des thraces. Trésors de Bulgarie. Paris, 2006. P. 149-151. No. 54; Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker. Basel, 2007. S. 161. Nr. 118d.
47. *Сергеев Г.П.* Олонештский античный клад // ВДИ. 1966. № 2. С. 140-141. Рис. 15.
48. Там же. С. 132-142.
49. Там же. С. 141-142.
50. *Гребенников*. Ук. соч. С. 155. Рис. 5, 3; С. 156. № 20. Вероятно, ситула не сохранилась — во всяком случае ее нет ни в Музее исторических драгоценностей, где хранятся другие серебряные сосуды из этого кургана, ни в фондах Института археологии НАНУ в Киеве.
51. *Zimmermann*. Op. cit. S. 49–50; *Barr-Sharrar*. Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. P. 280.
52. Treasures of Ancient Macedonia. P. 41. No. 36. Pl. 8; *Barr-Sharrar*. Macedonian Metal Vessels in Perspective... P. 129–30. Fig. 13; *Eadem*. Eastern Influence on the Toreutic Art of Macedonia before the Conquest of Alexander the Great // Ancient Macedonia IV. Papers read at the Fourth International Symposium held in Thessaloniki, September 21-25, 1983. Thessaloniki, 1986. P. 81. Fig. 3; *Zimmermann*. Op. cit. S. 165. Nr. STM 2.
53. *Vokotopoulou I.* Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολλοσικής κώμης. Athens, 1986. P. 186–187. No. 2; P. 289. Pl. 297. Fig. 82c; *Zimmermann*. Op. cit. S. 165. Nr. STM 3. Об инвентаре погребения и его датировке, см. *Vokotopoulou*. Op. cit. P. 185–188.
54. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 383. См. Сосуд также: *Pharmakowsky*. Archäologische Funde im Jahre 1909. Sp. 223. Nr. 11; Sp. 226. Abb. 25; *Minns*. Op. cit. P. 383; *Rolle R.* Totenkult der Skythen.Teil I: Das Steppengebiet. Berlin, New York, 1979. S. 128, 130–131, 133. Nr. 8. Taf. 22, 2. См. подробный анализ, *Трейстер*. Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы. № 5.
55. *Pharmakowsky B.* Archäologische Funde im Jahre 1912. Rußland // AA. 1913. Sp. 185-186. Abb. 10; *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 30. Рис. 17; *Treister M.Yu.* Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and related finds from Karagodeuashkh // AWE. 2003. V. 2.1. P. 59-60, figs. 8-9 (с полной библиографией).
56. *Пукліна О.О., Трейстер М.Ю.* Бронзова гідрія із збірці Національного музею історії України // Археологія. 2006. № 4. С. 73.
57. The Search for Alexander. P. 185. No. 166. Col. pl. 33; *Andronicos*. Op. cit. P. 162-163. Figs. 130-131; *Vokotopoulou J.* Führer durch das Archäologische Museum Thessaloniki. Athen, 1996. S. 165.
58. *Vokotopoulou*. Führer durch das Archäologische Museum Thessaloniki. S. 216; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 37. Pls. 5; P. 44. No. A4.
59. Отметим, еще один подобный серебряный сосуд в коллекции В. Божкова, наиболее вероятно происходящий с территории Болгарии: Спасенные сокровища древней Фракии. С. 115-116. № 36.
60. Киев, Музей археологии НАНУ Украины, инв. АМ 2893/8319. Не опубликован.
61. *Ганіна*. Ук. соч. С. 80–81, 93. Рис. 28; *Неверов О.Я.* Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма // ВДИ. 1990. № 1. С. 165-166. Рис. 3.
62. Treasures of Ancient Macedonia. P. 59. No. 174; The Search for Alexander. P. 163. No. 126; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 31. No. A51. Pl. 32; *Barr-Sharrar*. The

Derveni Krater. P. 13. Fig. 7.
63. Treasures of Ancient Macedonia. P. 65. No. 223; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 72–73. No. B40. Pl. 77.
64. Treasures of Ancient Macedonia. P. 71. No. 265; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 122. No. Z18. Pl. 132.
65. *Andronicos*. Op. cit. P. 160. Fig. 127.
66. *Delemen I.* An Unplundered Chamber Tomb on Ganos Mountain in Southeastern Thrace // AJA. 2006. V. 110. P. 262, 266. Fig. 14.
67. *Barr-Sharrar*. The Derveni Krater. P. 11, 13.
68. *Leskov A.M.* Die skythische Kurgane (Antike Welt Sondernummer 1974). Küsnacht, 1974. S. 79. Abb. 118; S. 86.
69. *Гребенников*. Ук. соч. С. 155. Рис. 5, 1; С. 156. № 21.
70. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л., 1980. С. 82. № 13.
71. *Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991. С. 218-219, № 152.
72. Treasures of Ancient Macedonia. P. 63. No. 208; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 73. No. B 25. Pl. 77.
73. Treasures of Ancient Macedonia. P. 71. No. 263; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 122-123. No. Z 16. Pl. 136.
74. *Andronicos*. Op. cit. P. 149. Fig. 111.
75. Treasures of Ancient Macedonia. P. 97. No. 407. Pl. 57; *Lazaridis et al*. Op. cit. P. 40. No. A1402. Pl. 23.
76. *Bessios, Pappa*. Op. cit. Pl. 86Д; Cat. New York ,2004, 84, No. 19.
77. *Bessios, Pappa*. Op. cit. Pl. 83B.
78. *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 73, No. B 25 (с литературой).
79. *Vokotopoulou I.* Le trésor de vases de bronze de Votonosi // BCH. 1975. T. 99. P. 773, 775. No. 24. Fig. 34.
80. *Vokotopoulou*. Βίτσα. P. 288. No. 4. Fig. 83a.
81. *Filow B.* Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarie. Sofia, 1934. S. 176-177. Nr. 8. Abb. 194.
82. *Huguenot C.* La tombe aus érotes et la tombe d'Amarynthos (Eretria XIX). Lausanne, 2008. Pl. 54, 1.
83. *Болтрик и др*. Ук. соч. С. 45. Рис. 3, 4-5.
84. *Paunov, Torbov*. Op. cit. P. 171. Fig. 5.
85. См. подробно *Трейстер*. Жаровня из Гайматовой Могилы... С. 115-118.
86. Жаровню из Пеллы, см. *Oikonomos G.P.* Πελλα // Πρακτικά. 1914. P. 144–145. Fig. 11; *Siganidou M., Lilimpaki-Akamati M.* Pella. Capital of Macedonians. Athens, 1996. P. 37; *Трейстер*. Жаровня из Гайматовой Могилы... С. 116–117. Рис. 4.
87. *Robinson*. Op. cit. P. 181–182. No. 570a-c. Pls. XXXVII–XXXVIII; *Cahill N.* Household and City Organization at Olynthus. New Haven, London, 2002. P. 49; *Трейстер*. Жаровня из Гайматовой Могилы... С. 115–116. Рис. 3.
88. *Билимович З.А.* Бронзовый кувшин из VI Семибратнего кургана // СА. 1971. № 1. С. 216-217; *Pfrommer*. Op. cit. S. 242-243; *Archibald*. Op. cit. P. 279. Note 95.
89. *Pharmakowsky*. Archdologische Funde im Jahre 1912. S. 185-186. Abb. 19; *Шкорпил*. Ук. соч. С. 32. Рис. 24; *Билимович*. Ук. соч. С. 218; *Treister*. Metal Vessels from Zelenskaya Gora.. P. 64-66, Fig. 13 (с полной библиографией).
90. *Миллер А.А.* Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 112-113. Рис. 118.
91. *Kacharava D., Kvirkvelia G.* Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani. Princeton, 2008. P. 196. Pl. 49a.

92. Makedonen die Griechen des Nordens. Nr. 261: Дервени, A 3. См. подробнее ниже прим. 94. Об этрусских бронзовых кувшинах этого типа, см. *Castoldi M.* Vasellame in bronzo d'eta ellenistica: Osservazioni su alcuni tipi di brocche di produzione etrusca // Antike Bronzen. Werkstattkreise: Figuren und Gerдte. Akten des 14. Internationalen Kongresses für antike Bronzen in Köln, 21. bis 24.September 1999 (Kölner Jahrbuch, 33). Köln, 2000. P. 408-412. Figs. 7-8; P. 414. App. Id.
93. Детальную библиографию см.: *Treister.* Metal Vessels from Zelenskaya Gora.. P. 64-65.
94. Treasures of Ancient Macedonia. No. 159, pl. 24; Cat. Washington, 1980, No. 135; *Pfrommer.* Op. cit. S. 243-245. Abb. 3; Makedonen die Griechen des Nordens. Nr. 261; *Themelis, Touratsoglou.* Op. cit. P. 35, No. A 3. Pls. 4; P. 39. No. A 5. Pl. 40; *Archibald.* Op. cit. P. 279.
95. Детальную библиографию см.: *Treister.* Metal Vessels from Zelenskaya Gora.. P. 65-66.
96. *Archibald.* Op. cit. P. 279, 333; *Paunov, Torbov.* Op. cit. 2000, P. 165-166. Figs. 2a-c; *Theodossiev N.* North-Western Thrace from the Fifth to First Centuries BC (BAR Intern. Ser. 859). Oxford, 2000. P. 146, 220. Fig. 110; *Торбов.* Ук. соч. С. 82, 101. № 71. Табл. XII, 2.
97. *Delemen.* Op. cit. P. 263–264, 266. Fig. 16.
98. *Alexandrescu P.* La nécropole gиte de Zimnicea // Dacia. 1980. T. 24. P. 49; 93. Fig. 42, 2; P. 117. Fig. 69, 3, 5.
99. *Weber T.* Bronzekannen. Studien zu ausgewählten archaischen und klassischen Oinochoenformen aus Metall in Griechenland und Etrurien (Archдologische Studien, 5). Frankfurt am Main, Bern, 1983. S. 130-137, особенно S. 134-137. Тип II. C, по классификации Т. Вебера.
100. Ibidem. S. 343-360.
101. *Themelis, Touratsoglou.* Op. cit. P. 35 No. A 7, 178. Fig. 49; Pl. 41.
102. *Кравченко А.А.* Клад кизикских статеров из Одесской области // СА. 1969. № 1. С. 274-275. Рис. 1 (без датировки); *Булатович С.А.* Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. 1970. № 3. С. 73. Прим. 2 (со ссылкой на аттрибуцию З.А. Билимович); *Штительман Ф.М.* Античное искусство (Памятники мирового искусства в музеях Украины). Киев, 1977. Рис. 59-60; Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia, 2001. No. 107 (вторая четверть V в. до н.э.); Skarby znad Morza Czarnego/Treasures from the Black Sea Coast. Krakow, 2006. P. 204. No. 30 вторая четверть V в.до н.э.).
103. *Weber.* Op. cit. S. 113, 347. Nr. II.E.8.
104. *Archibald.* Op. cit. P. 279, 333.
105. *Weber.* Op. cit. S. 357. Nr. II.E.23; *Archibald.* Op. cit. P. 333. Pls. 41-42.
106. *Lordkipanidze O.D.* La Géorgie et le monde grecque // BCH. 1974. T. 98. P. 936, 940. Fig. 29; *Толордава В.А.* Богатое погребение из Даблагоми // Античный импорт в Вани (Археологические раскопки в Вани II). Тбилиси, 1976. С. 75. Табл. 118; *он же.* Погребение с черепичным перекрытием из Даблагоми // КСИА. 1977. Вып. 151. С. 50. № 10; Античный импорт в Вани (Археологические раскопки в Вани VII). Тбилиси, 1983. Табл. 58. № 562; *Lordkipanidze O.D.* Vani — ein antikes religiöses Zentrum im Lande des goldenen Vlieses (Kolchis) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1995. Bd. 42.2. Taf. 75, 2; *Bill A.* Studien zu den Gräbern des 6. bis 1.Jahrhinderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 96). Bonn, 2003. S. 114, 162. Nr. 28; Taf. 26, 1-3.
107. Picard 1959, 49, 52, fig. 20; *Weber.* Op. cit. S. 328-329. Nr. I. C.14.

108. *Weber.* Op. cit. S. 126-128, 130-137.
109. *Билимович З.А.* Этрусские бронзовые ситечки, найденные в Северном Причерноморье // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 29-30, 33-34.
110. *Билимович.* Этрусские бронзовые ситечки... С. 29. № 6 (с библиографией: с. 35, прим. 26); С. 31 (рис.).
111. *Там же.* 30. № 7 (с библиографией: с. 35, прим. 27); 31 (рис.).
112. *Tsetskhladze G.R.* Pichvnari and Its Environs, 6th c BC — 4th c AD. Paris, 1999, 47-48; *Kakhidze A.* Specimens of Classical Bronze Toreutics from Pichvnari // Talanta. 2000-2001. V. XXXII-XXXIII. P. 43. Fig. 2, 2; 46; *Bill.* Op. cit. S. 114, 194. Nr. 10; *Kakhidze A.* Silver Phialai from the 5th Century BC Greek Cemetery at Pichvnari // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology (Colloquia Pontica 9). Leiden, Boston, 2004. P. 88- 91, 95. Fig. 8.
113. *Zannoni A.* Gli scavi della Certosa. Bologna, 1876.
114. *Tarditi C.* Vasi di bronzo in area Apulia. Produzioni greche ed italiche di eta arcaica e classica. Lecce, 1996. P. 143; *Naso A.* I bronzi etruschi e italici del Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz, 2003. P. 103-104. No. 155. Pl. 56 (с комментарием). Ситечко подобной формы с аналогичной короткой ручкой было найдено в погребении середины V в. до н.э. некрополя Рутильяно в районе Тарента (*Tarditi.* Op. cit. P. 54-55. No. 101). Вероятно к этому же типу принадлежало и стечко из некрополя первой половины V в. до н.э. в Гинозе, боковая ручка которого утрачена (*Tarditi.* Op. cit. P. 54, No. 100). Однако в отличии от ситечка из Гайматовой Могилы, отверстия, пробитые в ситечке из Рутильяно, образуют вихревую розетту.
115. *Robinson.* Op. cit. Nos. 651-654. Pl. LIV.
116. *Sparkes B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. (The Athenian Agora, XII). Princeton, 1970. P. 111-112. Nos. 612-623. Pl. 27; особенно, No. 617. См., например, такой чернолаковый кубок из Северного Причерноморья, поступивший в Античное собрание Берлинских музеев из коллекции А. Мерля де Массонно (Griechen, Skythen, Amazonen. Berlin, 2007. S. 67. No. 26), а также кубок из Керчи, приобретенный в 1901 г., хранящийся в Пльзене (CVA République Tchèque. Fascicule 4. Pilsen, Musée de la Bohême de l'Ouest. Fasc. 1. Pilsen, Prague, 2000. P. 42-43. Pl. 26, 1-3. Fig. 20, 3-4: с аналогиями из Причерноморья).
117. См. сводку, составленную Е. Зими и А. Сидерисом: *Zimi E., Sideris A.* Χάλκινα δκεύη το Γαλαξείδι: πρώτη προσέγγιση // Το Γαλαξείδι: απο την αρχαιο–τητα εως σημερα, 29-30 Σεπτεμβρίου 2000. Athens, 2003. P. 44, Note 48.
118. *Vokotopoulou.* Le trésor de vases de bronze de Votonosi. P. 761-764. Nos. 13-14. Figs. 21-22.
119. *Zimi, Sideris.* Op. cit. P. 44. Pl. 15b.
120. *De Ridder A.* Les bronzes antiques du Louvre. II. Les Instruments Paris, 1915. No. 3007.
121. *Fröhner W.* Collection H. Hoffmann. Antiquités. Vases paint, marbres, bronzes, argenterie, poids grecs, ivores. Vente Drout 28-29 mai 1888. Paris, 1888. P. 114. No. 429.
122. I Greci in Occidente. Poseidonia e i Lucani. Naples, 1996. P. 80. No. 36.32 (Эболи); P. 196. No. 90.15 (Роккадаспида).
123. *Тачева-Хитова М.* Инвентар, ритуал и датировка на погребението от могилна гробница // Тракийско могилно погребение край с. Староселка, Шуменски окръг // Археология (София). 1971. № 3. С. 44. Рис. 42a-b; С. 43. № 8-9; З. Арчибальд (*Archibald.* Op. cit. P. 281. Pl. 46) сравнивает декор с формой Talcott No. 802,

а форму — с формой Talcott No. 806 (350-325 гг. до н.э.).

124. *Тачева-Хитова*. Ук. соч. С. 43. №. 8; С. 44. Рис. 4b.
125. *Chochorowski, Skoryj*. Op. cit. S. 107; *Скорый*. Античная металлическая посуда... С. 124.
126. *Мурзін В.Ю., Полін С.В., Ролле Р.* Скіфський курган «Тетянина Могила» // Археологія. 1993. № 2. С. 98; *Скорый*. Античная металлическая посуда... С. 124.
127. *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева Могилы. Киев, 2005. С. 345.
128. *Скорый, Хохоровски*. Последняя археологическая сенсация XX века. Илл. на с. 9 и 10.
129. Treasures of Ancient Macedonia. P. 1978. P. 68. Nos. 246-247; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 103, Nos. Д 8-9. Pl. 113.
130. The Search for Alexander. P. 161. No. 121; Makedonen die Griechen des Nordens. S. 240-241. Nr. 302-303.
131. The Search for Alexander. P. 161. No. 126; *Lazaridis et al.* Op. cit. P. 39. Nos. A872-873. Col. pl. B. Pl. 22.
132. The Search for Alexander. P. 181. No. 156. Pl. 26.
133. *Archibald*. Op. cit. Pl. 36.
134. *Archibald*. Op. cit. Pl. 37.
135. *Zimi, Sideris*. Op. cit. P. 45. Pl. 16, a-b.
136. *Richter G.M.A.* The Metropolitan Museum of Art. Greek, Etruscan and Roman Bronzes. New York, 1915. P. 216. No. 595.
137. Treasures of Ancient Macedonia. P. 64. Nos. 213-214. Pl. 32; *Themelis, Touratsoglou*. Op. cit. P. 73-74. Nos. B30-31. Pls. 80-81; *Barr-Sharrar*. The Derveni Krater... P. 27. Fig. 24.
138. Амфиполь, Музей.
139. *Maaß M.* Antikensammlung München. Griechische und römische Bronzewerke. München, 1979. S. 57. Nr. 33.
140. См. выше прим. 135.
141. *Скорый*. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана. С. 125.
142. *Трейстер М.Ю.* Некоторые наблюдения о вещах и их декоре в инокультурных контекстах (на примере памятников художественного металла с территории Боспорского царства и сопредельных областей) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции. Часть I. СПб., 2007. С. 83-92.
143. *Treister*. Metal Vessels from Zelenskaya Gora... P. 66-67.
144. Возможно, что ситечко, которое значительно древнее всех других найденных в нише сосудов, изначально не принадлежало к данному набору. С другой стороны, состав комплекса из Песчаного, если рассматривать его как груз торговца посудой, наглядно свидетельствует о том, что новые бронзовые сосуды могли продаваться одновременно со старыми. См. подробнее ниже.
145. *Трейстер*. Жаровня из Гайматовой Могилы... С. 117.
146. *Неверов*. Ук. соч. С. 165-166.
147. Бронза — Метоне: *Bessios, Pappa*. Op. cit. Pl. 83 (внизу). — Серебро: Вергина, гробница II (Ситула: *Andronicos*. Op. cit. P. 146-147. Figs. 104-105. — Чаша: *Andronicos*. Op. cit. P. 149. Fig. 111).
148. *Масленников А.А.* Население боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М., 1981. С. 46.
149. *Treister*. Metal Vessels from Zelenskaya Gora... P. 67-72.

150. Treasures of Ancient Macedonia. No. 89; *Schiltz V.* Deux gorytes identiques en Macédoine et dans le Kouban // RevArch. 1979. P 307–308, fig. 2; The Search for Alexander. No. 160; *Andronicos.* Op. cit. P. 180–186. Figs. 146–149; Makedonen die Griechen des Nordens. Nr. 259; *Vokotopoulou.* Führer durch das Archäologische Museum Thessaloniki. S. 172–173, Be 3; *Stдhler K.* Zum Gorytrelief aus dem sog. Philippsgrab in Vergina // Zur graeco-skythischen Kunst. Münster, 1997. S. 85–114. Abb. 34–5, 37; *Treister M.Y.* Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. Leiden, Boston, Kцln, 2001. P. 136, 139–140. Fig. 66.
151. *Gill D.W.J.* Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina. Chronological Implications // Hesperia. 2008. V. 77. P. 354.
152. *Лапно-Данилевский, Мальмберг.* Ук. соч. С. 56–57. Рис. 34; С. 122–128. Табл. IX; *Schiltz.* Op. cit. P. 305–307. Fig. 1; Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. СПб., 2007. № 67.
153. *Лапно-Данилевский, Мальмберг.* Ук. соч. С. 151–152. Табл. V, 2; *Schefold K.* Der skythische Tierstil in Sьdrussland // ESA. 1938. T. 12. S. 27, fig. 16; *Pfrommer M.* Studien zu alexandrinischer und grossgriechicher Toreutik frühhellenistischer Zeit (Archäologische Forschungen, 16). Berlin, 1987. S. 235. Nr. KaB M 12; *Zimmermann.* Op. cit. S. 36–40, 160. Nr. BM 2. — Медальон: *Лапно-Данилевский, Мальмберг.* Ук. соч. С. 157–158. Табл. III, 12; *Minns.* Op. cit. P. 217. Fig. 119, III 12; *Artamonow M.I.* Goldschatz der Skythen. Prag, 1970. Abb. 155. — О чаше и медальоне, см. *Treister.* Metal Vessels from Zelenskaya Gora... P. 67–69.
154. См. выше прим. 147.
155. *Ганіна.* Ук. соч.; см. также *Parzinger.* Op. cit. S. 34-35. Abb. 5; *Barone L.* Un tesoro riemerso dal Dnepr // Ori dei cavalieri delle steppe. Collezioni dai Musei dell'Ucraina. Milano, 2007. P. 278-281.
156. *Ганіна.* Ук. соч. С. 81.
157. *Русяева А.С.* Проникновение эллинов на территорию Украинской Лесостепи в архаическое время (к постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4. С. 96; *Petropoulos E.K.* Hellenic Colonization in Euxeions Pontos. Penetration, Early Establishment, and the Problem of the „Emporion" Revisited. BAR Intern. Series 1394. Oxford, 2005. P. 58; *Barone.* Op. cit. P. 279; ср. *Буйских А.В.* Рец. Petropoulos E.K. Hellenic Colonization in Euxeions Pontos. Penetration, Early Establishment, and the Problem of the „Emporion" Revisited. BAR Intern. Series 1394. Oxford, 2005 // ВДИ. 2007. № 3. С. 209-210.
158. См. выше прим. 31.
159. См. выше прим. 61.
160. *Fuchs.* Op. cit. S. 115.
161. *Rolle.* The World of the Scythians. P. 92; *Barr-Sharrar.* Some Observations on the Cast Bronze Ovoid Situla. P. 279; *Parzinger.* Op. cit. S. 35.
162. *Fuchs.* Op. cit. S. 115.
163. В некоторых случаях, как например, с латками на тулове стамноса Б41-436 (*Ганіна.* Ук. соч. С. 88-89. Рис. 51; Gold der Steppe. S. 313. Nr. 103k), или на горле и плечиках амфоры № 1 Б41-429 (*Ганіна.* Ук. соч. С. 82-83. Рис. 4-7, 33; *Fuchs.* Op. cit. S. 115. Taf. 22; *Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986. Figs. 102-103; Gold der Steppe. S. 313. Nr. 103h; Scythian Gold. P. 195. No. 83; 200-201. No. 86; Ori die cavalieri. P. 223. Fig. 4; P. 342. No. 97), аккуратно наложенными в местах трещин и литейного брака, есть основания полагать, что они могут иметь отношение к ремонту сосуда, выполненному его мастером сразу же после изготовления, тем более, что и по цвету металл латок соответствует металлу сосуда. Условия и обстоятельства находки не дают твердой гарантии того, что отсутствующие у неко-

торых сосудов ручки или кольцевые поддоны действительно были утрачены еще в древности. У гидрии Б41-432 № 2 (*Ганіна*. Ук. соч. С. 85-86. Рис. 11, 29, 49; *Fuchs*. Op. cit. S. 114. Taf. 19, 1-3; Gold der Steppe. S. 311. Nr. 103b; Ori die cavalieri. P. 280. Fig. 5; No. 99) отсутствует одна горизонтальная ручка, утрачен поддон. У гидрии № 5 Б41-431 (*Ганіна*. Ук. соч. С. 87-88. Рис. 14; Gold der Steppe. S. 312. Nr. 103e) отсутствует вертикальная ручка и поддон, у гидрии № 4 Б41-435 (*Ганіна*. Ук. соч. С. 87. Рис. 13; Gold der Steppe. S. 312. Nr. 103d) отсутствует горизонтальная ручка и поддон. У лутерия Б41-440 (*Ганіна*. Ук. соч. С. 93. Рис. 25; Gold der Steppe. S. 313. Nr. 103m; Ori die cavalieri. P. 280. Fig. 2; No. 100) утрачены подставка и ручки. У лутерия, хранящегося в Переяславле Хмельницком, утрачена одна из ножек и ручка (*Ганіна*. Ук. соч. С. 91. Рис. 23-24; *Fuchs*. Op. cit. S. 114. Taf. 20, 2-3; Scythian Gold. P. 195. No. 83). В других же случаях мы имеем дело с утратами и починками, произошедшими в процессе использования сосудов. Так, у амфоры № 2 (Б41-428) на месте сломанной ножки на оловянном припое была закреплена большая заплатка, сделавшая ее дно округлой (*Ганіна*. Ук. соч. С. 83. Рис. 8-9, 35, 37, 39; Scythian Gold. P. 203-204. No. 88; Ori die cavalieri. P. 280. Fig. 3; P. 341. No. 96 [ошибочно названа стамносом!]). У гидрии Б41-432 № 2 на горле имеется заплатка другого цвета, на плечике — приклепана пластинка в виде листа плюща (часть накладного украшения?), рядом с ней имеется след от подобной пластинки. На шейке под венчиком следы ремонта — латки цвета, отличающегося от цвета металла сосуда. У ситулы с яйцевидным туловом Б41-438 утрачена одна из ручек (поскольку эти ручки не припаивались, а вставлялись в отверстие атташа, есть все основания предположить, что утрата была связана с поломкой ручки в древности), атташ ручки в виде пальметты частично обломан (*Ганіна*. Ук. соч. С. 89. Рис. 18; Gold der Steppe. S. 312. Nr. 103g; Scythian Gold. P. 201-202. No. 87; Ori die cavalieri. P. 280. Fig. 4; No. 98).

164. О дипломатических контактах Македонии, Боспора и Скифии в третьей четверти IV в. до н.э., см., например, *Stähler*. Op. cit. S. 88; *Алексеев А.Ю.* Хронография европейской Скифии. СПб., 2003. С. 238-242 (с литературой). Контакты с Македонией нашли проявление и в находках бронзовых македонских монет в Скифии. См. *Гавриш П.Ю.* Античная монета из скифского поселения в лесо-степной Скифии // Археологія. 1995. № 2. С. 135-137.
165. *Vinogradov Ju.G.* Eine neue Quelle zum Zopyrion-Zug // *Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 323-335.
166. Об историческом контексте, см. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 240-244.
167. См. в целом, *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 252-254; *она же*. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV-III вв. до н.э. // РА. 1995. № 1. С. 28-36; *Гуляев В.И.* О фракийских влияниях в курганных материалах скифского времени на Среднем Дону// РА. 2001. № 4. С. 138-143.
168. См., например, шлем из Мастюгинского кургана (*Манцевич А.П.* Бронзовые пластины из Второго Мастюгинского кургана (к вопросу о фракийских шлемах)" // АСГЭ. 1969. Вып. 11. С. 104-106. Рис. 1-2, см. также реконструкцию: *Там же*. С. 111. Рис. 6; *Манцевич А.П.* Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа" // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 29. Рис. 8; С. 41-42. Ср. *Мелюкова*. Скифия и фракийский мир. С. 208-210.
169. См., например, налобники и украшения конской узды фракийского типа из Хоминой могилы (*Мозолевский*. Скифские погребения у с. Нагорное... С. 213-214. Рис. 27-29; *он же*. Фракийская узда из Хоминой Могилы" // Studia Thracica. 1975. Т. I. С. 171-178; *Stoyanov T.* Notes on the Toreutic Workshops: Production in

Northeastern Thrace 4th–3rd Centuries BC // Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage a Petre Alexandrescu a son 70e anniversaire. Bucarest, 2000. P. 92), из южной могилы Огуза (*Boltrik Ju.V., Fialko E.E.* Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkцnigs der Zeit nach Ateas // HambBeitrA. 1991. Bd. 18. S. 178-180; Gold aus Kiew. Nr. 23; *Фиалко Е.Е.* Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. № 1. С. 133-145; Boltrik — Fialko 1996. S. 178-180, No. 102; Scythian Gold. No. 32. О соотношении налобников, наносников и нащечников конской узды из памятников Скифии (Краснокутского кургана, Огуза, Чмыревой Могилы и т.д.) с соответствующими находками из Фракии, см. также *Мелюкова А.И.* Краснокутский курган. М., 1981. С. 83-94; *Мозолевский, Полин.* Ук. соч. С. 315-316.

170. Серебряные фиалы типа Брезово с канеллированным туловом и вихревой розеттой на дне из Хоминой Могилы (*Мозолевский Б.Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев, 1973. С. 231. Рис. 37, 1; С. 234. № 10. Рис. 39 слева; *Мелюкова.* Скифия и фракийский мир. С. 185. Рис. 42, 4; С. 186) и аналогичная ей из погребения № 2 кургана № 4 у с. Владимировка (*Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И.* Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977. С. 133. № 9; С. 135. Рис. 9; *Мелюкова.* Скифия и фракийский мир. С. 185. Рис. 42, 2; С. 186).

171. *Мелюкова.* Скифия и фракийский мир. С. 253; *Трейстер.* Об изделиях торевтики из скифского кургана Бабина Могила // *Мозолевский, Полин.* Ук. соч. С. 512; *Трейстер.* Серебряная посуда из Соболевой Могилы // *Мозолевский, Полин.* Ук. соч. С. 519.

IMPORTED METAL VESSELS IN SCYTHIA (HISTORICAL CONTEXT ATTRIBUTION AND INTERPRETATION)

M.Yu. Treister

The paper considers the finds of Greek, Macedonian and Etruscan bronze and silver vessels in some wealthy Scythian barrows of the 4th — early 3rd c. B.C. Special attention is paid to the finds of Macedonian vessels, in particular to the combination of bronze stamnoid situlae and hemispherical bowls on stand-rings with movable handles in three Scythian burials — a combination otherwise known only after the finds from the tombs of the last third of the 4th c. BC in Macedonia. The find of 15 bronze vessels from Peschanoye is discussed in the context of the diffusion of such sets of bronze vessels in Scythia. The analysis of imported bronze- and silverware in Scythian barrows of the second half of the 4th — early 3rd cc. B.C. confirms the advanced hypothesis on Scytho-Macedonian contacts in the first half of 330-s B.C. during the rule of Philip of Macedon and a Scythian king Ataias, which continued during the rule of Alexander the Great. There are grounds to suggest that the contacts between Macedonia and Scythia continued in the last decades of the 4th c. B.C., and one cannot exclude that along with diplomatic gifts the Scythians obtained bronzeware through trade. The peculiarities of some bronze vessels diffusion allow suggesting that some of them could have been brought from Thrace, thus confirming scytho-thracian contacts, which can be inferred from other categories of archaeological material.

© 2010

А.А. Масленников

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ АНТИЧНОГО БОСПОРА
(к проблеме изучения форм землевладения и землеустройства)*

Несомненно, одним из самых важных, и, вместе с тем, сложнейших разделов боспорской истории и археологии является проблема пространственно-структурной организации его сельской территории. Её решение, помимо прочего, позволяет подойти к последующим реконструкциям поземельных, т.е. собственнических отношений, что, несомненно, является желанной целью каждого соответствующего исторического исследования. Общеизвестно, что сельское хозяйство и связанные с ним формы собственности и организации производства античного, как, впрочем, и любого другого докапиталистического общества, были (и остаются) определяющими в экономике в целом, а посредством этого — и в остальных областях человеческого бытия. О специфике античной собственности вообще и собственности на землю, как основного средства производства, писалось много и многими. Но, несмотря на тщательнейший и многократный (что в первую очередь касается письменных свидетельств) разбор различных категорий источников, громадный объём полевых изысканий и блеск имён исследователей, споры, как это неизбежно бывает с принципиально важными проблемами, не утихают. И если эти сложности и неоднозначности очевидны для районов т.н. метрополии, то ещё в большей степени они касаются областей античной Ойкумены, по большей части (хотя не во всём и не всегда — вспомним знаменитые херсонесские клеры) вовсе не избалованных в источниковедческом плане. Не исключение и Боспорское государство. Наши письменные свидетельства на сей счёт остаются крайне ограниченными, хотя и неоднократно истолкованными, прежде всего, с позиций более или менее вероятных интерполяций, аналогий из соответствующей практики классической Греции, эллинистических государств и, в меньшей степени, римских провинций. Археологические же — до относительно недавнего времени — весьма мало дополняли их.

Должно сказать, что вопрос о характере, формах и видах земельной собственности на Боспоре уже, по крайней мере, со времён работ М.И. Ростовцева, С.А. Жебелёва, В.Ф. Гайдукевича и, особенно, В.Д. Блаватского решался как бы «a priori». Предполагалось, что таковые — а, следовательно, и формы зависимости местного (не обязательно только варварского) населения здесь были разнообразнее, чем в соседних Ольвии или Херсонесе. Вне связи с предпочтительной доминантой размеров частного землевладения (мелкая, средняя, крупная собственность) допускалось наличие каких-то форм коллективных (очевидных или как бы скрытых) общинных отношений как в сфере полисных (античных) струк-

* Работа подготовлена по проекту «Греко-варварские памятники Северного Причерноморья: опыт методики российско-украинских полевых исследований» грант РГНФ № 08-01-91100а\u.

тур, так и в подчинённо-варварской среде. (Данной проблематике у сопредельных варваров обычно не касались, ввиду полного отсутствия всякой мало-мальски достоверной информации.) Наконец, прямое эпиграфическое свидетельство: известная фанагорийская надпись 151 г. н.э. о пелатах, посвящённых некой богине (храму Афродиты Апатуры?)[1], позволяло говорить о существование т.н. храмового землевладения. (Последнее, по крайней мере, в его первоначальном виде, кажется, можно рассматривать как вариант общинной собственности.)

Наиболее чётко мысль о четырёх основных формах земельной собственности на античном Боспоре (полисная, царская, общинно-варварская, храмовая) была высказана в известных работах В.Д. Блаватского и И.Т. Кругликовой[2]. Сторонником её, особенно в том, что касается наличия т.н. царского землевладения, остаётся и автор данной статьи, а равно — практически все, кто в той или иной мере занимался этой проблематикой за последнюю четверть века. Отметим здесь исследования По иронии судьбы, противником указанной «схемы», хотя и не во всём, является в настоящее время С.Ю. Сапрыкин[4]. Не останавливаясь подробно на изложении взглядов ведущих специалистов и, тем более, их «нюансов» в данной области боспороведения, охарактеризуем в целом современное состояние этой проблемы, прежде всего, с позиций археологии.

Во-первых, при всех возможных «построениях» учёт соответствующих эллинских, а затем эллинистических норм и традиций по-прежнему естественен и необходим. Иными словами, первопоселенцы не могли не принести с собой всех или основных, привычных, принятых в метрополии правил и установлений, т.е. полисных представлений и законов, определявших поземельные отношения. Причём не абстрактных, т.е. общеэллинских, а именно тех, что существовали к этому времени в конкретных местах: прежде всего, Милете. (Другое дело, что мы весьма смутно их себе представляем.) В дальнейшем, по мере территориального роста Боспора, то же самое, вероятно, следует сказать и в отношении местных варварских (скифских и меото-синдских) «традиций» и «инноваций». Впрочем, в этой области любые построения, как только что отмечалось, пока не могут выходить за рамки гипотетических. Нельзя, видимо, сбрасывать со счёта также прямое или косвенное влияние «имперской» персидской практики, особенно с учётом довольно быстрой трансформации верховной власти в сторону монархии в ведущем центре будущего Боспорского государства. Где, как ни в Персидской державе, могли в конце V и на протяжении почти всего IV вв. до н.э. черпать первые из Спартокидов реальные, а не популистские, примеры организации основ абсолютной, наследственной власти, в т.ч. экономические, а конкретнее — в рассматриваемой области. Соответствующий опыт ранней и поздней греческой тирании вряд ли был особенно «плодотворен» и достоин заимствования. Впрочем, этот вопрос, видимо, ещё недостаточно отработан специалистами.

Во-вторых, при всех дальнейших рассуждениях важно следующее уточнение отчасти терминологического порядка. Говоря о системе землеустройства и землевладения, нельзя обойтись без определения «сельская территория», нередко подменяемого привычным для антиковедов термином «хора», как известно, весьма многозначным. Однако такое отождествление не совсем правильно, поскольку эти понятия, строго говоря, не тождественны. Общепринято, что полис

и хора (как его непосредственная земельная округа, принадлежащая членам данного гражданского коллектива и эксплуатируемая ими) взаимосвязаны. По крайней мере, в «идеальном» греческом государстве эпохи архаики и классики это было так. Естественно, с хорой — сельской округой — был связан не только иной по сравнению с полисом (городом или, что много реже, негородом) способ хозяйствования, иные формы организации труда, жизни и быта, иной уровень повседневной (обыденной) культуры и т.п. В целом (т.е. с оговорками и исключениями) этим различиям обычно предшествуют определения: «более низкий», «более простой», «более примитивный», «более бедный» и т.п. Хотя, различия «города и деревни» в античном мире, особенно в ранний и поздний периоды его истории, а также на периферии были не столь уж существенны. Разумеется, мы не имеем в виду признанные центры античной цивилизации. Но важно другое. Следует, видимо, считаться с тем, что население полисной (как правило — городской) хоры это в значительной степени, если не в основном — всё те же горожане. То есть граждане полиса с их домочадцами, прислугой, работниками (рабами или иными категориями зависимого либо несвободного населения), даже если они почти постоянно проживали вне городских стен. Их «бытие и сознание» всё же были не вполне оторваны, точнее отличны от «городского». Тем более, если речь шла о наиболее развитых полисно-городских структурах с активной политической жизнью и торгово-ремесленной деятельностью[5]. По-настоящему же сельское население со всей соответствующей спецификой своей характеристики это, как нам представляется, то, которое постоянно обитало вне сферы полисно-городских связей, не являясь даже в малой степени членами гражданских полисных коллективов, и связанное исключительно с сельскохозяйственным производством, либо промыслами и охотой. Иными словами, это не обитатели собственно городской хоры, а те, кто жил на территориях с иным правовым статусом, в условиях иных собственнических (поземельных) отношений. Классический (Афины, Коринф и некот. др., но не идеальный, согласно умозрительным «прожектам» некоторых философов) полис таковых вообще не предполагал. Спарта с её илотами, Фессалия с пенестами или Гераклея Понтийская с т.н. мариандинами (этот перечень можно продолжить), напротив, демонстрировали вполне очевидные примеры такого рода. В эллинистический же период, точнее, государствах эллинистического типа, на фоне обширных общинно-туземных, царских и храмовых землевладений с их населением собственно городская хора скорее являлась инородной, хотя и необходимой и весьма влиятельной «инновацией»[6].

Применительно же к району Боспора Киммерийского (Боспорскому государству) о сельской территории и, следовательно, подлинно сельском населении, можно говорить лишь с определённого этапа его истории: с момента сложения самого этого государственного образования. Ведь, будучи по сути своей некоей надполисной структурой, оно неизбежно должно было иметь собственную хозяйственную основу. В конкретно-исторических условиях данного региона таковой могла стать: монополия центральной власти на хлебный экспорт; прибавочный продукт, получаемый внеэкономическим принуждением (дань подвластного или зависимого варварского населения) или (и) посредством особо выгодной торговли-обмена и, наконец, в немалой степени существование осо-

бой формы (или форм) землевладения. В последнем случае мы имеем в виду те сельскохозяйственно освоенные территории, которые непосредственно или опосредованно принадлежали боспорской элите, прежде всего, семейно-корпоративному «коллективу» правящей династии. Образовывался этот «домен» по-разному: как за счёт части земель, отнятых у всех или некоторых полисов, вошедших или включённых силой в данный государственный организм, так и за счёт территорий, до этого формально или фактически принадлежавших местным варварам, как населённых ими, так и практически безлюдных, освоенных и заселённых именно силами и властью правителей Боспора. Последнее можно рассматривать как ведущую форму т.н. местной, вторичной колонизации.

Логика территориально-экономического и политического развития Боспора неизбежно обуславливала то обстоятельство, что эта особая сельскохозяйственная «зона» или, лучше сказать, угодья уже изначально, вероятнее всего, не были сконцентрированы в каком-то одном месте и не находились в непосредственной близости от городских (вначале — одного-двух) центров. Они должны были располагаться как бы вне зоны полисной хоры, на ближнем и дальнем «пограничье». А впоследствии вообще оказались «разбросанными» по разным, по большей части, окраинным районам государства.

Конечно, размеры, хозяйственные возможности, формы организации и статус этих территориально-хозяйственных «единиц» на протяжении почти тысячелетней истории Боспора не оставались неизменными. Но её обитатели всегда по целому ряду признаков отличались или, осторожнее сказать, должны были отличаться от тех, кто жил на землях, вернее, сельских угодьях городской округи или, что имело место, надо думать, много реже — неких храмовых участках.

Результаты раскопок на относительно удалённых от основных городских центров европейского Боспора пространствах (прежде всего, в Крымском Приазовье) убеждают нас в том, что археологические признаки (прежде всего, поселения) появления и существования особого рода поземельных отношений и, следовательно, особого, подлинно сельского населения, относятся ко времени не ранее начала-середины второй четверти IV в. до н.э. Именно тогда, точнее, с этого времени на территории большей части Восточного Крыма (и не только), с одной стороны, наблюдается максимальный рост числа т.н. варварских деревень (поселений типа селищ), с другой — возникают первые немногочисленные, но специфические и существенно более яркие во всех отношениях объекты: большие и малые поселения усадебного типа. Эти усадьбы, видимо, не случайно (близость моря с удобными бухтами, относительное плодородие земель и обеспеченность водными источниками, возможности ведения комплексного хозяйства, относительная безопасность) располагались почти исключительно в ряде мест Крымского Приазовья. Некоторое время спустя (не ранее конца второй четверти III в. до н.э.) их сменяют, как правило, хорошо укреплённые городища с совершенно иной системой общей планировки и домостроительства, а равно, другим, более низким уровнем материального достатка их обитателей. Скорее всего, изменились их быт, правовой статус, общая культура и отчасти, вероятно, этнос. За всем этим стояли существенные, но пока не вполне ясные перемены в хозяйственной деятельности и этно-политической ситуации, как на Боспоре, так и вокруг него. Последнее обстоятельство, впрочем, как известно,

относится ко всему Северопричерноморскому региону. Эти поселения-городища были многочисленнее предшествовавших им усадеб, территориально шире распространены, но при этом по-прежнему всегда находились на заметном удалении от городов, т.е. вне земледельческих пространств городских хор. Некоторые из этих городищ просуществовали относительно недолго (до второй половины II в. до н.э.) или до рубежа эр, большинство (с перерывами, либо без) — до третьей четверти III в.н.э. или конца следующего столетия, иные — даже до конца античного периода местной истории (последняя треть VI в. н.э.). Предложенная хронология постоянно уточняется, открывая, порой, совершенно неожиданные возможности для исторических реконструкций. Например, целая серия памятников (кстати, по обе стороны пролива), имевших очень узкую датировку: вторая половина I в. до н.э. (точнее: 40-е годы — середина последней четверти) ярко иллюстрирует политические коллизии боспорской истории этого времени[7].

Принципиально важной в этой связи является проблема абсолютной хронологии данной (как, впрочем, и других) группы памятников. Ведь, помимо всего прочего, это открывает возможность проследить их конкретную историю и эволюцию всей системы, судить о характере перемен на ближней (городской) и дальней (с иным статусом) «хорах» (не случайно, здесь дано в кавычках) Боспора. Другими словами: носили ли отмеченные качественные изменения в типологии поселений (как и в погребальном обряде, этно-культуре и особенностях хозяйствования местного населения) характер внезапных катастроф с последующими временными лакунами или они протекали более медленно, эволюционно. Отсюда — возможные выводы о причинах данных явлений. Среди последних — в настоящее время всё чаще называют не только внешнеполитический фактор, но и череду природных катастроф, включая землетрясения и резкие климатические перемены. И здесь следует подчеркнуть значение самого тщательного, углублённого изучения таких категорий массового археологического материала, как амфорная тара, чёрно- и краснолаковая посуда и, конечно, керамические клейма. При этом, несомненно, надо отметить последние работы целого ряда исследователей (С.Ю. Монахов, В.И. Кац, Д.В. Журавлёв, А.П. Абрамов, Г.А. Ломтадзе, Т.В. Егорова, С.Ю. Внуков) и, в первую очередь, изыскания Н.Ф. Федосеева. Так или иначе, но в заключение этого раздела приходится констатировать, что степень археологической исследованности разного рода объектов сельской территории двух частей Боспора остаётся неодинаковой. Несмотря на несомненные достижения последних лет, которым мы обязаны, в первую очередь, раскопкам и разведкам Г.П. Гарбузова, Н.И. Сударева, Ю.А. Виноградова, А.А. Завойкина, С.В. Кашаева и некот. др., в силу целого ряда объективных и субъективных причин наши реальные (а не виртуальные) знания в данной области относительно европейской части этого государства существенно обширнее, а главное конкретнее. (Отчасти к этой проблеме мы вернёмся немного ниже.)

Не останавливаясь на всём этом подробно, отметим лишь, что именно с хорошо исследованными, нередко полностью раскопанными поселениями в районе Крымского Приазовья, прежде всего, связаны наши представления, вернее, гипотетические построения о т.н. царской хоре. Причём, наиболее ярко и пол-

но здесь представлены памятники самого раннего, классического периода её существования (вторая четверть IV — начало III вв. до н.э.). И только с учётом вышесказанного можно, думается, ближе подойти к пониманию и интерпретации того, о чём речь пойдёт ниже.

Употребляя термин «царская хора», мы не случайно ставим его либо в кавычки, либо оговариваем иным образом. Это следствие, как известной осторожности по отношению к оппонентам, так и того обстоятельства, что собственно царской, монархической власть боспорских правителей первой династии (Спартокидов) стала не сразу[8]. Но это всё общие слова. Что же касается доказательств, то тут можно уповать, по-прежнему, только на археологические артефакты, трактовка которых, разумеется, всегда не бесспорна. Новых прямых или косвенных письменных источников, касающихся различных форм собственности на землю, за исключением надписи о фанагорийских наёмниках, в нашем распоряжении пока нет. А вот в подходе к археологическим — в последние годы наметились новации, которым, впрочем, можно уже подвести некоторые итоги.

Прежде всего, это результаты широких раскопок и разведок на пространствах, условно составлявших ближнюю (городскую, полисную) и дальнюю (иные формы земельной собственности) хоры Боспора в разные периоды его истории. Затем, и это весьма существенно, повсеместно имело место широкое применение т.н. ГИС технологий, компьютерной техники, геофизических и некоторых иных естественно-научных методов. Здесь следует отметить энергию и любознательность таких исследователей как: Т.Н. Смекалова, С.Л. Смекалов, Г.П. Гарбузов, Я.М. Паромов, Ю.В. Горлов, А.В. Поротов и ряда других.

Характер их изысканий в целом можно определить, как опосредствованную (непрямую) и непосредственную масштабную и точечную разведки на местности. Основные направления поисков: выявление древних антропогенных структур, определение их возраста и этнокультурной принадлежности. Конкретно это вылилось в ряд программ, как-то: погранично-оборонительные полевые укрепления; следы древних землеустроительных работ; палеоэкология и палеогеография Боспора; уточнение границ, топографии и хронологии поселенческих структур и их стратификации; курганы и дороги в древнем и современном ландшафте; возможности исторической и современной картографии. Ни в коей мере не претендуя даже на краткое изложение итогов, отметим лишь несколько важных для нашей темы обстоятельств.

Действительно, в той или иной степени все эти исследования, в принципе, могут помочь в решении поставленной задачи. Хотя объективность и достоверность их не всегда достаточны даже для предварительных выводов. И если в отношении выявления определённого рода артефактов сомнений в успехах вроде бы нет, то со второй частью поставленной задачи (интерпретация, анализ и особенно хронология) дело обстоит, мягко говоря, существенно скромнее. (Впрочем, это субъективная оценка автора, с которой специалисты могут вовсе не согласиться.)

Из безусловных достижений, имеющих отношение к нашей теме, выделим чрезвычайно любопытных факт наличия на пространствах Керченского п-ова следов как ортогональных (линейных), так и неортогональных земельных «наделов». В то время как по другую сторону пролива зафиксированы почти исключи-

тельно (район вблизи известного Таманского Толоса, что само по себе примечательно) только неортогональные — разной конфигурации и ориентации. (Не станем перечислять здесь достаточно многочисленные, подчас повторяющие друг друга публикации, а назовём лишь их основных авторов: Т.Н. Смекалова, С.Л. Смекалов, Г.П. Гарбузов, Я.М. Паромов.) Никакого иного объяснения этому, кроме отражения в соответствующих землеустроительных структурах различных форм землевладений или землепользования, как будто бы нет. Вопрос: каких именно, — не так прост. С одной стороны, ортогональная система, вроде бы, вполне отвечает нашим представлениям о системе полисного раздела земель, наличие усадеб и т.п. и в полной мере подтверждается археологическими разведками, как в ряде районов метрополии, так и на хоре соседнего Херсонеса и городов западного Крыма. С другой — на сельской округе такого признанного классически полисного центра, как Ольвия, кажется, зафиксированы только неортогональные наделы. Возможные и реальные географо-топографические и иные природные различия в данном случае мало что объясняют. Ведь на том же Керченском п-ове наличествуют, как отмечалось, и те, и другие. К тому же, ортогональные наделы тут присутствуют не вблизи полисов, а, скорее, на окраинных по отношению к ним территориях или вообще на таком удалении, что само их вхождение в состав сельской округи полисов проблематично, в т.ч. по чисто экономическим соображениям. (Наиболее примечательный пример: район мыса Чауды[9], а также — окрестности Михайловского поселения. Остаётся предположить, что ортогональная система здесь, в отличие от классических примеров метрополии (точнее — южной Италии), отражала иную форму поземельных отношений, в частности, т.н. царские землевладения. Лучше сказать — земли, правовой статус которых был как бы двойственным: собственность верховной власти, переданная в условные владения. В таком случае, на современном Таманском п-ове вроде бы практически нет соответствующих свидетельств раннего «царского» землевладения, своего рода «домена» Спартокидов? А это значит... Нет, уважаемый читатель, это, как и всё только что сказанное, а, равно, и то, что может прийти в голову в этой же связи, ещё вовсе ничего не значит.

Не значит потому, что до сих пор непосредственно на местности следов, по крайней мере, ортогональных наделов достоверно не выявлено или (и) местность эта не исследована должным образом. (В этой связи особенно подозрительно выглядят явно не соответствующие рельефу местности такие «следы» в северо-восточной части Керченского п-ова. И, вообще, создаётся впечатление, что нередко ситуация с интерпретацией данных космо и аэрофотосъёмки, да и ГИС технологией в целом напоминает знаменитую историю с марсианскими каналами. Впрочем, любые фантазии и заблуждения по-своему плодотворны.) Немногим лучше обстоит дело и с наделами другого рода, в т.ч., т.н. длинными полями. А главное — никто до сих пор убедительно не доказал античное (не говоря уже о более узкой датировке) происхождение всех этих артефактов. Все косвенные обоснования остаются всего лишь более или менее вероятными предположениями. Только раскопки, причём достаточно масштабные, с сопутствующими естественно-научными анализами, а главное, убедительными стратиграфическими наблюдениями смогут прояснить это ключевое для разного рода гипотетических реконструкций обстоятельство. Не боясь навлечь на себя

гнев коллег «гисовцев» и геофизиков, рискну заявить, что возможности этих методов на сегодняшний день в значительной мере исчерпаны. Разумеется, речь идёт о возможностях, а вовсе не пространственно-количественных показателях и результатах. И дело даже не в качестве самих приборов. (Далеко не малый личный опыт автора с полной очевидностью свидетельствует, что, например, многие весьма неплохие результаты геофизических разведок были получены ещё довольно давно на относительно простых приборах. И их совершенствование и удорожание качественно практически не отражается на результатах при новых измерениях, в т.ч. и на прежде обследованных объектах.) Никто из геофизиков, насколько мне известно, в постоянной, по понятным причинам, погоне за «валом» измерений не удосужился проанализировать все «победы» и «поражения» и ответить на вопрос об их причинах, пределе возможностей и допустимых погрешностях. Ведь не приборы, а состояние и характер наших источников определяют конечные результаты.

Гораздо надёжнее, перспективнее, хотя и по столь же понятным причинам, труднее продолжать широкие раскопки поселенческих структур. Именно они позволяют выявить специфику планировочных решений, тонкости датировок и стратиграфии, особенности строительных приёмов и культурно-бытовых традиций обитателей. То есть предоставляют в распоряжение исследователей основной, хотя, повторим, также неоднозначный в интерпретации фактический материал для решения поставленной задачи. Добавим сюда совершенствование методических приёмов и личный профессионализм раскопщиков.

Итак, суммируя сказанное, можно заключить, что решение проблемы эволюции поземельных отношений на Боспоре, выражавшейся, прежде всего, в наличие и смене разных форм собственности и землепользования, фактически лежит в археологической «плоскости». И здесь существует известная сумма фактов и наблюдений, которые приближают нас к определению специфики и вероятных границ (лучше сказать — сфер действия) основных форм землевладений и шире — организаций сельскохозяйственного производства. Но лишь приближают, к тому же с оговоркой об общехронологических (вне конкретного времени) и территориальных (пока, в большей степени — Европейский Боспор) ограничениях. Иными словами, ряд нижеприводимых факторов может со временем меняться или вовсе исчезать либо появляться вновь. Да и естественно-природные особенности конкретных регионов способны корректировать нижеприводимый список.

Вот как в целом могут выглядеть признаки полисной хоры: прямые или косвенные письменные свидетельства об её организации, усадьбах, клерах и т.п; наличие отчётливых следов линейного (ортогонального) или иного, но явно связанного с формой земельной собственности, а не с хозяйственной специализацией; присутствие на пространствах предполагаемой сельской округи полиса как можно более разнообразных в природно-экологическом (ландшафтном) отношении локальных зон (участки, пригодные под пашню, под выпасы, лесные массивы, луга, водные источники, месторождения или местонахождения полезных ископаемых и строительных материалов); определённые природно-географические (топографические) особенности, могущие служить естественными границами сельской округи; существование искусственных погранич-

ных сооружений и знаков (валы, форты, сельские пограничные святилища и иные сакральные объекты, заметные природные и антропогенные объекты (курганы, могилы, места сражений, скалы, ущелья, отдельные большие камни и т.п.); особый тип сельских поселений в виде либо индивидуальных, либо коллективных усадеб (деревень, укреплённых поселений), либо того и другого, отсюда — разные принципы их распределения на местности и группировки относительно друг друга; с этим связана конкретная система дорог и иных коммуникаций; степень удалённости от полиса, в принципе, не превышающая сутки пути туда и обратно; специфика организации хозяйства, теоретически предполагающая самообеспечение (хозяйственную автаркию) её владельца; с данным обстоятельством связана и известная специфика планировки и интерьера частновладельческих или коллективных усадеб; особый характер торгово-экономических отношений, предполагающий, главным образом, опосредованные (через рынок полиса) внешние связи (это выявляется через анализ происхождения массового керамического материала); надёжное обеспечение водными, в первую очередь, питьевыми источниками, причём с коллективным доступом к ним; максимальная приближённость к основным путям сообщения, прежде всего, к морскому побережью, рекам и протокам.

Вероятно, этот перечень признаков можно расширить. Но, в любом случае, следует помнить, что, вообще, это идеальная модель. И изначально (т.е. в реальности), и тем более в археологической практике, многого могло не быть вовсе или не оказаться в наличии к моменту исследования. Что-то — спорно или совсем не обязательно. Так, не вполне ясно, как рассматривать в данной связи наличие на пространствах хоры «локальных» некрополей. Степень же укреплённости хоры и усадеб-поселений — фактор конкретно-исторический, вторичный и неопределяющий. Говоря всё это, приходится лишний раз констатировать тот факт, что судьба полисного землевладения в постмитридатовское время нам, в сущности, неясна, как и её соотношение с иными формами земельной собственности.

А вот чем, на наш взгляд, характеризуется зона «царского» землевладения, точнее, одна из них, наиболее исследованная (Приазовская). При этом конкретно-исторический подход здесь особенно важен. Теоретически данный тип поземельных отношений был наименее консервативным, появился позднее традиционно-полисного и менял свою структуру, территорию, правовой статус и состав населения, а, равно, формы землепользования и хозяйственную ориентацию (специализацию) в зависимости от целого ряда внешних и внутренних обстоятельств гораздо быстрее прочих. Иными словами, его археологические признаки не оставались неизменными, что особенно хорошо видно на примере эволюции типологии и топографии хорошо изученных поселений этой зоны.

Разумеется, и тут важны письменные свидетельства. И косвенные — в нашем распоряжении, по крайней мере, для эпохи первых Спартокидов вроде бы есть. Затем, чисто пространственный фактор: эти угодья, как уже писалось, во-первых, вряд ли располагались в каком-то одном месте. Во-вторых, они (даже в плане общей эволюции) должны были находиться за пределами городской (городских) сельских округ. В хозяйственном отношении это были не только локальные центры сельскохозяйственного производства, причём производства

специализированного, но и центры локального же распределения. Внутренняя демографо-поселенческая структура (типология поселений) обязательно в том или ином конкретном проявлении должна была быть стратифицированной. Т.е. в рамках каждой локальной зоны (территории) существовала система «соподчинения», градации различных поселений, выполнявших по отношению друг к другу и «центру» разные, но вполне определённые задачи и отличавшихся размерами, характером планировки, местоположением, системой обороны, а в некоторых случаях, возможно, социальным статусом и этносом обитателей. В сущности, это были особые (в сравнении с полисом) хозяйственно-административные и военные округа-территории. В плане землеустройства здесь, вроде бы, не следует ожидать наличия следов регулярного межевания, т.е. ортогональной, правильной системы наделов. Но это, так сказать, теоретически. На практике таковые могли иметь место при передаче земли в условное владение каким-то категориям их «эксплуататоров», привыкших к традиционно-античным формам ведения сельского хозяйства и его организации. В случаях с иным по своему этно-культурному и социальному статусу населением (держателями наделов) конкретная практика землераспределения (межевания) и облик поселений менялись. Следующий момент: наряду с чётко выраженной хозяйственной специализацией, эти территории являлись центрами товарного производства. (Напомним, усадьба хоры классического полиса, не ставила своей целью получение товарной продукции, а лишь обеспечивала потребности владельца.) Отсюда следует и определённая хозяйственная независимость таких районов. Их центры вполне могли быть и были напрямую «подключёны» к некоторым путям внешней торговли, минуя городские порты и рынки. Внутригосударственные границы таких владений могли и не иметь сколь-либо выраженного оформления, поскольку менялись достаточно часто. Но они всё же могли как-то обозначаться, фиксироваться вернее, ограничиваться дорогами, принятыми географическими ориентирами, святилищами общегосударственного или локального значения, в том числе, посвящёнными особам правящей династии. Зато, являясь по своему местонахождению, в сущности, пограничными, такие территории и их поселения неизбежно выполняли определённые охранно-буферные (форпостные) функции. Соответственно имели (или могли иметь) полевые укрепления, систему сигнально-дозорной службы и маяков, пункты охраны основных дорог в виде своего рода фортов и крепостей с постоянными гарнизонами, временные или постоянные военные лагеря и т.п. Отсюда — своеобразный статус местного населения: что-то вроде военных поселенцев, составлявших как бы социально-демографическую основу данной структуры, по крайней мере, в эпоху Тибериев-Юлиев. (Впрочем, организация пограничья, вероятно, предполагала и наличие т.н. ничьей, незаселённой территории, отделявшей Боспорское государство от сопредельных варваров.) Этно-культурная характеристика этих поселенцев не была, скорее всего, единой и постоянной. Это определяло и неизбежное наличие местных некрополей вблизи разнотипных поселений. Напротив, таковые отсутствовали (или имели существенное своеобразие, в т.ч. и в местоположении) на ранней (первой) стадии существования «царской» хоры. Наконец, центры таких владений, являясь своего рода «царскими ставками», должны были выделяться уровнем своего обустройства, фортификации, обликом по-

строек и, конечно, определённым богатством, что не могло не отразиться в количественной и качественной характеристике археологических находок. В эпоху Спартокидов это были центральные постройки усадебных комплексов («Генеральское-западное»), или даже греко-варварские городки (Семибратнее и Красногвардейское городища), позднее, при Тибериях-Юлиях — особо укреплённые поселения — ставки, вероятно, со статусом городов (Илурат, Савроматий, Танаис). Разумеется, и это не все возможные признаки. Например, опять-таки теоретически, тут могли находиться погребально-поминальные сооружения в честь кого-то из выдающихся представителей правившей династии. Важно, что почти всё это может найти и уже находит археологическое подтверждение.

Зона условно варварской территории в составе Боспорского государства (по материалам Восточного Крыма предэллинистического и раннеэллинистического времени) характеризуется: спецификой распространения и концентрации поселений и погребальных памятников; их отличной от прочих: топографией, общей и частной (домов и помещений) планировкой поселений; относительно невысоким уровнем строительного дела; особенностями характеристики массового археологического материала (например, соотношение лепной и гончарной посуды. Кроме того, отсутствуют всякие фортификационные сооружения и следы, во всяком случае, правильных земельных наделов. И, конечно, своеобразен погребальный обряд сопутствующих могильников. Наверное, неизбежны археологически фиксируемые (главным образом на примере керамической тары) особенности торговых контактов и отсутствие синхронных святилищ античной принадлежности. Да и в плане хронологии тут возможны свои «частности». Подчеркнём, это касается памятников и территорий указанного периода. Позднее середины III в до н.э. о существовании такой зоны и, соответственно, формы организации сельской территории и землевладения говорить уже не приходится. Образовывавшие её пространства целиком или частично вошли в состав «царских владений», которые для постмитридатовского времени (?) можно именовать также и государственными. Данная оговорка, кажется, не лишена смысла и «перспективна», поскольку отражает реальную тенденцию централизации различных форм общественной организации и хозяйственной деятельности в «римский» период. Иными словами, территориально и по остальным показателям-характеристикам (типология поселений, система и структура землепользования и хозяйства в целом, оборона границ, этно-культурный «облик» населения) со второй половины I в. до н.э., а для районов Приазовья на два столетия раньше, обе эти зоны (т.е. формы организации т.н. дальней хоры) как бы сливаются.

Никто даже не пытался определиться с признаками храмового землевладения. Скорее всего, это была форма вначале общинного, затем условного владения — землепользования, по большей части мелкого и среднего. Но, как и в чём это выражалось «на практике», пока абсолютно не ясно. Остаётся предполагать: расположение этих земельных угодий вблизи неких крупных сакральных центров, что, впрочем, вовсе не обязательно. Мелкому арендатору соответствовала своя особая система и площадь межевания. Скорее всего, она была ортогональной. Поселенческие же структуры, если они существовали на таких землях вообще, вряд ли отличались размерами и концентрацией. В любом слу-

чае, это не были солидные и богатые усадьбы. Зато некоторые из таких религиозных центров (Таманский толос, например) являлись одновременно и центрами определённой сельской округи, со всей соответствующей спецификой археологических находок на ней.

Вот примерно так видится нам современное состояние данной проблемы в боспорской археологии и истории.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. КБН, № 976. С. 555-557.
2. *Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 45 сл.; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 8, 154-161, 249.
3. *Зинько В.Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского в VI-I вв. до н.э. // БИ. XV. 2007; *Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху // БИ. XII. 2006*; Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства (Археология и хронология становления территориальной державы). Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 2007; *Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004*; Прокопенко С.Н.* Развитие хоры городов Боспора в VI — первой четверти III вв. до н.э. Автореф. диссерт. канд. ист. наук. Иваново, 2008; *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
4. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. №1. С. 29-30; *он же.* Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 171-201.
5. *Кошеленко Г.А.* Полис и город. К постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1; *он же* Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 9-37.
6. *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом востоке. М., 1979. С. 222-248; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 111, 131.
7. *Бонин А.В.* Памятники хоры Боспора I в. до н.э.: ещё раз о хронологии сигнально-оборонительной системы // ПИФК. Вып. 16/3. 2006. С. 8-43.
8. *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Киев-Запорожье-Москва, 2007. С. 219-243.
9. *Масленников А.А.* Сельские поселения европейского Боспора // БИ. I. 2001. С. 81; *Смекалова Т.Н., МасленниковА.А.* Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора // ДБ. 8. 2005. С. 276-307; *Смекалова Т.Н.* Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский п-ов) // ДБ. 10. 2006. С. 389-415*; Gavrilov A.* The first results of the Archaeological surveys near cape Cauda and lake Kacik on Kerch Peninsula // BSS. 8. 2008. P. 193-206.

RURAL TERRITORY ARRANGEMENT OF ANCIENT BOSPORUS (ON LANDOWNERSHIP AND LAND-USE STUDY)

A.A. Maslennikov

The article deals with the study of the arrangement and use of ancient Bosporus rural territory. Well-known works of V.D. Blavatsky and I.G. Kruglikova present a clear-cut idea of four

principal forms of land ownership in ancient Bosporus (those of polis, king, barbarian community, and temple). Landed property evolution in Bosporus is in fact an archeological problem. Further excavation of settlements makes it possible to reveal specific planning, precise dating, stratigrapy niceties, building techniques, and cultural and everyday life customs and traditions of the dwellers.

© 2010

Д.В. Журавлев

О БОСПОРСКИХ СВЕТИЛЬНИКАХ ТИПА «КУВШИНЧИКА»

Светильники типа «кувшинчика» — господствующий на Боспоре в эллинистическое время тип осветительных приборов. Эти светильники изготовлены на гончарном круге; рожок и ручка изготовлены от руки и прикреплялись к готовому изделию. Глина этих светильников типично боспорская — красная или красно-коричневая, с включениями известняка. Иногда поверхность светильника покрыта тонким слоем ангоба беловатого цвета. Лаковое покрытие отсутствует.

Нет никаких сомнений, что это локальный тип осветительных приборов, изготовленный в Пантикапее и, возможно, в других центрах Боспорского царства, как на Европейской, так и в Азиатской части.

История исследования

Эти светильники впервые были выделены О. Вальдгауером, который отнес их к типу D — «тип в виде кувшинчика с открытой шейкой с юга России».[1] Прекрасно осознавая определенное неудобство данного термина, мы сохраняем его во избежание путаницы, поскольку в отечественной литературе он стал общеупотребимым.

В дальнейшем светильники типа «кувшинчика» кратко рассматривались И.Т. Кругликовой[2], И.Б. Зеест[3], В.С. Забелиной[4], Д.В. Журавлевым[5]. Подробно издана коллекция светильников Керченского историко-культурного заповедника, солидную часть которой составляют светильники рассматриваемого типа[6]. Светильники типа «кувшинчика» представлены большим количеством экземпляров во всех городах Северного Причерноморья, а не только на Боспоре. Так, в частности, они известны в Пантикапее[7], Мирмекии[8], Танаисе[9], Ольвии[10], Неаполе скифском[11] и многих других пунктах. В Британском музее хранятся кувшинчиковые светильники из Крыма[12]. В собрании Археологического музея Софии также известны подобные лампы[13]. В свое время Т.Н. Книпович проследила эволюцию ольвийских светильников, отметив, что ко II в. до н.э. рожок этих светильников становится длиннее, а отверстие для заливания масла — уже[14]. Эта же тенденция сохраняется и для боспорских светильников.

Рис. 1. Светильники типа «кувшинчика». Классификационная схема

Рис. 2. Светильники типа 2. Пантикапей, цистерна № 179; раскопки В.П.Толстикова

В целом можно отметить, что светильники типа «кувшинчика» появляются на Боспоре на рубеже IV-III вв. до н.э.[15] и существуют как минимум до рубежа нашей эры или до первых десятилетий I в.н.э.[16] Поздние светильники этого облика найдены, например, в доме Хрисалиска[17] и Танаисе[18]. В Пантикапее они происходят и из слоя I в.н.э.[19], а в Киммерике «кувшинчиковый светильник одного из наиболее поздних на Боспоре типов» был обнаружен в слое пожара дома, сгоревшего около середины III в.н.э.[20]

Происхождение

Вне всякого сомнения, прототипом боспорских светильников типа «кувшинчика» выступили местные открытые красноглиняные лампы[21]. Впервые это было отмечено В.С. Забелиной при анализе светильников из Пантикапея, датированных концом IV — началом III вв. до н.э.[22] Кроме того, можно наблюдать схожие черты «кувшинчиковых» светильников и с аттическими чернолаковыми лампами типа 36В, открытыми при раскопках на Афинской агоре[23]. Датировка этих светильников — первая половина III в.до н.э. Впрочем, даже в Афинах подобные светильники немногочисленны, что вряд ли может говорить в пользу широкого распространения светильников этого типа.

Классификация

ТИП 1

К этому типу светильников относятся светильники «переходного» типа от обычных боспорских открытых светильников к классическим «кувшинчикам»[24].

Для светильников этого типа (Рис. 1) характерны округлые очертания; наличие узкого горизонтального плеча, высокого вертикального бортика по внутреннему краю у широкого отверстия для заливания масла. Рожок короткий, овальный, с овальным или округлым фитильным отверстием. Размеры: длина — 9,4–9,5; ширина — 6,2–8,1; высота — 2,3–6,2 см.

Эти светильники неоднократно встречались в Пантикапее[25], а также в Нимфее[26]. Подобные светильники известны также и в собрании Британского музея[27].

ТИП 2

Два светильника выделяются в отдельный тип (Рис. 1; 3). Эти лампы характерны исключительно для Пантикапея, во всяком случае, находки подобных светильников за пределами боспорской столицы мне пока неизвестны.

Тулово светильников круглодонное, с суживающимися к щитку стенками. Щиток отделен от боковых стенок неглубокой рельефной бороздкой. Вокруг узкого фитильного отверстия сделан невысокий вертикальный венчик. Рожок короткий, приподнятый, овально очерченный, с овальным отверстием для фитиля. У одного из светильников (Рис. 3, *1*) на внешней верхней поверхности рожка — выпуклость. Сохранился корень вертикальной петлевидной ручки. Сбоку на тулове — шиповидный налеп. Размеры: длина — 10,0; ширина — 8,4; высота — 4,5 см.

Второй экземпляр этого типа (Рис. 3, *2*) имеет практически ту же форму, но щиток отделен от боковых стенок двумя неглубокими рельефными бороздками.

Публикуемые в статье пантикапейские экземпляры были обнаружены в заполнении водораспределительного помещения № 176 на акрополе (раскопки В.П. Толстикова, 1996 г.)[28]. Датировка этого типа — III в. до н.э.

ТИП 3

Форма светильников круглая, рожок короткий. Тулово округлое, ребро между плечами и стенками скруглено; дно на сплошном круглом поддоне. Плечи светильника неширокие, приподняты к широкому отверстию для заливания масла; переходят в низкий конусовидный бортик. Рожок короткий, округло очерчен, с подокруглым фитильным отверстием. Ручка вертикальная, петлевидная, овальная в сечении — приподнята над туловом. Верхний корень ручки прикреплен к верхней кромке бортика, нижний — в нижней части тулова. Размеры: длина — 8 ,7–10,3; ширина 6,7–8,0; высота — 4–6 см.

К этому типу относится основная масса светильников типа «кувшинчика»[29]. Прослеживается очевидная тенденция: со временем отверстие для наливания масла становится более узким. Так, отдельные экземпляры имеют широкое отверстие для наливания масла, не намного отличающееся от светильников типа 1. Соответственно, они датируются в пределах III в. до н.э.

Рис. 3. Светильники типа 3. Пантикапей, водораспределительное помещение № 176; раскопки В.П.Толстикова

Рис. 4. Светильники типа 4 из собрания Государственного Исторического музея. 1-3 — дом Хрисалиска, раскопки Н.И. Сокольского; 4 — некрополь Кеп, раскопки Н.П. Сорокиной

Значительное число светильников типа 3 происходит из Пантикапея из слоя конца III — первой половины II вв. до н.э.[30] Более ранние экземпляры, первой половины III в. до н.э., происходят из зольника II в Мирмекии[31]. Таким образом, суммарная датировка светильников этого типа — III — первая половина II вв. до н.э.

ТИП 4

К этому типу относятся светильники, близкие типу 3, но рожок у них значительно более длинный. Тулово светильников по форме близко биконическому, ребро может быть скруглено. Дно на сплошном круглом поддоне; отверстие для заливания масла широкое, окружено высоким отогнутым наружу венчиком. Ручка вертикальная, петлевидная, овальная в сечении, верхним корнем крепится к краю венчика, нижним — к средней части тулова. Рожок вытянут, с круглым фитильным отверстием, плавно переходит в стенки тулова. Размеры: длина — 8,6–12,5; ширина — 3,5–6,8; высота — 4,5–7,0 см.

Эти осветительные приборы являются продолжением линии развития кувшинчиковых светильников. Подобные светильники происходят, например, из одного из погребений некрополя Золотое[32], разграбленной гробницы VII Артюховского кургана[33] и дома Хрисалиска[34]. В некрополе Тирамбы такой светильник происходит из могилы 80, датированной началом I в. до н.э.[35] В.С. Забелина пишет о значительном количестве подобных светильников из Пантикапея; при этом она отмечает, что они происходят из комплексов конца III–I в. до н.э.[36] В Гермонассе один из подобных светильников отнесен к I в. до н.э. — I в.н.э.[37]

Время появления светильников типа 4 точно неизвестно, возможно, они какое-то время сосуществуют со светильниками типа 2 (т.е. в III в. до н.э.). Время их бытования — II — I вв. до н.э., возможно, до начала I в.н.э.

ТИП 5

К этому типу относятся кувшинчиковые светильники, имеющие ручку в виде выступа. Тулово светильников имеет форму близкую биконической, поддон сплошной, круглой формы. Вокруг широкого заливного отверстия — высокий воронковидный венчик, имеющий с внутренней стороны узкую горизонтальную площадку вокруг отверстия для заливания масла. Рожок вытянут, приподнят, закопчен. Корень вертикальной ручки выходит из стенки тулова, переходя в вертикальный, прямоугольный в сечении выступ, возвышающийся над туловом. Размеры: длина — 7,5–9,7; ширина — 5,2–6,5; высота — 4,2–6,5 см.

Подобные светильники происходят, например, из Херсонеса и датированы II в. до н.э.[38] В собрании Британского музея находится несколько достаточно близких светильников из Пантикапея[39].

Имитации и дальнейшее развитие этого типа

Широкое распространение светильников типа «кувшинчика» позволяет говорить и о появлении целого ряда имитаций. Одни из этих имитаций были лепными, и происходят из памятников I в. до н.э., например, из дома Хрисалиска

Рис. 5. Лепная имитация (?) светильника типа «кувшинчика». Дом Хрисалиска, раскопки Н.И.Сокольского. ГИМ

Рис. 6. Светильник с волютами боспорского производства. Некрополь Кеп, раскопки Н.П.Сорокиной (ГИМ)

(Рис. 5)[40]. Мы не исключаем, что светильники типа «кувшинчика» оказали определенное влияние и на форму светильников с волютами, которые стали наиболее популярным типом глиняных осветительных приборов в I в. до н.э.,[41] хотя предполагать их прямую связь нельзя.

Один из кепских светильников этого типа, хранящихся в ГИМ, имеет на нижней части тулова надпись из рельефных греческих букв, написанных курсивным письмом (Рис. 6)[42]. Восстановить имя мастера (?) из-за схематичности надписи не удалось. Точно такую же надпись, происходящую из Фанагории (Ф-1491), ввел в научный оборот С.А.Коваленко[43]. Этот светильник имеет светлую обмазку по поверхности. Отметим, что для светильников этого типа в целом типично полное отсутствие лакового покрытия, часто применяется лишь ангоб белого цвета[44].

Таким образом, очевидно, что светильники типа «кувшинчика» были наиболее популярным типом глиняных ламп на Боспоре в эллинистическое время. Их широкое распространение как в столице Боспора, так и на его хоре говорит и о популярности этого нехитрого типа светильников среди различных слоев населения. Центр (или центры) их производства пока не определены[45], но почти наверняка одним из них был Пантикапей. Дальнейшие исследования, в первую очередь, состава глины, позволят локализовать мастерские по их изготовлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Вальдгауер О.Ф.* Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб., 1914. С. 26.
2. *Кругликова И.Т.* Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI-III вв. до н.э. // МИА. № 56. М., 1957. С. 134.
3. *Зеест И.Б.* Пантикапейская керамика сарматского времени (по материалам раскопок Пантикапея 1945-1949 гг.) // Пантикапей. МИА. № 56. М.-Л., 1957. С. 156-157.
4. *Забелина В.С.* Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщения ГМИИ им. А.С.Пушкина. Вып 10. М. 1992. С. 306.
5. *Zhuravlev D.* Lighting equipment of the Northern Pontic area in the Roman period: imports and local production // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies. 6. Aarhus. 2007. P. 213-214.
6. *Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л.* Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 2. (в печати).
7. *Марченко И.Д.* Раскопки Пантикапея в 1959-1964 годах // СГМИИ. IV. М., 1968. Рис. 26, внизу справа; *Забелина*. Античные глиняные светильники... Табл. I, *7-10.*
8. *Гайдукевич В.Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. № 85. М-Л., 1958. Рис. 107, *4*; *он же*. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. Рис. 99, *3-4)*.
9. *Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. М., 1988. С. 17-18. Табл. III, *1.*
10. *Книпович Т.Н.* Керамика местного производства из раскопа И // Ольвия. Т. I. Киев, 1940. С. 144-146. Табл. XXX, *1-5; Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археологія. 2007. 1.Рис. 5, *1.*

11. *Zaitsev Yu.P.* Light and Fure in the Palace of Skythian King Skilur // Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world // BAR International Series. 1019. Oxford, 2002. Fig. 3, *3-4.*
12. *Bailey D.* A Catalogue of the Lamps in the British Museum. I. Greek, Hellenistic, and Early Roman Pottery Lamps. London, 1975. Pl. 24, Q125-Q126.
13. *Кузманов Г.* Антични лампи. Колекция на Националния археологически музей. София, 1992. № 39.
14. *Книпович.* Ук. соч. С. 144-146.
15. *Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л.* К изданию Корпуса светильников Керченского заповедника. 1. Светильники второй половины VI — начала III вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. VII Боспорские чтения. Керчь, 2006. С. 107.
16. *Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979. С. 134. Обнаруженный в римских слоях Нимфея «кувшинчиковый» светильник явно датируется более ранним временем (*Домжальский К., Чистов Д.Е.* Итоги работ на участке «Н» (1994-1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. Вып. I. СПб., 2003. Рис. 21, *10*).
17. *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. Рис. 54, *2-4.*
18. *Арсеньева.* Светильники Танаиса. С. 18.
19. *Кругликова.* Ремесленное производство... С. 134.
20. *Зеест* . Пантикапейская керамика... С. 157.
21. Ольвийские светильники типа «кувшинчика» имеют определенные отличия от боспорских, и в принципе легко различимы друг от друга. При этом все равно сохранятся общая тенденция в развитии этого типа на протяжении эллинистического времени, что, возможно, говорит и о едином прототипе и о дальнейшем следовании моде.
22. *Забелина.* Античные глиняные светильники... С. 306, табл. I, *6.*
23. *Howland R.H.* Greek Lamps and Their Survivals. The Athenian Agora. Vol. IV. Princeton–New Jersey, 1958. P. 116-117. Pl. 44, *488.*
24. *Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л.* Светильники VI — первой половины III вв. до н.э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 1. Киев, 2007. Кат. № 198-286.
25. *Забелина.* Античные глиняные светильники... С. 306, табл. I, *6.*
26. *Соколова О.Ю.* Комплекс находок эллинистического времени из Нимфея (раскопки 1984 г.) // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004. С. 182. Рис. 19. См. также: Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 166-167, № 155.
27. *Bailey.* Greek, Hellenistic, and Early Roman Pottery Lamps... Pl. 24, Q120-Q121; с паспортом «из Керчи».
28. *Tolstikov V., Zhuravlev D.* Hellenistic pottery from two cisterns on the acropolis of Panticapaeum // ΣΤ Επιστημονικη Συναντησε για την Ελλενιστικη Κερα–μικη. Προβληματα χρονολογησησ. Κλειστα Συνολα–Εργαστηρια. Πρακτικα. Αφηνα, 2004. πιν. 97, *1, 5.*
29. В публикуемом томе 2 светильников Керченского музея светильники из этого собрания классифицированы более дробно (*Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л.* (в печати). Это связано со значительными различиях в форме тулова отдельных экземпляров. В данной статье мы опускаем дробное членение, поскольку для нас наиболее важным является проследить общую тенденцию развития «кувшинчиковых» светильников, а не их локальных вариантов.
30. *Забелина.* Античные глиняные светильники... Рис. I, *7-8.*

31. *Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. Рис. 99, *3-4.*
32. *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое (к этнокультурной истории Европейского Боспора). Киев, 1983. Табл. XXIV, *6.*
33. *Максимова.* Артюховский курган. С. 132-133, Арт. 136-137.
34. *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. Рис. 54, *2-4*; *Zhuravlev.* Lighting equipment... P. 214. Fig. 5.
35. *Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966-1970) // СГМИИ. Вып. 8. М., 1987. С. 37-38. Рис. 24.
36. *Забелина.* Античные глиняные светильники... С. 306. Рис. I, *9.*
37. *Коровина А.К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. Табл. 18, *12.*
38. *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow // Studia archaeologica. 94. Roma, 1998. P. 45, No. 11.
39. *Bailey.* Greek, Hellenistic, and Early Roman Pottery Lamps. P. 76-77. Pl. 24-25, Q124-126.
40. Впрочем, утверждать это наверняка мы не можем — близкие по форме светильники известны, например, и среди позднескифских древностей: *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д1-7. М. 1991. Табл. 23, *14; Власов В.П.* Античные влияния в позднескифской керамике Крыма // БИ. VIII. 2005. С. 84-85. Рис. 3, *14, 16-18.*
41. Подробнее о сероглиняных боспорских светильниках см.: *Журавлев, Быковская, Желтикова.* (в печати).
42. *Сорокина Н.П.* Раскопки некополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 95. 1963. Рис. 23, *9.* С. 65.
43. *Коваленко С.А.* Античная рельефная керамика III-I вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 409. Рис. 37, *4.*
44. Форма носика, завершающего длинный (или, скорее, удлиненный) рожок, характерна для позднеэллинистического времени. В основе этого боспорского типа светильников лежит тип осветительных приборов, широко распространенный в ряде средиземноморских центров (См. например: *Broneer O.* Terracotta Lamps. Corinth IV, 2. Cambridge, 1930. P. 64; *Howland.* Op. cit. P. 141). Для последней четверти I в. до н.э. характерно и появление поддона миндалевидной формы (Ср.: *Howland.* Op. cit. P. 181). Во второй половине I в. до н.э. на светильниках римского типа широко распространяются волюты, а также выделяется канал, идущий по рожку к отверстию для фитиля. Специальный раздел, посвященный светильникам этого типа, был подготовлен в диссертации С.А. Коваленко, к сожалению, оставшейся неопубликованной (*Коваленко.* Ук. соч. С. 139-144). На основании картографирования находок этих светильников, а также находки формы для их изготовления в Фанагории, С.А. Коваленко предположил, что они производились в столице Азиатского Боспора, от чего и получили наименование «фанагорийских». С.А. Коваленко отмечает, что существует также большая серия этих светильников, изготовленных из серой глины, и практически все они происходят из Пантикапея. По его мнению, нельзя исключить возможности производства этих светильников и в Пантикапее, но до открытия форм для подобных ламп, он считал, что это преждевременно (*Коваленко.* Ук. соч. С. 143)
45. Близкие по форме светильники, но с горизонтальной ручкой, изготавливались в кепской мастерской, клеймившей свои изделия клеймом IE. Н.И.Сокольский и Н.П.Сорокина связывали производство изделий с таким клеймом с мастерской при святилище. См. *Сорокина Н.П.* Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998. С. 26-31. Рис. 2, *3.*

ABOUT THE BOSPORAN JUG-SHAPED LAMPS

D.V. Zhuravlev

Among the lamps jug-shaped ones belong to the most wide spread type of lighting devices at Bosporus from the 3rd c. BC till the late Hellenistic time. These lamps are wheel-made; nozzles and handles were made by hand and then attached to the body. Undoubtedly it is a local type produced in Pantikapaion and perhaps in other centres of the Bosporan Kingdom. These lamps were first distinguished by O. Waldhauer; then they were briefly studied by I.T. Kruglikova, I.B. Zeest, V.S. Zabelina and D.V. Zhuravlev.

Lamps transitional from ordinary Bosporan open lamps to classical "jug-shaped" ones belong to type 1. This fact was first noted by V.S.Zabelina while analyzing lamps from Pantikapaion. She dated them to the late 4th — early 3rd cc. BC. These lamps obviously continue to develop the series of the Bosporan open lamps. Moreover, we can notice some similar features of jug-shaped lamps and Attic ones of the 20th type.

Several lamps belongs to a separate type 2 and have following characteristic features - round bodies, vertical rim around the hole for a wick and sometimes a side projection. These lamps are typical for Pantikapaion, in any case, we have not known anything about finds of these lamps outside the Bosporan capital yet.

The majority of jug-shaped lamps belongs to the type 3. Bodies of lamps of this type have different peculiarities. The most characteristic ones make separate variants, although this division is rather conditional as a lot of transitional variants can also be distinguished. The authors have not done this for clear reasons.

An obvious tendency can be traced — as the time passes the hole for pouring oil is getting narrower. Considerable number of such lamps comes from Pantikapaion from the layers of the late 3rd — the first half of the 2nd c. BC. The earlier exemplars of the first half of the 3rd century BC come from an ash-pit II in Mirmekion. Thus, general dating of this lamp type is the 3rd — the first half of the 2nd c. BC.

Lamps with their shapes similar to ones of the type 3, but with nozzles that are much longer, belong to the type 4. They continue to develop the line of jug-shaped lamps. Similar lamps come, for example, from one of the burials of the necropolis Zolotoye, the robbed tomb VII of Artyuchovskij burial mound and from the so-called house of Chrysaliskos. One lamp of this type comes from the grave 80 of the necropolis of Tiramba dating to the early 1st c. BC. The time when these lamps appeared is not exactly known, it is possible that during some period they co-existed with lamps of the type 3. The time when they were spread is from the 2nd — 1st cc. BC till, maybe, the early 1st century AD.

A few lamps with vertical conical applied handle belong to type 5. Some parallels allow us to date them to the 2nd c. BC.

© 2010

В.П. Толстиков

ХРАМ АПОЛЛОНА НА АКРОПОЛЕ ПАНТИКАПЕЯ. ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ, ТИПОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

Материалы по ранней строительной истории Пантикапея, накопленные за последние три десятилетия интенсивных раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина[1], а также достижения в области археологии и изучения ордерных архитектурных объектов позднеархаического и раннеклассического периодов античных центров Средиземноморья и, прежде всего, Милета[2], делают возможным и необходимым вновь обратиться к гипотезе о существовании раннего периптера Аполлона в Пантикапее.

Предлагаемая работа посвящена специальному повторному анализу всех ордерных деталей, найденных в районе вершины Первого кресла горы Митридат в ходе раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина (Рис. 1). Их перечень включает, как уже опубликованные детали, которые, как предполагалось ранее, могут быть связаны с этой храмовой постройкой, так и не публиковавшиеся, которые, по мнению автора, могут быть к ней отнесены. Работа содержит их детальное описание (включающее корректировку опубликованных ранее данных), графическое воспроизведение и авторские реконструкции, сопоставление с аналогичными деталями из других областей Эллинского мира. Этот раздел служит основанием для предлагаемых автором вариантов решения вопросов датировки, типологии и периодизации этой уникальной ордерной постройки.

***

В литературе по археологии и истории Боспора Киммерийского существуют гипотезы, предлагаемые варианты ответов на которые способны серьезно повлиять на сложившиеся и десятилетиями бытующие в науке представления и исторические реконструкции. К научным предположениям такого рода, несомненно, принадлежит гипотеза о существовании раннего ионического периптера на вершине горы Митридат — на акрополе Пантикапея, впервые высказанная в печати в 1950 году Владимиром Дмитриевичем Блаватским[3].

Основанием для возникновения этой гипотезы послужили результаты изучения баз колонн, обнаруженных в 1945 году на горе Митридат, в первый сезон раскопок объединенной Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина и ГАИМК АН СССР под руководством М.М. Кобылиной и В.Д. Блаватского[4]. Речь шла о составных элементах баз колонн ионического ордера — трех спирах (плинтах) и двух торах[5]. Рассматривался также и найденный вместе с ними фрагмент архитрава.

Эти находки были сделаны на раскопе, располагавшемся *«...недалеко от развалин памятника Стемпковского, у самого подножия наружного обрамления монумента героям, павшим в боях за освобождение Крыма...»*[6], то есть в верхней части склона, непосредственно под восточным краем верхнего плато Первого кресла

СХЕМА
РАСПОЛОЖЕНИЯ
РАСКОПОВ
В РАЙОНЕ
ПЕРВОГО КРЕСЛА
ГОРЫ МИТРИДАТ
МАСШТАБ 1 : 500
0
10
20
30
40
50
100
150 м
УСЛОВНЫЕ
ОБОЗНАЧЕНИЯ
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7

Рис. 1. Схема расположения раскопов в районе вершины Первого кресла горы Митридат

1 — Наименование раскопа;
2 — Археологически исследованные древние строительные объекты;
3 — Современные строительные объекты:;
I — Обелиск Героям, павшим за освобождение Крыма.
II — Большая Митридатская лестница.
III — Местоположение старого музея.

4 — Скальные массивы.
5 — Пункты находок архитектурных деталей, которые могут быть отнесены к раннему храму Аполлона.
6 — Местоположение памятника И.А. Стемпковскому.
7 — Предполагаемое местоположение раннего храма Аполлона.
1 — Раскоп Ф.И. Гросса 1886 г.; 2 — Раскоп Ф.И. Гросса 1885 г.; 3 — Раскоп К.Е. Думберга 1896-1899 гг.; 4 — Раскоп Ю.Ю. Марти 1930 г.;5 — Раскоп Ю.Ю. Марти 1931 г.; 6 — Раскоп Ю.Ю. Марти 1941 г.; 7 — Раскоп «У памятника Стемпковскому» 1945 г.; 8 — Раскоп «Над старым музеем» 1945 г.; 9 — Раскоп Верхний Митридатский 1949 и 1952-1953 гг.; 10 — Раскоп Эспланадный 1945-1949 гг.; 11 — Раскоп Новый Эспланадный 1953-1972 гг.; 12 — Раскоп Центральный 1973-1999 гг.; 13 — Раскоп Восточный 1975-1976 гг.; 14 — Раскоп «Цитадель» 1976-1978 гг.; 15 — Раскоп Новый Верхний Митридатский 1979-1980; 1982; 2009 гг.; 16 — Раскоп Центральный — Северный с 1983 г.
Раскоп Центральный Эспланадный с 2005 г.

горы Митридат, к северу от существующей трассы Большой митридатской лестницы[7] (Рис. 2).

В.Д. Блаватский отнес рассматриваемые пантикапейские базы к самосскому типу ионического ордера, выделив следующие особенности их профилировки (цитирую полностью):

«1) спира, или плинт, имеет в основном очертания низкого цилиндра, а именно, верхний и нижний диаметры его равны;

2) наибольший диаметр (припухлой части) торуса примерно равен наибольшему диаметру спиры, ввиду чего наружная граница обоих элементов идет по отвесной линии;

3) желобки выемок на плинте (скоции) расположены совершенно симметрично, образуя слегка вогнутый профиль, глубина этих желобков сравнительно невелика;

4) *кривая, образующая выпуклые очертания боковых сторон торуса, обладает большей изогнутостью, чем кривая боковых сторон плинта. Торус покрыт также симметрично расположенными сравнительно неглубокими желобками»*[8].

Приведу повторное описание этих элементов баз, содержащее ряд уточнений.

СПИРА (ПЛИНТ) БАЗЫ КОЛОННЫ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА

(Рис. 3 а).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Место хранения: Лапидарий КИКЗ. Инв. №№ 2264–2266.

Происхождение: гора Митридат. Раскоп «У памятника Стемпковского».

Рис. 2. План-схема раскопа «У памятника Стемпковскому» с обозначением пунктов находок архитектурных деталей храма Аполлона в 1945 году

Площадь III.

Сохранность: многочисленные сколы и утраты по краям и поверхности; потертости и загрязнения.

Спира (плинт) — нижний элемент составной базы колонны самосского варианта ионического ордера высотой 22,8 см. Имеет почти цилиндрическую форму, с легким сужением кверху: максимальный диаметр нижней плоскости равен 86,5 см, максимальный диаметр верхней плоскости составляет 82,5 см[9]. В центре верхней плоскости спиры расположено гнездо ромбической в плане формы (9 х 9 см), глубиной до 4 см, предназначавшееся для крепления верхнего элемента базы — тора. Боковая поверхность спиры горизонтально расчленена на три скоции, из которых лишь средняя — меньшая — имеет профиль в виде сегмента окружности. Верхняя и нижняя скоции профилированы как сложные лекальные кривые. Средняя скоция отделена от верхней и нижней сдвоенными полуваликами-астрагалами. Верхняя скоция, в свою очередь, отделена от верхнего канта детали одинарным полуваликом. Нижняя скоция на границе с нижним кантом базы такого валика не имеет[10]. По периметру нижней плоскости спиры идет кольцевая фаска, шириной 3-4 см, выполненная со скосом вверх, к внешнему краю детали, под углом около 18 градусов[11]. Эта фаска предназначалась как для разгрузки хрупких краев базы, так и для предотвращения их скалывания при монтаже спиры. Боковые профилированные поверхности спир выполнены чистовой теской с исключительной тщательностью. Судя по всему, при их обработке была применена какая-то разновидность токарного станка.

Датировка: около 500 — около 485 гг. до н.э.

ТОР (Рис. 3 б).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Место хранения: 1 экз. в ГМИИ им. А.С.Пушкина.

1 экз. в Лапидарии КИКЗ, инв. № 2265.

Происхождение: гора Митридат. Раскоп «У памятника Стемпковскому».

Рис. 3. База ионического ордера (самосский вариант). Элементы этих баз — спиры и торусы были обнаружены на раскопе «У памятника Стемпковского» в 1945 году. Уточненная схема (по А.В.Буйских и В.П.Толстикову)

Площадь III.

Сохранность: многочисленные сколы и утраты по краям и поверхности; потертости и загрязнения; экземпляр, хранящийся в ГМИИ, разбит на части.

Этот верхний элемент составной базы колонны имеет максимальный диаметр в средней части 82,5 см, т.е. равный диаметру верхней плоскости спиры. Диаметр верхней его плоскости составляет 73,5 см; в центральной ее части расположено крепежное гнездо 9 х 9 см глубиной до 4 см. Диаметр нижней плоскости тора равен 68 см; в ее центре также имеется аналогичное крепежное гнездо. Общая высота тора — 16,5–17 см. Его боковая поверхность расчленена на четыре горизонтальные скоции шириной по 2,5–3 см, имеющие в сечении вид сегментов окружности и отделенные одна от другой плоскими дорожками шириной в 1–1,5 см.

Датировка: 500 — 485 гг. до н.э.

Как было отмечено, наряду с базами на том же раскопе на площади II, также во вторичном использовании (в кладке №9), был найден фрагмент архитравной балки. Считаю целесообразным привести еще раз уточненное описание и параметры этого фрагмента.

БАЛКА АРХИТРАВНАЯ (фрагмент) (Рис. 4).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Место хранения: ГМИИ им. А.С.Пушкина.

Происхождение: гора Митридат. Раскоп «У памятника Стемпковскому».

Площадь II.

Фрагмент архитравной балки, обломанной с обеих торцевых сторон. Максимальная сохранившаяся длина верхней отесанной плоскости составляет 58,6 — 59 см, нижней — 78 см. Боковые торцовые поверхности образованы сколами, следы регулярной отески на них отсутствуют[12]. Лицевая плоскость обработана очень тщательно. Верхний ее край украшен карнизом, состоящим из полочки

Рис. 4. Фрагмент архитравной балки, обнаруженной на раскопе «У памятника Стемпковского» в 1945 году. Уточненная схема (по В.П.Толстикову)

высотой 4 см, под которой помещен каблучок высотой 7,5 см. Остальная плоскость архитрава расчленена на три горизонтальные фасции, из которых верхняя имеет высоту 20,5 см, средняя — 18,7 см, нижняя — 15,5 см. Фасции отделены одна от другой уступами, высота которых не превышает 0,5 см. Общая высота блока составляет 68,2 см; глубина верхней плоскости у правого края равна 25,5 см, у левого — 26,5 см. Вдоль внешнего края верхней плоскости блока проходит кант шириной 5 — 5,5 см, выполненный чистовой оттеской; остальная плоскость обработана более грубой теской, то есть здесь применен анафирозис.

На верхней плоскости, у правого края фрагмента, сохранилась часть Г-образного крепежного гнезда для металлического пирона длиной 16 см. Гнездо расположено перпендикулярно к продольной оси блока и имеет сечение 2,5 х 2,5 см. Очевидно, что пирон предназначался для крепления второго параллельно располагавшегося архитравного блока.

Глубина нижней плоскости блока у правого края равна 19 см, у левого — 21 см.

Сохранность: утрачены значительные части блока; грубые сколы на боковых торцевых поверхностях; мелкие сколы по карнизу и лицевой поверхности.

Датировка: около 500 — около 485 гг. до н.э.

КАПИТЕЛЬ КОЛОННЫ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА (фрагментированная)[13] (Рис. 5, *10*).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Место хранения: Лапидарий КИКЗ. Инв. № 825.

Происхождение: Керчь.

Высота без волют 26 см, восстанавливаемая длина фасада 85 см, расстояние между центрами волют 55 см, сохранившаяся ширина балюстры 18 см, восстанавливаемый диаметр эхина 50 см.

Сохранность: капитель была распилена вдоль для вторичного использования в качестве строительного материала, стесаны нижние выступающие части волют. Повреждена фасадная профилировка абаки.

Представляет собой *аттический вариант* ионического ордера. Канал волюты — плоско-вогнутый, в центральной части прогнут над эхином. Свернутая в три оборота волюта имеет плоский глазок диаметром 4 см. Внешний радиус волюты равен 15 см. Фасадная часть эхина украшена тремя целыми овами и двумя угловыми полуовами. Разделяющие стержни-стрелки граненые, с острыми концами, выступают на полную высоту. Полуовы и, частично, примыкающие к ним полные овы, прикрыты угловыми четырехлепестковыми пальметтами с лепестками, четко отделенными один от другого и имеющими выраженный S-образный изгиб. Судя по сохранившейся части, балюстра имела форму несколько суженного к центру цилиндра, где, вероятно, ее перехватывали ремешки балтеуса.

Датировка: около середины IV в. до н.э.[14]

В 1979 году в ходе работ на Новом Верхнем Митридатском раскопе была обнаружена еще одна ионическая капитель. Она была найдена использованной вторично в основании подпорной стены одной из террас святилища Артемиды-Гекаты, примерно в 35 м к северу от предполагаемого места размещения храма Аполлона[15].

Поскольку в свое время эта капитель была определена мною, как деталь, могущая принадлежать рассматриваемому храму Аполлона на акрополе Пантикапея[16], считаю необходимым привести здесь полное ее описание и размеры. Публикуется впервые.

КАПИТЕЛЬ КОЛОННЫ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА (Рис. 5, *7*).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Раскоп Новый Верхний Митридатский. Квадрат 5, штык 11, в основании кладки №7.

Место хранения: ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № М-1490.

Размеры: высота без волют равна 30 см, длина по фасадной стороне — 91 см, расстояние между центрами глазков волют — 61 см, ширина балюстры — 60 см; общая высота — 35 см; максимальный диаметр эхина равен 66 см; диаметр нижней плоскости эхина — 60 см.

Сохранность: сбои и значительные утраты на одной из фасадных сторон, сколы по поверхности и краям абаки, эхина и волют. Изображения ов и разделительных стержней кимы выполнены гравировкой и в древности были раскрашены. Ремешки балтеуса в центральной части балюстры изображены красной краской.

Рис. 5. Сравнительная схема развития капители ионического ордера (1, 3 — 6: самосско-эфесский вариант; 7 — 10: аттический вариант)

Принадлежит к *аттическому типу* капители ионического ордера. Канал волюты — плоско-вогнутый, в центральной части плавно прогнут над эхином. Волюты, свернутые в два с половиной оборота, снабжены выпуклыми глазками в форме полусфер диаметром 4 см. Внешний радиус волюты равен 15 см, внутренний — 11 см, нижний — 12 см. Эхин имеет горизонтальное членение на две зоны: верхнюю гладкую, несколько выступающую над нижней, и нижнюю — собственно киму, высотой 6,5 см, украшенную гравированым контурным фризом из ов и стержней. Суженные книзу овы имеют закругленные концы, стержни ланцетовидной формы выступают между овами на полную высоту. Местами в углубленных линиях ов сохранились следы красной краски. Пункты соединения волют с верхней зоной эхина украшены угловыми пальметтами. Каждая из них выполнена в виде нерасчлененной рельефной лопасти длиной 10 см, округлой снизу и слегка изогнутой вверх. Балюстры имеют цилиндрическую форму; в центральной их части сохранились 4 ремешка балтеуса, выполненные красной краской. Абак имеет в плане форму квадрата 76 х 76 см высотой 5 см. Его края профилированы обломом в форме каблучка (сильно повреждены сколами). Очевидно, что в древности капитель была покрыта полихромной росписью, в частности, лопасти угловых пальметт могли быть расчленены слегка изогнутыми лепестками, также изображенными краской.

Датировка: 2-я четверть V в. до н.э. (не позднее середины столетия).

Летом 2008 года, в ходе активной работы по проверке и переучету фондов Античного сектора Отдела искусства и археологии Древнего мира ГМИИ им. А.С. Пушкина, мое внимание привлекли два небольших обломка архитектурных деталей. Эти фрагменты, выполненные, как и элементы баз, обнаруженных в 1945 году, из золотистого плотного известняка (брекчиевого меотиса), несмотря на скромные размеры, представляют исключительный интерес для темы нашего исследования. Оба они по какой-то причине остались вне поля зрения В.Д. Блаватского. По-видимому, не знал об их существовании и И.Р. Пичикян.

Публикуются впервые.

ФРАГМЕНТ ЭХИНА КАПИТЕЛИ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА (Рис. 6, *1*).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Митридат 1953 год. Раскоп Новый Верхний Митридатский. Площадь XIII, штык 11.

Место хранения: ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № М-696.

Размеры: длина по фасадной стороне — 16 см, высота — 16 см; толщина — 6 см.

Сохранность: сохранилась одна ова, а также большая часть обрамляющего ее правого валика с примыкающим разделительным вертикальным стержнем и фрагментом левого обрамления следующей, несохранившейся, овы. У разделительного стержня утрачено остриё нижнего завершения (примерно, 1 см первоначальной высоты). С левой стороны овы сохранился небольшой обломок валика, обрамлявшего край волюты, на поверхности которого лежит нижний лепесток угловой пальметты.

Рис. 6. Фрагменты капителей ионического ордера (самосского варианта) ГМИИ инв. М-696 и М-705. Раскоп Верхний Митридатский

Особенности рельефного декора и профилировки фрагмента определенно позволяют заключить, что он является обломком крупной ионической капители, а именно фасадной частью эхина с угловой пальметтой, оформлявшей пункт соединения правой валюты с кимой эхина, декорированной овами. Первоначальная надежно восстанавливаемая высота кимы с овами, разделенными стержнями равнялась 17 см. Верхняя граница фрагмента, совпадающая с верхней гранью эхина, имеет характерную горизонтально отесанную плоскость, примыкавшую к нижней границе утраченного канала волюты.

Все сказанное позволяет надежно реконструировать высоту эхина, а также его общую конфигурацию. Тот факт, что крайняя, примыкавшая к волюте ова имеет горизонтальную верхнюю плоскость, указывает на то, что нижняя граница канала не имела прогиба вниз, но также была горизонтальна.

Измерение курватуры в максимально выпуклой части фрагмента позволило воссоздать первоначальный диаметр эхина: он оказался равен 66 см. В таком случае, диаметр нижней плоскости эхина мог быть равен 60 см. Такой вывод позволяет сделать измерение в пункте проекции на несохранившемся конце разделительного стержня, располагавшемся как раз на внешней границе нижней плоскости эхина.

Реконструируемая ширина фасадной части кимы, декорированной четырьмя овами с тремя разделительными стержнями между ними, составляет, примерно, 45 см. В таком случае общая ширина капители по фасадной стороне могла достигать 110–112 см при общей ее высоте 45–47 см[17] (Рис. 7).

Отдельного рассмотрения заслуживает такой важный элемент декора капители как угловая пальметта. Обращает на себя внимание моделировка ее лепестков: все семь лепестков имеют ланцетовидную форму с заостренными концами. Они плотно прилегают друг к другу, образуя единый блок. Центральный лепесток имеет наибольшую длину, длина лепестков, расположенных по сторонам от него, постепенно уменьшается. Все лепестки пальметты лишены даже намека на изгиб — они совершенно прямые, с едва намеченными продольными ребрами в центре. Пальметта частично прикрывает ову с округлым нижним завершением, обрамленную валиком, также снабженным центральным ребром. Сохранился, как было сказано, и разделительный стержень между овами, и примыкающая к нему часть обрамления соседней овы. Стержень также имеет ланцетовидную форму, снабжен продольным ребром и выступает между овами на всю свою длину. Пальметта выполнена в низком рельефе, ова и стержень моделированы порезкой глубиной до 2–3 см, исполненной с высокой тщательностью.

Датировка: около 500 года — около 485 г. до н.э.

На основании комплексного анализа параметров приведенного фрагмента, а также сопоставления их с имеющимися типологически и хронологически близкими ионическими капителями самосско-эфесского типа мною выполнена представленная выше реконструктивная схема этой капители (Рис. 7).

ФРАГМЕНТ ЭХИНА КАПИТЕЛИ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА: РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ СТЕРЖЕНЬ-СТРЕЛКА С ПРИМЫКАЮЩИМИ ОСТАТКАМИ ОБРАМЛЕНИЯ ОВ (Рис. 6, *2*).

*Материал: и*звестняк.

Происхождение. Митридат 1949 год. Раскоп Новый Верхний Митридатский. Площадь I, штык 13.

Место хранения: ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. № М-705.

Размеры: максимальная сохранившаяся длина по фасадной стороне — 5,6 см, сохранившаяся высота — 12,8 см; толщина — 4,2 см.

Сохранность: лицевая поверхность обломка сильно повреждена сколами, выветриванием и атмосферными осадками.

Рис. 7. Реконструктивная схема капители ионического ордера (самосского варианта), созданная на основании фрагмента эхина ГМИИ инв. М-696. (По В.П.Толстикову)

Данный фрагмент также представляет собой часть кимы эхина, примыкавшую непосредственно к крайней правой ове, перекрытой лепестками пальметты. На это указывает особенность курватуры профилировки данного обломка, отчетливо заметная при взгляде сверху. Фрагмент по своим параметрам и особенностям профилировки представляет собой как бы «зеркальное отражение» аналогичного элемента на рассмотренном выше фрагменте эхина М-696.

В тоже время ряд мелких пропорциональных отличий в моделировке деталей позволяет заключить, что этот обломок принадлежит не той же капители, что и М-696, а другой, аналогичной детали. Следовательно, мы имеем дело с фрагментами уже двух капителей, венчавших колонны одного и того же здания.

Датировка: около 500 года — около 485 г. до н.э.

Помимо перечисленных деталей к антаблементу рассматриваемого ордерного сооружения по своим размерам, характеру архитектурного декора и тщательности исполнения могут быть отнесены еще три фрагмента, обнаруженные к западу от Первого кресла горы Митридат на Центральном раскопе, т.е. примерно в 140–150 м от предполагаемого местонахождения храма. Публикуются впервые.

ПЛИТА С ФРИЗОМ ИЗ ОВ (ИОНИКОМ) (фрагментированная) (Рис. 8).

Материал: известняк.

Происхождение. Митридат 1981 год. Раскоп Центральный. Квадрат 13, штык 13. Была использована вторично в обкладке раннесредневекового погребения.

Место хранения: ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Размеры: длина по фасадной стороне — 58,2 см, высота — 17,2 см; глубина — 55 см.

Сохранность: сохранилась часть плиты с иониками, расколотая на два примерно равных фрагмента; левая часть плиты утрачена. Сколы и утраты по поверхности и краям; отбита левая часть крайней левой овы и почти полностью утрачен примыкающий к ней разделительный стержень-язычок.

Правая торцевая сторона имеет регулярное вертикальное завершение, образовывавшее стык с другой аналогичной плитой. На этой торцевой стороне применен анафирозис. Фасадная сторона плиты украшена фризом из ов с разделительными стержнями-стрелками между ними. Рельеф выполнен очень тщательной порезкой, глубиной от 1 до 3,5 см. Высота ов вместе с окаймляющими их валиками составляет 16,5 см. Плавно закругленные нижние завершения ов не доходят до нижнего края плиты на 1,9 см. Разделяющие стержни-стрелки граненые, с острыми концами, выступают на полную высоту. Их длина равна высоте плиты (17,2 см). Всего на сохранившейся части плиты расположены четыре овы и три полных стержня-стрелки. Кроме того, на левом крае, вдоль вертикально отесанного торца, размещена правая половина стрелки, а возле последней сохранившейся левой овы имеется обломок еще одной стрелки.

На верхней плоскости плиты, с правой стороны, непосредственно у регулярно отесанного края, продольно расположено крепежное гнездо пирона в форме «ласточкиного хвоста». Пирон предназначался для крепления между собой двух стыковавшихся плит фриза. Длина гнезда — 12,2 см, ширина в широкой части — 6 см, в узкой — 2 см, глубина 3,8 см, в центральной части — 6 см.

Рис. 8. Фрагмент антаблемента: фриз с овами (иониками). Митридат 1981 год. Раскоп Центральный. ГМИИ. (По В.П.Толстикову)

Датировка: около 500 — около 485 гг. до н.э.

ПЛИТА ФРИЗА С ДЕНТИКУЛАМИ (СУХАРИКАМИ) (фрагментированная) (Рис. 9).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Митридат 1982 год. Раскоп Центральный. Квадрат 88, из слоя выборки камня первых веков н.э.

Место хранения: ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Размеры: длина по фасадной стороне — 80 см, высота — 24 см; глубина — 36 см.

Сохранность: обломок плиты, не имеющий на торцевых сторонах регулярных завершений. Многочисленные сколы и утраты по краям и поверхностям. Тыльная сторона плиты обломана.

Фриз, украшающий фасадную поверхность плиты, выполнен очень тщатель-

Рис. 9. Фрагмент антаблемента: фриз с дентикулами. Митридат 1982 год. Раскоп Центральный. ГМИИ. (По В.П.Толстикову)

но. Он разделен на две горизонтальные зоны: верхняя образована полочкой высотой 8 см, нижняя декорирована сухариками прямоугольных очертаний, чередующимися с прямоугольными углублениями-промежутками. Высота сухариков-дентикул — 16 см, длина по фасадным сторонами 13 — 13,5 см, глубина — 13 см. Всего на фрагменте фриза полностью сохранились три сухарика и три промежутка между ними. Ширина промежутков колеблется от 12,3 до 13 см. Полочка выступает за границу лицевых плоскостей сухариков на 1 см.

Датировка: около 500 — около 485 гг. до н.э.

ПЛИТА ФРИЗА С ДЕНТИКУЛАМИ (СУХАРИКАМИ) (Рис. 10).

Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Митридат 1975 год. Раскоп Центральный. Квадрат 62-80.

Место хранения: Лапидарий КИКЗ. Инв. № 2270.

Размеры: длина по фасадной стороне — 97,5 см, высота — 25 см; глубина — 55,5 см.

Сохранность: сохранилась большая часть плиты, позволяющая надежно воссоздать ее габариты; фасадная сторона тщательно отесана, торцевые и тыльная стороны обработаны более грубой теской. Многочисленные сколы и утраты по краям и поверхностям. Значительный скол на полочке с жемчужником с левой

Рис. 10. Фрагмент антаблемента: фриз с дентикулами и жемчужником. Лапидарий КИКЗ. Инв. № 2270. (По В.П.Толстикову)

стороны; сколота часть жемчужника на правой стороне полочки. Утрачена левая угловая часть тыльной стороны плиты.

Фриз, оформляющий фасадную поверхность плиты, выполнен очень тщательно. Он разделен на две горизонтальные зоны: верхняя образована полочкой высотой 9 см, вдоль верхнего края которой идет фриз жемчужника высотой 3 см. Нижняя зона декорирована сухариками прямоугольных очертаний, чередующимися с прямоугольными углублениями-промежутками. Высота сухариков-дентикул — 16 см, длина по фасадным сторонами 12,5–13 см, глубина — 14 см. Всего на фризе имеется четыре полных сухарика и три с половиной промежутка между ними. Ширина полных промежутков 12,5, ширина половинного промежутка, расположенного на левом крае плиты — 11 см. Полочка выступает за границу лицевых плоскостей сухариков на 1 см.

Датировка: около 500 — около 485 гг. до н.э.

ФРАГМЕНТ ВОДОСЛИВА (Рис. 11, *1*).

*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Митридат 1953 (?) год. Раскоп Верхний Митридатский. Площадь. Штык.

Рис. 11. Фрагменты водосливов в виде львиных голов. ГМИИ инв. М-443; М-1423. (Фото и монтаж-реконструкция В.П.Толстикова)

Место хранения: ГМИИ им. А.С.Пушкина. Инв. М-443.

Размеры: длина — см, ширина — см, высота — см.

Сохранность: фрагмент водослива — нижняя челюсть головы льва. Сколы по месту облома, сколы по краям и поверхности, потертости.

Сохранились изображения шести боковых зубов (по три с каждой стороны), с примыкающими к ним участками нижней губы, стилизованными как ряд округлых фестонов, переходящих один в другой, в виде своеобразного орнаментального мотива; нижние передние зубы и клыки прикрыты высунутым языком.

ФРАГМЕНТ ВОДОСЛИВА (Рис. 11, *2*).

*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Митридат 1980(?) год. Из водопроводной траншеи вдоль южного края улицы Первая Эспланадная, перед домом №7. Из слоя с материалами V в. до н.э.

Место хранения: ГМИИ им. А.С.Пушкина. Инв. М-1423.

Размеры: длина — см, ширина — см, высота — см.

Сохранность: водослив в виде крупной скульптурной головы льва. Утрачены нижняя челюсть, уши и тыльная часть фрагмента. Сколы и потертости по изображениям верхних зубов и всей поверхности.

Скульптурное изображение головы льва выполнено с высокой тщательностью и мастерством. Крупные миндалевидные выпуклые глаза, обрамлены сверху веками, выполненными в виде узких валиков с продольными ребрами в центре. Их выразительность подчеркивают несколько нависающие, округлые, массивные надбровные дуги, плавно переходящие в лобную часть головы. Скошенная назад лобная поверхность ограничена поднимающимся вверх основанием гривы, членение которой на пряди здесь едва намечено. Область переносицы и передняя часть головы над раскрытой пастью декорированы горизонтальными углубленными линиями, стилизованно передающие морщины, подчеркивающие оскал пасти хищника.

Наличие участка регулярно отесанной плоскости за верхней границей изображения основания гривы указывает на то, что этот скульптурный элемент монтировался в специально вытесанное углубление во внешней поверхности симы. Это, в свою очередь, подразумевает, что часть изображения, а именно, пряди гривы и, вероятно, уши могли быть изображены на поверхности самой симы.

Натурное сопоставление двух приведенных фрагментов водосливов позволяет утверждать, что они принадлежат двум идентичным по назначению, размерам, материалу и времени деталям. Изображение нижней челюсти практически точно (с допуском в 2–3 мм) подходит к изображению головы льва, существенно дополняя ее (Рис. 11, *3*).

Перечисленные выше стилистические особенности, а также обобщенность и выразительная лаконичность данного скульптурного элемента (имевшего вполне определенное утилитарное назначение) с полным основанием позволяют отнести его к редким сохранившимся образцам позднеархаической-раннеклассической боспорской монументальной пластики.

Датировка: около 500 года — около 485 г. до н.э.

Рассмотрев все известные мне в настоящее время детали ионического ордера[18], происходящие из раскопок, проводившихся в непосредственной близости от верхнего плато Первого кресла горы Митридат, а также из случайных находок, которые по своим параметрам могут быть отнесены к предполагаемому раннему храму Аполлона, обратимся кратко к истории вопроса, а также к проблемам хронологии и типологии.

Обоснованно определив детали, найденные в 1945 году, как элементы баз самосского варианта ионического ордера, В.Д. Блаватский, исходя из особенностей их моделировки, пропорций и параметров, а также из характера оформления и размеров фрагмента архитрава, высказал предположение о возможности существования на верхнем плато горы Митридат раннего периптера ионического ордера и опубликовал вариант графической реконструкции его фасада[19]. Впрочем, исследователь поместил пантикапейский храм в довольно широкие хронологические рамки: от второй половины VI до конца V вв. до н.э.[20]

Надо думать, что неопределенность в вопросе датировки столь значимой для истории Пантикапея и всего Боспора монументальной ордерной постройки, объясняется не только тем, что не были открыты остатки ее фундаментов, но и отсутствием одного весьма существенного элемента, а именно капители колон-

ны, которую можно было бы отнести к этому сооружению. Именно анализ особенностей капители и сопоставление ее с сохранившимися базами могли бы значительно детализировать реконструктивную схему и уточнить дату сооружения храма.

Тем не менее, с середины 50-х годов прошлого столетия гипотеза В.Д. Блаватского о существовании на верхнем плато акрополя Пантикапея периптериального храма, посвященного верховному божеству ионийцев Аполлону, утвердилась в научной литературе. Этому немало способствовал высокий авторитет В.Д. Блаватского — одного из ведущих антиковедов, признанного специалиста в области изучения античной архитектуры[21].

Выделение «эфесской» и «самосской» разновидностей баз колонн ионического ордера связано с именем крупного германского археолога, исследователя Милета Арнима фон Геркана, предложившего в качестве критерия своей классификации характер профилировки нижнего её элемента — спиры[22]. «Эфесская» спира соответствует «ионической» спире Витрувия: она расчленена на два желобка (трохиля) и три пары кольцевых валиков (астрагалов)[23]. Спира «самосского» варианта базы цилиндрическая или имеет вогнутые боковые поверхности. Ее профилировка состоит из чередующейся системы желобков, бороздок, кольцевых валиков с промежутками между ними. Однако «самосская» спира может оставаться и полностью лишенной профилировки. Наименование двух этих групп условно и никак не связано с их ареалом; самосские базы уже достаточно рано получают распространение в Малой Азии, а базы эфесской группы не ограничиваются лишь пределами Малой Азии. Например, в Нижней Италии и Сицилии в архаическое и классическое время, как кажется, широкое распространение получили именно базы самосской разновидности[24]. Как показывают находки 1945 года из Пантикапея, самосский тип баз применялся в монументальной архитектуре и здесь, в милетской апойкии, на далекой северной окраине Ойкумены.

В цитированной работе Б. Везенберг, со ссылкой на Дж. Бордмэна, приводит два важных пропорциональных отношения, отражающих развитие баз этой разновидности и, следовательно, могущих служить «опорными пунктами» для их датировки.

Речь идет об отношении высоты спиры к высоте тора, а также об отношении диаметра спиры к ее высоте. Автор подчеркивает, что диаметр ранних спир относится к их высоте как 7 : 1, тогда как диаметр позднеархаических спир относится к их высоте едва ли как 3 : 1[25].

Для рассматриваемых пантикапейских баз, также учтенных автором, в таблице даны следующие пропорциональные отношения: высота спиры к высоте тора — около 1,3, диаметр спиры к ее высоте — около 3,6.

Следует подчеркнуть, что в данном случае автор пользовался не реальными обмерами, которые ему были недоступны, а параметрами, воссозданными по рисунку, что и отмечено им самим на странице 126 в ссылке 637. В действительности же первая пропорция составляет 1,38 (22,8 см : 16,5 см), вторая — 3,79 (86,5 см : 22,8 см). Далее, характеризуя специфику эволюции самосских баз, Б. Везенберг, говоря о развитии профилировки тора, подчеркивает, что процесс шел от «*множественной, более уплощенной и узкой каннелировки к декору с*

Рис. 12. Сравнительная схема эволюции баз колонн ионического ордера самосского варианта. (По Wesenberg, 1971. S. 125)

меньшим количеством более широких и заглубленных скоций. То же относится и к профилировке самосских спир, развитие которых привело к появлению вогнутого профиля ...»[26].

Если анализировать пантикапейские базы, опираясь на приведенные выше критерии (и исходя из реальных параметров этих деталей), то их следует отнести к самому концу эволюционного ряда, приведенного в таблице Б. Везенберга, поместив на рубеж VI–V вв. до н.э. (Рис. 12, *8*).

Следующим, не менее значимым и информативным в типологическом и хронологическом смысле элементом ордера служит капитель. В 70–80 годах прошлого века, в процессе работы над диссертационной темой «Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья»[27], Игорем Рубеновичем Пичикяном, наряду с изучением имевшихся и доступных на тот момент материалов по ордерной архитектуре Ольвии, Херсонеса и Боспора, было предпринято и повторное исследование рассматриваемых деталей, относимых к раннему пантикапейскому храму. В частности, он обратил внимание на фрагментированную ионическую капитель из запасников Керченского музея. Им же были выполнены обмерные чертежи и описание этой керченской капители, не имеющей точного места находки, и упомянутой Ю.Ю. Марти еще в 1937 году[28].

Прекрасно понимая значение такого элемента как капитель для воссоздания облика и датировки раннего пантикапейского храма, И.Р. Пичикян счел возможным включить керченскую деталь в свою реконструктивную схему[29]. Он писал: *«Как удалось выяснить, эта капитель хронологически может принадлежать тому же монументальному храму: как по характеру материала (золоти-*

сто-желтому мелкозернистому известняку — брекчиевому меотису), так и по размерам (ширина капители равна диаметру баз: 0,86 = 0,86) она полностью соответствует базам малоазийского типа, открытым В.Д. Блаватским в 1945 г. То, что перед нами элементы одной и той же ордерной постройки, — несомненно»[30]. И.Р. Пичикян даже определил ее «*как типологическую единицу в промежуточном звене среди известных нам архаических и классических капителей ионического ордера»*[31] и датировал первой половиной V в. до н.э.

Мне представляется, однако, что по своим характеристикам эта капитель не может быть датирована временем ранее середины IV в. до н.э. На это определенно указывает целый ряд стилистических признаков, а именно:

а) вогнутая поверхность канала волют;

б) выраженный прогиб вниз в центральной части канала;

в) характерные очертания ов кимы эхина, с сильно суженными книзу, почти заостренными концами; а также выступающие между ними на полную высоту стержни-стрелки;

г) и, главное, характер изображения угловых пальметт с отделенными один от другого узкими, заостренными на концах, S-образно изогнутыми лепестками.

На специфике изображения угловых пальметт следует остановиться подробнее, поскольку пальметты служат одним из важнейших стилистических (и датирующих) элементов декора капителей.

В настоящее время, благодаря ряду находок капителей и их фрагментов, происходящих из раскопок Милета и его округи, а также двух известных алтарных акротериев из Пантикапея, может быть намечен достаточно представительный их эволюционный ряд. В этом ряду, образованном преимущественно угловыми волютными акротериями алтарей, наглядно прослеживаются характерные изменения в пластическом изображении пальметт (Рис. 13).

На самом раннем образце из Миунта, датируемом 2-й четвертью — серединой VI в. до н.э.[32], пальметты имеют вид плотных блоков из прямых, расширяющихся лепестков с концами, оформленными в виде правильных полукружий (Рис. 13, *1*).

На угловом акротерии с волютами, украшавшем алтарь на мысе Монодендра, сооруженный в 30-е годы VI столетия, пальметты сохраняют аналогичную форму, однако концы их имеют более вытянутые закругления[33] (Рис. 13, *2*). Аналогичную форму имеет и пальметта акротерия алтаря из Пантикапея, датируемого тем же временем[34] (Рис. 12, *3*). Уже в отдельных памятниках 3-й четверти VI столетия лепестки пальметт начинают приобретать все более вытянутые очертания, а концы их заостряются. Примером тому может служить изображение пальметты на угловом керамическом антефиксе храма Афины на Калабак-тепе в Милете[35] (Рис. 13, 4).

К концу VI — началу V вв. до н.э. и позднее лепестки пальметт расчленяются, причем боковые получают изгиб. Например, пальметта такого типа украшает еще один угловой акротерий алтаря из Милета[36] (Рис. 13, *5*).

Пантикапейский фрагмент эхина с угловой пальметтой в представленном эволюционном ряду определенно занимает место среди изображений пальметт рубежа VI–V веков до н.э. (Рис. 13, 7).

Рис. 13. Сравнительная таблица эволюции изображений угловых пальметт на акротериях милетских алтарей VI — V вв. до н.э. (По материалам Koenigs. IstMitt. Bd. 29. Tl. I. 1979. IstMitt. Bd. 30. 1980)

В качестве наглядного примера не могу в этой связи не остановиться на уникальном образце хорошо сохранившейся и надежно датируемой постройки ионического ордера на Боспоре[37]. Речь идет об известном двухколонном портике, оформлявшем вход в священный участок Нимфея и снабженном посвятительной надписью некоего Теопропида, сына Мегакла[38]. Возведенный во второй четверти IV в. до н.э., как это явствует из контекста титулатуры упомянутого в надписи на архитраве портика правителя Боспора Левкона I, этот парадный вход-эйсодос был выполнен с использованием поздней разновидности самосско-эфесского ионического ордера, а также элементов дорики. В известном смысле в данном случае можно говорить о своеобразной «архаизации», консервации на Боспоре ряда стилистических и пропорциональных особенностей, присущих этому более раннему варианту ордера. Однако, наряду с другими признаками, именно изображение угловых пальметт на сохранившейся капители служит одним из стилистических критериев, маркирующих более позднюю принадлежность постройки: все четыре лепестка пальметт четко отделены один от другого и имеют выраженный S-образный изгиб. Более того, их заостренные концы загнуты вверх в виде полуколец.

После подавления персами Ионийского восстания и падения Милета в 494 году до н.э. культурная жизнь в полисах Малой Азии переживает период упадка и стагнации. Примерно с 80-х годов V столетия все более широкое распространение получает активно развивающийся аттический вариант ионического ордера[39]. Показательно, что в характере изображений угловых пальметт сохраняется та же тенденция: лепестки пальметт расчленяются, приобретая при этом все более выраженный S-образный изгиб[40] (Рис. 14).

Рис. 14. Сравнительная таблица эволюции изображений угловых пальметт на капителях ионического ордера (аттический вариант). (По Korres, 1996, S. 97, Abb. 13; 14)

Принимая во внимание сказанное, керченская капитель (Лапидарий КИКЗ. Инв. № 825), которую И.Р. Пичикян относил к раннему пантикапейскому храму Аполлона, таковой считаться не может.

Очевидно, что исследователь существенно занизил дату этой архитектурной детали. Более того, и это следует подчеркнуть особо, такая капитель аттического варианта ионического ордера вряд ли могла венчать колонну, опиравшуюся на базу самосского типа, поскольку аттический вариант ордера предусматривал использование собственной базы, существенно отличавшейся от базы самосского типа.

Точно так же нет оснований относить к раннему пантикапейскому храму и капитель, хранящуюся в ГМИИ им. А.С. Пушкина (инв. № М-1490) (Рис. 15). Несмотря на то, что по своим параметрам она неплохо корреспондирует с базами 1945 года, и на хронологической шкале может быть помещена значительно ближе ко времени существования раннего храма, она, так же как и предыдущая, представляет собой образец аттического варианта ионического ордера[41]. Следовательно, с ранним храмом, сооруженным в самосском его варианте, связывать и эту капитель не представляется возможным.

В этой связи приобретают особое значение фрагменты капителей, хранящиеся в ГМИИ им. А.С. Пушкина под инв. №№ М-696 и М-705 (Рис. 6, *1; 2)*. Несмотря на свои весьма скромные размеры эти обломки содержат информацию исключительной важности.

Общая высота эхинов капителей, которым принадлежат рассматриваемые фрагменты, определенно равнялась 17 см. Реконструируемые на основании анализа курватуры фрагмента М-696 параметры эхина показывают, что, при максимальном диаметре 66 см, диаметр нижней его плоскости составлял не менее 60 см. Графическая реконструкция капители, выполненная на основании измерений всех параметров данного фрагмента, позволяет предполагать, что общая длина ее по фасадной стороне могла быть не менее 112 см, при ширине польстеров не менее 47–48 см. Это говорит о том, что рассматриваемая капитель должна была иметь в плане вытянутые очертания. Отношение ее общей длины к ширине польстеров могло составлять ~ 1 : 2,4 (112 см : 48 см). Это позволяет предполагать, что капитель сохраняла пропорции, характерные для ранних ионических капителей[42] (Рис. 7). О профиле канала волют рассматриваемой капители у нас информации нет, однако он мог быть как выпуклым, так и вогнутым. Поскольку хронологический период между 500 и 485 годами, к которому ее следует отнести, являлся переходным от более раннего выпуклого профиля канала к более развитому вогнутому профилю[43]. Сохранился целый ряд ионических капителей переходного типа, относящихся к позднеархаическому — раннеклассическому периодам, на фасадных сторонах которых применены одновременно оба указанных типа профилировки каналов[44].

Особенно информативно изображение угловой пальметты, сохранившееся на фрагменте эхина М-696. Все семь лепестков расположены довольно плотно один к другому. Они совершенно прямые, лишенные даже намека на изгиб, имеют ланцетовидную форму и снабжены продольными ребрами. Среди угловых пальметт капителей полных аналогий мне найти пока не удалось. Однако близкие параллели обнаруживаются на алтарных волютах, происходящих из

Рис. 15. Ионическая капитель (аттический вариант). Митридат 1979. Раскоп Новый Верхний Митридатский. ГМИИ инв. М-1490. (По В.П.Толстикову)

Милета и его округи, а также на двух завершениях алтарей из Пантикапея. Как можно видеть, в эволюционном ряду изображений угловых пальметт этот элемент, представленный на пантикапейском фрагменте М-696, определенно, занимает хронологический промежуток от рубежа VI-V веков до конца первой четверти V века до н.э. (Рис. 13, *7*).

Сопоставление реконструируемых параметров капители, которой принадлежал наш обломок эхина, позволяет заключить, что ее длина, по фасадной стороне равная 110–112 см, а также диаметр нижней плоскости эхина, равный 60 см, хорошо соответствуют параметрам баз, найденных в 1945 году[45].

Кроме того, реконструируемые размеры боковой стороны абака и ширины польстера, равные, соответственно, ~ 52–55 см и ~ 47–48 см, хорошо корреспондируют с шириной архитрава, который был образован двумя параллельно уложенными и скрепленными между собой брусьями. При известной ширине нижней плоскости сохранившегося фрагмента такого бруса, равной 22 см, общая ширина архитрава должна была составлять 44–46 см. Такое совпадение общей глубины архитрава с реконструированной глубиной верхней плоскости абака капители вряд ли является случайным (Рис. 16).

Рис. 16. Реконструктивная схема ордера раннего храма Аполлона в Пантикапее. (По В.П.Толстикову)

Приведенные выше аргументы служат серьезным основанием для предположения о том, что рассматриваемые фрагменты М-696 и М-705 принадлежат двум идентичным капителям именно *самосского* варианта ионического ордера, т.е. колоннам той же разновидности и тех же размеров, что и базы, обнаруженные В.Д. Блаватским в 1945 году[46].

Основываясь на анализе приведенных выше архитектурных деталей и их фрагментов, а именно: баз колонн, реконструированной капители, трех элементов антаблемента — фрагмента архитравной балки, фризов с ониками и дентикулами, я предлагаю уточненный вариант графической реконструктивной схемы фасада раннего пантикапейского храма. Несмотря на то, что части карниза отсутствуют, на основании имеющегося фрагмента водослива в виде головы льва мы можем определить приблизительную высоту симы: она могла лежать в пределах от 35 до 45 см (Рис. 18).

Рис. 17. План архаического периптерального храма в Миунте. (По Weber, 1967. S. 133, Abb. 2)

Отдавая себе отчет в гипотетическом характере этой схемы, я, тем не менее, считаю необходимым обратить внимание на ряд моментов, выявленных в процессе ее создания, которые мне представляются не случайными.

1. Надежно фиксируемый нижний диаметр ствола колонны, равный диаметру верхней плоскости тора (73,5 см), хорошо соответствует реконструируемому диаметру нижней плоскости капители (60 см). Он значительно более продуктивен для реконструкции, чем диаметр капители КЛ КИКЗ, инв. № 825, равный 50 см. То же самое относится и к длине фасадной стороны капители, которой принадлежит фрагмент эхина ГМИИ, М-696.

2. Очень близки общая высота базы (39,3 см) и реконструируемая суммарная высота эхина, канала и абака капители (~ 40 см).

3. Восстанавливаемая глубина абака (или, в случае его отсутствия, что типично для капителей самосского варианта, для верхней несущей плоскости капители), равная ~ 50 см, хорошо соответствует известной совокупной глубине нижних плоскостей двух балок, оформлявших архитрав храма (35–42 см).

4. Высота ов эхина капители равна высоте ов, изображенных на плите ионика антаблемента (17 см). Кроме того, практически идентичны и стилистические черты обоих изображений ов и разделяющих их ланцетовидных стержней-язычков.

Переходя к проблеме типологической принадлежности раннего пантикапей-

Рис. 18. Реконструктивная гипотетическая схема фасада раннего храма Аполлона на акрополе Пантикапея. 500– 485 гг. до н.э. (По В.П.Толстикову)

ского храма, следует совершить небольшой экскурс в историю возникновения и развития периптера в малоазийской архитектуре.

В эллинских полисах Малой Азии периптеральный храм формируется уже в очень раннее время[47]. Древнейшим из известных в настоящее время примеров храмовой постройки такого типа может служить периптер второй половины VIII в. до н.э., открытый раскопками в знаменитом святилище Артемиды в Эфесе. В плане это сооружение имело размеры 6,50 м х 13,50 м. Окружавшую его колоннаду образовывали по 4 колонны на фасадных и по 8 колонн на боковых сторонах.

VIII столетием может быть датирован также периптер на акрополе Теоса, размеры в плане которого составляли 13 м х 44,30 м; колоннада этого храма, по-видимому, была сооружена из дерева.

Периптеральный храм Диониса ионического ордера, сооруженный на нижней террасе в Миунте, относится уже, примерно, к середине VI в. до н.э.[48]. Исследованы значительные участки сохранившихся фундаментов, а также подтесы в скальном материковом грунте, позволяющие полностью реконструировать план храма, размерами 17,28 м х 29,84 м. В основу системы измерений этого сооружения был положен самосский локоть (1 локоть = 0,5235 м). Храм, состоявший из глубокого пронаоса и целы, окружала колоннада, на фасадных сторонах которой было размещено по 6 колонн, на боковых — по 10 колонн[49].

Значительный интерес для темы нашего исследования представляют два периптера позднеархаического времени, один из которых исследован в милетской области, а другой на территории самого Милета.

Остатки первого периптерального храма, посвященного, предположительно, Афине-Асессии, были открыты раскопками на Менгеревтепе (Mengerevtepe). Он датируется около 500 г. до н.э. и, вероятно, был разрушен в 494 году во время персидского вторжения[50]. Сохранился юго-западный угол стилобата с двумя барабанами колонн in situ, расстояние между центрами которых составляло 2,38 м. Найдены детали ордера, в т.ч. обломки ионических капителей и барабаны колонн. Крепида храма выполнена в виде одной ступени; архитрав, как предполагает исследователь, вероятно, был деревянным.

Реконструктивная схема и датировка другого периптера — храма Афины в Милете неоднократно дискутировалась. По А. фон Геркану, основанием для этого храма служил высокий подиум, на который вела монументальная лестница из 11 ступеней[51]. Колоннада, по мнению исследователя, состояла из 6 колонн на фасадной стороне, из 7 колонн на его тыльной стороне, а боковые стороны обрамляли по 10 колонн.

Г. Клейнер предлагает иную реконструктивную схему этого храма, согласно которой он был сооружен на террасе, а на его фронтальной стороне располагался двойной ряд колонн[52].

А. Маллвитц реконструирует этот храм в виде псевдо-диптера с двойным рядом по 8 колонн на фронтальной стороне, 8 колоннами на тыльной стороне и 14 колоннами на боковых сторонах. По его мнению, три средние интерколумния на узких сторонах имели большую протяженность[53].

Новейшее повторное изучение материалов, связанных с храмом Афины в Милете, с высокой степенью вероятности показало, что это был периптер с двойным рядом из 6 колонн по фронту, 6 колоннами на тыльной стороне и 9 колоннами по длинным сторонам. Он возвышался на трехступенчатой крепиде, располагавшейся над высокой террасой[54]. По расчетам В. Хельда, интерколумнии боковых сторон храма были более протяженными, чем у колонн на фронтальных сторонах.

Новейшие раскопки позволили внести ясность в вопрос о датировке храма Афины в Милете[55]. В одном из колодцев рядом с ним, слой засыпи которого датируется последними годами VI — началом V вв. до н.э., был обнаружен фрагмент ионической кимы, имеющей большое сходство с фрагментом, принадлежащим храму Афины. По мнению В.-Д. Нимейера, колодец мог быть засыпан *после* разрушения города персами или *после* битвы при Микале, т.е. в первой четверти V в. до н.э. Это, естественно, позволяет отнести дату возведения храма ко времени до персидского вторжения, приведшего к его разрушению.

Особую группу среди периптеральных храмов образуют три архаических постройки в святилище Геры на Самосе[56]. Однако из-за поистине колоссальных своих размеров они вряд ли могут быть привлечены для сопоставления с ранним пантикапейским храмом.

Интерес представляет, пожалуй, характер изображения угловой пальметты капители самосского Герайона. Три лепестка пальметты, имеющие характерную для поздней архаики форму в виде расширяющейся лопасти с несколько вытянутыми, скругленными концами, разделены ланцетовидными стержнями с продольными ребрами, которые выступают на полную длину. По сути дела,

Гипотетический план акрополя Пантикапея в первой четверти V века до н.э.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
I
II
III
+60.00
+65.00
+70.00
+75.00
+80.00
+92.00
0
10
20
30
40
50
100
150 м
МАСШТАБ 1 : 500

Рис. 19. Гипотетический план акрополя Пантикапея в 500–485 гг. до н.э. (По В.П.Толстикову).
Условные обозначения:
1. Трассы улиц.
2. Археологически исследованные строительные объекты.
3. Предполагаемая трасса стен раннего акрополя.
4. Скальные массивы.
5. *Современные объекты:*
   I — Обелиск.
   II — Большая митридатская лестница.
   III — Местоположение Старого музея.

на пантикапейском фрагменте эхина М-696 лепестки пальметт имеют форму очень близкую именно этим стержням, декорирующим пальметту капители храма Геры на Самосе (Рис. 5, *3; 6*).

Очевидно, что к рубежу VI–V вв. до н.э. в полисах Малой Азии, и, прежде всего, в Милете, сформировался и получил достаточно широкое распространение тип периптерального храма ионического ордера. При этом, если исключить упомянутую последней особую группу на Самосе, можно заметить, что предпочтение в отношении пропорций отдавалось коротким постройкам, по крайней мере, для тех храмов, планы которых известны[57].

Рассматривая вопрос о возможности сооружения периптерального храма на акрополе Пантикапея в период от 500 до 485 гг. до н.э., хочу подчеркнуть, что приведенные в данной работе уточнения не отменяют общую реконструктивную схему, предложенную В.Д. Блаватским и развитую И.Р. Пичикяном[58]. Дело в том, что параметры сохранившихся баз и реконструируемой нами капители свидетельствуют о том, что эти детали принадлежат ордерной постройке, которая по своим размерам занимает как бы промежуточное положение между очень крупным амфипростилем и относительно небольшим периптером. На это обстоятельство справедливо указывал И.Р. Пичикян, подчеркивая, что «*ордерные детали пантикапейского храма близки периптериальным, но значительно превышают размеры амфипростильных и антовых храмов*»[59].

Принимая во внимание местоположение храма на верхнем плато холма, его особое значение для главного полиса Боспора и возможность почти полного его обзора со стороны бухты, я, вслед за В.Д. Блаватским и И.Р. Пичикяном, считаю возможным отдать предпочтение периптеральному типу сооружения. Однако, учитывая отмеченную выше тенденцию к несколько укороченным в плане периптерам, характерную для милетской архитектуры архаического периода, можно предполагать, что и ранний пантикапейский храм с шестью колоннами на фасадных сторонах мог иметь не более чем восемь или десять колонн на боковых сторонах.

Вновь публикуемые материалы и выводы, основанные на комплексном их анализе, позволяют, как мне представляется, приблизиться к решению сложного вопроса относительно датировки этого столь значимого для ранней истории Боспора монументального ордерного сооружения. Периптер самосского варианта ионического ордера мог быть воздвигнут между 500 и 485 годами до н.э.

Возможность сооружения столь значительного по затратам средств и сил, а также столь сложного в техническом отношении здания могла возникнуть не только в силу роста политического значения и экономического потенциала молодого полиса, но и благодаря притоку в Пантикапей известного числа новых переселенцев-эпойков из Милета и других областей Ионии после подавления персами Ионийского восстания и разрушения ими Милета в 494 г. до н. э.[60] Не исключено, что переселение отдельных групп милетян могло и предшествовать этим трагическим событиям. Весьма наглядный пример такого рода эмиграции засвидетельствован Геродотом, который сообщает, что зять милетского тирана Гистиэя Аристагор, будучи так же тираном Милета, в 496 г. до н.э., т.е. перед спровоцированным им Ионийским восстанием, покинул Милет в качестве беженца и вместе с другими колонистами обосновался в Миркине — в области Материковой Греции, в которой позднее возник город Амфиполь[61]. Этот эпизод показывает, что в числе вынужденных эмигрантов были как представители богатых аристократических фамилий, так и граждане других категорий. Не исключено, что родину могло покинуть и некоторое количество искусных ремесленников, архитекторов и каменотесов.

Данные наших раскопок определенно свидетельствуют о том, что в период между 510–485 гг. до н.э. (*фаза 2 строительного периода II*) на вершине горы Митридат, к западу от Первого кресла, возводится ряд монументальных построек, группировавшихся вокруг толоса и образовывавших единый архитектурный ансамбль[62]. Тогда же сооружаются и первые многокамерные жилые дома с подвальными помещениями, типа дома Койрана, хорошо сохранившиеся остатки которого были частично открыты в 1949 и 1952 годах на Верхнем Митридатском раскопе[63] (Рис. 19).

Возведение периптерального храма на верхнем плато холма также приходится на этот весьма значимый для Пантикапея период: это было время активной урбанизации его центрального района, архитектурно-планировочного оформления городского центра молодого полиса и, как представляется, момент начала чеканки первых серий пантикапейского серебра[64].

Последующие годы отмечены дестабилизацией военно-политической ситуации и серьезными испытаниями для полисов Боспора Киммерийского[65]. Где-то между 490–480 гг. до н.э. прогрессивное развитие формирующейся городской среды центрального района Пантикапея было временно прервано, вероятно, в результате военных действий. Археологическими свидетельствами тому служат слои пожарищ и разрушений в большинстве населенных пунктов по обеим сторонам пролива, как в самом Пантикапее, так и в Порфмии, Мирмекии, Тиритаке, Нимфеи, Кепах, Фанагории и ряде других пунктов. В этом контексте следует трактовать и материал боспорских некрополей, свидетельствующий о значительном росте числа погребений с оружием[66].

Я продолжаю оставаться сторонником той точки зрения, что источником военной опасности могли стать новые группы номадов. Их появление в крымской степи с третьей четверти VI столетия фиксируется значительным количеством погребений воинов-кочевников с оружием. Исследователи обращают внимание на характерный факт «рассеянности одиночных могил, в которых погребены почти исключительно представители воинского сословия»[67]. Эти па-

мятники можно соотнести именно с кочевыми скифами, не имевшими на территории Крыма родовых могильников.

Набеги кочевников на первых порах были весьма опасны, о чем свидетельствует факт возведения первых периметров оборонительных стен боспорских городов. Особенно показательны в этом отношении ранние городские стены Тиритаки[68] и древнейшая стена акрополя Пантикапея[69]. В обоих случаях в трассы укреплений были специально включены внешние стены разрушенных и сгоревших в пожарах зданий предшествующего периода, а в слоях пожарищ обнаружены наконечники стрел скифских типов. Совершенно очевидно, что эти укрепления сооружались в условиях серьезной военной опасности и наиболее быстрым и экономичным способом.

Дополнительным свидетельством существования военной угрозы служит и археологически зафиксированный факт временного запустения в центральной части Пантикапея, характеризующийся разрушением монументальных общественных зданий и возвратом населения к примитивным, заглубленным в землю строительным структурам.

В этом пункте исследования мы подходим к вопросу о судьбе раннего пантикапейского периптера. Нельзя исключить, что недавно сооруженный храм мог также пострадать в этот драматический момент истории Боспора.

Приход к власти в Пантикапее Археанактидов в 480/479 гг. и наступившая в 70-е — 60-е годы V столетия некоторая стабилизация военно-политической обстановки могли сделать актуальным вопрос о восстановлении или ремонте главного храма Боспора.

Может быть, именно этому новому храму и принадлежит ионическая капитель аттического типа инв. № М-1490, обнаруженная в 1979 году на Новом Верхнем Митридатском раскопе? Во всяком случае, существование храма Аполлона в Пантикапее в течение IV–III вв. до н.э. надежно подтверждено эпиграфическими источниками[70].

Не рискуя углубляться в сферу отвлеченных предположений, отмечу лишь один существенный, на мой взгляд, факт: диаметр нижней плоскости эхина названной капители аттического варианта ионического ордера равен 60 см, то есть идентичен диаметру реконструируемой мной капители раннего храма. Это может указывать на то, что колоннада — птера нового храма могла иметь примерно те же параметры, что и колоннада раннего периптера. Предположение же о том, что в ходе капитального ремонта раннего храма были сохранены старые базы самосского типа, а опирающиеся на них колонны увенчаны новыми капителями аттического типа, вряд ли правомерно.

В заключение следует заметить, что несмотря на определенный прогресс в решении вопросов, связанных с ранним храмом Аполлона в Пантикапее, лишь продолжение планомерных археологических исследований на территории городища, прежде всего, в районе вершины Первого кресла горы Митридат, может дать новые материалы, которые позволят уточнить и расширить наши представления о главном храме Боспора Киммерийского.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Толстиков В.П.* Новые материалы по храмовой архитектуре Пантикапея // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1986 год. М., 1987. С. 9-11; *он же.* Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 45-99; *Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г.* Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 282-304; *Толстиков В.П.* Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея. (К проблеме локализации, интерпретации и графической реконструкции // ДБ. 3. 2000. С. 302-399; *он же.* Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // БД. 4. 2001. С. 385-427; *Толстиков В.П., Ломтадзе Г.А.* К вопросу о времени основания басилеи Спартокидов на акрополе Пантикапея // БД. 4. 2001. С. 427-441; *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Архаический толос на акрополе Пантикапея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2002. С. 43-49; *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея // ДБ. 5. 2002. С. 260-285; *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V веков до н.э. // ДБ. 6. 2003. С. 307-350; *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. 7. 2004. С. 344-365.
2. *Alzinger W.* Von der Archaik zur Klassik. Zur Entwicklung des ionischen Kapitells in Kleinasien während des fünften Jahrhunderts v. Chr. // Österreichischen archäologischen Institutes in Wien. Bd. L [50]. Baden bei Wien; *Koenigs W.* Archaische Bauglieder aus Milet: I. Ionische Kapitelle // IstMitt. Bd. 29. Tl. I. 1979. *Koenigs W.* Bauglieder aus Milet II // IstMitt. Bd. 30. 1980; *Korres M.* Ein Beitrag zur Kenntnis der Attisch-ionischen Architektur // Säule und Gebälk. Zur Struktur und Wandlungsprozeß griechisch-römischer Architektur. Bauforschungskolloquium in Berlin vom 16. bis 18. Juni 1994 veranstaltet vom Architekturreferat des DAI. Mainz am Rhein, 1996; *Schmidt-Dounas B.* Frühe Peripteraltempel in Nordgriechenland // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 119. Mainz am Rhein, 2004; *Kirschhoff W.* Die Entwicklung des ionischen Volutenkapitells im 6. und 5. Jhd. und seine Entstehung // Habelts Dissertationsdrucke. Reihe klassische Archäologie. Heft 22. Bonn; *Kleiner G.* Die Ruinen von Milet. 1968; *Kleiner G.* Die Ruinen von Milet. 1988; *Weber H.* Myus. Grabung 1964 // IstMitt. Bd. 15. Tübingen, 1965; *Weber H.* Myus. Grabung 1966 // IstMitt. Bd. 17. Tübingen, 1967; *Weber B.F.* Zum spätarchaischen Tempel auf Mengerevtepe bei Milet // Säule und Gebälk. Zur Struktur und Wandlungsprozeß griechisch-römischer Architektur. Bauforschungskolloquium in Berlin vom 16. bis 18. Juni 1994 veranstaltet vom Architekturreferat des DAI. Mainz am Rhein, 1996; *Wesenberg B.* Kapitelle und Basen. Beobachtungen zur Entstehung der griechischen Säulenformen. Düsseldorf, 1971.
3. *Блаватский В.Д.* Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. XXXV. 1950. С. 35.
4. *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. № 56. 1957. С. 28–33.
5. В настоящее время три спиры и один тор хранятся в Лапидарии КИКЗ, а еще один тор — в Отделе искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. А.С. Пушкина.

6. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945 году // Архив ИА РАН. Р–1/29. С. 4.
7. Я специально акцентирую внимание на локализации пункта находки рассматриваемых деталей, поскольку позднее в специальной монографии И.Р. Пичикяна, на этот счет была, к сожалению, приведена неверная информация // *Пичикян И.Р.* Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья. Автореф. канд. диссерт. М., 1984. С. 157. Автор ошибочно утверждает, что эти детали были обнаружены «...на небольшом Верхнемитридатском раскопе...».
8. *Блаватский.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. С. 31.
9. Это уточнение существенно для датировки: нижний диаметр спиры несколько больше верхнего.
10. В прежних публикациях на границе нижней скоции и нижнего канта спиры ошибочно помещался разделительный валик.
11. На наличие этой скошенной фаски впервые обратила внимание А.В. Буйских.
12. Это замечание важно, поскольку на чертеже в публикации В.Д. Блаватского этот фрагмент представлен таким образом, что создается впечатление наличия на правом торце блока регулярно отесанной вертикальной плоскости. Блаватский. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. С. 30, рис. 16.
13. Приводимые данные, равно как и новый публикуемый чертеж капители, подготовлены и предоставлены в мое распоряжение А.В. Буйских, которой я выражаю искреннюю благодарность за эти и другие материалы, а также за помощь в подборе литературы и ценные советы по теме исследования.
14. Эта датировка, которую я разделяю, принадлежит А.В. Буйских.
15. *Толстиков В.П.* Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. №1. С. 88-114.
16. *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н.э.) // ВДИ. 1984. №3. 1984. С. 45-46.
17. За основу реконструктивной схемы пантикапейской капители принята капитель из Милета, графически воссозданная В. Кёнигсом на основании сохранившегося фрагмента – волюты с частью канала и абака // *Koenigs W.* Archaische Bauglieder aus Milet: I. Ionische Kapitelle // IstMitt. Bd. 29. Tl. I. 1979. S. 187-192, inv. № 2285. Beilage 5. № 2.
18. Имеется информация о находке в 2006 году на южном склоне горы Митридат, на участке к югу от здания Керченского музея, целого архитравного блока, аналогичного фрагменту, найденному в 1945. Публикация этой важной детали будет осуществлена автором разведки А.Л. Ермолиным, которому я весьма признателен за эту предварительную информацию.
19. Выполненный в карандаше оригинал этого чертежа хранится в Отделе искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. А.С. Пушкина.
20. *Блаватский В.Д.* Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. XXXV. 1950. С. 35; *он же* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. С. 32.
21. *Блаватский В.Д.* Архитектура Древнего Рима // *Шуази О.* История архитектуры. I. М., 1935. Приложения. С. 390-425; с. 507-528; *он же*. Архитектура Древнего Рима. М., 1938; *он же*. Архитектура античного мира. М., 1939.
22. *Gerkan A. von*. Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung // Milet. Bd. 1, Hft. 8. Berlin, 1925. S. 67.
23. Цитирую по: *Витрувий*. Десять книг по архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. М.,

1936. С. 72–73 (Vitruv III, 5, 2–3).
24. *Wesenberg B.* Kapitelle und Basen. Beobachtungen zur Entstehung der griechischen Säulenformen. Düsseldorf, 1971. S. 117-118.
25. Ibid. S. 125. Здесь же приводится таблица отношений указанных параметров баз самосской и эфесской групп.
26. Ibid. S. 126.
27. *Пичикян И.Р.* Античная ордерная архитектура Северного Причерноморья. Автореф. канд. диссерт. М., 1975.
28. *Марти Ю.Ю.* Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею. Симферополь, 1937. С. 9.
29. *Пичикян И.Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 158-166.
30. Там же. С. 157.
31. Там же. С. 165.
32. *Koenigs W.* Bauglieder aus Milet II // IstMitt. Bd. 30. 1980. S. 59-62.
33. Ibid. S. 65-67.
34. Существует несколько точек зрения относительно функциональной принадлежности детали. Согласно И.Р. Пичикяну, деталь могла быть фрагментом антовой капители консольного типа или частью капители алтаря, крепившейся положением «волютой вниз». По мнению А.В. Буйских, это – волюта алтаря, крепившаяся на его углу положением «волютой вверх». Пичикян. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. С. 170-172.
35. *Gerkan A. von.* Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung // Milet. Bd. 1. Hft. 8. Berlin, 1925. S. 16.
36. *Koenigs.* Bauglieder aus Milet II. S. 70-72 (№4).
37. *Соколова О.Ю.* Основные итоги раскопок Нимфея (1939–1998) // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 150-154.
38. *Соколова О.Ю.* Нимфей // Античные памятники Крыма. Киев, 2004. С. 103; 105-107; с. 94 — реконструкция.
39. *Alzinger W.* Von der Archaik zur Klassik. Zur Entwicklung des ionischen Kapitells in Kleinasien während des fünften Jahrhunderts v. Chr. // Österreichischen archäologischen Institutes in Wien. Bd. L [50]. Baden bei Wien. S. 169-202.
40. *Korres M.* Ein Beitrag zur Kenntnis der Attisch-ionischen Architektur // Säule und Gebälk. Zur Struktur und Wandlungsprozeß griechisch-römischer Architektur. Bauforschungskolloquium in Berlin vom 16. bis 18. Juni 1994 veranstaltet vom Architekturreferat des DAI. Mainz am Rhein, 1996. S. 97; 99, Abb. 13, 14.
41. Кстати, не исключено, что эта капитель, датируемая 480–460 гг. до н.э., представляет собой сегодня однин из наиболее ранних образцов аттического варианта ионического ордера на Боспоре.
42. *Kirschhoff W.* Die Entwicklung des ionischen Volutenkapitells im 6. und 5. Jhd. und seine Entstehung // Habelts Dissertationsdrucke. Reihe klassische Archäologie. Heft 22. Bonn, 1988. S. 204 u.f.; *Koenigs W.* Zwei Säulen aus Biga // IstMitt. Bd. 39, 1989. S. 289-295.
43. Как известно, в аттической вазописи этот хронологический отрезок характеризуется переходом от чернофигурного стиля к краснофигурному. Для него характерно появление сосудов, роспись которых выполнена одновременно в двух этих техниках.
44. Примечательно, что в боспорской архитектуре выпуклая профилировка канала капители сохраняется до второй четверти IV в. до н.э. Примером тому служит уже упомянутая капитель нимфейских пропилеев. *Schmidt-Dounas B.* Frühe Peripteral-

tempel in Nordgriechenland // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 119. Mainz am Rhein, 2004. S. 140-141.

45. Отмечу в этой связи, что капитель, которую И.Р. Пичикян относил к раннему храму Аполлона, имеет длину по фасадной стороне всего лишь 85 см, что совершенно недостаточно для колонны с базой диаметром 86,5 см.
46. Сам пункт находки этого фрагмента в пределах Верхнего Митридатского раскопа служит дополнительным, хотя, конечно, и косвенным аргументом в пользу данного предположения.
47. Приведенная ниже информация относительно археологически исследованных периптеров составлена по материалам, представленным в работе Шмидт-Доунас (с литературой). *Schmidt-Dounas.* Frühe Peripteraltempel in Nordgriechenland... S. 128-133.
48. *Weber H.* Myus. Grabung 1964 // IstMitt. Bd. 15. Tübingen, 1965. S. 43-64.
49. *Weber H.* Myus. Grabung 1966 // IstMitt. Bd. 17. Tübingen, 1967. S. 128-143. (Рис. 17 – Там же. S. 133, Abb. 2)
50. *Weber B.F.* Zum spätarchaischen Tempel auf Mengerevtepe bei Milet // Säule und Gebälk. Zur Struktur und Wandlungsprozeß griechisch-römischer Architektur. Bauforschungskolloquium in Berlin vom 16. bis 18. Juni 1994 veranstaltet vom Architekturreferat des DAI. Mainz am Rhein, 1996. S. 84-89.
51. *Gerkan A. von.* Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung // Milet. Bd. 1. Hft. 8. Berlin, 1925. S. 52 ff, 62 ff, 122 f..
52. *Kleiner G.* Die Ruinen von Milet. 1968. S. 36 ff. Abb. 19-20.
53. Как отмечает Б. Шмидт-Доунас, главной проблемой реконструкций А. фон Геркана и В. Маллвитца является то, что для столь раннего времени в Малой Азии отсутствуют аналогии для храма на подиуме и для храма типа псевдо-диптера. *Schmidt-Dounas.* Frühe Peripteraltempel in Nordgriechenland... S. 130; *Mallwitz A.* Gestalt und Geschichte des jüngeren Athenatempels von Milet // IstMitt. Bd.25. Tübingen, 1975. S. 67-90. Abb. 1–4.
54. *Held W.* Das Heiligtum der Athena in Milet // Milesische Forschungen. Bd. 2. 2000. S. 85 ff.
55. *Niemeier W.-D.* Die Zierde Ioniens. S. 373-397.
56. *Kyrieleis H.* Führer durch Heraion von Samos (со старой литературой), 1981. S. 46 f. 115 ff. Nr. 26 Abb. 87-88.
57. То же самое можно утверждать относительно храма Геракла на Фасосе, а также о группе ранних периптеров в Северной Греции. Окружающая эти храмы колоннада с отношением 6 : 8 колоннам (20,7 м : 23,35 м) позволяет поставить его в один ряд с ионическими периптерами Малой Азии. *Schmidt-Dounas.* Frühe Peripteraltempel in Nordgriechenland... S. 133.
58. *Пичикян И.Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 156-168; 257-261.
59. Там же. С. 168.
60. *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на Юге Украины и России. Ольвия. Скифияю Боспор. М.–Киев–Запорожье, 2007. С. 222-223.
61. *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. Ф.Г.Мищенко. М., 1888. V, 124; 126.
62. *Толстиков, Журавлев, Ломтадзе.* К хронологии застройки западного плато акрополя Пантикапея. С. 307-350.
63. *Блаватский.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945-1949 и 1952-1953 гг. С. 16-19.

64. *Коваленко С.А., Толстиков В.П.* О начале монетной чеканки Пантикапея // ВДИ. (В печати), 2009.
65. *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв.до н.э.) // ВДИ. 1984. №3. 1984. С. 24–48; *Виноградов Ю.А.* Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 183–196.
66. *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. 9. 2006. С. 101–151.
67. *Колотухин В.А.* Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000. С. 68–69.
68. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. 1952. С. 72–89.
69. *Толстиков, Журавлев, Ломтадзе.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V веков до н.э. С. 307–350.
70. КБН. № 6; 10; 25.

APOLLO TEMPLE ON PANTICAPEUM NECROPOLIS (DATING, TYPOLOGY, PERIODIZATION)

V.P. Tolstikov

The article presents a comprehensive analysis of all order details found by Pushkin Museum Bosporus Archaelogical Expedition in the vicinity of the First seat of Mithradates Mountain. It is the author's opinion that the details belong to Apollo Temple of the earlier period. He advances their detailed description (together with corrected data published earlier), graphic representation, and the author's reconstruction. This part can serve as a basis for refined dating, typological and period reference of this most ancient order building in Bosporus. Refined data given in the article do not unmake the general reconstruction scheme put forward by V.D. Blavatsky and developed by I.R. Pichikyan. The author, in the wake of these scholars, thinks it possible to give preference to peripteral type of building. But since millet architecture of the ancient period had characteristic shortened peripters, the author presumes that early Panticapeum temple with six flank columns could have no more than ten flank columns.

Publications and conclusions based on their comprehensive analysis make it possible to specify the dating of such a monumental order building that was important for the early history of Bosporus. Apollo temple of Samos Ionic order might have been erected within the period from 500 to 485 B.C. but not in the second quarter of the 5th c. as it was assumed before. It was possible to erect such an expensive, effort-taking, and technically complicated building in view of both greater political weight and economic potential of a young polis and migrant inflow from Miletus and other regions of Ionia after the Persians stifled Ionic rebellion and destroyed Miletus in 494 B.C. From 510 to 485 B.C. an architecture ensemble of a number of monumental buildings clustered round the tholos was under way at the top of Mithradates Mountain to the west of the First seat. It was then that many chamber residential houses with basements started to appear. They were similar to Koyran house excavated in 1049–1953 in Verkhneye Mitridatskoye.

Peripter erection on the upper plateau falls on the time that was very important for Panticapeum. It was a period of extensive urbanization of its central district together with architectural design and layout of the polis center. It was then that the first Panticapeum silver coins were minted.

© 2010

Т.М. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, С.А. Науменко

УКРЕПЛЕНИЯ В ЦЕНТРЕ ЗАПАДНОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ ТАНАИСА КОНЦА III–II ВВ. ДО Н.Э.*

В последние годы изучение фортификационных сооружений Танаиса являлось одной из основных задач Нижне-Донской археологической экспедиции. Раскопками были получены материалы, позволяющие взглянуть под новым углом на некоторые аспекты формирования обороны города III–I вв. до н.э. При этом крепостные стены и рвы исследовались не только у основного четырехугольника городища, но также на территории Западного района и Западного пригорода[1]. Помимо исследования куртин, особое внимание уделялось изучению въездных путей и подходов к городу. В этой связи чрезвычайно интересным и информативным оказался участок в центре западной оборонительной линий основного четырехугольника городища. Дело в том, что до сих пор оставалась неясной взаимосвязь двух сосуществовавших в III–I вв. до н.э. частей города — восточной, включавшей в себя т.н. основной четырехугольник городища, и западной, состоявшей из Западного района и Западного пригорода. Известно, что каждая из этих частей имела свою собственную оборонительную систему, преграждавшую подходы к городу со стороны степи и моря. Причем на месте сочленения этих частей с западной стороны четырехугольника также располагалась оборонительная стена (стена № 5). Эта стена послужила основой для предположения о некоторой автономности существования районов и «той дуалистической организации Танаиса, о которой нам известно из танаисских надписей более позднего времени»[2].

Предполагалось, что где-нибудь в центральной части южной половины стены 5 располагался проход, соединяющий районы города. Однако, раскопки, специально предпринятые в 2003–2004 гг. с целью поиска такого прохода, показали, что разделение районов без какой-либо связи существовало на всем протяжении эллинистического периода города. По этой причине все внимание было сосредоточено на участке центральной части западной оборонительной линии в том месте, где две расположенные на расстоянии 11 м друг от друга башни (башня 3 и 4) фланкировали участок куртины (стену 118). Раскопки

* Работа выполнена в рамках Гранта РГНФ № 08-01-00452а «Эллинистический Танаис».

здесь проводились ещё в 1964–1965 гг.[3] Тогда же были открыты и эти башни. Вплотную к северо-восточному углу башни 3 располагалась калитка первых веков нашей эры (рис. 1). К внешней стороне стены 118 примыкала аккуратно вымощенная мелкими обломками керамики и камнями площадь с водостоком, выводившим воду из города в ров. Водосток, выполненный из каменных плит, пересекал площадь с востока на запад (рис. 4–5). Все открытые остатки фортификационных сооружений датировались II в. и первой половиной III в. н.э. Казалось, что здесь, рядом с большой мощеной площадью на охраняемом башнями участке, кроме узкой калитки в стене должны были бы быть и городские ворота.

Благодаря возобновившимся в 2000 году раскопкам на этом участке под руинами башенных стен римского времени были открыты остатки культурного слоя с достаточно мощными эллинистическими сооружениями. Оказалось, что башни 3 и 4 сооружены еще в конце III — начале II вв. до н.э. Вход в раннюю башню 3 обрамляли торцовые концы стен — 118 (на севере) и 5А (на юге)[4]. Угловые участки стен у входа выложены очень тщательно из подтёсанных блоков, многие из них обработаны под руст. Стена 118, открытая на протяжении более 32 м., продолжает дальше на север от входа в башню 3 оборонительную линию (на юге эту линию составляли стены 5 и 5А) (цв. вкл. № 11, рис. 2).

Нижняя, ранняя кладка стены 118 заметно отличается от верхних её участков, переложенных в период реконструкции оборонительной системы на рубеже I–II вв. н.э., хотя толщина стены сохраняется прежней — 2,30 м. Эллинистическая кладка выложена из мощных тёсаных блоков. Особенно крупные камни составляют фундамент. Высота стены 2,40 м; высота с фундаментом — 2,90 м; высота вместе с кладкой римского времени — 3,64 м.

Ворота, о которых говорил Д.Б. Шелов, на открытом участке не обнаружены. Может быть, они были разобраны при перестройке и реконструкции стены после пожара середины II в. н.э. Следы этой перестройки хорошо видны в восточном фасе стены 118 в виде выступающего плеча, на уровне которого и находится калитка римского времени. В нижней, эллинистической кладке стены 118 была снова открыта калитка (цв. вкл. № 12, рис. 7), располагавшаяся точно под калиткой римского времени. В отличие от позднего прохода ранняя калитка была немного шире: ширина поздней калитки — 1,30 м (по внешнему фасу) и 1,70 м (по внутреннему); ширина ранней калитки — 1,60 м, а предположительная высота 2,10–2, 30 м. Нижняя калитка, как и верхняя, выводила из города на площадь, заложенную перед стеной с момента сооружения всей линии обороны в конце III — начале II в. до н.э. Мощение площади составляли плотно уложенные мелкие окатанные камни и фрагменты амфорной керамики. В нижних слоях находились фрагменты амфор, распространенных в конце III — первой половине II в. до н.э. Мостовые постоянно обновлялись, с веками наращивались, но весь план застройки участка не менялся, и сохранился до разгрома города в середине III в. н.э.

Во время восстановления линии обороны в конце I в. н.э. — II в. н.э. раннюю калитку заложили камнями, стену 118 восстановили и достроили. Именно тогда в ней могли заложить и ворота. Перед входом находилась площадь шириной почти 11 м. Она простиралась от башни 4 до башни 3. После разрушения

Рис. 1. План основного четырехугольника городища Танаис с оборонительными укреплениями римского времени

города около середины II в. н.э. началась мощная перестройка, в результате которой ворота этого времени могли оказаться разобранными, и вместо них сооружена калитка — точно над ранним входом в город. Странно только, что здесь, на вымостке, в 1965 г. была найдена мраморная плита с надписью о восстановлении городских ворот в 229 г. н.э., которая, по мнению Д.Б. Шелова, являлась свидетельством их существования[5]. В связи с новыми находками можно предположить, что вся проблема основана на переводе слова «рхлз» как «ворота» и нашем представлении о понятии «ворота». Словарные формы предполагают и иное толкование для «рхлз» — «вход; узкий проход, ведущий из одного места в другое». Если принять такое толкование, то вполне могло быть, что в надписи имелась в виду та самая калитка, о которой говорилось выше. В пользу этого свидетельствует и то, что место прохода было определено еще в эллинистическую эпоху. В дальнейшем калитка только ремонтировалась вместе со стенами. При реконструкции стены в постполемоновское время воссоздали и проход (рхлз), причем практически в тех же размерах, что и прежде. Именно его и восстановил на свои средства и Хофразм сын Фаргобака в 229 г. В этом случае широких городских ворот в стене 118 никогда и не существовало.

Одновременно с оборонительными стенами 118 и 5А и, соответственно, со всей ранней линией обороны была возведена башня 3 (цв. вкл. № 12, рис. 8) «эллинистическая» (стены башни построены в переплёт с оборонительными стенами, а вход лежал на одном фундаменте со стенами 118 и 5А). Ранняя башня была обнаружена под руинами стен той же башни II и III вв. н.э.[6] Башня 3 «эллинистическая» теперь раскрыта полностью, сейчас можно с уверенностью говорить о её размерах. От оборонительной линии на запад она выступает на 6,50 м, ширина её по фронту 7,50 м, толщина стен 1,20–1,40 м. Площадь внутрибашенного помещения 24 кв. м (4,80 х 5 м). У башни тщательно выложены наружные и внутренние панцири стен. Хорошо обустроен вход в башню из города. Помещение использовалось как жилое или хозяйственное. На глинобитных полах сохранились очаги и хозяйственные ямы. Среди находок особо следует выделить 6 округлых ядер из ракушечника (одно из песчаника) для баллисты. Ядра хранились в специальной ямке.

С севера площадь римского времени, как уже отмечалось, ограничивала башня 4. Исследованиями установлено, что она, как и башня 3, также возникла в эллинистический период, но чуть позже закладки куртины 118. Ее стены приложены к западному фасу оборонительной стены, и залегают на 0,68 м выше основания стены 118, покоясь на предматериковом грунте. Высота ранней кладки 2,41 м. В южном фасе южной стены 121 башни 4 удалось открыть хорошо выложенные угловые участки и сам юго-западный угол ранней башни и установить, что она выступала к западу от стены 118 на 6,50 м (так же как и башня 3 «эллинистическая»). Западную стену башни пока открыть невозможно, к ней примыкают стены башни 4 римского времени. Но данные шурфа в северо-восточном углу внутри башни показали, что для выравнивания уровня поверхности под северной стеной башни сделали подсыпку из камней и глины, т.е. своего рода слоевой фундамент. Находок, связанных с помещением ранней башни, сделано немного, они мусорного характера и представлены обломками, главным образом, родосских амфор. Можно определённо говорить, что башня

Рис. 3. План основного четырехугольника городища Танаис с оборонительными укреплениями эллинистического времени

4 «эллинистическая» строилась не в одно время со всей оборонительной линией, но близко по времени и что строительство её относится к первой половине II в. до н.э.

Дальнейшие раскопки башни показали, что по своей конструкции она значительно отличалась от всех других известных в Танаисе. Рядом с ней, с северной стороны, оказалась вторая башня. Они изначально строились по плану сдвоенной башни и состояли из двух помещений, разделённых между собою сплошной стеной. Башни перестраивались, реставрировались, но план сдвоенной башни на этом участке сохранялся вплоть до середины II в. н.э. Обозначены нами они как башня 4 и башня 4 «северная». Трудно сказать, как были обустроены входы в башни. Ни для дополемоновского времени, ни для римского периода каких-либо следов входа в башни обнаружено не было. По-видимому, входы располагались со стороны города и находились выше сохранившегося уровня куртины эллинистического времени.

Башня 4 «северная» раскрыта полностью. Она выступает от стены 118 на запад на 6,50 м, ширина её по фронту 7,25 м (вместе со стеной башни 4 эта линия составляет около 16 м). Стены башни построены впритык к стене 118, как и

Рис. 5. План эллинистических объектов в центре западной линии фортификации

стены у башни 4. Толщина их — от 1 до 1,20 м. Основание стен лежит на материковом грунте или слегка заглублено в материк. Нижняя кладка стен ранней башни значительно отличается от верхней, переложенной в римское время. Выполнена она более тщательно из крупных камней с соблюдением рядности. Помещение башни близко по форме четырёхугольнику, размеры его примерно 6,25 м х 5,50 м. Вдоль западной стены башни была сооружена мощная тырсовая банкетка с вмонтированными в нее крупными каменными блоками, утяжелявшими фундамент. Нижнее заполнение башни мусорное, похожее на заполнение башни 4. В нём не прослежено ни полов, ни очагов, ни хозяйственных ям, и о его назначении судить трудно. Это материал III–I вв. до н.э., главным образом, обломки эллинистических амфор разных форм и центров. Среди них клеймо на ручке херсонесской амфоры конца IV — начала III в. до н.э. и клеймо на ручке родосской амфоры конца III — начала II в. до н.э., а также обломок терракотовой головки Деметры со следами раскраски. Стоит отметить, что помещения башен 1 и 3 того же времени использовались как жилые или хозяйственные. Раннее заполнение башни 4 «северная» отличается и от более позднего в той же башне, где на хорошо сохранившихся верхних полах римского времени, кроме очагов и хозяйственных ям, открыты жернова зернотёрок, пустые и наполненные горелым зерном амфоры, краснолаковая, гончарная и лепная посуда, а также множество других предметов. Все находки говорят, о том, что это были хозяйственные помещения для гарнизонной службы.

Дальнейшие исследования площади перед стеной 118 на запад в 2008–2009 гг. привели к новому открытию. Был раскрыт участок еще одной оборонительной стены, пристроенный к северо-западному углу башни 3 «эллинистической» (рис. 5, 6–7). Стена имела два периода строительства. Стена 11 — более ранняя, была пристроена вскоре после сооружения башни 3 к ее северо-западному углу. Чуть позже она была перестроена, слегка изменилось ее направление (оно сдвинулось к СВ). Теперь уже стена 12 продолжалась в направлении на СЗ в длину на 9 м. В стене, на расстоянии 2,50 м от угла башни, прослеживается проход, ширина его 1,20 м. Это ранний проход, датируемый временем около середины II в. до н.э. Он расположен на уровне одновременной мостовой из окатанных камней и обломков керамики, среди которой встречаются клейма родосских амфор середины II в. до н.э. Мостовая локализовалась между куртиной и стеной 12 и продолжалась далее к СЗ. Стена 12 сложена из крупных и средних камней на глине, толщина стены 1,65 м, высота 0,70–1,0 м. На расстоянии 1 м от угла башни в ней зафиксирован еще один, более поздний проход. Ширина его 1,60 м, длина равна ширине стены 12. Стены прохода оформлены подтесанными камнями, мелкими плитами выложен и его пол. Проход находился почти напротив калитки в стене 118 и имел с нею одинаковую ширину. Расстояние между калитками 6 м. Стена 12 функционировала до конца эллинистической эпохи, затем её разобрали до современного уровня и перекрыли слоем вымостки с керамикой I–II в. н.э. Кладка стены 12 повреждена ямами IV–V вв. н.э.

В последнем сезоне открыто продолжение стены 12, образующей угол с новой стеной 14, имеющей направление В-З и образующей одну линию с северной оборонительной стеной Западного городского района (рис. 3, 6).

Рис. 6. План оборонительных укреплений в центре западной линии цитадели и Западного района Танаиса

Стены 12–14 являлись продолжением на восток северной оборонительной стены Западного городского района, открытой в 1958–1962 гг. на раскопе IX[7]. Восточная часть этой стены была разобрана при строительстве рва вокруг четырёхугольника во II в. н.э. Только небольшая, самая конечная её восточная часть, в виде стен 12–14, сохранилась за пределами рва на восточном его склоне. На этом участке удалось открыть и проследить сочленение оборонительных стен двух районов. Узкие проходы — калитки в оборонительных стенах, контролируемые башнями, определенно говорят о непростой системе попадания из восточной части города в западную. Эта система, видимо, также свидетельствует о значительной изоляции и обособленности районов друг от друга и подтверждает вывод Д.Б. Шелова о ранней западной оборонительной стене четырёхугольника, выполнявшей две функции, с одной стороны, защищать город, с другой, отделять его от Западного городского района[8].

Здесь, на охраняемом башнями участке, была создана возможность не только перейти из одной части города в другую, но и подойти к калиткам и войти в город со стороны степи. Прослежен проход на площадь между калитками, с запада он ограничен стеной 12, а с востока башней 4 и стеной 118. Проход имел форму дромоса, он плавно расширялся с севера-запада на юго-восток. Проход был вымощен постоянно подновлявшимися мостовыми из мелких камней и керамики, датирующей слои вымосток.

В заключение следует отметить одну особенность. Ранняя западная оборонительная линия четырёхугольника, начинавшаяся от башни 1 и оканчивавшаяся башней 3, по всей границе с Западным районом не имела промежуточных оборонительных башен. Отмечен лишь небольшой бастион вдоль стены, скорее выполнявший функции наблюдения, чем обороны (рис. 3). Но уже в первые века нашей эры, когда Западный район опустел, появилась потребность в дополнительных укреплениях западной оборонительной стены. На отрезке старой границы районов возводятся новые оборонительные башни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М.* Исследования на территории хутора Недвиговка в 2000 г. // ПИФК. Вып. X. 2001. С. 103-110; *Arseniewa T., Scholl T.* Sprawozdanie z kompanii wykopaliskowej w Tanais przeprowadzonej w zezonie 2002 // Swiatowit. 4(45). Waszawa, 2002 (2004). Fasc. A. 13-20, pl. 1–11; *Шолль Т.* 10 лет раскопок Варщавского университета в Танаисе. // Novensia. 2008. № 18–19. С. 307-313.
2. *Шелов Д.Б.* Танаис и Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 115 и сл. По мнению Д.Б Шелова, «восточный, более эллинизированный район города (основной четырехугольник), был заселен “эллинами”, т.е. потомками боспорских колонистов, основавших город, тогда как западный район принадлежал варварам-танаитам..." (С. 215).
3. *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 26–35.
4. *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Новые данные о фортификации Танаиса // ДБ. 7. 2004. С. 29 и сл.
5. *Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 34.
6. *Арсеньева, Науменко.* Ук. соч. С. 30–32.
7. *Болтунова А.И.* Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958-1963 гг.). // Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969. С. 104 и сл.
8. *Шелов.* Танаис и Дон в III–I вв. до н.э. С. 115

FORTIFICATION IN THE CENTER OF TANAIS WESTERN DEFENSES OF THE LATE 3rd — 2nd CC. B.C.

T.M. Arsenyeva, S.M. Ilyashenko, S.A. Naumenko

Two towers and an eleven-meter part of the wall between them were excavated in the center of the western defense line of the principal quadrangle. They were erected at the end of the first half of the 2nd c. B.C. The walls were repeatedly destroyed and rebuilt, but the basic layout of the construction did not disappear till the middle of the 3rd c. B.C. when the town was entirely demolished. Two wickets, opening into a square, persist today — the lower one of the Hellenic period and the upper one of the Roman times. A defense wall, also with a wicket, ran across the lower square. It belonged to the northern wall of the western area. The eastern part of the wall was destroyed when digging a moat and only this small part remained intact. It enabled people in the 3rd — 1st cc. B.C. to get from one part of the town into another on the territory protected by towers.

© 2010

С.Ю. Внуков, О.И. Штепа

КРАСНОЛАКОВАЯ ПЕЛИКА С ГОРОДИЩА КАРА-ТОБЕ (ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Цель данной статьи — всестороннее исследование одной нечастой разновидности лаковой керамики — краснолаковых пелик с каннелированным туловом, на примере сосуда, найденного на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. Для достижения этой цели ставится три круга конкретных задач: 1) атрибутирование, анализ формы и орнамента, датировка пелики с Кара-Тобе; 2) исследование вопросов технологии краснолаковой керамики и лаковых покрытий и, в частности, данного сосуда; 3) определение места пелики с Кара-Тобе среди античной лаковой керамики эпохи эллинизма, рассмотрение происхождения и эволюции формы подобных сосудов.

Краснолаковая пелика (полевой № КТ-04/185 — рис. 1, 1, 2) найдена в 2004 г. в помещении Б Центральной башни городища Кара-Тобе в зерновой яме 1/04, повторно использовавшейся для сброса мусора. Яма 1/04 впущена с уровня натопа над верхней намазкой нижнего пола помещения Б. Она перекрыта слоем первого разрушения башни с каменным завалом. Видимо, яма была выкопана в короткий период сразу после возвращение скифов на оставленное греко-понтийскими войсками поселения, но до начала первого разрушения башни. Заполнение ямы однородное. Это очень легкий гумус с золой и с горелыми прослойками.

Находок в яме 1/04 немного, но они примечательны. Помимо рассматриваемой краснолаковой пелики из фрагментов были склеены горло косской амфо-

Рис. 1. Пелика КТ-04/185 после реставрации: 1 — рисунок, 2 — фото со стороны ручки

ры, тулово красноглиняного кувшина и лепной светильник-сапожок. Примечательна также целая поздняя херсонесская мегарская чаша с примитивным орнаментом-плетенкой и красным покрытием. Подобные чаши датируются временем не ранее первой четверти I в. до н.э.[1]

Среди керамики в яме довольно заметную долю составляют обломки светлоглиняных амфор. Они представлены только типом С I[2]. Красноглиняная тара более разнообразна. Преобладают обломки амфор неизвестных центров. Простой посуды мало. Это обломки херсонесских и неизвестных центров кувшинов и ножка красноглиняного сосуда. Лаковая посуда представлена фрагментами стандартных мисок и блюд. Довольно много лепной керамики.

Интересны индивидуальные находки. Примечательны целый железный серп с остатками деревянной рукояти, небольшой железный ключ, железная трехлопастная черешковая стрела и фрагмент железного ножа.

Описанный комплекс, видимо, следует относить ко времени начала распространения светлоглиняной тары, которая появляется в Северном Причерноморье только после гибели Митридата Евпатора в 63 г. до н.э[3]. Стратиграфически яма соответствует началу второго периода функционирования башни (после вывода греко-понтийских войск с городища и возвращения туда скифов). Видимо, она выкопана в самом конце 60-х — 50-х годах I в. до н.э. Находки из нее подтверждают такую датировку.

Исследуемая пелика представляет собой краснолаковый сосуд с каннелированным туловом и двумя ручками. Тулово имеет яйцевидную форму с сужением книзу. Короткое горло сосуда с вогнутым контуром переходит в высокий довольно массивный отогнутый венчик. Он значительно расширяется раструбом. Боковая поверхность венчика профилирована тремя подрезками разной высоты (рис. 1, 1, 2). Внутренний контур венчика повторяет внешний лишь в общих чертах.

К нижней части венчика верхним корнем крепятся две плоскоовальные сложно изогнутые вертикальные ручки. Они имеют резкий перегиб и горизонтально сжаты в этом месте. В результате образуются выступы, отдаленно напоминающие выступы на ручках эллинистических чернолаковых канфаров[4]. Нижний корень ручек расположен на границе тулова и плечиков, по которым проходят три горизонтальные вреза. От них спускаются широкие канелюры, сужающиеся к низу сосуда. Все орнаменты нанесены по сырой глине до покрытия изделия лаком. Под ручками выделены две вертикальные зоны, каждая из которых разделена еще одной каннелюрой пополам. С обеих сторон от нее нанесены колонки коротких врезов, расположенных «елочкой» относительно центральной каннелюры (рис. 1, 2).

Черепок пелики тонкий, мелкозернистый, плотный, звонкий, бежеватого цвета с серым закалом. Лак красно-оранжевого цвета, равномерный, плотный, но плохой сохранности. Местами он обгорел в яме.

Параметры сосуда: общая высота — 21 см; максимальный диаметр тулова — 16,4 см; диаметр венчика — 14,5 см; диаметр поддона — 8,7 см.

Таким образом, пелика характеризуется яйцевидным каннелированным туловом, высоким горизонтально профилированным венчиком, наличием кольцевого поддона, резко перегнутых, с выделенными выступами ручками, а также

орнаментальными горизонтальными бороздками на границе тулова и плечиков и зон с орнаментом «елочка» под ручками (рис. 1, 1, 2).

Определить номенклатурную принадлежность данного сосуда несколько затруднительно. В литературе их называют и пеликами (в большинстве публикаций), и амфорами[5], и двуручными кувшинами[6]. Форма яйцевидного тулова данного сосуда характерна для столовых амфор, в то же время верхняя часть с массивным отогнутым венчиком типична для пелик. Представляется, что данный сосуд действительно ближе к пеликам, о чем свидетельствует и историческое развитие данной формы, которое рассмотрено ниже.

Для получения дополнительной информации о глиняном тесте и лаке исследуемого и аналогичных ему сосудов были проведены микроскопические анализы 12 фрагментов подобных пелик, найденных на городище Кара-Тобе. Предметом наблюдения при изучении керамической массы стали цвет, плотность, величина и особенности пор, состав крупной обломочной примеси, структура, однородность, характер течения глиняной массы. При исследовании лака уделялось внимание плотности слоя, наличию или отсутствию непроплавленной минеральной примеси, развитости и характеру стекловатой фазы, ее сцеплению с черепком, толщине, распределению по поверхности и т.д. Толщина и прозрачность стекловидной фазы, распределение в ней колоранта, характер цека, наличие пузырей являются важными диагностическими признаками в характеристике не только самого лака, но и технологии его нанесения.

Из 12 исследовавшихся образцов четыре образца происходят от исследуемой пелики с Кара-Тобе (№№ 1–4) и восемь принадлежат другим аналогичным сосудам. От одних и тех же сосудов происходят образцы №6 и №11 (КТ-04/10-11), а также №7 и №12 (КТ-03/316-318). Таким образом, всего исследовались образцы семи каннелированных пелик (табл. I). Образцы аналогичных сосудов привлекались в качестве «сравнительного фона». Он необходим для выделения характерных признаков именно исследуемой пелики и установления границ их значений[7].

При микроскопическом исследовании как керамической массы, так и лака образцов первоначально делалось общее их описание по максимальному количеству признаков. Затем из этого описания отбирались те признаки, которые позволяют разбить образцы на группы, т.е. «работающие».

Исследование образцов велось под монокулярным микроскопом при увеличении от х45 до х153 в отраженном искусственном свете (лампа накаливания). Все определения делались визуально по свежему продольному или поперечному сколу черепка (при изучении глины) или по внешней поверхности (при исследовании лака).

Перед тем, как перейти к описанию керамической массы и лакового покрытия образцов следует отметить, что многие проводимые в исследовании сравнения значений признаков являются в определенной степени условными. Это связано с тем, что практически не использовались какие-либо технические средства для установления объективных и точных значений ряда признаков. При определении их значений проводилось простое сравнение образцов данной выборки друг с другом по принципу «много — среднее количество — мало». Поэтому используемые здесь значения признаков применимы только в

данной выборке. Но и такой упрощенный подход позволил решить основные задачи, поставленные в работе.

Глина всех образцов имеет разные оттенки красно-оранжевого цвета. Она хорошо отмучена, ожелезненная. Судя по гранулометрическому составу, все кластические примеси в тесте являются природными[8]. Включения в основном мелкие, реже — средние, крупные включения единичны и случайны. Все образцы имеют однородную массу, т.е. в них отсутствуют зоны, выделяющиеся количеством, расположением или распределением примесей или пор, цветом, структурой и т.п. Сосуды сделаны из хорошо промешанной глиняной массы.

Почти все рассмотренные образцы имеют слоистый вертикальный характер течения глиняной массы, кроме одного, с аморфной глиняной массой. У еще одного образца этот признак определить сложно, т.к. он взят из места крепления ручки к венчику. Судя по вертикальному течению глиняной массы, и по тому, что удлиненные примеси, как и поры, ориентированы вдоль стенок сосудов, все образцы сделаны на быстром гончарном круге[9].

Подавляющее большинство исследованных образцов имеет зернистую структуру[10]. В некоторых образцах большое количество близко расположенных вертикальных пор создает псевдочешуйчатую (зернисто-чешуйчатую) структуру. Лишь один образец имеет аморфную структуру.

Отобраны следующие признаки, позволяющие разделить образцы на группы:

1. Цвет керамической массы.

Цвет определялся визуально по свежим сколам без использования каких-либо технических средств или цветовых таблиц и шкал. Он зависит от химического состава глиняной массы и условий обжига изделия. При высокоразвитом ремесленном производстве режим обжига соблюдается довольно строго, и цвет готовых изделий достаточно устойчив[11]. В первую очередь, это относится к качественной лаковой керамике.

Образцы различаются оттенками красно-оранжевого цвета. Кроме того, некоторые из них имеют различные закалы (табл. I).

2. Плотность.

Этот признак отражает степень спекания керамической массы, ее монолитность, насколько частицы массы хорошо сцеплены друг с другом, не выкрашиваются. На это свойство также оказывает влияние наличие в черепке пор и их количество. Определялся по перпендикулярному сколу.

Признак имеет значения: а) плотная б) средняя в) рыхлая.

Степень спекания керамической массы исследованных образцов различна — от рыхлой до плотной, но у большинства их она средняя.

3. Пористость.

Наличие и количество в керамической массе пор, которые представляют собой пустоты округлой или вытянутой формы. Форма пор, в свою очередь, зависит от особенностей течения глиняной массы, части сосуда, от которой взят образец и др.

Признак имеет значение: а) поры округлые б) поры вытянутые.

Поры есть во всех образцах. Чаще всего их среднее количество. Поры обычно имеют вертикально вытянутую форму, что связано с вытягиванием сосуда на

Таблица I

Паспортные данные и признаки глины образцов краснолаковых каннелированных пелик

№ образца	полевой №	фрагмент	дата по комплексу	Цвет, закал	Плотность	Поры, кол-во, размер	Общее кол-во примесей	Примеси, их количество, размер					
								карбонаты	кварц	слюда	Красные аморфные железистые	Черные железистые включения	Другие
1-4	КТ-04/185	целая пелика	60-ые гг. I в. до н.э.	бежевый, серый закал	рыхлая	много, в основном крупные.	много	много, мелкие и средние	много, мелкий и средний	гидрослюда, мало и средне; желтая слюда единична, мелкая	мелкие много; средние мало	единичные, мелкие и средние	спикулы губок, мало, мелкие и средние; полевой шпат (?), единичный, мелкий
5	КТ-06/743	венчик	1 четверть I в. н.э.	бежевато-оранжевый, к центру оранжевый, к поверхности бежеватый	средняя	много, средние и крупные	мало	единичные, от мелких (преобладают) до крупных	мало, мелкий	гидрослюда, мало, мелкая	единичные, мелкие и средние	единичные, мелкие	нет
6.	КТ-04/10.	плечико, от одного с обр. 11	2 четверть I в. до н.э.	бежевый, серый закал	рыхлая	много, мелкие и крупные	среднее	мало, мелкие и средние	мало, мелкий	гидрослюда, мало, мелкая	единичные, мелкие	много, мелкие; средние и крупные единичны	спикулы губок, единичные, мелкие и средние
7.	КТ-03/318	стенка, от одного с обр. 12	2 половина II – начало I вв. до н.э.	светло-бежевый с розоватым оттенком	рыхлая	много, мелкие и средние	среднее	единичные, мелкие	среднее количество, мелкий и средний	гидрослюда, среднее количество, мелкая	мелкие много; средние единичны	мало, от мелких до крупных	спикулы губок, единичные, мелкие и средние; раковина фораминифера (?)
8.	КТ-05/279	венчик	кон. I в. до н.э – начало I в. н.э.	оранжевый, закал светлее	средняя	мало, мелкие	мало	единичные, мелкие и средние	много - мелкий, средний - мало	гидрослюда, единичная, мелкая	единичные, мелкие и средние	мало, мелкие	нет
9.	КТ-08/461	стенка с имитацией каннелюр	20-ые гг. I в. н.э.	светло-оранжевый, к внутренней поверхности светлее	плотная.	мелкие - много, крупные - единичны	мало	много, от мелких до крупных	много, мелкий и средний	гидрослюда, единичная, мелкая	единичные, мелкие и средние	мало, мелкие; средние единичны	нет

Таблица I (продолжение)

№ образца	полевой №	фрагмент	дата по комплексу	Цвет, закал	Плотность	Поры, кол-во, размер	Общее кол-во примесей	Примеси, их количество, размер					
								карбонаты	кварц	слюда	Красные аморфные железистые	Черные железистые включения	Другие
10.	КТ-04/382	венчик	середина – 2 половина I в. до н.э.	оранжевый, однородный	плотная	мало, мелкие	единичны	среднее кол-во, от мелких до крупных, дутики	нет	нет	нет	единичны, средние и крупные	нет
11.	КТ-04/11	донце, от одного с обр. 6	2 четверть I в. до н.э.	бежеватый, легкий серо-бежевый закал	средняя	среднее количество, мелкие	много	мало, средние и крупные	много - мелкий. средний единичный	гидрослюда, мало; желтая слюда единична; вся мелкая	единичные, средние	мало, от мелких до крупных	спикулы губок, единичные, мелкие и средние; полевой шпат (?), единичный, мелкий
12.	КТ-03/316	стенка, от одного с обр. 7	2 половина II – начало I вв. до н.э.	бежевато-оранжевый	рыхлая	среднее количество, мелкие и средние	мало	мало, мелкие	мало, мелкий	гидрослюда, мало, мелкая	единичные, мелкие и средние	единичные, мелкие	нет

круге. В поперечном разрезе эти поры, как правило, округлые, порой сильно сплюснутые. Преобладают мелкие поры.

4. Примеси.

Наличие в глиняной массе непластических (кластических) включений и их состав. В основном присутствуют обломки минералов, широко распространенных в природе, встречающихся в том или ином количестве повсеместно. Редкие включения выделены в отдельную группу — прочие примеси (табл. I).

По размерам зерен и обломков можно выделить несколько нечетких групп кластических примесей: микропримесь размером менее 0,1 мм (мелкие зерна), средняя примесь от 0,11 до 0,8 мм (средние зерна) и макропримесь свыше 0,8 мм (крупные зерна, единичны)[12].

В рассматриваемых образцах примесей мало; в некоторых из них встречается только микропримесь. С увеличением размеров зерен уменьшается их количество в образцах. Встречены зерна следующих минералов:

а) Слюда.

Представлена мелкими и очень мелкими блестящими белыми пластинками, видимо гидрослюды. Встречается довольно часто в разных количествах. В некоторых образцах присутствуют единичные желтые пластинки слюды (биотит, мусковит?).

б) Черные железистые включения.

Непрозрачные черные или темно-бурые, обычно остроугольные, реже слабоокатанные кристаллические включения. Скорее всего, это железосодержащие минералы групп магнетита и гётита. Есть во всех образцах в разных количествах во всех фракциях. В некоторых образцах встречаются единичные крупные включения. Не исключено, что в редких случаях среди этих зерен присутствуют и мелкие обломки темноцветных вулканических пород, не идентифицируемые в отраженном свете.

в) Минералы карбоната кальция.

Обычно округлые белые матовые зерна — обломки кальцитосодержащих осадочных пород (известняк, мергель, мрамор и т.п.). Кальцит также встречается в виде хорошо раскристаллизованных зерен, а также в пелитоморфной форме (сгустки в глиняной массе с размытыми границами). При высоких температурах обжига зерна карбонатных пород превращаются в «дутики» — мелкие полости в керамической массе, окаймленные мелкокристаллическим кальцитом. В некоторых образцах глина карбонатная, т.е. пелитоморфные кристаллы кальцита рассеяны в глиняной массе. В целом карбонаты являются не очень надежным диагностическим признаком, так как они разлагаются при обжиге, а также могут откладываться в порах и трещинах в период захоронения изделия.

Карбонаты есть во всех образцах. Их количество в глине также варьирует от единичных зерен до довольно большого количества.

г) Кварц.

Блестящие, прозрачные или полупрозрачные цветные (молочные, сероватые, желтоватые или буроватые) песчинки. В большинстве случаев слабоокатанные. Кварц встречается почти во всех образцах. Бывает как редкий, так и, как правило, довольно многочисленный. Размер — от сотых долей мм (чаще всего) до довольно крупного.

д) Красноватые аморфные железистые включения

Микрокристаллические или аморфные минералы окиси-закиси и гидроокиси железа. Представлены в виде мелких сгустков с нечеткими границами. Встречаются в образцах реже, чем остальные примеси. Цвет изменяется от бежеватого до рыже-оранжевого, более интенсивный, чем цвет керамической массы. В основном включения очень мелкие, чаще встречаются в микрофракции.

е) Другие примеси.

Редкие включения, характерные для глин какого-то одного центра.

Наиболее важными для целей работы являются встречающиеся в некоторых образцах вытянутые (в поперечном сечении — круглые) белые блестящие включения. Они состоят из микрокристаллического кальцита. Их структура в продольных срезах — параллельная, в поперечных — концентрическая. В центре некоторых включений прослеживается продольный каналец, также заполненный кальцитом. Длина включений в основном от 0,1 до 0,5 мм. Они ориентированы вертикально, параллельно стенкам сосудов. Несомненно, это минерализованные остатки ископаемых морских животных, по всей видимости — спикулы (скелетные остатки) древних известковых губок[13]. О том, что спикулы губок заполнены именно кальцитом, свидетельствуют также фиксируемые над ними выстрелы лака, образовавшиеся в результате взаимодействии карбоната с кислой средой. Обломки губок редко встречаются в керамических глинах, использовавшихся в античном производстве. Поэтому можно уверенно говорить, что все исследовавшиеся образцы с таким признаком происходят из одного центра производства лаковой керамики.

В одном из таких образцов есть также ракушка — фораминифера[14]. Ракушка свежая (пустая внутри), что говорит о том, что глина бралась из каких-то береговых залежей.

Кроме того, в нескольких образцах, возможно, присутствуют единичные зерна светлого полевого шпата. Но в отраженном свете определить их затруднительно.

Формализованное описание глин по перечисленным признакам представлено в табл. I. На основе анализа данных, приведенных в ней, можно выделить несколько групп образцов, сходных по структуре и включениям. Первая группа примечательна, в первую очередь, тем, что все образцы в ней (кроме одного) содержат спикулы губок. Как указывалось, этот признак можно считать индикатором принадлежности этих образцов к производству одного центра. К этой группе относятся 8 образцов (№№ 6, 7, 11, 12, в т.ч. все от рассматриваемой пелики (№№1–4) — табл. I). Для всех них характерна глина различных оттенков бежевого. Особенно следует отметить наличие серого закала в толстых черепках, который связан, видимо, с неполным выгоранием органических гуминовых кислот при обжиге (рис. 2, А, 1). Наличие закала зависит от режима и качества обжига, поэтому могут встречаться отдельные фрагменты или сосуды того же центра без закала. Но все исследовавшиеся образцы с серым закалом содержат спикулы губок.

Степень спекания глиняного теста у данных образцов невысокая; плотность колеблется между рыхлой и средней. Этому соответствует и большая порис-

Рис. 2. А — макрофотографии глиняного теста: 1 — образец 3; 2 — образец 9; 3– образец 10; 4 — образец 5; 5 — образец 8. Б — макрофотографии лакового покрытия: 1 — образец 3; 2 — образец 9; 3– образец 10; 4 — образец 5; 5 — образец 8

тость образцов данной группы (рис. 2, А, 1). Лишь в двух образцах пор среднее количество. Непластичных примесей в образцах группы 1 в среднем заметно больше, чем в других образцах. Количество таких примесей здесь среднее и выше.

Карбонатов во всех образцах описываемой группы, за исключением одного, мало. Это значение признака характерно и для большинства других образцов всей выборки.

Во всех образцах рассматриваемой группы есть слюда. В основном она представлена гидрослюдой, в двух образцах есть единичные пластинки желтой слюды. Этот признак также характерен не только для образцов данной группы. В то же время, среднее содержание слюды здесь больше, чем в других образцах. Слюдистые глины не характерны для Северного Причерноморья, но часто встречаются в Восточном Средиземноморье.

Примесь кварца во многих образцах преобладает. В образцах описываемой группы его количество сильно колеблется. В основном зерна мелкие и средние, цветные и бесцветные, окатанные. Видимо, этот широко распространенный признак не является характеризующим исключительно для выделяемой группы.

Крупные черные железистые включения в образцах группы редки или единичны. Вместе с тем, в некоторых образцах встречено довольно много мелких и очень мелких таких включений, являющихся составной частью глинистой фракции.

Красные аморфные железистые включения есть во всех описываемых образцах. Их размер различный — от мелких до крупных.

Возможно, в образцах только этой группы содержится полевой шпат, который сложно определить под микроскопом. В образце №7 есть свежая пустая ракушка фораминифера.

Таким образом, образцы №№1–4, 6, 7, 11 и 12 имеют схожую структуру, цвет, закал и похожи по основным включениям, в т.ч., содержат спикулы губок. Можно предполагать, что все они были изготовлены в одном центре. По всей видимости, это один из приморских средиземноморских малоазийских центров производства краснолаковой керамики. Точнее определить его пока невозможно.

Два образца (№№ 9, 10) выделяются среди прочих принципиально другим типом глины (табл. I). Они отличаются большой плотностью керамической массы и хорошим ее спеканием. Поры в этих образцах редкие и мелкие (рис. 2, А, 2). Их также отличает значительная доля зерен карбонатных пород среди обломочной примеси. При этом общее количество такой примеси невелико. В образце №10 карбонаты представлены в виде дутиков. Включения карбонатов, в т.ч. и дутики, характерны для некоторых центров Северного Причерноморья, в частности, для отдельных центров Европейского Боспора и особенно для Херсонеса. В Восточном Средиземноморье они редки, но все же встречаются. В частности, в пергамской глине присутствует «примесь меловых частиц»[15]. Поэтому вопрос о месте производства этих двух образцов рассматривается ниже с учетом результатов анализа лаковых покрытий.

В то же время, два рассматриваемых образца заметно различаются по другим

признакам. В частности образец №10 отличается очень чистой глиной и аморфной хорошо проплавленной структурой (единственный образец с аморфной структурой во всей выборке). Крупные включения представлены в нем только зернами карбонатов и единичными черными железистыми включениями (рис. 2, А, 3).

Образец №9 при общем небольшом количестве всех включений, наряду с карбонатами, содержит значительную долю кварца, который широко встречается в глине разных центров. Все другие примеси в нем единичны.

Оставшиеся два образца (№5 и №8 — рис. 2, А, 4, 5) имеют как общие признаки, так и заметные различия. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют определить, производились ли они в одном центре, или в разных, а также определить этот центр. Можно только отметить, что, скорее всего, это не причерноморский центр. Не исключено малоазийское или восточноэгейское происхождение этих сосудов.

Прежде, чем перейти к описанию результатов микроскопического исследования лака выбранных образцов, следует затронуть некоторые общие вопросы технологии античных лаковых покрытий. Это покрытие отличается от глазури, в обычном понимании этого слова, структурой, меньшей толщиной и степенью проплавленности, а, следовательно, и степенью развития стекловидной фазы, а также от обмазки, которая является простой облицовкой жидкой глиной, иногда окрашенной. Лаковое покрытие изготавливалось из глины специального состава и способа приготовления, и для того, чтобы отличить его от глазури и обмазки, используется термин «лак». Лаком сосуды покрывались перед обжигом, но после остальных операций изготовления и формовки[16].

Лак — это не просто жидкая форма глины, как ангоб, но суспензия из очень мелкой глинистой фракции. Как правило, тонкодисперсную глину для лака получали в результате специального отмучивания с добавлением воды в пропорции 20% глины на 80% воды. Для того, чтобы частички глины не слипались и сразу не выпадали в осадок, к такой суспензии добавляли промытую золу (поташ), имеющую щелочную реакцию[17]. Цвет лака (черный или красный) определяют входящие в состав глины соединения железа и режим обжига. Поэтому для приготовления лака использовалась только ожелезненная глина.

Обычно в состав мельчайшей фракции глины входят три глинистых минерала с большим содержанием кремнезема: иллит, каолинит и монтмориллонит. Именно иллит, благодаря плоской форме кристаллов, дает лаку блестящую поверхность. Чтобы получить достаточный блеск важно, чтобы в суспензии присутствовала большая доля иллита[18].

Таким образом, лак состоит из глины, содержащей известное количество кремнезема, глинозема, щелочи (поташа или соды), которая является также сильным плавнем, необходимым для образования стекловидной фазы[19], и окислов железа. По химическому составу он отличается от керамического теста бóльшим количеством глинозема относительно кремнезема (Al_2O_3 : SiO_2), бóльшим содержанием FeO и K_2O и меньшим — MgO и CaO[20].

По своей структуре обожженный лак — это бесцветный аморфный стекловидный алюмосиликат, почти не содержащий непроплавленных примесей.

Цвет ему придают микрочастицы колоранта. Черный цвет лака обеспечивает минерал шпинель (магнетит-герценит; Fe_3O_4-$FeAl_2O_4$). Красный колорант — это гематит[21]. Химический состав глиняного теста и лака практически идентичен и различается лишь пропорциями железа, кремния и алюминия. Это позволяет предположить, что и керамическое тесто сосуда и лак обычно изготовлялись из одной и той же глины, которая для приготовления лака дополнительно отмучивалась[22].

После приготовления суспензия подсушивалась до консистенции сметаны. После этого она готова к применению. До эпохи эллинизма включительно сосуды не покрывались лаком полностью, и он, видимо, наносился кистью. В римское время сосуды, наоборот, чаще покрывались полностью. Лак или поливался на них, или сосуды окунались в него. На лучших образцах такой керамики нет следов от пальцев на поверхности, но большинство сосудов с менее качественным покрытием имеют следы от пальцев вокруг донца, которое лак покрывает не полностью. В восточносредиземноморских мастерских применялся способ двойного погружения сосуда. Сначала сосуд держали за венчик и погружали наполовину. Покрытие высыхало очень быстро, т.к. влага быстро впитывалась сухим сосудом. После этого он окунался уже другой половиной. При таком методе возникала полоса, где одно покрытие перекрывало другое — она отличалась по цвету и толщине. Закрытые сосуды обычно не покрывались лаком внутри[23].

После того, как сосуд с покрытием подсыхал, лак уже имел достаточно хороший блеск, но его могли усилить дополнительной полировкой. Покрытие иногда натирали мягкой тканью или замшей перед обжигом[24].

Лаковая керамика могла быть получена за один обжиг, включающий чередование окислительной — восстановительной — окислительной фаз[25]. Если процесс обжига прекращался после первой, окислительной, стадии, то получалась краснолаковая керамика с красным же керамическим тестом.

В тех случаях, когда обжиг продолжался, то на второй, восстановительной, стадии доступ кислорода в печь перекрывался. Нехватка кислорода для окисления горящего углерода восполнялась за счет восстановления содержащейся в керамическом тесте и лаке окиси железа Fe_2O_3 до оксида железа FeO, который имеет черный цвет. Таким образом, и лак и керамическое тесто на этой стадии становились черными.

В процессе финальной окислительной фазы, когда снова открывался доступ кислороду, пористое керамическое тесто сосуда вновь окислялось до красного цвета, а лак, ставший к этому времени непроницаем, оставался темным[26].

Результаты экспериментальных работ, опубликованные М.Г. Безруковым и Д.В. Журавлевым, показали, что «черный лак античных образцов в окислительной среде при температуре 850–900°С переходит в красный за счет окисления закись-окиси железа в окись (Fe^{3+}); красный лак античных образцов при температурах свыше 1100°С переходит в черный лак независимо от качества среды за счет изменения окислительно-восстановительного потенциала Fe^{2+}/ Fe^{3+}, выделения кислорода и восстановления трехвалентного железа с образованием закись-окисных соединений железа черного цвета. В восстановительной среде этот процесс может быть осуществлен при более низкой температуре (1100°С).

При температуре выше 1150°С железо, содержащееся в глиняной массе, претерпевает те же изменения, что влечет за собой потемнение черепка, а при температуре более 1200°С — его плавление в черную стекловидную массу»[27].

Таким образом, между черным и красным лаком нет резкой грани. Из-за условий обжига «черный» лак иногда мог иметь коричневатую или даже красноватую окраску[28]. Этот покрасневший черный лак не следует путать с настоящим красным лаком римского времени. Красный лак, по всей видимости, первоначально появляется как брак вследствие нарушения режима обжига черного. Позже, со второй половины II в. до н.э., распространяется уже керамика, где красный лак был результатом применения специального режима обжига.

Эти же экспериментальные исследования показали, что чернолаковые покрытия достаточно стандартизированы, различия наблюдаются только в количественных характеристиках состава. Что касается красных лаков, то их визуальные и структурные характеристики гораздо более разнообразны, то есть эта технология не была настолько стандартизованной, как в случае черных лаков. Результаты химико-технологических исследований позволили выделить три большие группы изделий («технологические типы»), характеризуемые существенно различающимися технологическими признаками (сочетание элементов, цветовое решение, микроструктура)[29]:

1. Красные лаки, генетически связанные с черными, получающиеся при окислительном обжиге исходных чернолаковых составов. Цвет — темно-красный, бурый, пятнистый черно-красный.

2. «Классические» красные лаки от светлого кирпично-красного до красно-коричневого.

3. Проплавленные не до конца светло-красные ангобы микрозернистой структуры с преобладанием кристаллической фазы.

Для микроскопического исследования лакового покрытия тех же отобранных 12 образцов также был выделен ряд признаков, по которым велось его описание (табл. II).

1) Цвет лака, его равномерность

Цвет лака и его оттенки также определялись визуально. Под равномерностью понималось отсутствие или наличие более светлых/темных оттенков и переходов цвета. Равномерность цвета зависит от качества лакового покрытия, его наложения, условий обжига. Режим обжига лаковой керамики соблюдался особенно строго, т.к. это диктовалось необходимостью получить ровный цвет покрытия, которое очень чувствительно к нарушениям режима[30]. Но порой он все же нарушался.

Пять из 12 образцов обладают равномерным цветом.

2) Прозрачность, ее степень.

Прозрачность определяется тем, насколько просматривается насквозь стекловатая фаза лака. Во многом прозрачность определяется количеством в ней пелитоморфного колоранта-хромофора, а также толщиной покрытия. Чем выше содержание хромофоров в лаке или чем толще покрытие, тем оно менее прозрачно и наоборот. Локальные утолщения слоя лака во всех образцах окрашены более интенсивно и менее прозрачны, чем основной фон.

Признак имеет значения: прозрачный, полупрозрачный, непрозрачный.

У трех образцов количество колоранта настолько велико, что лак непрозрачен даже в тонких сколах. Основное количество образцов обладает в разной степени полупрозрачным лаком (табл. II).

3) Толщина.

Принципиальные различия в толщине лака всех образцов визуально не фиксируются, кроме тех случаев, когда на одном образце она неравномерна. Толщина лакового покрытия составляет несколько сотых миллиметра. Точнее измерить ее без специальных шлифов невозможно. Поэтому при микроскопическом исследовании пришлось ограничиться фиксацией относительной толщины лака каждого экземпляра, сравнительно с другими образцами той же выборки.

Признаку даны значения: тонкий, средний, толстый, неравномерный. Шесть образцов имеют лак средней толщины, два — сравнительно тонкой, один — сравнительно толстой, и три — с лаком неравномерной толщины.

4) Структура.

Под структурой подразумевалось наличие в стекловатой фазе лака зерен или комочков (сгустков) или их отсутствие (аморфная структура). Эти сгустки не являются кристаллическими включениями, а производят впечатление плохой промешанности массы. Их особенностью является то, что они отличаются оттенками цвета, а при полировке выступавшие над поверхностью сгустки как бы «расплющивались».

Признак имеет значения: мелкозернистая, комковатая, аморфная.

В основном лак в образцах обладает комковатой структурой, в трех случаях — мелкозернистой (из них у одного образца она настолько мелкозернистая, что приближается к аморфной). Лишь у одного образца лак действительно имеет аморфную структуру.

5) Плотность.

Этот признак зависит от степени развития и характера стекловатой фазы лакового покрытия. Он определяется степенью спекания составляющих его компонентов, а также наличием в нем микропор.

Признак имеет значения: лак плотный, средний, рыхлый.

Большинство образцов имеют плотный лак, два — рыхлый, два — средний.

6) Однородность.

Однородность лака подразумевает отсутствие сгущений или разреженности в покрытии, равномерность распределения зерен или комочков (при зернистой или комковатой структуре), а также включений. Признак не зависит от толщины и равномерности нанесения лака.

Признак имеет значения: однородный, неоднородный.

Все образцы обладают однородным лаком, кроме одного (№ 10) с неоднородной, мозаичной структурой.

7) Включения.

Включения — это непроплавленные зерна кристаллических минералов. Во всех образцах их состав практически одинаков — мелкие зерна кварца и черных железистых минералов. Также иногда встречаются мелкие редкие пятна более интенсивного красноватого цвета с нечеткими границами — сгустки ко-

Таблица II

Признаки лака образцов краснолаковых каннелированных пелик

№ образца	Цвет, его равномерность	Прозрачность, ее степень	Толщина	Структура	Плотность	Однородность	Включения	Сцепление с тестом	Характер поверхности лака	Лощение
1-4	красно-оранжевый, равномерный	полупрозрачный	средняя	комковатая	плотный	однородный	кварц редкий, черные железосодержащие, единичны	плохое	на ребрах гладкая, в канелюрах шероховатая, пузырьки	на ребрах и ровной поверхности
5	бежевато-оранжевый, неравномерный	полупрозрачный	неравномерная, полосами	комковатая	средний	однородный	кварц, мелкий, редкий; черные железосодержащие, редкие	плохое	шероховатая, чешуйчатая, лак местами отслаивается, пузырьки	нет
6	красно-оранжевый, неравномерный	полупрозрачный, в тонких местах прозрачный	от тонкой до средней, неравномерная	комковатая	плотный	однородный	кварц, среднее кол-во; черные железосодержащие, редкие; мелкие сгустки колоранта, редкие	плохое	на ребрах гладкая, в канелюрах шероховатая; выбоины, выщерблины, выстрелы; внизу лак отслаивается	на ребрах и ровной поверхности
7	красно-оранжевый, неравномерный	полупрозрачный, на сколах прозрачный	неравномерная, тонкая, толстые пятна	комковатая	средний, местами плотный	однородный	кварц; черные железосодержащие	среднее	лак неравномерный, пятнистый, резко различается по толщине	на ребрах и ровной поверхности, горизонтальное
8	красновато-розоватый, равномерный	непрозрачный	тонкая	зернистая	рыхлый	однородный	кварц, мало; черные железосодержащие	хорошее	шероховатая, отшелушивается	отдельные залощенные горизонтальные полоски
9	оранжевый, равномерный	непрозрачный	тонкая	зернистая	плотный	очень однородный	кварц; черные железосодержащие; все мелкие, единичные	хорошее	гладкая; пузыри, выстрелы	нет; блеск естественный
10	бурый, неравномерный	в целом непрозрачный, основа полупрозрачная	толстая	зернистая	рыхлый	неоднородный, мозаичный	кварц мало; черные железосодержащие, много, от мелких до крупных	плохая	шероховатая, отшелушивается, кракелюр; лак похож на краску	нет
11	красно-оранжевый, равномерный	непрозрачный, на сколах полупрозрачный	средняя	аморфная	плотный	однородный	кварц, мелкий, единичный; черные железосодержащие, мало, мелкие	среднее	ровная; редкие выстрелы; пузырьки	вертикальное по всей поверхности
12	красновато-буроватый, равномерный	непрозрачный	средняя	комковатая	плотный	однородный	кварц, много; черные железосодержащие	среднее	неровная, шероховатая; пузырьки, мелкие	нет; блеск естественный

лоранта (полупроплавленный аморфный окисный минерал железа). По всей видимости, все эти примеси специально добавлялись в лаковую массу. Молотый кварц (в очень мелком виде) вносился для образования стекловатой фазы. Железистые минералы добавлялись в качестве колоранта. Фиксируемые зерна и сгустки, по всей видимости, являются остатками непроплавленной, наиболее крупной фракции примеси. Некоторые из таких зерен выступают над поверхностью покрытия. Их больше на нелощеных участках образцов; при лощении некоторые выступающие включения выбивались.

8) Степень сцепления с глиняным тестом.

Этот признак определяет, насколько хорошо покрытие связано с тестом, не отшелушивается.

Признак имеет значения: хорошая, средняя, плохая. Большинство образцов имеют довольно плохое сцепление с тестом, три — среднее, два — хорошее.

9) Характер поверхности лакового покрытия

Признак определяется наличием или отсутствием дефектов лака, а также других особенностей, которые обуславливают гладкую, ровную поверхность. Во многих случаях на ребрах каннелюров сосудов поверхность гладкая (вследствие полировки), в неполированных канелюрах — шероховатая (из-за выступающих зерен минералов и комочков разного размера). Кроме того, большинство образцов имеют различные дефекты поверхности — выбоины, выщерблины, шелушение, отслаивание, трещины, выстрелы лака над кальцитовыми включениями. Часть из них является производственными дефектами. Другая часть связана с разрушением лакового покрытия уже после отложения фрагментов в слой; тем не менее, они также отражают качество лакового покрытия. В лаке встречаются поры и пузырьки, что говорит о том, что при нанесении он обычно имел консистенцию жидкой сметаны. Всего два образца обладают ровной гладкой поверхностью без особых дефектов, лишь с редкими порами.

10) Полировка.

Присутствие полировки определялось визуально по наличию или отсутствию блеска и его особенностям. Определение данного признака имело некоторые сложности, вызванные тем, что образцы были взяты от различных частей сосудов, и отсутствие следов обработки на исследовавшемся участке не обязательно свидетельствует о том, что сосуд вообще не полировался. Как правило, полировалось тулово сосуда, а шейка и плечики нет, т.к. это было сложно осуществимо из-за наличия ручек.

У большинства сосудов на каннелированном тулове заполированы ребра. Полировка горизонтальная. Скорее всего, она осуществлялась на круге, вращавшемся по часовой стрелке. На это указывает то, что правый склон каннелюр блестит, а левый — нет. Нельзя также полностью исключить того, что сосуд мог лощиться перевернутым на венчик; в таком случае круг должен был вращаться против часовой стрелки. Но никаких следов установки исследуемой пелики таким образом не выявлено. Четкие следы инструмента, за единственным исключением, отсутствуют. На поверхности встречаются только мелкие параллельные царапины. Можно определить, что обработка проводилась чем-то мягким (не камнем, деревом или керамикой), возможно куском ткани или мягкой кожи. Лак хорошо заглажен. При лощении его поверхность вырав-

нивается, и сгустки лака нивелируются. В каннелюрах лак шероховатый, матовый.

Один образец (№ 11) выделяется вертикальным лощением как граней, так и каннелюр; вся его поверхность блестящая. На нем отмечены нечеткие вертикальные следы мягкого инструмента — тонкие, как бы «примятые» вертикальные бороздки. Обработка поверхности этого образца, видимо, осуществлялось мягким инструментом, но не на гончарном круге.

У образца №8, происходящего от шейки сосуда, фиксируются отдельные тонкие залощенные горизонтальные полоски, как от узкого инструмента. Не исключено, что сосуд в этом месте пытались лощить, но тщательному лощению мешали уже прикрепленные ручки.

У трех образцов зафиксирована матовая, необработанная поверхность. Еще два имеют естественный блеск без лощения за счет высокой плотности лака (табл. II).

При анализе данных таблицы II, обращает на себя внимание то, что полировка тулова сосуда отмечена у 8 образцов от трех сосудов (№№ 1–4, 6, 7, 11). Они имеют и ряд других общих признаков лака, благодаря которым их можно объединить в отдельную группу. Сразу следует сказать, что по большинству признаков в эту же группу входит и образец №12, не имеющий полировки. Отсутствие этого признака у указанного образца легко объясняется тем, что он взят с верхнего корня ручки, где полировка не могла быть нанесена технически.

Для выделенной группы характерны красно-оранжевые оттенки лака. В основном его цвет равномерный (рис. 2, Б, 1), хотя встречается образцы и с неравномерным цветом (№№ 6 и 7). Цветовые различия в данном случае вызваны неравномерностью наложения (разной толщиной) лака.

Для образцов данной группы характерно примерно одинаковая степень развития стекловатой фазы и относительно небольшое количество хромофоров. Благодаря этому лак данной группы в разной степени полупрозрачен, в отличие от непрозрачного лака других образцов. Лишь у образца № 12 рассматриваемой группы он непрозрачен, что видимо, связано с повышенным содержанием колоранта.

Кроме того, у большинства образцов данной группы лак средней толщины (рис. 2, Б, 1). При неравномерном наложении лака (образцы №№ 6 и 7) значение этого признака колеблется от тонкого до среднего. Такое значение признака также характерно только для этой группы. У других образцов лак или тонкий, или толстый.

Кроме того, только у образцов данной группы структура лака комковатая, кроме образца № 11, у которого структура лака аморфная.

Для данных образцов также характерен плотный лак. Только в образце № 7 встречаются отдельные участки с лаком средней плотности. У прочих образцов плотный лак встречается лишь однажды.

Во всех образцах рассматриваемой группы, в лаке присутствует кварц и мелкие черные зерна железосодержащих минералов. По их количеству и размеру особых различий между образцами нет. В образце № 6 также встречаются мелкие редкие сгустки более интенсивного цвета с нечеткими границами — колорант (железистые включения — полупроплавленный окисный минерал железа).

Степень сцепления лакового покрытия с тестом у образцов данной группы от плохой до средней. Для них не характерно хорошее сцепление, которое встречается у других образцов (рис. 2, Б, 1).

Сохранность лаковой поверхности рассматриваемых образцов различна. Встречаются образцы как с различными дефектами (выбоины, выщерблины, выстрелы, шелушение — рис. 2, Б, 1) в лаковом покрытии, так и с ровной и гладкой поверхностью. Независимо от сохранности, у всех образцов встречаются пузырьки и поры в покрытии.

Особо следует отметить, что в описанную группу вошли все те же фрагменты, что были выделены в отдельную группу и по признакам глины. Предположительно они определены, как продукция одного из малоазийских приморских центров. Исследование лака полностью подтверждает выделение указанных образцов в отдельную группу.

Образцы №№ 9 и 10 очень отличаются от всех остальных и друг от друга. Они интересны тем, что лаковое покрытие образца № 9 исключительно хорошего качества (рис. 2, Б, 2), а образца № 10, наоборот, очень плохого (рис. 2, Б, 3), при том, что, как указывалось выше, его глина, напротив, довольно чистая.

Для образца № 9 характерно очень высокое качество лака, которое не встречается ни у одного другого. Образец имеет покрытие оранжевого, равномерного цвета. Его лак очень плотный и однородный, тонкий и непрозрачный (из-за большого количества колоранта), стекловатая фаза развита очень хорошо. Структура лакового покрытия очень мелкозернистая, приближающаяся к аморфной (рис. 2, Б, 2). Все включения мелкие. Это единичные черные зерна железосодержащих минералов. Возможен очень мелкий и очень редкий кварц (в толще покрытия). Степень сцепления лака с тестом хорошая. Поверхность гладкая. Есть разрывы в лаке от пузырей. Поверхность неполированная, следов инструмента нет, но из-за высокой плотности и хорошего развития стекловатой фазы отмечается естественный слабый блеск (табл. II). И на ребрах, и в канелюрах он одинаковый. Ни для одного другого исследовавшегося образца не характерно подобное сочетание признаков.

Образец № 10, напротив, выделяется среди остальных исключительно низким качеством лака. Его цвет неравномерный. Есть переходы в красно-бурый и бурый. Покрытие толстое, рыхлое, неоднородное (мозаичное — рис. 2, Б, 3). В нем выделяется полупрозрачная основа (стекловатая фаза) и очень большое количество выступающих из нее черных железосодержащих зерен, создающих шероховатую поверхность. Из-за этих крупных включений покрытие на отдельных участках практически непрозрачное (рис. 2, Б, 3). Структура стекловатой фазы мелкозернистая, цвет — красно-оранжевый. Переходы цвета всего покрытия создаются за счет разного количества мелких и крупных непроплавленных коричневато-черных зерен железистых минералов. Помимо них присутствует немного кварца. Сцепление покрытия с керамической массой очень плохое. Лак имеет цек. Покрытие отшелушивается. Обработки поверхности нет — лак матовый. Благодаря всему этому, лак данного образца резко отличается от всех остальных (табл. II).

Как отмечалось при изучении глины образцов №№ 9 и 10, в ней содержится заметное количество карбонатных включений. Они характерны для некоторых

центров Северного Причерноморья, но не часто встречаются и в Средиземноморье. Высокое качество лака образца № 9 показывает, что этот сосуд не мог быть изготовлен в Северном Причерноморье. Скорее всего, это продукция одного из восточноэгейских центров. Образец № 10, видимо, имеет севропричерноморское, возможно, херсонесское происхождение

Оставшиеся два образца №№ 5 и 8 также отличаются от описанных выше и друг от друга (рис. 2, Б, 4, 5). Но их различия менее четкие, чем у образцов №№ 9 и 10 (табл. II). Поэтому для их уверенной характеристики единичных образцов недостаточно. Можно только утверждать, что они изготовлены в иных центрах, чем все описанные выше. Этот вывод достаточен для решения задач данной работы.

Таким образом, анализируемые образцы удалось классифицировать по общему сходству и различию глин и лаковых покрытий, а также получить информацию о производственных центрах исследуемых пелик. Выделяемые разновидности лака и глины имеют хорошую корреляцию: и по глине и по лаку выделяются практически одни и те же группы. Это подтверждает предложенное разделение образцов по центрам производства. К сожалению, конкретные центры изготовления лаковых каннелированных пелик определить не удалось, но несомненно, что такие сосуды производились в нескольких местах, в том числе, видимо, и в Херсонесе.

Анализ технологии рассматриваемой пелики с Кара-Тобе позволил установить, что она изготовлена на быстром гончарном круге из одного куска глины методом вытягивания. Об этом свидетельствуют очень малая толщина ее стенок, характерные волнистые бороздки на внутренней части сосуда и характер течения глиняной массы, фиксируемый под микроскопом. Стенки сосуда с внешней и внутренней сторон равномерные, без утолщений, довольно тонкие (от 3 мм на шейке до 15 мм у донца). На нем отсутствуют специфические следы швов и соединений в местах возможного скрепления частей пелики, которые фиксировались бы, если бы она формовалась по частям. Также отсутствуют следы шва и соединений в основании кольцевого поддона. Это свидетельствует о том, что после вытягивания и формовки сосуд переворачивался кверху дном и формовался кольцевой поддон методом выборки глины в центральной части толстого донца[31] (рис. 3, 1). После этого пелика вновь устанавливалась на донце, и профилировался ее венчик, для чего предусмотрительно оставлялось достаточное количество глины вверху шейки. Также инструментом наносились горизонтальные врезы на границе тулова и плечиков.

После этого отдельно изготовлялись ручки. Вручную раскатывались глиняные «колбаски», которые затем уплощались и разрезались. Затем ручки крепились к сосуду при помощи жидкой глины и примазывались, при этом им придавался нужный изгиб (рис. 3, 2). Ручки присоединялись после профилировки венчика и прочерчивания горизонтальных врезов на плечиках, но до нанесения каннелюр. При этой операции у исследуемой пелики венчик был немного деформирован, а врезы перекрыты корнями ручек (рис. 3, 2). В последнюю очередь наносились каннелюры и «елочки» под ручками.

При оформлении данного сосуда широко применялся инструмент. Он служил для профилировки донца (выборка углубления поддона, формовка кольца

Рис. 3. Пелика КТ-04/185, детали: 1 — выборка кольцевого поддона, 2 — крепление и изгиб ручки, 3 — подрезки венчика, 4 — форма каннелюров, 5 — орнамент под ручками, 6 — затеки лака на внутренней стороне венчика

поддона) и венчика (в том числе его подрезок — рис. 3, 3). Видимо, этот же инструмент, но в другом рабочем положении, использовался для выполнения горизонтальных врезов и каннелюр на тулове. При этом каннелюры выполнены его округлым рабочим краем (рис. 3, 4), а диагональные врезы под ручками — этим же инструментом, но поставленным под углом (рис. 3, 5).

После предварительной сушки поверхность пелики заглаживалась и покрывалась лаковой массой. Лак покрывает всю внешнюю поверхность сосуда довольно равномерно, за исключением центральной части донца внутри кольцевого поддона (рис. 3, 1). Внутри сосуда покрытия нет. Лак на верхней части пелики тоньше, чем на нижней. Каких-либо следов наслоения лака на тулове и донце не фиксируется, так же как и пальцевых отпечатков.

На внутренней поверхности пелики лаком частично покрыт только отворот венчика. Кроме того, внутри сосуда в области горла имеются неправильные обширные пятна лака. Здесь он очень тонкий и лежит неравномерно (рис. 3, 6). Это явно не преднамеренное покрытие. Помимо этого, внизу на внутренней поверхности стенок отмечены редкие капли лака.

Форма и расположение затеков лака позволяет реконструировать технологию нанесения покрытия на пелику. По всей видимости, сосуд погружался в лаковую массу дважды. Сначала окуналась верхняя часть пелики, при этом мастер держал ее за поддон. Воздух не позволял проникнуть жидкости вовнутрь. Затем, не подвергая лак сушке, мастер помещал руку внутрь сосуда и, придерживая его таким образом, окунал нижнюю часть пелики. По всей видимости, большие пятна лака на внутренней поверхности в области горла были нанесены испачканными руками мастера (рис. 3, 6), с которых лак также мог капать внутрь пелики. При повторном окунании следы пальцев у донца, образовывавшиеся при первом окунании, перекрывались лаком. Кроме того, внутри кольца поддона образовался воздушный пузырь, из-за чего в этом месте лак тоже отсутствует (рис. 3, 1).

Сосуд сушился на донце, в результате чего, часть лака стекла вниз, где покрытие более толстое. Отсутствие следов перекрытия двух слоев лака может быть связано с тем, что он был довольно жидким, и между двумя погружениями прошло недостаточно времени, чтобы лак успел подсохнуть. Вследствие этого зона перекрытия двух слоев лака размылась.

После окончательной просушки пелику, судя по результатам микроскопического анализа, слегка полировали мягкой тканью или кожей на гончарном кругу. Уплотненный при полировке лак давал более блестящую поверхность. Этим достигался дополнительный эстетический эффект, построенный на сочетании блестящих ребер и матовых канелюр.

Затем сосуд обжигался в окислительной атмосфере при относительно низкой температуре в 850–900°С. Выдержка в горне была относительно непродолжительной, т.к. не успевала выгореть вся органика в глине, и сохранялся содержащийся в ней кальцит[32]. Исходя из типологии лаков Д.В. Журавлева и М.Г. Безрукова, лак исследуемой пелики принадлежит к типу «классический» красный лак[33].

Сосуды, схожие с исследуемой пеликой с Кара-Тобе, известны в небольшом количестве и на других памятниках Северного Причерноморья. Наиболее близ-

кими аналогиями ей являются находки из цистерны на акрополе Пантикапея[34] (рис. 4, 1), из кургана близ с. Ильевка в Поволжье[35] (рис. 4, 2), из Ольвии[36] (рис. 5, 1), а также еще один фрагментированный сосуд с Кара-Тобе (КТ-04/10, 11 — рис. 4, 3) и тулово пелики с городища Чайка (Ч-94/293,– рис. 4, 4;) в Северо-Западном Крыму[37] (табл. III). Все они краснолаковые, имеют близкие размеры и пропорции, каннелированные тулова, резко перегнутые ручки с орнаментальной «елочкой» под ними и горизонтальные врезы на границе тулова и плечиков, а также отогнутый профилированный тем или иным образом венчик. Эти сосуды можно считать практически идентичными, немного различающимися лишь деталями формы и тщательностью нанесения каннелюр. Так, у пелики из Ольвии по-другому нанесены горизонтальные бороздки на плечиках, а ее каннелюры выделяется аккуратностью.

Несколько отличаются от них, но тоже очень близки, сосуды из курганной группы «Рядовые могилы» Херсонской обл.[38] (рис. 5, 2), из погребения 43 юго-восточной части некрополя Горгиппии[39] (рис. 5, 3) и верхняя часть маленькой пелики с городища Чайка[40] (Ч-77/2370 — рис. 5, 4) (табл. III). При общем сходстве эти сосуды различаются пропорциями, прежде всего, тулова, профилировкой венчика, формой ручек, порой более высокой тщательностью нанесения каннелюров и др. В частности, у экземпляра из Горгиппии ручки простые, петлевидные (рис. 5, 3). Такую же форму могли иметь несохранившиеся ручки сосуда из «Рядовых могил» (рис. 5, 2). Пелика с городища Чайка, помимо размеров, отличается отсутствием каннелюр (рис. 5, 4).

К этой же группе близких аналогий можно отнести еще три сосуда, выделяющихся некоторыми признаками. Это пелика, найденная в слое некрополя Горгиппии[41] (рис. 5, 5), имеет схожую форму и профилировку деталей, но отличается отсутствием каннелюр. Вместо них на тулове по сырой глине нанесен сложный врезной орнамент и сюжетная композиция. По всей видимости, этот сосуд принадлежит той же группе пелик, но является неким «специальным» заказом, выполненным по особому случаю. Е.М. Алексеева предполагает, что этот сосуд использовался в культовых целях. (табл. III).

Другой сосуд, из Круглого кургана (рис. 5, 6; табл. III), имеющий все признаки пелик данной группы, отличается очень маленькими размерами (D=9 см, d=4,9 см, H=11,1 см) [42]. Из-за этого он, видимо, не мог использоваться в тех же целях, что и другие пелики, и, вероятно, использовался в качестве кубка. Маленькие декоративные пелики известны с V в. до н.э.[43]

Схожую форму имеет и верхняя часть чернолаковой пелики с Кара-Тобе (КТ-2000/476 — рис. 5, 7; табл. III). Она отличается, в первую очередь, тем, что имеет черное покрытие и относительно массивный венчик. Его орнамент довольно небрежен, но в целом аналогичен орнаменту рассматриваемых сосудов. Эта пелика была явно изготовлена в другом центре, но принадлежит к тому же морфологическому типу.

Приведенные аналогии позволяют определить время бытования подобных сосудов. В хорошо стратифицированных слоях городища Кара-Тобе их фрагменты (в том числе и исследованные здесь микроскопически) встречаются в комплексах, датируемых по массовому материалу периодом от конца II в. до н.э. до первой трети I в. н.э. (табл. I). Материалы городища Чайка в целом

Таблица III

Аналогии пелике из Кара-Тобе

Рисунок	Год, шифр	Описание	Памятник	Дата по публикации	Публикация
4, 1	2001 г	Краснолаковая пелика. Профилированный отогнутый венчик, низкое горло, врезы на плечиках, каннелированное тулово, ручки с перегибом, под ручками орнамент "елочка", кольцевой поддон	Пантикапей, акрополь, цистерна	Конец II — 1 четверть I вв. до н.э.	Lomtadze G., Zhuravlev D. Amphorae from a late Hellenistic cistern at Pantikapaion. // Transport amphorae and trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International colloquium at the Danish Institute at Athens. Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5. 2004. P. 205. fig. 3, 6
4, 2	1978 г	Краснолаковая пелика. Профилированный отогнутый венчик, низкое горло, врезы на плечиках, каннелированное тулово, ручки с перегибом, под ручками — орнамент "елочка", кольцевой поддон	с. Ильевка Волгоградской обл., курган 21, погребение 1		Мордвинцева В.И. Среднесарматское погребение с краснолаковой керамикой. // Древности Волго-Донских степей, 3. Волгоград, 1993. С. 124,125, рис. 1
4, 3	КТ-04/10, 11	Два фрагмента тулова краснолаковой пелики. Низкое горло, врезы на плечиках, каннелированное тулово, под ручками орнамент "елочка", кольцевой поддон	Городище Кара-Тобе, Северо-Западный Крым	2 четверть I в. до н.э.	
4, 4	Ч-94/ 293;	Яйцевидное тулово краснолаковой пелики. Врезы на плечиках, каннелюры, кольцевой поддон., каннелюров нет	Городище Чайка, Северо-Западный Крым	2 половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.	Журавлев Д.В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища "Чайка". // Материалы исследований городища "Чайка" в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 281-284, рис. 3, 22
5, 1	1908 Leyden acc.no. I 1908/ I.22	Краснолаковая пелика. Профилированный отогнутый венчик, низкое горло, врезы на плечиках, каннелированное тулово, ручки с перегибом, кольцевой поддон	Ольвия, некрополь?	I в. до н.э.	Kern J.H.C. A Pelikoid vase from Olbia (South Russia). // Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van oudheden te Leiden. Nieuve reeks 37, Leiden, 1956. Pl. I. A, B
5, 2	----	Тулово и венчик краснолаковой пелики. Профилированный отогнутый венчик, врезы на плечиках, каннелюры, кольцевой поддон	Курган 7, группа "Рядовые могилы", Херсонская обл.	II-I вв до н.э.	Зубарь В.М., Кубышев А.И. Погребальные комплексы рубежа нашей эры из нижнего Поднепровья. // СА №4, 1987. С. 250, рис. 1, 2
5, 3	----	Пелика с лиловым покрытием. Отогнутый венчик, высокое горло, врезы на плечиках, каннелюры, ручки петлевидные, под ручками - орнамент "елочка", кольцевой поддон	Горгиппия, некрополь, юго-восточная часть,, погребение 43	Середина III- середина I вв. до н.э.	Алексеева Е.М. Юго-Восточная часть Горгиппии. // Горгиппия II. Краснодар, 1982. С.58-61, рис. 34

Таблица III (продолжение)

Рисунок	Год, шифр	Описание	Памятник	Дата по публикации	Публикация
5, 4	Ч-77/ 2370	Верхняя часть маленькой краснолаковой пелики. Отогнутый венчик, низкое горло, подрезка под венчиком, врезы на плечиках	Городище Чайка, Северо-Западный Крым	2 половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.	Журавлев Д.В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища "Чайка" // Материалы исследований городища "Чайка" в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 281-284, рис. 3, 21
5, 5	-	Краснолаковая пелика. Профилированный отогнутый венчик, низкое горло, врезы на плечиках, ручки с перегибом. На тулове прочерченный сюжетный рисунок и растительный орнамент	Горгиппия, некрополь, юго-восточная часть, культурный слой	поздний эллинизм	Алексеева Е.М. Юго-Восточная часть Горгиппии. // Горгиппия II. Краснодар, 1982. С.103, 104, рис. 59. Алексеева Е.М. Культы Горгиппии. // СА, №4, 1986. С. 46-47, рис. 8
5, 6	ГИМ, оп. 136/1 № 12	Маленькая краснолаковая пелика. Профилированный отогнутый венчик, низкое горло, врезы на плечиках, каннелированное тулово, ручки с перегибом, кольцевой поддон	Круглый курган., Ростовская обл., ст. Нижне-Гниловская	2 половина I в до н.э. – начало I в. н.э.	Демиденко С.В., Журавлев, Д.В. Трейстер М.Ю. "Круглый курган" из раскопок В.Г. Тизенгаузена. // Древности Евразии. М.,1997. С. 193-194, рис. 4, 1
5, 7	КТ-2000/476	Верхняя часть чернолаковой пелики. Массивный профилированный венчик, низкое горло, каннелированное тулово, врезов на плечиках нет, под ручками – орнамент "елочка"	Городище Кара-Тобе, Северо-Западный Крым	4 четверть I в. до н.э. – четверть I в. н.э.	

укладываются в этот же интервал (табл. I). Д.В. Журавлев специально занимался проблемой хронологии таких пелик[44]. Предложенная им дата — вторая половина (возможно несколько раньше) I в. до н.э. — начало I в. н.э.[45] не сильно отличается от предложенной выше. Самыми ранними из известных датированных сосудов данного типа являются пелика из цистерны на акрополе Пантикапея (рис. 4, 1) и обломки такой же пелики из ямы 4/03 с Кара-Тобе (табл. III). Они должны быть датированы самым концом II — серединой I вв. до н.э. Примечательно, что в комплексе цистерны в Пантикапее присутствуют поздние гераклейские амфоры[46]. Они могли попасть в Крым только в период от включения Боспора в состав державы Митридата Евпатора до римской осады и последующего разрушения Гераклеи в 72 г. до н.э. Это позволяет несколько сузить дату комплекса цистерны.

Наиболее поздние фрагменты каннелированных пелик найдены на Кара-Тобе в комплексах конца строительного горизонта 2б — начала периода III и датируются в пределах первой трети I в. н.э. При этом обломки сосуда из ямы 12/08 (образец 9, табл. I) имеют уже не настоящие каннелюры, а процарапанные линии, имитирующие их.

Таким образом, в тех случаях, когда каннелированные лаковые пелики удается датировать по сопровождающему материалу, эти даты укладываются в пределы от конца II в. до н.э. до первой трети I в. н.э.

На протяжении этого времени форма краснолаковых пелик не оставалась неизменной. Изменения касались, в первую очередь, профилировки деталей и нанесения каннелюр. Развитие, видимо, шло в направлении деградации и практическому исчезновению профилировки, в первую очередь, венчика, а также к деградации каннелюр, которые в I в. н.э. выродились в простые небрежно прочерченные линии.

Для определения места исследуемой пелики в ряду античной лаковой керамики и выявления ее прототипов следует рассмотреть эволюцию этой формы сосудов в целом.

Пелика (*pelike*, πελίχη), как разновидность столовой амфоры, была значительно распространена в античное время[47]. Сам термин «пелика» существовал в античности, но к данному типу амфор не применялся[48]. Первым предложил использовать его в современном значении Е. Герхард, немецкий ученый середины XIX в., занимавшийся античным искусством[49], но до середины XX в. этот термин был спорным. Позже он вошел в общее употребление и стал привычным.

Назначение пелик — сосуд для вина, воды, масла. В городах Боспора и в Ольвии они широко использовались в погребальном обряде, как в качестве погребального инвентаря, так и в качестве урн для праха. Пелики, наполненные маслом, бросали в погребальный костер[50].

Эволюция формы пелики описана В.Д. Блаватским[51]. Он выделил следующие основные моменты ее развития.

Форма пелики возникла в Аттике и была довольно популярна в краснофигурный период после 530 г. до н.э. и продолжала производиться в V вв. до н.э. Известны и чернофигурные экземпляры. Дальнейшее развитие этого типа пелики прослеживается в апулийской керамике IV в. до н.э. Особый тип пред-

Рис. 4. Краснолаковые пелики с каннелированным туловом конца II в. до н.э. — первой трети I в. н.э.: 1 — Пантикапей, цистерна на акрополе; 2 — курганный могильник близ с. Ильевка Волгоградской обл., курган 21, впускное погребение 1; 3 — городище Кара-Тобе, № КТ-04/10, 11; 4 — городище Чайка, № Ч-77/2370

ставляют собой боспорские (керченские) пелики, распространенные в IV в. до н.э. в Северном Причерноморье. Они изготовлялись специально для этого региона и часто использовались для погребений[52].

На смену боспорским пеликам в начале III в. до н.э. в Северном Причерноморье приходят акварельные или полихромные пелики[53], изготовлявшиеся в местных мастерских до конца II вв. до н. э. Их назначение часто то же, что и у боспорских пелик — большое количество их найдено в погребениях, а сюжеты очень похожи на те, что были распространены на керченских вазах.

В эллинистический период существовало два основных вида технических приемов для декорирования сосудов типа пелик. Одним из них является покрытие всей поверхности сосуда лаком. При этом лаковые пелики обычно имели рельефный орнамент и/или по лаку наносилась накладная роспись. Сосуды с рельефным декором явно подражают дорогой рельефной металлической посуде, которая была популярна и престижна. Имитируя металлическую посуду, гончары изготавливали сосуды (не только пелики), полностью покрытые лаком (сначала черным, а со второй половины II в. до н.э. красным), который своим блеском напоминал блеск металла, и украшенные рельефным декором[54]. Несомненно, таким подражанием являются каннелюры на тулове, горизонтальные врезы на плечиках и др.

Другой прием декорирования пелик — это полихромная роспись, которая наносилась на уже упоминавшиеся акварельные пелики.

Среди эллинистической лаковой посуды с рельефным орнаментом и накладной росписью выделяется две основные школы — Гнафия в Италии и West Slope в Аттике[55]. В целом они близки и различаются, в основном, наборами красок, которыми наносился декор, и изобразительных элементов. Оба стиля возникли из традиции обрамления сюжетного изображения в классический период растительным или геометрическим орнаментом. Постепенно эти орнаменты получили самостоятельную роль и развитие в эпоху эллинизма. Стиль Гнафия, возникнув в середине IV в. до н.э., просуществовал до конца III в. до н.э. и был распространен в Южной Италии и на Сицилии. В восточной части античного мира изделия этого стиля встречаются довольно редко[56].

Стиль West Slope, возникнув около 300 г. до н.э. в Аттике, просуществовал приблизительно до середины — третьей четверти I в. до н.э. Среди сосудов этого стиля, которым в целом свойственны достаточно сухие формы, появляется и получает особое распространение широкая приземистая амфора с каннелированным туловом и витыми ручками. Также популярны пелики, ойнохои, ольпы, гидрии, кратеры, тулово которых также нередко украшалось каннелюрами. Венцы сосудов часто сильно отогнуты и имеют свешивающиеся закраины, ручки изогнутые или витые. В декоре используется пластический орнамент, например, накладные головки у нижних корней ручек. Накладной орнамент наносился белой, желтой или оранжевой краской (разведенная бежевая или оранжевая глина) на темный фон (лак). Декор сосредотачивался в верхней части сосуда. Набор декоративных элементов достаточно прост — это либо растительные венки и гирлянды, либо геометрические орнаменты.

Р.М. Кук отмечает, что популярность аттического стиля West Slope выразилась в появлении подражаний ему в различных центрах восточной части антич-

Рис. 5. Лаковые пелики с каннелированным туловом II в. до н.э. — первой трети I в. н.э.: 1 — Ольвия; 2 — курганная группа «Рядовые могилы»; 3 — некрополь Горгиппии, погр. 43; 4 — городище Чайка, № Ч-94/293; 5 — некрополь Горгиппии, слой; 6 — Круглый курган; 7 — городище Кара-Тобе, № КТ-2000/476

ного мира. Подобная керамика изготавливалась и была широко распространена в Малой Азии, на Крите, в Александрии, Коринфе и в античных городах Северного Причерноморья[57]. В частности, отмечается Пергам, где в III–II вв. до н.э. складывается собственная традиция производства лаковых сосудов, ведущая начало от этого стиля[58]. Особенность пергамской керамики заключается в том, что предпочтение отдавалось красноватым лаковым покрытиям и использованию рельефного декора. Накладная роспись здесь постепенно исчезает. Экспорт пергамской посуды велся в основном в Понтийский регион[59].

В эллинистическое время разнообразие форм пелик увеличивается. В.Д. Блаватский описывает две формы пелик, которые часто оформлялись накладной росписью. Одна из них — небольшие чернолаковые пелики стройных пропорций с каннелированным туловом и с орнаментом на шейке[60]. Другая форма — это тяжелые по пропорциям пелики с широким венчиком и высоким поддоном, покрытые черным или красно-коричневым лаком и украшены накладной росписью, порой тоже каннелированные. На нижних корнях ручек у них встречаются украшения в виде дискообразных прилепов[61].

Видимо, к последнему классу пелик принадлежат и сосуды с приземистым каннелированным туловом, горизонтальными врезами или полосками краской на плечиках, относительно высокими горлом и профилированным раструбообразным венчиком с горизонтальным срезом, с массивным профилированным поддоном, а также с петлевидными ручками, на нижнем корне которых по бокам часто расположены округлые налепы. Под ручками у более поздних таких пелик выделены треугольные зоны, заполненные косыми насечками.

Одним из ранних сосудов этой группы является чернолаковая каннелированная пелика из помещения 86 виллы Дионисия в Пафосе (рис. 6, 1). На ее горле — накладной орнамент из свисающих «бутонов», соединенных гравированным зигзагом, на плечиках изображения букрания и розеток, ограниченные снизу двумя линиями, разделенными рядом точек. Ее дата — 200–170 гг. до н.э. Дж. Хейс относит ее к стилю West Slope аттического производства[62].

Пеликам подобной формы из некрополя Пантикапея посвящен раздел статьи Т.Н. Книпович[63]. Она описывает их особенности (бурый лак, круглые налепы на нижних корнях ручек, орнамент гирлянды плюща или ожерелья с зерновидными подвесками на горле, гравировка), датирует III–II вв. до н.э. и специально подчеркивает отличие от аттической продукции. Автор относит подобные сосуды к производству малоазийских центров, в частности, Пергама[64].

К этой же группе принадлежат и схожие каннелированные пелики из некрополя Ольвии, опубликованные М. Парович-Пешикан (рис. 6, 2–4)[65]. Они также имеют буро-коричневое покрытие. На горле и плечиках у них имеется орнамент, нанесенный белой краской, разведенной глиной и гравировкой, на нижних корнях ручек — округлые налепы. Нижняя граница плечиков пелик из Ольвии отмечена нарисованными линиями или врезами. К сожалению, по публикации невозможно судить об оформлении тулова этих пелик под ручками. По лаку и характеру орнаментации (свисающие «бутоны» или «зерновые подвески») эти сосуды М. Парович-Пешикан тоже относит к малоазийскому (пергамскому) производству, испытывавшему влияние стиля West Slope, и датирует III–II вв. до н.э.

Рис. 6. Лаковые пелики с каннелированным туловом III–II вв. до н.э.: 1 — Пафос, Вилла, Дионисия, помещение 86; 2–4 — Некрополь Ольвии (без масштаба); 5 — Пантикапей; 6 — Пафос, Вилла, Дионисия, помещение 11

Также близки сосудам из некрополей Ольвии и Пантикапея каннелированные пелики из некрополя Танаиса[66] (рис. 7, 1, 2) и из слоя Пантикапея[67] (рис. 6, 5). Они тоже покрыты бурым лаком, у них выделены зоны под корнями ручек и имеются горизонтальные врезы на плечиках. У полностью сохранившейся пелики из некрополя Танаиса на горле нанесен накладной орнамент в виде свисающих «листиков», а на плечиках — в виде волны, нанесенный белой краской и гравировкой. На нижних корнях ее ручек — округлые налепы. Публикаторы датируют эти сосуды второй половиной III[68] и II вв. до н.э.[69] Видимо, они также имеют малоазийское происхождение.

Не исключено, что производство схожих сосудов, но более простых форм с гладким туловом было налажено в эллинистическое время и в Причерноморье. Одна из пелик, по всей видимости, местного производства была найдена в некрополе Горгиппии[70]. На горле и плечиках у нее имеется полностью деградировавший орнамент краской и гравировкой, видимо, имитирующий изображение свисающих «зерновых подвесок» и врезы в основании плечиков. И.Т. Кругликова справедливо видела прототип этой орнаментации в мотивах украшений сосудов малоазийского или пергамского производства[71].

Вероятно, в некоторых центрах подобные пелики продолжали изготавливаться и в раннее римское время. Об этом свидетельствует аналогичная фрагментированная пелика из виллы Дионисия в Пафосе с неясным орнаментом на горле, датирующаяся 40–10 гг. до н.э (рис. 6, 6). Д. Хайс относит ее к кипрской сигиллате[72].

Таким образом, общая дата пелик описанной морфологической разновидности III–I вв. до н.э. Несомненно, они изготавливались в нескольких местах Восточного Средиземноморья, среди которых центры Аттики, Малой Азии, Кипра, а также Северного Причерноморья и др. Не исключено, что первоначально такая форма пелик появилась в Аттике, где они оформлялись в стиле West Slope. Разновидность этой формы с бурым лаком и несколько более простым растительным орнаментом производилась в малоазийских центрах (в т.ч. в Пергаме?), упрощенная — в Причерноморье.

Именно в подобных вазах Д.В. Журавлев, специально рассматривавший данный тип пелик, справедливо видит прототип краснолаковых сосудов рассматриваемого в статье типа[73]. У этих сосудов впервые появляется комплекс признаков, характерный для изучаемого типа краснолаковых позднеэллинистических пелик: каннелированное тулово, горизонтальные пояски на плечиках, сложнопрофилированный массивный венчик и особые орнаментальные зоны под корнями ручек.

Таким образом, изучаемые позднеэллинистические краснолаковые пелики принадлежат к довольно обширному классу близких сосудов, которые изготавливались в центрах Эгейского и, видимо, Черного моря с III в. до н.э. Вместе с тем, они обладают и рядом признаков, которые не имеют прямых прототипов у более ранних пелик III–II вв. до н.э. У них простой кольцевой поддон, более простой венчик, форму которого все же можно вывести из формы массивных венчиков пелик предшествующего времени, а также полностью отсутствует накладная роспись и гравировка. Подобный декор на краснолаковых сосудах просто терялся бы.

Рис. 7. Лаковая пелика с каннелированным туловом из некрополя Танаиса, погребение 13 (без масштаба)

Наиболее характерные признаки краснолаковых пелик — резко перегнутые ручки и зоны с орнаментом «елочка» под ручками. Ручки подобной формы не встречаются у более ранних малоазийских пелик и появляются, видимо, лишь в конце II в. до н.э. Определить их происхождение можно только предположительно, экземпляры, отражающие процесс формирования ручек такой формы, неизвестны. Обращает на себя внимание то, что некоторые эллинистические канфаровидные сосуды с каннелированным туловом имеют морфологическое сходство с рассматриваемым типом краснолаковых пелик[74]. Помимо размеров, они отличаются от пелик более широким горлом и простым неотогнутым венчиком. Канфары одной из разновидностей III–II вв. до н.э. имели ручки с характерными горизонтальными выступами на верху[75], у других на перегибе петлевидных ручек часто имелись фигурные налепы, которые подчеркивали эти участки[76]. Можно предположить, что такая форма ручек канфаровидных сосудов оказала влияние на формирование ручек пелик рассматриваемого типа во II в. до н.э. По всей видимости, такой своеобразный перегиб-«защип» у ручек пелик развивался постепенно. Сначала появился резкий перегиб[77], а затем он трансформировался в уплощенный «защип». О схожести ручек подобных сосудов с ручками канфаров говорит также Дж. Керн[78].

Что касается орнамента под ручками, то еще в V в. до н.э. вазописцы выделяли эту зону особым растительным орнаментом. Чаще всего это были различные пальметты с усиками[79]. Этот мотив продолжал существовать и в IV в. до н.э. Выделенные зоны под ручками, заполненные косыми насечками, встречаются и в ранних эллинистических пеликах с каннелированным туловом малоазийского производства[80]. Вполне возможно, что врезы в виде «елочки» были своеобразным продолжением традиции таких зон, отмечаемых особым образом.

Таким образом, можно предположить, что своеобразная форма рассматриваемых краснолаковых пелик сложилась в одном из малоазийских эгейских

центров как разновидность класса двуручных сосудов с каннелированным туловом. Со временем их производство было освоено и в других центрах региона, а также в Причерноморье. Какое-то время развитие изучаемого типа происходило параллельно с эволюцией других разновидностей сосудов этого класса, но шло своим путем. К сожалению, в настоящее время проследить все детали сложения и развития формы позднеэллинистических краснолаковых пелик с каннелированным туловом невозможно.

Заканчивая комплексное исследование краснолаковой пелики и однотипных с ней сосудов, можно дать характеристику их эстетическим качествам и определить сферы их использования. Античную лаковую керамику по эстетическим качествам можно условно разделить на несколько уровней: 1) высокохудожественная расписная, рельефная и фигурная керамика, часто выполнявшая не только утилитарные (бытовые и культовые) функции, но и чисто декоративные; каждое изделие этого уровня является авторским произведением искусства; 2) массовая расписная и высококачественная черно- и краснолаковая керамика, в т.ч. рельефная и с накладной росписью; эта керамика имела определенную эстетическую ценность, была широко распространена в быту и достаточно доступна населению; 3) рядовая массовая лаковая керамика, в т.ч. производившаяся на периферии античного мира; как правило, она не имела художественной ценности и была сравнительно низкого качества.

Ремесленная художественная продукция, относящаяся по нашей классификации ко второму уровню, была далеко не однородна по эстетическим качествам и по сферам использования. Как отмечалось, некоторые лаковые сосуды эпохи эллинизма являлись имитациями дорогой орнаментированной металлической посуды (сосуды с различным рельефным декором) и, особенно в начале их производства, имели претензию на изысканность. Такая керамика была относительно дешева и пользовалась устойчивым спросом среди не очень состоятельных слоев общества. В связи с этим производство ее постепенно увеличивалось, но, при этом, качество продукции падало. Мы наблюдаем это и на примере керамики Кара-Тобе римского времени. Это была своего рода «парадная посуда для бедного населения», в т.ч. и варварского. Поэтому ее относительно немного, сравнительно с массовой ремесленной керамической продукцией.

К этой группе качественной художественной керамики относятся и орнаментированные сосуды сложных форм, в т.ч., по всей видимости, и исследуемая пелика. В начале производства это были сосуды с хорошо выверенными пропорциями, аккуратно и тонко исполненным декором. Но со временем их качество снижается: декор вырождается, каннелюры превращаются в небрежно прочерченные линии, профилировка деталей упрощается или исчезает.

Можно также отметить, что значительное количество рассмотренных краснолаковых пелик найдено в некрополях. Их доля среди погребального инвентаря значительно выше, чем доля подобных пелик в комплексах поселений. То, что в погребения часто клали именно пелики, может свидетельствовать о том, что сосуды этой формы, наряду с бытовыми, выполняли и культовые функции и играли определенную роль в погребальном обряде. О существовавшей традиции подобного использования именно пелик в более раннее время сказано выше. Примечательно, что рассматривавшиеся пелики встречаются не только в

античных некрополях, но и в могильниках варварского населения вплоть до Нижнего Поволжья.

Таким образом, пелики с каннелированным туловом были доступны широким слоям небогатого населения, в т.ч. варварского и, наряду с чисто бытовыми функциями, относительно часто использовались и в погребальном обряде. Они в небольшом количестве встречаются по всему Северному Причерноморью и известны как в крупных городах и их некрополях (таких как Пантикапей, Горгиппия, Ольвия), так и на небольших греческих и варварских поселениях и в могильниках.

Таким образом, в результате комплексного исследования краснолаковой каннелированной пелики с городища Кара-Тобе была получена интересная информация как по этому сосуду, так и по всему классу подобной керамики. Микроскопические анализы керамической массы и лакового покрытия показали, что рассматриваемая пелика произведена в одном из приморских малоазийских (?) эгейских центров. Кроме того, было определено, что подобные сосуды изготавливались и в других центрах, в т.ч. и Северного Причерноморья. При этом установлено, что большинство лаковых пелик исследуемой формы поступало на Кара-Тобе из одного малоазийского центра. Аналогичная продукция других центров попадала сюда спорадически.

Рассмотрение аналогий и комплексов, в которых они найдены, показало, что такие пелики датируются концом II в. до н.э. — первой третью I в. н.э.

Изучение следов технологических операций на пелике из Кара-Тобе позволило получить данные о технологии формовки сосуда, его орнаментации и нанесения лакового покрытия. Этот сосуд изготовлен на быстром гончарном круге из одного куска глиняной массы. Рельефный декор на нем и профилировка деталей сделаны инструментом, а лаковое покрытие нанесено методом погружения и имеет полировку.

Анализ формы и декора, а также выявленные аналогии дали возможность атрибутировать пелику с Кара-Тобе и ей подобные, определить ее место среди эллинистической лаковой керамики. Подобные сосуды изготовлялись в ряде средиземноморских малоазийских и причерноморских центров и, видимо, являлись заключительной стадией развития формы античных пелик. По всей видимости, их прототипом были каннелированные пелики малоазийского производства III–II вв. до н.э. с бурым лаком и накладной росписью.

Рассмотренные позднеэллинистические пелики являются качественной краснолаковой продукцией, доступной широким слоям населения. Значительное количество рассматривавшихся сосудов найдено в некрополях. Это свидетельствует о том, что подобные пелики часто использовались в ритуальных целях, и, в частности, в погребальных обрядах. Подобное использования именно пелик традиционно для античного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Внуков С.Ю., Коваленко С.А.* Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Тр. ГИМ. Вып. 102. М., 1998. С. 74.

2. *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Часть I. Морфология. М., 2003. С. 28 и след.
3. *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. С. 139
4. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 78-79.
5. *Забелина В.С.* Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. Вып. 7. М., 1984. С. 138.
6. *Зубарь В.М., Кубышев А.И.* Погребальные комплексы рубежа нашей эры из нижнего Поднепровья // СА. 1987. № 4. С. 250.
7. *Внуков С.Ю.* Задачи и проблемы петрографического исследования древней керамики // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 144-145.
8. Там же. С. 146.
9. Там же. С. 143.
10. Под структурой понимается вид собственно керамической массы в целом, наличие или отсутствие, а также взаиморасположение видимых зерен, гранул, стяжений массы и их форму.
11. *Каменецкий И.С.* Городища донских меотов. Вопросы датировки. М., 1993. С. 31.
12. *Внуков.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Часть II. С. 29.
13. *Наумов В.А.* Оптическое определение компонентных осадочных пород. М., 1981. С. 156-158.
14. Там же. С. 153-155, рис. 66
15. *Schafer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin, 1968. S. 28.
16. *Schreiber T.* Athenian vase construction: a potter's analysis. Malibu, 1999. P.53
17. *Brown D.* Pottery // Roman crafts. London, 1976. P. 83. *Schreiber T.* Op. cit. P.53.
18. *Bimson M.* The technique of Greek black and terra sigillata red // Antiquaries Journal. 36. 1956. P. 200-204
19. *Rice P.M.* Pottery analysis. A sourcebook. Chicago, 1987. P. 151.
20. *Tite M.S., Bimson M., Freestone I.C.* An examination of the high gloss surface finishes on Greek Attic and Roman Samian wares // Archaeometry. 24. 1982. P. 121-122.
21. Ibid. P. 122-123.
22. Ibid. P. 124-126.
23. *Brown.* Op. cit. P. 83-84.
24. *Schreiber.* Op. cit. P.54
25. *Tite, Bimson, Freestone.* Op. cit. P. 123-125.
26. *Schreiber.* Op. cit. P. 55-56.
27. *Безруков М.Г., Журавлев Д.В.* Результаты инструментального исследования серии образцов античной керамики // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Тр. ГИМ. Вып. 102. М., 1998. С. 107.
28. *Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 22, 27, 28.
29. *Безруков М.Г.* Некоторые типологические группы краснолаковых античных покрытий (по результатам химико-технологических исследований) // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Тр. ГИМ. Вып. 102. М., 1998. С. 120-121.
30. *Каменецкий.* Ук. соч. С. 31.
31. *Schreiber.* Op. cit. P. 212, ill. 24e.
32. *Внуков.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Часть II. Петрография... С. 54, 55; *Rice.* Op.cit. P. 98, 103, t. 4.7.
33. *Безруков.* Ук. соч. С. 120-121.

34. *Lomtadze G., Zhuravlev D.* Amphorae from a late Hellenistic cistern at Pantikapaion // Transport amphorae and trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International colloquium at the Danish Institute at Athens. September 26-29. 2002. Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5. 2004. P. 205, fig. 3, 6.
35. *Мордвинцева В.И.* Среднесарматское погребение с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. 3. Волгоград, 1993. С. 124, 125, рис. 1.
36. *Kern J.H.C.* A Pelikoid Vase from Olbia (South Russia) // Oudheidkundige mededelingen nit het Rijksmuseum van oudheden te Leiden. Nieuve reeks. 37. 1956. Pl. I, A, B.
37. *Журавлев Д.В.* О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 281, рис. 3, 22.
38. *Зубарь, Кубышев.* Ук. соч. С. 250, рис. 1, *2.*
39. *Алексеева Е.М.* Юго-Восточная часть Горгиппии // Горгиппия II. Краснодар, 1982. С. 58-61, рис. 34.
40. *Журавлев.* Ук. соч. С. 281, рис. 3, 21.
41. *Алексеева Е.М.* Культы Горгиппии // СА. 1986. № 4. С. 46-47, рис. 8.
42. *Демиденко С.В., Журавлев, Д.В. Трейстер М.Ю.* «Круглый курган» из раскопок В.Г. Тизенгаузена // Древности Евразии. М., 1997. С. 193-194, рис. 4, *1.*
43. *Передольская А.А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1967. С. 193-198.
44. *Демиденко, Журавлев, Трейстер.* Ук. соч.; *Журавлев.* Ук. соч. С. 282, 283.
45. *Журавлев.* Ук. соч. С. 283.
46. *Lomtadze, Zhuravlev.* Op. cit. P. 207, 208; fig. 5.
47. *Kanowski M.G.* Containers of Classical Greece. A handbook of shapes. Queensland, 1984.
48. *Cook R.M.* Greek painted pottery. London, 1972. P. 224
49. *Walters H.B.* History of ancient pottery. Greek, Etruscan and Roman. London, 1905. P. 163.
50. *Вдовиченко И.И.* Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003. С. 63
51. *Блаватский.* Ук. соч. С. 40-41
52. *Шталь И.В.* Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики IV в. до н.э., керченский стиль). М., 2000. С. 8.
53. *Книпович Т.Н.* Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М., 1955. С. 380-389.
54. *Книпович Т.Н.* К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма // СА. XI. 1949. С. 274; *Блаватский.* Ук. соч. С. 240, 248; *Hayes J.W.* Fine wares in the Hellenistic World // Looking at Greek vases. Cambridge, 1995. P. 187-190.
55. *Cook.* Op. cit. P. 204-207.
56. Ibid. P. 206-207.
57. Ibid. P. 195-196.
58. *Книпович.* К вопросу о торговых сношениях ... С. 275. *Егорова Т.В.* Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009. С. 19.
59. *Книпович.* К вопросу о торговых сношениях ... С. 275-276. *Cook.* Op. cit. P. 196.
60. *Блаватский.* Ук. соч. С. 40, 41, табл. III, 33. *Hayes J.W.* Fine wares in the Hellenistic world. P. 189.

61. *Блаватский*. Ук. соч. С. 40, 41, табл. III, 35.
62. *Hayes J.W*. The Hellenistic and Roman pottery // Pahpos. Vol. III. Nicosia, 1991. P. 6, 108, pl. II, 16.
63. *Книпович*. К вопросу о торговых сношениях..., рис. 1, *1, 2.*
64. Там же. С. 274-276.
65. *Парович-Пешикан*. Ук. соч. С. 123-125.
66. *Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958) // МИА. № 98. М., 1961. С. 11-12, табл. XXIV, 1.
67. *Забелина*. Ук. соч. С. 138, табл. I (1), II (3).
68. *Шелов*. Ук. соч. С. 12
69. *Забелина*. Ук. соч. С. 138.
70. *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954-1964 гг. // Горгиппия. II. Краснодар, 1982. С. 126, 128, рис. 6, *1,* 6, *4.*
71. Там же. С. 128.
72. *Hayes.* The Hellenistic and Roman pottery... P. 150; fig. LII, 12; pl. VI, 1.
73. *Журавлев*. Ук. соч. С. 283.
74. *Парович-Пешикан.* Ук. соч. Рис.75, 7*;* 76, 1, 2.
75. Там же. С. 78, рис.75, 7.
76. Там же. С. 79, рис. 76, 1, 2.
77. *Кругликова*. Ук. соч. С. 128, рис.6, 4. *Забелина*. Ук. соч. С. 137-138, табл. II, 3.
78. *Kern*. Op. cit. P. 7.
79. *Акимова Л.И.* Искусство Древней Греции. Т. 2. М., 2007. С. 131.
80. *Шелов*. Ук. соч. Табл. XXIV, 1. *Забелина*. Ук. соч. С. 138, табл. I (1); II (3).

RED LACQUER PELIKE FROM THE ANCIENT TOWN SITE OF KARA-TOBE (COMPREHENSIVE STUDY EXPERIENCE)

S.Yu. Vnukov, O.I. Shtepa

The article presents a comprehensive study of a red lacquer pelike with a fluted body found on Greco-Scythian ancient town site Kara-Tobe in the northwestern part of the Crimea. Microscopic analysis of the ceramic mass and lacquer covering showed that the pelike was made in one of Asia Minor Aegian centers. Traces of manufacturing process made it possible to determine that the pelike was made on a quick potter's wheel from one lump of clay. The ornament is instrument-made. Vessels of the kind were produced in some Mediterranean Asia Minor and the Black Sea area centers at the end of the 2nd c. B.C. — the first third of the 1st c. A.D. apparently presenting a final stage of antique pelike shape development. They might have sprung from Minor Asian fluted pelikes with brown lacquer and overlay decoration of the 3rd — 2nd cc. B.C. Pelikes of the late Hellenic period represent good quality product available to general population. They were used both in everyday life and during funeral ceremonies.

© 2010

Е.М. Алексеева

ПЕЛИКИ ИЗ ГОРГИППИИ

Пелика — разновидность столовой амфоры, сосуд для хранения жидкости. Форма пелик претерпевала изменения на протяжении пяти столетий (VI–II вв. до н.э.). В ранних пеликах (аттических чернофигурных) большое мешковидное тулово доминирует над остальными частями сосуда. С IV в. до н.э. пропорции пелик становятся более стройными, значительно удлиняется шейка. Со II в. до н.э. появляются приземистые пелики с очень широким раструбом горла с профилировками поддона, венца и ручек, нередко с ребром на коротком тулове[1].

Бóльшая часть известных мне пелик из Горгиппии найдена на территории ее некрополя и лишь редкие экземпляры (обычно в осколках) происходят из культурного слоя городища. Особенности стратиграфии Горгиппии объясняют это наблюдение. Строительство во II в. н.э. огромных многоподвальных домов почти не сохранило нетронутых жилых комплексов более ранних эпох, а перемещавшиеся при поздней перепланировке массивы ранних культурных напластований были использованы для подсыпок новых дворов и улиц. Именно в этих переотложенных в древности грунтах и встречаются обломки пелик. Находки всех целых экземпляров связаны именно с некрополем. Широкое использование пелик в погребальных обрядах отмечала и М.М. Кобылина, изучая поздние боспорские пелики[2]. Помимо Горгиппии использование пелик в погребениях эллинистического периода характерно для многих центров античной культуры, что выявляет особую роль этих сосудов в погребальных ритуалах. Пелики найдены при трупосожжениях в Танаисе[3] и Пантикапее[4], они обычны в грунтовых некрополях Ольвии[5], Фанагории, Нимфея, малых центров[6], в подкурганных погребениях вблизи всех больших античных городов. Пелики IV–III вв. до н.э. с краснофигурной росписью из собраний музеев на территории России и Украины наиболее полно исследованы М.М. Кобылиной (искусствоведческий анализ). По данным 1951 г. ей отмечено, что на 134 пантикапейские пелики приходятся 15 из Ольвии и единичные экземпляры из прочих центров[7]. К настоящему времени картина распределения этих сосудов, очевидно, изменилась благодаря новым открытиям, однако, факт превалирования находок пелик в крупных центрах бесспорен.

Найденные в Горгиппии пелики датируются концом IV–II в. до н.э. За это время они видоизменяются, распределяясь по трем взаимосменяемым группам с несколькими разновидностями внутри каждой (рис. 1).

I. Ранние экземпляры из Горгиппии относятся к концу IV — началу III в. до н.э. Это чернолаковые краснофигурные вазы удлиненных пропорций с плавным абрисом грушевидного тулова на широком низком поддоне с опущенным краем расширенного раструба горла. Форма этих пелик варьирует в мелких деталях; орнаментация чернолаковых ваз разнообразна, но в ее тематике очевидна устойчивость некоторых сюжетов.

Рис. 1. Разновидности пелик эпохи эллинизма

Местом производства ранних (V — начала IV в. до н.э.) и большинства более поздних пелик с краснофигурной росписью принято считать Аттику, продукция ее мастерских сделана из плотной розоватой глины. В то же время, исследователи отмечали слюдянистый характер глины на краснофигурных пеликах из Олинфа и особенности италийской глины на вазах из Италии. В собрании ГИМ М.М. Кобылина выделила пелику из темной оранжево-красной глины с белыми включениями (боспорский тип глин), предположив возможность подражаний аттической продукции в различных мастерских античного мира, в т.ч. и в Северном Причерноморье[8].

В горгиппийской коллекции отметим две чернолакавые пелики с краснофигурной росписью.

Раскоп «Прот апова II», 1970 г., погребение 10 (южная часть горгиппийского некрополя). Чернолаковая пелика с краснофигурной росписью (цв. вкл. № 13, рис. 2)[9]. Она имеет утяжеленное вниз грушевидное тулово с плавным переходом к плечам и горлу. Расширяющееся вверх устье обрамлено свисающим вниз венцом, кольцевой поддон широкий, ручки спускаются к плечикам из-под венца. Высота пелики 20 см, диаметр ее устья до вертикального венчика 14 см. Глина аттическая розоватого цвета, очень плотная. Тусклый черный лак имеет металлический блеск.

На одной стороне пелики изображены головы амазонки и коня, обращенные от зрителя вправо; на другой — закутанные в плащ две стоящие напротив друг друга мужские фигуры (палестриты в гиматиях). Голова амазонки непропорционально велика. Ее лицо образует небрежное белое пятно, поверх которого лаком обозначены бровь и глаз со зрачком. Толстой черной линией переданы волосы, тонкими штрихами — складки и точечный орнамент плоского головного убора (алопекиса). Лоб и нос нарисованы одной прямой линией лака, шея коротко оборвана. Голова коня изображена еще более схематично размашистыми мазками лака (ремни упряжи, челка, бровь и глаз животного). У коня показаны шея и часть груди. Над головами персонажей размещен отрезок орнамента из трех ов. Роспись нанесена небрежными мазками, белая краска наложена толстым слоем.

Изображение мужских фигур с другой стороны сосуда еще более схематично. Юноши обращены лицами друг к другу, плотно закутаны в гиматии, складки одежды переданы разбегающимися от спины линиями. Волосы юношей нарисованы темными пятнами лака, на лицах намечены только брови. Между головами стоящих фигур толстыми мазками перекрещивающихся линий, точками и тонким контуром схематично изображен, по-видимому, щит. Над ним — полоса орнамента с тремя овами. Размашистые овы украшают отогнутый венец сосуда и низ тулова над кольцевым поддоном.

Сосуд относится к группе пелик конца IV — начала III в. до н.э. с небрежной росписью, выделенной М.И. Кобылиной[10]. Датировка этих пелик определяется совместными находками монет. Сюжет росписи и композиция шаблонны. Амазонка с конем (часто совместно с грифом); битва грифов с аримаспами или амазонками; протомы амазонки, коня и грифа — это обычные сюжеты для краснофигурных пелик, найденных на Боспоре, обычны на них и фигуры палестритов. М.М. Кобылина полагала, что пелики с изображением этих мифологи-

Рис. 3. Краснофигурная пелика (сцена с участием Эрота, два палестрита в гиматиях)

Рис. 4. Та же пелика

ческих персонажей изготавливали в Аттике специально для Боспора, учитывая поэтические сказания первых мореплавателей о далеком и неизвестном Причерноморье с амазонками — женщинами-воительницами в далекой Савроматии (Herod, IV, 110–117), псами Зевса грифонами с телом льва и клювом орла, одноглазыми аримаспами (по некоторым версиям аримаспы — народ в Скифии — Herod, IV, 13). Сюжет мифа вращается вокруг золота, которое похищают аримаспы у стерегущих его грифов.

Наиболее близкие аналогии описываемой пелике из Горгиппии с головами амазонки и лошади с одной стороны и двух палестритов с другой можно найти в собраниях Афинского (ваза из Мегары[11]) и Британского (пелики из Пирея и с о. Родоса[12]) музеев.

Культ урный слой некрополя Горгиппии (Анапа, при строительных работах на южной окраине горгиппийского некрополля, 1981 г.)[13]. Фрагментированная чернолаковая пелика с краснофигурной росписью (Рис. 3, 4). Высота сосуда 21.6 см, диаметр раструба горла до свисающего венчика — 13 см. Глина очень плотная светлого бежевого оттенка. Поверхность потерта, имеются значительные утраты. Черный лак нанесен неравномерно преимущественно горизонтальными полосами. В некоторых местах сквозь тонкий слой лакового покрытия просвечивает бежевый фон глины, в иных местах лак образует густые натёки. Лаковое покрытие наносилось небрежно, создавая нечеткие границы изображений, тонкой кистью эти дефекты не исправлены. Подобные наблюдения позволяют видеть в пелике, скорее, сосуд для исполнения определенных ритуалов в погребальном обряде, чем вазу для украшения стола.

На одной стороне пелики изображен вакхический сюжет: женщина в длинных одеждах в головном уборе либо с повязкой на волосах (потертость поверхности) стоит перед грузной обнаженной бородатой фигурой, сидящей на скале (Силен, Пан ?). Тяжелое тело мужчины опирается на вытянутую левую ногу. Перед склоненной головой женщины изображен крупный овальный предмет (тимпан ?). От низа овала к рукам сидящего мужчины тянется длинный предмет, который другим концом продолжается к ногам женской фигуры (ткань, сбрасываемый гиматий ? — утраты, потертости). Сзади женщины, снизу к ней направлен летящий Эрот почти одинакового размера с женской фигурой. Он протягивает женщине длинный предмет — широкую повязку, украшенную орнаментом в виде точек и тонких штрихов лака. Его крылья и согнутые ноги расположены под ручкой пелики, где размашисто небрежными мазками лака на фоне незакрашенной глины изображена пальметта. Ноги и крылья Эрота частично перекрывают пальметту.

Сзади сидящего мужчины, под другой ручкой пелики, более аккуратно нарисована вторая пышная пальметта. Над сценой оставлена не закрашенная лаком полоса с орнаментом из шести ов. Овы обрамлены тонкими полосками лака, внизу разделены точками лака.

На другой стороне пелики стандартная сцена — два стоящих напротив друг друга палестрита в гиматиях, между ними — кружок с черной точкой. Один из палестритов протягивает руку к этому кружку или к соседней фигуре. Складки гиматиев переданы мазками лака, нанесенными тонкой кистью. Волосы мужчин (сидящего и стоящих обозначены пятнами лака). Над головами палестри-

тов размещена полоска орнамента с четырьмя овами между двумя горизонтальными линиями лака, низ ов разделяют точки лака.

Пальметты под ручками пелики изображены большими, высокими и широкими со множеством лепестков, нанесенных по принятой схеме, но утратившими легкость[14]. Качество лака и небрежный стиль росписи относят пелику к III в. до н.э., она происходит из разрушенного погребения.

Раскоп «Город», 1968 г., помещение 22 (территория археологического заповедника в Анапе). В заполнении помещения найдены три обломка пелики с сжетом росписи, подобным предыдущему — сохранились части крыльев и ног летящей фигуры Эрота[15]. Среди сюжетов росписи краснофигурных пелик известны изображения Эрота, преследующего женщину или парящего над низким круглым алтарем. В руках у Эрота изображались ларец, повязка, зеркало. Пелики с фигурками Эрота известны как в Средиземноморье, так и в Северном Причерноморье[16]. На обратной стороне пелики из помещения 22 были также изображены закутанные в гиматий фигуры палестритов (на обломке фрагментарно уцелели их нижние части).

II. На рубеже IV–III вв. до н.э. на смену чернолаковым краснофигурным пеликам приходят так называемые акварельные вазы той же формы, исследователи не исключают производство многих из них в Северном Причерноморье (Рис. 1)[17]. После исчезновения краснофигурных сосудов «акварельные» пелики продолжают существовать весь III в., заходя и во II в. до н.э. Они не имеют лакового покрытия, роспись исполнена белой, желтоватой, пурпурной и темно-коричневой красками. Система росписи, сложившаяся на краснофигурных сосудах, при появлении новой техники на первом этапе сохраняется (например, сцены с амазонками), но постепенно заменяется чисто декоративными элементами (лавровая ветвь, лоза, гирлянда, пальметта). Распространяются пелики и вовсе без орнамента, иногда они имеют красноватое или лиловатое покрытие снаружи. С этим этапом изготовления пелик на горгиппийском некрополе связаны находки двух сосудов. Обломки одного найдены на территории городища.

Ул. Аст раханская, 1954 г., погр. 4 (восточная часть некрополя, строительный котлован для кинотеатра «Родина»). Пелика найдена строителями рядом с погребением 4. В могиле была захоронена женщина, при ней найдены золотые львиноголовые серьги, стертая монета, женская протома в калафе и четыре задрапированные в гиматий женские фигурки. На горле пелики сохранилась нарисованная пальметта, заключенная в круг, сюжет на тулове неразличим (Рис. 2 а)[18].

Угол ул. Ленина и Крымской, 1980 г., погребение 3, западная часть некрополя (при рытье телефонного колодца). Пелика имеет раздутое тулово, укороченное горло, оттянутый наружу венец на широком раструбе горла, профилированные ручки и поддон (Рис. 5, *1*). Она массивнее уже описанных (высота — 25 см, диаметр тулова — 19,4 см). Глина оранжевого цвета, отмучена, содержит мельчайшие блестки, мажется при соприкосновении. Для многих найденных в Горгиппии сосудов (простых круговых) и терракот характерна именно такая мягкая «мажущаяся» глина. Сосуд тяжелый, имеет неравномерное матовое лиловатое покрытие. Пелика найдена в могиле с черепичным перекрытием, устроенном в виде скатов крыши. Пелика лежала раздавленной в изголовье покойного, она

Рис. 5. Пелики: 1 — с матовым лиловатым покрытием, 2 — без покрытия

найдена в комплексе с золотыми львиноголовыми сережками и низкой (28 шт.) мелких золотых бусин. Бусы найдены и на правом запястье, на пальцах левой руки — два кольца (серебряное украшала вставка из янтаря в виде фигурки льва, что относит перстень к неординарным находкам).

Конструкция черепичной могилы и грубое исполнение массивной пелики с матовым покрытием относят комплекс к эпохе позднего эллинизма.

Горгодище Горгиппия, т еррит ория археологического заповедника, 1981 г., яма 226. Форма пелики продолжает традиции краснофигурных образцов IV в. до н.э. с вытянутым горлом, но сосуд не имеет никаких украшений и покрытия (Рис. 5, *2*). Он сделан из такой же «мажущейся» оранжевой отмученной глины с мельчайшими блестками.

III. Пелики конца III — II в. до н.э. — это совершенно иные сосуды с другими пропорциями (приземистые), с разнообразным абрисом тулова и иным стилем орнаментации. В горгиппийском собрании пелик можно назвать 7 таких сосудов, все они найдены на территории некрополя (Рис. 1, 6).

Теплот расса, 1979 г., погр. 25 (коммуникации к 12-и этажному дому по ул. Горького в Анапе), восточная часть горгиппийского некрополя). Три погребения — 24, 25 и 26 — совершены в грунтовых могилах на одном месте. Могила 25 перекрыла захоронение 24. Она расширила яму 24, уничтожив ее южную границу. Дно могилы 25 расположено выше дна могилы 24 на 10 см. В свою очередь, череп погребенного в могиле 25 срезан захоронением 26 с более глубоким дном.

Найденный в этом скоплении погребений инвентарь мы связываем с могилой 25, так как предметы лежали выше скелета 24: пелика (правее таза, но среди перемещенных костей), веретеновидный унгвентарий со светлым ангобом, железный стригель (следовательно, погребение мужское) и коррозированные обломки мелких железных предметов.

Пелика сделана на гончарном круге из оранжевой тонкой и слегка шероховатой глины с обилием мелких блесток, белых и черных вкраплений (Рис. 7, *2*). Матовая лиловато-красноватая обмазка покрывает сосуд целиком, слегка заходя на основание поддона; верх венчика свободен от краски. Горизонтальные бороздки в середине горла и у его основания едва намечены и окрашены. Тулово приземистое с мягким ребром, поддон плоский и широкий, нижний корень ручки дополнен налепом. Веретеновидный флакон, как и пелика с лиловато-красноватым покрытием, характерны для эпохи позднего эллинизма.

Ул. Аст раханская, 1979 г., культ урный слой юго-вост очной част и некрополя (в траншее для анапских коммуникаций). Пелика найдена раздавленной на глубине 1.65 м от современной дневной поверхности вне связи с каким-либо погребением (Рис. 8)[19]. Это одна из самых удивительных пелик в Горгиппии, необычна она и в масштабах всего Причерноморья. Пелика сделана на гончарном круге из тонкой оранжевой глины, которая при соприкосновении оставляет след. Как отмечалось, эта особенность глиняного теста характерна для многих гончарных сосудов из Горгиппии, что, возможно, объясняется результатом воздействия экологической среды на определенный состав компонентов глиняного теста. Глина пелики насыщена множеством мелких блесток, темных и красноватых включений. Характер глины и примесей допускают изготовление сосуда на местном горгиппийском керамике. Приземистое широкое тулово пелики плавно расширяется вверх, к плечикам. Широкий раструб венца мягко профилирован, кольцевой поддон достаточно широк, овальные в сечении ручки образуют петлю на изгибе.

Поверхность пелики снаружи (и основание поддона) имела красноватое покрытие со слабым блеском, ныне утраченное почти целиком.

На уровне корней ручек тулово опоясано тремя (в отдельных местах двумя) неглубокими кривыми бороздками. Верхняя часть тулова украшена рисунком, нанесенным тонким острием по сырой глине перед красочным покрытием. С одной стороны сосуда стилизованно изображена растянутая лоза, образующая четкий зигзаг с острыми изломами. От изгибов вверх и вниз на изогнутых черешках контуром обозначены сердцевидные листья. Между ними вниз свисают грозди, переданные множеством уколов острия в сырую глину. Этот узор занимает среднюю часть тулова и плечики сосуда.

Под одной из ручек пелики изображены три кривых дротика остриями вверх. Они нанесены по сырой глине в виде искривленных углублений, а затем, как и весь узор, покрыты краской.

С другой стороны пелики, напротив плюща, в той же манере изображены скачущие навстречу друг другу лошади. Фигуры коней стилизованы, изображены легким росчерком, крупы их узорно орнаментированы, что, возможно, передает попоны (мотив бегущей волны, цепочки крестов и точек, виноградный лист). Торчащие гривы, развевающиеся хвосты, выпуклые глаза передают экс-

Рис. 6. Позднеэллинистические пелики

прессию движения. Коней разделяет уродливая фигурка человечка с непропорционально большой головой. К сожалению, утрачена вся средняя часть фигуры человечка с руками, мы не знаем его позу и стиль одежды. Босые ноги человечка двигаются влево, лицо обращено в фас. Торчащие волосы, постановка ног, скорее всего, передают танец. Брови и нос переданы неразрывной линией (распространенный способ изображения лиц, например, на стеклянных мозаичных бусах и фресках). Глаза, рот и щетина на щеках обозначены уколами тонкой иглы.

Под второй ручкой пелики изображено человекоподобное существо, от фигурки которого уцелела часть непропорционально большой головы в профиль с редкими торчащими волосами, глазом и бровью.

Форма пелики, ее красноватое покрытие, орнамент плюща и узоры на крупах коней (мотив бегущей волны и сердцевидный лист) характерны для эпохи позднего эллинизма. Композиция с двумя конями, скачущими навстречу друг другу, изображена на стенах пантикапейского позднеэллинистического склепа Анфестерия (коней разделяет дерево)[20]. Фигурки уродливых человечков и трактовка их ног перекликаются с фигурками карикатурных пигмеев в сцене сакрального погребального апотропеического танца на третьем сегменте расписного пантикапейского саркофага конца I — начала II в. н.э.[21] Тип танцующего пигмея имеет египетские корни, где пляшущие карлики изображались вплоть до римского времени, откуда в виде подвесок на рубеже тысячелетий они во множестве поступали в Северное Причерноморье и в качестве апотропеев сопровождали обычно детские захоронения[22]. Орнамент попон лошадей похож на узоры на кусках гипсовой облицовки ларя эпохи рубежа нашей эры, найденного в Пантикапее[23].

Пелика может происходить как из разрушенного погребения, так и с места тризны. Безусловно, ее использовали в ритуальных целях. Мотив бегущей волны и растянутая лоза — это общепринятая символика бесконечности и возрождения, обычная при отправлении культов дионисийской направленности.

Та же траншея: ул. Астраханская, 1979 г., культурный слой юго-восточной части некрополя. Находка пелики не связана с определенным погребением. Сосуд сделан на гончарном круге из тонкой глины светло-серого цвета, в тесте визуально различимы мельчайшие блестки (Рис. 7, *1*)[24]. Форма этой пелики близка форме только что описанной из погребения 25 (подобны приземистое тулово и широкий венец), поддон, однако, не столь широк. Основание и верх горла опоясывают тонкие рубчики, на уровне ручек на тулове едва различимы две бороздки. Два волнисто изогнутых налепа украшают верхний изгиб лентообразных ручек. Сосуд покрыт черным лаком плохого качества. Форма и низкое качество лака позволяют отнести пелику к III–II вв. до н.э.[25]

Та же траншея: ул. Астраханская, 1979 г., погр. 43 (часть погребения срезана экскаватором). От погребального инвентаря уцелели несколько бусин, массивный серебряный перстень (вставка утрачена) и пелика[26]. Она стояла слева у черепа. Пелика сделана на гончарном круге из тонкой оранжевой глины с мелкими белыми включениями и множеством мельчайших блесток. Форма пелики пропорциональна в сравнении с уже описанными двумя приземистыми (Рис. 9, *2*; 10). Горло с таким же широким раструбом, поддон небольшой, ручки ленто-

Рис. 7. Пелики: 1 — чернолаковая, 2 — с лиловато-красноватой обмазкой

образные. Плечики под ручками обозначены слабо выраженным ребром. Под ним тулово опоясано двумя бороздками, ниже — плотный ряд сужающихся вниз каннелюр. Под каждой ручкой пропущено по две каннелюры, место каждой занято косо нанесенными углублениями. Опоясывая каннелюру, спускающуюся от середины ручки, они образуют стилизованный узор «ёлочки». Пелика имеет матовое покрытие лиловатого цвета, которое распространяется и на дно.

Форма пелики характерна для III — II вв. до н.э., бусы из погребения можно датировать III — серединой I в. до н.э. Подобные сосуды бывают покрыты матовым красноватым или лиловатым пигментом, черным (плохого качества) или бурым лаком, украшены нарисованным белой краской или желтоватой глиной орнаментом. Пелики такой формы с применением резьбы исследователи относят к группе керамики пергамского происхождения[27], однако, это касается сосудов, видимо, более высокого класса исполнения — таких как, например, чернолаковая пелика из Танаиса[28].

Реконструкция анапского кинотеатра «Родина», 1999 г., погр. 5 (котлован сзади кинотеатра для сооружения органа, южная часть некрополя). Захоронение

Рис. 8. Орнаментированная ритуальная пелика с красноватым покрытием

совершено в могильной яме. Пелика найдена справа от правой голени. Рядом с ней стоял круговой кувшин, около черепа — железный нож с горбатой спинкой.

Пелика сделана на гончарном круге из тонкой серой глины с мельчайшими блестками, на поверхности есть рыжевато-бежевые пятна — результат неравномерного обжига (Рис. 11, *2*). Округлое тулово плавно раздуто, профилированный раструб горла широкий, поддон небольшого диаметра, лентообразные ручки имеют защипы на месте верхнего изгиба. Тулово на уровне ручек опоясано тремя неглубокими бороздками, под ними расположены каннелюры, исполненные по сырой глине. Они неодинаковы по ширине и длине. Лепестко-образные углубления прорезаны под обеими ручками. Они образуют узор «ёлочки» или стилизованной ветки подобно вышеописанному на пелике из погребения 43.

Снаружи пелика имеет темное лакообразное покрытие, оно спускается и внутрь сосуда, покрывая раструб горла. По покрытию поверхность слегка залощена.

Рис. 9. Пелики: 1 — с каннелюрами и темным лакообразным покрытием со слабым лощением, 2 — с рельефной орнаментацией и матовым лиловатым покрытием

Рис. 10. Пелика с рельефным узором и матовым лиловатым покрытием

Форма пелики, нож с горбатой спинкой и форма кувшина позволяют отнести погребение к эпохе эллинизма (III–II вв. до н.э. ?).

Реконструкция анапского кинотеатра «Родина», 1999 г., погр. 8. Захоронение совершено в грунтовой могиле. Пелика найдена между ступнями скелета и краем могильной ямы, на фаланге пальца был бронзовый перстенек, под челюстью — сердоликовая бочковидная бусина с двусторонним сверлением (характерна для эпохи эллинизма[29]).

Пелика подобна только что описанной из могилы 5, но с более узким туловом и без врезанных в глину листочков под ручками (Рис. 9, *1*). Она также сделана на гончарном круге из тончайшей серой глины. Верх тулова опоясывают две бороздки, каннелюры неодинаковые, иногда сливаются по две.

Поверхность сосуда имеет темное лакообразное покрытие с буроватыми пятнами, спускающееся и внутрь горла. По покрытию поверхность слегка залощена.

Рис. 11. Пелики с рельефной орнаментацией и темным лакообразным покрытием со слабой залощенностью

Реконструкция кинотеатра «Родина», 1999 г., погр. 14. Погребение совершено в грунтовой яме. Пелика стояла справа от черепа, под ним найдена стеклянная бусина II–I вв. до н.э., на фаланге левой руки — серебряный перстень с геммой: на сердоликовой вставке изображен лист виноградной лозы.

Пелика подобна двум другим, найденным поблизости (в соседних могилах 5 и 8). Она сделана на гончарном круге из тонкой серой глины с блестками, орнамент прорезан перед обжигом по сырой глине (Рис. 11, *1*). Пелика имела сравнительно четко выраженное ребро на тулове, которое опоясывали две неровные горизонтальные бороздки. От них ко дну спускались неодинаковые каннелюры. Под каждой ручкой одну из каннелюр с двух сторон обрамляли врезки в виде стилизованных листочков, образуя «перевернутую ёлочку». Подобно двум предыдущим пелика имела темное лакообразное покрытие со следами лощения. На дне пелики процарапана буква «пси».

Подводя итог сделанным наблюдениям, отметим, что пелики в Горгиппии эллинистического периода являлись, в первую очередь, предметами погребального культа (среди находок на горгиппийском некрополе учтено 11 пелик, из городского культурного слоя происходят обломки двух). На некрополях в пределах горгиппийской хоры пелик не найдено. Типологические отличия пелик из Горгиппии распределяют сосуды по двум группам, что фиксирует рубеж в истории развития полиса, за которым последовали изменения в материальной культуре населения, обусловленные переменами в экономической жизни общества и направлениях торговых связей государства. Эти изменения наступили во второй половине III в. до н.э. и были связаны с переориентацией Боспора на малоазийские связи с Понтийской державой Митридата VI.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С.40-41, № 29-35.
2. *Кобылина М.М.* Поздние боспорские пелики // МИА. № 19. М., 1951. С. 136.
3. *Шелов Д.Б.* Некрополь Танаиса // МИА. № 98. М., 1961. С. 65, табл. XXIV, *1* (чернолаковая пелика с каннелированным туловом).
4. Например: *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 47. 1913. С.15, рис.6. (чернолаковая пелика с каннелюрами и орнаментом плюща).
5. Например: *Парович-Пешикан. М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 123–126 (малоазийские и аттические пелики); *Бураков А.В.* Земляной склеп ольвийского некрополя // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 70, рис. 2,*5; 3.*
6. *Коровина А.К.* Тирамба (городище и некрополь). Итог археологичеких работ экспедиции Государственного музея Изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. IV. 1968. Рис. 24, *1, 4.*
7. *Кобылина.* Ук. соч. С. 169.
8. Там же. С. 165, 169, 170; Excavations at Olynthus. V. Baltimore, 1933. P. 151.
9. *Цветаева Г.А.* Расписная керамика из Горгиппии (по материалам раскопок 1960–1972 гг.) // Горгиппия. Т. I. Краснодар, 1980 г. С. 86.
10. *Кобылина.* Ук. соч. С. 160.

11. *Collignon M.* Catalogue des vases peints du Musee national d,Athenes. Paris, 1902–1908. P. 597.
12. *Фармаковский Б.В.* Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн. СПб., 1902. № 201, F-85.
13. *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. Табл. 205.
14. *Кобылина.* Ук. соч. С.148 (пелика Одесского музея, № III/25).
15. *Цветаева.* Ук. соч. С. 88.
16. *Кобылина.* Ук. соч. С. 147.
17. *Блаватский.* Ук. соч. С. 275.
18. *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Т. II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982. С. 122, рис. 3, *5.*
19 *Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Т. II. Краснодар, 1982. С. 103.
20. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 174, табл. II, *1.*
21. Там же. С. 379, 381; табл. XCV.
22. *Алексеева Е.*М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12. Т. I. М. 1975. С. 38, тип 35; табл. 6, *13–22.*
23. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 392.
24. *Алексеева.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 102. Рис. 8, *3.*
25. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. С. 123-124, рис. 100, 3.
26. *Алексеева.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 58, рис. 34,10.
27. *Парович-Пешикан.* Ук. соч. С. 123–124.
28. *Шелов.* Ук. соч. Табл. XXIV, 1.
29. *Алексеева.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12. Т. III. М., 1982. С. 15, табл. 38, *29.*Тип 3 б.

PELIKES FROM GORGIPPIA

Ye.M. Alekseyeva

A pelike is an amphora-like vessel for liquids. The bulk of the pelikes, dating as far back as the 4th — 2nd cc. B.C., is found on the territory of the Gorgippia necropolis, and only very few samples (fragments, as a rule) are from the cultural stratum of the town site.

Hellenic period pelikes are primarily burial cult-objects. Typological difference between Gorgippia pelikes makes it possible to divide them into two groups thus marking a turning point in the polis development followed by material culture changes stemming from economic life and trade links of the state. The changes due to Bosporus Kingdom switchover to Asia Minor contacts with the Pontus of Mithradates VI took place in the second half of the 3rd c. B.C.

© 2010

А.А. Завойкин

АМФОРНЫЙ СКЛАД № 290Б И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАННЕЙ ФАНАГОРИИ*

В реконструкции исторических событий, не нашедших отражения в письменных источниках, заметную роль играют монетные клады. Исследователи обычно не сомневаются в том, что изъятие из денежного обращения значительных денежных сумм связано, как правило, с такими событиями, которые сделали невозможным, чтобы владелец спрятанного богатства смог снова им воспользоваться. Другими словами, образование кладов (тезаврация, hoarding) часто связываются с катастрофическими, в первую очередь, военными событиями. Таким образом, хронологическое распределение денежных кладов является индикатором переломных моментов в истории общества.

По сути то же самое можно сказать и о любых других ценностях, вышедших одновременно из их бытового употребления. Например, заброшенное людьми хранилище амфор с вином или оливковым маслом, ценность которых исчислялась немалыми суммами[1], несомненно, тоже может рассматриваться как свидетельство нарушения нормального, размеренного хода жизни. Правомерность этого вывода тем более очевидна, что нам хорошо известно, что даже опорожненные амфоры находили разнообразное по характеру вторичное применение[2] (а не редко также их части или фрагменты) в самых различных целях. Уверенность подобного вывода резко возрастает, если мы находим не один, а несколько амфорных складов, относящихся к одному сравнительно узкому периоду.

Но здесь мы сталкиваемся с двумя проблемами. Во-первых, необходимо решить вопрос, является ли исследуемый комплекс остатками склада наполненных или это хранилище пустых сосудов, или даже мусорный сброс разбитых амфор? Во-вторых, насколько синхронны между собой сопоставляемые комплексы? Может быть, они связаны с близкими по времени, но неодновременными событиями? На первый вопрос можно ответить лишь опираясь на сопутствующий археологический контекст. Как мне кажется, только зафиксированное in situ (или реконструируемое) положение амфор горлом вверх может быть бесспорным доказательством того, что к моменту разрушения сосуды были заполнены (хотя бы и водой) (цв. вкл. № 14, рис. 1а), а их расположение на боку (рис. 1в)[3] или ножкой вверх (цв. вкл. № 14, рис. 1б), с учетом особенностей укупорки амфор[4], скорее говорит о хранении пустой тары. Но важнее, как мне кажется, то, что и склад пустой тары представлял определенную ценность для её владельца и без особых на то причин не оставлялся. И более того, массовый сброс битых амфор (а не измельченных в ходе естественной «переработки» на мелкие фрагменты в культурном слое), как показывают практические наблюдения, нередко может быть свидетельством катастрофических событий. Так, например, обстоит дело с широко известным комплексом на Агоре Афин Q 12:3,

* Работа подготовлена в рамках проекта «Фанагория: комплексные исследования античного города» (РФФИ, № 09-06-00288а).

Рис. 1. Склады амфор: *б* — Родос, склад пустых амфор (Grace. 1979. Fig. 63)

который связывается с засыпкой колодца руинами города после разрушений персами (480 г. до н.э.).

Хронологическая проблема тоже оказывается не столь уж неразрешимой. Действительно, синхронизуемая в пределах периода бытования одного типа/варианта амфор серия комплексов может указывать на последовательную, близкую во времени цепочку событий, а не на единовременный акт. Но поскольку более детальное хронологическое их членение практически (на сегодняшний день) невозможно, то при отсутствии других источников мы можем характеризовать интересующие нас комплексы как отражение процесса, более или менее растянутого по времени и не имеющего абсолютной привязки в пределах данного периода. Здесь более существенным оказывается то, что на хронологической шкале подобные серии амфорных комплексов распределяются весьма неравномерно (об этом см. ниже), так же, как и клады монет.

В исследовании греческих амфор и их комплексов в последние десятилетия был достигнут значительный прогресс. Однако далеко не всегда при исследовании этой группы материала уделяется достаточное внимание анализу археологического и исторического контекста, хотя имеются и приятные исключения. Насколько такой анализ может быть продуктивным доказывают именно эти редкие случаи, которые и позволили установить абсолютные хронологические ориентиры, приуроченные к историческим событиям. Так, верхняя дата упомянутого комплекса Q 12:3 (*ок.* 490/80 гг. до н.э.) была определена на том основании, что в нем представлены два варианта чернолаковых аттических киликов типа «С» с трапециевидной в разрезе выемкой ножкой, тогда как в нем нет экземпляров более поздних, с конической выемкой, подобной той, на которой

известна острака Фемистокла 482 г. до н.э.[5] Другой пример — тоже засыпь колодца на афинской агоре (*ок.* 460–450/40 гг. до н.э.), в котором был найден остракон Перикла, сына Ксантиппа, 443 г. до н.э.[6]

Отталкиваясь от сформулированного тезиса, начнем анализ с амфорного склада, открытого раскопками на «Верхнем городе» Фанагории в 2006 г.[7] В.Д. Кузнецов в докладе, прочитанном в Берлине в 2008 г., представил планиграфический анализ архитектурных остатков 2-й половины VI–V вв. до н.э., открытых в историческом центре города. В частности им было убедительно показано, что ориентировка построек VI и IV веков относительно сторон света несколько отличалась от ориентировки сооружений V в. до н.э.: в VI в. до н.э. незначительно, а в IV в. до н.э. — существенно (строго по сторонам света). Сооружения V в. до н.э., возникшие на слое разрушения домов предшествующего периода (общественных, жилых и ремесленных построек), заметно от них отличались своими характеристиками. Одно из них, в западной части раскопанной площади, – многокамерное здание (294) на каменном цоколе, к которому после разрушения в пожаре с южной стороны была пристроена широкая (1,1 м) стена на каменном основании (206; рис. 2). Предположительно это элементы фортификации акрополя Фанагории, защищавшие его с востока. Далее к востоку от этой линии, вдоль нее, но с бóльшим отклонением к западу, протянулась ось, вдоль которой группируются хозяйственные сооружения с подвалами, углубленными в материковый песок. Поскольку эти постройки, как другие аналогичные им, расположенные далее к востоку и засыпанные не позднее середины V в. до н.э., не могли функционировать одновременно с обустройством оборонительного рубежа акрополя, очевидно, что их разрушение предшествует или синхронизуется со строительством стены 206. Сразу же отметим, что вплоть до 70-х годов IV в. до н.э. площадь к востоку от линии стен 206+294 оставалась практически свободной от какой-либо застройки.

В числе построек с подвалами нас будет интересовать, главным образом, один объект — 290Б. Он располагался наряду с двумя аналогичными предшествующими сооружениями (В и А)[8], в южной части участка (рис. 3). Именно в нем располагался амфорный склад, засыпка которого максимально близка дате резкого изменения в характере использования исследованного нами района Фанагории. Верхняя часть слоя разрушения этих построек почти не сохранилась: она была полностью или частично уничтожена при перепланировке поверхности в 70-х годах IV в. до н.э. под строительство большого общественного здания (144), в результате чего в районе его ЮЗ угла не только были срыты культурные отложения, но и поверхность материка (рис. 3, 4а цв. вкл. № 15). Над котлованами, расположенными севернее, где поверхность материка понижается в сторону склона холма (к СЗ), под фундаментом здания сохранились элементы слоя разрушения наземных частей хозяйственных построек (рис. 4б). В момент гибели наземные части конструкций и перекрытия подвалов обрушились внутрь, в котлованы (рис. 4б, 5); образовавшиеся провалы были засыпаны культурным слоем (и снивелированы).

Итак, в подвале постройки 290Б на момент ее разрушения находился склад амфор (цв. вкл. № 14, рис. 1а). Амфоры были раздавлены грунтом, однако некоторая их часть сохранила первоначальную форму и положение, благодаря

а

б

в

Рис. 2. Архитектурные остатки 2-й половины VI — 1-й половины V вв. до н.э.: *а* — планиграфическое соотношение осей разновременных построек (вид с юга); *б, в* — стратиграфическое соотношение стен 206 и 294

Рис. 3. Подвалы 290А-Б-В и 274. Вид с В–ЮВ

чему мы видим, что вкопанные в дно подвала амфоры располагались в хранилище правильными рядами. Преобладающую часть склада составляли пухлогорлые амфоры Хиоса (далее мы будем анализировать тару именно этого центра), но также была представлена продукция и некоторых других центров: «прото-Фасоса», Лесбоса (серой глины)[9], «С раздутым горлом» (КТБ 27)[10], Фасоса пифоидной формы с треугольным венцом (тонкая розоватая глина)[11] и «круга Менды» (песчанистая глина, светлая по поверхности)[12], неустановленного центра красно-коричневой глины с небольшой конической ножкой и примечательным уступом в верхней трети горла; кроме того, небольшие и (что существенно) разрозненные фрагменты амфор: клазоменских, лесбосских/эолийских (красной глины), попавшие в подвал, скорее всего, при засыпке котлована, также как некоторые фрагменты расписных ионийских и аттических сосудов.

Хронология комплексов рассматриваемого периода базируется на классификации хиосских амфор, а также чернолаковой и расписной аттической керамики. Представленные в складе 290Б хиосские амфоры (рис. 6) по классификации С.Ю. Монахова[13] относятся к пухлогорлым развитого варианта III-В, который, по мнению исследователя, «появляется примерно в 80–70-е годы V века». Он отмечает также, что для более ранних сосудов (в отличие от более поздних, «конца второй четверти V века») характерны знаки, нанесенные бурым лаком на горлах (кресты, Q) или крупные дипинти в виде букв K, L, Y и т.п.) на тулове. Все эти характеристики, наряду с морфологическими и метрическими признаками, мы находим у хиосских амфор из рассматриваемого склада. Таким образом, хронологическая позиция комплекса определяется без затруднений: *после* афинского комплекса Q 12:3 (*ca.* 490/80 BC) и *раньше* афинского же комплекса N 7:3 (от *ca.* 460/50 BC), т.е. наиболее вероятная датировка — конец 480-х — 470-е годы до н.э. (*или*: рубеж первой и второй четвертей — «ранняя

а

б

Рис. 4. Уровень залегания остатков подвалов 290 и 274 под фундаментом общественного здания 144 (370-е годы до н.э.)

а

б

Рис. 5. Следы обрушения перекрытий и предметов утвари в подвал 274

Рис. 6. Некоторые хиосские амфоры из склада 290Б (чертежи выполнены С.Ю. Монаховым)

фаза» второй четверти V в. до н.э.). Подтверждением предложенной дате может послужить аттический чернолаковый килик (*Stemless* large, inset lip –*Agora* XII, № 469, 470: 480–470 BC) из соседнего подвала 474 (рис. 5б, цв. вкл. № 15, рис. 7)[14], в котором также была найдена целая хиосская амфора того же варианта.

Таким образом, рассматриваемый нами эпизод истории Фанагории, когда была сооружена куртина оборонительной стены акрополя с использованием в качестве элемента фортификации фундамента предшествующей гражданской постройки, а хозяйственные комплексы с внешней стороны от оборонительной линии были разрушены и засыпаны, имел место в конце 480-х — 470-х годах до н.э. Полную и синхронную аналогию рассмотренной картине мы находим на акрополе Пантикапея, где подвальное помещение (на кв. 108), в котором *in situ* обнаружены две вкопанные амфоры (самосская и «круга Менды/Фасоса», аналогичная фрагментированной из 290Б)[15], частично было перекрыто мощной кладкой 204, связанной с многокамерным комплексом II. В.П. Толстиков обоснованно считает этот комплекс элементом ранней оборонительной системы пантикапейского акрополя на северном краю Западного плато[16]. Близкие по характеру и синхронные аналогии данной ситуации мы находим и в двух других городах Европейского Боспора: в Мирмекии и Тиритаке. В первом случае с напольной стороны от оборонительной (?) стены площадь освобождается от застройки[17]; во втором — зафиксировано использование гражданских построек в качестве элементов фортификации при сооружении оборонительных стен[18].

Осталось лишь отметить, что во всех случаях рассмотренные комплексы сопровождались сильнее или слабее выраженным слоем пожара, а также массовыми находками наконечников стрел[19], что свидетельствует о военном характе-

ре событий этого периода. Прежде чем вернуться к амфорным складам, уместно вспомнить, что мощный слой пожарища второй четверти V в. до н.э. с находками предметов вооружения (правда, наконечники стрел там как раз не отмечаются) был выявлен и на нижнем плато Фанагории, на раскопе «Центральный»[20].

В 1939 г. в Фанагории был раскопан «подвал дома» с девятью пухлогорлыми амфорами[21]. В.Д. Блаватский, на которого ссылается И.Б. Зеест, предположительно говорит о «хозяйственном помещении»; амфоры были найдены рядом с вымосткой из булыжника и крупных плоских камней, в слое «13», последних десятилетий VI в. до н.э. (два метра ниже уровня моря). К сожалению, эти амфоры утрачены. И только предположительно (но со значительной долей уверенности) можно говорить о том, что этот комплекс мог быть связан с интересующим нас периодом[22].

За пределами Фанагории амфорный склад интересующего нас времени найден в подвале разрушенного дома в Кепах (раскопки 1970 г.)[23]. В одном из четырех отсеков сырцового здания были зафиксированы два яруса амфор, разделенных земляным полом. Амфоры нижнего яруса (не менее 12) лежали горизонтально. Хиосские амфоры имели орнаментацию в виде полос красной краски, датируются они *ок.* 525–480 гг. до н.э. Во втором ярусе хиосские амфоры без орнаментации[24], их перекрывал пласт коричневого суглинка с углями. В коллекции ГИМ сохранились две хиосские амфоры варианта III-В и одна амфора КТБ 18*б*[25]. Таким образом, более поздний склад амфор относится к рассматриваемому периоду. Другой яркий комплекс этого периода — склад пустых амфор в яме (№ 2/раскоп 26, 1991 г.) из Патрея[26]. Комплекс содержал девять хиосских амфор 2-й четверти V в. до н.э. и пять эолийских амфор типа «Патрей, склад 1991 г.» (по А.П. Абрамову; «Надлиманского типа», по С.Ю. Монахову), уложенных в два яруса. Эолийская амфора, находившаяся на нижнем уровне, стояла в вертикальном положении на горле. Возможно, по мнению А.П. Абрамова, и остальные амфоры находились первоначально в том же положении, а затем упали. Для датировки комплекса значимы и фрагменты аттической чернолаковой посуды (*Agora* XII, № 572, 413), датируемой в пределах 480–450 гг. до н.э. Еще один комплекс пустых амфор того же периода был обнаружен в затопленной части Патрея в небольшой яме[27]. Здесь были представлены: почти целая (без ножки) «беотийская» (по А.П. Абрамову; или «фасосская», по С.Ю. Монахову, вслед за И. Гарланом[28]) амфора с клеймом в виде кратера и нижняя часть такой же амфоры; нижняя часть хиосской амфоры варианта III-В и несколько ножек амфор того же варианта; нижняя часть эолийской амфоры «типа Патрей, комплекс 5»[29]; амфора «Менды, варианта А-1Б» (по А.П. Абрамову; по И.Б. Зеест (и С.Ю. Монахову) — КТБ 18*б*), изготовленная из желтой, крупнозернистой глины, с золотистыми блестками слюды; ножка амфоры «прото-фасосской» группы.

В 2006 г. на поселении «Береговой 4», в 4,5 км к западу от Патрея в яме 36 были найдены[30] две целые (развалены) амфоры того же времени: хиосская пухлогорлая (с крупным дипинто на тулове) и «фассоская» пифоидная (рис. 8)[31], точную аналогию которой мы находим во фрагментах амфоры из фанагорийского склада 290Б.

Рис. 8. Береговой 4, амфоры из ямы № 36: а — хиосская, б — фасосская

Приведенных примеров, пожалуй, достаточно для того, чтобы обоснованно говорить о том, что амфорные склады (хранилища полных или пустых сосудов) характерны для периода *ок*. 480–470 годов до н.э. в разных районах как Европейского, так и, особенно, Азиатского Боспора. Вопрос в том, выделяются ли эти показатели количественно на фоне других периодов истории Боспора и Северного Причерноморья в целом? Для того, чтобы составить приблизительное представление об этом, возьмем за основу перечень амфорных комплексов из жилых контекстов (склады, ямы, помещения, колодцы) в Приложении 1 книги С.Ю. Монахова[32], собравшего почти исчерпывающе доступный изучению материал, дополнив его новыми сведениями (по Патрею, Фанагории, Береговому 4), и проанализируем его распределение на хронологической оси.

На общей для всего Северного Причерноморья гистограмме (рис. 9а) четко выделяется два пика численности комплексов: 2-й четверти V и 1-й половины IV[33] вв. до н.э. Однако учитывая слабую для раннего времени взаимосвязь Боспора с западными районами региона, уместно поставить вопрос: не напоминает

Рис. 9а. Хронологическое распределение амфорных комплексов в Северном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э.

Рис. 9б. Хронологическое распределение амфорных комплексов в Северном Причерноморье в VI–IV вв. до н.э.

ли данная характеристика «среднюю температуру по больнице»? Иначе говоря, эта характеристика информативна в том только случае, если позволительно говорить о процессах общих для всех частей анализируемого целого. В интересующем нас случае таким процессом могли были быть, например, походы скифов на пространстве от Ольвии до Боспора. Именно так считал, например, Ю.Г. Виноградов в контексте реконструкции истории Северного Причерноморья в целом и образования Боспорского государства в частности[34]. Для того, чтобы понять, специфична ли ситуация, фиксируемая на Боспоре, необходимо ее сопоставить с динамикой численности других частей региона (рис. 9б). Графики вполне отчетливо демонстрируют, что в целом динамика численности амфорных комплексов Боспора хорошо согласуется с аналогичной характеристикой Ольвии (и Керкинитиды), что позволяет, хотя бы и с оговорками, рассуждать об общих для всего Северного Причерноморья колебаниях в военно-политической обстановке, наивысшее напряжение в которой приходится на вторую четверть V в. до н.э.

Отмеченное соответствие дает нам право сопоставить между собой статистические характеристики и других источников. На хоре Ольвии с 1-й четверти V в. до н.э. наблюдается сокращение ее площади и резкое падение численности сельских поселений[35]. Сходные, видимо, процессы с середины V в. до н.э. прослежены и на сельской территории как Азиатского, так и Европейского Боспора (рис. 10). Как уже отмечалось ранее[36], процесс сокращения численности сельских поселений на Боспоре находят синхронную параллель с динамикой

Рис. 10. Динамика численности сельских поселений Боспора в VI–V вв. до н.э.

Рис. 11. Динамика численности сельских поселений и погребений с оружием в некрополях Азиатского и Европейского Боспора

численности такой показательной группы памятников, как погребения с оружием (рис. 11). Однако существенные различия в колебаниях численности именно погребений с оружием и, особенно, их доли в общем количестве погребений в некрополях Европейского и Азиатского Боспора позволяют ставить вопрос о том, что причины возрастания военной напряженности в этих районах были различны[37]. Иначе говоря, вероятность того, что все эти процессы взаимосвязаны между собой и обусловлены эскалацией военной напряженности в регионе весьма высока. Причины ее в разных частях Северного Причерноморья могли быть и различными, однако важнейший для нас факт состоит в том, что именно вторая четверть V в. до н.э. стала переломным моментом в истории греческих колоний.

Возвращаясь теперь к той ситуации, которая была зафиксирована раскопками последних лет на акрополе Фанагории, мы можем, с учетом рассмотренного внешнего контекста, уже со значительной уверенностью говорить о том, что зарытие склада амфор в погребе 290Б (как и засыпка других аналогичных объектов исследованного участка) непосредственно связано с военными событиями, которые побудили фанагорийцев к поспешному возведению оборонительных укреплений своего акрополя, если только на данном рубеже в этот период не проходила восточная стратегическая линия обороны города в целом[38]. И эти события в истории Фанагории необходимо датировать примерно 70-ми годами V в. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Несомненно, старые вина (прежде всего, Хиоса, Лесбоса, Менды — *Athen.* 1. 28f., 1.29b-c; Hermipp. Fr. Phot. 2.1-5; см.: *Stolba V.F.* Local Patterns of Trade in Wine // BSS. 6. The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges.

Aarhus, 2007. P. 156. Note 37) представляли значительную ценность. Но нет оснований считать, что и ординарные вина были столь дешевы, что не представляли собой определенной ценности.

2. Здесь не затрагивается вопрос о возможности или невозможности вторичного использования амфор в качестве тары для вина, а также о судьбе опорожненной тары в крайних пунктах греческой торговли (эмпориях) с хинтерландом (*см.* например: *Grace V.R.* Amphoras and the Ancient Wine Trade // Excavations of the Athenian Agora. Picture Book. No 6. Princeton, 1979. P. 6–7; *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 11; *Ломтадзе Г.А.* Античный импорт на Боспоре в IV — начале III вв. до н.э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары). Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 2005. С. 7). Этого вопроса касается также В.Ф. Столба (*Stolba.* Local Patterns of Trade in Wine. P. 157. Note 45), со ссылками на источники, включая данные архива Зенона (Herod. III. 5-7; P. Cair. Zen. IV 59741). В конце V в. до н.э. в Афинах 21 пустая амфора стоила всего 3 обола (*Amyx D.A.* The Attic Stelai: Part III. Vases and Other Containers // Hesperia. 1958. Vol. 27. P. 174–175). Однако этот частный факт не может служить для опровержения тезиса, что пустая тара (во всяком случае в центрах, где собственного производства тарных сосудов не было) представляла определенную ценность для владельца. Последнее подтверждается многочисленными примерами хранения пустых амфор.
3. См.: *Абрамов А.П.* Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея // ДБ. 9. 2006. Рис. 3, 4.
4. *Koehler C.G.* Handling of Greek Transport Amphoras // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 52–56. Этого вопроса я надеюсь коснуться в другом месте. Фанагорийские материалы из раскопок некрополя в 1980 г. дают к этой теме интереснейший материал.
5. *Roberts S.R.* The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. 1986. Vol. 55. № 1. P. 9.
6. *Boulter C.* Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. 1953. Vol. XXII. No 2. P. 61, 99. Pl. 38, № 132.
7. Руководитель работ д.и.н. В.Д. Кузнецов, которому автор с удовольствием выражает искреннюю признательность за разрешение публикации новых материалов. Полная публикация комплекса планируется совместно с С.Ю. Монаховым в недалеком будущем.
8. То, что на планировочной оси лежит котлован 290В, указывает, вероятно, на его хронологический приоритет по отношению не только к объекту 290Б, но и 290 А. Последовательная смена построек в короткий (менее полувека) временной интервал может рассматриваться как свидетельство их недолговечности.
9. *Clincenbeard B.G.* Lesbian Wine and Storage Amphoras. A Progress Report on Identification // Hesperia. 1982. Vol. 51. № 2. P. 265. Fig.70-71.*5* (ок. 470/460 BC, из погребения на афинском Керамике); *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.–Саратов, 2003. С. 46. Табл. 28. *2, 3.* «Надлиманского типа», вариант II-А (поздние экземпляры: Фанагория, склад на холме Г, № Ф-472; курган № 3 у с. Стеблев — 40-е годы V в. до н.э.; появление типа С.Ю. Монахов датирует со 2-й четверти V в. до н.э.); *он же.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 88-92. Табл. 24-25. К этому же “типу” С.Ю. Монахов относит и амфоры, найденные в яме-складе № 2/1991 г. из Патрея (*Абрамов А.П.* Патрей. Раскопки 1990–1991 гг. // БС. 4. 1994. С. 128-129. Рис. 11), датируемые 80–70-ми годами V в. до н.э. Но, видимо, это ошибка: эти красноглиняные амфоры, называемые

А.П. Абрамовым по упомянутому комплексу, к сероглиняным лесбосским имеют лишь косвенное отношение.

10. *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ... Табл. 52.*2.* (из здания № 24 в Керкинитиде; см.: *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы... С. 87–88. Табл. 23: 80–70-е годы V в. до н.э.).
11. *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... Табл. 34.*1.* «Фасосские амфоры пифоидного типа, серии Джонстон I-A-1» (?; Ольвия, склад 1949 г.; *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы... С. 54–57. Табл. 8: конец VI в. до н.э.); *Roberts S.R.* The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. 1986. Vol. 55. № 1. P. 69, Fig. 43. *423–430.* Pl. 17. *424–429*: «Unidentified amphora» (*before* 490/480 BC).
12. *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... Табл. 35.*1-2.* «Фасооские амфоры пифоидного типа, Стеблевской серии I-A-2» (Ольвия, яма № 69); *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы... С. 97–99. Табл. 28: 80–70-е годы V в. до н.э.
13. *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре... С. 17-18. Табл. 5–6.
14. Судя по его местоположению у северного борта котлована, килик упал в подвал со стены, или, вернее, — вместе со стеной постройки при ее разрушении.
15. *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки Пантикапея VI–V вв. до н.э. // ДБ. 6. 2003. С. 315, 340. Табл. XII. 3–4. В этой публикации амфоры из подвала перед северным фасом стены 204А справедливо датированы по аналогиям *ок*. 480–470-х годов до н.э. (ранее В.П. Толстиков ошибочно относил ко 2-й фазе II-го строительного периода, т.е. к началу V в. до н.э., *ср.*: *Толстиков В.П.* Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 4. 2001. С. 398.
16. *Толстиков В.П.* Ранний Пантикапей. С. 397 сл.
17. *Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1. С. 58, 59. Рис. 4. *11, 10*; *Виноградов Ю.А.* Мирмекий // ОАИБ. М., 1992. С. 107; он же. Исследования на западной окраине Мирмекия // КСИА. Вып. 204. 1991. С. 74; ср.: *Завойкин А.А.* Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города») // ДБ. Suppl. I. 2004. С. 39–40.
18. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. 1952. С. 88, 89.
19. *Толстиков, Журавлев, Ломтадзе*. Многокамерные строительные комплексы. С. 323–324, 345. Табл. XVII; ср.: *Марченко И.Д.* Позднеархаические мастерские оружейников в Пантикапее // СА. 1971. № 2. С. 153–154; *Гайдукевич*. Раскопки Тиритаки. С. 85; ср.: *Зинько В.Н.* Боспорская ОАО в 2008 г. // SUMBOLA. М., 2009 (в печати). Рис. 6; *Виноградов, Тохтасьев*. Ранняя оборонительная стена Мирмекия. Рис. 4.
20. См.: *Кобылина М.М.* Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983; № 2. о дате: *Завойкин А.А.* Фрагменты амфор Эгины (?) из Фанагории // КСИА. Вып. 204. 1991.
21. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. 1960. С. 75; *Блаватский В.Д.* Раскопки Фанагории в 1938–39 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 298; *он же*. О строительном деле Фанагории // Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 1950. Вып. 9. С. 35. Рис. 2–4; *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. № 57. 1956. С. 15 и примеч. 4, 5.

22. И.Б. Зеест (Керамическая тара Боспора. С. 74 сл.) не разделяла ранние пухлогорлые хиосские амфоры на хронологические варианты, отделяя их только от пухлогорлых позднего типа. О фанагорийском подвале 1939 г. с амфорами она сообщает после описания находки нескольких раздавленных амфор «подобного типа» в слое над нижним полом северного помещения жилого дома в Пантикапее, на «Верхнем Митридатском раскопе» в 1949 г. (см.: *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1949 г. // КСИИМК. XXXVII. 1951. С. 220). В.Д. Блаватский датировал их «концом VI — началом V в. до н.э.». Доказать теперь что-либо с точностью невозможно, но исходя из того, что исследователи не отметили окрашенности деталей амфор, склоняюсь к мысли о том, что в обоих случаях комплексы датируются 2-й четвертью V в. до н.э. Более определенно указание И.Б. Зеест (Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны // Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 2. М., 1947. С. 5. Рис. 4), где она датирует подобную десяти амфорам из склада амфору из фанагорийского погребения 109 Восточного некрополя VI — начадом V в. до н.э.
23. *Сокольский Н.И.* Архив ИА РАН. Р-1. № 4251. Л. 9–16; *Сокольский Н.И.* Новые раскопки в Кепах // Actes de la XIIe Conférence d'Études Cllassiques "Eirene" — 1972. Bucureçti–Amsterdam. 1975.
24. Вариант III-B, по С.Ю.Монахову (Греческие амфоры в Причерноморье. Типология...).
25. По И.Б. Зеест (Керамическая тара Боспора); «Фасоса пифоидного типа, серии Джонстон», по С.Ю. Монахову (Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... Табл. 34.*2*)
26. *Абрамов*. Патрей. Раскопки 1990–1991 гг. С. 128–130. Табл. 9–11; *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы... С. 88–92. Табл. 24, 25.
27. *Абрамов А.П., Сазонов Ю.С.* Керамика трех подводных комплексов Патрея // БС. 1992. 1. С. 68-76. Табл. I-II; *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы. С. 93-97. Табл. 27.
28. *Garlan Y.* Toutes les tortues ne sont pas d'Égine // Au Miroir de la culture antique. Rennes, 1992.
29. По С.Ю. Монахову (Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы...) — «Лесбос-С».
30. Раскопки Н.И. Сударева, которому автор благодарен за возможность указать на эту неопубликованную находку.
31. По С.Ю. Монахову (Греческие амфоры в Причерноморье. Типология... Табл. 34.*1*), «серии Джонстон».
32. *Монахов*. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы. С. 581 сл.
33. Поскольку поздний период сейчас на интересовать не будет, мы отметим только, что комплексы из западных районов региона в целом раньше боспорских этого периода (о последних см.: *Завойкин А.А.* Время «Клеофона фасосского» на Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004) лет на 10–20.
34. *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 398–402, 405; см. также: *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3) Ср.: «Высказывавшееся в литературе предположение, согласно которому жизнь на поселениях (ольвийской хоры. — *А.З.*) оборвалась в результате миграционного потока скифов... археологическими данными пока не подтверждается. Следов разрушений и пожарищ, свидетельствовавших бы об их гибели, нет, как нет и следов воз-

можного захвата этих поселений кочевниками. Скорее можно предполагать, что известная активизация военно-политической деятельности скифов на исторической арене Северного Причерноморья после похода Дария в 514 г. до н.э. и, как следствие ее, — ухудшение греко-скифских взаимоотношений, лишь ускорили строительство надежно защищенного крепостными стенами военного, политического, экономического и культового центра полиса» (*Буйских С.Б.* Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VI–II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 21).

35. *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 99; *Буйских С.Б.* Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VI–II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 21.
36. *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 9. 2006. С. 124–130.
37. *Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 10. 2006. С. 282–283; ср.: *Кобылина М.М.* Страницы ранней истории Фанагории. С. 51 сл.; *Виноградов, Тохтасьев.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия. С. 61.
38. Как я уже отмечал (*Завойкин А.А.* Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города») // ДБ. Suppl. I. М., 2004. С. 142–143), не исключена вероятность того, что к востоку от балки, разделяющей верхнее плато Фанагории на две неравные части, располагался древнейший городской некрополь. В этом случае городская граница по верхнему плато проходила около западного склона этой балки.

AMPHORAE STOREHOUSE NO 290B AND SOME ASPECTS OF EARLY PHANAGORIA HISTORY

A. Zavoykin

The study of the political and military situation in Bosporus, and in Phanagoria in particular, in the second part of the 6th — 5th cc. B.C. is based on the assumption that amphora storehouses were of great value, so it was quite extraordinary when they were abandoned.

Archeological context analysis connected with the finding of amphora storehouse in Phanagoria in 2004 showed that the complex building was determined by war threat and acropolis fortifications construction in the 470-s B.C. It is significant that a number of similar complexes of the period were found in other Bosporian centers (Panticapeum, Myrmekium, Tiritaka). Statistic analysis of amphora complexes of the 6th — 5th cc. B.C. showed that they were most frequent in the second quarter of the 5th c. B.C. (not only in Bosporus but in northern Black Sea area as well). This period is quite significant for statistic characteristics of rural settlements and burials with arms articles dynamics in Bosporus.

This makes it possible to present the situation concerning Phanagoria acropolis of the 70s of the 5th c., B.C. in a wider sense of a much more aggravated perilous political and military atmosphere. But there are no solid arguments to extrapolate the cause of this 'crisis' to all Hellenic centers of northern Black Sea area.

© 2010

В.Д. Кузнецов, Л.А. Голофаст

ДОМА ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ФАНАГОРИИ*

Фанагорийское городище до сегодняшнего дня остается крайне малоизученным. Несмотря на длительные — уже более 160 лет — археологические раскопки здесь в общей сложности вскрыты лишь небольшие участки[1], что объясняется не только большими размерами городища и мощностью культурного слоя, но и тем фактом, что в Фанагории никогда не осуществлялись полномасштабные научные проекты. Естественно, что слои средневекового времени не составляют в этом плане исключения[2]. К настоящему моменту средневековые слои и строительные остатки исследованы на трех участках городища. К первому относятся раскопы в прибрежной зоне (раскопы «Северный берег»[3]; «Северо-восточный»; «Береговой стратиграфический»[4], «Береговой А» и «Береговой Б»[5], где были выявлены более или менее сохранившиеся постройки раннесредневекового времени. Второй участок находится в центральной части нижнего плато (раскоп «Центральный»). Здесь был исследован значительный участок города хазарского времени (575 кв. м), на котором сохранились большой отрезок улицы и отходящие от нее три переулка, а также остатки одно- и двухкомнатных построек с примыкающими к ним дворами, огороженными каменными заборами[6]. Третий участок находится на холме «Г», который фланкирует с востока большую лощину, соединяющую верхнее и нижнее плато городища. В 1948–1949 гг. здесь были открыты два слоя средневекового времени с развалами сырцовых стен, зерновыми ямами и каменной вымосткой[7].

В результате этих раскопок сложилось мнение, согласно которому территория средневековой Фанагории значительно сократилась по сравнению с античным временем, и город занимал только нижнее плато и местами склоны холмов верхнего[8]. Однако работы, проводимые в последние годы в рамках программы по комплексному исследованию памятника, позволяют говорить о том, что средневековый город занимал гораздо большую площадь.

В настоящее время исследования осуществляются на холме, расположенном в центральной части городища на краю верхнего плато. В античное время на нем располагался акрополь Фанагории. К сожалению, в XIX в. холм сильно пострадал в результате бессистемных раскопок траншеями, по сути, уничтожившими культурный слой (всего было заложено около полутора десятков). Впервые научные раскопки на холме начались в 1975 году. Однако первоначально исследования здесь носили весьма ограниченный характер. Только в 1995 году начались полномасштабные раскопки на обширной площади в 900 кв. м., позднее расширенной до 1750 кв.м. В ходе исследований были открыты остатки средневековой застройки, на большей части раскопа представленной разрозненными и плохо сохранившимися фундаментами. Только на северо-восточном участке (его площадь 400 кв.м.) были открыты остатки нескольких домов хазарского времени (рис. 1), описанию которых и посвящена предлагаемая статья.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Грант № 09-06-00288а.

Рис. 1. План восточного участка раскопа «Верхний город»

Дом 502 (раскопки 2007–2008 гг., кв. 75–80) (цв. вкл. № 16, рис. 2–10) располагается в непосредственной близости от северного склона холма, в 0,45 м от северного борта раскопа и уходит под его западный борт. Северо-западный угол здания уничтожен траншеей XIX в. Дом прямоугольный в плане, состоит из трех помещений и ориентирован по линии северо-запад-запад — юго-восток-восток.

Относительно хорошо сохранилась только северная стена дома (502А). От южной (502В) и восточной стен (502Б) сохранились лишь отдельные камни забутовки, оставленные после выборки камней панцирей. Западная стена, по всей видимости, находится под западным бортом раскопа. Длина дома по стене 502А — 11,05 м, по стене 502В — 11,15 м, ширина по стене 502Б — 5,9 м. Таким

образом, общая площадь дома равнялась 66 кв.м (внутреннее пространство — 41 кв.м).

Фундамент северной стены (502А) шириной 0,8–0,83 м сохранился от западного конца в восточном направлении на расстояние 7,2 м (цв. вкл. № 16, рис. 3). Далее на восток, вплоть до северо-восточного угла остался только внутренний его фас, а также развал стены в виде отдельных камней забутовки длиной 3,85 м. Фундамент сложен в технике «елочкой» в один ряд в два панциря с забутовкой (рис. 4). В качестве панциря использованы камни ракушечника, булыжника, плитняка и дикарного камня. В забутовку положены мелкие камни и обломки керамики. В западной части фундамента на длину в 1,6 м сохранился один ряд камней стены. Стена также сложена «елочкой» из обработанных камней ракушечника вторичного использования. В качестве забутовки стены, как и в фундаменте, использованы мелкие камни и фрагменты керамики. Два крайних уложенных ровно камня в ее восточном конце, по всей видимости, фланкировали западный косяк входа в дом. Ширина стены — 0,7 м.

От восточной внешней стены (502Б) дома сохранился небольшой фрагмент (длина 1,75 м) внешнего фаса ее фундамента. Вместе с северной стеной он образует северо-восточный угол здания. Этот фундамент также сложен «елочкой» из крупных необработанных камней ракушечника и песчаника размерами от 0,2 х 0,3 м до 0,4 х 0,4 м. Остальная часть восточной стены сохранилась в виде развала забутовки.

Фундаменты остальных внешних стен выбраны, и их направление определяется развалом забутовки (мелкие камни, фрагменты керамики).

Дом разделен на три помещения двумя внутренними стенами, перпендикулярными северной и южной стенам здания (т.е. ориентированными с северо-востока-востока на юго-запад-запад) (цв. вкл. № 17, рис. 5). Восточная внутренняя стена отстоит от восточной стены дома (502Б) на 5,2 м, западная — на 7,35 м. Таким образом, между внутренней восточной стеной и стеной 502Б находится помещение 3, между внутренними стенами — помещение 2 (цв. вкл. № 17, рис. 6), между внутренней западной стеной и западным бортом раскопа — помещение 1 (цв. вкл. № 18, рис. 7). Длина восточной внутренней стены 4,2 м, ширина 0,57–0,6 м. Длина западной внутренней стены 4,3 м, ширина 0,55–0,58 м. Обе эти стены сложены «елочкой», в два панциря с забутовкой. Камни панцирей имеют небольшие размеры (использован преимущественно ракушечник, а также известняк, булыжник, дикарный камень). В забутовку положены обломки керамики (черепица, амфоры) и мелкие камни. Обе внутренние стены сохранились на высоту двух рядов кладки. На поверхности западной внутренней стены зафиксированы следы серой по цвету глины, по-видимому, остатки сырцовых кирпичей.

В южной половине восточной внутренней стены находился дверной проем шириной 0,8 м, соединяющий помещения 2 и 3 (цв. вкл. № 18, рис. 8). От него сохранились два блока ракушечника, поставленных на камни фундамента. Один из блоков находится примерно в 0,6 м от южной стены (502В). Его размеры — 0,35 х 0,25 х 0,2 м, форма близка к кубической. Второй блок находится в 1,65 м от стены 502В. Он имеет уплощенную форму и поставлен на ребро. Его размеры 0,45 х 0,15 х 0,3 м. В проходе лежит развал амфоры и, видимо, упав-

Рис. 4. Дом 502. Фас северной стены

ший небольшой блок ракушечника. Сразу за порогом внутри помещения 3 лежит еще одна почти целая амфора. Северо-западный угол помещения 3 огорожен стенкой, сооруженной или из сырцовых кирпичей или, более вероятно, из битой глины (цв. вкл. № 19, рис. 9). Стенка ориентирована с востока на запад и примыкает к внутренней стене дома. Ее длина 1,3 м при ширине около 0,2 м. Судя по следам огня, овальному пятну (0,5 х 0,4 м), кускам печины и обгоревшей до коричневого цвета земли, в этом углу мог находиться очаг открытого типа. С южной стороны стенки лежал жернов от ручной мельницы диаметром 0,44–0,45 м (диаметр центрального отверстия 8 см, а диаметр отверстия для рукоятки 3 см). Таким образом, можно предполагать, что в северо-западном углу помещения 3 происходил процесс приготовления пищи.

На западной внутренней стене на расстоянии 1,35 м от стены 502В лежит обработанный блок ракушечника размерами 0,25 х 0,17 х 0,25 м, который фланкировал северный косяк входа в помещение 1. Южный камень-косяк дверного проема не сохранился. Таким образом, дверные проемы, ведущие из помещение 2 в помещения 1 и 3, находились почти напротив друг друга. В помещении 1 на пороге лежала разбитая амфора, недалеко от его северо-восточного угла — разбитое на три части иудейское надгробие с изображением семисвечника и надгробной надписью[9]. К югу от него лежала еще одна амфора. После расчистки под ними обнаружены отдельно лежащие камни, среди которых были одна целая и развалы еще, по крайней мере, трех амфор, а также иудейское надгробие с изображением шестиконечной звезды Давида (цв. вкл. № 18, рис. 7). Следует отметить, что вторичное использование иудейских надгробий не является редкостью в Фанагории, большая их часть происходит из кладок средневековых построек[10]. Кроме того, большое количество таких надгробий было найдено в процессе раскопок на холме археологами XIX в. Например, И.Е. Забелин только в 1872 г. нашел 77 целых и 55 фрагментированных иудейских надгробий[11], большая часть которых была оставлена в отвалах и некоторая их часть заново найдена при работах на раскопе «Верхний город» в течение последних пятнадцати лет.

Вход в дом находился, по всей видимости, в северной стене дома (502А). В пользу этого предположения свидетельствует описанный выше блок в стене. Вход вел в узкое помещение или коридор (пом. 2) (цв. вкл. № 17, рис. 6). Не исключено, что оно могло быть и открытым внутренним двориком, хотя это маловероятно. Вдоль восточной внутренней стены проходит выложенная сырцовыми кирпичами полоса (цв. вкл. № 19, рис. 10). Ее длина 1,6 м, ширина 0,6 м. С южной стороны она фланкирована тесаным блоком ракушечника размерами 0,62 х 0,24 х 0,2 м. Блок лежит не совсем *in situ*, поскольку наклонен в юго-западном направлении. Сразу за ним лежит еще один обработанный блок ракушечника, который уходит в грунт. Сырцовые кирпичи в площадке имеют размеры 0,44 х 0,22 м, однако при ее сооружении использовались и фрагменты кирпичей. Функциональное назначение этой полосы остается непонятным. Остальная часть коридора покрыта небольшими кусками сырца, которые маркируют дневную поверхность. Такие же куски выявлены и в помещениях 1 и 3.

С северной стороны к дому 502 вплотную примыкает южная стена еще одного жилого дома — № 503.

Дом 503 (раскопки 2008 года, квв. 79–80) (цв. вкл. № 20, рис. 11–14) расположен в 8,4 м от западного борта раскопа. Представляет собой частично сохранившийся жилой дом, ориентированный по странам света (сохранились фрагменты южной и восточной внешних стен и внутренняя стена-перегородка).

Южная стена (503А), примыкающая к северной стене дома 502, к моменту открытия имела длину 5,3 м (рис. 12а). Ширина ее фундамента 0,7 м, ширина самой стены 0,6 м. Сложена «елочкой» в два панциря с забутовкой между ними. Причем зафиксированы только камни внутреннего фаса стены, где сохранилось от трех до пяти рядов камней ракушечника, известняка, плитняка. Внешний фас фундамента был разобран после того, как дом прекратил свое существование. Камни, положенные в качестве фундамента, крупные, в длину от 0,3 до 0,6 м. При сооружении самой стены использованы камни помельче, в качестве же забутовки служат черепки и мелкие камешки. Под юго-восточный угол дома положен большой необработанный камень (известняк) размером 0,7 х 0,5 х 0,35 м.

От восточной стены (503Б) дома сохранились только черепки и мелкие камни забутовки, камни фундамента и панцирей выбраны в более позднее время. Длина стены 3,8 м, ширина развала стены около 0,7 м. Ее северный конец оборван траншеей XIX в.

Внутренняя стена-перегородка (503В) ориентирована с севера на юг, параллельна стене 503Б (от которой отстоит на расстояние 2,25 м) и перпендикулярна стене 503А, к которой примыкает (рис. 12б, 13). Длина стены 3,3 м при ширине 0,55 м. Она также сложена «елочкой» в два панциря с забутовкой между ними. В кладке зафиксировано от одного до двух рядов камней. При сооружении панцирей использованы камни ракушечника, плитняка и известняка небольших размеров (от 0,1 х 0,15 до 0,2 х 0,2 м). В западной части стены забутовка в значительной степени выбрана. Стена могла служить фундаментом под стену, сложенную из сырцовых кирпичей. В пользу этого свидетельствует не только ровная поверхность стены, но и тот факт, что сырцовые кирпичи активно используются в строительстве этого времени. Они зафиксированы в находящихся по соседству домах 502 и 504.

Три описанные стены образуют одно из помещений дома (помещение 1) (цв. вкл. № 20, рис. 11). Определить его площадь не представляется возможным, поскольку значительная его часть уничтожена траншеей XIX в. Можно лишь предположить, что она заметно превышала 7 кв.м. Пол в помещении не фиксируется. У стены-перегородки находится скопление разбитых амфор, лежащих на уровне подошвы фундамента дома (цв. вкл. № 20, рис. 13). Развал амфор имеет размеры 2,8 х 1,4 м.

Судя по сохранившимся стенам, площадь дома была не менее 20 кв.м.

Соотношение домов 502 и 503 (рис. 14).

Дом 503 ориентирован почти точно по странам света. Северные концы стен 503Б и 503В лишь слегка отклонены к востоку. Дом же 502 развернут к востоку больше. Северная стена здания 502 (А) и южная стена здания 503 (А) соприкасаются между собой. В месте их соприкосновения отчетливо видна разница в ориентации этих двух объектов. Является ли эта разница свидетельством хронологического разрыва между этими домами? На этот вопрос трудно ответить.

Рис. 12. Дом 503. Фасы стен

Рис. 14. Ориентация стен домов 502 и 503 (справа южная стена 503А, слева — 502А)

Возможны два варианта. В первом случае из-за небольшой разницы в ориентации домов мы признаем, что дом 502 был раньше по времени. При этом предполагается, что дом 503 был прямоугольным в плане. Во втором — можно полагать, что оба дома сосуществовали во времени. Тогда южная стена дома 503 была не прямой, а изгибалась, примыкая к северной стене дома 502. Все же первый вариант представляется более предпочтительным, хотя разница во времени между домами была небольшой.

Дом 504 (квв. 80–83, раскопки 2008 г.) (цв. вкл. № 21, рис. 15–23). Представляет собой остатки жилого дома, от которого сохранились две стены: южная внешняя стена здания (504А) и внутренняя (504Б). Дом ориентирован почти строго по странам света с небольшим отклонением стены 504Б к востоку.

Южная стена (504А) ориентирована с востока на запад с легким отклонением восточного конца к югу (рис. 16). Уходит под восточный борт раскопа. Западный конец стены упирается в нижний камень, лежащий под юго-восточным углом дома 503. Продолжается ли описываемая стена под домом 503 покажут дальнейшие исследования. Общая длина сохранившегося фрагмента кладки равна 6,25 м при ширине 0,7 м. Восточный конец стены в значительной степени разобран, осталось лишь немного камней забутовки. Стена, сохранившаяся на высоту только одного ряда кладки, сложена в два панциря с забутовкой из мелких камней и обломков керамики. Во внешнем панцире использованы более крупные камни (0,3 х 0,3 м и 0,3 х 0,4 м), чем во внутреннем (0,1 х 0,1 до 0,1 х 0,15 м). Преобладает ракушечник, наряду с которым встречается песчаник и известняк. В 4,1 м от восточного борта раскопа на стене лежат два обработан-

Рис. 16. Дом 504. Южная стена с входом (вид с З)

ных камня (ракушечник) вторичного использования, фланкирующие правый косяк дверного проема (цв. вкл. № 21, рис. 17). Один имеет размеры 0,4 х 0,3 х 0,15 м, второй — 0,3 х 0,3 х 0,15 м. В качестве левых косяков также служат два камня размерами 0,45 х 0,3 х 0,18 м и 0,4 х 0,2 х 0,15 м. Ширина дверного проема 0,9 м. В качестве порога использованы два плоских камня. Перед входом в качестве приступки положен слой цемянки размером 0,6 х 0,4 м, толщиной до 5 см.

Внутренняя стена (504Б) ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением северного конца к востоку (рис. 18). Кладка примыкает к южной стене дома (504А) на расстоянии 3,75 м от восточного борта раскопа, сразу же за правым косяком дверного проема. Стена сохранилась на длину 3,9 м, ее северный конец оборван траншеей XIX в. Ширина стены — 0,55 м. Сложена в два панциря с забутовкой между ними. Камни панцирей некрупные (в среднем около 0,1 х 0,1 м), в забутовке использованы обломки керамики и мелкие камешки. Сохранился лишь один ряд камней. На расстоянии 0,75 от места стыка со стеной 504А расположен дверной проем шириной 0,74 м, обрамленный двумя стоящими на ребре камнями (рис. 19). Один имеет размеры 0,3 х 0,17 х 0,14 м, второй — 0,35 х 0,25 х 0,12 м. В качестве порога служат два плоских камня песчаника размерами 0,46 х 0,25 м и 0,26 х 0,25 м.

Рис. 18. Дом 504. Вид на внутреннюю стену и проход из помещения 1 в помещение 2 (вид с СВ)

Рис. 19. Дом 504. Вход из помещения 1 в помещение 2 (вид с З)

Рис. 20. Дом 504. Полоса сырцовых кирпичей в помещении 1 (вид с С)

Дом 504 состоял, по крайней мере, из двух помещений — западного (помещение 1) и восточного (помещение 2).

В помещение 1 можно было попасть сразу с улицы через основной вход в дом (цв. вкл. рис. 17). Его точные размеры остаются неизвестными из-за неполной сохранности стены 504А. Тем не менее, можно приблизительно высчитать сохранившуюся площадь помещения. Она определяется длиной западного отрезка стены 504А (2,3 м) и длиной стены 504Б (3,9 м), т.е. не менее 9 кв. м. Пол в помещении представляет собой утоптанную глиняную крошку и находится на уровне подошвы стен. В 1,6 м от стены 504Б и параллельно ей уложена полоса из сырцовых кирпичей (их размеры 0,4 х 0,2 м) (рис. 20). Она начинается от стены 504А и продолжается к северу на длину 2,27 м. Рядом с входом в помещение обнаружено две амфоры (рис. 21), а в его северной части — развалы амфор и камней, среди которых найден обломок тигля (?) диаметром 0,24–0,24 м при высоте 0,13 м.

Помещение 2 (рис. 19) образовано восточным отрезком стены 504А (длина 3,55 м) и стеной 504Б (длина 3,9 м). Площадь помещения заметно превышала 14 кв. м, определить его размеры более точно не представляется возможным. В юго-западном углу сохранился участок пола в виде утоптанных кусочков глины размером 1,05 х 0,95 м. В 1,12 м от входа в помещение и в 0,73 м от стены

504А *in situ* стоит круглая ступа из ракушечника с коническим углублением диаметром 0,23 м и глубиной 0,19 м (рис. 22). Высота ступы — 0,38 м, диаметр — 0,35 м. Ступа поставлена на округлое основание из камня вулканической породы. Основание и нижняя часть ступы заглублены на 11–12 см от поверхности пола. В 1,37 м к востоку от ступы обнаружен необработанный камень ракушечника вытянутой формы размерами 0,69 х 0,35 х 0,19 м со сквозным отверстием диаметром 8–9 см в центре (рис. 23). Ступа и камень, скорее всего, представляют собой установку для размола зерна, в которой камень с углублением служит опорой для рычага с пестом, которым размалывали зерно в ступе. Подобные установки выявлены при раскопках поздневизантийских усадеб Херсонеса[12].

На основе сохранившихся остатков можно предположить, что общая площадь дома превышала 24 кв. м.

Дом 504 на основе стратиграфических наблюдений можно датировать несколько более ранним временем, чем дома 502 и 503.

Дом 15 (квв. 27–28, раскопки 1996 года) (рис. 24–26). Для его раскопок была сделана прирезка к восточному борту центрального участка раскопа «Верхний город». Расстояние до дома 502, который находится севернее, 22 м. Дом почти точно ориентирован по сторонам света. Общая его площадь, насколько можно судить о ней по сохранившимся стенам, была не менее 35 м^2. Стены (точнее — фундаменты под стены и нижние ряды кладки) имеют следующую сохранность:

— южная стена сохранилась на длину 9,2 м (по внешнему контуру), хотя ясно, что в древности она была длиннее (рис. 25а);

— северная стена сохранилась на длину 5,7 м, далее она оборвана, яма выборки не фиксируется в мягкой сухой супеси (рис. 25в);

— от западной стены, длина которой 5,35 м, сохранился практически только один панцирь (рис. 25б);

— восточная стена не обнаружена либо потому, что она была разобрана, либо потому, что находится под восточным бортом раскопа.

Стены, ширина которых была около 0,7 м, сложены следующим образом. В основание фундамента положены довольно крупные камни (некоторые достигают размеров 0,2 х 0,4 м), поверх положен выравнивающий слой более мелких уплощенных камней. Это хорошо видно по внутреннему фасу западного конца южной стены. На выравнивающем слое фундамента лежит нижний ряд кладки стены, построенной в технике «ёлочки». Стены сложены в два панциря с забутовкой. В качестве последней служат камни (по преимуществу мелкие) и обломки керамики разного времени. В углах дома, как можно судить по двум сохранившимся (северо-западному и юго-западному), уложены довольно крупные блоки подквадратной формы размерами около 0,3 х 0,3 м.

От западной стены сохранился, как уже говорилось, только внутренний панцирь. Внешний панцирь и забутовка были выбраны после того, как дом прекратил свое существование. В южной стене был сделан дверной проем, шириной 1,15 м. Он начинался в 4,0 м от юго-западного угла дома. Подошва дверного проема лежит на поверхности второго ряда камней кладки. С восточной стороны проем фланкирован двумя камнями, более крупными, чем прочие камни кладки. Боковые их стороны, выходящие в проем, плоские, что было необходимо для крепления дверной коробки. С внешней стороны дома у дверного про-

Рис. 22. Дом 504. Ступа в помещении 2

Рис. 23. Дом 504. Камень, использовавшийся в качестве опоры для рычага с пестом

ема вплотную к кладке лежит камень размером 0,25 х 0,4 м, служивший, по всей видимости, ступенью или приступкой перед дверью.

Внутри дома, чуть выше уровня подошвы камней фундамента, зафиксирован пол, который представляет собой плотную глинобитную поверхность.

Вся площадь дома разделена на четыре помещения. Размеры западного помещения 3,85 х 3,2 м, двух следующих — соответственно, 3,85 х 1,5 м и 3,85 х 3,2 м. Большая часть четвертого (восточного) находится под восточным бортом раскопа. Помещения сообщаются между собой тремя дверными проемами шириной 0,84 м, вытянутыми в одну линию с востока на запад. От каждого из проемов сохранились по два поставленных на ребро уплощенных камня, которые их фланкировали. Между камнями проема, который вел в западное помещение дома, обнаружен порог, представляющий собой плоский камень размером 0,4 х 0,55 м. Кроме того, сохранились три камня от стены, отделявшей западное помещение от соседнего. Они находятся у северной стены дома, ориентированы по линии север–юг и располагаются на одной линии с камнями дверного проема. В северо-западном углу помещения найдена нижняя часть ручной мельницы, представляющая собой каменный диск с отверстием посередине и насечками для перетирания зерен. В 1,1 м к востоку от нее у северной стены дома выявлен наполовину вкопанный в землю лепной горшок. В северо-восточному углу следующего помещения находился наполовину вкопанный в землю небольшой пифос.

Подведем некоторые итоги. Из-за плохой сохранности верхних слоев Фанагорийского городища, вызванной выборкой камня в последующие эпохи и разведывательными траншеями археологов XIX в., находки раннесредневековых построек, по которым можно восстановить их площадь и план с определением функционального назначения помещений, встречаются довольно редко. Судя по предыдущим исследованиям, для средневековой Фанагории были известны по преимуществу одно- и двухкомнатные дома[13]. Раскопки последних лет показали, что в городе существовали дома, в которых было по три и даже четыре комнаты. Единственную аналогию мы находим в доме, открытом в 1939–1940 гг. на раскопе «Северный» (раскопки М.М. Кобылиной). От него сохранились «солидные каменные фундаменты» с остатками сырцовых стен на них[14]. Дома, планировка которых была бы похожа на планировку дома 502, в Фанагории неизвестны. Он состоял из двух больших помещений, расположенных по сторонам небольшого узкого помещения, возможно, внутреннего коридора, с выходом на улицу или во двор.

Плохая сохранность участка не дала возможности зафиксировать при описываемых домах огороженные каменными заборами дворы, выявленные на уже упоминавшемся раскопе «Центральный». Однако, наличие такого двора можно предположить к югу от дома 502, где был открыт врытый в землю пифос и остатки крытой галереи, по всей видимости, обрамлявшей двор. Крыша галереи поддерживалась деревянными столбами-колоннами, от которых сохранились подпятные камни с выдолбленными посередине углублениями. Остатки аналогичной галереи найдены на западном участке раскопа. Здесь она фланкировала с северной стороны двор, вымощенный камнями. От галереи сохранилось пять камней-баз под колонны, расположенных на расстоянии 2,2–2,5 м друг от дру-

Рис. 24. Дом 15. План

Рис. 25. Дом 15. Фасы стен

га. Кроме того, к югу от дома 504 выявлен угол сооружения, напоминающего каменную ограду (рис. 27). От нее сохранились северная и западная стены. Западная стена сохранилась на длину 4,15 м, северная — 0,9 м. Кладка, от которой сохранился один ряд камней, сложена из мелких и средних камней ракушечника, песчаника, плитняка. Ширина колеблется от 0,1 до 0,25 м в зависимости от размеров камней. Внутри объекта вдоль его обеих стен и параллельно им в два ряда уложены сырцовые кирпичи размерами 0,4 х 0,23–0,25 м. Ширина этой полосы сырцов равна 0,5 м. Полоса вдоль западной стены имеет такую же длину, что и сама стена, полоса же вдоль северной стены длиннее (1,25 м) и уходит под восточный борт раскопа.

Несмотря на то, что от домов, как правило, сохраняются лишь фундаменты, отличия в технике строительства внешних и внутренних стен домов все же можно проследить. Внутренние стены имеют каменный фундамент высотой в два ряда. Он сложен в два панциря «елочкой» (из более мелких камней по сравнению с внешними стенами) с забутовкой посередине из мелких камешков и черепков. Сама стена строилась из сырцовых кирпичей.

Внешние стены имели фундамент и цоколь, общая высота которых, по всей видимости, была не менее пяти рядов камней. При этом фундаменты состоят из более крупных камней по сравнению с цоколем, сложенном в технике *opus spicatum* в два панциря с забутовкой из мелких камней и обломков керамики. Собственно стена также сооружалась из сырцовых кирпичей. Под углами домов клались крупные камни. Ширина фундаментов внешних стен обычно равнялась 0,7–0,8 м, тогда как ширина стены была несколько меньше (около 0,6 м). Выявленные в ходе раскопок домов различного рода перегородки и площадки невыясненного назначения также сооружались из сырцовых кирпичей. Дверные проемы, ширина которых варьировала от 0,8 до 1,15 м, обычно фланкировались крупными камнями.

Таким образом, техника строительства домов хазарского времени в Фанагории очень близка характеру построек в Таматархе[15] и других поселениях, принадлежавших к азовскому и крымскому вариантам салтово-маяцкой культуры[16].

Судя по находкам нескольких фрагментов черепиц, датирующихся VIII–IX вв., крыши домов могли быть покрыты черепицей. Редкость черепиц в раскопе может объясняться тем, что после прекращения существования дома ее вторично использовали. Полы в домах представляли собой слой битой глины. Назначение комнат в доме было многофункциональным. В доме 502 в углу одной из комнат сделана выгородка, внутри которой находился примитивный очаг, а за сырцовой перегородкой — жернов. Это нельзя назвать кухней, скорее местом, где готовили пищу. Остальная же часть помещения использовалась для каких-то других целей. К тому можно добавить находку ступы для размола зерна в одном из помещений дома 504.

Открытый участок слишком мал и, к тому же, сильно пострадал в результате поздних перекопов и траншей, поэтому на его основании говорить о планировке города довольно трудно. Однако, если принять во внимание весь раскоп «Верхний город» (общая площадь 1750 кв. м.), на котором открыто довольно много фрагментированных кладок интересующего нас времени, то можно

а

б

Рис. 26. Дом 15. а: общий вид дома с СВ; б: общий вид дома с ЮВ

Рис. 27. Ограда (?), вид с СЗ

вполне определенно говорить о более или менее единой, хотя и не регулярной планировке и в этой части города. В целом, постройки ориентированы своими стенами по странам света с небольшими отклонениями[17]. Это засвидетельствовано не только на раскопе «Верхний город», но и исследованиями одного из авторов в береговой части Фанагории (см. Полевые отчеты о раскопках в Фанагории В.Д. Кузнецова за 1995–1997 гг.). На верхнем плато городища, как и на нижнем, дома были объединены в кварталы, разделенные улицами, мощеными камнями, фрагментами керамики и костями животных[18]. В Фанагории жилые дома различались как своими планами, так и размерами — от однокомнатных жилищ до многокомнатных богатых домов[19]. Наиболее богатые имели площадь, измеряемую десятками квадратных метров. Очевидно, что при некоторых (или всех?) домах были огороженные заборами дворы с крытыми галереями, где находились врытые в землю пифосы, хозяйственные ямы.

Terminus post quem строительства открытых домов дает кладка в «елочку», распространившаяся на Тамани с первой половины VIII в.[20] и ни разу не прослеженная в ранних кладках Фанагории[21]. Материал, найденный в кладке стен открытых домов (фрагменты амфор северопричерноморского типа с желобчатым туловом и с мелким зональным рифлением, посуды с пролощеным орнаментом и горшков салтовского типа), не позволяет уточнить дату, поскольку не имеет узких датировок.

Нам остаются неизвестными точные размеры города в рассматриваемый пе-

риод. Однако если принять во внимание находку домов раннесредневекового времени в северо-западном и юго-восточном частях городища, то можно предположить, что площадь Фанагории в это время была не менее 20 га.

Находки из раскопок домов

Однородность материала, выявленного в рассматриваемых домах, позволяет рассматривать его единым комплексом.

Черепица.

В доме 503 найдено несколько фрагментов черепиц с сужением в нижней части, рельефными дуговидными водосливными валиками и массивными бортиками. Сделаны они из темно-красной, грубой комковатой глины с большим количеством шамота. На двух черепицах — рельефное клеймо «ΘΕΟΔΟΡΑΚΝΟ»[22] в обратном написании (рис. 33, *8–9*). Полное совпадение клейм свидетельствует о том, что черепицы были сформованы в одной матрице. Более того, клейма на найденных черепицах полностью совпадают с клеймами на черепицах из раскопок на поселении Тепсень близ Коктебеля[23] и в Херсоне[24]. В Фанагории это тоже не первая находка черепиц с аналогичным клеймом: 7 фрагментов было найдено в 1872 году на верхнем плато городища (раскопки И.Е. Забелина)[25], еще один происходит из раскопок 1940 года в северной части городища (раскопки В.Д. Блаватского)[26].

Амфоры (рис. 28–32).

Подавляющее большинство находок в рассматриваемых домах составляли амфоры, за которыми, несмотря на наличие иногда значительных различий между ними, закрепилось общее название амфор причерноморского типа[27]. В домах найдены почти исключительно амфоры варианта 2 по А.Л. Якобсону[28], т.е. небольшие круглодонные сосуды с коротким горлом и бороздчатым туловом. Венчики диаметром 6,5–8,8 см могли быть самой разной формы. Ручки овальные в сечении с продольным ребром на внешней поверхности и часто на боковых гранях. Подавляющее большинство амфор выполнено из плотной, красной глины различных оттенков и с разным количеством карбонатов, шамота и железистых минералов. Сосуды, выполненные из глины с другим составом отощителей, представлены единичными фрагментами.

Многочисленные печи по производству амфор с бороздчатым туловом обнаружены в Крыму (выявлено свыше 35 гончарных центров[29]), откуда они вывозились далеко за пределы полуострова[30], в том числе и на Тамань, хотя не исключено, что какая-то их часть имела местное происхождение[31]. Особняком стоит амфора (рис. 29, 2), сделанная из бежевой, плотной, хорошо отмученной глины с примесью пироксена, визуально схожей с глиной амфор типа Зеест-100[32], что позволяет предположить ее южнопонтийское происхождение.

Единого мнения по поводу времени бытования варианта 2 амфор причерноморского типа среди исследователей нет. Называются разные даты их появления: VIII в.[33], вторая половина — конец VIII в.[34], первая половина-середина или вторая половина IX в.[35]. Мы склонны датировать начало их бытования VIII в. Косвенным подтверждением предлагаемой даты служит морфологическая схожесть амфор причерноморского типа варианта 2 с ранневизантийскими круглодонными амфорами типа 5 по херсонесской классификации 1972

Рис. 28. *1,2,5* — амфоры из помещения 1 дома 502; *4* — амфора из помещения 2 дома 502

года[36] или, как считают некоторые исследователи[37], с т.н. амфорами с рифлением типа набегающей волны (LRA1 по Райли-1979[38]), которые, возможно, послужили образцом для амфор более позднего времени. И те, и другие бытовали до VII в. включительно[39], и хронологической лакуны между ними и вариантом 2 амфор причерноморского типа, скорее всего, не было. В любом случае, из-за отсутствия узко датированных комплексов интересующего нас времени, мы пока вынуждены довольствоваться только предположениями.

Пик бытования рассматриваемых амфор приходится на вторую половину IX — первую половину X вв.[40]. После гибели во второй четверти X в. многих городов и поселений Таврики[41] их производство более не возрождалось[42], и отнесение верхней границы их бытования к XI в.[43] кажется необоснованным.

Неоднократные попытки исследователей составить дробную типологию амфор причерноморского типа нельзя назвать успешными[44]. Частично это можно объяснить наличием большого количества мастерских по их производству, каждая из которых выпускала продукцию, чем-то отличающуюся от изделий других центров. Даже в пределах одного центра часто одновременно использовались различные технологические приемы и производились амфоры, отличающиеся друг от друга какими-то морфологическими характеристиками[45].

Примером большого разнообразия может служить рассматриваемый керамический комплекс: среди довольно значительного количества амфор, брошенных в трех, скорее всего, одновременно покинутых домах, трудно найти две абсолютно одинаковые.

Следует обратить внимание на тот факт, что амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением в верхней части тулова в рассматриваемом комплексе не представлены. Единственный фрагмент, который можно предположительно к ним причислить, выявлен в помещении 2 дома 502 (рис. 29, *3*). Это фрагмент слегка суживающегося в средней части горла с воронкообразно расширяющимся венчиком и округлым краем, под которым сохранились основания ромбовидных в сечении ручек. Глина амфоры бежевая, в сердцевине с сероватым оттенком, плотная, хорошо отмученная, с мельчайшими частицами слюды и мелкими коричневатыми включениями. Фрагмент морфологически близок амфорам класса 29 по классификации Романчук и др. («амфоры с высоким узким горлом»), сделанным, однако, из другой глины[46]. Похожее горло имеет также амфора с овоидным гладким корпусом из коричнево-бежевой глины с включением извести, крупных частиц шамота и красноватых железистых частиц, предположительно найденная на Южном берегу Крыма и относимая Л.Ю. Нидзельницкой к VIII — началу IX вв. [47].

Трудно сказать, какую форму имела амфора, которой принадлежало описываемое горло, но обычно среди амфор с мелким зональным рифлением выделяют два варианта: с удлиненным суживающимся книзу (вариант 1)[48] и сферическим туловом (вариант 3)[49]. Время бытования обоих вариантов обычно определяется в рамках VIII–XI вв. (список работ, в которых обосновывается указанная дата, приведен в статье В.Н. Зинько и Л. Пономарева)[50], т.е. одновременно с амфорами варианта 2. Более того, амфоры варианта 1 и 2 обжигались в одних и тех же печах в урочище Чабан-Куле, Канакской балке, у села Лучистое, в Мисхоре и на северной стороне Севастопольской бухты[51]. Что ка-

Рис. 29. *1* — амфора из дома 504; *2–4* — амфоры из помещения 1 дома 502

сается амфор варианта 3 по Якобсону (со сферическим туловом), известных в западной литературе под названием “Globular amphoras”, то в VIII–IX вв. они были широко распространены по всему Средиземноморью и производились в многочисленных центрах, расположенных на островах Эгейского моря, на территории Турции, Северной Африки, Южной Италии, и Испании[52]. Образцом для них послужили амфоры переходного типа LR 2C по классификации Д. Пьери (тип 9 по Дж. Хейсу[53]), бытовавшие в последней трети VI — первой половине VII вв. Помимо похожей формы тулова они имели аналогичное рассматриваемым амфорам мелкое горизонтальное или волнистое рифление на стенках[54]. В Северном Причерноморье мастерские по их производству пока не выявлены, но, скорее всего, они бытовали в то же время, что и в Средиземноморье и одновременно с амфорами варианта 1, по Якобсону, что подтверждается раскопками в Танаисе, где оба варианта встречены вместе[55].

Нижняя дата бытования рассматриваемых амфор в Крыму не вызывает сомнения: наиболее ранние их экземпляры найдены при раскопках раннесредневекового квартала в портовой части Сугдеи, в слое рубежа VII–VIII — первой половины VIII вв.[56] и в жилище, построенном в начале VIII в. на развалинах Тиритакской базилики VI–VII вв.[57] Что же касается верхней даты, то, скорее всего, в Северном Причерноморье, как и в средиземноморских центрах, они были распространены до IX в. включительно, хотя есть мнение, что они вышли из употребления еще раньше — уже к IX в.[58] Однако, последнюю дату опровергает их присутствие в Саркеле, основанном в середине 30-х гг. IX в.[59], а также материал из засыпи ямы в Керкинитиде, где крупные фрагменты амфор с мелким зональным рифлением обнаружены вместе с обломками кувшина с плоскими ручками[60].

Скорее всего, при одновременном бытовании в пределах VIII–IX вв., а, возможно, и X в., на рынке сначала доминировали амфоры с мелким зональным рифлением, а затем амфоры с бороздчатым туловом[61]. По мнению ряда исследователей, в Юго-восточном Крыму и на Керченском полуострове смена доминирующего типа происходит в районе середины IX в.[62]. Эту дату косвенно подтверждает рассматриваемый керамический комплекс, в котором амфоры с мелким зональным рифлением представлены одним фрагментом.

Единственным фрагментом в домах представлены и высокогорлые кувшины с плоскими ручками (кувшины «тмутараканского типа», по терминологии С.А. Плетневой[63], кувшины тарного типа, по терминологии В.Н. Чхаидзе[64]). Он выявлен в развале амфор в доме 503 (рис. 31, *1*). Глина фрагмента неравномерно обожженная: по краям — светлая желтовато-красная, в сердцевине — розовая, плотная, очень хорошо отмученная. Внутренний диаметр венчика — 9,6 см, внешний — 11,0 см.

Их появление исследователи датируют серединой — второй половиной и даже концом IX в., расцвет относят к X — первой половине XI в., а конец бытования — к концу XI — началу и первым десятилетиям XII в.[65] Большинство исследователей согласны с тем, что производились они в Таматархе или ее окрестностях[66].

Столовая и кухонная посуда

Столовая посуда представлена найденным в доме 504 кувшинчиком с паль-

Рис. 30. *1, 3, 4* — амфоры из помещения 3 дома 502; *2* — амфора из дома 504

цевым вдавлением у верхнего прилепа ручки (рис. 33, *1*), близким по форме кувшину из раскопок на Кыз-Кермене (Юго-западный Крым), украшенному линейной росписью ангобом[67]. Орнаментация кыз-керменского экземпляра и пальцевое вдавление на ручке сближают подобные сосуды с т.н. ойнохоями баклинского или скалистинского типа, также представленными в рассматриваемом комплексе (рис. 33, *2*). Оба сосуда сделаны из красной с желтоватым оттенком плотной, очень хорошо отмученной глины с многочисленными мельчайшими светлыми включениями.

Производились подобные сосуды в гончарных центрах Крыма[68]. Нижняя граница их бытования, по-видимому, определяется находками фрагментов стенок с линейно-арочной росписью ангобом, характерной для рассматриваемых кувшинов, в херсонесских комплексах последней трети VI — первой половины VII вв.[69] Они широко использовались в Крыму и за его пределами[70] до IX в. включительно[71], хотя есть мнение об их бытовании до первой половины XI в. включительно[72].

Из дома 504 происходит лощеный сосуд с отогнутым наружу венчиком, приземистым туловом и калачеобразной ручкой (рис. 33, *3*). От венчика тулово отделяют два слабо выраженных горизонтальных желобка, аналогичный желобок отделяет нижнюю часть тулова от верхней. Глина сосуда у поверхности — светло-коричневая, в сердцевине — почти черная с коричневатым оттенком, плотная, хорошо отмученная, с мельчайшими включениями частиц слюды и единичными мельчайшими светлыми включениями. С.А. Плетнева называет подобные сосуды кубышками или кружками (тип В)[73], А.Г. Атавин — кувшинами (тип 5)[74]. На Таманском городище они относятся к числу наиболее распространенных типов лощеной керамики[75].

Несколько выявленных в домах фрагментов принадлежали горшкам салтово-маяцкого типа, сформованным на ручном гончарном круге из рыхлого теста с примесью дробленой ракушки, песка, шамота и т.д. (рис. 33, *4–7*). Горшки имели шаровидное тулово и резко отогнутый венчик (тип А по Плетневой[76]). Все выявленные горшки украшены глубоким сплошным линейным, линейно-волнистым или линейно-зональным орнаментом, выполненным гребенчатым штампом. Венчик одного горшка украшен защипами. Подобные сосуды встречаются на всех без исключения памятниках салтово-маяцкой культуры и обычно датируются в широких пределах VII–X вв.[77] По наблюдениям С.А. Плетневой, в Фанагории они сосуществовали с амфорами VII в., причем, периода их наибольшего использования, и появились значительно раньше нижней даты амфор хазарского времени, т.е. еще в византийско-болгарское время существования города[78]. Их праболгарское происхождение подтверждается широким распространением горшков со сплошным рифлением на тулове в Западном Причерноморье — в Болгарии и Румынии[79]. Считается, что мастерские по их производству имелись в соседней Тмутаракани[80], хотя следов таких мастерских пока обнаружить не удалось[81].

Состояние открытых строительных остатков и выявленного в них материала говорит о том, что город не был разгромлен и разрушен в пожаре, а полное отсутствие в домах бытовых находок создает впечатление, что жители, захватив с собой самое необходимое и ценное, покинули город в виду какой-то

Рис. 31. *1* — фрагмент высокогорлого кувшина с плоскими ручками из помещения 1 дома 503; *2–7* — фрагменты амфор из помещения 1 дома 503

Рис. 32. Фрагменты амфор из помещения 1 дома 503

опасности[82], скорее всего, нашествия варваров, которыми в те годы могли быть печенеги[83] или венгры[84].

Судя по составу выявленного в открытых домах керамического комплекса, это событие можно отнести к началу бытования кувшинов с плоскими ручками, когда амфоры с мелким зональным рифлением уже вышли из обращения, и на рынке безраздельно доминировали амфоры с бороздчатым туловом, т.е. на вторую половину — конец IX в.[85] Эту же дату гибели города дали раскопки хазарских домов на нижнем плато: дома четвертого строительного периода на Береговом стратиграфическом раскопе и на раскопе «Центральный», где также было отмечено чрезвычайно незначительное количество находок фрагментов кувшинов с плоскими ручками[86]. Тот факт, что город погиб до начала широкого распространения этого типа сосудов, подтверждается раскопками средневековых слоев на верхнем плато городища в 2006–2008 гг., в ходе которых выявлены лишь единичные фрагменты кувшинов с плоскими ручками[87].

Раскопки на верхнем плато городища значительно расширили границы средневековой Фанагории, показав, что в хазарское время городские кварталы занимали не только нижнее плато, как это считалось ранее[88], но и верхнее. Причем, там располагалась отнюдь не окраина города, а полноценный городской район с редкими для Фанагории большими четырех- и трехкомнатными постройками.

Состав находок в домах, открытых как на нижнем, так и на верхнем плато города, свидетельствует о том, что до последнего момента своего существования Фанагория оставалась активно функционировавшим городом, поддерживавшим интенсивные торговые связи с Крымом, который служил источником продуктов сельского хозяйства, в первую очередь вина, производство которого там приобретает в рассматриваемый период товарный характер.

В заключение следует отметить, что через некоторое время после событий второй половины — конца IX — начала X вв.[89] на месте Фанагории возникает небольшой поселок. А.Г. Атавин на Нижней террасе города выявил два здания, построенные, по всей видимости, спустя некоторое время после гибели домов 4 строительного периода. Одно — на Береговом стратиграфическом раскопе (5 строительный период)[90], второе, раскопанное в 1989 году, — в центральной части нижнего плато городища к западу от раскопа «Береговой А»[91]. Первый дом на основании отсутствия характерных для X в. типов амфор и византийской поливы автор раскопок датировал концом IX — началом X вв.[92]. Гибель второго, основываясь на находках нескольких десятков фрагментов «воротничковых» амфор и нескольких стеклянных браслетов, он относил к началу X в., точнее к 920 году[93]. Однако, появление амфор с венчиком т.н. «воротничкового» типа относят к середине X в., а пик бытования — к последней трети X–XI вв.[94], что позволяет датировать гибель здания более поздним временем. Подтверждением тому, что на месте Фанагории в X и XI вв. продолжалась жизнь, служат несколько найденных на городище монет этого времени[95], а также монеты Василия II и Константина IX из погребений в каменных ящиках, открытых в 1864 году к северо-востоку от горы Майской[96].

Однако, несмотря на то, что Фанагория не была заброшена окончательно, назвать ее городом уже было нельзя. Константин Багрянородный (913–959) даже не упоминает ее при описании пролива: составители *итинерария*, которым

Рис. 33. *1* — кувшинчик с пальцевым вдавлением у основания ручки из дома 504; *2* — фрагмент ойнохои скалистинского типа; *3* — лощеный сосуд из дома 504; *4–7* — фрагменты горшков салтовского типа; *8–9* — черепицы с клеймом «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΟ» в зеркальном написании из дома 503

он пользовался, знали на его восточной стороне только Таматарху, которая к тому времени стала играть роль главного торгового и политического центра региона[97].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В какой-то степени является исключением осуществление новостроечных работ в 1980-е годы, когда по южной окраине городища была проложена траншея шириной 5 м и длиной в несколько сот метров. Однако траншея является далеко не лучшим способом исследования античного памятника.
2. *Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. Вып. 1. 1992. С. 173.
3. *Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории в 1938-1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3/4. С. 293-294; *он же*. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1. С. 220; *Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. XXXIII. 1950. С. 93; *она же*. Раскопки в Фанагории // КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951. С. 235-236, рис. 76б.
4. *Атавин А.Г.* Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. М., 1988; *он же*. Лощеная керамика средневековой Фанагории...
5. *Долгоруков В.С.* Исследования Береговой части Фанагории в 1971-1972 гг. // КСИА. Вып. 143. 1975. С. 56-60.
6. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.-Иерусалим, 2000. С. 146 -147.
7. *Кобылина.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. XXXIII. С. 93; *она же*. Раскопки в Фанагории // КСИИМК. Вып. XXXVII. С. 232.
8. *Атавин*. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников...; *он же*. Лощеная керамика средневековой Фанагории...; *Плетнева*. Очерки хазарской археологии. С. 145-146; *она же*. Города Таманского полуострова в конце VIII-XII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003. С. 179-180; *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004. С. 97.
9. Надпись ждет исследования со стороны гебраистов.
10. *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 65-66.
11. ОАК за 1872 г. С. VII.
12. *Белов Г.Д.* Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. № 4. М.-Л., 1941. С. 261, рис. 101; *он же*. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1956 году // НА НЗХТ. Д. 728. Л. 8; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. Вып. V. 1959. С. 31 и т.д.
13. *Долгоруков*. Ук. соч. С. 56-60; *Плетнева*. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 181.
14. *Кобылина.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. XXXIII. С. 93.
15. *Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. С. 49-55, 71-72, 114.
16. *Aibabin A.* Early Khazar Archaeological Monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar, éd. C. Zuckerman. Paris, 2006. P.46.
17. Ср.: *Плетнева*. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 181; *Долгоруков*. Исследования Береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. С. 57, рис. 3.
18. Ср.: *Плетнева*. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 181.

19. См.: *Георгиев П.* Фанагурис, Томитуракан и «Великая Болгария» // Античная древность и средние века. Вып. 36. 2005. Екатеринбург, 2005. С. 47.
20. *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1981. С. 68; *Aibabin*. Op. cit. P. 46; *Чхаидзе*. Таматарха. С. 8. Правда, В.Н. Чхаидзе в той же работе на стр. 117 называет другую дату появления кладки *opus spicatum*, а именно V–VI вв., ссылаясь при этом на аргументы С.Б. Сорочана и Отчеты И.Б. Зеест и А.К. Коровиной о раскопках в 1965, 1968, 1969, 1973 и 1976 гг. на Таманском городище. Дискуссия по поводу времени распространия указанной кладки в регионе выходит за рамки данной статьи, но следует отметить, что приведенные автором примеры применения указанной кладки в V–VI в. не могут быть использованы в качестве безусловного обоснования приведенной даты. В одном случае кладка «в елку» выявлена в обкладке ямы, отнесенной автором раскопок к V–VI вв., но открытой на участке, крайне потревоженном многочисленными хозяйственными ямами IX–X вв. (см. *Зеест И.Б.* Отчет о раскопках Гермонасской экспедиции в 1965 году // Архив ИА РАН. Д. 3083. Л. 17, 19). Кладки, открытые в 1968 году, были отнесены автором раскопок к V–VI вв., однако, слой, к которому они относились наряду с ранневизантийским материалом содержали значительное количество фрагментов амфор причерноморского типа и сероглиняной лощеной керамики (*Зеест И.Б.* Отчет о раскопках Гермонассы в 1968 году // Архив ИА РАН. Д. 3798. Л. 8). Кладки, открытые в 1969 году, выявлены в слое, датируемом автором раскопок V–VI вв., однако, содержащем лишь небольшое количество фрагментов краснолаковой керамики «с волнистым орнаментом» (возможно, формы 3 группы «Понтийской краснолаковой» по К. Домжальскому), тогда как основную массу керамики составляли фрагменты амфор причерноморского типа, слатовских горшков и сероглиняной лощеной керамики (*Зеест И.Б.* Отчет о раскопках Гермонассы и средневековых слоев Таманского городища в 1969 году // Архив ИА РАН. Д. 4048. Л. 8-9). Что касается раскопок 1973 года, то на странице, указанной В.Н. Чхаидзе, автор раскопок отмечает, что камни в кладках, открытых в слоях V–VII вв. «положены плашмя или торчком, но не наклонно «в елочку, как в более поздних слоях» (*Коровина А.К.* Отчет о раскопках Тмутаракани-Гермонассы в 1973 г. // Архив ИА РАН. Д. 5292. Л. 7). В 1976 году, действительно, была открыта кладка (объект 94) из двух рядов небольших камней, лежащих елочкой, которую автор раскопок связавала со слоем, содержавшем, судя по описанию, фрагменты амфор с рифлением типа набегающей волны, краснолаковой керамики группы «Фокейской краснолаковой», включая фрагменты доньев со штампами в виде креста и животных, а также фрагмент рюмковидного сосуда и стакана с каплями синего стекла, что позволяет отнести его к ранневизантийскому времени, скорее всего, к VI в. (*Коровина А.К.* Отчет о раскопках Тмутаракани-Гермонассы в 1976 г. // Архив ИА РАН. Д. 6482. Л. 13). Однако, указанная кладка могла быть впущена в этот слой в ходе более позднего строительства. Не стоит сомневаться в том, что техника кладки «в елку», как одна из наиболее простых и потому наиболее доступных для «непрофессионалов», в отдельных случаях использовалась и в более раннее время. Однако, это не опровергает вывод о массовом использовании кладки *opus spicatum* после VII в., когда в регион приходит новое население (*Aibabin*. Early Khazar Archaeological Monuments... P. 46).
21. *Плетнева*. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 181.
22. А.Л. Якобсон дал неправильное прочтение клейма: «ΘΕΟΔΟΡΑΙΣΗΟ» (*Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 68).

23. *Бабенчиков В.П.* Средневековое поселение близ села Планерское // КСИИМК. Вып. XLIV. 1953. С. 125–128.
24. *Якобсон.* Ук. соч. С. 68, рис. 42, 36, 37.
25. *Кропоткин В.В.* О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. Вып. 68. 1957. С. 37.
26. *Блаватский.* Раскопки в Фанагории в 1940 г. С. 220.
27. Историю изучения возникновения термина см. *Зинько, Пономарев.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I // БИ. Suppl. 5. С. 35.
28. *Якобсон.* Ук. соч. С. 31, рис. 13, 1–3.
29. *Паршина Е.А., Тесленко Б., Зеленко С.М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ, 2001. С. 53–79.
30. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности юга России. М, 2008. С. 423.
31. *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 67–68.
32. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. Вып. 83. 1960. Табл. XXXIX, 100.
33. *Якобсон.* Ук. соч. С. 32; *Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. VII. 2000. С. 173.
34. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Вып. 1. 2001. С. 148.
35. *Науменко В.Е.* Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 334.
36. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 7. Свердловск, 1972. С. 85, рис. 6.
37. *Паршина, Тесленко, Зеленко.* Ук. соч. С. 76.
38. *Riley J.A.* Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua — V. Vol. II. Tripoli, 1979. P. 212–216.
39. *Riley J.A.* The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. Vol. VI. (ed. J.H. Humphrey). Ann Arbor. P. 116; *Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol.2. The Pottery. Princeton. P. 64.
40. *Зинько, Пономарев.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. С. 423.
41. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 152–153; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 227.
42. *Паршина, Тесленко, Зеленко.* Ук. соч. С. 77; *Майко В.В.* К вопросу о хронологии некоторых типов византийских амфор Юго-восточного Крыма // Морська торгівля в Північному Причорномор'і. Київ, 2001. С. 118.
43. *Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук.* Ук. соч. С. 90; *Макарова Т.И.* Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 125–126; *Рыжов, Седикова.* Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса. С. 315; *Зинько, Пономарев.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское. С. 149 и т.д.
44. *Антонова и др.* Средневековые амфоры Херсонеса. С. 88–91; *Баранов.* Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. С. 32. Рис. 11; *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995. С. 50–61; *Чхаидзе В.Н.* Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // ДБ. 8. 2005. С. 445–450 и др.

45. *Паршина, Тесленко, Зеленко.* Ук. соч. С. 76; *Зинько, Пономарев.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. С. 422–423.
46. *Романчук, Сазанов, Седикова.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. С. 55–56, табл. 22, 25.
47. *Нидзельницкая Л.Ю.* Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V — начала IX вв. (по материалам донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 278. Рис. 11, 2.
48. *Якобсон.* Ук. соч. С. 29–30.
49. Там же. С. 32.
50. *Зинько, Пономарев.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. С. 423.
51. *Паршина, Тесленко, Зеленко.* Ук. соч. С. 58–59, 61, 66, 69–70, рис. 10, 14, 15, 20, 31, 39.
52. *Pieri D.* Le commerce du vin oriental a l'époque Byzantine (V^{e} — VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005. P. 89, fig. 49.
53. *Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. P. 66.
54. *Pieri D.* Le commerce du vin oriental a l'époque Byzantine (V^{e} — VIIe siècles). P. 88, pl. 27.
55. *Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М.* Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. М.-Иерусалим, 2007. С. 197.
56. *Баранов И.А., Майко В.В.* Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие. 1995. Т. IV. Рис. 4, 1; *Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.* Раскопки средневековой Сугдеи // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 40; *Баранов И.А., Майко В.В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII — первой половины IX вв. // Българите в Северното Причерноморие. 2000. Т. VII. С. 84, рис. 7.
57. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. 1952. С. 51; *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 144; *Айбабин.* Этническая история раннивизантийского Крыма. С. 190.
58. *Нидзельницкая, Ильяшенко.* Раннесредневековое поселение на территории Танаиса. С. 197–198.
59. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. 1959. II. Рис. 29, 5.
60. *Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида. Киев, 1990. С. 25, рис. 5.
61. Некоторые аргументы в пользу этого предположения приводятся в работе Паршиной и др. (*Паршина, Тесленко, Зеленко.* Ук. соч. С. 77). В дополнение можно привести материал из раскопок святилища у с. Заветное: если в закрытом комплексе из засыпи очага, который сформировался за очень короткий промежуток времени, а также в золистом слое, залегавшем на полу площадки вокруг очага, были найдены только амфоры с мелким зональным рифлением в сочетании с фрагментами амфоры с перехватом, ойнохой баклинского типа и горшков салтовского облика, то после перестройки святилище продолжает функционировать, и на момент гибели его ритуальная площадка оказалась полностью погребена золистым слоем, в котором выявлены амфоры причерноморского только типа варианта 2 по Якобсону (с бороздчатым туловом) и кувшины с плоскими ручками, а также салтовские кухонные горшки. Амфоры с мелким зональным рифлением в слое, связанном со вторым периодом функционирования святилища, отсутству-

ют полностью (*Пономарев Л.Ю.* Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Вып. III. Симферополь, 2003. С. 271-273).

62. *Зинько, Пономарев.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. С. 423; *Баранов И.А., Майко В.В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII — первой половины IX вв. С. 85; *Майко В.В.* Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная хронология) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII. 2000. С. 102.
63. *Плетнева.* Очерки хазарской археологии. С. 147.
64. *Чхаидзе В.И.* Высокогорлые кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности юга России. М., 2008. С. 399.
65. *Плетнева.* Салтово-маяцкая культура С. 74; *она же.* Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 175; *Сазанов А.В.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 47; *Рыжов, Седикова.* Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса. С. 320; *Зинько, Пономарев.* Тиритака. Раскоп XXVI. С. 54, 57.
66. *Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. С. 54; *Зинько, Пономарев.* Тиритака. Раскоп XXVI. С. 53.
67. *Якобсон.* Ук. соч. С. 62, рис. 33, 6.
68. *Зинько, Пономарев.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. С. 424.
69. *Сазанов А.В.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. С. 47–48; *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X-б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. IX. М.-Магнитогорск, 2000. С. 82.
70. *Зинько, Пономарев.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. С. 425.
71. *Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993. С. 191; *Баранов.* Таврика в эпоху раннего средневековья. С. 25.
72. *Сазанов.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. С. 48; *Зинько, Пономарев.* Тиритака. Раскоп XXVI. С. 63.
73. *Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. С. 40.
74. *Атавин.* Лощеная керамика средневековой Фанагории. С. 181, рис. 9–10.
75. *Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. С. 40, рис. 24, 1–6.
76. Там же. С. 20–24.
77. *Плетнева.* Средневековая керамика Таманского городища. С. 24; *Зинько, Пономарев.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское. С. 149, рис. 2, 7, 8; 4, 1–2; *Зинько, Пономарев.* Тиритака. Раскоп XXVI. С. 69.
78. *Плетнева.* Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 182.
79. *Якобсон.* Ук. соч. С. 60.
80. *Плетнева.* Очерки хазарской археологии. С. 142.
81. Одна из мастерских, выпускавших подобные горшки, открыта в районе хутора Красная Звезда в бассейне Средней Кубани (*Голубев Л.Э., Попик Е.В.* Гончарные печи VIII–IX вв. поселения у хут. Красная Звезда (Новокубанский район Краснодарского края) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005.
82. Аналогичная картина наблюдается в домах, открытых на нижнем плато города (см. *Атавин.* Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памят-

ников Северного Причерноморья. С. 22.).

83. *Плетнева*. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 183.
84. *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. VI. 1998.
85. Приблизительно в это же время — в конце IX — начале X вв. были оставлены все салтово-маяцкие поселения Восточного Крыма. Причем, как и в Фанагории, на поселениях не обнаружено следов погромов и пожаров. Судя по всему, жители имели время для того, чтобы забрать с собой практически все имущество (см. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи. С. 191; *Зинько, Пономарев*. Тиритака. Раскоп XXVI. С. 75). Весь спектр мнений по поводу причин и даты гибели салтово-маяцких поселений Восточного Крыма: *там же*. С. 81–82.
86. *Атавин*. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья. С. 22–23; *Плетнева*. Очерки хазарской археологии. С. 147; *она же*. Города Таманского полуострова в конце VIII–XII вв. С. 183.
87. Следует отметить, что, по мнению Э.Р. Устаевой, исследующей средневековые слои Таманского городища, в котором видят один из центров производства рассматриваемых сосудов, в Тмутаракани они появляются значительно раньше — в VII в. (устная консультация). Однако, какого-либо документированного и обоснованного подтверждения указанной даты пока нет.
88. *Плетнева*. Салтово-маяцкая культура. С. 67.
89. По мнению А.Г. Атавина, жители были уведены нападавшими, поэтому жизнь на городище возобновилась не сразу (*Атавин*. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья, С. 23).
90. *Атавин*. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья, С. 22.
91. *Завойкин А.А.* Полевой отчет о раскопках в Фанагории в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 14333-14334. Л. 1-29.
92. *Атавин*. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья. С. 22.
93. *Атавин*. Лощеная керамика средневековой Фанагории. С. 174.
94. *Романчук, Сазанов, Седикова*. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. С. 68.
95. *Чхаидзе В.И., Атавин Г.А.* Средневековые монеты из Фанагории (к вопросу о бытовании городища в X–XVIII вв.) // МИА Северного Кавказа. 5. Армавир, 2005. С. 351.
96. *Кобылина М.М.* Фанагорийская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949. С. 51.
97. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004. С. 97.

KHAZAR PERIOD HOUSES IN PHANAGORIA

V.D. Kuznetsov, L.A. Golofast

The article deals with the Khazar period houses excavated on the hill in the center of the ancient town cite at the edge of the upper plateau. House 15 consisted of four rooms; house 502 had two large rooms on either side of a short narrow passage. Each of houses 503 and 504 still has one room. A courtyard might have been to the south of house 502 where they exca-

vated a pithos buried underground and remains of a cloister. Adobe house wall rested on a stone foundation that was a two-layer framework with herring-bone backing-up. Big stone slabs were laid at house corners and in doorways. Houses had tile roofing and pise flooring. It is impossible to accurately determine their dimensions as the houses are only partially preserved. Stonework fragments discovered at the "Upper Town" excavation (1750 sq.m.) may suggest a more or less identical layout in this part of the town too. Buildings were oriented to the four cardinal points with insignificant deviations. The town was divided into small sections enclosed by streets laid with stones, ceramic fragments, and animal bones.

Thus the excavation revealed that during Khazar period town blocks were located both on the lower and upper plateaus where there was a utilitarian town sector with two- or three-room houses that were quite rare for Phanagoria whose area with excavated houses came up to no less than 20 ha. Houses were abandoned in the late 9th c. owing to danger, to judge by construction remains and ceramic complex composition of the houses. The acquired data show that Phanagoria remained a successfully functioning town actively trading, especially with the Crimea.

© 2010

Ю.Н. Кузьмина

АПСИДАЛЬНОЕ ЗДАНИЕ ИЗ РАСКОПОК 1979–1980 ГГ. В ФАНАГОРИИ

Апсида — греческое обозначение постройки, одна из стен которой представляет собой полукруг или полуовал.

В материковой Греции апсидальные строительные формы имели длинную историю, восходя своими корнями еще к неолитическому периоду. Апсида была распространена в раннегреческой эгейской домостроительной архитектуре[1]. Дома с удлиненной в плане проекцией с заднего конца часто заканчивались апсидой. Постройки такого типа были найдены в нижних слоях Трои (Фаза I а). Кроме того, постройки данного типа так же характерны и часто встречались в архитектуре Греции геометрического периода (в Антиссе, Лефканди, Лерне, Микенах и т.д.) наряду с другими постройками неправильной формы, например, овальными[2]. Повсеместный переход к прямоугольным формам построек начался в основном с середины VIII в. до н.э., когда на смену апсидальным и овальным чаще всего одно- или двухкомнатным постройкам приходят многокомнатные дома с новым архитектурным элементом — внутренним двориком. Но в некоторых местностях и тогда продолжилось строительство домов и храмов апсидальной формы, например, апсидальные постройки того времени обнаружены в Солигии (совр. Галатаки) недалеко от Коринфа[3]. А на таких поселениях как Эритрия, Питекуссы, Старая Смирна и Милет примерно в 700 г. до н.э. начинается период постепенного замещения правильных форм на

криволинейные[4]. По мнению Мазаракиса-Эйниана, апсидальные и эллиптические постройки являются характерной чертой сельских обществ[5].

По мнению ряда ученых, вытянутые в плане дома с апсидой в микенской, протогеометрической и геометрической Греции являлись домами басилевсов, в которых, кроме прочего, отправлялись религиозные ритуалы, а впоследствии после появления полиса апсидальные постройки сохранили лишь свои сакральные функции[6].

Кроме того, существует гипотеза, что в представлениях древних апсида ассоциировалась с пещерой, именно поэтому исследователи очень часто соотносят встречающиеся в Греции и на периферии греческого мира апсидальные здания со святилищами хтонических божеств[7].

В связи с этим появляются некоторые вопросы, которые требуют внесения ясности. Один из главных таких вопросов состоит в том, является ли апсида сама по себе достаточным признаком того, что постройку можно относить к разряду святилищ.

Для решения данной проблемы обратимся к археологическим материалам.

В 1979 г. во время работы Фанагорийской экспедиции на северном участке раскопа «Верхний город» было обнаружено помещение XI, условно называемое в отчете за 1980 г. «святилище» (рис. 3)[8]. Данное здание было особенно тем, что его южная стена представляла собой апсиду.

На основании археологических материалов для данной постройки выделяется 2 строительных периода с IV в. до н.э. и по I в. до н.э. (рис. 1, 2). При этом В.С. Долгоруков справедливо отмечает тот факт, что ранний строительный период, вероятно, не был для данного здания первым. Это объясняется, во-первых, тем, что боковые стены здания были не параллельны друг другу, а это не характерно для апсидальных строений. Таким образом, получается, что здание имеет скорее каплевидную форму и это можно объяснить, к примеру, небрежностью при перестройке. Кроме того, в незначительной части помещения обнаружены остатки полов предшествующего строительного периода[9].

Остановимся теперь на более детальном описании данной постройки и находок из нее. К сожалению, при характеристике находок из данной постройки мы имеем возможность работать только с отчетами В.С. Долгорукова.

Для сооружения здания в культурном слое и частично в материке был выкопан подковообразный в плане котлован. Длина здания XI по оси север-юг равняется 7,2 метра, его ширина в южной части — 3 метра, а в северной — 2,2 метра. Найдено 3 уровня глинобитного пола. Вход во внутреннее помещение находился, вероятно, в северо-восточном углу, где были обнаружены два блока ракушечника, интерпретированные В.С. Долгоруковым как часть лестницы, ведущая из здания на современную ему дневную поверхность. Внутри здание было богато украшено штукатуркой красного цвета, фрагменты которой были найдены внутри заполнения здания. Крыша здания была покрыта черепицей: ее завал обнаружен над вторым глинобитным полом, а так же украшена архитектурной терракотой, о чем свидетельствует находка фрагмента антефикса с пальметтой, найденного выше заполнения здания[10]. В завале представлена в основном черепица синопского производства. Среди датирующего материала для постройки второго строительного периода найдены клейменые фрагменты

Рис. 1а. План 2 строительного периода помещения XI.
Строительные остатки VI-V вв. до н.э.
1 — полы 1 строительного периода; 2 — полы 2 строительного периода

Рис. 1б. Второй строительный период помещения XI

синопской черепицы с именами магистратов и эмблемой, например, клеймо Ποσειδώνιοτ с эмблемой орел на дельфине, которое можно датировать 370-362 гг. до н.э.[11], а так же часть горла гераклейской амфоры с клеймом 380-370 гг. до н.э.[12]. Видимо в конце второго строительного периода здание приходит в упадок. К этому времени относится яма 127, в заполнении которой тоже в основном находится черепица. Опираясь на отчет В.С. Долгорукова, упадок здания второго строительного периода следует датировать концом 2 четверти IV в. до н.э согласно амфорному материалу, уточненному находкой клейменной синопской черепицы (к сожалению, в отчете не дана ее фотография или прорисовка)[13]. Восстановление же здания приходится на конец IV — нач. III вв. до н.э.[14]. Гибель здания позднего строительного периода приходится, видимо, на I век до н.э. согласно датировке В.С. Долгорукова, сделанной на основании находки там краснолаковой миски II–I вв. до н.э. Оно было связано с каким-то сильным разрушением, так как все внутреннее помещение здания было заполнено камнями со стен, а сами стены стояли наклонно. Данные свидетельства позволяют нам вслед за автором отчета согласиться с версией о возможной гибели этого здания при землятресении 63 г. до н.э. (Dio Cass. XXXVII, 11; Oros. VI, 5, 1)[15].

Материал, происходящий из так называемого «святилища», весьма однообразен и небогат. В заполнении здания были найдены фрагменты эолийских амфор с усеченно-конусовдным дном, фасосских амфор коническо-биконического типа, гераклейских амфор пифоидного типа, фрагменты красноглиняных

Рис. 2а. План 3 строительного периода помещения XI
1 — полы 2 строительного периода
2 — полы 3 строительного периода

Рис. 2б. Третий строительный период помещения XI

кувшинов и кастрюль, сероглиняных сосудов, лепных горшков, мелкие куски бронзы, фрагменты чернолаковых сосудов, фрагмент антефикса с пальметтой, красноглиняного ритона (либо подставки под светильник) и др.

Как справедливо отметил С. Л. Соловьев, уже начиная со 2 пол. VI–V вв. до н.э. столь архаичный тип построек, как апсида, уже не использовался в качестве жилого дома[16] в виду того, что они делали использование пространства неэкономичным, а в связи с возрастанием численности населения было удобнее использовать постройки правильной формы[17]. К тому же, насколько нам известно на примере той же Фанагории, вновь прибывшие переселенцы уже в самый ранний период ее существования начали строить характерные и для метрополии наземные постройки.

Насколько это известно, апсидальные постройки, начиная с эпохи архаики и позднее использовались либо в качестве культовых сооружений[18], либо в качестве публичных построек, которые должны были выделяться из общей правильной застройки[19].

Рассмотрим теперь некоторые примеры апсидальных зданий и их функциональное назначение начиная с эпохи архаики и по эпоху эллинизма включительно.

К первой половине VI в. до н.э. может быть отнесена апсидальная постройка, расположенная южнее храма Аполлона в Дельфах. Вопрос о том, является ли она культовой, нельзя назвать решенным, но в большинстве своем ученые интерпретируют ее либо как святилище Геи, либо как святилище Муз[20].

На острове Березань в восточной части поселения в 1963–64 гг. на основном раскопе было обнаружено апсидальное трехкамерное строение. Лапин отнес постройку к V вв. до н.э. В планировочной реконструкции данное здание представляет собой вытянутую в плане трехкамерную структуру (размер 5,5 х 20 м.). Отсутствие бытового инвентаря, а так же характер планировки позволили Лапину интерпретировать данное строение как храм[21]. С. Д. Крыжицкий предположил, что «культовое назначение храма не представляется абсолютно бесспорным», так как многокамерность и значительная вытянутость пропорции, а так же, по-видимому, отсутствие портика нетипичны для храмов VI–V вв. до н.э.[22].

Кроме того, на полосе VIII некрополя Березани Г.Л. Скадовским в начале XX в. так же было открыто апсидальное помещение (ширина 10 м., длина примерно 20 м.), относимое С. Д. Крыжицким ко 2 пол. VI в. до н.э., а В. В. Лапиным к V вв. до н.э.[23].

В недавно вышедшей публикации С.Д. Крыжицкий вновь обратился к вопросу о функциональном назначении данных березанских построек. Он предполагает, что они скорее выполняли административные или общественные функции, так как, во-первых, для Нижнего Побужья того времени уже характерны прямоугольные в плане храмы, во-вторых, в данных сооружениях трудно увидеть какой-то культовый контекст и, вообще, для Борисфена — небольшого поселения, сомнительно одновременное существование такого количества культовых сооружений[24]. В данном случае кажется очевидным то, что располагая имеющимся материалом о березанских апсидальных постройках, можно с уверенностью сказать лишь, что они не являлись жилыми сооружениями. В остальном же выводы о том, здания ли это общественного назначения либо сакральные памятники, будут зависеть от предпочтений исследователя.

Апсидальные постройки на некрополях были открыты и в других районах Северного Причерноморья. Например, в 1953 г. отрядом Боспорской археологической экспедиции при исследовании некрополя в районе поселка им. Войкова (в 7 км. от г. Керчи) между гробницами 40 и 41 были открыты остатки кладки апсиды, сооруженной, очевидно, уже после захоронения в данных могилах. Сохранился плотно утрамбованный щебнем пол апсиды. Внутри апсиды и за ее пределами были найдены мелкие обломки керамики, в основном представленные обломками чернолаковых каннелированных канфаров, кувшинов и тарелок. Фрагментированность апсидального сооружения не позволила С.И. Капошиной точно определить назначение данного сооружения, но она подчеркнула вероятность культового характера данного сооружения и выдвинула предположение, что, вероятно, здесь совершалась тризна, подтверждением чему могут служить находки многочисленных обломков канфаров[25]. Следует отметить, что сопоставительный анализ материалов из некрополя в районе поселка им. Войкова и из других боспорских некрополей позволил С. И. Капошиной датировать его IV–III вв. до н.э.[26], соответственно и апсидальная постройка может быть отнесена к данному времени.

Нимфейское «святилище Кабиров», существовавшее, по мнению исследовавшего его М.М. Худяка, уже в начале V в. до н.э., перестроенное в середине того же столетия и разрушенное в 1 пол. IV в. до н.э., тоже представляло собой апсиду. Его размеры составляли примерно 15 м. в длину и 5 м. в ширину. Сте-

Рис. 3. Фанагория. Раскоп «Верхний город». 1979 г.

ны святилища были впущены в грунт, стены покрыты красной штукатуркой, здание было украшено архитектурной терракотой и покрыто черепицей. Как и в случае с фанагорийским «святилищем», количество находок из нимфейского кабириона немногочисленно, хотя, несомненно, и более разнообразно: это, в первую очередь, фрагменты амфор, чернолаковой аттической керамики V — нач. IV вв. до н.э. (канфары, килики, кубки и др.), сероглинянных сосудов, терракот, камень с надписью: «Не пачкайте в святилище» и др[27].

В эллинистическое время апсидальные постройки встречались довольно редко и они, соответственно, не использовались для простого домостроительства. Одним из наиболее известных апсидальных строений того времени является самофракийский Гиерон, устройство которого, кстати, во многом соответствовало устройству апсидального Гиерона архаического времени[28]. Следует особо отметить, что в самофракийском Гиероне при перестройках апсида всегда сохранялась, как сохранялась она при перестройках и в фанагорийской апсидальной постройке.

Рассмотрим сейчас те данные, которые позволяют нам в какой-то мере интерпретировать помещение XI как святилище. На это могут указывать лишь немногочисленные косвенные свидетельства: во-первых, это апсидальная форма постройки, которая вполне может указывать на ее культовый характер, так как сакральная архитектура была довольно консервативна. Во-вторых, то, что оно было заглублено в грунт, что является одной из возможных характеристик для культовых памятников хтонических божеств. На то, что фанагорийская по-

стройка была углублена в землю, указывают остатки лестницы, ведущие на современную ему дневную поверхность. Кроме того, вход в здание находился в северо-восточном углу, что вполне соответствует традиционной ориентации эллинских храмов[29]. В общем-то, это все, что можно хоть в какой-то мере использовать в качестве доказательства сакральной принадлежности данного строения. Как видно, не было найдено ни терракот, ни светильников (за исключением, видимо, подставки для светильника), ни других предметов, позволяющих говорить об отправлении здесь культа каким либо божествам, хотя те немногочисленные фрагменты столовой посуды и амфор частично могли использоваться для возлияний, но большая часть из них все же была найдена в кладках стен.

Подводя итоги, отметим, что, во-первых, данная постройка определенно не может быть отнесена к жилым домам, ибо в период поздней классики и эллинизма апсидальная форма построек не используется при строительстве жилых сооружений. Интерпретация данного помещения как публичного здания так же кажется маловероятной, так как сами незначительные размеры помещения (длина 7,2 м и ширина 2,2 м. и 3 м.) указывают на то, что данное помещение было практически невозможно использовать в публичных целях. Поэтому, несмотря на отсутствие алтаря, который мог быть уничтожен ямами римского времени, малочисленность ритуального инвентаря и отсутствие вотивных приношений кажется, что наиболее верно будет интерпретировать данное помещение как святилище на основании практически только апсидальной формы постройки. При этом, очевидно, что в данном святилище отправлялись не государственные культы, а, скорее всего, это было небольшое святилище хтонических божеств или божеств плодородия, хотя каких именно точнее определить невозможно ввиду отсутствия культового инвентаря и вотивов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Barletta B.A.* The Origins of the Greek architectural Orders. Cambridge, 2001. P. 29.
2. *Höcker C.* Metzler Lexikon antiker Architekur. Stuttgart, 2004. S. 15; *Bozzoni C., Pardo V. F., Ortolani G., Viskogliosi A.* L'architettura del mondo antico. Roma-Bari, 2006. P. 15–17.
3. *Coldstream J.N.* The Geometric Greece. London–New-York, 2003. P. 304.
4. *Barletta.* Op. cit. P. 29.
5. *Mazarakis-Ainian A.J.* Late Bronze Age Apsidal and Oval Buildings in Greece and adjacent areas // BSA. 84. 1989. P. 269.
6. *Gruben G.* Klassische Bauforschung. München, 2007. S. 72–74; *Mazarakis-Ainian A.J.* Early Greek Temples: their Origin and Funktion // Early Greek Cult Practice. Stockholm, 1988. P. 118.
7. *Johannes H.* Die Tempel und ihre Bezirke // Larisa am Hermos. I. Berlin, 1940. S. 77.
8. *Долгоруков В.С.* Отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в сезоне 1980. С. 9.
9. *Долгоруков В.С.* Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1979 г. С. 13–14.
10. Там же. С. 15
11. *Fedoseev N.F.* Classification des Timbres Astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 34.

12. *Долгоруков*. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1979 г. С. 13–15.
13. Там же. С. 15.
14. Там же. С. 16.
15. Подробнее о землятресении 63 г. до н.э. см: *Блаватский В.Д.* Землятресение 63 г. до н.э. на Таманском полуострове // Природа. 1977. 8. С. 56–57; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 129; *Толстиков В.П.* К проблеме землятресения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. СПб., 1999. С. 72–74.
16. *Solovyov S.L.* Ancient Berezan: the Architecture, History and culture of the first Greek Colony in the Nothern Black Sea. Leiden–Boston–Köln, 1999. P. 65.
17. *Mazarakis-Ainian.* Late Bronze Age Apsidal and Oval Buildings in Greece and adjacent areas. P. 269.
18. *Lang F.* House-Community-Settlement: The New Concept of living in Archaic Greece // Buiding Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. L., 2007. P. 189.
19. *Barletta*. Op. cit. P. 30.
20. *Weickert C., von*. Typen der Archaischen Architektur in Griechenland und Kleinasien. Augsburg, 1929. S. 80.
21. *Лапин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966.С. 119; Solovyov. Op. cit. P. 64–65, 100–101.
22. Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 21.
23. *Крыжицкий С.Д.* К вопросу о функциональном назначении некоторых сооружений Березани и Ольвии VI–V вв. до н.э. // ВДИ. 2009. № 1. С. 138; *Лапин*. Ук. соч. С. 118.
24. *Крыжицкий*. К вопросу о функциональном назначении некоторых сооружений Березани и Ольвии VI–V вв. до н.э. С. 139–140.
25. *Капошина С.И.* Некрополь в районе поселка им. Войкова // МИА. № 69. 1959. С. 114–115.
26. Там же. С. 145.
27. *Худяк М.М.* Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 18–23.
28. *Lauter H.* Die Architektur des Hellinismus. Darmstadt, 1986. S. 238; *Ehrhardt H.* Samothrake. Heiligtümer in ihrer Landschaft und Geschichte aus Zeugen Antiken Geistesleben. Stuttgart, 1985. S. 308–309; *Берзин Э.О.* Раскопки самофракийского святилища кабиров // СА. 1958. № 4. С. 241–242.
29. *Stilwell R.* The Siting of Classical Greek Temples // Journal of Society of Architectural Historians. 1954. Vol. XIII, 4. P. 4.

APSIDAL BUILDING FROM 1978–1980 EXCAVATION IN PHANAGORIA

Yu.N. Kuzmina

The article deals with possible functions of the apsidal building that was studied by V.S. Dolgorukov in 1979–1980. The building provides evidence of two building periods: 1) from the early to mid 4th c. B.C., 2) late 4th — the second quarter of the 1st c. B.C. (though a much earlier construction period is quite probable). Apsidal private house shape was no longer characteristic of the periods of classicism or Hellenism, which makes it possible to say that this

building might have been either a public or sacral complex. In all likelihood it was a sanctuary, as it was too small for a public building (7.2 m long, 2.2 or 3 m wide). What with few finds in the building, their non-cult status, and a lack of an altar the paper raises the question as to whether an apsidal shape alone will suffice to refer the building to a sanctuary.

© 2010

Е.В. Добровольская

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФАНАГОРИИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Необыкновенным явлением в Средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных...

(В.В.Григорьев, 1834 г.)

Хазария занимала огромную территорию, на которой проживали различные племена и народы, находившиеся на различных уровнях экономики и культуры. Представление об этнической и культурной пестроте хазар находит косвенное подтверждение в сведениях, которые можно почерпнуть в восточных источниках в отношении хозяйства, религии и быта населения Хазарии. Сведения эти довольно противоречивы. Мукаддаси, оценивая положение хазар, говорит об их чрезвычайной бедности – «нет ни скота, ни плодов». «Худуд ал-алам» называет Хазарию чрезвычайно богатой страной. Также довольно противоречивы источники и в показаниях о занятиях хазар. «Худул ал-алам» сообщает о рогатом скоте. Слава о хазарской овце, которая могла ягниться два раза в год, дошла даже до Испании (Бакри). Некоторые источники сообщают об удивительной дешевизне баранины. Довольно многочисленны упоминания о вьючном скоте. Также было развито и земледелие. Так Гардизи, характеризуя земледелие хазар, говорит о многочисленных садах и пашнях, о полях, виноградниках и садах сообщает и еврейско-хазарская переписка. По берегам больших водоемов развивалось рыболовство. Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси и другие называют пшеницу и рыбу основным питанием хазар[1]. О рыбном богатстве Хазарии говорит и еврейско-хазарская переписка[2]. Рыба шла не только в пищу, но и для освещения (рыбий жир) и на экспорт (рыбий клей)[3]

Таким образом, хазарское общество было на более высокой ступени экономического развития, чем гунны или Тюркский каганат. Это было полуоседлое или оседлое общество, хотя кочевой образ жизни еще имел место (особенно в степной полосе, где не было больших рек). Для кочевых племен также уже об-

наруживаются тенденции к оседлому земледелию, соединенному с охотой и рыболовством[4].

В Фанагории, на северо-восточном участке раскопа «Верхний город» в слое хазарского времени было обнаружено 4434 остеологических фрагмента. Среди остеологических фрагментов были обнаружены кости значительного числа видов животных. Для оценки костного материала применялся индекс ОКО (подсчет общего числа найденных костных остатков вида). Реконструируя вклад домашних животных в мясное потребление населения, необходимо помнить о размерных различиях видов, так как соотношение костей этих видов не является прямым указанием на объемы потребляемого мяса[5]. Для этого используют весовые коэффициенты, отражающие объемные отличия разных видов друг от друга на конкретном памятнике. Для Фанагории пока не имеется данных, достаточных для расчета весовых показателей. Однако, опираясь на литературу[6], можно приблизительно вывести, что некрупная античная корова по количеству получаемого от нее мяса сопоставима была с семью овцами-козами или с четырьмя – пятью некрупными свиньями. Учет этого факта трансформирует остеологические данные в более естественные для понимания, тем самым, как нам кажется, повышая вероятность более точной их интерпретации. Распределение костного материала по квадратам раскопа можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1

ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТОВ, ПОДНЯТЫХ С КВАДРАТОВ

№ квадрата	Итого	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь	Птица	Рыба	Моллюски	Другие животные	Неопределимые фрагменты
70	**204**	41	33	14	12	1	2	1	7	93
71	**307**	84	51	26	16	–	3	1	–	126
72	**204**	29	42	21	7	4	–	1	–	100
73	**120**	31	24	7	6	–	–	1	1	50
74	**20**	–	3	2	–	1	–	–	–	14
75	**52**	5	10	–	–	1	–	–	1	35
76	**501**	123	127	29	19	2	2	–	2	197
77	**596**	140	123	32	30	5	2	1	4	259
78	**764**	159	185	43	28	14	10	2	6	323
79	**374**	76	107	24	2	3	4	3	4	155
80	**181**	29	44	12	3	–	–	–	2	91
81	**344**	73	82	9	6	–	1	10	3	160
82	**107**	23	14	13	5	–	1	1	–	50
83	**125**	17	29	10	5	–	–	–	–	64
84	**229**	53	60	14	13	2	1	–	3	83
85	**69**	7	10	13	3	–	–	–	1	35

№ квадрата	Итого	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь	Птица	Рыба	Моллюски	Другие животные	Неопределимые фрагменты
ВСЕГО:	**4 207**	**890**	**944**	**269**	**155**	**33**	**26**	**21**	**34**	**1835**
%	**100**	**21,2**	**22,4**	**6,4**	**3,7**	**0,7**	**0,6**	**0,4**	**0,8**	**43,8**

Состояние костного материала удовлетворительное, неопределимые фрагменты составляют 43,8 %. Наибольшее количество костного материала происходит с кв. 78, наименьшее – с кв. 74. Больше половины всех полученных костных фрагментов поступило с 4 квадратов – квв. 76–79 (2 235 фр.). На них находятся дома 502 и 503. Встречаются практически все части скелета, чаше всего – зубы и фрагменты конечностей.

Рис. 1. Количество найденных костных фрагментов домашних животных (%)

Среди домашних животных отмечены: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свинья, лошадь, собака, кошка. Соотношение найденных костных остатков домашних животных, принадлежащим к различным временным периодам можно увидеть на рисунке 1. Как можно заметить из приведенных материалов, кости мелкого и крупного рогатого скота встречаются почти в одинаковом количестве и достоверно не различаются с частотами встреч этих костей в другие временные периоды, а количества найденных остатков свиньи и домашней собаки – сильно разнятся.

Для интерпретации полученных результатов были подсчитаны соотношения между костными фрагментами мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота и свиньи. Эти данные приведены в таблице 2.

Таблица 2

КОЭФФИЦИЕНТЫ СООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВСТРЕЧАЕМОСТЬЮ КОСТНЫХ ФРАГМЕНТОВ 3-Х ВИДОВ ДОМАШНЕГО СКОТА.

Соотношение	Архаика	Класссика	Эллинизм	Римское время	Средневековье	Хазарское время
КРС/МРС	2.2	0.4	0.9	1.0	0.9	0.9
МРС/свинья	2.4	1.6	1.8	1.3	1.5	3.6

Как можно заметить из таблицы соотношение между встреченными остатками крупного и мелкого рогатого скота во все временные периоды (за исключением самого раннего) всегда меньше единицы и в хазарское время не претерпевает никаких изменений. В то же время соотношение между костями мелкого рогатого скота и свиньи изменяется значительно. В различные периоды доля найденных костных фрагментов свиньи колебалась около 20 %, исключение составляет только хазарское время (рис. 2).

Рис. 2. Доля найденных костных фрагментов свиньи в разные исторические периоды (%)

На 50 фрагментах (2,1% от определенных фрагментов) обнаружены следы воздействия человека – порезы, порубы, следы долбления и следы огня (рис. 3).

Больше всего (31 фрагмент) следов воздействия обнаружено на костях крупного рогатого скота. Большая часть представлена расколотыми фалангами, а также порубленными и порезанными позвонками, ребрами и лопаткой. Из 11 обнаруженных костных фрагментов мелкого рогатого скота, несущих следы воздействия человека, 4 также приходится на расколотые фаланги. Костей свиньи было найдено 4, из них 3 – расколотые фаланги. Объяснить этот факт пока не представляется возможным.

Из костей диких животных обнаружено 1 плечо волка (*Canis lupus*) и 12 различных фрагментов скелета зайцев-русаков (*Lepus europeus)*. Удивительным фактом является полное отсутствие остеологических фрагментов диких копытных. Так же хотелось бы обратить внимание на почти постоянное присутствие в слоях костей птиц и рыб (в 9 квадратах из 16). Птицы представлены 6 видами – это 3 вида диких уток рода *Anas* (19 фрагментов), домашняя курица *Gallus gallus*

Рис. 3. Кости домашних животных со следами обработки человеком.

domesticus (10 находок), большая поганка *Podiceps cristatus* (3 кости) и чайка рода *Larus* (1 фрагмент).

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

В мясном рационе жителей Фанагории преобладала говядина, на втором месте по потреблению мяса находился мелкий рогатый скот, свинина, видимо, тоже потреблялась, но не в сравнимо меньшем количестве.

Дикие представители природы не играли существенной роли в диете населения (во всяком случае, у городского).

Спектр потребляемого мяса, тем не менее, был довольно широк и включал в себя мясо домашних зверей и птиц, а также диких птиц и рыбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX–X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. XXIV (1901), XXXI (1902), XXXVIII (1908).
2. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
3. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
4. *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976.
5. *Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования

в России, М., 2003; *она же*. Мультидисциплинарный подход в археологических исследованиях // Современные проблемы археологии России. М., 2006.
6. *Каспаров А.К.* Фаунистические остатки поселения Белинское в Восточном Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Часть 2. СПб., 2001. С. 266–274.

ARCHEOZOOLOGICAL STUDY IN PHANAGORIA OF KHAZAR PERIOD

Ye.V. Dobrovolskaya

The article presents data of the archeozoological study of the Khazar period osteological material excavated in the northeastern part of "the Upper Town" of Phanagoria.

Beef was dominant in meat consumption of people, then came mutton and goat meat. Pork might have been eaten too, but to a much lesser degree. Game did not play an important role in the diet (at least of town population).

The range of consumed meat was rather wide and included meat of domestic animals and poultry as well as fish and wild birds.

© 2010

Г.П. Гарбузов

ОЦЕНКА ПЛОЩАДЕЙ АНТИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ОКРУГЕ ФАНАГОРИИ*

Основным источником, в котором можно найти систематизированную информацию о числе и размерах античных сельских поселений Таманского полуострова, является археологическая карта, составленная Я.М. Паромовым[1]. Сейчас уже понятно, что содержащиеся в этом источнике данные неполны с точки зрения числа памятников. Что касается предложенных в нем оценок площадей учтенных поселений, то эти оценки следует признать слабо аргументированными, весьма неточными и потому малопригодными для количественного анализа античной системы расселения, например, для построения демографических моделей. К такому выводу можно прийти, сравнивая данные археологической карты Я.М. Паромова с рассматриваемыми ниже результатами археологических съемок поверхностного распределения керамики, которые были осуществлены под руководством автора в округе Фанагории в рамках работ Таманской археологической экспедиции ИА РАН. Такое сравнение будет вполне законным, так как данные и оценки Я.М. Паромова также, как и наши

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ «Античные системы расселения на Таманском полуострове в период становления централизованного Боспорского государства» 09-06-00226-а.

съемки, в основном базировались на изучении распределения керамики на поверхности почвы[2], хотя и принимали во внимание иные признаки — микрорельеф, особенности аэрофотоснимков и т.д.

Для того, чтобы иметь возможность судить о большей или меньшей достоверности тех или иных оценок, нужно ясно понимать, что сравнивается, на каких критериях построены оценки. В работах Я.М. Паромова критерии выделения поселений не формализованы и все оценки границ носят характер экспертных утверждений[3]. Вопрос же формального критерия, как кажется, даже более важен, чем абсолютная точность оценки площади[4]. С точки зрения анализа системы поселений корректно сравнивать между собой отдельные элементы поселенческой системы можно только на основе унифицированной «шкалы измерений». Следует помнить, что сравниваться при этом всегда будут некие приблизительные оценки «истинных» величин, для которых первостепенное значение имеют природа и величина погрешностей.

В наших съемках сельской округи античной Фанагории последовательно проведен подход к выделению элементов поселенческой системы на основе анализа пространственного распределения керамики. В качестве критерия для оценки границ античных сельских поселений использованы единые для всей обследованной области пороговые уровни плотности керамики на поверхности почвы. В конкретных условиях Таманского полуострова такой выбор критерия представляется нам достаточно обоснованным — как с точки зрения проблемы пространственного и содержательного соответствия археологического материала, находящегося в пахотном горизонте, культурному слою поселений, так и с точки зрения возможностей объективной регистрации данных. Подобный подход широко практикуется в археологических проектах, реализованных и реализуемых в разных регионах Средиземноморья с целью изучения систем расселения, в первую очередь античных[5].

Основной целью съемок, проведенных в округе Фанагории, было возможно более точное определение границ областей с повышенной концентрацией археологического материала (керамики). Для этого использовалась методика интенсивной археологической съемки со сплошным осмотром обследуемых участков с интервалами между наблюдателями 3–4 м. Плотность пространственного распределения керамики рассчитывалась по местоположению фрагментов керамики, зарегистрированному наблюдателями с помощью портативных GPS приемников[6]. Для получения максимально достоверных данных, однородных с точки зрения погрешностей, обследовались только хорошо возделанные виноградники (в съемке 2006 года — сады). Ситуационный план обследованных участков общей площадью около 667 га приведен на рис.1[7]. Все показанные на рисунке участки расположены на расстоянии не более чем часового пешего перехода (от 3 до 5 км) от городища Фанагории и в этом смысле безусловно относятся к ее ближней округе.

Перед изложением результатов съемок необходимо сделать два важных замечания. Прежде всего, стоит заметить, что найденные в результате съемок области повышенного содержания керамики на поверхности почвы нельзя автоматически интерпретировать как следы культурных слоев поселений. Чаще всего такое соотнесение не вызывает сомнений, но в некоторых случаях подобную

Рис. 1. Ситуационный план расположения обследованных участков в округе Фанагории: 1 — съемка 2007 г.; 2 — съемка 2006 г.; 3 — съемка 2005, 2008 и 2009 гг. Заштрихованная область соответствует интенсивной съемке по упрощенной схеме.

интерпретацию необходимо еще доказывать[8]. Именно в этой связи мы будем использовать далее для всех выделенных нами областей нейтральное по смыслу обозначение «сайт». Таким образом, задачей настоящей работы является оценка и сравнительный анализ размеров всех выделенных сайтов, предполагая в качестве рабочей гипотезы, что в большинстве своем сайты соответствуют элементам региональной поселенческой системы разных рангов и их площади хорошо коррелируют с «истинными» площадями поселений. Второе замечание касается того обстоятельства, что в керамическом комплексе практически каждого сайта выделяется вклад от разных хронологических периодов развития поселенческой системы[9]. Это означает, что границы сайтов складывались на протяжении длительного времени и едва ли могут быть синхронизированы с каким-нибудь определенным историческим моментом. Соответственно, в нашем дальнейшем описании площади выделенных сайтов рассматриваются очень условно как не изменяющиеся во времени[10] (здесь подразумевается античное время — на всех сайтах, поддающихся датированию по подъемному материалу, встречается керамика античной эпохи).

В обобщенном виде результаты съемок в округе Фанагории приведены в табл. 1. Пространственное распределение и размеры выделенных сайтов, соответствующие исходным данным съемок, можно оценить с помощью рис. 2 (планы всех участков составлены в одном масштабе)[11].

Таблица 1

ОБЛАСТИ С ВЫСОКОЙ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ КЕРАМИКИ (САЙТЫ), ВЫДЕЛЕННЫЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИНТЕНСИВНЫХ СЪЕМОК В ОКРУГЕ ФАНАГОРИИ

№ п/п	Сайт	Площадь контура, га			Размах (max-min), га	Средняя площадь (min+max)/2, га	№ на арх. карте **	Арх. карта S **, га
		0.3 шт./кв.м	0.4*шт./кв.м	0.5*шт./кв.м				
1	2005-1[a]	2.60	1.80	0.87	1.73	1.73		
2	2005-2/3/4/7[b]	16.60	11.74	7.89	8.71	12.25	90	60.0
3	2005-5 [c]	2.77	1.68	0.64	2.13	1.70		
4	2005-6	1.11	0.40		0.71	0.76		
5	2005-8	0.12			–	–		
6	2005-9	1.58	0.70	0.35	1.23	0.97		
7	2006-1	13.16	11.75	10.34	2.82	11.75	79	20.0
8	2006-2	1.36	1.09	0.80	0.56	1.08		
9	2006-3	0.98	0.79	0.65	0.33	0.81		
10	2006-4	0.75	0.38	0.17	0.58	0.46		
11	2006-5	0.041			–	–		
12	2007-1	3.34	2.76	2.44	0.89	2.89	103	2.0
13	2007-2	0.55	0.41	0.18	0.37	0.36		
14	2007-3	0.49	0.33	0.23	0.26	0.36	104	0.4
15	2007-4	0.26	0.20	0.13	0.13	0.20		
16	2007-5	0.15	0.13	0.11	0.03	0.13		
17	2007-6	0.56	0.39	0.25	0.31	0.41		
18	2007-7	0.51	0.30	0.13	0.37	0.32		
19	2007-8	0.34	0.27	0.24	0.10	0.29		
20	2007-9[d]	0.86	0.61	0.44	0.43	0.65		
21	2007-10	0.55	0.44	0.34	0.21	0.44	107	0.6
22	2007-11[e]	0.046			–	–		
23	2007-12	0.053			–	–		
24	2007-13[e]	0.050			–	–		
25	2007-4/5/12/13[f]	0.52	0.33	0.25	0.27	0.38	105	1.0
26	2008-1	0.28	0.04		0.24	0.16		
27	2008-2	0.87	0.57	0.27	0.61	0.57		
28	2008-3	0.36	0.22	0.10	0.26	0.23		
29	2009-1	0.14	0.03		0.11	0.09		
30	2009-2[d]	0.77	0.62	0.49	0.28	0.63		
31	2009-3[g]	3.77	2.94	2.36	1.41	3.07	91	5.0
32	2009-4[g]	0.80	0.61	0.47	0.34	0.63		
33	2009-5[d]	1.03	0.56	0.19	0.85	0.61		
34	2009-6[d]	0.97	0.87	0.78	0.20	0.87		

№ п/п	Сайт	Площадь контура, га			Размах (max-min), га	Средняя площадь (min+max)/2, га	№ на арх. карте **	Арх. карта S **, га
		0.3 шт./кв.м	0.4*шт./кв.м	0.5*шт./кв.м				
35	2009-7[d]	1.65	1.45	1.28	0.37	1.47		

* — суммировались все контуры, образующиеся внутри области, ограниченной уровнем плотности керамики 0.3 шт./кв.м.;
** — номера и площади (S) поселений по археологической карте Я.М. Паромова;

a — площадь на уровне плотности 0.3 шт./кв.м. увеличена за счет области, снятой в 2008 г. (2005-1-2 на рис. 2), с очевидностью относящейся к сайту 2005-1;

b — на рис. 2 для этого сайта выделены основные суб-области (2005-2, 2005-3, 2005-4 и 2005-7), образующиеся на уровнях плотности керамики 0.4 шт./кв.м. и 0.5 шт./кв.км.;

c — часть сайта снята повторно в 2008 г.;

d — площади сайтов, расположенных на границах обследованных участков, увеличены экспертно на следующие величины: сайт 2007-9 — в два с половиной раза, сайты 2009-2 и 2009-5 — на 30%, сайты 2009-6 и 2009-7 — на 50% (в таблице приведены скорректированные значения);

e — контур плотности керамики на уровне 0.25 шт./кв.м.;

f — «составной» сайт, не выделяющийся как единое целое на уровне плотности 0.3 шт./кв.м., введен для описания античного поселения придорожного типа (Приморский 5)[12], его площадь равна сумме площадей соответствующих сайтов;

g — площадь экспертно увеличена на 50% в связи с расположением на стыке зон с совершенно разными условиями заметности керамики (в таблице приведены скорректированные значения).

Принимая во внимание принципиально оценочный характер величин площадей, даваемых съемкой любого типа, и сложность сопоставления результатов съемок, проведенных на различных участках и в разные сезоны, площади сайтов описываются вероятностным диапазоном значений — минимальным и максимальным возможным значением. Этот диапазон определяется тремя пороговыми значениями плотности керамики: 0.3, 0.4 и 0.5 единиц фрагментов керамики на одном кв. м. (шт./кв.м.)[13]. Для ряда небольших сайтов плотность керамики не достигала «высших» пороговых значений, в этом случае площадь дается без вероятностного диапазона.

В наглядном виде данные табл. 1 представлены на рис. 3. Здесь же показана предложенная нами группировка сайтов по величине площади. Более подробно выделенные группы описаны в табл. 2 (для выборки из 31 сайта). Отметим, что предложенные границы групп достаточно приблизительны и являются первичной экспертной оценкой распределения сайтов по размерам, которая должна еще получить дополнительное обоснование. Если группы «крупных» (IV), «средних» (III), «малых» (II) и «мелких» (I) сайтов[14] выделяются достаточно очевидно (границы групп могут быть изменены), то внутреннее деление «мел-

Рис. 2. Области с высокой концентрацией керамики на поверхности пашни (сайты из табл. 1): a) участки, обследованные в 2005, 2008 и 2009 гг.; b) участок, обследованный в 2007 г.; c) участок, обследованный в 2006 г.

Рис. 3. Размах и средняя площадь сайтов из табл. 1 (нумерация сайтов соответствует порядковым номерам в таблице). Для наглядности весь диапазон изменения площадей разбит на два перекрывающихся интервала с разным масштабом шкалы. Римскими цифрами обозначены группы сайтов разного ранга (группировка произведена экспертно).

ких» сайтов на подгруппы Ia — Id носит характер предположения (два «независимых» сайта очень малой площади не классифицировались).

Таблица 2

ГРУППИРОВКА ВЫДЕЛЕННЫХ САЙТОВ ПО ВЕЛИЧИНЕ ПЛОЩАДИ

Группа (рис. 3)	Кол-во сайтов*	Состав (№ из табл. 1)	Доля всей выборки, %	Средняя площадь, га	Размах значений по рис. 3, га
IV	2	2, 7	6.5	12.0	10.3–14.3
III	2	12, 31	6.5	2.98	2.32–3.80
II	3	1, 3, 35	9.7	1.64	1.25–2.20
Id	5	4, 6, 8, 9, 34	16.1	0.90	0.71–1.15
Ic	5	20, 27, 30, 32, 33	16.1	0.62	0.52–0.70
Ib	8	10, 13, 14, 17, 18, 19, 21, 25	25.8	0.38	0.27–0.51
Ia	4	5, 26, 28, 29	12.9	0.15	0.075–0.26
–	2	11, 22	6.5	< 0.05	–

* — компоненты (сайты 15, 16, 23 и 24) «составного» сайта 25 (2007-4/5/12/13) по отдельности не учитывались.

Предложенную группировку можно сравнить с известными аналогами, например, с распределением по размерам сайтов, выявленных археологической съемкой 1979–1982 гг. в Беотии[15]. Здесь в области наших «мелких» сайтов (< 1.2 га) находятся 45 из 50 выделенных сайтов, образуя до 4-х «узких» подгрупп (диапазоны приблизительные, взяты с рисунка в публикации): 0.05–0.1 га (8–9 сайтов), 0.14–0.24 га (8 сайтов), 0.3–0.38 га (10 сайтов), 0.71–0.82 га (5 сайтов). Все указанные диапазоны укладываются в пределы выделенных нами подгрупп «мелких» сайтов. Подгруппа самых небольших по размеру сайтов Ia вмещает два таких диапазона, что, возможно, говорит о необходимости еще более дробного деления группы «мелких» сайтов в области площадей менее 0.2–0.25 га и включения в нее неклассифицированных нами сайтов с площадями около 0.05 га. Отметим, что самая многочисленная сплоченная подгруппа сайтов Беотии (с размерами 0.3–0.38 га) хорошо соответствует самой многочисленной и довольно сплоченной (см. рис. 3) подгруппе Ib нашей выборки.

Группировка сайтов по размерам, даже с учетом всех оговорок о невозможности построить по имеющимся данным группировку сайтов по размерам для каждого хронологического этапа и условном рассмотрении всей поселенческой системы как «античной вообще», служит важным шагом к первичной оценке структуры расселения в округе античной Фанагории. Эту группировку можно сопоставить с известным правилом «ранг — размер» (правило Ауэрбаха — Ципфа), описывающим иерархические отношения внутри идеальной поселенческой системы[16]. В своем исходном виде правило выражается простой закономерностью: население n-ого по размеру (рангу) города составляет 1/n числа жителей самого крупного города. Так как численность населения пропорциональна (с каким-то коэффициентом) площади населенного пункта[17], то, в

принципе, это правило применимо и для площадей поселений. Введенное как универсальный закон, правило «ранг — размер» на самом деле редко когда выполняется буквально, особенно на малых выборках, что связано со значительно более сложными процессами формирования реальных систем расселения, чем предполагается в идеальной модели[18]. Существенно расширить сферу применения правила «ранг-размер» позволяет введение в зависимость специально подобранных коэффициентов и изменение показателя степени при n — в этих случаях значительно улучшается соответствие между эмпирическими данными и предсказаниями теории[19]. Такое использование теоретического распределения делает его, по существу, средством аппроксимации данных. Можно предположить, что такая аппроксимация не обязательно должна иметь вид степенной зависимости — главное, чтобы было получено наибольшее соответствие между всеми имеющимися данными при сохранении основной идеи правила «ранг — размер»: размеры поселений низших рангов закономерно определяются размером самого большого поселения в системе расселения.

Расположенный в порядке уменьшения ряд средних площадей групп из табл. 2 лучше всего аппроксимируется экспоненциальной зависимостью (рис. 4, 1) (для сравнения на том же рисунке обозначены кривые (рис. 4, 2–3), соответствующие «классическому» степенному виду правила «ранг — размер» с

Рис. 4. Соотношение «ранг — размер» для средних площадей групп из табл. 2. Аппроксимирующие зависимости: 1 — экспоненциальная линия тренда, рассчитанная только по средним площадям групп; 2 — «классическая» степенная кривая правила «ранг — размер» при площади Фанагории, условно равной 50 га и при показателе степени при ранге равным минус единице; 3 — степенная кривая при показателе степени при ранге равным минус 1.5; 4 — экспоненциальная аппроксимация по средним площадям групп с учетом площади Фанагории, условно равной 50 га.

разными показателями степени при n). Отметим, что наилучшая аппроксимация данных достигается при вставке в наш ряд двух «недостающих» рангов — между выделенными в табл. 2 группами IV («крупных») и III («средних») поселений[20]. Кроме того, ранг выделенных нами «крупных» поселений с региональной точки зрения является, конечно, не высшим. Поселением высшего ранга здесь является Фанагория, площадь которой в эпоху расцвета оценивается в 50 га или даже более чем в 60 га[21]. Вторым по значимости поселением с хорошим следованием правилу «ранг — размер» будут Кепы[22], площадь которых оценивается в 20 — 25 га [23]. Именно эти два городских центра образуют первые две ступени в иерархии региональной поселенческой системы, а «крупные» сельские поселения группы IV будут в этой иерархии на третьем месте. Аппроксимация по средним площадям групп со вставкой двух «вакантных» рангов и учетом существования двух высших позволяет рассчитать оценку площадей для всех 11 рангов (табл. 3). Эти площади хорошо соответствуют всем данным, исключение составляет явное занижение площади Фанагории по сравнению с ее экспертными оценками. Можно построить аппроксимирующую кривую, включив площадь Фанагории в число известных данных. Зависимость (рис. 4, 4) для этого случая (площадь Фанагории принята за 50 га) дает для всех старших рангов большие, чем кривая (рис.4, 1), оценки площади (см. табл. 3), но, в принципе, практически все они лежат в пределах размаха значений площадей выделенных групп (рис. 3, табл. 2). Характерно, что даже при включении в расчет фиксированной площади Фанагории заметна общая тенденция недооценки ее прогнозной площади по сравнению с указанными выше величинами. Это может быть как следствием неточности в наших данных, так и свидетельством особого места Фанагории в системе расселения, указанием на соразмерность ее скорее не своей округе, а более обширной поселенческой системе, например, системе городов всего Боспорского государства.

Таблица 3

РАСЧЕТНЫЕ ПЛОЩАДИ ПОСЕЛЕНИЙ РАЗНОГО РАНГА

Ранг	Группа	Оценка площади по соотношению «ранг-размер»	
		Аппроксимация по средним площадям групп, га	Расчет по средним площадям групп при заданной площади Фанагории *, га
1	[Фанагория]	38.46	44.33
2	[Кепы]	22.63	25.60
3	IV	13.32	14.79
4	–	7.84	8.54
5	–	4.61	4.93
6	III	2.71	2.85
7	II	1.60	1.65
8	Id	0.94	0.95
9	Ic	0.55	0.55
10	Ib	0.33	0.32

Ранг	Группа	Оценка площади по соотношению «ранг-размер»	
		Аппроксимация по средним площадям групп, га	Расчет по средним площадям групп при заданной площади Фанагории *, га
11	Ia	0.19	0.18

* — площадь Фанагории условно равна 50 га.

Выявление определенного порядка в организации поселенческой системы ставит вопросы о численности поселений каждого ранга и их функциональной специализации. К сожалению, имеющихся данных слишком мало, чтобы дать на эти вопросы хотя бы предварительные ответы. Информации пока еще недостаточно даже для выводов об общем числе поселений и общей пространственной структуре поселенческой системы, не говоря уже о более детальном анализе.

В самом деле — к настоящему времени в округе Фанагории зафиксирована плотность около 4.7 сайта («поселения») на 1 кв. км. при площади съемки 6.67 кв. км.[24] Можно ли экстраполировать найденную нами на выборочной территории плотность размещения поселений на всю сельскую округу Фанагории, достигающую величины как минимум 45 кв. км.[25]? Нашими обследованиями были охвачены только самые лучшие земли, занятые виноградниками, поэтому указанная плотность может сильно измениться при анализе других категорий земель. Кроме того, даже в пределах лучших почв распределение поселений очень далеко от равномерного. Например, обширный сплошной массив виноградников площадью около 250 га (более трети всей снятой территории), обследованный нами, в основном, по упрощенной схеме (см. примечание выше), оказался вообще свободен от значимых сайтов. Так что получить точного ответа на вопрос о числе поселений вне обследованной территории, исходя из уже полученных данных, нельзя, можно только предлагать более или менее правдоподобные оценки, например, на основе предиктивного (предсказывающего) моделирования[26]. Но наиболее достоверную информацию здесь дадут, в любом случае, только обследования новых участков.

В заключение автор хотел бы выразить искреннюю признательность В.Д. Кузнецову, руководителю Таманской археологической экспедиции ИА РАН, за всестороннюю поддержку и помощь в проведении полевых съемок, а также поблагодарить всех сотрудников экспедиции, принимавших участие в сборе данных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова // Депонировано в ИНИОН РАН. №47103 от 01.10.1992 г. 1992; *он же.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. Вып. 1. 1992. С. 109–146.
2. *Паромов.* Археологическая карта... С. 45: «Во всех доступных случаях границы памятников определялись по распространению подъемного материала».
3. Количественный метод определения границ памятников по индексу подъемного материала, использованный на практике «в виде опыта» (*Паромов.* Археологиче-

ская карта... С. 45), при описании границ поселений нигде не упоминается, наиболее распространенная фраза в описаниях памятников: «границам памятника, установленным по распространению подъемного материала, соответствуют данные аэрофотосъемки».

4. Точно определить площадь нелегко даже у современных поселений. Помогает здесь только знание границ, заданных административно и прописанных в земельном кадастре. В этих условных границах современное поселение имеет множество зон, весьма различных по характеру застройки и использованию земли — жилых, производственных, сельскохозяйственных, инфраструктурных и т.д., и, в общем случае, площадь жилой застройки поселения вовсе не равна площади поселения в целом.
5. Методике и результатам этих съемок посвящена обширная научная литература, среди которой выделим отдельные работы и сборники: Archaeological Survey in the Mediterranean. BAR International Series 155. Oxford, 1983; *Bintliff J.L., Snodgrass A.M.* The Cambridge/Bradford Boeotian Expedition: the First Four Years // Journal of Field Archaeology. 1985. 12. P. 125–161; *Bintliff J.L., Snodgrass A.M.* Off-site pottery distributions: a regional and interregional perspective // Current Anthropology. 1988. 29. P. 506–513; *Cherry J.F., Davis J.L., Mantzourani E.* Data Evaluation and Off-Site Distributions // Landscape Archaeology as Long-Term History. Northern Keos in the Cycladic Islands from Earliest Settlement until Modern Time. Los Angeles // Monumenta Archaeologica. 16. California, 1991. P. 37–54; *Bintliff J.* The concepts of "site" and "offsite" archaeology in surface artifact survey // Non-destructive Techniques Applied to Landscape Archaeology. The Archaeology of Mediterranean Landscapes. 4. Oxford, 2000. P. 201–215; *Fentress E.* What are we counting for? // The Archaeology of Mediterranean Landscapes. 5. Extracting Meaning from Ploughsoil Assemblages. Oxford, 2000. P. 44–52; *Mattingly D.* Methods of collection, recording and quantification // The Archaeology of Mediterranean Landscapes. 5. Extracting Meaning from Ploughsoil Assemblages. Oxford, 2000. P. 5–15; Side-by-Side Survey. Comparative Regional Studies in the Mediterranean World. Oxford, 2004; *Alcock S.E,. Rempel J.E.* The More Unusual Dots on the Map: «Special-Purpose» Sites and the Texture of Landscape // Surveying the Greek Chora. Black Sea region in a comparative perspective. BSS. 4. Aarhus: Aarhus, 2006. P. 27–46.
6. Подробное описание методики съемки см. в работе *Гарбузов Г.П.* Интенсивная археологическая съемка как способ количественного описания античного культурного ландшафта // Археология и геоинформатика. Отдел охранных раскопок. Группа «Археолого-географические информационные системы». М., 2008. Вып. 5. CD-ROM.
7. Участок площадью около 240 га (заштрихованная область на рис. 1) был обследован в 2009 г. по упрощенной схеме — узкими сечениями с интервалами между ними 30–35 м (интервал задает минимальный размер насыщенной керамикой области, гарантированно выделяемой съемкой). Такая схема имела поисковый характер, с обязательным переходом в обычный интенсивный режим съемки в случае выявления повышенного содержания керамики.
8. Важным интерпретационным признаком служит качественный состав керамики и другого археологического материала в пределах выделенных областей. Во всех выделенных нами областях отмечалось наличие фрагментов кухонной и столовой посуды, во многих из них — черепицы. Керамический материал часто сопровождался скоплениями камней разного размера.
9. Подробнее об исторической интерпретации результатов съемок см.: *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А* Античная сельская территория: формальное описание и

возможности исторической интерпретации // ДБ. 13. 2009. С. 141–175.

10. Эту проблему пытались решить в работе *Jameson, M.H., Runnels C.N., van Anden T.H.* A Greek Countryside. The Southern Argolid from Prehistory to the Present Day. Stanford, California, 1994. P. 252 с помощью индексации исходной площади сайта, измеренной в ходе съемки. Индексация проводилась простым делением измеренной площади на число исторических периодов, в течение которых существовало поселение. Мотивы этого подхода понятны, но в действительности он будет давать случайные величины и заведет в тупик субъективизма — помимо того, что сама периодизация может быть спорной, очевидно, что каждый период должен участвовать в подобном индексировании с собственным весом.
11. При составлении табл. 1 и построении рис. 2 были заново проверены все расчеты и немного исправлены (сглажены) контуры некоторых сайтов, характеристики которых ранее уже были опубликованы. Отметим, что отличие опубликованных характеристик (площадей) от данных табл. 1 незначительно.
12. *Паромов*. Археологическая карта... С. 376–378. Рис. 125.
13. Именно эти значения плотности керамики предлагаются в качестве критерия выделения сайтов (элементов античных систем расселения) при интенсивной археологической съемке в Средиземноморье, см.: *Bintliff, Snodgrass*. Op. cit P. 176; *Cherry, Davis, Mantzourani*. Data Evaluation... P. 46–47.
14. Ср. с классификацией сайтов по размерам в работе *Jameson, Runnels, van Anden*. Op. cit. P. 252, предложенной для Южной Арголиды: < 0.3 га «small», 0.3 — 1.0 га «medium», 1.0 — 10 га «large», > 10 га «major».
15. *Bintliff, Snodgrass*. Op. cit Fig. 11.
16. *Хаггет П.* Пространственный анализ в экономической географии. М., 1968. С. 127–129; *Хагетт П.* География: синтез современных знаний. М., 1979. С. 408–415.
17. Вообще говоря, коэффициент пересчета площади в число жителей может быть разным у поселений разных рангов.
18. То, что действительное распределение рангов поселений сильно отличается от заданного простым немодифицированным правилом «ранг — размер», видно на примере расчетов, приведенных в работе *Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. С. 106–107. Рис. 36–37. Похожий результат, базирующийся на той же методике анализа, представлен и в работе *Сергеева О.В.* Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья // Поволжский край. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2005. Вып. 12. Рис. 1.
19. *Хагетт*. География: синтез... С. 412.
20. Для этих групп в нашей условной классификации зарезервировано наименование «большие» поселения.
21. *Долгоруков В.С.* Фанагория // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 77; *Кузнецов В.Д.* Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 13–14.
22. Логично предположить, хотя бы с точки зрения региональной экономики, что Кепы, находясь на расстоянии всего около 3.5–4 км от значительно большей по размерам Фанагории, на определенном этапе были включены в систему расселения с центром в Фанагории.
23. *Усачева О.Н., Сорокина Н.П.* Кепы // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 84.
24. Эта величина вполне сопоставима с плотностью сайтов в Беотии, где интенсив-

ные археологические съемки дали плотность около 4 выявленных сайтов на 1 кв. км. при общей площади обследованной территории в 21 кв. км., см.: *Bintliff, Snodgrass.* Op. cit. Table 4. Приблизительно такая же плотность сайтов получена при съемках в Аркадии и на острове Кеос, в целом для греческого мира интенсивные съемки дают плотность выявленных сайтов в диапазоне от 2 до более чем 6.5 сайтов на 1 кв. км., см.: *Sbonias K.* Introduction to issues in demography and survey // Reconstructing Past Population Trends in Mediterranean Europe (3000 BC — AD 1800). Oxford, 1999. Fig. 1.4.

25. Ориентировочное значение для всей территории, лежащей в современных условиях в радиусе 5 км от центра городища Фанагории.
26. Предиктивное моделирование — распространение выборочных данных на необследованную территорию с учетом выявленных закономерностей в размещении поселений, в первую очередь его взаимосвязей с природными ресурсами, рельефом и т.п., подробнее см.: *Гарбузов Г.П.* Предиктивное моделирование в археологических исследованиях // Археология и геоинформатика. Отдел охранных раскопок. Группа «Археолого-географические информационные системы». М., 2006. Вып. 3. CD-ROM.

AREA ASSESSMENT OF ANCIENT RURAL SETTLEMENTS IN THE VICINITY OF PHANAGORIA

G.P. Garbuzov

The paper presents results of intense archeological mapping in the vicinity of ancient Phanagoria. Ceramic fragments density on the surface made it possible to determine feasible ancient rural settlement sites. Unified threshold level of ceramic density was used as a basic guideline in determining sites. Possible significance bands for all identified sites have been assessed. Sites are grouped together by size. Each group is analyzed from the viewpoint of its agreement with the rule "rank — size".

© 2010

Г.А. Ломтадзе

АНТИЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРОЙ VI–IV ВВ. ДО Н.Э. ПОСЕЛЕНИЯ ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ 10

Поселение «Вышестеблиевская 10», расположено в южной части Таманского полуострова недалеко от станицы Вышестеблиевская (Рис. 1–2). Впервые оно было выявлено и обследовано в 1982 и 1984 гг. разведочным отрядом Таманско-Фанагорийской экспедиции ИА АН СССР под руководством Я.М. Паромова[1]. В процессе обследования были произведены сборы подъемного материала и первая топографическая съемка памятника. В результате было выявлено, что площадь поселения составляет около 3,4 га (950 х 600 м). Исследователи отмечали присутствие на памятнике большого количества камня, в основном известняка и песчаника. Также в южной части поселения был зафиксирован карьер, в обрыве которого мощность слоя достигала 1,5–2,0 м. Датировка памятника по собранному подъемному материалу определялась Я.М. Паромовым в нескольких временных отрезках: VI–I вв. до н.э., II–III вв. н.э. и VIII–IX вв. н.э.[2].

В начале 2000-х гг. на территории карьера началась активная выборка грунта для производственных нужд. В 2002 и 2006 гг. территория памятника была обследована экспедицией Краснодарского Государственного Университета при участии сотрудников Таманского музейного комплекса. В результате был составлен акт на разрушения поселения при карьерных работах, где было указано, что на памятнике безвозвратно уничтожена площадь не менее 0,5–0,6 га (включая в западной части культурный слой поселения, а восточной части некрополь).

В 2008 году Управлением по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей Департамента культуры Краснодарского края еще раз было зафиксировано разрушение культурного слоя памятника, и работы на карьере были приостановлены до полного археологического исследования объекта. В этом же году было решено доследовать участок, подвергшийся разрушению, а также произвести разведочные работы на всей территории памятника с целью уточнения его границ и мощности культурных напластований в различных районах поселения[3]. Эти работы выполнялись Восточно-Боспорской археологической экспедицией ИА РАН, в которой был сформирован отряд для проведения необходимых работ на памятнике[4].

При выезде на место предполагаемых работ нами было установлено, что после выборки грунта в западной части карьера образовалась терраса длиной более 50 м, шириной 10–12 м и глубиной от дневной поверхности около 2 м (Рис. 3). В борту террасы был выявлен культурный слой мощностью до 1,8 м в котором прослеживались разновременные ямы, часть из которых уходила в материковый грунт — светло-желтую супесь с прослойками песка. На подошве террасы также прослеживались остатки культурного слоя и ямные пятна. В результате работ 2008 г. была доследована площадь 876 кв.м. (Раскоп 1), на которой

Рис. 1 Карта-схема Таманского полуострова с указанием расположения поселения Вышестеблиевская 10

Рис. 2. Карта района расположения поселения Вышестеблиевская 10

Рис. 3. Вид с северо-востока на террасу и раскоп I

Рис. 4. Раскоп I после окончания работ

было зафиксировано 32 хозяйственные ямы античного времени (рис. 4, 6). Южнее террасы находились отвалы карьера, содержащие большое количество находок античного и средневекового времени.

Помимо этого к западу от раскопа I нами было заложено и раскопано 33 разведочных шурфа, а также был собран подъемный материал (рис. 5). В результате был получен достаточно представительный материал, охватывающий большой временной диапазон с VI по I вв. до н.э., а также VIII–X вв. н.э[5].

В представленной работе будут рассмотрены только основные комплексы, содержащие античную керамическую тару VI–IV вв. до н.э., в хронологическом порядке, с привлечением находок найденных при сборе подъемного материала и шурфовке.

Наиболее ранние находки на памятнике представлены в засыпи хозяйственной *ямы № 23* (цв. вкл. № 22, рис. 7–9).

В ней были найдены фрагменты амфор различных центров производства:

— Венчик амфоры (рис. 9, *9*). Диаметр венчика ок. 160 мм, высота венчика 24 мм. Венчик эллипсоидной формы, отогнут наружу. Глина светло-коричневая, плотная. Фрагмент относится к широко распространенному типу сосудов «на сложнопрофилированной ножке»[6]. Место производства их пока с уверенностью не установлено, хотя часть сосудов можно обоснованно относить к продукции Абдер[7]. В целом, не вызывает возражений мнение о происхождении этого типа керамической тары из ряда центров Северной Эгеиды[8]. Наиболее ранние экземпляры подобных амфор появляются на территории Северного Причерноморья во второй половине VI в. до н.э., в целом же этот тип бытует до середины V в. до н.э.[9]. Опубликованные на сегодня сосуды показывают, что развитие этого типа тары движется в сторону уменьшения диаметра и увеличения высоты сосудов. В таком же направлении, видимо, развивались и отдельные части амфор, в том числе и венчики.

— Венчик амфоры (рис. 9, *10*). Диаметр венчика ок. 120 мм, высота венчика 22 мм. Венчик подпрямоугольной формы, верхняя образующая контура скошена вовнутрь. Глина плотная светло-коричневая с мелкими блестками. Фрагмент относится к тому же типу сосудов, что и предыдущий.

— Ножка амфоры того же типа (рис. 9, *12*). Диаметр 64 мм, высота 23 мм. Глина светло-коричневая плотная, с редкими примесями мелкой слюды. Ножка сильно расширяется в нижней части, с четко выделенным перехватом в месте наименьшего диаметра. Приземистость и большой диаметр ножки позволяют соотносить ее с амфорами, датированными не позднее второй половины VI в. до н.э. Аналогии нашему фрагменту, очевидно, следует искать в материалах колодца № 5 из раскопок Березани[10] и находках из слоя «фазы А» здания МК II и цистерны № 315 из раскопок акрополя Пантикапея[11]. Также известны две крупные пифоидные амфоры третьей четверти VI в. до н.э. с близкими пропорциями ножек, найденные в некрополе Кеп[12].

— Ножка амфоры (рис. 9, *13*). Диаметр 50 мм, высота 37 мм. Подобная форма ножки встречается у некоторых типов ранних хиосских сосудов. Так называемый амфор с «белой облицовкой» и амфор «с воронковидным горлом». Глина нашего фрагмента пористая, светло-коричневая, с серым закалом в центре черепка. В тесте присутствует большое количество блесток слюды, что не ха-

Рис. 5. Карта района работ с указанием расположения памятника: А — область шурфовки, Б — раскоп I

Рис. 6. План раскопа I

рактерно для хиосской продукции[13]. Если все-таки предположить хиосское происхождение нашего фрагмента, то отсутствие следов белой облицовки, слабое расширение, высота ножки и узкая глубокая выемка характерны для ранней разновидности «амфор с воронковидным горлом» появление которых все исследователи относят к середине — третьей четверти IV в. до н.э.[14].

Помимо фрагментов амфор находки из ямы различными типами столовой и кухонной керамики.

Наиболее яркой находкой из комплекса является археологически целый краснофигурный аттический килик (цв. вкладка рис. 7–8). Высота его составляет 77 мм, диаметр венчика — 156 мм, диаметр ножки 71 мм. Поверхность сосуда покрыта черным лаком хорошего качества, оливкого оттенка. На дне сохранилась краснофигурная роспись «беглого стиля» в виде изображения верхней части задрапированной человеческой фигуры расположенной спиной к зрителю с вытянутой вправо рукой. Этот тип киликов на высокой ножке хорошо известен и широко распространен. Подобные чернолаковые чаши датируются по комплексам афинской агоры в пределах второй половины VI — начала V вв. до н.э.[15]. По стилю краснофигурной росписи его можно отнести к изделиям круга «мастера пифоса» и датировать в пределах последних двух десятилетий VI в. до н.э.[16]. В комплексе была также найдена ножка килика того же типа.

Помимо описанных находок в засыпи ямы были найдены фрагменты сероглиняных и красноглиняных мисок (рис. 9, *6–8*), а также части крупного лепного сосуда с орнаментом в виде «перекрученного» валика (рис. 9, *1–5*)[17].

Представленные выше материалы позволяют засыпь ямы 23 не позднее последней четверти VI в. до н.э.

Материал рубежа VI–V вв. до н.э. — первой половины V вв. до н.э. представлен в ямах №№ 6, 12 и 26.

Яма 26.

Количество находок в этой яме было не очень большим, но набор фрагментов амфор заслуживает внимания:

— Горло амфоры типа «на сложнопрофилированной ножке» (рис. 10, *1*). Высота горла 92 мм, диаметр венчика 140 мм, высота венчика 2,2 мм, диаметр устья 120 мм. Глина светло-коричневая, пористая, с редкими включениями белых частиц. Горло имеет расширяющуюся кверху форму. Венчик массивный, под ним, на уровне верхнего прилепа ручек, прочерчена горизонтальная линия. Ручки уплощенные. Форма горла и венчика не позволяют датировать фрагмент позднее начала V в. до н.э. Близкие по форме и параметрам фрагменты были найдены в слое разрушения пантикапейского здания МК II[18].

— Венчик амфоры того же типа (рис. 11, *7*). Диаметр венчика ок. 100 мм, высота венчика 17 мм. Глина кирпичного цвета, плотная, с включениями слюды и мелких белых частиц. Венчик овальной формы, слегка отогнут наружу.

— Нижняя часть амфоры того же типа (рис. 10, *2*). Сохранившаяся высота фрагмента 250 мм, диаметр ножки 47 мм, высота ножки 30 мм. Глина светло-коричневая, плотная, с включениями слюды и белых частиц известняка.

— Ножка амфоры того же типа (рис. 11, *10*). Диаметр 49 мм, высота 22 мм. Глина светло-коричневая, пористая, с включениями слюды. Ножка отелена от

Рис. 9. Находки из ямы 23

Рис. 10. Фрагменты амфор из ямы 26

тулова уступом. Пропорции и размеры вышеперечисленных фрагментов характерны для амфор конца VI — начала V вв. до н.э.

— Венчик хиосской раннепухлогорлой амфоры с окрашенным венцом (рис. 11, *6*). Диаметр венчика ок. 120 мм, высота венчика 14 мм. Венчик округлой формы характерной для амфор этого типа. Конец VI — начало V вв. до н.э.

— Ножка самосской амфоры (рис. 11, *11*). Диаметр 58 мм, высота 19 мм. Ножка сформована в виде расширяющегося книзу кольцевого поддона. Глина коричневая, рыхловатая, с большим количеством слюды. Амфоры этого типа, хотя и хорошо известны, достаточно редко встречаются на территории Северного Причерноморья. Хотя типология этих сосудов, в принципе, хорошо разработана, классификация фрагментов самосской тары пока еще сложна[19]. Например, близкие параметры имеет ножка амфоры из кургана № 5 у с. Волковцы, датирующаяся в пределах первой трети VI в. до н.э.[20]. Вызывает сомнение наличие столь раннего материала на нашем поселении. Поэтому, можно предположить, что форма и пропорции ножек самосских амфор на протяжении всего VI в. до н.э., а, возможно, и в начале V в. до н.э., почти не изменялись.

Помимо амфорных фрагментов в комплексе была встречена столовая сероглиняная и красноглиняная керамика (рис. 11, *1–5*), а также ионийские и аттические расписные сосуды (рис. 11, *8–9*).

Все представленные материалы говорят о том, что датировка комплекса не выходит за пределы конца VI — начала V вв. до н.э.

Яма 6.

В заполнении ямы был обнаружен представительный комплекс керамической тары:

— Амфора неопределенного центра производства (рис. 12, *6*). Сосуд имеет овоидную форму тулова. Цилиндрическое горло завершается слегка отогнутым

Рис. 11. Находки из ямы 26

наружу венчиком четырехугольной формы (высота венчика 15 мм). Под венчиком, на уровне верхнего прилепа ручек, прочерчена горизонтальная линия. Ручки уплощенные. Ножка амфоры имеет расширяющуюся книзу форму, с небольшим скошенным пояском на месте максимального диаметра, выемка в нижней части конусовидной формы. Высота амфоры 568 мм, максимальный диаметр 297 мм, глубина вместилища 531 мм, высота нижней части до максимального диаметра 345 мм, диаметр устья 92 мм, диаметр ножки 41 мм. Глина красно-коричневая, пористая, с большим количеством слюды. Полной аналогии нашему сосуду найти не удалось, хотя у нее присутствуют некоторые черты сходства с амфорами «на сложнопрофилированной ножке». Общий контур тулова, форма ножки, а также соотношение высоты и максимального диаметра амфоры не совсем характерны для указанного типа. Что касается датировки, то морфология и метрические параметры сосуда позволяют предположить, что время изготовления амфоры не выходит за рамки первой половины V в. до н.э.

— Горло амфоры типа «на сложнопрофилированной ножке» (рис. 12, *3*). Диаметр венчика 101 мм, диаметр устья 70 мм, высота венчика 18 мм. Под венчиком, на высоте 23 см от верха прочерчена горизонтальная линия. Глина пористая, светло-коричневая с большим количеством слюды.

— Горло амфоры того же типа (рис. 12, *4*). Диаметр венчика 108 мм, диаметр устья 85 мм, высота венчика 20 мм. Глина пористая, светло-коричневая с включениями белых частиц и слюды.

— Венчик амфоры того же типа (рис. 12, *2*). Диаметр венчика ок. 130 мм, высота 24 мм. Глина плотная светло-коричневая, небольшим количеством примесей слюды.

— Венчик амфоры того же типа (рис. 12, *1*). Диаметр венчика ок. 90 мм, высота 19 мм. Глина пористая, розовая, с включениями светлых частиц и слюды.

— Ножка амфоры того же типа (рис. 13, *9*). Диаметр ножки 56 мм, высота 30 мм. Перехват выделен небольшим валиком. Глина пористая, светло-коричневая с небольшим количеством белых частиц и примесей слюды.

— Ножка амфоры того же типа (рис. 13, *8*). Диаметр ножки 49 мм, высота 45 мм. Глина аналогична предыдущему фрагменту.

— Ножка амфоры того же типа (рис. 13, *7*). Диаметр ножки 46 мм, высота 28 мм. Глина красно-коричневая, плотная, с большим количеством слюды.

Как уже говорилось выше, основной тенденцией развития амфор «на сложнопрофилированной ножке» является вытягивание корпуса сосуда. Амфоры с цилиндрическим или расширяющимся кверху коротким горлом характерны для второй половины VI — первой четверти V вв. до н.э. Судя по параметрам, наши фрагменты можно датировать в пределах конца VI — начала V вв. до н.э. К этому же времени относятся и ножки из заполнения ямы 6. Круг аналогий достаточно широк, поэтому в качестве примера приведем два хорошо опубликованных комплекса — яму № 1 из затопленной части Патрея[21] и березанский колодец № 4[22].

— Нижняя часть амфоры (рис. 12, *5*). Сохранившаяся высота 342 мм, диаметр ножки 64 мм, высота ножки 11 мм. Ножка имеет форму уплощенного с внешней стороны кольцевого поддона, с небольшой округлой выемкой в нижней части. Глина коричневая с включениями светлых частиц и слюды. Амфоры и их фрагменты с подобной или близкой профилировкой ножки встречаются на территории Северного Причерноморья на протяжении всего V в. до н.э. Вопрос об их принадлежности какому-либо центру пока окончательно не разработан. Часть подобных сосудов относится к фасосскому и, возможно, мендейскому производству[23]. Что касается хронологии нашего фрагмента, то приземистые пропорции позволяют предполагать датировку в пределах первой половины V в. до н.э.

— Ножка хиосской амфоры (рис. 13, *12*). Диаметр ножки 58 мм, высота 27 мм. Глина светло-коричневая со светлыми включениями и примесями песка. Ножки с подобной профилировкой и размерами характерны для раннепухлогорлого варианта хиосской тары, датирующегося в пределах конца VI — начала V вв. до н.э. Например, весьма близкой по морфологии и параметрам ножки у амфор из нимфейского сожжения Д-2[24] или комплекса здания IV и заполнения ямы № 421 из Ольвии[25]. В яме была найдена, в том числе, ручка амфоры того же типа (рис. 13, *6*).

— Ножка лесбосской амфоры (рис. 13, *10*). Диаметр 60 мм, высота 14 мм. Глина серая, пористая, с большим количеством слюды. Подобная профилировка характерна для сосудов второй половины VI — начала V вв. до н.э.[26].

— Ножка лесбосской амфоры (рис. 13, *11*). Диаметр 30 мм, высота 41 мм. Глина пористая, серо-коричневая с большим количеством примесей слюды и песка. Подобные ножки характерны для лесбосских амфор первой половины V в. до н.э.[27].

Рис. 12. Амфорный материал из ямы 6

Рис. 13. Находки из ямы 6

Помимо амфорных фрагментов в яме была найдена простая столовая (рис. 13, *1–3*), аттическая чернолаковая (рис. 13, *5*) и лепная (рис. 13, *4*) керамика.

Представленные находки позволяют датировать комплекс первой половиной V в. до н.э.

Яма 12.

В этой яме практически не было обнаружено находок за исключением горла амфоры с клеймом (рис. 14, *1*). Горло невысокое (высота 88 мм), слегка «припухлой» формы. Венец трапециевидной формы, с подрезкой в нижней части. Диаметр венца 133 мм, диаметр устья 106 мм. Сохранившаяся ручка профилирована в верхней части высоким валиком. Глина светло-коричневая, плотная, с примесью слюды и крупных светлых частиц. Поверхность покрыта светлым ангобом. В средней части горла расположено круглое анэпиграфное клеймо в виде 8- лепесткового цветка (цв. вкл. № 23, рис. 16, *9*).

Если говорить о форме горла, то она ближе всего к фасосским коническим амфорам V–IV вв. до н.э.[28]. Профилировка ручек наводит на аналогию с трехручной фасосской амфорой середины IV в. до н.э. из кургана Толстая могила [29]. Аналогии клейму тоже можно найти на о. Фасос. Схожие оттиски первой половины V в. до н.э. опубликованы И. Гарланом в каталоге ранних фасосских штампов[30]. Аналогия эта, возможно, не совсем корректна, ввиду того, что, во-первых, оттиски хоть в целом и схожи, но имеют явные отличия и, во-вторых, все известные ранние фасосские клейма, в отличие от нашего, были оттиснуты на ручках сосудов. И все же, исходя из вышесказанного, позволим предположить, что публикуемое горло является фрагментом пифоидной амфоры фасосского, или связанного с ним, производства первой половины

Рис. 14. Находки из ям 10 и 12

V в. до н.э., возможным типологическим продолжением которой является трехручный сосуд из Толстой могилы. В таком случае, подобный пятидесятилитровый стандарт тары мог существовать на Фасосе на протяжении V–IV вв. до н.э.

IV в. до н.э. представлен в материалах поселения широким спектром различных категорий керамики. Мы остановимся на наиболее выразительном комплексе (яма 10) и некоторых отдельных находках.

Яма 10.

В заполнении этой ямы был найден достаточно представительный комплекс керамической тары:

— Гераклейская амфора (рис. 15, *10*). Тулово амфоры биконической формы, с крутым изломом плеча. Ножка не сохранилась. Горло высокое, цилиндрическое. Венчик трапециевидной формы со скошенной вовнутрь верхней образующей и подрезкой в нижней части. Диаметр венчика 95 мм, диаметр устья 70 мм. Сохранившаяся высота сосуда 650 мм, максимальный диаметр 248 мм, глубина вместилища 635 мм. На горле, на уровне верхнего прилепа ручек расположено прямоугольное энглифическое двустрочное клеймо: ΑΡΤΕΜ[ΟΝ]/ΑΜΦΙΤΑ, эмблема — канфар (рис. 16, *6*). В нижней части горла присутствует горизонтальная врезная полоса.

Типологическая принадлежность амфоры ко второму типу гераклейской тары не вызывает сомнений. Достаточно широко распространены и клейма магистрата Амфиты. Наиболее близким нам комплексом являются материалы тризны кургана № 8 группы Чередниковой могилы середины IV в. до н.э.[31], где представлены не только клейма магистрата Амфиты с той же эмблемой, но и фабриканта Артемона.

— Горло гераклейской амфоры (рис. 15, *5*). Диаметр венчика 102 мм, диаметр устья 96 мм. В средней части фрагмента, на уровне верхнего прилепа ручек сохранились остатки прямоугольного двухстрочного энглифического клейма, наиболее вероятным восстановлением которого будет: ΛΥΚ[ΟΝ]/ΕΠΙ[ΣΑΤ]ΥΡΟ, эмблема — полумесяц и палица Геракла (рис. 16, *1*)[32]. Магистратура Сатира датируется в пределах середины — третьей четверти IV в. до н.э.[33]. В комплексе были найдены еще несколько фрагментов горл гераклейских амфор.

— Ножка гераклейской амфоры (рис. 15, *9*). Диаметр 52 мм, высота ножки 79 мм. Форма ножки и ее размеры позволяют датировать фрагмент в пределах середины IV в. до н.э.

— Горло фасосской амфоры (рис. 15, *6*). Горло короткое (высота 103 мм), слегка суживается кверху. Венец имеет характерный для фасосской тары треугольный профиль. Диаметр венца 110 мм, диаметр устья 90 мм. Глина комковатая, красно-коричневая с большим количеством слюды. На внешней стороне горла сохранился фрагмент росписи красной краски. Горло по профилировке и параметрам можно отнести к фасосским коническим амфорам IV в. до н.э.[34].

— Ножка фасосской амфоры (рис. 15, *8*). Ножка имеет расширяющуюся книзу форму с уступом в месте максимального диаметра. Диаметр ножки 76 мм, высота 100 мм. Подобные ножки характерны для биконических фасосских амфор второй четверти — середины IV в. до н.э.[35].

Рис. 15. амфорный материал из ямы 10

— Ножка синопской амфоры (рис. 15, *7*). Ножка имеет расширяющуюся книзу форму, с полусферической выемкой в нижней части. Диаметр ножки 69 мм, высота 20 мм. Размеры и форма ножки говорят о ее принадлежности к пифоидным синопским сосудам. Наиболее близкие параметры имеет ножка амфоры из Нимфея, которая датируется автором публикации в пределах первой трети IV в. до н.э.[36].

Помимо этого в заполнении были найдены фрагменты столовой и кухонной посуды (рис. 14, *1–5*), в том числе и дно крупного синопского сосуда (рис. 14, *6*).

В целом комплекс амфор из ямы 10 можно датировать не позднее середины — третьей четверти IV в. до н.э.

Также при сборе подъемного материала нами было найдено несколько клейм амфор IV в. до н.э.

Гераклея.

1. Фрагмент горла амфоры с энглифическим клеймом ΙΣΤΙΕΙΟ/ΕΠΙΑΝΔΡΟ, эмблема — палица Геракла (цв. вкл. № 23, рис. 16, *3*). Магистратура Андроника датируется в пределах середины IV в. до н.э.

2. Фрагмент горла амфоры с энглифическим клеймом [...]Y/[...]ΡΟΣ (цв. вкл. № 23, рис. 16, *4*). Сохранность клейма не позволяет нам его уверенно восстановить.

3. Фрагмент горла амфоры с плохо читаемым круглым клеймом (цв. вкл. № 23, рис. 16, *2*). В центре находилась также не различимая на сегодняшний день, эмблема.

4. Фрагмент горла амфоры с плохо читаемым двустрочным клеймом (цв. вкл. № 23, рис. 16, *5*). Возможным вариантом восстановлением имени магистрата во второй строке является Аристон, хорошо известный в комплексах 70-х гг. IV вв. до н.э.[37].

Фасос.

3. Фрагмент горла амфоры с прямоугольным клеймом ΚΛΕΥ/ΦΑ[ΝΗΣ] ΘΑ/Σ[ΙΩΝ] ΑΡ [...], эмблема — гроздь винограда (цв. вкл. № 23, рис. 16, *7*). Аналогичный оттиск, сохранившийся частично, опубликован И. Гарланом в каталоге ранних фасосских клейм[38]. В нашем случае, хотя оттиск и сохранился полностью, он сильно стерт, что тоже не позволяет полностью восстановить легенду. Отметим, что публикуемое клеймо оттиснуто на горле амфоры, что не часто встречается в фасосской керамической эпиграфике.

Синопа.

4. Фрагмент ручки амфоры, на которой сохранилась часть эмблемы — орел на дельфине (цв. вкл. № 23, рис. 16, *8*). Клейма с подобной эмблемой единодушно признаны исследователями одними из наиболее ранних[39].

***

Предложенная читателю работа посвящена находкам VI–IV вв. до н.э., обнаруженным в процессе работ на поселении «Вышестеблиевская 10» в 2008 году. Сразу хочется оговориться, что нами была исследована лишь небольшая часть памятника. Это обстоятельство, даже при том, что был получен достаточно представительный материал, не позволяет делать выводы общего характера, касающиеся всего поселения[40].

Подводя итоги, хочется отметить, что даже столь небольшие по площади работы на территории поселения Вышестеблиевская 10, дали весьма интересный и важный материал. Хочется надеяться, что в ближайшем будущем этот памятник найдет своего исследователя и не будет окончательно уничтожен разработкой карьера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова // Работа депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992. С. 572–575, № 182
2. Там же. С. 574–575.
3. Весной 2008 г. на памятнике планировалось проведение масштабных охранно-спасательных работ, связанных с предполагаемым значительным расширением карьера. По этой причине, была проведена шурфовка части территории поселения для уточнения мощности культурного слоя и планирования работ. Однако, к счастью, заказчик отказался от расширения карьера и памятник пока больше не разрушается.
4. В работе принимали участие: Г.А. Ломтадзе – начальник отряда, научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ, А.А. Крайнева – начальник раскопа, научный сотрудник ИА РАН, О.Д. Чевелев – начальник раскопа, научный сотрудник ИА РАН. Чертежи выполнены А.В. Пальчиковой и А.Н. Трифоновой, фотографии находок – А.Б. Колесниковым Компьютерная обработка чертежей выполнена Г.А. Камелиной и А.В. Бониным. Также в работе отряда принимали участие группы студентов Краснодарского института культуры (руководители – Берлизов Н.Е. и Крюков А.А.) и Брянского педагогического университета (руководитель – Новиков А.А.).
5. Нами не было найдено ни одной находки датирующейся первыми веками н.э. В то же время, в работе Я.М. Паромова, в качестве хронологического индикатора для этого периода приведен венчик розовоглиняной широкогорлой амфоры (*Зест И.Б.*, Керамическая тара Боспора// МИА. № 83.1960. С. 115–116. Табл. XXXIV. 83; *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология. // БС. 3. 1993. С. 48, 6.27), найденный при сборе подъемного материала (*Паромов*. Археологическая карта... С. 575). Зная внимательность и организованность Якова Максимовича как исследователя, вряд ли можно предположить, что это вкравшаяся в текст ошибка и находка была отнесена им к исследуемому памятнику случайно. Также нет причин предполагать неправильное определение и датировку венчика, поскольку фрагменты розовоглиняных широкогорлых боспорских амфор встречаются в массовом порядке в слоях II–III вв. на всей территории Боспора и имеют яркие отличительные особенности. Представляется что, подобные несовпадения связаны, прежде всего, с ограниченностью наших исследований по площади. Нельзя забывать и о том, что границы поселения со временем могли изменяться.
6. *Лейпунская Н.А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981. *С.* 23; *Cook R.M., Dupont P.* East Greek Pottery. L. - N.Y., 1998. P. 178. Fig. 23. 10–12; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог-определитель. Москва-Саратов, 2003. С. 38–42. Табл. 23–26; *Ломтадзе Г.А.* Амфоры с ножкой в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона в собрании Государственного Исторического музея // БИ. Вып. VIII. 2005.
7. *Peristeri-Otatzi C.* Amphores et timbres amphoriques d'Abdere // BCH. 1986. Suppl. XIII.
8. *Dupont P.* La circulation amphoriqe er mer Noire l'epoque archaique. Specificites et

problemes // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix en Provence, 1999. P. 153; *Монахов*. Греческие амфоры...Каталог-определитель. С. 38.

9. *Абрамов А.П.* Классификация и периодизация амфор второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. // РА. 1993. № 4. С. 91. Табл. 14.
10. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. *С.* 67–77. Табл. 6, *3–4.*
11. *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н.э. // ДБ. 6. 2003. С. 312. Табл. VIII, *4, 8–10*; *Толстиков В.П., Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея // ДБ. 7. 2004. С. 347. Рис. 7, *4–5.*
12. *Ломтадзе*. Амфоры с ножкой в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона... С. 322. Рис. 3, *6*, 4, *7.*
13. *Абрамов*. Античные амфоры... С. 26–27.
14. *Cook, Dupont.* Op. cit. P. 148–149; *Абрамов А.П.* Типология и хронология амфор о. Хиос // ДБ. 5. 2002. С. 12; *Монахов.* Греческие амфоры... Каталог-определитель. С. 15–16.
15. Аналогичные чаши были найдены в ряде хорошо датируемых афинских комплексов последней трети VI в. до н.э. Это засыпи колодцев G 15:1, J 18:4, R 12:1, R 12:3 и U 25:2. (*Sparkes B., Talcott L.* Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, 1970. P. 383–399. № 398–414).
16. *Moore M.B.* Attic Red-figured and White-ground pottery // The Athenian Agora. Vol. XXX. Princeton, 1997. P. 71–73. Pl. 147.
17. Глина фрагментов темно-серая с большим количеством мелких блесток слюды. Восстанавливаемый диаметр края сосуда ок. 250 мм.
18. *Толстиков, Журавлев, Ломтадзе.* Ук. соч. С. 312. Табл. VII. *1, 3.*
19. *Cook, Dupont.* Op. cit. P. 164–169; *Монахов.* Греческие амфоры... Каталог-определитель. С. 25–29.
20. *Ломтадзе Г.А., Фирсов К.Б.* Комплекс раннескифского времени из раскопок С.А. Мазараки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2005. С. 181. Рис. 3.
21. *Абрамов А.П., Сазонов Ю.С.* Керамика трех подводных комплексов Патрея // БС. 1. 1992. С. 148. Табл. III
22. *Монахов*. Комплексы керамической тары... С. 69–70. Табл. 16, *1–5.*
23. *Johnston A.* An Archaic Amphora of thasian type // Hesperia. Vol. 90. 1991; *Garlan Y.* Nouvelles remarques sur la chronologie des timbres amphoriques thasiens // Journal des Savants. Vol. 2. 1993; *Grandjean Y.* Contrbution a l'etablissement d'une typologie des amphores thasiennes. Le materiel amphorique du quartier de la porte du Silene // BCH. 1992. Vol. 116. P. 562. Fig. 10, 11; *Монахов.* Греческие амфоры... Каталог-определитель. С. 60–62. Табл. 34–36. С. 89. Табл. 59. При этом сами исследователи отмечают, что визуально отличить тару этих производителей практически невозможно.
24. *Монахов*. Комплексы керамической тары... С. 57–58. Табл. 9, *1–4.*
25. Там же. С. 57–58, 84–85. Табл. 19, *1,* 21, *2–3*, 22, *2–3.*
26. *Cook, Dupont.* Op. cit. P. 160.
27. «Надлиманский тип II» по С.Ю. Монахову (*Монахов*. Греческие амфоры... Каталог-определитель. С. 46. Табл. 28, *2, 5*).
28. *Монахов*. Греческие амфоры...Каталог-определитель. С. 64–65. Таб. 39.
29. *Мозолевский Б.М.* Товста могила. Киев, 1979. *С.* 66, 194, 237. Рис. 51; *Монахов*. Греческие амфоры... Каталог-определитель. С. 64. Табл. 39, *2.* Наше горло фраг-

ментировано, что не позволяет говорить о количестве ручек.

30. *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. 1. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 1999. PP. 100–101. NN 30, 31.
31. *Полин С.В.* Комплекс амфор второй четверти IV в. до н.э. из кургана у г. Орджоникидзе Днепровской области // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов на Дону, 1994. С. 56–57; *Монахов.* Комплексы керамической тары... С. 340–341. Табл. 147–148.
32. Центральная часть клейма не сохранилась.
33. *Монахов.* Греческие амфоры... Каталог-определитель. С. 125.
34. Там же. С. 71–72. Табл. 48.
35. Там же. С. 67–68.
36. Там же. С. 149. Табл. 101, *4.*
37. *Монахов.* Комплексы керамической тары... С. 267–280
38. *Garlan.* Les timbres... P. 297, N 986.
39. *Цехмистренко В.И.* Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. № 3. С. 60–68; *Коновичи Н., Авраам А., Поэнару-Бордя Г.* Количественный анализ синопских амфорных клейм из Каллатиса // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 230; *Федосеев Н.Ф.* Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Саратов, 1992. *С.* 158; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь-Керчь, 2007. С. 251–258.
40. В данной работе мы не рассматриваем весьма представительные комплексы III–I вв. до н.э., а также материалы средневекового времени (VIII–X вв. н.э.) в массовом количестве присутствующие на всей территории памятника.

VYSHESTEBLIEVSKAYA 10 ANCIENT COMPLEXES WITH CERAMIC VESSELS OF THE 6th — 4th CC. B.C.

G.A. Lomtadze

Vyshesteblievskaya 10 settlement is in the south of Taman not far from the railway station of the same name. The area of the settlement is about 3.4 ha (950x600 m). In 2008 it was discovered that the cultural stratum of the monument was crumpling down, so decision was made to carry on research on the dilapidated section and to examine all the territory of the monument to ensure its boundary and the width of cultural strata in different sectors of the settlement. The job was done by a crew specially formed for this purpose by East-Bosporian expedition of Archeology Institute of the Academy of Sciences of Russia. The study of the area of 876 km^2 (Excavation 1) performed in 2008 resulted in the location of 32 ancient household pits, which provided extensive factual data covering the period from the 6th to the 1st cc. B.C., and from the 8th to the 10th cc. A.D. This paper gives a chronological account of principal complexes with ancient ceramic vessels of the 6th — 4th cc. B.C. together with the unearthed finds.

Thus it is worth noting that very interesting and important material was obtained from a considerably small work ground of Vyshesteblievskaya 10 settlement territory. We hope that the monument will obtain its explorer and won't get completely ruined by quarrying.

© 2010

М.Г. Абрамзон

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БОСПОРА В VI В. ДО Н.Э. — III В. Н.Э: ГРЕЧЕСКИЕ МОНЕТЫ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ

Археологические раскопки в Пантикапее, Тиритаке, Нимфее, Гермонассе, Патрее, Кепах, Фанагории, Горгиппии и других боспорских поселениях дали целый ряд монет греческих полисов и эллинистических монархий. В совокупности с архивными документами, публикациями находок, музейными фондами этот накопившийся нумизматический материал позволяет расширить наши представления об экономике Боспора и, в частности, осветить роль греческих монет в его денежном обращении в VI в. до н.э. — III в. н.э.

Огромная работа в этом направлении была проделана нашими предшественниками: так, А.Н. Зограф издал сводку античных монет, найденных на Кавказе, включавшую сведения о греческих монетах[1]. Труд Е.А. Пахомова также содержит важнейшую информацию о находках греческих монет на Кавказе[2]. Особое внимание вопросу об обращении иноземной монеты на Боспоре уделяли Д.Б. Шелов[3] и целый ряд авторов публикаций монетных находок из раскопок боспорских городов[4].

По мнению Д.Б. Шелова, нет никаких данных об обращении иноземной монеты на Боспоре до возникновения собственной чеканки. Ему были известны только кизикины VI в. до н.э., найденные на Боспоре как отдельно, так и в кладах[5]. Бесспорно, они оставались единственной иностранной валютой в V и IV вв. до н.э. на Боспоре[6]. Однако в регион проникали также ранние монеты и других греческих центров: Лесбоса, Фив, Ионии, Афин, Левкадии и т.д. Клады раннего боспорского серебра включали лишь редкие монеты Кизика, Самоса, Афин. В IV в. до н.э. на Боспор хлынуло македонское золото; одновременно продолжали поступать и немногочисленные серебряные и медные монеты из различных греческих полисов. При этом только кизикины и золотые македонские статеры играли важную роль в денежном обращении Боспора. В IV–I вв. до н.э. редкие иноземные монеты на Боспоре представлены, в основном, серебром и медью из малоазийских областей — Пафлагонии, Понта, Вифинии, Эолии, Мисии, Ионии и островов (Хиос, Родос, Кос, Лесбос, Наксос). Эти монеты проникают на боспорский денежный рынок случайно как результат торговых операций и демонстрируют только определенные связи между Боспором и центрами античного мира. Анализ монетных находок свидетельствует о доминирующей роли приморских городов Малой Азии в торговых контактах между Боспором и различными греческими центрами, как в ранний период, так и в эллинистическое и римское время.

Нами учтено около 170 находок греческих монет на Боспоре, причем в это число не входят многочисленные монеты понтийских городов митридатовского времени. Эти данные несколько меняют наши представления о торговых связях Боспора: так, например, находки почти четырех десятков монет Херсонеса, Ольвии и Тиры подчеркивают более интенсивный характер таких контактов,

чем считалось ранее. Прослеживаются связи с областями Балканской Греции и целым рядом островов, Малой Азии и странами Востока.

В нашем очерке рассматриваются две хронологических группы греческих монет: первая охватывает городские монеты автономного периода и монеты эллинистических монархий, выпущенные с VI до конца I в. до н.э.; вторая группа объединяет греческие монеты I–III вв. н.э., т.е. римские провинциальные.

ГРУППА I. Греческие монеты VI–I в. до н.э.

1. Сицилия, Балканская Греция и острова

Сицилия

В ОАК 1897 г. сообщается о находке в Кубанской области в 1897 г. медной сиракузской монеты[7]. А.Н. Зограф включил в свою сводку эту монету со ссылкой на данный источник и ремаркой «подробности неизвестны»8. Большая часть Кубанской области (Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, частично Черноморский отделы) охватывает бывшую территорию Боспорского царства, но была ли найдена сиракузская монета в этих пределах, неизвестно. Сиракузы чеканили медь, начиная с последней четверти V в. до н.э. до 212 г. до н.э., а затем в течение непродолжительного времени после установления римского господства.

Акарнания

В «Описании древних монет и медалей, хранящихся в медальере (sic) Керченского Музея древностей», которое передавали друг другу в XIX — начале XX века при вступлении в должность директора Керченского музея древностей[9], дважды приведено описание поступившей в музей серебряной монеты Левкадии коринфского типа «Пегас, буква Λ — голова Афины в коринфском шлеме»[10]. Место и обстоятельства находки монеты, ее номинал и дата не указаны. Поскольку никакие более дифференты или буквы в описании не упомянуты, то монета, возможно, относится к 480–420 гг. до н.э. Она была, по-видимому, найдена в Керчи или ее окрестностях, или приобретена на Керченском аукционе[11].

Беотия

Серебряный статер Фив конца VI — начала V в. до н.э. был найден в долине р. Малый Зеленчук (приток р. Кубань). Обстоятельства и дата находки неизвестны. Монета поступила в Краснодарский Краеведческий музей и была осмотрена А.Н. Зографом осенью 1937 г., во время его командировки на Кавказ, где он собирал сведения о находках античных монет[12].

Аттика

По нашим сведениям, на территории Боспорского царства зарегистрированы шесть находок афинских монет. Четыре из них относятся к V в. до н.э. В упомянутом выше «Описании древних монет и медалей», фигурирует серебряная афинская монета типа «голова Минервы в шлеме — сова в квадратной

впадине, сбоку АΘЕ, в углу масличная ветка (sic)»[13]. В другом месте эта же монета описана так: «голова Минервы в шлеме — сова между двух масличных веточек». Упоминание вдавленного квадрата без месяца над изображением совы позволяет отнести эту монету к выпускам до 479 г. до н.э., когда появился новый дополнительный элемент монетного типа — месяц.

Клад 1948 г. из Тирамбы (пос. Пересыпь) содержал тригемитетартеморий типа «голова Афины вправо — сова во вдавленном квадрате»[14] (в — 0.26 г). Монета датируется 500–480 гг. до н.э.[15] Этот номинал чеканился редко. В Нимфее случайно был найден тригемитетартеморий того же типа (в — 0.24 г), выпущенный после 479 г. до н.э.[16]. О.Н. Мельников, опубликовавший монету, определил номинал как гемиобол и датировал его (однако, без ссылок на литературу) 440–407 гг. до н.э.[17]. На античном поселении Тамань 3 в 2004 г. был найден фрагмент тетрадрахмы (в — 10.15 г) 449–413 гг. до н.э.[18], который опубликовал В.Л. Строкин[19]. О.Н. Мельников упоминает также о находках в Пантикапее и Фанагории по одной тетрадрахме «нового стиля»[20].

Ближайшие находки афинских монет V–I вв. зарегистрированы в Ольвии, Сухуме (Диоскуриаде) и Батуми. Так, тетрадрахма V–IV вв. до н.э. была найдена в Батуме около 1890 г.[21] Медная афинская монета IV–III вв. до н.э.[22] и тетрадрахма «нового стиля»[23] были найдены в Ольвии[24]. Драхма 449–413 гг. до н.э.[25], тетрадрахма 393–300 гг. до н.э.[26] и три тетрадрахмы «нового стиля»[27] хранятся в Абхазском музее[28]. Находка еще одной афинской тетрадрахмы II–I вв. до н.э. зарегистрирована в Диоскуриаде в 1949 г.[29]

Д.Б. Шелову не были известны какие-либо находки афинских монет на Боспоре, что привело его к предположению о том, что афинское и пантикапейское серебро не соприкасались в обращении[30]. Зарегистрированные находки (в том числе, монеты, присутствующей в составе клада 1948 г.) опровергают этот тезис.

Наксос

В 1938 г. при раскопках в Фанагории на холме В обнаружено здание эллинистического времени (героон?), в буте пола которого была найдена монета Наксоса III в. до н.э.[31] Монета была определена А.Н. Зографом, но тип не указан[32].

2. Малая Азия

Мисия

Чеканка центров Мисии представлена в боспорских находках электровыми и серебряными монетами Кизика VI–IV вв. до н.э., а также монетами Пергама II–I вв. до н.э. Электровые статеры Кизика, игравшие роль интерлокальной валюты, получили широкое распространение на Боспоре. Находки отдельных экземпляров и целых кладов известны с середины XIX в. до наших дней[33]. Самый ранний клад кизикинов был найден в Патрее в 1998 г.[34] Он содержал три электровых гекты или гемикеты Кизика 600–460 до н.э. и один пантикапейский диобол 500–475 до н.э. До открытия этого клада совместные находки электровых кизикинов и раннего боспорского серебра не были известны. Малые фракции статера также не встречались в кладах.

Отдельные кизикины, проникшие на Боспор, датируются еще VI в. до н.э.

Среди них — гемигекта с изображением на аверсе краба, держащего в своих клешнях голову тунца, найденная в Кепах[35]. По хронологии А. Бэлдвин Бретт, она относится к 600–550 гг. до н.э.[36] Другой тип кизикина VI в. до н.э. был найден в Пантикапее в 1948 г.: на л.с. его изображена голова вепря влево, сзади — тунец[37]. С. Хуртер и Г. Ливальд датируют этот тип 550–520 гг. до н.э.[38]. Клад 1998 г. из Патрея включал два кизикина VI в. до н.э. Первый из них — гекта с изображением на аверсе тунца вертикально вниз между двух голов тунца, обращенных вправо и влево; по сторонам от тунца — по две точки. По хронологии вон Г. Фритце, кизикин относится к 600–550 гг. до н.э.[39] Второй экземпляр — гекта или гемигекта с изображением на аверсе головы Афины в коринфском шлеме и тунца справа от нее. А. Бэлдвин Бретт датирует этот тип 550–500 гг. до н.э.[40]. Мирмекийский клад 2003 г. включал статер того же типа[41]. Недавно Е.В. Захаров опубликовал найденный в Патрее в 2009 г. неизвестный ранее тип кизикина с головой барана влево и тунцом, который, по-видимому, относится к 550–500 гг. до н.э.[42]

Между тем совсем не обязательно, что кизикины VI в. до н.э. поступали на Боспор именно в этом столетии. Данные кладов из Патрея (1998) и Мирмекия (2003) свидетельствуют, что кизикины ранних групп обращались на Боспоре и в более позднее время: в Патрейском кладе кизикины VI в. до н.э. соседствуют с кизикином, принадлежащим к периоду 500–460 гг. до н.э.[43] и боспорским серебром первой четверти V в. до н.э. Мирмекийский клад содержал кизикины как VI в., так и V–IV вв. до н.э. В денежном обращении, таким образом, одновременно участвовали кизикины всех хронологических групп. Очевидно, отдельные кизикины проникали на Боспор в VI в. до н.э., но регулярное их поступление в регион приходится на V в. до н.э. В V–IV в. до н.э. их приток в Северное Причерноморье заметно усилился. Нам известны единичные находки на Боспоре кизикинов V–IV вв. до н.э. Так, например, статер с изображением фигуры Геи с младенцем Эрехтонием, найденный на окраине Фанагории[44], датируется 460–400 до н.э.[45] Сатер с изображением головы Зевса-Аммона из раскопок Нимфея[46] относится к 400–330 гг. до н.э.[47] (Табл. I, В).

Большинство найденных на Боспоре кладов кизикинов принадлежит к IV в. до н.э. В 1835 г. в Керчи был найден клад, содержавший около 250 кизикинов[48]. Четыре статера поступили в Эрмитаж; их весовые данные приведены в работе В. Гринвэлла 1887 г.[49] Все они принадлежат к IV группе, по хронологии Г. вон Фритце и А. Бэлдуин Бретт, и датируются 400–330 гг. до н.э. (Табл. I, А). Осенью 1997 г. в пос. Волна (Темрюкский р-н Краснодарского края), был найден клад кизикинов (более 20 экз.). Он попал в частные руки; лишь несколько кизикинов III и IV групп (по хронологии Г. вон Фритце) приносились в ГИМ для определения. Осмотренные монеты позволяют датировать тезаврацию клада 400–330 гг. до н.э.[50] В первой четверти IV в. до н.э. был зарыт Мирмекийский клад 2003 г., содержавший 99 кизикинов[51]. Все остальные известные клады с кизикинами содержали также пантикапейское золото IV в. до н.э. Среди боспорских находок — клад из Тамани (до 1854 г.) и Пуленцовский клад 1845 г. Последний содержал около 70 монет[52]. Два кизикина поступили в Одесский музей[53], четыре — в Эрмитаж (Табл. I, Б). Пуленцовский клад был зарыт, очевидно, в 30-х или начале 20-х гг. IV в. до н.э.[54] Наконец, в

Кизикины из Керченского клада 1835 г. (Эрмитаж)

Кизикины из Пуленцовского клада (Эрмитаж)

Кизикин из Фанагории (ГМИИ)

Кизикин из Нимфея (КГИКЗ)

Таблица I

архиве А.Н. Зографа[55] имеются сведения о находке в ст. Тамань клада, содержавшего два золотых двойных кизикских статера и статера в три четвертных совместно с тремя золотыми статерами Пантикапея[56].

Вне сомнения, большая часть кладов с кизикинами и пантикапейскими статерами были зарыты в 30-х или начале 20-х гг. IV в. до н.э. По мнению Д.Б. Шелова, превращение этих монет в сокровища являлось проявлением демонетизации их вследствие наполнения рынка александровскими статерами[57].

Помимо электровых статеров, серебряные монеты Кизика (фракции обола) также получили широкое распространение на Боспоре. Клад 1948 г. из Пересыпи (Тирамба)[58] содержал кизикский тетартеморий типа «протома крылатого кабана; сзади тунец — львиная голова с раскрытой пастью; вдавленный квадрат», датируемый 480–450 гг до н.э.[59] (Табл. II, 2). Не заметив изображения тунца, почти срезанного краем монеты, мы ошибочно отнесли экземпляр к серебряной чеканке Самоса[60], приняв его за монету 510–500 гг. до н.э.[61] Однако в нашем «Корпусе боспорских кладов» мы отметили близость таких самосских и кизикских монет[62], заметив, что этот самосский тип, бесспорно, пользовался широкой популярностью в международной торговле, о чем свидетельствует воспроизведение его в серебряной чеканке Кизика указанного времени: он в точности повторен на тригемиоболах, оболах и тритартемориях[63]. Подобные монеты Кизика часто встречаются на Таманском полуострове и в Пантикапее[64].

К более позднему времени относится чеканка другого центра Мисии — Пергама, представленная в боспорских находках двумя монетами. Бронзовая пергамская монета типа «голова Зевса — орел», датируемая II–I вв. до н.э., происходит из раскопок Пантикапея 1958 г.[65] Вторая находка — серебряный кистофор 133–67 гг. до н.э.[66] из раскопок Нимфея 1964 г.[67] (Табл. IV, 1).

Иония и острова

Среди иноземных монет, найденных на Боспоре, заметную группу составляют монеты Ионии и близлежащих островов. Самыми ранними из них являются две мелкие серебряные монеты неизвестного ионийского центра, найденные на Тамани. Обе они принадлежат к одному и тому же типу: «голова льва с раскрытой пастью влево — вдавленный квадрат» и датируются V в. до н.э. Первый экземпляр происходит из раскопок Фанагории 2005 г.[68] (Табл. II, 3); второй — с территории Таманского полуострова, точное место находки неизвестно[69] (Табл. II, 3). Огромный Авреольский клад[70] содержал точно такие же монеты, которые Е. Бабелон датировал 480–470 до н.э.[71]

В Пантикапее найдена серебряная драхма г. Эрифры[72], датируемая 330–300 гг. до н.э.[73] Ближайшая находка монеты этого центра зарегистрирована в Ольвии[74] — электровый гемистатер или гекта (?) VI в. до н.э.[75]

В Мирмекии в 1935 г. зафиксирована бронзовая монета Фокеи[76], которая относится к 300–250 гг. до н.э.[77]

Кроме монет приморских городов Ионии на Боспоре известны монеты островов — Самоса и Хиоса. Ранние серебряные монеты Самоса редки на Боспоре. П.О. Бурачков опубликовал рисунок и описание такой серебряной монеты, которую он считал боспорской[78]. Однако А.Л. Бертье-Делагард в своих «Поправках Общего каталога монет П.О. Бурачкова» определил ее как монету

Самоса[79]. Точно такой же тип с изображением на аверсе голова Геры, а на реверсе головы льва с раскрытой пастью, сзади ΣΑΜ, был издан Дж. Бэрроном[80], который отметил, что этот обол имеет несомненное самосское происхождение и датировал его серединой V в. до н.э.[81] Подобные монеты входили в состав Нимфейского (Эльтигенского) клада 1907-1908 гг.[82], о котором А.Л. Бертье-Делагард сообщал: «только что найден большой клад в две-три сотни монет Пантикапея, конца V, начала IV века, и меж ними единственно чужие были монеты Самоса. Такое большое значение этого города в жизни Пантикапея, выдвигаемое нумизматикой, ничем иным еще не указывалось»[83].

В.Ф. Столба, посвятивший Эльтигенскому кладу ряд работ, считает, что клад содержал монеты с легендой ΣΑΜΜΑ и ΣΑΜ, которые, по его мнению, были выпущены не на Самосе, а в Нимфее неизвестным боспорским тираном[84]. В этой статье я намеренно не буду касаться дискуссии о принадлежности этих монет, поскольку это не входит в круг задач работы. Подчеркну только, что никаких прямых или косвенных сведений о присутствии монет с легендой ΣΑΜΜΑ в Эльтигенском кладе не существует. Единственным источником информации является только рапорт № 35 от 31 марта 1908 г. в Императорскую Археологическую Комиссию директора Керченского музея В.В. Шкорпила[85], в котором тот, перечисляя отправленные им в ИАК серебряные монеты из Эльтигенского клада, первой указывает самосскую монету с изображением головы Геры и льва, купленную им у находчиков клада за 4 рубля. В примечании он указывает: «Бурачков неправильно считает монеты этого типа пантикапейскими: стр. 162, № 173 и табл. XXII, № 174; срв. «Поправки» Бертье-Делагарда, стр. 23». 2 мая 1908 г. на данном рапорте поставлена резолюция А.К. Маркова о том, что «для Императорского Эрмитажа требуется только самосская монета № 1». Таким образом, рапорт В.В. Шкорпила подтверждает поступление в Эрмитаж одной самосской монеты из Нимфейского клада.

Другие находки раннего самосского серебра на Боспоре нам неизвестны. Еще Д.Б. Шелов справедливо возражал против высказываемого в археологической литературе утверждения, что на Боспоре часто находят самосские монеты. Он подчеркивал, что ни самосские, ни какие-либо другие монеты, кроме кизикинов, не имели регулярного хождения на Боспоре в VI–V вв. до н.э., хотя, конечно, отдельные монеты разных городов периодически случайно попадали в Северное Причерноморье[86].

Две бронзовых монеты принадлежат чекану Хиоса: монета 400–350 гг. до н.э.[87] из раскопок в Нимфее[88] и монета 84–30 гг. до н.э.[89], найденная в Патрее[90]. Еще К.В. Голенко отмечал что, находки хиосских монет в Северном Причерноморье единичны и упоминал всего еще две известные ему монеты[91].

Из ближайших находок ионийских монет в Северном Причерноморье известны медные монеты Приены и Клазомен III в. до н.э., происходящие из Ольвии[92].

Эолия и Лесбос

Одной из самых ранних иноземных монет на Боспоре является биллоновый лесбосский гемистатер из раскопок в Пантикапее[93] (Табл. II, 1). На аверсе изо-

бражена голова теленка влево, на реверсе — quadratum incusum неясных очертаний[94]. Монеты данного типа чеканились по персидскому стандарту. Вслед за В. Росом[95], их принято даторивать 550–440 гг. до н.э. Это первая ранняя монета Лесбоса, зафиксированная в Северном Причерноморье. А.И. Анисимов, издавший данный гемистатер, полагал, что тот не мог обращаться на денежном рынке Пантикапея и попал в боспорскую столицу случайно, в результате торговых операций, которые активно осуществлялись между ионийскими центрами и Северным Причерноморьем в VI–V вв. до н.э. Анализ амфорного материала из Пантикапея привел А.И. Анисимова к выводу о большом значении о. Лесбос в торговле с боспорской столицей[96].

Монета Митилены II в. до н.э. (вместе с монетами Родоса и Коса) найдена в составе неопубликованного клада с на хоры Фанагории. Ближайшая находка монеты этого города на Лесбосе зафиксирована в Ольвии[97].

Насколько мне известно, единственная монета, поступившая на Боспор из Эолии, принадлежит чекану Мирины. Бронзовая монета этого центра, датируемая II в. до н.э., обнаружена при раскопках Кеп[98].

Родос и Кос

Серебряные и медные монеты Родоса изредка попадают на Боспорский рынок, начиная со второй половины IV в. до н.э. Так, родосская серебряная гемидрахма второй половины IV в. до н.э.[99] найдена в Пантикапее в 1985 г.[100]. Находка гемидрахмы конца II в. до н.э. зарегистрирована в Горгиппии в 1923 г.[101] А.Н. Зограф рассматривал эту находку в контексте находок малоазийских монет Понта и Каппадокии. Он обратил внимание на то, что монеты Родоса в эллинистическую эпоху имели распространение в восточной половине Эгейского моря и на примыкающем к нему побережье Малой Азии. В это же время между Родосом и Синопой устанавливается прочная связь[102]. Н.А. Фролова также разделяет мнение А.Н. Зографа о широком распространении родосских монет эллинистического времени в восточной половине Эгейского моря и их проникновении далеко на север[103].

Две бронзовых родосских монеты типа «голова Гелиоса — роза»[104] найдены в Фанагории в 1986 и 1996 гг.[105] Как отмечает опубликовавший их Р. Эштон, эта находка подтверждает вывод А. Брессона[106], детально рассмотревшего торговые связи между Родосом и Северным Причерноморьем в эллинистический период, о том, что автономная чеканка Родоса не представлена сколько-нибудь в значительном объеме за пределами юго-востока Малой Азии и близлежащих островов[107]. Кажется, кроме упомянутых монет, только в Ольвии зарегистрирована находка серебряной гемидрахмы II–I вв. до н.э.[108]

Медная монета Коса II в. до н.э. (вместе с монетами Митилены и Родоса) происходит из клада, найденного на хоре Фанагории.

Понт, Пафлагония и Вифиния

Бронзовая монета Кромны, датируемая 340–300 гг. до н.э.[109], найдена в Пантикапее[110]. Эта находка рассматривалась К.В. Голенко и Д.Б. Шеловым как результат случайных политических или экономических отношений[111]. Между тем эту находку следует рассматривать в контексте находок других монет Паф-

лагонии и Понта, регулярно поступающих в Северное Причерноморье и на Кавказ. Так, например, серебряные драхмы Синопы зарегистрированы в Ольвии[112] (IV в. до н.э.) и в Сухуми[113] (III в. до н.э.).

В 1935 г. серебряная драхма Амиса конца II в. до н.э.была найдена в Тиритаке[114], в 1936 г. — в Фанагории[115] Такие драхмы Амиса играли большую роль в торговле в Понте и были обнаружены также в Никонии, Херсонесе, в Западной Грузии[116]. На Боспоре они служили материалом для массовой перечеканки из них пантикапейских драхм[117].

Находка серебряного гемиобола Гераклеи Понтийской (Вифиния) типа «голова Геракла — протома бодающего быка влево, НРАК»[118], датируемого IV в. до н.э., зарегистрирована в Нимфее. Монета попала в частную коллекцию и была опубликована О.Н. Мельниковым[119]. Проникновение этой монеты на Боспор связано, по-видимому, с конфликтом между Гераклеей и Спартокидами[120]. Следует добавить только, что монеты эллинистического времени, принадлежащие городам Вифинии — Калхедону и Тиуму и монеты царей Прусия I и Прусия II также известны в Северном Причерноморье: они происходят, например, из Ольвии[121].

Медные монеты понтийских городов 130–65 гг. до н.э.

В отличие от других иноземных монет понтийская городская медь митридатовского периода играла весьма значительную роль в денежном обращении Боспора.

Наиболее ранние монеты относятся к самому началу правления Митридата VI и принадлежат к группе так называемых «понтийских анонимных монет» с изображением звезды на реверсе. Первая находка подобной монеты зарегистрирована в Тиритаке в 1947 г.[122]: на аверсе ее изображен кожаный шлем и маленькая голова Пана, на реверсе — звезда[123]. Вторая монета происходит из раскопок в Фанагории в 1996 г.[124] и представлена типом «мужская голова в афинском шлеме — восьмилучевая звезда и два месяца, монограмма»[125]. Ф. Имхоф-Блумер относил такие монеты к чеканке наместников Митридата VI на Боспоре и в Колхиде[126]. А.Н. Зограф[127] разделял его точку зрения. А. Бэлдуин[128] считала, что такие монеты были выпущены при Митридате VI в Понте. П. Кольб датировал их временем Митридата III и Митридата IV[129]. К.В. Голенко исключал возможность чеканки этой анонимной меди на Боспоре и в Колхиде и относил их к так называемой наместнической чеканке понтийских сатрапов, датируемой серединой III в. до н.э. по 30-ми годами II в. до н.э.[130] М. Прайс отнес анонимную чеканку со звездой к неопределенному двору Боспора или Понта (возможно, Амиса?) и датировал их 130–100 гг. до н.э.[131] В. Стэнкомб также приписывал ее неизвестному монетному двору Понта и датировал тем же отрезком времени[132]. Наконец, С.Ю. Сапрыкин предположил, что монеты со звездой выпускались в Комане в 123/120–105/90 гг. до н.э.[133]

После включения Боспорского царства в состав державы Митридата VI монетное дело Боспора и Понта было унифицировано. Интенсивное обращение понтийских монет на Боспоре было одним из следствий инноваций в экономике при Митридате VI[134]. Материалы из раскопок всех боспорских поселений свидетельствуют об большой роли понтийской меди в денежном обращении

Боспора в митридатовский период[135]. Начиная со 120-111 гг. до н.э. понтийские медные монеты проникают на боспорский денежный рынок[136]. К.В. Голенко насчитал 96 понтийских монет, найденных в городах Боспора[137], Д.Б. Шелов — 99 экземпляров, причем по его данным преобладает чекан Синопы[138]. Известные нам боспорские клады содержали около 160 понтийских монет митридавского времени, из которых половина принадлежит Амису[139]. Количество синопских монет немногим меньше; чеканки Таулары, Амасии, Амастрии, Команы представлены единичными экземплярами. Понтийские монеты входили в состав следующих кладов: Пантикапей (1852, 1897, 1910)[140], Тиритака (1935)[141], Мирмекий (1949)[142], Патрей (1950)[143] (Табл. III, 8, 9), Куматырь (1976)[144] (Табл. III, 1, 4, 7), Фадеево (1977)[145] (Табл. III, 2, 3, 5, 6), Полянка (1984-1985)[146]. В ходе раскопок 2007-2008 гг. в Фанагории при расчистке остатков сгоревшего здания были найдены 7 кошельков и горсть монет на тарелке, в составе которых оказалось 30 оболов и тетрахалков Амиса, Газиуры, Таулары, Амастрии и Фарнакии[147] (Табл. III. 11). В 2008 г. на поселение «Береговой» (Таманский п-в) были найдены четыре монеты Амиса типа «голова Персея — пьющий Пегас»[148], датируемые 85-65 гг. до н.э.

Множество единичных находок понтийских монет зарегистрировано в Пантикапее (Табл. III, 10 — КГИКЗ, инв. № 4656)[149], Илурате, Тиритаке и Мирмекии[150], Китее[151], в окрестностях Феодосии[152], Патрее[153], Фанагории[154] и ее округе[155], Горгиппии[156], Кепах[157]. Результаты раскопок в Горгиппии демонстрируют доминирование чекана Синопы на денежном рынке этого города. Помимо синопских в Горгиппии зарегистрированы монеты Амиса, Амастрии, Команы. В Фанагории монеты Синопы и Амиса также доминируют среди понтийских монет[158] (Табл. III, 11, 12). Такая же ситуация наблюдается на рынке Патрея[159]. Раскопки в Нимфее дали монеты Фарнакии, Амиса и Синопы при преобладании амисского чекана[160]. Реже всего встречаются монеты Фарнакии: находки их зарегистрированы в окрестностях Феодосии[161], Тиритаке[162], Мирмекии[163], Пантикапее[164], Нимфее[165] и Фанагории[166].

Вслед за Ф. Имхов-Блумером, К.В. Голенко также делил все понтийские монеты на пять хронологических групп: 1) 120–111 гг.; 2) 111–105 гг.; 3) 105–90 гг.; 4) 90–80 гг.; 5) 80–70 гг. Он пришел к заключению о том, что регулярное проникновение понтийских монет на Боспор приходится на период 111–105 гг. до н.э. Приток их в регион заметно увеличился в 105–90 гг. до н.э., а максимальное количество их относится уже к заключительной группе меди митридатовского времени, датируемой 80–70 гг. до н.э. [167] Такие же наблюдения сделал и Д.Б. Шелов[168], отметивший преобладание в боспорских находках понтийских медных монет, выпущенных в конце правления Митридата VI. П.О. Карышковский, анализируя материалы находок понтийских монет в Северном Причерноморье, установил, что в Ольвии и Херсонесе преобладают монеты 111–105 гг. до н.э., в то время, как большая часть понтийской меди, обращавшейся на Боспоре, относится к 80–70 гг. до н.э.[169]

Северное Причерноморье (Херсонес, Ольвия, Тира)

Находки монет греческих городов Северного Причерноморья не столь многочисленны на Боспоре; следовательно, монеты этих центров не играли сколь-

ко-нибудь заметной роли на боспорском денежном рынке. Тем не менее, нам известно уже 39 находок монет указанных центров (см. Приложение, № 99–137), давших в целом 43 монеты, из которых на долю Херсонеса приходится 15 экземпляров, Ольвии — 23, Тиры — 5.

В свое время Д.Б. Шелов отмечал почти полное отсутствие монет Херсонеса на Боспоре и пришел к заключению о том, что они сюда практически не попадали[170]. Однако, дальнейшие находки свидетельствуют об обратном и предполагают достаточно тесные херсонесско-боспорские связи. Ранние херсонесские монеты проникают на Боспор уже в IV в. до н.э. В Горгиппии зарегистрирована находка херсонесского типа «голова льва — звезда»[171], датируемого серединой IV в. до н.э.[172]. Недалеко от Горгиппии на античном поселении у хут. Суворово-Черкесского[173] найдена серебряная херсонесская драхма начала I в. до н.э.[174] Наконец, на поселении Андреевская щель рядом с Горгиппией[175] был найден тетрахалк типа «голова Девы — орел на молниях, ХЕР», датируемый 70–60 гг. до н.э.[176]

Ранние монеты Херсонеса найдены также при раскопках в Фанагории в 2008 г. Тип «квадрига — коленопреклоненный воин, ХЕР»[177], датируемый 350–330 гг. до н.э. или 339 г. до н.э.[178], обнаружен в затопленной части Фанагории[179] (Табл. II, 10). Вторая монет из Фанагории[180], представленная типом «янусовидная голова — лев, терзающий быка, ХЕР»[181], также датируется 350–330 гг. до н.э. (Табл. II, 9). По одной монете типа «голова Девы — львиный скальп, ХЕР»[182] того же времени найдено в Пантикапее[183] и Нимфее[184]. Раскопки в Нимфее[185] дали также серебряную херсонесскую драхму 90–80 гг. до н.э.[186].

Херсонесская монета II в. до н.э. предположительно типа «мужская голова — палица, ХЕР, ВОΛΛΙΩΝ»[187] зарегистрирована в Тиритаке. Из-за очень плохой сохранности А.Н. Зограф признал ее херсонесской со знаком вопроса[188].

Три херсонесских монеты найдены в Китее[189], из которых дихалк типа «голова Девы — внутри венка — пасущийся олень вправо, ХЕР» датируется 90–80 гг. до н.э.[190], две остальных относятся к римскому времени (см. ниже).

Херсонесские монеты встречаются и в других кладах. Так, клад с античного поселения Полянка 1984 г.[191] включал тетрахалк типа «голова Девы — орел на молниях, ХЕР», датируемый 70–60 гг. до н.э.[192]. Херсонесская монета 90–80 гг. до н.э.[193] входила в состав Керченского клада 1870 г.[194]

Боспоро-ольвийские связи отражают находки ольвийских монет на ряде боспорских городищ[195]. Ольвийские дельфины V в. до н.э. зарегистрированы в Фанагории[196], Мирмекии[197], Нимфее[198]. Ольвийские «борисфены» конца IV — первой половины III вв. до н.э. найдены в Пантикапее[199], Нимфее[200] и Фанагории[201] (Табл. II, 11, 12). Тип «голова Деметры — орел на дельфине, ΟΛΒΙΟ», датируемый 325–275 гг. до н.э.[202], происходит из раскопок Мирмекия[203]. Три экземпляра типа «голова Аполлона — дельфин, ΟΛΒΙΟ»[204] 325–275 гг. до н.э. найдены в Патрее[205]. Тип «голова Афины — сова», датируемый 270–240 гг. до н.э.[206], зарегистрирован в Гермонассе[207]. Тип «голова Тихэ — лучник, ΟΛΒΙΟ»[208], датируемый первой четвертью III в. до н.э., найден в Фанагории[209]. В Керченском Музее древностей хранились следующие ольвийские типы[210]: 1) голова Аполлона (Деметры — М.А.) влево — орел на дельфине, ΟΛΒΙΟ; 2) голова Деметры вправо — орел на дельфине, ΟΛΒΙΟ–ΔΙΟ[211]; и

Таблица II

5 «борисфенов» с сокращением магистратского имени ΒΟΣ[212].

Ранняя чеканка Тиры представлена единственной монетой очень плохой сохранности из раскопок в Гермонассе[213]. Она датируется второй половиной III в. до н.э.[214]. Остальные монеты Тиры относятся к римскому времени (см. ниже).

Восточное Причерноморье: Колхида

Редкие ранние серебряные монеты Колхиды попадали на Боспор еще в конце V — начале IV вв. до н.э. Так, серебряная дидрахма (статер) этого отрезка времени случайно найдена в Гермонассе в 1960 г.[215] На аверсе изображена голова Артемиды в линейном ободке, на реверсе — две женские головы, обращенные лицом друг к другу, внутри вдавленного прямоугольника, разделенного перегородкой на два квадратных поля[216].

Две обычных серебряных колхидки (гемидрахмы) 420–375 гг. до н.э.[217] обнаружены в 1941 г в святилище Деметры в Нимфее совместно с фрагментами колхидских пифосов[218].

В митридатовский период на боспорский денежный рынок проникла масса халков Диоскуриады[219]. Нам известно 15 находок монет этого полиса на Боспоре (см. Приложение, № 141–155). Одну монету Диоскуриады содержал Судакский клад 1959 г.[220]. Подобные монеты найдены при раскопках Пантикапея[221] (Табл. III, 15 — КГИКЗ), Мирмекия[222], Тиритаки[223], Нимфея[224], Китея[225], Патрея[226], Фанагории[227], Кеп[228], Горгиппии[229]. По подсчетам Г.Р. Цецхладзе, около 65 монет Диоскуриады было найдено в Ольвии, Херсонесе и боспорских городах[230].

Исходя из топографии многочисленных находок монет Диоскуриады в Северном Причерноморье при почти полном отсутствии их на Кавказе, К.В. Голенко сделал очень спорное предположение о целенаправленном завозе диоскурийской меди в регион для покрытия якобы бы ощущавшегося здесь дефицита монет младших номиналов. А.М. Гилевич и, вслед за ней, А.И. Анисимов напротив, связывали распространение диоскурийских монет в Херсонесе с перемещением сюда каких-то войск Митридата VI из Колхиды в конце II в. до н.э.[231], что представляется нам более аргументированным объяснением циркуляции диоскурийских монет в данном регионе.

П.О. Карышковский отмечал широкое распространение монет Диоскуриады вдоль восточного побережья Черного моря до Ольвии и их заметную роль на рынках Тавриды. Однако единичные находки таких монет заставляют предполагать, что они были занесены в Ольвию вместе с монетами понтийских городов[232]. Я также допускаю, что находки монет Диоскурии на Боспоре свидетельствуют об унификации понтийского денежного обращения при Митридате VI.

3. Монеты эллинистических монархий (IV–I вв. до н.э.)

Македония и Фракия[233]

Как известно, кизикины и пантикапейские статеры были вытеснены с бос-

Таблица III

порского рынка золотом Филиппа II и Александра Великого. Статеры Александра III никогда не встречались в кладах, зато их находят на городищах и в погребениях, особенно на Таманском полуострове[234]. В то же время, на территории Боспорского царства зарегистрировано не так много статеров Филиппа II, Александра III и Филиппа III Арридея.

Кажется, первой зафиксированной находкой был золотой статер Филиппа II, найденный в 1818 в гробнице в кургане рядом с Фанагорийской крепостью (некрополь Гермонассы)[235]. В Пантикапее была случайно найдена четверть статера Филиппа II (вес — 2.12 г) типа «голова Геракла в львиной шкуре — лук и палица, ΦΙΛΙΠΠΟΥ»[236]. Подобные монеты чеканились в Пелле и Амфиполе, как при жизни Филиппа II, так и после его смерти[237]. В Керченском Музее древностей хранилась золотая монета достоинством в 1/8 статера Филиппа II типа «голова Геракла — трезубец, ΦΙΛΙΠΠΟΥ»[238]. Такие монеты чеканились в Пелле в 345–328 гг. до н.э.[239] В Керченский Музей древностей поступила также и серебряная тетрадрахма Филиппа II[240].

Сводка находок статеров Александра Великого составлена А.Н. Зографом[241]. Самый ранний статер происходит из Зеленского кургана[242] и датируется концом 30-х годов IV в. до н.э.[243]. Другой экземпляр оттуда же отчеканен в 20-х годах[244].

Еще один статер Александра Великого был найден при раскопках в Пантикапее экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством В.П. Толстикова[245] (Табл. II, 6; цв. вкл. № 24, рис. 1). М. Прайс относит данный тип к чекану «Амфиполиса» и датирует его 330–320 гг. до н.э.[246] Точно такой же статер входил в состав Анадольского клада[247].

Единственной известной нам серебряной монетой Александра Великого является тетрадрахма из коллекции Керченского музея древностей[248], но твердой уверенности в ее боспорском происхождении нет.

Два статера Филиппа III Арридея найдены в Фанагории[249]. Один из них, по каталогу М. Прайса, относится к чеканке Абидоса и датируется 323–317 гг. до н.э.[250] (Табл. II, 7; цв. вкл. № 24, рис. 2). Аналогичный экземпляр имеется в Анадольском кладе[251]. Второй экземпляр принадлежит неизвестному восточному монетному двору и датируется 325–300 гг. до н.э.[252] (Табл. II, 8; цв. вкл. № 24, рис. 3).

Подобно кизикинам, которые на Боспоре были сменены александровскими статерами, статеры Александра Великого постепенно уступили место золоту Лисимаха. Первые лисимаховские статеры, попавшие на Боспор, были отчеканены еще при его жизни (т.е. в самом конце IV или начале III в. до н.э.) и ходили параллельно с посмертными выпусками Александра Великого. Однако основная масса лисимаховского золота, найденного на Боспоре, принадлежит к более позднему времени. Они выпускались городами Западного Причерноморья и особенно Византием после смерти Лисимаха в III–II вв. до н.э[253]. Статер Лисимаха был обнаружен в гробнице на Комендантской горе около Фанагории[254]. М. Ростовцев упоминал статер Лисимаха, найденный в Фанагории, и статер Александра Великого, найденный среди погребалного инвентаря в могиле на Зеленой горе, рядом с Фанагорией[255]. В пос. Марьина Роща, Геленджикского района Краснодарского края, был найден золотой статер Лисимаха обычного типа[256]. В дальнейшем, оригинальные македонские и фракий-

ские статеры были вытеснены с боспорского рынка статерами александровского и лисимаховского типа.

Бронзовые македонские и фракийские монеты V–IV в. до н.э. редко встречаются на Боспоре. Так, например, самой ранней иноземной монетой, найденной в Горгиппии (1982 г.)[257], является монета Византия типа «бык, под ним дельфин, вверху ΓΥ — трезубец, по сторонам дельфины», датируемая V–IV в. до н.э. (в — 2.52 г)[258]. Здесь же в 1971 г.[259] была найдена и бронзовая монета Филиппа II типа «голова Аполлона — всадник»[260]. Находка в Горгиппии медных монет Византия и Филиппа II хорошо согласуется с уже известными данными об обращении на Боспоре золота Филиппа II и Александра Великого[261]. Ближайшая к Боспору находка медной монеты Византия IV–III вв. до н.э. зафиксирована в Ольвии[262].

Ближайшие к Боспору находки золотых и медных монет македонских царей Филиппа II, Александра III, Филиппа III и Кассандра, а также золота и меди Лисимаха зарегистрированы в Ольвии; отсюда же происходит и македонская медь IV–II вв. до н.э.[263].

Статеры александровского и лисимаховского типа обращались на Боспоре в IV–I вв. до н.э. Единичные находки статеров александровского типа немногочисленны и почти все происходят из погребений. Так, статер александровского типа, датируемый 320–310 гг. до н.э., был найден в кургане на мысе Ак-Бурун[264]. Еще один статер александровского типа, отнесящийся к 310–300 гг. до н.э., происходит из Большой Близницы[265].Статер александровского типа, чеканенный в Вавилоне в 323–300 гг. до н.э., найден в 1935 г. в кургане Золотая Горка, близ станицы Тульская (Краснодарский край)[266] Статер из станицы Таманской (Гермонасса) датируется уже началом III в. до н.э.[267] Археологические источники свидетельствуют о параллельном обращении на денежном рынке Боспора статеров александровского и лисимаховского типов, игравших роль международной валюты, и редких золотых статеров Гигиенонта (ок. 165–150), Перисада III (180–170/160), Перисада IV (170/160–145/140), Перисада V (ок. 140/130–111/110 ВС). Иноземное золото играло более важную роль в экономике Боспора, чем местное, поскольку Спартокиды подражали золотой чеканке Лисимаха в репрезентативных целях[268].

Большинство статеров лисимаховского типа, найденных в боспорских погребениях, относится к чеканке Византия III–II вв. до н.э. Многочисленные индикации, сделанные с них, также встречаются в погребениях. После смерти Лисимаха в 281 г. до н.э. его статеры продолжали выполнять роль международной валюты в Причерноморье[269], включая Боспор, где значительное их количество найдено в погребениях[270]. Позднее боспорский денежный рынок наводнили статеры лисимаховского типа, чеканенные в Византии и городах Западного Причерноморья. Отличительными признаками статеров Византия является изображение трезубца в качестве дифферента в нижней части реверса и буквы BY, указывающие на монетный двор. Образ царя на аверсе поздних подражаний приобретает портретные черты Митридата VI и его сыновей[271]. Статеры лисимаховского типа, чеканенные в Византии, получили широкое распространение по обоим берегам Боспора[272]. В 2000 г. такой статер был зарегистрирован на укреплении Биюк Янышар, рядом с Феодосией[273].

В 1908 г. рядом с Туапсе был найден клад, включавший 96 статеров лисимаховского типа[274]. Все монеты относились к чекану Византия. Согласно хронологии выпусков Византия, разработанной Х. Сейригом[275], Туапсинский клад датируется временем около 200–175 гг. до н.э.

Селевкиды

Чеканка Селевкидов представлена единственной бронзовой монетой II в. до н.э., найденной в Пантикапее[276]. Эта монета, по-видимому, проникла на Боспор через Кавказ, где находки монет Селевкидов распространены[277]. С другой стороны, ближайшая находка (бронзовой монеты Антиоха I) зарегистрирована в Ольвии[278].

Иудея

Чеканка Иудеи также представлена одной бронзовой монетой, найденной при раскопках в Мирмекии в 1935 г.[279] Чрезвычайно плохая сохранность монеты не позволила А.Н. Зографу и Л.П. Харко точно определить ее. Как известно, с ослаблением власти Селевкидов, Иудея добилась автономии от бывших правителей в конце II в. до н.э. Александр Яннай (103–76 гг. до н.э.) стал первых царем из династии Хасмонеев, чеканившим монету. Монеты с легендами на иврите выпускались вплоть до правления Антигона (40–37 гг. до н.э.). Таким образом, иудейская монета из Мирмекия может быть датирована 103–37 гг. до н.э. Мне не удалось найти какую-либо информацию о находках других иудейских монет где-либо поблизости. Насколько я знаю, они никогда не встречались ни в Ольвии, ни на Кавказе. Находка данной монеты в Пантикапее связана, скорее всего, с существованием там иудейской общины.

Понтийское царство

На Боспоре известны находки монет, чеканенных от имени двух царей Понта — Митридата VI Евпатора и Полемона I (37–8 гг. до н.э.). Чеканка от имени Митридата VI представлена на Боспоре двумя монетами. В 1992 при раскопках храма в антах был найден уникальный золотой статер 229 г.б.э. = 69/68 гг. до н.э., хранящийся в Керченском музее (Табл. III, 13)[280].

В 2008 г. в Фанагории обнаружена тетрадрахма Митридата VI Евпатора[281] типа «голова царя — пьющий Пегас влево; слева звезда и месяц; ΒΑΣΙΛΕΩΣ Μ[ΙΘΡΑΔΑ]ΤΟΥ ΕΥΠ[ΑΤΟ]ΡΟΣ; вокруг плющевый венок»[282] (Табл. III, 14). Дата на монете не сохранилась, но экземпляр, очевидно, принадлежит к группе тетрадрахм, выпущенных в период с 96/95 по 86/85 г. до н.э.[283] Ближайшие к Фанагории находки тетрадрахм Митридата Евпатора зарегистрирована в Лечкопи, близ Сухума (с датой ГКУ — 223 г. понт. э. = 75/74 г. до н.э.)[284], а также в сел. Кведа Вани (Грузия)[285]. П.О. Бурачков поместил в своем «Общем каталоге» изображения пяти тетрадрахм и одного статера[286], но происхождение их с территории Боспора ничем не подтверждается. Напротив, сам он писал, что ему ничего неизвестно о находках в Керчи «медалей» Митридата VI[287]. А.Н. Зограф также отмечал, что золото и серебро Митридата VI, по-видимому, не имело систематического обращения на Кавказе и проникало туда более или менее случайно[288].

Монеты другого понтийского царя — Полемона I были найдены в составе клада 1870 г. с Фанталовского п-ова)[289], который включал 17 драхм Полемона,

денарий Юлия Цезаря и 4 боспорских золотых статера. Е.Е. Люценко, описывая драхмы Полемона I, сообщает, что среди них имелись экземпляры с легендами ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ ΕΥΣΕΒΟΥΣ и ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ, сопровождавшими портрет Полемона на аверсе, а не изображение звезды на реверсе, как обычно. Он отмечает, что такие типы не были изданы. Монеты Полемона I вообще очень редки. По сведениям А. Барнетта и его коллег[290], известно всего пять экземпляров монет Полемона со звездой, из которых четыре экземпляра несут легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ ΕΥΣΕΒΟΥΣ на реверсе и один — на аверсе. Описанные Е.Е. Люценко монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ на аверсе и звездой на реверсе неизвестны. Монета Полемона с Пегасом и надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ ΕΥΣΕΒΟΥΣ кроме найденной в упомянутом кладе известна в одном экземпляре[291]. Существует мнение[292], что титулатура ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ ΕΥΣΕΒΟΥΣ появилась на монетах в связи с провозглашением Полемона «другом и союзником Римского народа» в 26 г. до н.э. (Dio Cass. LIII, 25, 1). Согласно другой точки зрения, монеты Полемона I со звездой и Пегасом следует датировать 37–36 г. до н.э., а эпитет ΕΥΣΕΒΟΥΣ был выбран Полемоном после его воцарения в Понте293. Клад был зарыт на Фанталовском п-ове, возможно, в связи с какими-то тревожными событиями, имевшими место на Боспоре после гибели Полемона I в 8 г. до н.э.

Каппадокийское царство

Пять серебряных драхм Каппадокийского царства были найдены на укрепленном поселении Куру-Баш, расположенном в окрестностях Феодосии. Одна драхма принадлежит Ариарату VII Филометору (111 — ок. 100), 2 — Ариарату Евсебию Филопатору (ок. 100–88), 2 — Ариобарзану I Филоромэю (ок. 95 — ок. 62)[294]. Как известно, Каппадокия полностью оказалась во власти Понта в 101/100 г. до н.э., когда Ариарат VII Филометр был убит Митридатом VI Евпатором, посадившим на каппадокийский трон своего сына, получившего династийное имя Ариарата IX. Регентом при нем был назначен Гордий, фактически управлявший страной[295]. Во время I Митридатовой войны (89–85 гг. до н.э.) понтийский царь использовал финансы Каппадокии для покрытия своих военных расходов. По мнению А.В. Гаврилова, каппадокийские драхмы попали в крепость Куру-Баш во второй половине 80-х или начале 70-х гг. до н.э., в числе денег, предназначавшихся для выплаты жалования находящемуся здесь военному отряду Митридата VI[296].

Парфия

Парфянские монеты встречаются на Боспоре исключительно редко. Весьма немногочисленные серебряные драхмы проникают на боспорский рынок в I в. до н.э. Самая рання из них найдена в 1936 г. в станице Батарейная и определена А.Н. Зографом (со ссылкой на Е.А. Пахомова[297]) и как драхма Орода I, причем указаны годы царствования Орода II — 57–38 гг. до н.э.[298]. Между тем, Ород I правил около 80–78 гг. до н.э.[299] Таким образом, непонятно, о каком из них идет речь у А.Н. Зографа. Из окрестностей Новороссийска происходит драхма Вонона I (7–12 гг. н.э.)[300], из Горгиппии — драхма Готарза II (43–50 гг. н.э.)[301]. Следует отметить плотную концентрацию находок парфян-

ского серебра в Грузии, Азербайджане и Армении[302]. Очевидно, парфянское серебро проникало на Боспор из Закавказья. Что касается парфянской меди, то оно, кажется, неизвестно на Боспоре. Еще Пахомов и Зограф подчеркивали полное отсутствие среди достоверных находок парфянских монет на Кавказе монет медных[303].

ГРУППА II. Греческие монеты I–III в. н.э.

Монеты греческих центров в римское время по-прежнему достаточно редко встречаются на Боспоре и не составляют сколько-нибудь значительной группы[304]. Самой ранней провинциальной монетой является упомянутый выше пергамский кистофор (римская провинция Азия) 133–67 гг. до н.э., найденный в Нимфее[305]. Значительный интерес представляют греческие монеты раннеимператорского времени, найденные в Пантикапее. Монета Августа с портретами Гая и Луция Цезарей на аверсе и изображением двух рогов изобилия на реверсе чеканена в одном из городов Малой Азии[306]. Большую редкость составляет монета Гераклеи Понтийской, датируемая, очевидно, временем Нерона[307]. К началу императорского времени следует отнести «квазиавтономную» монету фракийского города Перинфа[308].

Основной приток греческих (римских провинциальных) монет приходится на II–III вв. н.э. Среди них доминируют чеканы Александрии Египетской, Кесарии Каппадокийской и Гераклеи Понтийской. Единственным известным нам комплексом провинциального серебра является клад, найденный в 1859 г. в станице Адагумской, состоявший приблизительно из 200 серебряных монет II в. н.э., отчеканенных в Кесарии Каппадокийской[309]. Серебряная монета Траяна и две серебряных монеты Юлии Домны кесарийской чеканки найдены в 1886 г. в селении Адербиевка Геленджикского района Краснодарского края[310]. Еще одна кесарийская драхма Юлии Домны входила в состав клада антонинианов, найденного в Керчи в 1954 г.[311] (Табл. IV, 4). Другая кесарийская драхма Юлии Домны была найдена у дальней границы Боспора, в Старом Крыму[312]. В Горгиппии чеканка Кесарии Каппадокийской представлена также медной монетой Адриана[313] из раскопок 1967 г.[314] и двумя серебряными дидрахмами Антонина Пия[315] из раскопок 1969 г.[316] и 1985 г.[317]

Чекан Александрии Египетской представлен в боспорских находках большой бронзовой монетой Адриана, найденной при раскопках в сел. Ново-Отрадном[318]. Из Туапсе происходят еще две медные монеты александрийской чеканки, одна из которых принадлежит Антонину Пию[319], другая — Диоклетиану[320]. В Александрии Египетской были выпущены медные монеты Криспины, происходящие из некрополя Пантикапея[321] и Клавдия Готского — из Ново-Отрадного[322].

Чекан Гераклеи Понтийской римского времени представлен на Боспоре упомянутой монетой Нерона[323], «квазиавтономной» монетой I–III вв.[324] и монетой II–III вв. н.э.[325] из Пантикапея (Табл. IV, 2), а также монетами Каракаллы из Горгиппии[326] и Салонины из Фанагории[327].

Бронзовая монета Амастрии II в. н.э. с изображением портрета Гомера на аверсе найдена в Нимфее[328]. При раскопках Горгиппии обнаружена медная монета Адриана, отчеканенная в Амасии[329]. В 1987 г. в Горгиппии[330] зарегистри-

рована также медная монета Марка Аврелия, плохая сохранность которой не позволяет определить провинциальный центр чеканки[331].

В римское время на Боспор продолжают поступать редкие монеты городов Северного Причерноморья. Так, из раскопок в Горгиппии 1982 г. происходит тирасская монета Александра Севера[332] — с изображением Ники на реверсе»[333]. В Гермонассе[334] найдена тирасская монета Септимия Севера[335].

В 1987 г. в Горгиппии был найден уникальный клад монет III в. до н.э. — III в. н.э.[336], который включал две монеты Тиры[337] и монету Херсонеса римского времени[338]. Одна тирасская монета — с фигурой Кибелы на реверсе — принадлежала Каракалле[339], вторая — с фигурой Диониса на реверсе и клеймом «виноградная гроздь» — Александру Северу[340]. Херсонесская монета по-видимому относится к Элагабалу[341] (Табл. IV, 8).

Две херсонесских монеты II в. н.э. найдены в Китее[342]: 1) тетрассарий типа «голова Херсонас, ХЕР — Дева, слева лань, ΕΛΕΥΩΕΡ»[343], выпущенный во второй половине II в. н.э.; 2) не определенный тип II в. н.э.

Раскопки 2007 г. в Фанагории дали ольвийскую монету[344] типа «голова Аполлона, ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙ — орел на дельфине, ϹΤΦϹωΠΑ» с клеймами — буквой Δ и кадуцеем[345], отчеканенную от имени архонта Тита Флавия Сопатра в 69–96 гг. н.э.

Раскопки в Пантикапее дали также медные монеты следующих провинциальных центров: неопределенный центр — чекан Антонина Пия[346], Византий — чекан Александра Севера[347] (Табл. IV, 3), Гераклея Понтийская — чекан II–III вв. н.э.[348], Томи — чекан Гордиана III[349], Гангра-Германикополь — чекан Юлии Домны[350], Тиум — чекан Гордиана III[351] (Табл. IV, 5), Синопа — чекан Галлиена[352] (Табл. IV, 7), Никея — монета Валериана I[353] (Табл. IV, 6). Пестрота этих находок позволила А.И. Анисимову сделать вывод о случайности их завоза в Пантикапей, благодаря широким экономическим связям[354].

Заключение

Итак, очевидно, что только статеры Кизика, золото Македонии и Фракии и статеры александровского и лисимаховского типов, а также понтийская медь митридатовского периода играли важную роль в денежном обращении Боспора. Все остальные греческие монеты, проникавшие на Боспор, представлены единичными находками в разных городах и лишь демонстрируют определенные связи, в том числе и торговые контакты, между Боспором и греческими центрами в различных областях античного мира, преимущественно, с малоазийскими городами. Еще К.В. Голенко и Д.Б. Шелов отмечали преобладание в пантикапейских находках монет южночерноморских городов и центров северо-западной части Малой Азии. Традиционные связи Боспора с этими областями хорошо известны по археологическим материалам эллинистического и римского времени. Особенно усилились эти связи в римский период, поскольку основным импортером сельскохозяйственной продукции Боспора становится в это время римская Малая Азия355. Как показывают наши исследования, такие связи наблюдаются и в более раннее время — в VI–I вв. до н.э.

Таблица IV

Приложение

СПИСОК НАХОДОК ГРЕЧЕСКИХ МОНЕТ НА БОСПОРЕ*

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
			Сицилия			
1	Сиракузы	Кубанская область	?	?	AE	ОАК. 1897, с. 65, 175
			Македония			
2	Македония, Филипп II	Гермонасса, 1818 г.	359-336 гг. до н.э.	Статер	AV	Тункина И.В., 2002, с. 574-575
3	Филипп II, Пелла или Амфиполь	Пантикапей	359-336 гг. до н.э.	1/4 статера, Драганов Д., 2001, с. 148, № 159-163, 174-175.	AV	Анисимов А.И., 1992, с. 332
4	Филипп II, Пелла	Пантикапей	359-336 гг. до н.э.	1/8 статера, Драганов Д., 2001, с. 148, № 164-167	AV	Опис. др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей, с. 244, № 18
5	Филипп II	Пантикапей	359-336 гг. до н.э.	Тетрадрахма	AR	Опис. др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей, с. 244, № 17
6	Филипп II	Пантикапей	359-336 гг. до н.э.	Head B., 1911, p. 224	AE	Кругликова И.Т., Фролова Н.А., 1980, с. 119, № 342
7	Александр III Великий	Тамань, Зеленской курган	30-е гг. IV в. до н.э.	Статер	AV	ОАК, 1911, с. 41
8	Александр III Великий	Тамань, Зеленской курган	20-е гг. IV в. до н.э.	Статер	AV	Шелов Д.Б., 1956, с. 129
9	Александр III Великий, Амфиполис	Пантикапей	330-320 гг. до н.э	Статер, раскопки В.П. Толстикова. Price M.J., 1991, p. 109, № 179	AV	Инв. № КГИКЗ КН-5386; 3-16
10	Александр III Великий	Пантикапей?	336-323 гг. до н.э	Тетрадрахма	AR	Опис. др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей, с. 244, № 19
11	Филипп III Арридей, Абидос	Фанагория	323-317 гг. до н.э.	Статер, Price M.J., 1991, p. 229, № P31, pl. XV, P31	AV	Abramzon M.G., Gorlov Ju.V., 1996, p. 129-132
12	Филипп III Арридей, неизвестный монетный двор	Фанагория	325-300 гг. до н.э.	Статер, Price M.J., 1991, p. 501, № P224, pl. XVI, P224	AV	Abramzon M.G., Gorlov Ju.V., 1996, p. 129-132

*В список не вошли медные монеты городов Пафлагонии и Понта митридатовского времени (кроме анонимных понтийских монет со звездой на реверсе): находки их на Боспоре чрезвычайно многочисленны и требуют специального учета. Только раскопки Фанагории 2006-2009 гг., например, дали более 30 оболов и тетрахалков Амиса, Синопы, Таулары, Амастрии, Газиуры, Фарнакии.

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
Статеры александровского типа						
13	Вавилон	Курган Золотая Горка, бл. ст. Тульской, Краснодар. кр.	323-300 гг. до н.э.	Статер алексанровского типа	AV	Зограф А.Н., 1941, с. 54-55, № 13
14	Неопределенный центр	м. Ак-Бурун	320-310 гг. до н.э.	Статер алексанровского типа	AV	ОАК, 1876, с. 5, 112, табл. II, 5, 6
15	Неопределенный центр	Таманский п-ов, курган Большая Близница	310-300 гг. до н.э.	Статер алексанровского типа	AV	ОАК, 1864, с. V
16	Неопределенный центр	Гермонасса	Нач. III в. до н.э.	Статер алексанровского типа	AV	ОАК, 1910, с. 118, 215
Фракия						
17	Лисимах	Округа Фанагории, Комендантская Гора	305-281 гг. до н.э.	Статер	AV	Зограф А.Н., 1935, с. 189, №. 31
18	Лисимах	Округа Фанагории, Зеленая Гора	305-281 гг. до н.э.	Статер	AV	Ростовцев М., 1925, с. 291-292
19	Лисимах	Пос. Марьина Роща, Геленджикский р-н, Краснодар. кр.	305-281 гг. до н.э.	Статер	AV	Пахомов Е.А., VIII, 1959, с. 12, № 1912
20	Византий	Горгиппия	V-IV в. до н.э.	Shunert-Geiss E., 1970, s. 128, № 891, taf. 38	AE	Фролова Н.А., 1997, с. 161, № 663
21	Византий	Биюк Янышар, бл. Феодосии	II вв. до н.э.	Статер лисимаховского типа	AV	Гаврилов А.В., 2003, с. 22-24
22	Византий	Туапсе	200-175 гг. до н.э.	Клад из 96 статеров лисимаховского типа, Seyrig H., 1968, p. 195-199, pl. 23, 11; 24, 13, 16-17	AV	Zograph A., 1925, p. 29-52; Пахомов Е.А., I, 1926, № 17; VIII, 1959, с. 72
23	Византий, Александр Север	Пантикапей	222-235 гг. н.э.	SNG Cop., Thrace, № 540		Анисимов А.И., 1992, с. 349, № 308
24	Перинф	Пантикапей	Первая половина I в. н.э.		AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 25; 53, № 545

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
			Акарнания			
25	Левкадия	Керчь?	480-420 гг. до н.э. ?	Пегас — голова Афины	AR	Описание др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей. Архив КГИКЗ, с. 244, № 20
			Беотия			
26	Фивы	Долина Мал. Зеленчука	Кон. VI — нач. V в. до н.э.	Статер	AR	Зограф А.Н., 1945, с. 38; 60, № 57
			Аттика			
27	Афины	Керчь?	До 479 г. до н.э.	Голова Афины — сова, ΑΘΕ	AR	Опис. др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей, с. 244, № 21
28	Афины	Тирамба	500-480 гг. до н.э.	Тригемитетартеморий, в составе клада 1948 г. Kraay C., 1976, pl. 10, 184	AR	Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., 2007-2008, с. . 74. № 53
29	Афины	Нимфей	После 479 гг. до н.э.	Тригемитетартеморий, Kraay C., 1976, pl. 10, 184	AR	Мельников О.Н., 2001, с. 434, № 16, рис. 2, 16.
30	Афины	Поселение Тамань 3	После 449-413 гг. до н.э.	Тетрадрахма, BMC, XI, 1888, p. 11, № 62, pl. III, 7-8	AR	Строкин В.Л., 2007, с. 379, рис. 2, 21
31	Афины	Пантикапей	II-I вв. до н.э.	Тетрадрахма «Нового стиля»	AR	Мельников О.Н., 2001, с. 429, прим. 27
32	Афины	Фанагория	II-I вв. до н.э.	Тетрадрахма «Нового стиля»	AR	Мельников О.Н., 2001, с. 429, прим. 27
			Киклады			
33	Наксос	Фанагория	III в. до н.э.	?	AE	Пахомов Е.А., VIII, с. 7, № 1899
			Иония и острова			
34	Иония, неизвестный центр	Фанагория	480-470 до н. э.	Babelon E., 1907, pl. LXXXI, 31-34	AR	№ Ф-05-3
35	Иония, неизвестный центр	Таманский п-ов	480-470 до н. э.	Babelon E., 1907, pl. LXXXI, 31-34	AR	Сообщение А.В. Куликова
36	Эрифры	Пантикапей	330-300 гг. до н.э.	Драхма, BMC, XIV, p. 123, № 57-58	AR	Анисимов А.И., 1992, с. 349, № 305
37	Фокея	Мирмекий	300-250 гг. до н.э.	BMC, XIV, p. 218, № 109-113, pl. XXIII, 10	AE	Зограф А.Н., 1952, с. 377, № 2506
38	Самос	Нимфей	V в до н.э.	В составе клада 1907/1908 гг. Бурачков П.О., 1884, табл. XXII, 171; Barron J.P., 1996, pl. XVI, 1	AR	Рапорт В.В. Шкорпила № 35 от 31 марта 1908 г. в ИАК. Архив ИИМК, ф. 1, 1908, д. 13, л. 43

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
39	Хиос	Нимфей	400-350 гг. до н.э.	BMC, XIV, 1892, p. 332, № 40	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 89, № 397
40	Хиос	Патрей	84-30 гг. до н.э.	Head B., 1887, p. 514	AE	Голенко К.В., 1952, № 3, с. 155, № 84
				Мисия		
41	Кизик	Кепы	600-550 гг. до н.э.	Статер, Baldwin Brett A., 1955, p. 187, № 1408	EL	Булатович С.А., 198, с. 36-38
42	Кизик	Патрей	600-460 до н.э.	Клад, 3 гекты или гемигекты	EL	Абрамов А.П., Болдырев С.И.? 2001, с. 143-144
43	Кизик	Патрей, 2009 г.	550-500 гг. до н.э	Статер — голова барана	EL	Захаров Е.В., 2009, с. 5-7
44	Кизик	Пантикапей	550-520 гг. до н.э.	Статер, Hurter S., Liewald H., 2002, s. 34, № 45, taf. 4, 45a	EL	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 37, № 220
45	Кизик	Фанагория	460-400 до н.э.	Статер, Baldwin Brett A., 1955, p. 196, № 1500.	EL	Голенко К.В., 1977, с. 37-40
46	Кизик	Нимфей	400-330 гг. до н.э.	Статер, Baldwin Brett A., 1955, p. 199, № 1559	EL	Тарещенко А.А., 1999, с. 71-72
47	Кизик	Пантикапей (1835)	400-330 гг. до н.э.	Клад, около 250 статеров	EL	Люценко Е.Е., 1880, л. 6-7; IGCH. 1011; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., 2007-2008, с. 94-96
48	Кизик	Мирмекий (2003)	550-380 гг. до н.э.	Клад, 99 статеров	EL	Abramzon M., Frolova N., 2007, p. 15-44
49	Кизик	Тамань, 1845	400-330 гг. до н.э.	Клад, более 70 кизикинов и пант. статеров	EL	IGCH 1013; Тункина И.В., 2002, с. 579-282; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., 2007-2008, с. 97-98
50	Кизик	Тамань, 1840-е гг.	V-IV вв. до н.э.	Клад, 3 статера Кизика, 3 статера Пантикапея	EL	Древн. Босп. Кимм., II, 1854, с. 235-236
51	Кизик	Пос. Волна, Темрюк. р-н, 1997	V-IV вв. до н.э.	Более 20 статеров	EL	Фролова Н.А., 2004, с. 48
52	Кизик	Пересыпь (Тирамба), 1948	480-450 гг до н.э.	В составе клада 1948 г. BMC, XV, 1892, p. 35, № 116, pl. IX, 2	AR	Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., 2007-2008, с. 74, № 52
53	Пергам	Пантикапей	II-I вв. до н.э.	Зевс — орел	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 55, № 608
54	Пергам	Нимфей	133-67 гг. до н.э.	Кистофор, BMC, XV, 1892, p. 125, № 112	AR	Голенко К.В., 1974, с. 88, № 352

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
			Эолия			
55	Мирина	Кепы	II в. до н.э.		AE	Фролова Н.А., Шелов Д.Б., 1965, с. 173, № 10
			Лесбос			
56	Лесбос	Пантикапей	550-440 гг. до н.э.	BMC, XVII, 1894, p. 154, № 50, pl. XXX, 21	Bl	Анисимов А.И., 1992, с. 350, № 254
57	Лесбос	Хора Фанагори	II в. до н.э.	В кладе медных монет	AE	Не издана.
58	Митилена	Хора Фанагори	II в. до н.э.	В кладе медных монет	AE	Не издана.
			Родос			
59	Родос	Пантикапей	333-304 гг. до н.э.	Гемидрахма, BMC, XVIII, 1897, p. 237, pl. XXXVII, 6 (?)	AR	Анисимов А.И., 1992, с. 350, № 341
60	Родос	Фанагория, 1986	Ок. 200г. до н.э.	SNG Finland. I. 1994, № 607-616	AE	Ashton R., 2003, p. 384, № 53. pl. 48, A
61	Родос	Фанагория, 1996	Ок. 200г. до н.э.	SNG Finland. I. 1994, № 607-616	AE	Ashton R., 2003, p. 384, № 53. pl. 48, 53
62	Родос	Горгиппия, 1923	Кон. II в. до н.э.	Гемидрахма	AR	Зограф А.Н., 1945, с. 60, № 60
			Кос			
63	Кос	Хора Фанагори	II в. до н.э.	В кладе медных монет	AE	Не издана
			Понт			
64	Понт, Митридат VI Евпатор	Пантикапей	229 г.б.э. = 69/68 гг. до н.э.	Статер	AV	КГИКЗ, инв. № 3-16, КН-5386, Зинько В.Н., Аветиков А.А., 1996, с. 72, № 30; Зинько В.Н., 2000, с. 219-220, рис. 2.
65	Понт, Митридат VI Евпатор	Фанагория	96/95-86/85 гг. до н.э.	Тетрадрахма, SNG BM, I, 1993, № 1029-1036	AR	№ Ф-08-124
66	Понт, Неизвестный монетный двор	Тиритака	130-100 гг. до н.э.	SNG BM, I, 1993, № 980	AE	Белова Л.Н., 1958, с. 331, 334, № 18
67	Понт, Неизвестный монетный двор	Фанагория	130-100 гг. до н.э.	SNG Stancomb, 2000, № 639	AE	Ashton R., 2003, p. 384, № 52, pl. 48, 52
68	Понт, Полемон I	Фанталовский п-ов, коса Чушка,	37-8 гг. до н.э.	17 драхм Полемона в составе клада, RIC, I, p. 568, № 3801-3802	AR	Люценко Е.Е., 1880, л. 31, № 6; Зограф А.Н., 1945, с. 78-79, № 173; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., 2007-2008, с. 291-294

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
69	Амис	Тиритака	Кон. II в. до н.э.	Драхма, SNG BM, I, 1993, № 1113	AR	Зограф А.Н., 1952, с. 363, № 23
70	Амис	Фанагория	Кон. II в. до н.э.	Драхма, SNG BM, I, 1993, № 1113	AR	Зограф А.Н., 1945, с. 60, № 62
71	Амасия, Адриан	Горгиппия	138 г. н.э.	Rec., I, 1904, p. 29, № 10, pl. IV, 2	AE	Кругликова И.Т., Фролова Н.А., 1980, с. 105, № 14
				Пафлагония		
72	Кромна	Пантикапей	340-330 гг. до н.э.	BMC, XIII, 1889, p. 91, № 9-10; SNG BM, I, 1993, № 1344-1345	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 33. № 132
73	Амастрия	Нимфей	II в. н.э.	Rec., I, 1904, допол. табл. № 15	AE	Голенко К.В., 1974, с. 85, № 281
74	Гангра-Германикополь, Юлия Домна	Пантикапей	До 217 гг. н.э.	Rec., I, 1904, p. 154, № 27	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 25; 43, № 348
75	Томи Гордиан III	Пантикапей	235-244 гг. н.э.		AE	Кропоткин В.В., 1961, с. 64, № 597
76	Синопа, Галлиен	Паникапей	253-268 гг. н.э.		AE	Анисимов А.И., 1992, с. 344, № 116
				Вифиния		
77	Гераклея Понтийская	Нимфей	IV в. до н.э.	Гемиобол SNG BM, I, 1993, № 1575	AR	Мельников О.Н., 2000, с. 217, № 17
78	Гераклея Понтийская, Нерон	Пантикапей	54-68 гг. н.э.		AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 25; 48, № 438
79	Гераклея Понтийская	Пантикапей	I-III вв. н.э.	Большая бронзовая монета	AE	Кропоткин В.В., 1961, с. 64, № 597
80	Гераклея Понтийская	Пантикапей	II-III вв. н.э.	Rec., I, 1904, pl. LVIII, 17	AE	Анисимов А.И., 1992, с. 337, табл. IV, 260; 348, № 260
81	Гераклея Понтийская, Каракалла	Горгиппия, 1989 г.	211-217 гг. н.э.		AE	Фролова Н.А., 1997, с. 148, Frolova N., 2001, p. 419-420
82	Гераклея Понтийская, Салонина	Фанагория	253-260 гг. н.э.		AE	Ashton R., 2003, p. 383. № 51
83	Тиум, Гордиан III	Пантикапей	238-244 гг. н.э.		AE	Анисимов А.И., 1992, с. 347, № 220
84	Никея, Валериан I	Пантикапей	256-258 гг. н.э.		AE	Анисимов А.И., 1992, с. 349, №№ 292.

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
			Каппадокия			
85	Ариарат VII Филометор	Куру Баш, бл. Феодосии	111 — ок. 100 г. до н.э.	Драхма	AR	Gavrilov A., 2008, p. 125, № 16; 129, fig. 4, 32
86	Ариарат Евсебий Филопатор	Куру Баш, бл. Феодосии	Ок. 100 — ок. 88 г. до н.э.	Драхма	AR	Gavrilov A., 2008, p. 125, № 17; 129, fig. 4, 33
87	Ариарат Евсебий Филопатор	Куру Баш, бл. Феодосии	Ок. 100 — ок. 88 г. до н.э.	Драхма	AR	Gavrilov A., 2008, p. 125, № 17; 129, fig. 4, 34
88	Ариобарзан I Филоромэй	Куру Баш, бл. Феодосии	Ок. 95 — ок. 62 г. до н.э.	Драхма	AR	Gavrilov A., 2008, p. 125, № 18; 129, fig. 4, 35
89	Ариобарзан I Филоромэй	Куру Баш, бл. Феодосии	Ок. 95 — ок. 62 г. до н.э.	Драхма	AR	Gavrilov A., 2008, p. 125, № 18; 130, fig. 5, 36
90	Кесария, Адриан	Горгиппия	119-138 гг. н.э.	Sydenham E., 1933, p. 80, № 290.	AE	Кругликова И.Т., Фролова Н.А., 1980, с. 110, № 136
91	Кесария, Траян	Сел. Адербиевка, Кранодар. кр.	98-117 гг. н.э.	Серебряная монета	AR	Пахомов Е.А., III, с. 28, № 774; Зограф А.Н., 1941, с. 78, № 176
92	Кесария	Ст. Адагумская, 1859	II в. н.э.	Клад из 200 серебряных монет	AR	Люценко Е.Е., 1880, л. 30, № 5
93	Кесария, Адриан	Горгиппия	119-138 гг. н.э.	Sydenham E., 1933, p. 80, № 290.	AE	Кругликова И.Т., Фролова Н.А., 1980, с. 110, № 136
94	Кесария, Антонин Пий	Горгиппия	145-161 гг. н.э.	Дидрахма, Sydenham E., 1933, p. 82, № 302.	AR	Кругликова И.Т., Фролова Н.А., 1980, с. 110, № 140
95	Кесария, Антонин Пий	Горгиппия	145-161 гг. н.э.	Дидрахма, Sydenham E., 1933, p. 82, № 312.	AR	Фролова Н.А., 1997, с. 166, № 951
96	Кесария, Юлия Домна	Сел. Адербиевка, Кранодар. кр.	198-217 гг. н.э.	2 серебряных монеты	AR	Пахомов Е.А., III, с. 28, № 774; Зограф А.Н., 1941, с. 78, № 176
97	Кесария, Юлия Домна	Пантикапей	211 гг. н.э.	Драхма в составе клада антонинианов	AR	Golenko K., 1973, p. 297, № 1; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., 2007-2008, с. 387, № 1.
98	Кесария, Юлия Домна	Старый Крым	198-217 гг. н.э.	Драхма	AR	Кропоткин В.В., 1961, с. 65, № 626
			Северное Причерноморье			
99	Херсонес	Горгиппия	Ок. 350 г. до н.э.	SNG BM, I, 1993, № 731-732	AE	Новичихин А.М., 2008, с. 39, прим. 9
100	Херсонес	Фанагория	350-330 гг. до н.э.	SNG BM, I, 1993, № 734-744	AE	№ Ф-08-190.

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
101	Херсонес	Фанагория	350-330 гг. до н.э.	SNG BM, I, 1993, № 745-748	AE	№ Ф-08-42.
102	Херсонес	Пантикапей	350-330 гг. до н.э.	SNG BM, I, 1993, № 720-721	AE	КГИКЗ, Инв. № 5369
103	Херсонес	Нимфей	350-330 гг. до н.э.	SNG BM, I, 1993, № 720-721	AE	Голенко К.В., 1974, с. 88, № 367
104	Херсонес	Тиритака	II в. до н.э.	SNG BM, I, 1993, № 803	AE	Зограф А.Н., 1952, с. 385, № 57
105	Херсонес	Окрестности Горгиппии	Нач. I в. до н.э.	Драхма, Анохин В.А., 1977, табл. XII, 191	AR	Новичихин А.М., 2008, с. 39, прим. 10
106	Херсонес	Нимфей	90-80 гг. до н.э.	Драхма, SNG BM, I, 1993, № 828-829	AR	Голенко К.В., 1974, с. 83, № 223
107	Херсонес	Китей	90-80 гг. до н.э.	Дихалк, Анохин В.А., 1977, табл. XII, 193	AE	Молев Е.А., Молева Н.В., 1996, с. 79, № 39
108	Херсонес	Пантикапей, 1870	90-80 гг. до н.э.	Клад с Керченского кладбища, Анохин В.А., 1977, табл. XII, 192-195.	AE	Люценко Е.Е, 1880, л. 13-15, № 10; Абрамзон М.Г, Фролова Н.А., 2007-2008, с. 562
109	Херсонес	Окрестности Горгиппии	70-60 гг. до н.э.	Тетрахалк, Анохин В.А., 1977, табл. XIII, 197-198	AE	Новичихин А.М., 2008, с. 39-41
110	Херсонес	Античное поселение «Полянка»	70-60 гг. до н.э.	В кладе — тетрахалк, Анохин В.А., 1977, табл. XIII, 197-198	AE	Абрамзон М.Г, Фролова Н.А., 2007-2008, с. 276, № 26
111	Херсонес	Китей	II в. н.э.	Тетрассарий, Анохин В.А., 1977, табл. XVIII, 267	AE	Молев Е.А., Молева Н.В., 1996, с. 79, № 56
112	Херсонес	Китей	II в. н.э.	Не определенный тип	AE	Молев Е.А., Молева Н.В., 1996, с. 80, № 57
113	Херсонес, Элагабал (?)	Горгиппия, 1987 г.	218-220 гг. н.э.	В составе клада. Анохин В.А., 1987, табл. XX, 289	AE	Фролова Н.А., Frolova N., Ireland S., 1995, pl. 11, 495; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.. 2007-2008, 351, № 495
114	Ольвия	Фанагория	V в. до н.э.	Дельфин	AE	Шелов Д.Б., . 1962, с. 85, № 366
115	Ольвия	Мирмекий	V в. до н.э.	Дельфин	AE	Зограф А.Н., 1941, с. 171, № 279
116	Ольвия	Нимфей	V-IV вв. до н.э.	Дельфин	AE	Голенко К.В., 1974, с. 88, № 350
117	Ольвия	Нимфей	V-IV вв. до н.э.	Дельфин	AE	Голенко К.В., 1974, с. 89, № 399
118	Ольвия	Пантикапей	400-350 гг. до н.э.	Анохин В.А., 1989, Табл. IV, 48	AE	Опис. др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей, с. 160
119	Ольвия	Пантикапей	400-350 гг. до н.э.	Голова Деметры влево — орел на дельфине	AE	Опис. др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей, с. 160

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
120	Ольвия	Пантикапей	300-250 гг. до н.э.	Борисфен, Бурачков П.О., 1884, табл. IX, 221-223	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 61, № 735.
121	Ольвия	Пантикапей	300-250 гг. до н.э.	Борисфен, Бурачков П.О., 1884, табл. IX, 219	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 61, № 747
122	Ольвия	Фанагория	300-250 гг. до н.э.	Борисфен	AE	№ Ф-04-21
123	Ольвия	Фанагория	300-250 гг. до н.э.	Борисфен	AE	№ Ф-08-47
124	Ольвия	Нимфей	275-260 гг. до н.э.	Борисфен, Бурачков П.О., 1884, табл. IX, 217-220	AE	Голенко К.В., 1974, с. 77, № 88
125	Ольвия	Пантикапей	275-260 гг. до н.э.	5 борисфенов с сокр. ВОΣ, Анохин В.А., 1989, табл. XIX, 190	AE	Опис. др. монет и медалей, хран. в мед. Керч. Муз. древностей, с. 160, 203
126	Ольвия	Мирмекий	325-275 гг. до н.э.	Зограф А.Н., 1951, табл. XXXII, 11	AE	Белова Л.Н., 1958, с. 340, № 155
127	Ольвия	Патрей	325-275 гг. до н.э.	Зограф А.Н., 1951, табл. XXXII, 10	AE	Голенко К.В., 1952, с. 155, № 81
128	Ольвия	Патрей	325-275 гг. до н.э.	Зограф А.Н., 1951, табл. XXXII, 10	AE	Голенко К.В., 1963, с. 109. № 131
129	Ольвия	Патрей	325-275 гг. до н.э.	Зограф А.Н., 1951, табл. XXXII, 10	AE	Голенко К.В., . 1963, с. 109
130	Ольвия	Гермонасса	325-275 гг. до н.э.	Зограф А.Н., 1951, табл. XXXIII, 4	AE	Казаманова Л.Н., 1960, с. 56, № 102
131	Ольвия	Фанагория	200-175 гг. до н.э.	Бурачков П.О., 1884, табл. VII, 161	AE	Крушкол Ю.С., 1951, с. 270, № 42
132	Ольвия, Архонт Тит Флавий Сопатр	Фанагория	69–96 гг. н.э.	Фролова Н.А., Абрамзон М.Г., 2005, с. 198, № 2514-2518, табл. 107, 4		№ Ф-07-79
133	Тира	Гермонасса	250-200 гг. до н.э.	Зограф А.Н., 1957, табл. II, 4	AE	Казаманова Л.Н., 1960, с. 55, № 101
134	Тира, Септимий Север	Гермонасса	293-211 гг. н.э.	Зограф А.Н., 1957, табл. VIII, 11	AE	Казаманова Л.Н., 1960, с. 55, № 100, табл. II, 6
135	Тира, Каракалла	Горгиппия, 1987 г.	211-217 гг. н.э.	В составе клада. Фролова Н.А., 2006, с. 98-99, табл. XXXVII, 1-5	AE	Frolova N., Ireland S., 1995, pl. 11, 493; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.. 2007-2008, 351, № 493
136	Тира, Александр Север	Горгиппия, 1987 г.	222-235 гг. н.э.	В составе клада. Фролова Н.А., 2006, с. 108, табл. XLIV, 2-3	AE	Фролова Н.А., Frolova N., Ireland S., 1995, pl. 11, 494; Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.. 2007-2008, 351, № 494
137	Тира, Александр Север	Горгпиппия	222-235 гг. н.э.	Фролова Н.А., 2006, с. 109, табл. XLIV, 6-7, 9-11; XLV, 1-2.	AE	Фролова Н.А., 1997, с. 149, 161, № 671

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
			Колхида			
138	Колхида	Гермонасса	Кон. V — нач. IV в. до н.э.	Дидрахма (статер) SNG BM, I, 1993, pl. 38, 1012	AR	Вартанов Г.А., 1982, с. 71-74
139	Колхида	Нимфей	420-375 гг. до н.э.	Гемидрахма SNG BM, I, 1993, pl. 38, 1021-1023	AR	Скуднова В.Н., 1952, с. 238-242; Голенко К.В., 1974, с. 80, № 160
140	Колхида	Нимфей	420-375 гг. до н.э.	Гемидрахма SNG BM, I, 1993, pl. 38, 1021-1023	AR	Голенко К.В., 1974, с. 80, № 161
141	Диоскуриада	Пантикапей	Кон. II в. до н.э.	Халк, SNG BM, I, 1993, pl. 38. 1021-1023	AE	Анисимов А.И., 1992, с. 342, № 1
142	Диоскуриада	Пантикапей	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Анисимов А.И., 1992, с. 353, № 438
143	Диоскуриада	Пантикапей	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	КГИКЗ, инв. № 5149
144	Диоскуриада	Судак	Кон. II в. до н.э.	Халк в составе клада боспорских монет	AE	Казаманова Л.Н., 1963, с. 144-151; Абрамзон М.Г, Фролова Н.А., 2007-2008, с. 185-188, № 32
145	Диоскуриада	Нимфей	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Голенко К.В., 1974, с. 90, № 408
146	Диоскуриада	Мирмекий	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Зограф А.Н., 1941, с. 170, № 231
147	Диоскуриада	Тиритака	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Зограф А.Н., 1941, с. 168, № 110
148	Диоскуриада	Тиритака	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Зограф А.Н., 1952, с. 367, № 124
149	Диоскуриада	Тиритака	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Молев Е.А., Молева Н.В., 1996, с. 79, № 33
150	Диоскуриада	Патрей	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Голенко К.В., 1952, с. 155, № 82
151	Диоскуриада	Патрей	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Голенко К.В., 1963, с. 109, № 132
152	Диоскуриада	Патрей	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Акимов В.О., 2005, с. 99-110
153	Диоскуриада	Фанагория	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Шелов Д.Б., 1962, с. 79, № 219
154	Диоскуриада	Кепы	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Фролова Н.А., Шелов Д.Б., 1965, с. 176, № 8
155	Диоскуриада	Горгиппия	Кон. II в. до н.э.	Халк	AE	Кругликова И.Т., Фролова Н.А., 1980, с. 112, № 176
			Сирия			
156	Селевкиды	Пантикапей	II в. до н.э.	Плохая сохранность	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 58, № 678

№ п/п	Центр	Место находки	Даты монет	Описание или определение монеты	Металл	Источники
			Иудея			
157	Иудея	Мирмекий	103-76 — 40-37 гг. до н.э.	Плохая сохранность	AE	Зограф А.Н., 1952, с. 373, № 2390
			Парфия			
158	Парфия, Ород II	Ст. Батарейная	58–39 гг. до н.э.	Драхма	AR	Пахомов Е.А., III, с. 27, № 764; Зограф А.Н., 1941, с. 66, № 94
159	Парфия, Вонон I	Окрестности Новороссийска	7–12 гг. н.э.	Драхма	AR	Зограф А.Н., 1941, с. 66, № 102
160	Парфия, Готарз II	Горгиппия	43–50 гг. н.э.	Драхма	AR	Зограф А.Н., 1941, с. 68, № 110
			Египет			
161	Александрия, Адриан	С. Ново-Отрадное	117-138 гг. н.э.		AE	Кропоткин В.В., 1961, с. 65, № 614
162	Александрия, Антонин Пий	Туапсе	138-161 гг. н.э..		AE	Пахомов Е.А., II, с. 14, № 347
163	Александрия, Криспина	Пантикапей	180-192 гг. н.э.	1904 г., гробница № 61	AE	Кропоткин В.В., 1961, с. 64, № 600
164	Александрия, Клавдий II	С. Ново-Отрадное	269-270 гг. н.э.	2-я оффицина	AE	Кропоткин В.В., 1961, с. 65, № 614
165	Александрия, Диоклетиан	Туапсе	284-305 гг. н.э.	Тетрадрахма	Bl	Пахомов Е.А., II, с. 15, № 353
			Неопределенные центры			
166	Неопределенный центр, Антонин Пий	Пантикапей	138-161 гг. н.э.		AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 25; 48, № 444
167	Не определенный центр, Марк Аврелий	Горгиппия	161-180 гг. н.э.		AE	Фролова Н.А., 1997, с. 148
168	Малая Азия, неопределенный центр	Пантикапей	2 г. до н.э. — нач. I в. н.э.	Головы Гая и Луция Цезарей — кадуцей между двумя рогами изобилия	AE	Голенко К.В., Шелов Д.Б., 1963, с. 49, № 455

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зограф А.Н.* Античные золотые монеты Кавказа // ИГАИМК. Вып. 110. 1935. С. 186 сл.; *он же.* Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ. I. 1945. С. 29-85.
2. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I-VIII. Баку, 1926-1959.
3. *Шелов Д.Б.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI-I вв. до н.э. // НЭ. V. 1965. С. 47-50.
4. Литература по этому вопросу огромна. См. например: *Голенко К.В., Шелов Д.Б.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1964 гг. // НиСф. 1. 1963. С. 22-26; *Кругликова И.Т., Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967-1972 гг. // Горгиппия (Материалы Анапской археологической экпедиции). Т. I. Краснодар, 1980. С. 5-17; *Фролова Н.А., Шелов Д.Б.* Монеты из раскопок Кеп 1958-1963 гг. // НиСф. Вып. 2. 1965. С. 168-193; *Анисимов А.И.* Монеты из раскопок Пантикапея 1977-1986 гг. // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. Вып. 10. М., 1992; Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973-1977 гг. // Горгиппия (Материалы Анапской археологической экпедиции). Т. I. Краснодар, 1980. С. 122-135; *она же.* Монеты из раскопок Горгиппии 1979-1989 гг. // ПИФК. Вып. 4. Ч. 1. 1997. С. 147-149; *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 191-196; *Frolova N.* Finds of coins from ancient Gorgippia // Colloquia Pontica. Vol. 6. North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Leiden-Boston-Kцln, 2001. P. 419-422.
5. *Шелов Д.Б.* Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 1949. № 2. С. 93-98; *он же.* Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., 1956. С. 14.
6. Там же. С. 129.
7. ОАК. 1897. С. 65, 175.
8. *Зограф.* Распространение находок...С. 82-83.
9. Хранится в КГИКЗ.
10. Описание древних монет и медалей, хранящихся в медальере Керченского Музея древностей (1877-1901 гг.). Архив КГИКЗ. С. 244. № 20.
11. «Описание древних монет и медалей» содержит сведения о таких покупках. Например, в нем сообщается о приобретении дирекцией музея древностей на аукционе в Керчи по распоряжению бывшего керченского градоначальника З.С. Херхеуледзе 15 золотых монет, признанных впоследствии фальшивыми. В это число входили фальшивые «тетрадрахмы» Птолемеи Египетской, Антиоха Сирийского, «статеры» (sic) Лисимаха, Синопы, Диоскурии и три экземпляра «S статеров» Нерона с изображением на обороте Викторией и надписью **ARMENIAC** (sic).
12. *Зограф.* Распространение находок... С. 38; 60—61. № 57.
13. КГИКЗ. «Описание древних монет и медалей...». С. 244. № 21.
14. *Abramzon M., Frolova N.* A hoard of silver coins of 6th — 4th centuries B.C. from the Taman Peninsula // RN. 2004. 160. P. 40-41, 47. № 53. Pl. IV, 53; *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов. Т. I // Боспорские исследования. Supplementum 2.Симферополь-Керчь, 2007-2008. С. 74. № 53. Табл. 5, 53.
15. *Seltman Ch.* Athens: its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924. P. 200. Pl. XXII, ii; Kraay C. Archaic and Classical Greek Coins. London, 1976. Pl. 10, 184.
16. *Мельников.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // МАИЭТ. VIII. 2001. С. 415; 429; 434, № 16. Рис. 2, 16.
17. Там же. С. 434. № 16.

18. *Head B.* Catalogue of the Greek Coins of Attica, Megaris, Aegina. BMC. XI. London, 1888. P. 11. № 62. Pl. III, 7-8.
19. *Строкин В.Л.* АПОЛ[ония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // ДБ. 11. 2007. С. 358; 379, Рис. 2. 21.
20. *Мельников*. Нимфей, скифский вождь Саммак... С. 429. Прим. 27.
21. *Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I. Баку, 1926. С. 37. № 12.
22. BMC. XI. Pl. 14, 7.
23. *Thompson M.* The New Style Silver Coinage of Athens // NS. 10. New York, 1961. P. 288. Pl. 89, 806.
24. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 306. №. 44-45.
25. BMC. XI. Pl. 4. 5-6.
26. Ibid. № 144.
27. Ibid. Pl. 13. 7; *Head B.* Historia numorum. Oxford, 1911. P. 385.
28. *Abramzon M.* Gold and Silver Greek Coins of the 5th — 2nd centuries BC found in Dioscoria (the Abkhazian Museum) // Acta Musei Varnaensis. V. Varna, 2007. P. 164-165. № 1-5.
29. *Пахомов*. Ук. соч. VI. Баку, 1954. № 1528.
30. *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 116.
31. *Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // ВДИ. 1940. № 3. С. 292; *Кобылина М.М.* Фанагория. Введение // Фанагория // МИА. № 57. 1956. С. 41.
32. *Пахомов*. Ук. соч. VIII. С. 7. № 1899.
33. *Ашик А.Б.* Боспорское царство. Ч. II. Одесса, 1849. С. 17-18; Ч. III. С. 93; ОАК. 1912. С. 39; *Шелов*. Кизикские статеры на Боспоре. С. 93-94; он же. Монетное дело Боспора... С. 82-83; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 581-582; *Бутягин А.М., Неверов О.Я., Чистов Д.Е.* Мирмекийский клад. Каталог выставки. СПб., 2004; *Abramzon M., Frolova N.* Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes // RE. 2007. 163. P. 15-44; *Zakharov E.V.* The Hoard of Cyzicenes from the Settlement Patraeus (Taman peninsula) // XIV International Numismatic Congress. Abstracts of Papers. Glasgow, 2009. P. 33-34; *Mielczarek M.* Some ramarks on new finds of Cyzicenes in Black Sea Region // XIV International Numismatic Congress. Abstracts of Papers. Glasgow, 2009. P. 23.
34. *Абрамов А.П., Болдырев С.И.* «Клады» 1998 г. из Патрея // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2001. С. 143-144; *Абрамзон, Фролова*. Корпус боспорских кладов. С. 61-62; *Захаров Е.В.* Об обращении древнейших электровых монет Кизика на территории Северного Причерноморья // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Ростов-на-Дону, 20-25 апреля 2009 года. М., 2009. С. 22-24; он же. Монеты VI-V вв. до н.э., найденные на поселении Гаркуша I (Патрей) // ДБ. 13. 2009. С. 214-217, 221. Рис. 3, 16а-б, 17а-б, 18а-б; *Zakharov*. Op. cit. P. 33-34.
35. *Булатович С.А.* Находка кизикина на Таманском полуострове // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985. С. 36-38; *Фролова Н.А.*, 2004. Кизикины из собрания Государственного Исторического музея // ВДИ. 2004. № 4. С. 52. Табл. I, 4, 4а.
36. *Baldwin Brett A.* Catalogue of Greek coins. Museum of Fine Arts. Boston, 1955. P. 187. № 1408.
37. *Шелов Д.Б.* Кизикские статеры на Боспоре. С. 94; *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 37. № 220. Табл. VI, 220.

38. *Hurter S., Liewald H.* Neue Münztypen der Kyzikiner Elekronprägung // SN№ 2002. 81. S. 34. № 45. Taf. 4, 45a.
39. *Fritze H., von.* Die Elekronprägung von Kyzikos. Nomisma. VII. 1912. S. 3. № 11. Taf. I, 11.
40. *Baldwin Brett.* Op. cit. P. 189. № 1432.
41. *Abramzon, Frolova.* Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes. P. 26. № 1. Pl. I, 1.
42. *Захаров Е.В.* Кизикин нового типа, найденный на поселении Гаркуша I (Патрей) // Нумизматические чтения 2009 года. К 80-летию А.С. Мельниковой и 90-летию В.В. Узденникова. Москва, 19-20 ноября 2009 г. Тезисы названий и сообщений. М., 2009. С. 5-7.
43. Тип «собака на тунце». См. *Fritze.* № 93. Taf. 3. 12; *Baldwin Brett.* Op. cit. P. 193. № 1470 (гекта), 1471 (гемигекта).
44. *Голенко К.В.* Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. М., 1977. С. 37-40.
45. *Baldwin Brett.* Op. cit. P. 196. № 1500.
46. *Тарещенко А.А.* Электровый кизикин из Нимфея // Боспорский город Нимфей. Тезисы докладов конференции. СПб., 1999. С. 71-72; *Бутягин, Неверов, Чистов.* Ук. соч. С. 80. № 100.
47. *Baldwin Brett.* Op. cit. P. 199. № 1559.
48. *Ашик.* Ук. соч. С. 93-94; ДБ Киммерийского. II. СПБ., 1854. С. 154; *Люценко Е.Е.* Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае (на юге России). Рукопись // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 28. Д. 22. 1880. Л. 6-7; *Фролова.* Кизикины из собрания... С. 47; *Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.* An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973. № 1011; *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов. С. 94-96.
49. *Greenwell W.* The electrum staters of Cyzicus // NC. VIII. 1887. P. 49, № 7; 53, № 15; 54, № 21; 57, № 26.
50. *Фролова.* Кизикины из собрания...С. 48.
51. *Бутягин, Неверов, Чистов.* Ук. соч. С. 31-41; *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А.* Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. 1. Киев, 2006. С. 14-29; *Abramzon, Frolova.* Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes.
52. *Ашик.* Ук. соч. С. 17; IGCH № 1013; *Тункина.* Ук. соч. С. 581.
53. *Диамант Э.И.* Новые данные о Пуленцовском кладе золотых монет // НиСФ. 4. 1971. С. 83-86.
54. *Шелов.* Монетное дело Боспора. С. 138.
55. Хранится в Государственном Эрмитаже.
56. ДБ Киммерийского. II. С. 236; *Фролова.* Кизикины из собрания...С. 48.
57. *Шелов.* Монетное дело Боспора. С. 138.
58. *Abramzon M., Frolova N.* A hoard of silver coins of 6th — 4th centuries B.C. from the Taman Peninsula // RN. 2004. 160. P. 27-48.
59. *Wroth W.* Catalogue of the Greek Coins of Mysia. BMC. XV. London, 1892. P. 35. № 116. Pl. IX, 2.
60. *Абрамзон М.Г.* Клад из Пересыпи: новые данные о контактах Боспора с Самосом и Афинами в VI-V вв. до н.э. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16-21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 10; *Abramzon, Frolova.* A hoard of silver coins. P. 40, 47. № 52. Pl. IV. 52; *Абрамзон, Фролова.* Корпус... С. 74. № 52.

61. BMC. XIV. P. 355. № 55, 63. Pl. XXXIV, 18; *Barron J.* The Silver Coinage of Samos. London, 1996. Pl. XV, 4.
62. *Абрамзон, Фролова*. Корпус...С. 26.
63. BMC. XV. P. 34-35. № 108-116. Pl. IX, 1-2.
64. Я благодарю коллег С.А. Коваленко, В.Н. Розова и О.Н. Мельникова, обративших внимание на нашу ошибку, и информировавших меня о подобных находках.
65. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 55. № 608.
66. *Wroth W.* Catalogue of the Greek Coins of Mysia. BMC. XV. London, 1892. P. 125. № 112.
67. *Голенко К.В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939-1970 гг. // НЭ. XI. 1974. С. 88. № 352. Табл. VI, 352.
68. № по описи Ф-05-3.
69. Автор благодарит сотрудника КГИКЗ А.В. Куликова за предоставленную информацию и фотографии.
70. IGCH 2352.
71. *Babelon E.* Traité des monnaies gresques et romaines, I. 2. Paris, 1907. Pl. LXXXI, 31-34.
72. *Анисимов*. Ук. соч. С. 337, табл. IV, 395; 349, № 305.
73. BMC. XIV. P. 123. № 57-58.
74. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 303. № 20.
75. BMC. XIV. P. 116-117. № 1, 5, 6. Pl. III, 12-14.
76. *Харко Л.П.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. // МИА. № 25. 1952. С. 361; *Зограф А.Н.* Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. // МИА. 25. 1952. С. 377. № 2506.
77. BMC. XIV. P. 218. № 109-113. Pl. XXIII, 10.
78. *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса, 1884. С. 162, № 173. Табл. XXII, 171.
79. *Бертье-Делагард А.Л.* Поправки Общего каталога монет П.О. Бурачкова. М., 1907. С. 23.
80. *Barron J.P.* The Silver Coinage of Samos. London, 1996. P. 199, № I. Pl. XVI, 1.
81. Ibid. P. 72.
82. *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. № 16. 1951. С. 164; IGCH 1004; *Столба В.Ф.* Второй Эльтигенский клад боспорского серебра второй половины V в. до н.э. (IGCH 1004) // Шестая Всероссийская Нумизматическая конференция. Санкт Петербург, 20-25 апреля 1998 г. Тезисы докладов. СПб, 1998. С. 18-20; *Stolba W.F.* ΣΑΜΜΑΣ. Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // Stephanos numismatikos. Berlin, 1998. S. 601-610; *Фролова Н.А.* Монеты Нимфея (Некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 3. 2000. С. 341-345; *Frolova N.A.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.). Berlin, 2004. S. 57-62; *Столба В.Ф.* Проблемы нумизматики Нимфея: несколько замечаний // Hyperboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. P. 13-41; *Абрамзон, Фролова*. Корпус... С. 76-78.
83. *Бертье-Делагард А.Л.* Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р.Х. // НС. I. 1911. С. 37.
84. *Столба*. Второй Эльтигенский клад... С. 20; Stolba. Op. cit. 1998. S. 605.
85. Архив ИИМК. Ф. 1. 1908. Д. 13. Л. 43. Опубликован нами: см. *Фролова*. Монеты Нимфея...С. 351; *Абрамзон, Фролова*. Корпус... С. 869. Илл. X.
86. *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 83.
87. *Head B.* Catalogue of the Greek Coins of Ionia. BMC. XIV (далее — BMC. XIV). London, 1892. P. 332. № 40.

88. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 89. № 397.
89. *Head B.* Historia Numorum. Oxford, 1887. P. 514.
90. *Голенко К.В.* Монеты из случайных находок в Патрее (1947-1950) // ВДИ. 1952. № 3. С. 155. № 84.
91. ОАК за 1913-1915 гг. С. 72; *Зограф А. Н.* Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. VII. 1941. С. 153.
92. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 306. № 49-50.
93. *Анисимов*. Ук. соч. С. 329-330, 350. № 254. Табл. 1, 254.
94. *Wroth W.* Catalogue of the Greek Coins of Troas, Aeolis and Lesbos. BMC. XVII. London, 1894. P. 154. № 50. Pl. XXX, 21.
95. Ibid. P. 151.
96. *Анисимов*. Ук. соч. С. 329-330.
97. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 306. № 51.
98. *Фролова Н.А., Шелов Д.Б.* Монеты из раскопок Кеп 1958-1963 гг. // НиСф. Вып. 2. 1965. С. 173. № 10.
99. *Head B.* Catalogue of the Greek Coins of Caria, Cos, Rhodes. BMC. XVIII. London, 1897, P. 237. Pl. XXXVII, 6(?).
100. *Анисимов*. Ук. соч. С. 337, табл. IV, 341; 350, № 341.
101. *Зограф*. Распространение находок... С. 60. № 60.
102. Там же. С. 39.
103. *Фролова*. Монеты из раскопок Горгиппии 1979-1989 гг. С. 147; *Frolova*. Finds of coins from ancient Gorgippia. P. 416.
104. *Westermark U., Ashton R.* The Erkki Keckman Collection in the Skopbank, Helsinki // SNG. Finland. Part. I. Karia. Helsinki, 1994. № 607-616.
105. *Ashton R.* Excavation Coins from Phanagoreia // NC. 163. 2003. P. 384. № 53. Pl. 48, 53, A.
106. *Bresson A.* La circulation monétaire rhodienne jusqu'en 166 // DHA. 1993. P. 119-169.
107. *Ashton*. Op. cit. P. 384.
108. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 306. № 47.
109. *Wroth W.* Catalogue of the Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bythinia, and the Kingdom of Bosporus. .BMC. XIII. London, 1889. P. 91. № 9-10; *Price M.* British Museum Catalogue. The Black Sea // SNG. Vol. IX. Part. I. London, 1993 (далее — SNG BM. I. 1993). № 1344-1345.
110. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 33. № 132.
111. Там же. С. 25.
112. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 307. № 57.
113. *Зограф*. Распространение находок...С. 60-61. № 59.
114. *Зограф*. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия. С. 363, № 23.
115. *Зограф*. Распространение находок...С. 60-61. № 62.
116. *Saprykin S.Yu.* The Unification of Pontos: The Bronze Coins of Mithridates VI Eupator as Evidence for Commerce in the Euxine // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges / Ed. by V. Gabrielsen and J. Lund. Black Sea Studies. 6. Aarhus, 2007. P. 198.
117. *Голенко К.В.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э.// НЭ. II. 1960. С. 29-33.
118. SNG BM. I. 1993. № 1575.
119. *Мельников О.Н.* Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. VII. 2000. С. 217, № 17; *он же*. Нимфей, скифский вождь Саммак... С. 415.
120. См. *Шелов Д.Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3. С. 168-178.

121. *Карышковский П.О.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Одесса, 2003. С. 306-307. №. 53-56.
122. *Белова Л.Н.* Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата // МИА. 85. 1958. С. 331, 334. № 18.
123. SNG BM. I. 1993. № 980.
124. *Ashton*. Op. cit. P. 384. № 52. Pl. 48, 52.
125. *Stancomb W.* Coins of the Black Sea // SNG. Vol. XI. London, 2000 (далее — SNG Stancomb. 2000). № 639.
126. *Imhoof Blumer F.* Die Kupferprägung des Mithradatichen Reichs und anderen Münzen des Pontus und Paplagoniens // NZ. 1912. 45. 2. S. 184-186.
127. *Зограф.* Античные монеты. С. 186.
128. *Baldwin A.* 1913. Les monnaies de bronze dites incertaines du Pont ou du royame de Mithridate Eupator // RN. 18. 1913. P. 285-313.
129. *Kolb P.* Monnaies de bronze incertaines du Pont // RN. 23. 1926.
130. *Голенко К.В.* Понтийская анонимная медь // ВДИ. 1969. № 1. С. 130-154.
131. SNG BM. I. 1993. № 972-984.
132. SNG Stancomb. 2000. № 639-653.
133. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 114-115.
134. *Golenko K.* Pontic Currency of the Period of Mithradates VI on the Bosporus // Numismatic Circular. 2003. CXI. 2 (April). P. 65.
135. См.: *Голенко К.В.* Понтийская медь времен Митридата VI на Боспоре // Klio. Bd. 46. 1965.
136. *Шелов.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора. С. 47; *Golenko*. Op. cit. P. 64-68.
137. *Голенко К.В.* Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках // ПС. № 11 (74). 1963. С. 58.
138. *Шелов.* Материалы к истории денежного обращения. С. 47.
139. *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов... С. 39. Табл. 11.
140. *Golenko*. Op. cit. P. 67; *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов...С. 39.
141. IGCH 1145.
142. *Golenko*. Op. cit. P. 67.
143. *Крушкол Ю.С.* Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г. // ВДИ. 1952. № 3. С.116-147; *она же.* Патрэйский клад 1950 г. // КСИИМК. Вып. LXVI. 1956. С. 116.
144. *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Куматырский клад бронзовых монет IV-I вв. до н.э. // РА. 2002. № 3. С. 145-152; *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов... С. 235-242.
145. *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов... С. 209-235.
146. *Ireland S., Frolova N.* Two hoards of Bosporan coins of the 1st century BC from the ancient settlement of Poljanka (Kerch) // Hermathene. 166. 1999. P. 31-39.
147. См. *Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д.* Два клада медных монет первой половины I в. до н.э. из Фанагории // ВДИ. 2008. № 4. С. 184-194.
148. SNG BM. I. 1993. № 1212-1217.
149. *Голенко, Шелов.* Ук. соч. С. 24, 64; *Зинько В.Н., Аветиков А.А.* Монеты из раскопок культового здания северо-западного района Пантикапея // ПИФК. Вып. III. 1996. С. 73. № 35, 12, 24; *Зинько В.Н.* Понтийские монеты из пантикапейского храма в антах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. VII. Симферополь, 2000. С. 219-220; *Анисимов.* Ук. соч. С. 336.
150. *Зограф А.Н.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932-1934 гг. //

МИА. 4. 1941. С. 165. № 26; 167, № 106; 168, № 150; 169, № 197; 171, № 247; *Харко*. Ук. соч. С. 361; Белова. Ук. соч. С. 331-351.
151. *Молев Е.А., Молева Н.В.* Денежное обращение в Китее // ПИФК. Вып. III. 1996. С. 79. № 28, 35.
152. *Gavrilov A.* Coin finds from Kuru-Bash (Camp) Settlement and Some Questions of History of Theodosia in the End of the 2nd — 1st centuries BC // Acta Musei Varnaensis. VII. 1, Varna, 2008. P. 123, № 6, 7; 124, № 8-11;125, № 14, 15; 126, № 22; 128, № 24.
153. *Голенко*. Монеты из случайных находок в Патрее в 1951 г. С. 109. № 62; *Крушкол Ю.С.* Монеты из случайных находок в Патрее 1949-1951 гг. // ВДИ. 1958. № 3. С. 136-142; *Акимов В.О.* Монетные находки с городища Патрей // Патрей. Материалы и исследования. 2. М., 2005. С. 108.
154. *Крушкол Ю.С.* Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. XV. 1951. С. 257-263; *Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1981. № 1. С. 103; *Ashton*. Op. cit. P. 383, № 50. Pl. 48. 50.
155. *Шелов Д.Б.* Монетные находки на Майской горе // НЭ. IV. 1963. С. 94. № 62.
156. *Кругликова, Фролова*. Ук. соч. С. 103.
157. *Фролова, Шелов*. Монеты из раскопок Кеп.... С. 168-193, № 107, 111, 202, 215, 261-262, 291, 347, 384.
158. *Шелов Д.Б.* Находки монет в Фанагории в 1947-1957 гг. // НЭ. III. 1962. С. 66.
159. *Акимов*. Ук. соч. С. 108. № 40.
160. *Голенко*. Монеты из раскопок Нимфея... С. 67. № 177, 180, 194, 239, 319, 332, 336, 338, 341, 384.
161. *Gavrilov*. Op. cit. P. 124, № 11.
162. *Зограф*. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия. С. 363, № 10.
163. Там же. С. 375. № 2467.
164. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 65. № 284, 286, 693.
165. *Голенко*. Монеты из раскопок Нимфея... С. 81, № 180; 87, № 338.
166. № по описи Ф-09-150.
167. *Golenko*. Op. cit. P. 64.
168. *Шелов*. Материалы к истории денежного обращения...С. 46-48.
169. *Карышковский П.О.* Денежное обращение в Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н.э. // НЭ. V. 1964. С. 64; Он же. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 250.
170. *Шелов*. Материалы к истории денежного обращения... С. 50.
171. SNG BM. I. 1993. № 731-732.
172. *Новичихин А.М.* Херсонесская монета с хоры Горгиппии // ВДИ. 2008. № 1. С. 39. Прим. 9.
173. Там же. С. 39. Прим. 10.
174. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев, 1977. Табл. XII, 191.
175. *Новичихин*. Ук. соч. С. 38-41.
176. *Зограф*. Античные монеты. Табл. XXXVI, 19; Анохин. Ук. соч. Табл. XIII, 197-198.
177. SNG BM. I. 1993. № 734-744.
178. *Гилевич А.М.* Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет III в. до н.э. // НЭ. Т. VIII. 1974. С. 6; она же. Херсонес и Северо-Западный Крым по нумизматическим данным // Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции «Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (К 300-летию Отдела Нумизматики Государственного Эрмитажа)». 14-16 октября 1987 г. Ле-

нинград, 1987. С. 54-55; *она же*. Хронология и топография кладов херсонесских монет IV-II вв. до н.э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Ленинград, 1973. С. 10-11.
179. № по описи Ф-08-190.
180. № по описи Ф-08-42.
181. SNG BM. I. 1993. № 745-748.
182. Ibid. № 720-721.
183. КГИКЗ. Инв. № 5369.
184. *Голенко*. Монеты из раскопок Нимфея... С. 88. № 367. Табл. IV, 367.
185. Там же. С. 83. № 223. Табл. IV, 223.
186. SNG BM. I. 1993. № 828-829.
187. Ibid. № 803.
188. *Харко*. Ук. соч. С. 361; *Зограф*. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия. С. 385. № 57.
189. *Молев, Молева*. Ук. соч. С. 79. № 39.
190. *Анохин*. Ук. соч. Табл. XII, 193.
191. *Абрамзон, Фролова*. Корпус боспорских кладов... С. 276. № 26.
192. *Зограф*. Античные монеты. Табл. XXXVI, 19; *Анохин*. Ук. соч. Табл. XIII, 197-198.
193. *Анохин*. Ук. соч. Табл. XII, 192-195.
194. *Люценко*. Ук. соч. Л. 13-15. № 10; *Абрамзон, Фролова*. Корпус боспорских кладов...С. 562.
195. *Шелов*. Материалы к истории денежного обращения... С. 49-50.
196. *Шелов*. Находки монет в Фанагории... С. 85. № 366.
197. *Зограф*. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия... С. 171. № 279.
198. *Голенко*. Монеты из раскопок Нимфея... С. 88, № 350; 89, № 399.
199. *Голенко*, Шелов. Ук. соч. С. 61. № 735, 747. Табл. VI, 735, 747.
200. *Голенко*. Монеты из раскопок Нимфея... С. 77. № 88.
201. № по описи Ф-04-21; Ф-08-47.
202. *Зограф*. Античные монеты. Табл. XXXII, 11.
203. *Белова*. Ук. соч. С. 340. № 155.
204. *Зограф*. Античные монеты. Табл. XXXII, 10.
205. *Голенко*. Монеты из случайных находок в Патрее (1947-1950). С. 155. № 81; *он же*. Монеты из случайных находок в Патрее в 1951 г. // НЭ. IV. 1963. С. 109. № 131.
206. *Зограф*. Античные монеты. Табл. XXXIII, 4.
207. *Казаманова Л.Н.* Монеты из раскопок Гермонассы в 1955-1956 гг. // НЭ. II. 1960. С. 56. № 102.
208. *Бурачков*. Ук. соч. Табл. VII, 161.
209. *Крушкол*. Монеты Фанагорийского городища... С. 270. № 42.
210. Описание монет и медалей...С. 160, 203.
211. *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. Табл. IV, 48.
212. Там же. Табл. XIX, 190.
213. *Казаманова*. Монеты из раскопок Гермонассы... С. 55. № 101.
214. *Зограф А.Н.* Монеты Тиры. М., 1957. Табл. II, 4; *Фролова Н.А.* Каталог монет античной Тиры. М., 2006. С. 22-23. Табл. IV, 9, 12-15.
215. *Вартанов Г.А.* Колхидская дидрахма, найденная в Гермонассе // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 71-74.
216. SNG BM. I. 1993. Pl. 38, 1012.
217. Ibid. Pl. 38, 1013-1019.

218. *Скуднова В.Н.* Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1952. № 2. С. 238-242; Голенко. Монеты из раскопок Нимфея... С..80. № 160-161.
219. SNG BM. I. 1993. Pl. 38. 1021-1023.
220. *Казаманова Л.Н.* Клад монет IV-II вв. до н.э. из Судака // ВДИ. 1963. № 4. С. 144-151; *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов...С. 185-188. № 32.
221. *Анисимов.* Ук. соч. С. 342, № 1; 353, № 438.
222. *Зограф.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия...С. 170, № 231.
223. Там же. С. 168, № 110; *Харко.* Ук. соч. С. 361; *Зограф.* Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия. С. 367. № 124.
224. *Голенко.* Монеты из раскопок Нимфея... С. 90. № 408.
225. *Молев, Молева.* Ук. соч. С. 79. № 33.
226. *Голенко.* Монеты из случайных находок в Патрее (1947-1950). С. 155. № 82; *он же.* Монеты из случайных находок в Патрее в 1951 г. С. 109. № 132; *Акимов.* Ук. соч. С. 99-110.
227. *Шелов.* Находки монет в Фанагории... С. 79. № 219.
228. *Фролова, Шелов.* Ук. соч. С. 176. № 8.
229. *Кругликова, Фролова.* Ук. соч. С. 112. № 176.
230. *Tsetskhladze G.R.* On the Numismatics of Colchis: The Classical Archaeologist's Perspective // Dialogues d'histoire ancienne. 1993. 19. 1. P. 241-244.
231. *Анисимов.* Ук. соч. С. 337.
232. *Карышковский.* Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 253.
233. Для удобства здесь же рассмотрены находки статеров александровского и лисимаховского типа.
234. См. *Зограф А.Н.* Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках // Бюллетень Керченской конференции археологов СССР. Вып. 3. Л., 1926. С. 3-4.
235. *Тункина.* Ук. соч. С. 574-575.
236. *Анисимов.* Ук. соч. С. 332.
237. *Драганов Д.* Монетите на Македонските царе. Ч. I. От Александър I до Александър Великий. Ямбол, 2001. С. 148. № 159-163, 174-175.
238. Описание древних монет и медалей, хранящихся в медальере Керченского Музея древностей (1877-1901 гг.). Архив КГИКЗ. С. 244. № 18.
239. *Драганов.* Ук. соч. С. 148. № 164-167.
240. Описание древних монет и медалей, хранящихся в медальере Керченского Музея. С. 244. № 17.
241. *Зограф А.Н.* Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // ТОИИКАМГЭ. I. С. 85-99.
242. ОАК. 1911. С. 41; ОАК. 1912. С. 48; ИАК. 51. С. 120; ИАК 60. С. 23, 29.
243. *Шелов.* Монетное дело Боспора... С. 129.
244. Там же.
245. Инв. № КГИКЗ КН-5386; 3-16, в — 8.49 г.
246. *Price M.J.* The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. Vol. 1. Zurich-London, 1991. P. 109. № 179.
247. *Придик Е.М.* Анадольский клад золотых статеров 1895 г. // ИАК. 3. 1902. С. 58-92. № 23.
248. Описание древних монет и медалей, хранящихся в медальере Керченского Музея. С. 244. № 19.
249. *Abramzon M.G., Gorlov Ju.V.* Two staters of Philip III Arrhidaeus found in Phanagoreia // ACSS. 1996. 3. 2-3. P. 129-132.
250. *Price.* The Coinage in the Name of Alexander the Great... P. 229. № P31. Pl. XV, P31.

251. *Придик*. Ук. соч. № 6.
252. *Price*. The Coinage in the Name of Alexander the Great... P. 501. № P224. Pl. XVI, P224.
253. *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 130.
254. *Зограф*. Античные золотые монеты Кавказа. С. 189. №. 31.
255. *Ростовцев М*. Скифия и Боспор. М., 1925. С. 291-292.
256. *Пахомов*. Ук. соч. VIII. С. 12. № 1912.
257. *Фролова*. Монеты из раскопок Горгиппии 1979-1989 гг. С. 161. № 663; *Frolova N*. Finds of coins from ancient Gorgippia // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica. Vol. 6. Leiden-Boston-Köln, 2001. C. 415.
258. *Shönert-Geiss E*. Die Münzprägung von Byzantion. I. Autonome Zeit. Berlin-Amsterdam, 1970. S. 128. № 891. Taf. 38.
259. *Кругликова, Фролова*. Ук. соч. С. 119. № 342.
260. *Head B*. Historia Numorum. Oxford, 1911. P. 224.
261. *Фролова*. Монеты из раскопок Горгиппии 1979-1989 гг. С. 147.
262. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 304. № 22.
263. Там же. С. 305-306. № 26-43.
264. ОАК. 1876. С. 5, 112. Табл. II, 5, 6.
265. ОАК. 1864. С. V; Шелов. Монетное дело Боспора... С. 129-130.
266. *Зограф*. Распространение находок... С. 54-55. № 13.
267. ОАК. 1910. С. 118, 215; Шелов. Монетное дело Боспора... С. 130.
268. *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 194-195.
269. *Pick B*. Die Münzkunde in der Altertumswissenschaft. Stuttgart-Gotha, 1921. S. 30.
270. *Зограф*. Статеры Александра Македонского и Лизимаха... С. 3-4; *он же*. Распространение находок...С. 85-99; *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 130-131, 152.
271. *Зограф*. Античные монеты. С. 186.
272. *Зограф*. Античные золотые монеты Кавказа. С. 46-47; *Шелов*. Монетное дело Боспора... С. 196.
273. *Гаврилов А.В*. Статер лисимаховского типа из укрепления Биюк Янышар близ Феодосии // Одиннадцатая всероссийская нумизматическая конференция. СПб, 14-18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 22-24.
274. Архив ИАК. Д. 102/1909; *Zograph A*. The Tooapse hoard // NC. 5. 1925. P. 29-52; *Пахомов*. Ук. соч. I. Баку, 1926. № 17. Вып. VIII. Баку, 1959. С. 72; *Абрамзон, Фролова*. Корпус боспорских кладов...С. 168-169.
275. *Seyrig H*. Monnaies Hellenistiques de Byzanse et Calcedone // Essay in Greek coinage, presented to Stanley Robinson. Oxford, 1968. P. 195-199. Pl. 23, 11; 24, 13, 16, 17.
276. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 58. № 678.
277. См. *Зограф*. Распространение...С. 62-63. № 72-73.
278. *Карышковский*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии... С. 307. № 58.
279. *Харко*. Ук. соч. С. 361; *Зограф*. Описание монет... С. 373. № 2390.
280. Инв. КГИКЗ № 3-16, КН-5386, диаметр — 18 мм, вес — 8.49 г. См.: *Зинько В.Н*. Охранные работы в Керчи // Боспорский сборник. 4. М., 1994; *Зинько В.Н., Аветиков А.А*. Монеты из раскопок культового здания северо-западного района Пантикапея // ПИФК. Вып. III. М.-Магнитогорск, 1996. С. 72. № 30; *Зинько В.Н*. Понтийские монеты из пантикапейского храма в антах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. VII. Симферополь, 2000. С. 219-220. Рис. 2.
281. Вес — 12.49 г. № по описи Ф-08-124.
282. SNG BM. I. 1993. № 1029-1036.
283. См.: SNG BM. I. 1993. № 1029-1036; *Callataÿ Callataÿ F. de*. L'histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997. Pl. 1, № D3-R2, D4-R3,

D5-R7; 2, № D-17-R 8a; 4, № D40-2a, D41-4a; 5, № D45-R1, D46-R3, D-47-R5, D48-R9, D49-R11, D53-R8 etc.; *Фролова Н.А.* Монеты Митридата VI Евпатора (120-63 гг. до н.э.) из Собрания Государственного исторического музея // ДБ. 4. М., 2001. С.442-444. Табл. I, 1-10.

284. *Зограф.* Распространение находок...С. 64-65. № 78.
285. *Пахомов.* Ук. соч. С. 12. № 1914.
286. *Бурачков.* Ук. соч. VIII. Табл. XXV, 33-36, 38-39.
287. Там же. С. 19.
288. *Зограф.* Распространение находок...С. 48.
289. *Люценко.* Ук. соч. Л. 31. № 6; *Зограф.* Распространение находок...С. 78-79. № 173; *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов. С. 291-294.
290. *Burnett A., Amandry M., Ripolles P.P.* Roman Provincial Coinage (далее — RIC). Vol. I. London — Paris, 1992. P. 568. № 3801.
291. Ibid. P. 568. № 3802.
292. Ibid. P. 567.
293. *Сапрыкин.* Ук. соч. С. 304–305.
294. *Gavrilov.* Op. cit. P. 117-118, 125, № 16-18; P. 129-130, fig. 4, 32-34; 5, 35.
295. *Сапрыкин.* Ук. соч. С. 191.
296. *Gavrilov.* Op. cit. P. 118.
297. *Пахомов.* Ук. соч. III. С. 27. № 764.
298. *Зограф.* Распространение находок... С. 66-67. № 94.
299. *Беккерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1976. С. 197.
300. *Зограф.* Распространение находок...С. 66-67. № 102.
301. Там же. С. 68-69. № 110.
302. Там же. С. 66-69. № 88-117.
303. Там же. С. 42.
304. *Абрамзон М.Г.* Римские монеты в денежном обращении Боспора // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 10-12.
305. *Голенко.* Монеты из раскопок Нимфея... С. 88. № 352. Табл. IV, 352.
306. *Голенко, Шелов.* Ук. соч. С. 49. № 455.
307. Там же. С. 25; 48, № 438.
308. Там же. С. 25; 53, № 545.
309. *Люценко.* Ук. соч. Л. 30. № 5.
310. *Зограф.* Распространение находок.... С. 78-79. № 176.
311. *Кунина Н.З.* Керченский клад серебряных римских монет // Археология и история Боспора. Ч.II. Симферополь, 1962. С. 329-342, № 1; *Golenko K.* Le tresor d'antoniniani de Kertch // RN. 6 Serie. T. XV. 1973. P. 297. № 1; *Абрамзон, Фролова.* Корпус боспорских кладов...С. 387. № 1.
312. *Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г 4-4. М., 1961. С. 65. № 626; *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 192. Прим. 43; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. II. М., 1997. С. 170.
313. *Sydenham E.* The Coinage of Caesarea in Cappadocia. London, 1933. P. 80. № 290.
314. *Кругликова, Фролова.* Ук. соч. С. 110. № 136.
315. *Sydenham.* Op. cit. P. 82. № 302.
316. *Кругликова, Фролова.* Ук. соч. С. 110. № 140.
317. *Фролова.* Монеты из раскопок Горгиппии 1979-1989 гг. С. 166. № 951.
318. *Кропоткин.* Ук. соч. С. 65. № 614; *Кругликова.* Ук. соч. С. 93.

319. *Пахомов*. Ук. соч. II. С. 14. № 347; *Зограф*. Распространение находок... С. 84-85. № 203; *Кропоткин*. Ук. соч. С. 40. № 26.
320. *Пахомов*. Ук. соч. II. С. 15. № 353; *Зограф*. Распространение находок... С. 84-85. № 204; *Кропоткин*. Ук. соч. С. 40. № 25.
321. *Кропоткин*. Ук. соч. С. 64. № 600.
322. Там же. № 614.
323. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 25; 48. № 438.
324. *Кропоткин*. Ук. соч. С. 64. № 597.
325. *Анисимов*. Ук. соч. С. 337. Табл. IV, 260.
326. *Frolova*. Finds of coins from ancient Gorgippia. P. 419-420.
327. *Ashton*. Op. cit. P. 383. № 51.
328. *Голенко*. Монеты из раскопок Нимфея... С. 85. № 281. Табл. VI, 281.
329. *Waddington W., Babelon E., Reinach Th*. Recueil Gйnйral des monnaies grecques, d'Asie Mineure. I. Paris, 1904. P. 29, № 10. Pl. IV, 2 .
330. *Кругликова, Фролова*. Ук. соч. 105. № 14.
331. *Фролова*. Монеты из раскопок Горгиппии 1979-1989 гг. С.148.
332. Там же. С. 149, 161. № 671.
333. *Фролова*. Каталог монет античной Тиры. С. 109. Табл. XLIV, 6-7, 9-11; XLV, 1-2.
334. *Казаманова*. Монеты из раскопок Гермонассы... С. 55. № 100. Табл. II, 6.
335. *Зограф*. Монеты Тиры. Табл. VIII, 11; *Фролова*. Каталог монет античной Тиры. С. 96-97. Табл. XXXV, 6-10.
336. *Frolova N.A., Ireland S*. A Hoard of Bosporan Coins in the Period Third Century BC to AD 238 from Ancient Gorgippia // NC. 1995. P. 21-42; *Фролова Н.А*. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. — 238 в. н.э. из древней Горгиппии (Анапа, 1987) // ВДИ. 1996. № 2. С. 44 сл.; *Абрамзон, Фролова*. Корпус боспорских кладов...С. 334-352.
337. *Frolova, Ireland*. Pl. 11, 493-494; *Абрамзон, Фролова*. Корпус боспорских кладов... С. 351. № 493, 494.
338. Frolova, Ireland. Pl. 11, 495; Абрамзон, Фролова. Корпус боспорских кладов... С. 351. № 495.
339. *Фролова*. Каталог монет античной Тиры. С. 98-99. Табл. XXXVII, 1-5.
340. Там же. С. 108. Табл. XLIV, 2-3.
341. *Анохин*. Ук. соч. Табл. XX, 289.
342. *Молев, Молева*. Ук. соч. С. 79-80. № 56, 57.
343. Там же. Табл. XVIII, 267.
344. № по описи Ф-07-79.
345. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г*. Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. М., 2005. С. 198. № 2514-2518. Табл. 107, 4.
346. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 25; 48, № 444.
347. The Royal collection of coins and medals. Danish National Museum. SNG. Vol. III. West Milford, 1982 (далее — SNG Cop.). Thrace, № 540; *Анисимов*. Ук. соч. С. 349. № 308.
348. Там же. С. 337. Табл. IV, 260; *Кропоткин*. Ук. соч. С. 64. № 597.
349. *Кропоткин*. Ук. соч. С. 64. № 597.
350. *Голенко, Шелов*. Ук. соч. С. 25; 43, № 348.
351. *Анисимов*. Ук. соч. С. 339. Табл. V, № 220.
352. Там же. С. 339. Табл. V, № 116.
353. Там же. С. 339, табл. V, № 292; 349, № 292.
354. Там же. С. 339.
355. *Голенко, Шелов*. Монеты из раскопок Пантикапея 1945-1964 гг. С. 25-26.

ECONOMIC CONTACTS OF THE BOSPORUS IN THE 6TH CENTURY BC — 3rd CENTURY AD: GREEK COINS IN THE MONETARY CIRCULATION

M.G. Abramzon

Archaeological discoveries in Pantikapaion, Myrmekion, Tyritake, Kytaeum, Phanagoria, Patraeos, Gorgippia and many other Bosporan settlements gave a number of finds of Greek coins. Archaeological reports, publications, archives and museum collections also informed us about foreign coins found on the Bosporus from the middle of the 19th century till now. This great numismatic material allows us to shed a new light on some questions of the economic history of the Bosporan Kingdom. One of the most interesting problems of the Bosporan economics is the role of Greek coins in the monetary circulation in the Bosporus.

The author publishes about 170 finds of Greek coins penetrating in the Bosporus from Kyzikos, Pergamen, Thebes, Ionia, Aeolis, Athens, Samos, Lesbos, Chios, Cos, Rhodes, Naxos, Cromna, Amisus, Sinope, Byzantium, Heraclea Pontica, Alexandria, Caesarea in Cappadocia, Tium, Nikea, Chersonesus, Olbia, Tyre, Macedony, Thrace, Syria, Judaea, Parthia etc. Finds of imported coins in the Bosporan settlements testify to development of traditional links between the region and centers of the North-West of Asia Minor beginning from the 6th century BC. Such contacts especially increased in the Roman period, when Asia Minor became a basic importer of agricultural products from the Bosporus.

© 2010

Н.А. Фролова

МЕДНЫЕ МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА С ДАТАМИ

Основной проблемой, с которой встретились ученые, занимаясь исследованием монет Херсонеса римского времени, была проблема эры, по которой были датированы его золотые и медные монеты. П.О. Карышковский, посвятивший специальную статью вопросу об эре Херсонеса Таврического[1], в 1960 г. писал, что одесский исследователь-нумизмат, филолог, действительный член Одесского Общества истории и древностей П.В. Беккер был первым ученым, определившим числовой характер букв, имеющихся на некоторых монетах Херсонеса. П.В. Беккер правильно предположил, что таким путем выражены даты особой местной эры[2]. Следом за ним А. вон Заллет составил список датированных золотых и медных монет Херсонеса[3]. Дополненный их список был приведен А.Л. Бертье-Делагардом[4] и снабжен перечнем литературы, в которой рассматриваются те или иные датированные монеты античного Херсонеса. В этом перечне особое место занимают работы А.В. Орешникова[5] и А.Н. Зографа[6].

А.Н. Зограф обратил внимание на тот факт, что даты на золотых монетах помещаются на оборотной стороне, а даты на медных монетах — на лицевой стороне, под обрезом шеи божества. Но это касается только меди первой группы. Разделение на две группы медных датированных монет принадлежит А.Л. Бертье-Делагарду[7]. Первая группа чеканилась в 70-78 гг. х.э. = 45-73 гг. н.э. Во вто-

рой группе медных датированных монет дата помещалась на реверсе. Монеты второй группы чеканились в 103-120 гг. х.э. = 78-95 гг. н.э.

Заключение, которое сделал А.Л. Бертье-Делагард после тщательного изучения надписи Зенона, звучит следующим образом: в Херсонесе в указанные годы (25-24 гг. до Р.Х.) была введена своя самостоятельная эра летоисчисления, но причины этого явления остаются неизвестными[8]. Более того, А.Л. Бертье-Делагард подчеркивал, что «наша надпись не дала точного года по нашему летоисчислению, а начало эры Херсонеса могло быть в апреле 25-го и в апреле 24-го года до Р.Х.»[9]

П.О. Карышковский считал, что «начало эры Херсонеса устанавливается, как известно, по надписи Комита Диогена, в которой 512 г. х.э. приравнивается к 11-му индикту, приходящемуся на время правления византийского императора Зенона»[10]. Далее П.О. Карышковский развивает свои доводы: Зенон правил с февраля 474 по апрель 491 г. н.э.; 11-й индикт был в указанные годы лишь однажды, с сентября 487 г. по апрель 488 г. н.э. Год в Херсонесе начинался, по всей вероятности, как в Мегарах и их колониях, т.е. с месяца артемисия, соответствующего марту-апрелю юлианского календаря[11]. Таким образом, в течение 11-го индикта прошло примерно восемь месяцев одного года херсонесской эры и четыре месяца следующего года.

Поскольку в надписи Диогена месяц не указан, она не позволяет определить, относится ли указание на 512 г. х.э. к первым восьми месяцам 11-го индикта (т.е. к сентябрю 487 — апрелю 488 г.г.э.) или к последним четырем (т.е. к маю — августу 488г. н.э.). В силу этого невозможно установить, началась ли эра Херсонеса в апреле 25 или 24 г. до н.э., и вопрос этот остается до настоящего времени открытым[12].

В 1961 г. после публикации собрания воедино дошедших до нас золотых статеров античного Херсонеса[13], среди которых оказалась золотая монета 71 г. х.э. = 46 г. н.э., нами было отмечено хронологическое соответствие выпуска золотых статеров Херсонеса с эмиссиями боспорского царя Котиса I. Только при условии, что эра Херсонеса началась с 25 г. до н.э., выпуск золота 71 г. х.э. совпадает с чеканкой золота Котисом I в 342 г.б.э. (на протяжении шести месяцев, с апреля по сентябрь 46 г. н.э.[14]) и 73 г. х.э. совпадает с 345 г.б.э. (также на протяжении шести месяцев, с октября 48 г. по март 49 г. н.э.). Имеется еще ряд совпадений выпусков почти одновременно золотых монет в Херсонесе и на Боспоре[15]. Таким образом, мы принимаем точку П.О. Карышковского о начале эры в Херсонесе в 25 г. до н.э.

В.А. Анохин признает начало эры Херсонеса в 24 г. до н.э. Он подверг критике доводы П.О. Карышковского. Но прежде, чем обратиться к статье П.О. Карышковского, В.А. Анохин коснулся работ Бертье-Делагарда. Отмечая заслуги последнего в определении начала эры Херсонеса, В.А. Анохин указал, что сам А.Л. Бертье-Делагард не мог быть уверен в годе начала эры — в апреле 25 г. до н.э. или в апреле 24 г. до н.э.[16] Причем в пересчете времени выпуска датированных золотых и медных монет Херсонеса на годы н.э. А.Л. Бертье-Делагард заметил, что приведенные им перерасчеты дат монет с херсонесской эры в 24 г. до н.э. в наше летоисчисление даты монет могут быть сдвинуты на год[17]. В другой работе А.Л. Бертье-Делагард принял за исходную точку херсонесской

эры 25 г. до н.э.[18] В.А. Анохин считает, что писавшие после А.Л. Бертье-Делагарда о херсонесских монетах А.В. Орешников и А.Н. Зограф не внесли ничего нового в вопрос о начале херсонесской эры[19]. Полагая, что Н.А. Фролова и П.О. Карышковский произвольно принимают 25 г. до н.э. за начальную дату херсонесской, он все-таки не смог отрицать, что статеры Херсонеса 71 и 73 гг. х.э. совпадают по времени с выпуском золотых статеров Боспора 342 и 345 гг. б.э.[20], а также статер 104 г. х.э. с выпуском статера Рискупорида II. Главный вывод В.А. Анохина: попытка с помощью совпадений выпусков датированных по херсонесской эре золотых монет Херсонеса и датированных по боспорской эре золотых монет Боспора доказать предположение о начале херсонесской эры в 25 г. до н.э. представляется неудачной[21]. Но в своей книге, вышедшей в 1977 г., В.А. Анохин так подробно уже не освещает вопрос о начале херсонесской эры[22]. Он просто принимает 24 г. до н.э. за начальную ее дату. Именно поэтому его датировки выпуска золотых и медных монет Херсонеса с буквенными обозначениями годов эмиссий отличаются от принятых нами вслед за П.О. Карышковским датировок этих монет на год.

Описание медных датированных монет античного Херсонеса

I. Монеты с датой О — 70 г. х.э. = 45 г. н.э.

Тип 1. Херсонас — Ника

Л.с. Голова Божества Херсонас вправо; перед ней змея; сзади — **ХЕР**, ниже — **О**. Точечный ободок.

О.с. Ника, идущая вправо, с венком в правой руке; следы знака ⋀ (6 единиц).

Лит.: Орешников А.В. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1887. С. 45. № 303.

А.В. Орешников дал ссылку на монету, изображенную у П.О. Бурачкова[23], но на ней нет буквы **О** (70). Однако у А.Л. Бертье-Делагарда[24], проверившего каждую монету из собрания П.О. Бурачкова, отмечено, что надпись верна, а следовательно подтверждается присутствие в легенде буквы **О**, т.е. **ХЕР О**, а также наличие знака, который должен быть изображен как ⋀, а не как монограмма ⋀, которая нарисована в таблице Бурачкова[25].

До сих пор известен только этот экземпляр диаметром 16-17 мм. Монограмма, присутствие которой А.Л. Бертье-Делагард отметил на этой монете, должна быть знаком ⋀ (6 единиц). А.Н. Зограф писал: «что касается монограмм, представляемых как ⋀ и ⋀, то вопрос о них может быть решен лишь в корпусе»[26]. А.Н. Зограф отмечал, что знак ⋀, который присутствует на датированных монетах типа «голова молодого человека (Херсонас со змеей перед ним) — Ника и знак ⋀», хорошо был представлен А.В. Орешниковым[27]. Но иногда этот знак имеет начертание ⋀ на монетах того же типа[28]. А.Н Зограф полагал, что знак ⋀ мог быть одной из форм стигмы и обозначал достоинство монеты в 6 единиц. На основе точно датированной группы монет со знаком ⋀, относящейся к пер-

вой половине и середине I в.н.э., А.Н. Зограф находил возможным считать данный период временем обращения медной монеты небольшого размера, не превышающей по своей номинальной стоимости одного ассария[29].

Об этом же типе меди и о монете из каталога графа Уварова (№ 303) с легендой **ХЕРО** А.В. Орешников писал в другой своей книге: «надпись на монете гр. Уварова мною прочтена **ХЕРО**; но не вернее ли читать **ХЕР**, а следующую букву (**О**) считать цифрою 70, т.к. среди монет Херсонеса встречаются золотые и бронзовые с годами херсонесской эры»[30]. А.Н. Зограф также поддерживал точку зрения А.Л. Бертье-Делагарда на то, что наиболее ранняя из монет имеет датировку — 70 г. х.э.[31]

II. Монеты с датой О > = ОА — 71 г. х.э. = 46 г. н.э.

Тип 2. Херсонас — олень

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; перед ней змея.
О.с. Бегущий олень вправо; перед ним — **Δ**; вверху буквы **О >**.
Лит.: Кёне Б. Описание музеума князя В.В.Кочубея. Т. I. СПб., 1857. С. 184. № 8.

Б. Кене также ссылается на свою предыдущую книгу, где вверху стоит дата **О**[32], но этот тип монет представлен без рисунка и только данным экземпляром, известным Б. Кене. А.Л. Бертье-Делагард ссылается на медные монеты с датами **О** (70 г. х.э. — 45 г. н.э.) и **ОА** (71 г. х.э. — 46 г. н.э.), но, к сожалению, не указывает места их хранения или какую-либо публикацию[33].

О = ОА — 71 г. х.э. = 46 г. н.э.[34]

Тип 1. Херсонас — Ника

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; перед ней змея; сзади сверху вниз ХЕР и буквы **О**. Точечный ободок.
О.с. Ника идет влево; в правой поднятой руке держит венок, в левой — ветвь; слева знак **Ϟ**. Точечный ободок.

1) в — 3.61 г, р — 15 мм, ГИМ, инв. А.12534, коллекция А.С. Коциевского (табл. I, 1 увеличено).

Известен также золотой статер Херсонеса с датой **ОА** — 71 г. х.э. = 46/47 г. н.э.[35]

III. Монеты с датой ОГ — 73 г. х.э. = 48 г. н.э.

Тип 2. Херсонас — олень

Л.с. Голова божества Херсонас вправо. Точечный ободок.
О.с. Бегущий олень вправо; вверху **Ϡ**; внизу буквы — **О ϒ**; справа — **Δ**. Точечный ободок.

Лит.: Кёне. Описание музеума... С. 184. № 7; он же. Исследования... С. 127. № 6. Табл. IV, 4; Sallet. Die Münzen von Chersonesus... S. 29. Alh. 2[36]; Бурачков. Ук. соч. Табл. XVI, 92[37]; Орешников А.В. Обозрение монет, найденных в Херсонесе в 1888-1889 г. // Материалы по археологии России. Вып. VII. СПб., 1890. С. 40. № 51; он же. Экскурсы... С. 60; Анохин. Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. С. 57. Табл. II, 3; он же. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). № 217 (из коллекции ГЭ 266, в — 2.30 г, р — 17 мм); Золотарев М.И., Кочеткова Е.М. Монеты Херсонеса Таврического (IV в. до н.э. — XIII в.н.э.). Коллекция В.Н. Орехова в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Севастополь, 1999. С. 47. № 61 (в — 2.11 г, р — 17 мм).

1) в — 3.27 г, р — 15 мм, ГИМ, инв. А.17972 — плохая сохранность.

Тип 1. Херсонас — Ника

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; перед ней змея; слева сверху вниз ХЕР; под обрезом шеи буквы **ОГ**. Точечный ободок.

О.с. Ника идет влево; в правой поднятой руке держит венок, в левой — ветвь; слева знак **Ϟ**. Точечный ободок.

1) в — 4.16 г, р — 16 мм, ГИМ, инв. А.17973 — плохая сохранность
2) в — 4.12 г, р — 16 мм, ГИМ, инв. А.17976 (Табл. I, 3 — увеличена)
3) в — 4.35 г, р — 18 мм, ГИМ, инв. А.17977 — плохая сохранность
4) в — 3.51 г, р — 16 мм, ГИМ, инв. А.17978
5) в — 2.31 г, р — 16 мм, ГИМ, инв. А.17978а — плохая сохранность

Большинство монет этого типа имеет плохую сохранность, но с годом **ОГ** (73 г. х.э.) имеется золотой статер из Берлинского музея, изданный вон Заллетом[38]. Ранее этот статер находился в Одессе, в коллекции П. Беккера, который приобрел его в Симферополе[39]. Еще в 1858 г. П. Беккер отметил чрезвычайную важность купленной им монеты потому, что, как заметил он сам, до покупки статера с датой **ОϒΙ** ему была известна только одна золотая монета Херсонеса[40]. Судя по библиографии, которую Беккер привел в примечании, ему был известен статер с датой **ΔϒΙ** (104 г. х.э.) из Эрмитажа.

IV. Монеты с датой ОΔ — 74 г. х.э. = 49 г. н.э.

Тип 2. Херсонас — олень

Л.с. Голова Божества Херсонас вправо; перед ней змея; позади **ХЕР**.

О.с. Бегущий олень вправо; вверху **ΑΡ**; справа — **Δ**; внизу **ОΔ**. Точечный ободок.

Лит.: Sallet. Die Münzen von Chersonesus... Taf. I, 7 (Табл. I, 4); idem. Beschreibung der antiken Münzen S. 7. Nr. 34 (рисунок в тексте)[41]; Бертье-Дела-

Таблица I

гард. Надпись времени императора Зенона... С. 66; Орешников. Экскурсы... С. 60; Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). № 218.

1) в — 3.28 г, р — 17 мм, ГИМ, инв. А.12532, коллекция А.С. Коциевского — плохая сохранность

2) в — 2.40 г, р — 17.5 мм, ГИМ, инв. А.12533, коллекция А.С. Коциевского (Табл. I, 5 — увеличена)

Тип 1. Херсонас — Ника

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; перед ней змея; слева сверху вниз **ХЕР**; под обрезом шеи буквы **ОΔ**.

О.с. Ника идет влево; в правой поднятой руке держит венок, в левой — ветвь; слева знак ⋀.

1) в — 3.03 г, р — 19 мм, ГИМ, инв. А.12480, коллекция А.С. Коциевского

2) в — 3.80 г, р — 19 мм, ГИМ, инв. А.14966, коллекция Н.Н. Грандмезона — одной парой штемпелей с № ГИМ, инв. А.12480, коллекция А.С. Коциевского.

V. Монеты с датой ОЕ — 75 г. х.э. = 50 г. н.э.

Тип 1. Херсонас — Ника

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; справа ней змея, сверху — звезда; слева сверху вниз ХЕР; под бюстом буквы **ОЕ**. Точечный ободок.

О.с. Ника идет влево; в правой поднятой руке держит венок, в левой — ветвь; слева знак . Точечный ободок.

Лит.: Орешников. Обозрение монет...№ 53; он же. Экскурсы... С. 60; Бертье-Делагард. Надпись времени императора Зенона... С. 66; Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). С. 149. № 219. Табл. XIV, 219 (в — 5.05, р — 17 мм, ГЭ 268); Ланцов С.Б. Монеты из античного святилища около г. Саки // ΑΝΑΧΑΡΣΙΞ. Сборник памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001. С. 125 (в — 4.90 г, р — 17 мм).

1) в — 5.78 г, р — 18 мм, ГИМ, инв. А.14963, коллекция Н.Н. Грандмезона — плохая сохранность

2) в — 3.47 г, р — 18 мм, ГИМ, инв. А.17974

3) в — 3.43 г, р — 16 мм, ГИМ, инв. А.17975 (табл. I, 7)

VI. Монеты с датой О⋀ — 76 г. х.э. = 51 г. н.э.

Тип 1. Херсонас — Ника

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; справа ней змея; слева вверху ХЕР; под обрезом шеи — **О⋀**. Точечный ободок.

О.с. Ника идет влево; в правой поднятой руке держит венок, в левой — ветвь; слева знак ⋀. Точечный ободок.

Лит.: Орешников. Экскурсы... С. 60. № 16. Табл. II, 37[42]; Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). С. 149. № 220 (в — 3.87, Государственный Херсонесский Музей, инв. 6203); Золотарев, Кочеткова. Ук. соч. С. 48. № 62 (в — 3.29 г, р — 17 мм).

1) в — 3.05 г, р — 17 мм, ГИМ, инв. А.14964, коллекция Н.Н. Грандмезона (табл. I, 8)

2) в — 3.28 г, р — 16 мм, ГИМ, инв. А.14965, коллекция Н.Н. Грандмезона (табл. I, 9)

3) в — 3.80 г, р — 19 мм, ГИМ, инв. А.14966, коллекция Н.Н. Грандмезона — плохая сохранность (табл. I, 10)

VII. Монеты с датой OZ = ON — 77 г. х.э. = 52 г. н.э.

Тип 1. Херсонас — Ника

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; справа ней змея; слева вверху **ХЕР**; под обрезом шеи — **OZ**. Точечный ободок.

О.с. Ника идет влево; в правой поднятой руке держит венок, в левой — ветвь; слева знак ⋀. Точечный ободок.

Лит.: Кёне. Описание музеума... С. 184. № 3 (буквы **ON**); он же. Исследования... С. 126. № 2, 4, 6. Табл. IV, 4 (надпись как **ХЕРОN**) (табл. I, 11); Орешников. Описание древнегреческих монет... С. 27. № 321; Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). № 221; (Золотарев, Кочеткова. Ук. соч. С. 48. № 63 (в — 3.47 г, р — 18 мм); Ланцов. Ук. соч. С. 125. № 23.

VIII. Монеты с датой OH — 78 г. х.э. = 53 г. н.э.

Л.с. Голова божества Херсонас вправо; справа **ХЕР**; под обрезом шеи — **НО**.

О.с. Ника идет влево; в правой поднятой руке держит венок, в левой — ветвь; слева знак ⋀. Точечный ободок.

Лит.: Орешников А.В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского// НС. II. М., 1913. С. 21. Рис. 4 (издана монета из собрания Ф.И. Прове); Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). № 223 (в — 3,53 г; Государственный Херсонесский музей, № 5824); Золотарев, Кочеткова. Ук. соч. С. 49-50. № 64-66 (в — 3.63 г, 3.38 г, 5.70 г); Ланцов. Ук. соч. С. 125. № 25 (в — 4.55 г, р — 17 мм, сверху справа — звезда)[43]

1) в — 3.32 г, р — 19 мм, ГИМ, инв. А.14967, коллекция Н.Н. Грандмезона (табл. I, 12)

2) в — 4.45 г, р — 17 мм, сверху справа — звезда, ГИМ, инв. А.17980 (табл.II, 1, 1а)

3) в — 3.61 г, р — 19 мм, ГИМ, инв. А.12530, коллекция А.С. Коциевского (табл.II, 2, 2а)

4) в — 3.46 г, р — 18 мм, ГИМ, инв. А.17981, сверху справа — звезда
5) в — 3.95 г, р — 16 мм, ГИМ, инв. А.14968, коллекция Н.Н. Грандмезона
6) в — 3.65 г, р — 18 мм, ГИМ, инв. А.12529, сверху справа — звезда, коллекция А.С. Коциевского
7) в — 4.61 г, р — 19 мм, ГИМ, инв. А.12531, дата — **НО** справа, перед бюстом, коллекция А.С. Коциевского (табл.II, 3, 3а)

X. Монеты с датой ϟГ — 103 г. х.э. = 78 г. н.э.

Л.с. Голова Херсонас вправо, слева ветвь, справа лира; по кругу **ΕΙΡ[ΗΙΝΗΚ] CEB**. Точечный ободок.
О.с. Дева идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — лук; по кругу — **[ΧΕΡΣΟΝΝΗΣ]ΕΙ[ΤΩΝ]**, справа — **ϟГ**, внизу **[ΕΤ]ΟΥC**. Точечный ободок.
Лит.: Бурачков. Ук. соч. С. 120. № 103. Табл. XVI, 100; Орешников. Обозрение монет, найденных в Херсонесе... С. 26. Табл. II, 18; Бертье-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. XVI. 1906. С. 66.

1) в — 10,18 г, р — 18 мм, ГИМ, инв. А.18020, коллекция П.О. Бурачкова (табл. II, 4, 4а)

XI. Монеты с датой ϟΔ — 104 г. х.э. = 79 г. н.э.

Л.с. Бюст божества Херсонас вправо; справа лира, слева ветвь; по кругу — **ΕΙΡ[ΗΝΕC] CEBACTHC**. Точечный ободок.
О.с. Дева идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — лук; по кругу — **ΧΕΡΣΟΝΝΗΣΕΙΤΩΗ ΕΤΟΥC ϟΔ**. Точечный ободок.
Лит.: Орешников А.В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора... С. 17. Рис. 3 (монета из собрания Ф.И. Прове); Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. С. 66; Анохин В.А., 1977. С. 150. № 229. Табл. XV, 229.

1) в — 15.72 мм, р — 29 мм, ГИМ, инв. А.18019 (табл.II, 5 — увеличена)
2) в — 10.34 мм, р — 25 мм, ГИМ, инв. А 14979 (коллекция Н.Н. Грандмезона) (табл.II, 6 — увеличена)[44]

А.В. Орешников отметил, что золотая монета Херсонеса этого года издана вон Залетом[45]. В своей статье он обратил особое внимание на легенду оборотной стороны: «До сих пор мы видим на монетах надпись имени города в формулах **ΧΕΡ ΧΕΡCΟΝΗCΟΥ** или **ΧΕΡCΟΝΗCΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑC**, т.е., подразумевается монета Херсонеса или свободного Херсонеса. Но надписи, гласящей, что монета «херсонесцев» (**ΧΕΡCΟΝΝΗCΕΙΤΩΝ**, на монете ошибочно врезано два **N**) — до сих пор не встречалось»[46]. Далее А.В. Орешников касается вопроса прочтения числа **ϟΔ**, которое он читает не как 94, а как 104 г. х.э. Он поясняет, что буква **ϟ** в значение числа 90 встречается в совершенно таком же начертании

Таблица II

на монете Савромата II, изданной А.Л. Бертье-Делагардом: «Но признать ϟ за вырезанное в обратную сторону **Р** заставляет меня монета, изданная мною в «Материалах по древней нумизматике», таб. II, рис. 19, где видно число ϟIA; в этом случае цифра ϟ может быть прочитана только как 100, но не как 90»[47]. Он отмечает далее, что год **ΔР** (104 г. х.э.) с правильно написанным **Р** указан на золотом статере Херсонеса, изданном вон Заллетом[48].

XII. Монеты с датой ϟE — 105 г. х.э. = 80 г. н.э.

Л.с. Бюст божества Херсонас вправо; на голове лента, концы которой спускаются на шею; справа лира, слева ветвь; по кругу — **EIPHNHC CEBACTHC**. Точечный ободок.

О.с. Дева идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — лук; по кругу — **ХЕРΣΟΝΝΗΣΕΙΤΩΗ ΕΤΟΥC ϟΔ**. Точечный ободок.

Лит.: Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. XII вв. н.э.). С. 150. № 231. Табл. XV, 231 (только реверс).

В коллекции ГИМ медных монет с датой **ϟE** не имеется. Ни А.Л. Бертье-Делагард, ни А.В. Орешников, ни А.Н. Зограф не отметили их наличие. Но В.А. Анохин зафиксировал 3 экземпляра с датой 105 г. х.э. из собрания Государственно Херсонесского музея (в — 9.21, 8.76, 8.39 г)[49].

XIII. Монеты с датой Рϛ — 106 г.х.э = 81 г. н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо; справа лира; надпись стерта.

О.с. Дева идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — лук; по кругу — ...**[ЕФО]Y[C] Р — ϛ**. Точечный ободок.

Лит.: Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). С. 151. № 232. Табл. XV, 232.

Год **Рϛ** (106 г. х.э.) не отмечен ни А.В. Орешниковым, ни А.Л Бертье-Делагардом, но он был известен А.Н. Зографу[50], а следом за ним В.А. Анохину[51]. Обратим внимание, что букву стигму ϡ (на монете ϛ) В.А. Анохин обозначил дольно необычно — [(знаком квадратной скобки) и отметил в своей книге в примечании, что знак [употреблен вместо греческой стигмы[52]. А.Л. Бертье-Делагард заметил, что стигму обозначали на монетах Херсонеса знаком ϡ[53]. В.А. Анохину был известен только один экземпляр — из собрания Бахчисарайского музея (БИАМ, № 5821)[54].

1) в — 9.17 г, р — 23 мм, № 18042 (табл. III, 1, 1а — увеличена).

XIV. Монеты с датой РΘ — 109 г. х.э = 84 г. н.э.

Л.с. Бюст божества Херсонас вправо; справа лира, слева ветвь; по кругу — **EIPHNHC CEBACTHC**. Точечный ободок.

О.с. Дева идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — лук; по кругу — **ЕТОУС РΘ**. Надчеканка — Дева.

Лит.: Анохин. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. XII вв. н.э.). С. 150. № 234. Табл. XV, 234 (в — 8.45 г, р — 26 мм, ГХМ, инв. № 3721).

Эта монета из собрания Государственного Херсонесского музея была издана впервые в более ранней работе В.А. Анохина[55]. Она является редкой, поскольку А.Л. Бертье-Делагард в своей сводке датированных монет не указывает медных экземпляров этого года[56]. Все исследователи упоминают только золотой статер из Парижа с годом **ΡΘ**, изданный вон Заллетом[57]. В коллекции ГИМа медных монет с годом **ΡΘ** не имеется.

XV. Монеты с датой ΙΑ — 111 г. х.э. = 86 г. н.э.

Л.с. Бюст божества Херсонас вправо; справа лира, слева ветвь; по кругу — **ΕΙΡΗΝΗϹ ϹΕΒΑϹΤΗϹ**. Точечный ободок.

О.с. Дева идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — лук; по кругу — **ΧΕΡ Ε[ΤΟΥϹ] ϤΙΛ (Α** — альфа без поперечной гасты). Точечный ободок.

Лит.: Орешников А.В. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1884. С. 92. Табл. II, 19; Бурачков. Ук. соч. Табл. XVI, 99; Анохин. Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. С. 62. № 59. Табл. V; он же. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. XII вв. н.э.). С. 151. № 235. Табл. XV, 235.

1) в — 12.00, р — 25 мм, ГИМ, инв. А.18024, коллекция П.О. Бурачкова (табл. III, 2 — увеличена).

А.Л. Бертье-Делагард подтвердил правильность написания указанной даты в каталоге П.О. Бурачкова[58]. Монеты с датой **ϤΙΑ** зафиксированы как А.Л. Бертье-Делагардом, так и А.В. Орешниковым[59]. В.А Анохин публикует монету из собрания ГИМ, но с несуществующим инвентарным номером.

-24-

XVI. Монеты с датой 115 г. х.э. = 90 г. н.э.

Монету 115 г. х.э. = 90 г. н.э. упоминает только А.Н. Зограф[60].

XVII. Монеты с датой ΡΚ — 120 г.х.э = 95 г. н.э.

Л.с. Бюст божества Херсонас вправо; справа лира, слева ветвь; по кругу — **ΕΙΡΗΝΗϹ ϹΕΒΑϹΤΗϹ**. Точечный ободок.

О.с. Дева идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — лук; по кругу — **ΧΕΡ ΕΤΟΥϹ ΡΚ**. Точечный ободок.

Лит.: Мурзакевич Н. О некоторых малоизвестных монетах, имеющихся в Одессе // ЗООИД. I. 1844. С. 315. Табл. VII, 2; Бурачков. Ук. соч. Табл. XVI, 107; Орешников. Материалы... С. 26. Табл. II, 20; Анохин. Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. С. 62-63. № 61-75; он же. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. XII вв. н.э.). С.151. № 236-239; Золотарев, Кочеткова. Ук. соч. С. 53 № 72-73 (в — 6,60; 8.50 г).

Таблица III

1) в — 11.92 г, р — 27 мм, ГИМ, инв. А.18025, два клейма — «букраний» и «воин».

2) в — 11.67 г, р — 26 мм, ГИМ, инв. А.18026 (табл. III,3 — увеличена)

3) в — 13.17 г, р — 26 мм, ГИМ, инв. А.18027 (табл. III,4 — увеличена)

4) в — 11.78 г, р — 26 мм, ГИМ, инв. А.18029, бита одной парой штемпелей с № А.18027 (табл. III,5, 5а)

5) в — 11.58 г, р — 25 мм, ГИМ, инв. А.18030

6) в — 9.49 г, р — 26 мм, ГИМ, инв. А.18033, коллекция П.О. Бурачкова (табл. III,6, 6а)[61]

7) в — 11.54 г, р — 27 мм, ГИМ, инв. А.18032

8) в — 12.20 г, р — 25,5 мм, ГИМ, инв. А.180361, на о.с. — букраний

9) в — 10.65 г, р — 26 мм, ГИМ, инв. А.18033, коллекция Н.Н. Грандмезона

10) в — 11.50 г, р — 27 мм, ГИМ, инв. А.12484, коллекция А.С. Коциевского

А.В. Орешников считал, что надпись на лицевой стороне монет этого типа **ЄIPHNHC CЄBACTHC** связана с римским влиянием на монетное дело Херсонеса в I в.н.э. и соответствует латинской надписи **PAX AVGVSTA** на монетах Империи[62]. Многочисленные монеты с надписями **PAX AVGVSTA, PACI AVGVSTI** особенно распространены в Римской империи со времени Веспасиана. Мнения А.В. Орешникова о значении этого типа монет придерживался и А.Н. Зограф. Он отмечал, что естественное поползновение, особенно ввиду присутствия масличной ветви, связать изображенную на аверсе голову с надписью и видеть в этом олицетворение Мира наталкивается на то препятствие, что лира не встречается в качестве атрибута этой аллегории. Вслед за А.В. Орешниковым, А.Н. Зограф трактует бюст женского божества с лирой как олицетворение городской общины, носившее имя «Херсонас» [63].

XVII. Монеты с датой PKE — 125 г. х.э. или PKГ — 123 г. х.э.

П.О. Карышковский упомянул известные ему монеты с датой **PKE** (125 г. х.э.) или может быть с датой **PKГ** (123 г. х.э.)[64]

XVIII. Монеты с датой PKH — 128 г. х.э. = 103 г. н.э.

В начале XX века в Херсонесском музее хранилась медная монета 128 г. х.э. (**PKH**), являющаяся аналогией золотой монеты 131 г. х.э. Эту монету знали и А.В. Орешников, и А.Н. Зограф[65]. Последний сравнивал тип реверса этой монеты 128 г.х.э с типом реверса статера Херсонеса с датой **PΛA**[66] (позу Девы, идущей влево, с дротиком в правой поднятой руке и луком в левой, а особенно головной убор, который явился башенной короной как на изображении Девы на золотой, так и на медной монете. В 1961 году был издан карандашный эстампаж с медной монеты 128 г. х.э. = 103 г. н.э., наклеенный на поле одной из книг А.В. Орешникова[67].

В.А. Анохин, повторяя эти сведения, дал следующее описание данной медной монеты в своей работе, вышедшей в 1963 г.:

Л.с. Голова (божества Херсонас?) влево.

О.с. Дева в рост, в правой руке — копье, в левой — лук, слева монограмма ⍓; по сторонам дата **РК – Н**. Точечый ободок.

Р — 22 мм.

Далее В.А. Анохин сообщает, что в настоящие время этой монеты в Государственном Херсонесском музее нет, и судьба ее неизвестна[68]. В своей книге, вышедшей в 1977 г., он дает то же описание медной монеты, называя ее ассарием[69] и совершенно определенно утверждает, что от времени Траяна (98-117) имеются две уникальные херсонесские монеты — медная и статер. Медная монета, известная по протирке, сделанной А.В. Орешниковым[70] и упоминанию о ней А.Н. Зографом[71], имеет на аверсе несколько испорченное коррозией изображение головы Херсонас, влево; на реверсе помещены изображение Девы в рост, монограмма ⍓ и дата **РК – Н** (128 г. х.э.). Данных о весе не сохранилось, но по ее размеру В.А. Анохин предположил, что она представляла меньший номинал, чем тетрассарий[72]. Вес статера с буквами **РΛ – А** (131 г. х.э.), имеющего на реверсе изображение Девы, аналогичное ее изображению на меди 128 г. х.э., хранящегося в Британском музее, составляет 7.75 г.[73]

Нам пришлось сделать этот экскурс о медной монете 128 г. х.э. = 103 г. н.э., чтобы показать, что ни А.В. Орешников, ни А.Н. Зограф, ни В.А. Анохин не считали, что данная медная монета когда-либо имела покрытие из золота. А.В. Орешников держал ее в руках и сделал с нее эстампаж в Херсонесском музее, а А.Н. Зограф не сомневался в том, что она действительно является медной. В.А. Анохин называет «уникальными» медную монету 128 г. х.э. и золотой статер 131 г. х.э. Ценность исследования двух этих монет, проведенного В.А. Анохиным состоит и в том, что он убедительно относит к 131 г. х.э. только экземпляр из Британского музея. Из этих сведений о монетах 128 и 131 гг. х.э. вытекает только одно заключение, что В.А. Сидоренко не должен был включать в свою статью о чеканке золота Херсонесом в I-II вв. н.э. медную монету 128 г. х.э. и указывать, что «позолота утрачена», а также называть медную монету статером 128 г. х.э.[74], поскольку она, в самом деле, является медной.

Итак, остается в силе вывод П.О. Карышковского о том, что чекан монет с датами начался в Херсонесе в 71 г. х.э., с выпуска золота и меди, а затем он был продолжен в 73-78 гг.х.э. Сильная изношенность большинства медных монет 103-125 гг.х.э. и наличие на них надчеканок («Дева» или «воин») позволяют предположить, что после попытки чеканить медные монеты во всем подобные золотым, их эмиссии были прекращены. В Херсонесе не выпускали меди вплоть до ее появления вновь в период второй элевтерии[75].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Карышковский П.О.* Об эре Херсонеса Таврического // Краткие Сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного университета и Одесского государственного археологического музея. Одесса, 1961. С. 107-114.
2. *Беккер П.В.* О новооткрытых монетах города Херсонеса Таврического // ЗООИД. IV. 1860. С. 136-137.
3. *Sallet A., von.* Die Münzen von Chersonesus der Krim // ZfN. I. 1874. S. 29-30; idem.

Ein Goldstater der taurischen Chersonesus // ZfN. IV. 1877. S. 274; idem. Beschreiburg der antiken Münzen. Bd. I. Berlin, 1888. S. 7.
4. *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывком из истории Херсонеса // ЗООИД. XVI. 1893. С. 66.
5. *Орешников А.В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС. III. 1915. С. 60-61.
6. *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. № 16. 1951. С. 156-158.
7. *Бертье-Делагард.* Надпись времени императора Зенона... С. 66.
8. Там же. С. 65-66. На с. 66 дан перечень золотых и медных монет с датами.
9. Там же. С. 61.
10. *Карышковский.* Ук. соч. С. 109, прим. 9. Ссылка на работу В.В. Латышева: Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 6.
11. Там же. Ссылка на работу В.В. Латышева: О некоторых эолических и дорических календарях. СПб., 1883. С. 124 сл.; *он же.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909. С. 319 сл.
12. Там же. С. 109.
13. *Фролова Н.А.* Неизданная золотая монета античного Херсонеса // КС ОГУ и ОГАМ. 1961. С. 104.
14. *Карышковский.* Ук. соч. С. 110.
15. Там же. С. 119-114.
16. *Анохин.* Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. // НЭ. IV. 1963. С. 8.
17. *Бертье-Делагард.* Надпись времени императора Зенона... С. 66.
18. *Бертье-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнереческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический Сборник. II. М., 1913. С. 113.
19. *Анохин.* Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. С. 8. Прим. 9.
20. Там же. С. 9.
21. Там же. С. 10.
22. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). Киев, 1977. С. 63-68.
23. *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса, 1884. Табл. XVI, 89.
24. *Бертье-Делагард А.Л.* Поправки «Общего каталога монет» П.О. Бурачкова. М., 1907. С. 16.
25. *Бурачков.* Ук. соч. Табл. XVI, 89.
26. *Зограф.* Античные монеты. С. 156.
27. *Орешников А.В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // Нумизматический сборник. II. М., 1913. С. 21. Рис. 4.
28. Там же. С. 22. Рис. 5.
29. *Зограф.* Античные монеты. С. 156.
30. Орешников А.В. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Императорскому Московскому университету. М., 1881. С. 27. Примм. К № 321.
31. *Зограф А.Н.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК. II. 1922. С. 337 сл., 353. Прим. 1.
32. *Кёне Б.* Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848. С. 127. № 7.
33. *Бертье-Делагард.* Надпись времени императора Зенона... С. 66.
34. Год выпуска обозначен буквами как **O** <. Буква **A** без поперечной гасты. Но моне-

та плохой сохраннсти, поэтому буква А, обозначающая единицу, может быть испорченной стигмой ϡ, тем более, что штемпель лицевой стороны близок штемпелю аверса монеты с буквами **Оϡ** из коллекции Н.Н. Грандмезона (ГИМ, А 14964).

35. *Фролова*. Неизданная золотая монета... С. 100-107. Рис. 1, 1; *Карышковский*. Ук. соч. С. 105-107; *Анохин*. Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. Табл. II, 1; он же. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). Табл. XIV, 215.
36. Заллет приводит золотую монету с датой **ОҐ** (73 г. х.э.) из Берлинского музея и медную монету с датой **ОҐ** из Петербурга (по Кене).
37. Бертье-Делагард («Поправки...») отметил, что рисунок Бур. XVI, 92 сделан по рисунку Кене. Исследования... С. 127, № 6.
38. *Sallet A., von*. Beschreibung der antiken Münzen. Bd. I. Berlin, 1888. S. 7. Nr. 10. Taf. I, 10. Вон Заллет отметил, что этот уникальный статер происходит из собрания умершего государственного советника доктора Беккера.
39. *Беккер П*. О новооткрытых монетах города Херсонеса Таврического // ЗООИД. IV. Одесса, 1860. С. 136-137.
40. Там же. С. 136. Прим. *.
41. Вон Заллет описывал изображение на л.с. как голову Аполлона в венке вправо. При описании реверса он отметил, что буква омикрон написана как тэта, что имеет аналогию в Ольвии.
42. А.В. Орешников описал медную монету с датой Оϡ (76 г. х.э.) из собрания Ф.И. Прове (в — 5.73 г).
43. Данцов отметил, что впервые издал медь с годом **НО** и звездой.
44. Редкая.
45. *Von Sallet*. Die Münzen von Chersonesus in der Krim. S. 28.
46. *Орешников*. Монеты Херсонеса Таврического... С. 17-18.
47. Там же. С. 18.
48. *Von Sallet*. Die Münzen von Chersonesus in der Krim. Taf. I, 6.
49. *Анохин*. Монетное дело Херсонеса I — III вв. н.э. С. 62. №55. Табл. IV, 1 — без изображения л.с.
50. *Зограф*. Античные монеты. С. 157.
51. *Анохин*. Монетное дело Херсонеса I–III вв. н.э. С. 62. № 56. Табл. IV, 2 (дана только о.с.).
52. *Анохин*. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). С. 64. Прим.
53. *Бертье-Делагард*. Надпись времени императора Зенона... С. 66.
54. *Анохин*. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). С. 151. № 232. Табл. XV, 232.
55. *Анохин*. Монетное дело Херсонеса I — III вв. н.э. Табл. IV, 3.
56. *Бертье-Делагард*. Надпись времени императора Зенона... С. 66.
57. *Von Sallet*. Ein Goldstater der taurischen Chersonesus. S. 273.
58. *Бертье-Делагард*. Поправки к Общему каталогу... С. 16. № 99.
59. *Бертье-Делагард*. Надпись времени императора Зенона... С. 66; Орешиков. Экскурсы... С. 61.
60. *Зограф*. Античные монеты. С. 157.
61. Издана Орешниковым. См. *Орешников*. Материалы...Табл. II, 20.
62. *Орешников*. Материалы... С. 26.
63. *Зограф*. Античные монеты. С. 157.
64. *Карышковский*. Ук. соч. С. 108.
65. *Зограф*. Статуарные изображения Девы в Херсонесе. С. 354. Прим. 6, где он писал, что «экземпляр с датой **РКН** (128 г.х.э = 103-104 гг. по Р.Х.) находился в Хер-

сонесском музее. Оттиск с него любезно сообщен нам А.В. Орешниковым».

66. См. *Зограф.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе. Зограф в данной статье на табл. I, 4 приводит фототипию статера 131 г.х.э .из собрания Исторического музея в Москве, которую Орешников опубликовал в «Материалах по древней нумизматике». С. 27. Табл. I, 21.
67. *Орешников.* Экскурсы... С. 61 (авторский экземпляр в библиотеке ИА АН СССР. Инв. № 9329).
68. *Анохин.* Монетное дело Херсонеса I–III вв. н.э. С. 39. Табл. VI, 2 — медная монета 128 г.х.э = 103 г. н.э.
69. *Анохин.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). С. 152. № 248. Табл. XVI, 248.
70. *Орешников.* Экскурсы... С. 61.
71. *Зограф.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе. С. 354. Прим. 6.
72. *Анохин.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XIII в. н.э.). С. 67.
73. Там же. № 248. Табл. XVI, 248.
74. *Сидоренко В.А.* Золотая монетная чеканка Херсонеса I-II вв. н.э. // МАИЭТ. VIII. 2001. С. 440. № 10.
75. *Карышковский.* Ук. соч. С. 108. Прим.8.

COPPER CHERSONESIAN COINS WITH DATES

N.A. Frolova

The article deals with the copper coins of Chersonesus Tauric with years of Chersonesian era. The author revues the problem of the starting point of Chersonesus era. She believes that the era of Chersonesus began in 25 BC and publishes the coins from the Collection of the State Historical Museum (Moscow) issued in AD 45-53 and AD 78-103.

© 2010

Н.Л. Поваляев

ИДЕАЛЬНЫЙ ПОЛИС И КОЛОНИЗАЦИЯ

Феномен великой греческой колонизации архаической эпохи, несмотря на почти сто лет интенсивного изучения, остается во многих отношениях загадкой. В научной литературе при анализе великой греческой колонизации оперируют моделями, которые в основном заимствованы из опыта европейской колониальной экспансии нового времени. Спорят в основном о том была ли колонизация аграрной или торговой. Иногда фокус дискуссии смещается и обсуждается вопрос о частном или государственном характере колонизации; было ли основание колонии результатом запланированной акции метрополии с обязательным запросом в Дельфах, назначением ойкиста и т.д. или же стало

следствием частной инциативы, на манер позднейших приключений викингов[1].

Вопрос о внутренней организации новой колонии решается как правило просто. Если принимают тезис, что колония была аграрной, то считается, что новое поселение, апойкия, имело полисное устройство, заимствованное из метрополии[2]. Выражается правда сомнение, откуда могли самые ранние колонии, например Питекуссы, заимствовать это самое устройство, если оно еще не сложилось в Греции[3]. Такого рода возражения обходятся обычно указанием на торговый характер ранних колоний, являвшихся якобы факториями, населенными греками и туземцами[4]. В подобной торговой станции греческие полисные формы коммунальной жизни не могли в силу смешения населения добиться преобладания. На примере Северного Причерноморья подобный тезис отстаивает например С. Соловьев[5]. Что касается *аграрной* колонизации Северного Причерноморья, то здесь нет единства относительно полисного статуса новых колоний. Некоторые исследователи, анализируя археологические материалы, в первую очередь строительные остатки северопонтийских колоний, приходят к выводу о совершенно особом характере греческой колонизации в этом регионе, отличном от общепринятой колониальной практики[6]. Тут можно упомянуть например о теории многолетнего земляночного строительства и соответствующем предложении считать северопонтийскую апойкию техническим термином для некоего сообщества, лишь через 70-80 лет превращающимся в полис[7]. За этими гипотезами стоит уже много раз критикуемое отождествление полиса и города[8], которое якобы должно было на манер сицилийслих и южноиталийских колониальных центров отразится в археологическом материале[9].

При всей спорности последнего тезиса следует отметить одну важную и по-моему мнению верную идею в нем присутствующюю. Безусловно греки действовали не бездумно при основании колонии. Они реализовывали на новом месте вполне определенные представления. Безотносительно того как формировалась группа колонистов, они ориентировались на некий ментальный образец (образцы), некое образцовое сообщество, по-всей видимости некий образцовый полис. Не противоречит источникам и социологии доиндустриального аграрного общества также идея, что этот образцовый полис мог по представлениям греков лежать где-то в прошлом. Здесь правда нужно сделать оговорку, что глубина этого прошлого могла быть разной в различные эпохи (см. ниже). Именно в рамках такого подхода как мне представляется возможно адекватно интерпретировать археологический материал севернопонтийских (и не только) колоний. В литературе много раз обращалось внимание на приверженность колонистов Северного Причерноморья старине, на намеренную архаизацию, например архитектурных объектов. Я уже писал о том что многие черты погребального обряда здесь имеют связь не со скифским миром, а являются своего рода возрождением практики „геометрического времени“ Греции[10]. За такого рода сознательным выбором колонистов могла стоять декларируемая приверженность к patria politeia, к отечественному порядку, и желание на новом месте вернуться к образцовому устройству, уже искаженному на родине.

В данной статье как раз и предпринимается поытка осветить представления греков архаической эпохи об идеальном полисе и месте такого полиса в челове-

ческой истории, и как такие представления могли отражаться в различных категориях археологического материала.

1) В литературе широко распространено мнение, что в V в. до н.э. греки придерживались „прогрессистского“ взгляда на историю. Согласно представлениям, которые можно найти у целого ряда авторов V в. (Ксенофан (21 B 18, Diels-Kranz), Эсхил (PV 436-506), Софокл (Ant. 332-375), Еврипид (Suppl.201-218), Протагор (Pl. Prt 320C-28D), Критий (88 B 25, Diels-Kranz), Anonymos Iamblichi (89 §6. Diels-Kranz)) человечество развивалось по восходящей, от дикости к цивилизации. Подобная оценка человеческой истории, правда под преимущественно милитаристским углом зрения характерна для Фукидида (Thuk. I. 1-21). Историк считает начало Пелопонесской войны своего рода вершиной в развитии человечества. Причиной такого положения дел по его мнению явилось накопление военной мощи противоборствующими лагерями — Афинской Лигой и Пелопеннесским союзом: икогда ранее не бывало в Элладе такого могучего военного флота и сухопутных сил.

Такого рода идеи отделяются как правило от более ранних, архаических воззрений о развитии человечества и от более поздних представлений IV в. до н.э. с их якобы пессимистическим взглядом на историю[11]. Так например Гесиод (Erga 109-201) согласно такой точке зрения набрасывает картину постепенной деградации человеческого рода, от золотого века к безрадостному настоящему. В IV в. до н.э. многие авторы рассматривали современное им время, как эпоху упадка по сравнению со славным прошлым. Следует подчеркнуть, что это преувеличенное различие. Несомненно гипертрофированное положение Афин классической эпохи в греческом мире, а также тяжело переживаемое поражение в Пелопонесской войне и обусловленная этим утрата гегемонии повлияли на переоценку современности у позднеклассических авторов. При внимательном прочтении источников выясняется тем не менее, что для представлений архаических поэтов, в том числе Гесиода и воззрений Фукидида и афинских интелектуалов IV в. до н.э. было характерно одно фундаментальное общее свойство. Все они верили в то, что наиболее лучшее устройство человеческого общества лежит в рамках собственно человеческой истории, возможно не сиюминутного настоящего, возможно несколько поколений назад, но не в мифическом прошлом.

В Афинах IV в. до н.э. одним из ключевых понятий в политических дебатах были такие трудно определяемые понятия как patrios politeia, hoi patrioi nomoi и he epi ton progonon politeia, которые связывались с именем и законодательством Солона[12]. Не без оснований предпологается, что в Афинах того времени отсутствовали какие-либо основательные знания о реальном законодательстве Солона и представления о нем как основателе афинской демократии являлись политическими спекуляциями[13]. В целом такая позиция представляется правильной[14]. Для моей аргументации это не суть важно. Важно другое. А именно то, что в кризисные времена мы находим *массово* распространенные представления об образцовом устройстве завещанном предками и о том, что „прогресс может быть достигнут, только переводом стрелки часов назад“[15].

Такого рода установки были распространены не только в IV в. до н.э. В 411 г. до н.э. в афинском народном собрании было предложено создать специальный

комитет, задача которого должна была состоять в поиске отеческих законов (patrioi nomoi), приписываемых Клисфену (Arist. Ath. Pol. 29.3). Также важно подчеркнуть, что конституционные дебаты не концентрировались лишь на отеческой демократии. Установление олигархами в 411 г. до н.э. совета 400 по образцу приписываемому Солону, говорит о том, что существовала олигархическая версия отеческого порядка (patrioi nomoi)[16]. В середине 5-го века до н.э. мы находим у Геродота (Her. III. 80-82) конституционные дебаты о политическом устройстве Персидского царства. Речь Дария у Геродота выказывает определенные соответствия (Her. III. 82, 2-3, 5) к отдельным пассажам из надписей Дария I в Бисутуне и Накши-Рустаме[17], в целом же весь диспут представляет из себя однозначно греческий топос, уходящий корнями в архаическую эпоху[18]. У Дария именно монархия соответствует отеческим законам (Her. III. 82, 5 — patrious nomous). Также у Геродота (Her. I. 30, 4-5) мы находим представление о том, что благополучие Афин, их расцвет приходились на время Солона. Историк признает, что Афины после реформ Клисфена благодаря *исегории* и *демократии* стали еще могучей (Her. V. 66, 78, VI. 131), однако это признание не отменяет того, что Афины считались хорошо устроенным полисом и во времена Солона, либо незадолго до него во время жизни Телла (Tello touto men tes polios eu hekouses — Her. I. 30, 4.).

Тема образцового устройства охваченного смутами полиса была одной из основных в архаической поэзии. В уже упомянутом диспуте знатных персов (Her. III. 82, 3) есть буквальные соответствия пассажу в корпусе Феогнида (Theognis 39-52), в которых описываются беды полиса, ведомого плохими (kakoi) лидерами[19]. Следствием плохого олигархического режима[20] являются междуусобица (stasis), убийства (phonoi) и тираны (mounarkhoi). Тем не менее не все так безнадежно в поэзии Феогнида. Хорошо устроенный полис возможен и поэт пытается внушить слушателям, что он знает как такой полис выглядит (Theognis 53). Этот полис можно назвать аристократическим.[21], можно считать такой полис соорентированным (Theognis 145-148) на социологический тип, названный И. Моррисом „the archaic middle“[22]. Важно то, что этот полис лежит в человеческой современности. Можно полагать, что Феогнид представлял себе образцовый полис лежащим приблизительно одно поколение назад, во всяком случае в близкой современности[23]. Мы не знаем, использовались ли при спорах об образцовиом устройстве такие термины как „отеческое устройство“ или „отечеслие законы“. Прилагательное patrios считалось лучшим аргументом в «конституционных спорах» классической эпохи[24]. Можно полагать, что в архаику ситуация была похожей.

Об образцовом полисе писал Солон (Fr. 3. Diehl-Beutler) Представления об архитектурном обрамлении полисного центра даны у него очень обобщенно. Мы можем различить лишь обнесенное изгородью (herkos) домохозяйство (oikos) с ведущим в него двором (aule) запертом воротами (thurai). Гораздо больший акцент лежит на морально-этических качествах жителей. Основной чертой образцового полиса является евномия, справедливый порядок, такое устройство, при котором можно вести счастливую жизнь.

Важно подчеркнуть, что Солон не был радикальным реформатором. Он не создавал новое социальное устройство, а пытался сохранить старую систему,

пусть даже за счет допуска какой-то части населения, прежде неполноправного, к политическим правам. Идеал из которого он черпал свои представления лежал в недалеком прошлом[25].

При всей формульности и опреленной ограниченности, связанной с характером ее презентации публике[26], поэтическая традиция связанная с именами Феогнида и Солона отражала существенные черты менталитета архаической элиты[27]. Можно быть уверенным, что в архаику, также как и в классическую эпоху, существовали различные представления об образцовом устройстве полиса[28]. Важным аспектом такой образцовости была укорененность в традиции. Нет однако оснований предпологать, что поэзия связанная с современной политической борьбой уводила традицию образцового полисного устройства в мифическое прошлое.

2) Как уже было сказано выше, считается, что эпическая архаическая поэзия предлагала образцы на которые должны были ориентироваться поселенцы при основании новой колонии. При этом основной акцент делается на пространственно-архитектурной организации эпического полиса. Троя и Схерия обьявляются своего рода эпическими полисами par exellence[29]; устанавливаются даже этапы развития греческой фортификации привязанные к эпическим образцам[30]. Ненахождение урбанистических структур подобных эпическим в археологическом материале приводит, как было сказано, некоторых исследователей к мысли о неполноценности севернопонтийской колонизации.

Прежде чем анализировать описания полисов в эпосе следует сделать несколько предварительных замечаний об эпической поэзии греков. Общества „Гомера“ и „Гесиода“ и представления о прошлом, где мог лежать образцовый полис, принадлежат по-моему убеждению в основном VII в. до н.э.[31]. Мне представляется близкой к реальности сформулированная Г. Нэйджи теория о постепенной конкретизации или так сказать „текстуализации“ после 700 г. до н.э. близких, но все же различных версий устного эпического материала о Троянской войне. Такого рода кристаллизации, формированию стандартизированного текста, приписываемые Гомеру поэмы проходили на всевозможного рода фестивалях, в том числе во время Великих Панафиней, в течение всей Архаики и даже позднее[32]. Аналогичный процесс „текстуализации“ должен был претерпевать и материал приписываемый Гесиоду[33].

Далее, не стоит искать в поэмах Гомера и Гесиода буквальных исторических интерпретаций, как например делал в свое время Э. Снодграсс, считавший советы Гесиода прямым указанием грекам VIII в. до н.э. осваивать земледелие[34]. Занятия земледелием понимаеются эпическим автором[35] не как трансформация природы, не как применеие тенического ноу-хау гарантирующего материальный успех, а как обращение к управляемому божественными силами природному процессу[36]. Не стоит также интерпретировать образцы вооружения, описанные Гомером как реально существовавшие, например щит Аякса или копье Ахилла, и на этой основе выделять слои микенского или даже домикенского времени[37]. Особая „примитивность“ гомеровского общества является следствием сознательного исключения из текста поэм реалий современных концу VIII — первой половине VII в. до н.э.. Тем не менее последние могут быть найдены: письменность, достаточно разветвленные географические и вре-

менами даже исторические знания о восточном Средиземноморье, о Сицилии и Южной Италии и северном Причерноморье, т.е. знания, распространявшиеся в греческом мире с 750 г. до н.э., были налицо[38]. Атомизация социальной жизни, выражающаяся якобы в отсутствии стоящих над ойкосом коммунальных институтов, и датировка на этом основании социальной среды, описанной в поэмах, X–IX вв. до н.э.[39] не совсем верна. Конечно, сама посылка о слабости коммунальных институтов в X–IX вв. до н.э., на которой в свое время строил свою аргументацию М. Финли, не обоснована. Жесткое регулирование погребального обряда X–IX вв. до н.э., его доступность в видимых нам сегодня формах только для определенной группы населения и в то же время нормированность соревнования престижных объектов внутри этого избранного круга свидетельствуют о сильном социальном контроле[40], и следовательно, в конечном итоге об иллюзорности политической свободы отдельного домохозяйства[41]. Можно было бы конечно датировать поэмы и этим ранним временем. Однако только, что упомянутые реалии 8-7-го веков, просматривающиеся в поэмах, говорят в пользу поздней датировки.

И поэмы Гомера и поэмы Гесиода при всей их многоплановости можно рассматривать как концентрацию греческих представлений архаического времени о своем прошлом, как своего рода историко-космогонические хроники[42]. Они описывают для нас мифическую, для современников реальную историю человечества и установления современного космическо-божественного порядка. Восприятие эпического полиса и его социальнх институтов не может быть понято само по себе, вне контекста божественной и социальной истории, вне контекста истории эпического прошедшего. Без подобного анализа, посылка о том, что например полис феаков или Троя являлись квинтэссенцией представлений слушателей поэм о пространственной организации и архитектурного оформления современного им полисного центра[43], не является обоснованной. В таком случае предположение о том, что эти эпические города были прообразами колониальных апойкий будет слишком прямолинейной интерпретацией, наподобие упомянутой выше чересчур буквальной интерпретации Гесиода, как морализирующего кретьянина.

Центры с достаточно четкой пространственной структурой, урбанизированные центры, принадлежат в эпической поэзии прошлому, а именно героическому веку. Поясню этот тезис. И Гомер (Il. 5. 304; 12. 383, 449; 20. 287) и Гесиод (Erga 109-201) четко отделяют современную слушателям эпоху от предшествующих времен. Гомер постоянно подчеркивает отличия ныне живущих (hoi nun brotoi) современников, от andres heroes, людей героического века[44]. Век этот был преходящ и представлял из себя лишь этап в формировании космоса, божественного порядка и социальной истории человечества. У Гесиода (Erga 109-201) представлена история пяти человеческих рас, которую можно рассматривать как историю определенного институционального прогресса. Да природа людей, их долголетие и здоровье слабнут от века к веку, но в то же время их социальная организация усложняется. Люди золотого века долгоживущи и справедливы, но существуют как бы в социальном ваккууме. Семья и жилище появляются только у людей серебряной расы. Жестокие бронзовые люди живут домохозяйствами (oikos — Erga 153); города, как урбанистические структуры,

появляются только у расы героев; очевидно, что Семивратные Фивы (Erga 162) не просто гигантское жилище, а укрепленный городской центр. В „Каталоге Женщин“ (frr. 30.21, 43.62, 141.17, 196.4, 211.5, 235.4) города героического века становятся центрами человеческого существования. В то же время, судьба этих городов в основном трагична, т. к. она вовлечена в еще не закончившийся борьбу богов о причитающейся каждому из них доли почестей (time) и связанным с этим местом в космической иерархии. Основные события этой борьбы правда уже позади, Троянская война лежит в конце эпохи формирования божественного семейства во главе с Зевсом, однако, до тех пор пока time не установлена окончательно, города продолжают разрушаться[45].

Троя, подробно описанная в 24 книге Илиады, обладает ярко выраженным набором архитектурных признаков города: оборонительными стенами с башнями и воротами, укрепленным „акрополем“ и функциональным делением застройки с сетью улиц и иерархией зданий (дома, дворцы, храмы). Как квази-городское образование может быть воспринят и лагерь ахейцев (Il. 7. 433-442), обнесенный валом и стеной, имеющий агору. Однако и Троя и ахейский лагерь имеют один общий фундаментальный изьян — они лишены божественной поддержки. Посейдон и Аполлон построили Трою, однако сделали это не в силу своей функции защитников полиса, а силу своей связи с единственным индивидуумом, Лаомедонтом. Как город Троя богов не интересует. Посейдон открыто враждебен Трое, Аполлону важны только определенные люди в ней. Так же как Троя обречен на гибель и лагерь ахейцев, лишенный к тому же одной важной черты полиса, в нем нет семейных домохозяйств, он заполнен хижинами, в которых ютятся одинокие (сожительницы не в счет) мужчины.

Схерия, другой важный центр гомеровского эпоса, прообраз колониальной апойкии par excellence пережила войну и продолжает существовать в послевоенное время и возможно уцелеет и дальше. Схерию рассматривают как образец цивилизации и противопоставляют ее обществу циклопов, лежащем в дикости[46]. Однако как Схерия так и циклопы принадлежат скорее одному времени; времени не коммунальных взаимоотношений с божественным патроном, а времени личностых связей отдельных выдающихся персон с богом. Так как это было у Полифема с Посейдоном, у Нафсифоя с тем же богом или у Тидея и Диомеда с Афиной (Il. 5. 116). Схерия может быть разрушена Посейдоном, обеспокоенным своим статусом среди богов (Od. 13. 128-130).

Обреченные на гибель или подверженные гневу божеств города вряд ли могли стать образцами для архитектурного оформления колоний. Если мы примем тезис, отстаиваемый Й. Хаубольдом, что по архаическим представлениям образцовый, т. е. достойный подражания полис возможен только в мире с устоявшимися рангами олимпийцев[47], то такой полис следует искать за рамками героической эпохи. Выбор не героического полиса как обьекта подражания может быть по-моему мнению в значительной мере связан также с установками уже упомянутого слоя, представляющего себя в поэзии как поборников умеренности и „среднего пути“. Полезный рабочий инструмент в анализе архаической поэзии был предложен недавно И. Моррисом. По его мнению литературный герой Гесиода и Архилоха (Frag. 19) представлял т. н. классический тип архаического „среднего“, высокомерного по отношению к женщине,

подозрительного к восточной роскоши и в целом всему, что выходило за рамки общины самостоятельных крестьян[48]. Этому литературному персонажу противопоставляется другой герой, свободно общающийся с богами, ведущий утонченную жизнь в окруженнии таких же как он прекрасных мужчин и женщин (например Il. 12. 310-321; Od. 8. 487-491; Alkaios 140)[49]. Следует подчеркнуть еще раз, что это разделение условно. Речь не идет о „крестьянских поэтах“ атакующих аристократию. Речь идет о части элиты, подающих себя как людей, якобы понимающих „человека с улицы», и на этой основе претендующей на руководящие позиции в полисе. С другой стороны стоят те, кто основывает свои притязания на лидерство выходом за локальные рамки[50]. У одного и того же поэта, как было уже упомянуто например у Феогнида, или например у Солона и Гомера можно найти казалось бы противоположные установки. Это значит что существовали различные образцы для подражания и в целом человек греческой архаики мог выбирать между ними. Формирование идеологии полиса в качестве идеализированного представления о самих себе как об элитарной замкнутой группы автаркичных крестьян могло способствовать неприятию героических эпических городов как обьектов подражания.

Именно так и поступает например Гесиод. С одной стороны может показаться, что описанный им современный железный век безысходен, однако в нем возможна благополучная жизнь. Erga (225-237) содержит описание образцового полиса; люди в нем в первую очередь справедливы, они ведут упорядоченную жизнь (жена, дети, домохозяйство, плодоносящие нивы и поля) в социуме, основная цель которого заключается в воспроизводстве населения и образа жизни укорененного в традиции („рожают женщины детей схожих родителям“ — Erga (235)). Центром справедливого полиса является поселение, описаное очень обобщенно. Если попытаться вычленить его основные архитектурные элементы, то кроме оборонительного ограждения (teichos) и обнесенной им совокупности домов не видно каких-то иных градообразующих черт. По крайней мере нет никаких оснований приписывать достойному подражания полисному центру регулярную планировку. Если подчеркнуть еще раз основной смысл гесиодовского описания, то ударение лежит не на пространственном оформлении квази-урбанистического центра, хотя оно тоже важно, а на внутренней, половозрастной, организации человеческого коллектива, связанной с основной репродуктивной функцией всего социума и на морально-этических качествах его жителей. Важно отметить, что образцовый полис лежит не в прошлых, пусть даже и героических эпохах, а в современном слушателю мире. Ниоткуда конечно не следует, что это сиюминутная современность, но это эпоха современного человека.

В поисках образцового полиса в поэмах Гомера следует на основе вышесказанного обратится не к лежащим в прошлом центрам, а к тем картинам, которые даны в описаниях эпических предметов или в сравнениях. Так считается, что полисы на щите Ахилла (Il. 18. 490-540) соответствуют современным архаическим реалиям намного больше основных эпических поселений[51]. Если рассматривать эти полисы в контексте поэм, то они безусловно выделены особо. Они населены не героями, а обычными людьми (poleis ton meropon anthropon — Il. 18. 490). Нет божества, неудовлетворенного своим местом в олимпийской

иерархии, которое желало бы разрушить какой-либо из этих полисов. Да жители второго полиса пользуются божественной поддержкой, их отряд возглавляют Афина и Арес (Il. 18. 516), но проблемы этого полиса вызваны не богами, а людьми, и именно люди должны эти проблемы решать. Цель существования обоих полисов, такая же как у положительного полиса Гесиода, не слава, а воспроиводство себя в этом мире.

Для нашей темы важно следующее: полисы на щите Ахилла, если они действительно отражают современные архаической эпохе представления, могут рассматриваться как образец для подражания. Где однако лежат акценты, на пространственно-архитектурной или на социальной организации этих полисов остается пока неясным. Пространственно-архитектурная организация дана в целом обобщенно: поселение обнесено защитным укреплением (teichos? — Il. 18. 514), в нем конечно есть дома, а именно, упомянуты вход в жилой комплекс (proturon - Il. 18. 496) и помещение, которое может быть интерпретировано или как комнатка невесты, либо как просто женское помещение во внутренней части дома (thalamos? — Il. 18. 492); на поселении имеется специализированное место для коммунальных мероприятий — агора с особым кругом камней для сиденья (Il. 18. 497, 504). Делать однако вывод о наличии в таком поселении регулярной, тем более прямоугольной планировки невозможно. Лишь функциональное деление территории поселения может быть прослежено в самом общем виде.

Гораздо более подробно описана структура населения этих полисов. Если в картине осажденного полиса (Il. 18. 513-515) мы видим только основные половозрастные группы: способных носить вооружение (laoiv - pl.), их жён (alochoi te filai), маленьких детей не достигших подросткового возраста (nepia tekna) и охваченных старческой немощью (aneres hus eche geras), то в мирном полисе представлено более подробное деление. Особенно подчеркивается статус людей в связи с их брачным возрастом (Il. 18. 491-494); выделены невесты (vumphas) и юноши (koiroi).

Нет никаких оснований рассматривать такое половозрастное деление как менее значимое, чем описание архитектурных особенностей образцового полиса. Если признать, что подробно прописанная половозрастная, она же одновременно социальная структура населения полиса не менее, а даже более важна, чем очень обобщенно набросанное архитектурное обрамление, которое к тому же могло быть инспирировано впечатляющими микенскими развалинами, то наверное не стоит ожидать в апойкии обязательного прямоугольного плана либо впечатляющего архитектурного оформления и проводить в зависимости от наличия или отсутствия оного структурное различие между поселениями, как например между Питекуссами и Мегарой Гиблеей, либо между западносредиземноморскими и северопричерноморскими колониями[52].

3) Анализ урбанистического развития и связанного с этим архитектурного оформления полисных центров в колониях и в материковой Греции не дает оснований предпологать, что колонии основывались как *города* с регулярной застройкой и явно выраженной урбанистической архитектурой. Увеличение археологического материала добытого в колониальных центрах Сицилии и Великой Греции в 50-60-е годы XX в. способствовал распространению идеи о

существовании двух архитектурно различных типов колониальных поселений, а именно хаотично застроенного эмпория и планомерно воздвигнутой апойкии. Как образец такой дихотомии рассматривают до сих пор пару Питекуссы — Мегара Гиблея. На примере той же Мегары Гиблеи и Метапонта было выработано представление об образцовом архитектурном плане апойкии. Этот план ряд исследователей рассматривал как своего рода предтечу знаменитого гипподамового плана[53]. Ф. Кастаньоли описывает его как застройку образованную узкими, обычно 120 футов в ширину, длинными прямоугольными блоками домов, размещенными внутри прямоугольной сетки, состоящей из нескольких главных и массы второстепенных очень узких улиц. В отличие от римского плана в колониальном греческом по мысли Ф. Кастаньоли отсутствует пересечение главных аксиальных улиц[54].

Идею о том, что *все* древнейшие колониальные центры, т. н. Streifenstдdte, были заложены по единому плану, основной структурной единицей которого являлись длинные прямоугольные полосы, состоящие из прямоугольных же парцелл, отведенных под один дом, пытались в 90-е годы XX в. обосновать В. Хёпфнер и Е.-Л. Шванднер[55]. Составленные ими планы архаических и классических городов, планы, которые попросту игнорируют улицы проложенные в другом направлении, как например в Пирее, либо на основании немногих известных эллинистических остатков, как например в Милете, реконструируют позднеархаический план города, либо как в Сиракузах выводят ранний план в лучшем случае из спорадических позднеархаичных развалин, абсолютно гипотетичны[56]. Тем не менее подобного рода карты обладают зрительной притягательностью и гипнотизируют многих исследователей до сего времени[57].

Если суммировать результаты работ последних десятилетий, то следует признать следующее. Начало колонизации практически везде улавливается очень смутно. Слои и остатки относящиеся к первым десятилетиям колонизации, дающие возможность реконструировать их первоначальный план почти нигде не обнаружены. Признается также, что первые строения, возведенные из сырца просто не могут быть найдены[58]. Такое положение дел верно в отношении абсолютного большинства поселений, в том числе например Кум, которые параллельно с Мегарой Гиблеей рассматриваются как образцовая апойкия и противопоставляются Питекуссам[59]. До сего времени нет однако ниаких археологических материалов, которые бы дали основание приписать Кумам другой статус нежели у Питекусс[60]. Какие-либо значительные строительные остатки до тирании Аристодема в последних двух десятилетиях VI в. до н.э. на городище не обнаружены. Раскопщики считают, что именно при Аристодеме началась архитектурная монументализация поселения[61]. В отношении например Сиракуз высказывается предположение, что современный план Старого города с его узкими поперечными улицами и длинными продольными улицами повторяет план архаических Сиракуз[62]. План этот не является однако регулярным, узкие улицы (stenopoi) перерезают глвные продольные под углом приблизительно в 79 градусов. Кроме того узкие улицы не проложены по прямой линии. В любом случае, даже если вся терротория острова Ортигии была предназначена для застройки, как минимум до середины VII в. до н.э.поселение представляло из себя нерегулярные скопления домов, собранных вокруг водных источников и

напоминало по мнению А. Ди Вита позднегеометрический — раннеархаичесий Коринф[63]. Аналогичную картину можно увидеть в Мегаре Гиблее и в Наксосе. В обеих поселениях выявляется план, нерегулярный в том смысле, что он не прямоуголен и не однообразен[64]. Планировщики пытались создать для небольшой группы первопоселенцев, равные условия в отношении общей площади домохозяйства и равных возможностей к доступу к важнейшим коммуникационным узлам на местности[65]. Мегара Гиблея, благодаря своему раннему разрушению и следовательно сохранности архаических слоев, дает наиболее яркое представление о таком плане. В то же время не стоит приписывать этому плану особое урбанистическое значение. Его скорее можно соотнести со знаменитым поселенческим типом, kata komas, который согласно Фукидиду (Thuk. I. 10.2) был традиционен для Греции (to palaio tes Hellados tropo) и который еще в его время можно было увидеть в Спарте, хотя конечно в Мегаре Гиблее масштабы такого плана были меньше. На площади около 60 га были образованы 5 центров, с разбивкой на участки, лишь часть которых была застроена. Поселение росло постепенно, это можно водеть по улицам меняющим направление. Уплотнение застройки и ее определенная монументализация начались в Мегаре Гиблее лишь спустя около 100 лет после основания.

Как наиболее известные примеры регулярных планировок, приводятся обычно планы Селинунта, Гимеры и Акраганта. В Селинунте, основанном согласно традиции в 651 г. до н.э. застроечный план, учитывающий особенности местности и сочетающий в себе соответственно этому различно ориентированные агору и массив жилых домов в гавани начал реализовываться в 80-70-м гг. VI в. Также в VI в. начинается монументализация поселения. В основанной около 649 г. до н.э. Гимере перепланировка, уничтожившая следы более раннего плана с другой ориентацией была проиведена в 80-60-х гг. VI в. О начале монументализации в Гимере можно говорить, лишь начиная со втор. пол. VI в. Акрагант был основан около 580 г. до н.э. поселенцами из Гелы. Приблизительно два поколения спустя, в конце VI в. до н.э. были распределены парцеллы, составившие основу поселенческого плана (Streifenstadt). Акрагант еще долго оставался лищь частично застроенным поселением, с группами домов внутри выделенных зон. Об урбанизации и заполнении территории можно говорить лишь с середины V в. до н.э. Что касается знаменитого регулярного плана Метапонта и его хоры, так сильно повлиявшего на представления исследователей, то сегодня можно констатировать, что этот знаменитый план возник после большой перестройки и восстановления города во второй половине IV в. до н.э.[66].

Другими словами в колониях Великой Греции и Сицилии выявляется длительная начальная фаза, в течение которой колониальные поселения в социологическом смысле не являлись городами. Во время первых 50-100 лет от сообщаемой даты основания, либо от первых археологических следов поселения нет возможности проследить регулярный план. Появление такого достаточно регулярного прямоугольного плана, охватывающего всю территорию поселения, приходится на позднеархаическую и классические эпохи и характерно для вторичных колоний. Очень долго в колониях сохраняются открытые пространства и площади сельскохозяйственного назначения, лежащие между домами[67]. Следует отметить приблизительное функциональное разделение площади поселе-

ния в течение жизни видимо первого поколения колонистов в некоторых самых древних западных колониях. Однако не стоит переоценивать данный факт. Уточнение границ различных зон, их смещение, изменение например местоположения агоры, переориентация предыдущего плана были распространены в греческих колониях Западного Средиземноморья в течение всего архаического времени[68].

Можно конечно возразить, что в Мегаре Гиблее все-таки был какой-то план. Причины возникновения такого плана постоянно обсуждаются в литературе. Возникновение такого плана связывается как правило с формированиен города внутри полиса, с рациональностью греческого мышления, либо с возможностью реализовать удачное техническое решение на новом месте[69]. Все эти объяснения не выдерживают критики. По поводу урбанизации уже было сказано достаточно. Рациональность мышления не является серьезным аргументом. Что касается удачного технического решения, то те же авторы, которые настаивают на нем, склонны объяснять отклонения от прямоугольного плана ошибками планирования и отсутствием технического ноу-хау[70]. Проектировщики Мегары Гиблеи не планировали т.н. Streifenstadt, если бы они его планировали, то смогли бы провести прямые линии. Если мы вернемся к картине идеального полиса, то можно полагать, что такой задачи и не могло быть поставлено. Равенства участков и наличия свободного фонда, чтобы сохранять стабильные условия для нескольких поколений („рожают женщины детей схожих родителям“ — Erga (235) видимо было для поселенцев достаточно. Можно полагать, что рост населения привел в конечном итоге к искажению идеальной картины, и одним из следствий этих изменений стало основание Селинунта через сто лет после основания Мегары Гиблеи. Можно также предположить, что «застывшие» прямоугольные планы городов классического периода — это тоже своего рода реакция на трудности следования идеалу и попытка стабилизировать ситуацию, за счет манипулирования архитектурным образом поселения.

4) Такого рода манипулирование было не единственным способом создания образа идеального полиса. Среди археологических источников, которые позволяют реконструировать идеализированные представления греческих обществ геометрического и архаического времени о самих себе, следует выделить материалы погребального обряда. Работы последних десятилетий XX в. показали достаточно ясно, что посредством погребальной церемонии реализовывались представления об идеальной социальной структуре не только всего социума, но и фиксировались социальные роли как самого умершего так и живых участников погребального обряда[71]. Все, что мы знаем на данный момент о греческом погребальном ритуале геометрического времени[72] (рестриктивный допуск к формализованному погребению, ограничения в репертуаре загробных даров и керамических орнаментов, стремление подчеркнуть равный статус погребенных, подчеркивание разницы между взрослыми и детьми) позволяет рассматривать его как средство трансляции представления о принадлежности погребенных к элитной группе равных по статусу, представлявших по большому счету идеализированный образ всего общества[73]. Что давало возможность какой-то группе населения геометрического времени дистанцировать себя подобным образом и исключить остальных из «погребального соревнования», ве-

дущегося по очень жестким правилам, остается неясным[74]. В любом случае около 750 г. до н.э. в Аттике, Коринфии, Аргосе, Мегаре, Эвбее и Додеканесе, в районе, который И. Моррис называет Центральной Грецией, происходит расширение доли населения допущенного к формальному погребению, кладбища приобретают ожидаемую для аграрного доиндустриального общества половозрастную структуру: около 50 % погребений приходятся на долю детей и подростков. Изменяется также обряд погребения: в Аттике происходит переход к ингумации взрослых в могильных ямах, при сохранении кремации в бронзовых урнах для немногих избранных. Очень сильно нарушается однородность обряда. Начиная с 750 г. до н.э. каждая деревушка в Аттике имела свои вариации в погребальной практике. Даже в пределах одного кладбища трудно найти два одинаковых захоронения[75]. Все эти изменения были несомненно частью больших перемен, охвативших греческий мир (начало колонизации, распространение письменности, появление первых монументальных сооружений, изобразительное искусство и т.п.) и являвшихся по мнению многих исследователей симптомами формирования полиса[76]. И. Моррис полагает, что допуск детей и подростков к формализованному погребению означал стирание на ритуальном уровне разницы между «взрослыми-гражданами» и «детьми-негражданами» и сигнализировал о возникновении исономии, новой идеологии, сделавшей возможной становление новой политической структуры — полиса[77]. Как бы то ни-было, несомненно, что вторая половина VIII в. до. н.э. — это время больших общественных перемен, во время которых представления общества о самом себе должны были претерпеть значительные изменения. Реакция на эти изменения в Афинах и Аттике была своеобразной. После 700 г. до. н.э. там произошло возвращение к рестриктивной погребальной практике, сочетавшей в себе черты погребальной обрядности «ранней и средней Геометрики» (900-760 гг. до н.э.) и продолжавшей в то же время некоторые тенденции только что закончившегося «позднегеометрического» периода (760-700 гг. до н.э.). В первую очередь следует отметить снова возродившийся, однородный характер погребений, число которых резко уменьшается в VII в. до н.э. и возвращается к значениям IX — перв. пол. VIII в. до н.э. Такое уменьшение было связано в первую очередь с исключением детей и подростков и даже женщин из видимого погребального обряда, а не с эпидемиями, засухами и другими природными катастрофами[78]. Далее нужно указать на возвращение к обряду кремации, являвшимся основным до 750 г. до н.э., совершавшимся однако в могильных ямах большого размера, подобных ямам позднегеометрического времени. Следует также сказать о том, что параллели между временем до 750 г. до н.э. и после 700 г. до н.э. состояли в том, что был восстановлена эксклюзивность использования только определенных керамических форм в качестве загробных даров[79].

В литературе высказывается предположение, что после 700 г. до н.э. в Аттике были восстановлены основные черты иерархической социальной структуры «Темных Веков» и развитию полисных институтов был нанесен серьезный удар. Как симтом отсталости рассматривается отсутствие охватывающих всю общину ритуалов и сохранение локальных культов как средств социального комтроля[80]. Согласно другой точке зрения, все изменения погребального обряда отражали идеологические изменения внутри одной и той же элитной социальной группы.

И в первую очередь изменение отношений к детям и женщинам[81] Как бы то ни было, нет сомнения в том, что половозрастные различия были важны в создании идеального образа общины, как совокупности элитных мужчин и самое главное такие представления создавались при помощи сознательной архаизации, обращения к ритуалам из временного горизонта, отстоящего на 50/60 лет от 700 г. до н.э. и уходящего от этой точки в конечном итоге на 150/200 лет в прошлое. Мне кажется маловероятным, что возвращение к социальному строю до 750 г. до н.э. могло восприниматься как выход за рамки современной эпохи и проникновение в мифическое время для людей, живших около 700 г. до н.э. Сознательное конструирование архаического погребального обряда было связано по-моему мнению с кругом представлений о необходимости вернуться назад, к устройству освященному традицией. Такая традиция была безусловно способна преодолеть промежуток в два поколения (760/750–700 гг. до н.э.). Как мы видели, подобные настроения, выраженные правда другим способом доминировали в Аттике в другую кризисную эпоху, в IV в. до н.э. Выяснить, облекалось ли такое ритуальное возвращение в понятия связанные с отеческими установлениями, не представляется возможным. В любом случае если предположение о сознательной архаизации образа афинского полиса верно, то нужно признать, что этот образ не проявляется архитектурно в виде регулярного плана. До 2-й половины VI в. до н.э. Афины оставались слабоурбанизированным поселением. Можно полагать, что такого образа регулярного городского поселения в течение значительной части архаического периода просто не существовало.

5) Если обратится к археологическим материалам Северного Причерноморья без завышенного ожидания по поводу их архитектурного оформления, то следует отметить следующее. Ранние остатки во всех поселениях трудно выделить и еще труднее интерпретировать. В отличие от западных исследователей, которые, как отмечалось выше, не боятся признать ненаходимость первых строений, многие отечественные авторы расценивают такую ненаходимость как доказательство существования землянок. Отрицается также функциональное деление территории в течение первых 70-80 лет существования колоний и как следствие отрицается наличие полисной организации.

Земляночное домостроительство это по-моему результат длительной индоктринации российских археологов представителями киевской школы. По-поводу Ольвии и искусственности схемы С.Д. Крыжицкого говорилось уже в другом месте[82]. Аналогичная попытка втиснуть археологические находки в подобную схему земляночного домостроительства предпринята по-моему мнению в работах В.П. Толстикова. Исследователь интерпретирует пять углублений на центральном плато у первого кресла г. Митридат в Керчи как следы землянок первых колонистов периода около середины VI в. до н.э. Все другие строительные остатки, в том числе знаменитый дом эмпора на раскопе „Верхний Митридат“ и маленькие хижины (Nr.1, 2, 6, 7, 8) на раскопе „Новая Эспланада“ датируются им позднее. Первые хаотично разбросанные наземные жилища появляются по В.П. Толстикову на „Центральном“ раскопе в 30-е годы VI в. до н.э. Дом Эмпора и домики на „Новой Эспланаде“ возводятся якобы в последней четверти или даже в самом конце этого же столетия[83].

С такой интерпретацией трудно согласится. Закругляющиеся у дна стенки ям на „Центральном“ раскопе сокращают и без того ограниченную жилую площадь. Подпорные столбики, как например в яме 5, при всем уважении к физической подготовке первых колонистов, делают невозможным устройство спального места. В таких ямах можно было стоять на одной ноге, но не очень долго. Что касается датировки самых ранних строительных остатков, то нужно отметить следующее: Изменение датировки дома эмпора на 70-80 лет необоснованно. Найденные в доме фрагменты ойнохои с изображением магических глаз датируются, как сейчас принято считать, не концом VII в. до н.э. а действительно более поздним временем. Однако это время лежит в пределах 1-й половины VI в. и скорее даже в 1-й четверти этого столетия[84]. В.П. Толстиков настаивает на том, что датирующие черепки найдены под полом здания в более раннем слое и следовательно служат лишь terminus post quem для даты возведения дома[85]. В.Д. Блаватский интерпретировал ямы, в том числе яму с черепками ойнохои, как часть интерьера дома. Эти ямы не были по его мнению засыпаны перед строительством, а являлись последовательными остаками домашней печи[86]. Даже если принять предположение, что черепки ойнохои маркируют terminus post quem для стротельства домика, все же нет оснований отказываться от даты строительства последнего около середины 6-го века до н.э. Что касается датировки домиков, обнаруженных на раскопе „Верхняя Эспланада“, концом VI в. до н.э., то В.П. Толстиков никак не аргументирует свое предложение. По мнению Н.И. Сокольского и И.Д. Марченко первые домики, две улицы и участок вымостки возникли вскоре после середины VI в. до н.э. Керамические материалы из слоя на вымостке и в строительных остатках указывают по их мнению на начало 3-й четверти 6-го века до н.э. как время возникновения всего квартала[87]. Можно согласиться с тем, что последняя четверть того же столетия отмечает определенный этап в архитектурном развитии этого района Пантикапея. В это время происходит уплотнение застройки, но не постройка первых наземных домов.

Подгонка архитектурного развития Пантикапея под жесткую схему не учитывает, того, что в результате многочисленных земляных работ и террасирования в позднеэллинистическое время почти все строительные остатки ранних периодов, за исключением основательно заглубленных, были уничтожены. На раскопе „Новая Эспланада“ отсутствуют например слои 1-й половины VI, а также IV и III вв. до н.э. Подобная ситуация сильного разрушения культурных слоев, в данном случае слоев 1-й пол. и 3-й четв. VI в. до н.э. характерна по-видимому также для раскопа „Центральный“. Соответственно скупым сообщениям В.П. Толстикова не представляется возможным обнаружить слой 1-й пол. VI в. до н.э. Слой относящийся к середине и 3-й четв. того же столетия не превышает по площади 250 мI и встречается в основном в ямах, нижняя часть которых находится в коренном грунте[88]. И как было сказано выше, назначение таких ям неясно.

Как бы ни были скудны ранние археологические материалы из Пантикапея, все же они позволяют сделать ряд выводов о плане поселения и тенденциях его развития. Судя по находкам самой ранней керамики, ядро поселения лежало вокруг вершины г. Митридат. Целый раяд находок заставляет предпологать, что

вершина и северо-восточный склон горы с момента основания поселения вплоть до римского времени был зарезервирован для культовых целей. Здесь концентрируются находки керамических тарелок 1-й пол. VI в. до н.э. со специально проделанными отверстиями, что по мнению В.Д. Кузнецова свидетельствует о наличии святилища (святилищ), на стенах которого эти тарелки висели[89]. Найденное на раскопе „Верхний Митридат“ бронзовое этрусское ситечко с посвящением Артемиде позволяет также предположить существование святилища этой богини, которое, исходя из палеографии посвятительной надписи, может быть датировано вскоре после середины VI в. до н.э.[90]. По соседству были найдены различные архитектурные детали, приписываемые позднеархаическому храму. Над откосом где были найдены барабаны колонн находится лежащая перед выступом скалы площадка, способная вместить соответствующий храм.

Другая важная зона лежала на западном плато. Считается, что в последней четверти 6-го века до н.э. там были воздвигнуты здания общественного характера[91]. Для данной темы определяющим является вопрос, было ли западное плато зарезервировано для общественных нужд с момента основания? Имеющийся материал позволяет заключить, что на западном плато время от времени проводились какие то работы. В конце 30-х годов VI в. были засыпаны большинство ям. Возможно в середине VI в. на плато имелись строения из сырцового кирпича. Заполнение так называемой „землянки № 1“, которая существовала по всей видимости недолго, около середины этого столетия была засыпана и впоследствии частично прорезана т.н. „землянкой № 2“ и т. н. „хозяйственной ямой“, состоит из золы, глины и обломков сырцовых кирпичей. Эти данные говорят о том, что западное плато входило в территорию поселения в середине VI в. до н.э. и вероятно с момента основания. Наличие эти остатков и засыпанных ям не противоречит тому, что западное плато уже в это раннее время могло использоваться для общественных нужд. Заседания политических институтов архаического полиса не обязательно связывались с необходимостью придать соответствующему месту монументальное архитектурное оформление.

Около середины VI в. до н.э. на северном склоне фиксируется квартал, в котором обнаружены следы ремесленной деятельности. Так называемое северное плато, единственный ровный участок северного склона, было по мнению ряда исследователей зарезервировано под место проведения народных собраний. Остатки здания V в. до н.э. с его нетипичным для жилого помещения планом и набор по всей видимости ритуальной керамики свидетельствуют по мнению И.Д. Марченко в пользу предположения об общественном характере этого места на протяжении длительного времени[92].

Все рассмотренные материалы не противоречат предположению, что первые жилища Пантикапея являлись скромными глинобитными хижинами, остатки которых сохранились только в ямах засыпанных около середины VI в. до н.э. В начале 3-й четверти этого столетия можно уже говорить о каком-то первоначальном функциональном делении территории. На западе от раннего поселения находился некрополь. Вокруг вершины, около 1-го кресла лежала основная зона заселения. Можно полагать, что любое ровное место здесь могло использоваться для коммунальных нужд. Можно напомнить, что даже в классическое

время лишь немногие полисы имели специально воздвигнутый ekklesiasterion. Более малочисленные собрания, могли проводится в разных местах. Заседания дикастерия или буле в Афинах проводились в Одеоне, Пестрой Стое, различных святилищах и даже на верфях либо в Елевсине[93]. Учитывая малочисленность раннего Пантикапея и его скорее всего не демократический характер можно быть уверенным, что площади центрального или северного плато хватало для проведения коммунальных мероприятий.

Такого рода анализ может быть продолжен дальше. Везде улики указывающие на существование земляночного домостроения исключительно слабы. Возьмем для примера Нимфей. Как известно М.М. Худяк считал открытые им в Нимфее ямы остатками землянок догреческого населения. Исследователь, исходя из распространенных тогда теоретических представлений, акцентировал внимание прежде всего на негреческой лепной посуде в заполнении ям[94]. Аборигенная керамика в действительности составляет лишь часть наполнения большинства ям и количественно не превосходит по всей видимости греческую[95]. Это заставляет некоторых исследователей интерпретировать ямы как земляночные жилища, но уже греческих колонистов[96]. Бросается в глаза однако малый размер, от 1,5 до 2,5 м в диаметре, большинства из этих 17 ям. Одна из них наполнена к тому же золой сгоревшего зерна, т. е являлась хозяйственной ямой. Можно полагать, что и большинство других „землянок“ было не чем иным как хозяйственными ямами. По мнению А.М. Бутягина яма 4, которая больше других, может претендовать на роль жилища[97]. Судя по фотографии, речь может идти просто о случайном пересечении разновременных, разноуглубленных хозяйственных ям. Именно в результате такого пересечения могли появится возвышения, принятые М.М. Худяком за лежанки[98].

Характер находок в Нимфее недостаточен, чтобы делать выводы о ранних строениях, которые по весй видимости были в основном уничтожены в результате стротельных работ. Судя по сообщениям М.М. Худяка все ямы в юго-восточной части городища около середины VI в. до н.э. были засыпаны землей и камнями и поверхность была выровнена[99]. Такого рода довольно масштабные работы, которые проводились по.всей видимости силами всех поселенцев, прослеживаются помимо Нимфея в большинстве греческох колоний Северного Причерноморья[100]. Во 2-й пол. VI в. до н.э., если датировка известковых плит как частей фундамента приписываемого святилищу Кабиров верна, фиксируются наземные жилища. Характер находок, как бы скудны они не были не противоречит гипотезе, что первоначальное функциональное деление территории Нимфея было предпринято еще ко времени основания. Интерпретация находок из грота на побережье, как следов деятельности керамической мастерской 1-й пол. VI в. до н.э.[101], может говорить о том, что нимфейцы соответсвенно распространенной греческой практике разместили ремесленный квартал на краю поселения, потому что центр был занят зданиями другого назначения[102].

По-моему мнению археологические материалы раннего периода жизни северопричерноморских апойкий, при всем их своеобразии не выбиваются за рамки, того, что характерно для ранних средиземноморских колоний и не противоречат тому простому идеалу, который прослеживается в архаической поэзии. Маленькие размеры поселений или отсутствие монументальных зданий

не могли помешать проведению каких-либо коммунальных мероприятий, например собранию правомочных граждан. В Пантикапее это могло происходить например на западном плато, в Фанагории на нижнем плато под центральным холмом. Место для этого можно было найти.

Далее следует вернуться к уже отмеченной архаизации погребального обряда северопричерноморских колоний[103]. Такого рода архаизация свидетельствует по моему мнению о том, что представления колонистов об образцовом полисе, лежащем в прошлом, пусть может быть и не далеком, могли реализовываться в первую очередь в погребальном ритуале, а не в создании регулярного плана поселения. В любом случае следует признать, что современная дискуссия чересчур фокусируется на архитектурном обрамлении ранних колоний, упуская из виду, что монументальные рамки, в которых функционировали институты греческого полиса, не сложились еще полностью в классическую эпоху. Проводить резкую границу между первыми западными и северопонтийскими колониями и отказывать последним в полисном статусе нет никаких оснований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: *Gwynn A.* The Character of Greek Colonisation // JHS. 1918. № 38. P. 88-90; *Graham A.* The colonial expansion of Greece // CAH (2. Ed.). 1982. V. III.3. P. 157; *Leschhorn W.* „Gründer der Stadt“: Studien zu einem politisch — religiösen Pnänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984;. *Osborne R.* Early Greek colonisation? The nature of Greek settlement in the West // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / N. Fisher, H. van Wees (eds.). London, 1998. P. 251-270; *Malkin I.* Exploring the Concept of “Foundation”: A Visit to Megara Hyblaia // Oikistes: studies in constitutions, colonies, and military power in the ancient world, offered in honour of A. J. Graham / V. Gorman & E. Robinson (eds.). Leiden, 2002. P. 195-225.
2. *Murray O.* Das frühe Griechenland // Auflage. 6. München,1998, S.132-133.
3. “Новая апойкия должна быть результатом деятельности уже состоявшегося полиса и соответственно облик новой колонии должен был формироваться по образу метрополии. В VIII в. до н.э. концепция полисного сообщества не сложилась еще настолько, чтобы быть готовой к экспорту“ — *Rigway D.* The first Western Greeks. Cambridge, 1992. P. 108.
4. *Mertens D.* Städte und Bauten der Westgriechen. Von der Kolonisationszeit bis zur Krise um 400 vor Christus. München, 2006. S. 36-38.
5. См. например: *Solovyov S.L.* On the History of the City-States in the Lower Bug Area: Borysthenes and Olbia // Northern Pontic antiquities in the State Eremitage Museum / J. Boardman & S.L. Solovyov & G.R. Tsetskhladze (eds.). Leiden, 2001. P. 113-125.
6. *Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum Plus. Скифский квадрат. Вып. 3. Кишинев, 1999.
7. См. например: *Толстиков В.П.* Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 92-93; *Tsetskhladze G.R.* A Survey of the Major Urban Settlements in the Kimmerian Bosporos (With a Discussion of Their Status as Poleis) // Yet more studies in the ancient Greek polis / Th.H. Nielsen (ed.). Stuttgart, 1997. P. 59.
8. См.: *Morris I.* The early polis as city and state // City and Country in the Ancient World. J. Rich, A. Wallace–Hadrill (eds.). London, 1991. P. 24-57.

9. См.: *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 28–31; *он же*. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 38, 41.
10. *Поваляев Н.* Еще раз к вопросу о моделях греческой колонизации: Апойкия или Эмпорий. Археологическое сравнение // ПИФК. Вып. XXI. 2008. С. 193-213.
11. См. напр.: *Dover K.J.* Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Oxford, 1974. P. 106-108.
12. *Hansen M.H.* Solonian Democracy in Fourth-century Arhnes // Aspects of Athenian Democracy. Copenhagen, 1990, P.75.
13. *Ruschenbusch E.* ΠΑΤΡΙΟΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑ // Historia. 1958. №7. S. 399-424.
14. *Hansen*. Op. cit. P. 99.
15. Ibid. P. 71.
16. Ibid. P. 89.
17. *Geschichte in Quellen*. Bd.1. München, 1965. S. 106-109.
18. *Nagy G.* Theognis and Megara: A Poet's Vision of His City // Theognis of Megara /Th. Figueira, G. Nagy (eds.). London, 1985. P. 44-45.
19. *Nagy*. Op. cit. P. 44-45.
20. В стихотворениях Феогнида речь идет об олигархическом режиме. См.: *Wees van H.* Megara's Mafiosi: Timocracy and Violence in Theognis // Alternatives to Athens: varieties of political organization and community in ancient Greece / R. Brock, S. Hodkinson (eds.). Oxford, 2000. P. 52-67.
21. *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart, 1989. S. 86.
22. *Morris I.* Archaeology as Cultural History. Oxford, 2000. P. 161.
23. *Wees*. Op. cit. P. 65.
24. *Hansen*. Op. cit. P. 76.
25. *Mitchell L.* New wine in old wineskins // The Development of the Polis in Archaic Greece / L. Mitchell, P. Rhodes (eds.). London, 1997. P. 137.
26. Элегии Феогнида рецитировались на симпозиумах; большие общественные мероприятия служили по весй видимости фоном для выступлений Солона. См. например: *Kurke L.* Archaik Greek Poetry // The Cambridge Companion to Archaic Greece / H. Shapiro (ed.). Cambridge, 2007. P. 141-168.
27. См. претензии Феогнида на общегреческое распространение его поэзии (Theognis 19-23) - *Nagy*. Op. cit. P. 29.
28. *Morris*. Archaeology as Cultural History. P. 157-161.
29. *Scully S.* Homer and the Sacred City. London, 1990. Ch.2.
30. *Snodgrass A.* The Historical Significance of Fortification in Archaic Greece // La fortification dans l'histoire de monde grec. Actes du colloque international "La fortification et sa place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde grec" / P. Leriche, H. Treziny (eds.). Paris, 1982. P.125-131. Ср. *Crielaard J.P.* Homer, History and Archaeology: Some Remarks on the Date of the Homeric World //Homeric Questions / J.P. Crielaard (ed.). Amsterdam, 1995. P. 244.
31. См.: *Crielaard*. Op. cit. P. 201-288; *Raaflaub K.* A historian's headache: how to read 'Homeric society'? // Archaic Greece. New Approaches and New Evidence / N. Fisher, H. van Wees (eds.). London, 1998. P. 169-194.
32. *Nagy G.* Poetry as performance: Homer and Beyond. 1996. P. 110-112.
33. *Ready J.* Homer, Hesiod and the Epic Tradition // The Cambridge Companion to Archaic Greece / H. Shapiro (ed.). Cambridge, 2007. P. 130.
34. *Snodgrass A.* An Archaeology of Greece. The present state and future scope of a discipline. Berkeley, 1987. P. 197-198.
35. Гесиод (Theog. 22-24), несмотря на то, что повествует от первого лица, является

литературным персонажем, так как же и его брат Перс. См.: *Ready J.* Op. cit. P. 130-137.

36. *Stahl M.* Gesellschaft und Stadt bei den Griechen: Archaische Zeit. Paderborn, 2003. S. 32-33.
37. См.: *Wees van H.* Status Warriors. Amsterdam, 1992. P. 17-21.
38. *Crielaard.* Op. cit. P. 210-239.
39. *Finley M.* Die Welt des Odysseus. München, 1979.
40. См.: *Morris I.* Burial and Ancient Society. The rise of the Greek City-State. Cambridge, 1987; *Whitley J.* Style and Society in Dark Age Greece. Cambridge, 1991.
41. *Wees.* Op. cit. Ch.2.
42. *Haubold J.* The Homeric *Polis* // The Imaginary Polis / M.H. Hansen (ed.). Copenhagen, 2005. P. 28-29.
43. *Scully.* Op. cit. Ch.6.
44. См.; *Wees van H.* From Kings to Demigods: Epic Heroes and Social Change c. 750-600 bc., // Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer / S. Deger-Jalkotzy, I. Lemos (eds.). Edinburgh, 2006. P. 363-380, esp.366-370.
45. *Haubold.* Op. cit. P. 30-31.
46. Ср. *Osborne.* Op. cit. P. 256.
47. *Haubold.* Op. cit. P. 31.
48. *Morris.* Archaeology as Cultural History. P. 185.
49. Ibid. P. 169-171.
50. Ibid. P. 160-161.
51. *Haubold.* Op. cit. P. 25-48.
52. *Povalahev N.* Die Griechen am Nordpontos. München, 2008. S. 208-249.
53. *Gerkan A.* Griechische Stдdteanlagen. Berlin, 1924. S. 29, 90ff.; *Szidat J.* Hippodamos von Milet. Seine Rolle in Theorie und Praxis der griechischen Stadtplanung // BJb. 1980. № 180. S. 37-38, Anm. 67.
54. *Castagnoli F.* Orthogonal Town Planning in Antiquity. Cambridge, 1971. P. 129.
55. *Hoepfner W., Schwandner E.L.* Haus und Stadt im klassischen Griechenland. München, 1994. S. 306.
56. В плане Милет проигнорированы остатки на улицах Ζαιμη 33-35 и Ομηριδου Σκυλιτση 4-6, имеюжие другое чем предпологалось направление — *Eickstedt von K.-V.* Beitrage zur Topographie des antiken Piräus. Athenai, 1991. S. 84-85, Anm. 403. При реконструкции плана Милета В. Хёпфнер и Е.-Л. Шванднер интерпретировали остатки открытые А. фон Герканом в трех местах как следы позднеархаических или раннеклассических вымосток дворов либо помещений. Сам А. фон Геркан считал эти фрагменты остатками вымосток переулков. На данный момент они считаются остаками эллинистического или даже римского времени: *Hoepfner, Schwandner.* Op. cit. S. 17-20; Ср.: *Shipley G.* Little Boxes on the Hillside: Greek Town Planning, Hippodamos and Polis Ideology // The Imaginary Polis / M.H. Hansen (ed.). Copenhagen, 2005. S. 362. О раннем плане Сиракуз см.: *Di Vita A.* Town Planning in the Greek Colonies of Sicily from the time of their Foundations to the Punic Wars // Greek Colonists and Native Populations / J.P. Descoeudres (ed.). Oxford, 1990, P. 349, 356-361.
57. *Mertens.* Op. cit. P. 73.
58. *Fischer-Hansen T.* The Earliest Town-Planning of the Western Greek Colonies, with special regard to Sicily // Introduction to an Inventory of Poleis / Mogens H. Hansen (ed.). Copenhagen, 1996. P. S.318; *Shipley.* Op. cit. P. 336-347.
59. Пара Питекуссы — Кумы сопоставляется часто с парой Березань — Ольвия. Т.к. Питекуссы считаются эмпорием, то Березань по аналогии получает подобый же

статус. — см.: *Доманский Я. В., Марченко К. К.* К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ΕΥΧΑΡΙΣΤΕΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографической сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004). СПб, 2007. С.27.

60. Анализ археологических находок из Питекусс см.: *Поваляев*. Ук. соч. С. 194-201.
61. *Mertens*. Op. cit. P. 38-39.
62. Ibid. P. 73-74.
63. *Di Vita*. Op. cit. P. 349. См.: *Mertens*. Op. cit. P. 73-75.
64. *Mertens*. Op. cit. P. 63-66.
65. См.: *Поваляев*. Ук. соч. С. 200-201.
66. *Shipley*. Op. cit. P. 344. *Mertens*. Op. cit. P. 159-161.
67. Ibid. P. 345.
68. *Polignac de F.* Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece //,Mediterranean Urbanization 800-600 BC. / R. Osborn, B. Cunliffe (eds.). Oxford, 2005. P. 45-70.
69. A. v. Gerkan ist der Meinung, die regelmäßige Stadtanlage seien vielmehr das Ergebnis der natürlichen Entwicklung gewesen, die in den Kolonialgebieten stattgefunden habe — *Gerkan*. Op. cit. S. 49. *Szidat*. Op. cit. S. 40-41. *Kolb F.* Die Stadt im Altertum. München, 1984. S. 14ff, 120.
70. См. напр.: *Murray*. Op. cit. S. 148.
71. *Morris I.* Burial and ancient societey after ten years // Necropoles et Pouvoir. Paris, 1998. P. 21-36.
72. Речь идет в первую очередь о материалах Аттики, Аргоса и Кносса, как наиболее полно опубликованных и изученных. См.: *Whitley*. Style and Society in Dark Age Greece. P. 181-190.
73. *Morris*. Burial and ancient societey. The rise of the Greek City-State. P. 89, 183-185.
74. *Houby-Nielsen S.* Interaction between chieftains and citizens? 7th cent. B. C. burial customs in Athens // Acta Hyperborea. 1992. № 4. P. 347-374.
75. *Morris I.* Archaeology and archaic Greek history // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / N. Fisher, H. van Wees (eds.). London, 1998. P. 14-15.
76. См. *Snodgrass A.* Archaic Greece: the age of experiment. London, 1980.
77. *Morris*. Archaeology and archaic Greek history. P. 24-25, 71ff.
78. *Morris*. Death-ritual and social structure in classical antiquity. Cambridge, 1992. P. 78., fig. 17.
79. *Morris*. Burial and ancient societey. The rise of the Greek City-State. P. 3-9, 214-216. Whitley J. The Monument that stood before Marathon: Tomb-Cult and Hero-Cult in Archaic Attica. AJA. 1994. № 98. P. 224-225.
80. *Morris*. Op. cit. P. 3, 8-9, 184, 216.
81. *Houby-Nielsen*. Op. cit. 344.
82. *Поваляев*. Ук. соч. С. 207-208.
83. *Толстиков*. Ук. соч. С. 62-63; *Tolstikov V.* Pantikapaion. Ein archäologisches Porträt der Hauptstadt des Kimmerischen Bosporus // Das Bosporanische Reich: Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike / J. Fornasier, B. Böttger (Hrsg.). Mainz am Rhein, 2002. S. 45-46.
84. *Сидорова Н.А.* Археологическая керамика из Пантикапея // МИА. № 103. 1962. С. 94–148.
85. *Tolstikov*. Op. cit. S. 45.
86. *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. № 56. 1957. С. 14.
87. *Сокольский Н.И.* Раскопки Пантикапея // КСИА. 83. 1961. С. 36; *Марченко И.Д.*

Раскопки Пантикапея в 1965–1972 гг. // Культура и искусство Боспора. М., 1984. С. 10.
88. *Толстиков*. Ук. соч. С. 59.
89. *Кузнецов В.Д.* Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. № 1. С. 22–23.
90. *Treister M.Yu.* Excavations at Pantikapaion, Capital of the Kingdom of Bosporus. Old Finds, Recent Results and some New Observations // Greek Archaeology without Frontiers. Athens, 2002. P. 154.
91. *Tolstikov*. Op. cit. S. 45-51; *Treister*. Op. cit. P. 152-154.
92. *Марченко И.Д.* О планировке северного участка Пантикапея // СА. 1979. № 2. С. 171–173.
93. *Hansen M.H.* The Polis as an Urban Centre. The Literary and Epigraphical Evidence // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community / M.H. Hansen (ed.). Copenhagen, 1997. P. 16.
94. *Худяк М.М.* Из истории Нимфея 6-3 го веков до н.э. Ленинград, 1962. С. 16, 61.
95. Там же. С. 16-18.
96. *Tsetskhladze*. Op. cit. P. 50.
97. Бутягин А.М. Особенности домостроительства архаического Боспора // Феномен Боспорского царства: Греческая культура и периферия античного мира. СПб., 1999. С. 114.
98. *Худяк*. Ук. соч. С. 13-14. Прим. 6. Табл. 2.2.
99. Там же. С. 16.
100. *Povalahev*. Op. cit. S. 208-215.
101. Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII–V вв. до н.э.: Литературные источники и Археология. Тбилиси, 1990. С. 42-43.
102. *Povalahev*. Op. cit. S. 181-182.
103. *Поваляев*. Ук. соч. С. 206-207.

IDEAL POLIS AND COLONISATION

N.L. Povaljaev

In this article the different Greek concepts of the ideal polis and its role in human history are analyzed. The basis and starting point for this discussion is the poetry of the Archaic times. Furthermore is examined, how these ideas are reflected in the archaeological material, because the Greeks could have adhered to the concept of the ideal polis when founding a colony.

The main result of this analysis is that the Greek of the Archaic times were influenced in their conceptions not by the model of the poleis of the epos — like Troy and Scheria — but by simple descriptions as those of Hesiod. An exemplary, model polis therefore possessed no distinctly urbanistic traits and no regular street map. The study of the archaeological material from Sicily and Southern Italy leads to the conclusion that the regular plans of the colonial cities date back to the late-archaic or classical times. Obviously because there was no concept of a regular plan before that time. Thus there is no reason to differentiate between the colonization in the Western Mediterranean and the Pontic region. As the analysis of the finds shows the evidence for the beginnings of a colony is always vague — in the West as in the East. It is only 50-100 years after the founding that the building of larger houses and a modest phase of urbanization begins.

The concept of the ideal polis did not — as can be seen from the funerary rites in Athens — materialize in the architectural design of the city-centre but in the rituals that were performed at the graves. In this respect the colonies on the Northern Pontos are not of second rank. They can not be denied the status of a polis because of their supposed underdeveloped architectural design.

© 2010

Д.С. Коробов

УКРЕПЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА БОРГУСТАНСКОМ ХРЕБТЕ БЛИЗ КИСЛОВОДСКА

Археологические памятники окрестностей Кисловодска изучаются на протяжении 150 лет. За это время собрано немало сведений о древностях Кисловодской котловины — уникального природного уголка Северного Кавказа, образованного долиной реки Подкумок и ее притоками и огражденного с севера Боргустанским, с востока — Джинальским и с юга — Кабардинским хребтами. Здесь, на территории примерно 20 х 30 км на сегодняшний день известно более 600 памятников археологии (с учетом культурно-хронологического деления их более 800), начиная с эпохи энеолита и заканчивая новым временем. Эта чрезвычайная насыщенность археологическими древностями наряду с хорошей изученностью географически замкнутого региона обусловили выбор Кисловодской котловины в качестве полигона по созданию археолого-географической информационной системы (АГИС) «Кисловодск». Работы научного коллектива Института археологии РАН под руководством Г.Е. Афанасьева с участием кисловодских археологов велись с 1996 по 2000 г. Результаты этого этапа исследований отражены в коллективной монографии, обобщившей краткую информацию о всех известных на тот момент памятниках[1].

С 2001 г. наступил новый этап, заключающийся в более детальных исследованиях укрепленных поселений эпохи раннего средневековья, обнаруженных в окрестностях Кисловодска, которые ведутся автором этих строк. За последние десять лет в результате широкомасштабных разведочных работ нанесено на карту более 125 крепостей, из которых около половины были открыты нашими разведками. Детальными полевыми исследованиями были охвачены долина реки Березовой на юге котловины и южная оконечность Боргустанского хребта на ее северной границе. В последнем случае была обнаружена серия укрепленных поселений нового, ранее неизвестного здесь типа. Настоящая статья посвящена публикации имеющихся в нашем распоряжении материалов по этим укреплениям и предварительным выводам об их культурной принадлежности и датировке.

Единственным известным к моменту начала наших работ памятником на

Боргустанском хребте, относящимся к эпохе раннего средневековья, было укрепление Спящая Красавица. Его схематичный план и краткое описание опубликованы А.П. Руничем, им же предложена интерпретация данного памятника в качестве сторожевого поста[2]. Начиная с 2000 г. нами было открыто одно городище на Боргустанском плато, а также 11 укреплений и 2 поселения на южной кромке Боргустанского хребта (рис. 1). На этих памятниках проведена инструментальная топографическая съемка, сбор подъемного материала, в некоторых случаях закладывались разведочные шурфы. Поскольку работы носили разведочный характер, имеется лишь предварительная информация, которая уже публиковалась в кратком виде[3]; какие-либо обоснованные выводы можно будет сделать в ходе будущих раскопок данных крепостей.

Ниже приводится описание памятников, нумерация которых соответствует номерам на карте, приведенной на рис. 1. Использованы материалы авторских отчетов за 2004-2007 гг.[4]

1. Укрепление Боргустанские Горы 1 было обнаружено на аэрофотоснимке, где оно представлено в виде возвышенного холма, расположенного на мысу (рис. 2, *2*). Оно было открыто и описано в 2004 г. Укрепление находится примерно в 500 м к З от пос. Боргустанские Горы и на таком же расстоянии к ЮВ от МТФ на северной окраине пос. Аксу, в верховьях р. Малая Бургунта, в 6,7 км к ЮЮВ от станицы Боргустанская. Памятник занимает мыс, вытянутый по линии ЮВ-СЗ размерами 197 х 160 м (рис. 2, *3*). В СЗ стороне мыса находится холмообразная возвышенность, верхушка которой, а также СВ и ЮЗ пола сильно потревожены карьерами по добыче камня (рис. 3, *1*). Сохранившаяся высота возвышенности с Ю стороны около 8 м, с С стороны — до 16 м, диаметр приблизительно 44 м. Склоны ее довольно круты и, по-видимому, эскарпированы. С Ю, В и С стороны от возвышенности виден слабо читаемый ров длиной приблизительно 50 м, достигающий в ширину в Ю части 8 м. Максимальная глубина рва 1 м.

Мыс с С, З и Ю стороны ограничен балкой, образованной истоками р. Малая Бургунта, склоны которой заросли мелким кустарником, орешником и небольшим лиственным лесом. С ЮВ стороны мыс сильно поврежден карьерами по выборке камня. Видимо, к этим карьерам от фермы и поселка шла проселочная дорога, которая огибает карьеры с З стороны и идет на ЮВ к истокам балки, переходя через ручей на противоположную сторону. На правом берегу этого ручья в осыпях крутого берега видны выходы культурного слоя мощностью до 1,0 м, в котором встречаются кости животных и крупные фрагменты керамики, в том числе фрагмент ручки сосуда цилиндрической формы (рис. 3, *2*), венчик с выступающей в виде валика закругленной верхней частью (рис. 3, *5*) и донце (рис. 3, *3*). Выходы слоя серого цвета с большим количеством мелкого камня наблюдаются на протяжении 6 м с ЮЗ на СВ.

К ЮВ от мыса идет край лесопосадки и всхолмления — следы старых карьеров по выработки камня. За ними на краю поля идет проселочная дорога из пос. Боргустанские Горы в пос. Аксу. Здесь, с напольной стороны, на краю лесопосадки было найдено несколько фрагментов керамики кобанской культуры. Подъемный материал встречается среди отвалов карьеров, где был найден вен-

Рис. 1. Карта укреплений и поселений эпохи раннего средневековья на Боргустанском хребте. 1 — Боргустанские Горы 1; 2 — Спящая Красавица; 3 — Боргустанское 1; 4 — Боргустанское 2; 5 — Боргустанское 3; 6 — Боргустанское 2 (поселение); 7 — Боргустанское 4; 8 — Боргустанское 5; 9 — Боргустанское 6; 10 — Боргустанское 7; 11 — Боргустанское 8; 12 — Боргустанское 9; 13 — Боргустанское 11; 14 — Боргустанское 10; 15 — Боргустанское 4 (поселение)

чик крупного кругового тарного сосуда (рис. 3, *6*), а также на самом холме-возвышенности, где было обнаружено несколько стенок. К ССВ от холмообразной возвышенности располагается склон балки, поросший мелким лесом (рис. 3, *1*), на котором встречается большое количество подъемного материала; среди него обнаружен фрагмент донца сосуда (рис. 3, *4*) и зуб лошади.

Обнаруженный на укреплении подъемный материал, а также топографические особенности памятника (наличие холма с эскарпированными склонами, расположенного в балках) позволяют отнести данный памятник к кругу земляных раннеаланских городищ догуннской эпохи и датировать его предварительно II-IV вв. н.э. Следует отметить, что это первое поселение подобного типа, найденное в окрестностях Кисловодска.

2. Укрепление Спящая Красавица расположено на отрогах Боргустанского хребта на одноименной возвышенности, по левому берегу р. Подкумок при въезде в Кисловодскую котловину. Памятник известен с 1970-х годов, краткая информация о нем опубликована А.П. Руничем[5]. В 1996 г. нами производился повторный осмотр памятника, тогда он вошел в каталог археологических объектов Кисловодской котловины под номерами 364-365[6]. В 2005 году производился повторный осмотр памятника, его подробное описание, инструментальная топосъемка, сбор подъемного материала, фотофиксация современного состояния, а также систематический отбор проб на верхней площадке укрепления для фосфатного анализа и измерения магнитной восприимчивости грунта.

Укрепление Спящая Красавица занимает две площадки на холмообразной возвышенности, расположенной на ЮВ отрогах Боргустанского хребта (рис. 2, *1*). Верхняя площадка имеет подтреугольную в плане форму, ориентированную сторонами по линиям З-В, СЗ-ЮВ и ЗЮЗ-ВСВ. Размеры сторон соответственно 17 х 15 х 16 м. В В части площадки находится небольшая холмообразная возвышенность, по-видимому, искусственного происхождения, диаметром 3,2 м и высотой 0,4 м. Она названа нами условно постройка 1. В 9,5 м к З от постройки 1 располагается вторая аналогичная небольшая возвышенность, условно названная постройкой 2 диаметром 7,0 м и высотой также 0,4 м. По центру ее вершины находится заросшая травой грабительская яма. В 2,3 м от нее к ЮЮВ находится слабо прослеживаемая в рельефе третья возвышенность округлой формы, условно названная постройкой 3. Она имеет диаметр 3,8 м и высоту 0,6 м и занимает ЮЮЗ угол верхней площадки укрепления. В этом месте видны следы от костра, образовавшиеся в результате нашего эксперимента по передаче дымового сигнала, организованного в октябре 2004 г.[7]

Как было отмечено А.П. Руничем, склоны со всех сторон верхней площадки имеют следы подработки в виде эскарпа (рис. 3, *7*). При этом, с С стороны верхней площадки процесс эскарпирования (?) привел к образованию искусственной террасы. В З части терраса имеет расширение до 15 м, которое примыкает к балке, отделяющей мыс от отрогов Боргустанского хребта. На этом расширении располагается четко выраженная в рельефе искусственная возвышенность постройки 4 (возможно, башенного типа), круглая в плане, диаметром 18 м и высотой до 1,6 м. По центру вершины возвышенности располагается грабительская яма округлой формы, в которой видны следы каменной кладки, устро-

Рис. 2. Крепости Боргустанского хребта: 1 — план укрепления Спящая Красавица (серым цветом обозначен участок систематического отбора почвенных образцов); 2 — аэрофотосъемка укрепления Боргустанские Горы 1; 3 — план укрепления Боргустанские Горы 1

енной из слегка подработанных блоков местной материковой скалы, представляющей собой белый меловой известняк. Средние размеры блоков 0,27 х 0,3 х 0,13 м. Кладка находится в ЮВ углу грабительской ямы, она ориентирована по линии С-Ю, состоит из 3-х рядов и прослеживается на высоту до 0,5 м и длину до 2,0 м (рис. 3, *8*).

С З стороны к верхней площадке укрепления примыкает склон, который постепенно понижается к долине р. Подкумок. Поверхность его неровная, с Ю стороны он имеет крутые обрывы в виде осыпей мелкого мелового камня с выступающими небольшими мысками — следами эрозийных процессов. На этих склонах встречается подъемный материал, который имеется и с З стороны верхней площадки. Среди фрагментов керамики попадаются стенки с лощением и налепными валиками, которые можно отнести к эпохе раннего средневековья. Кроме того, встречены фрагменты стенок столовой посуды, один венчик и два фрагмента донцев, на одном из которых выпуклое клеймо в виде креста в круге (рис. 4, *1*). Среди подъемного материала имеется небольшой оселок из темно-зеленого сланца.

С В стороны от возвышенности с верхней площадкой имеется небольшой мыс, по центру которого видна западина диаметром 3,0 м и глубиной до 0,7 м. Этот мыс плавно понижается в В направлении, постепенно переходя в обрывы.

Для определения жилого или нежилого характера верхней площадки укрепления, а также поиска мест разжигания огня было решено провести систематический отбор проб на фосфатный анализ и магнитную восприимчивость грунта (ареал отбора проб обозначен серым цветом на плане на рис. 2, *1*). Пробы отбирались по линиям через каждые два метра из предматерикового слоя почвы. Поскольку площадка имеет треугольную форму, количество образцов в каждой линии постепенно сокращалось от 11 до 1 (всего 63 пробы). Брались образцы также с присклоновых участков. Для достоверности анализа было отобрано четыре фоновые пробы, взятые за пределами памятника на небольшом склоне с СЗ стороны от верхней площадки.

Результаты анализа содержание фосфата почвенных проб пока находятся в обработке в ИФХиБПП РАН (г. Пущино). К моменту написания данной работы были получены результаты измерения магнитной восприимчивости грунта из проб, проведенные специалистом в области палеопочвоведения канд. биол. наук А.В. Борисовым. Картографирование этих результатов с помощью модуля Geostatistical Analyst программы ArcGIS 8.3 дало очень интересный результат (рис. 4, *2*). На фоне общей низкой восприимчивости в пределах 3-60 $n*10^{-5}$ единиц СИ выделяется образец № 57, где магнитная восприимчивость была почти в два раза выше (113 $n*10^{-5}$ единиц СИ). Интересно, что данный образец взят практически с Ю края верхней площадки, обращенной к Кисловодской котловине. Можно предположить, что высокая удельная магнитная восприимчивость данного образца обусловлена регулярно разжигавшимся на этом месте сигнальным костром, поскольку именно этот участок укрепления будет наилучшим образом обозреваться из котловины. Однако рядом с этим местом костер разжигался нами в 2004 г. в процессе экспериментирования с передачей дымового сигнала. Не исключено, что на высокую магнитную восприимчивость образца № 57 оказало влияние близость расположения к современному костровому месту,

Рис. 3. 1-6 — укрепление Боргустанские Горы 1: 1 — вид с С; 2-6 — подъемный материал; 7-8 — укрепление Спящая Красавица: 7 — вид с З на верхнюю площадку и постройку 4; 8 — вид с ЗСЗ на кладку внутри грабительской ямы на верху постройки 4

хотя грунт брался нами из предматерикового слоя с глубины 10-15 см. Данные наблюдения являются предварительными и требуют дальнейшего подтверждения. Однако интересно отметить, что о наличии следов сигнальных костров на Ю крае верхней площадки укрепления Спящая Красавица еще в 1974 г. сообщал А.П. Рунич, публиковавший первое описание этого памятника[8].

3. Укрепление Боргустанское 1 было открыто в процессе работ Кисловодского отряда ИА РАН в 2000 г. Тогда же были зафиксированы координаты укрепления и его состояние, произведено первичное описание памятника, которое вошло в каталог археологических объектов Кисловодской котловины под номером 640[9]. В 2005 году производился повторный осмотр памятника, его инструментальная топографическая съемка, описание и фотофиксация.

Укрепление расположено на южных отрогах Боргустанского хребта, к З от кисловодской телевышки, на ЮВ краю небольшого мыса размерами 70 х 30 м (рис. 4, *3*). Оно представляет собой холмообразную возвышенность диаметром 30 м, высотой 4 м (рис. 4, *4*). С ЮВ стороны возвышенность примыкает вплотную к обрыву в сторону долины реки Подкумок. С З, СЗ и СВ стороны возвышенность окружает ров, который более выражен в рельефе с З и менее — с СВ стороны. Общая длина рва прослеживается на расстоянии 44 м, максимальная ширина в средней части достигает 7 м, глубина там же — до 0,8 м.

С СЗ стороны от рва находится небольшое повышение рельефа, которое затем спускается в маленькую балку — перегиб на вершине мыса. Этой балкой-перегибом край мыса как бы отделен от основного мыса на отрогах Боргустанского хребта, вершина которого занята посадками ореха и сосны. Здесь по краю мыса проходит противопожарная траншея, осмотренная нами на предмет обнаружения подъемного материала, однако керамики в ней найдено не было.

С С стороны холмообразной возвышенности, образующей укрепление, имеется свежая грабительская яма, осмотренная впервые в 2000 г. Она представляет собой узкую траншею, которая обнажила материковые породы в виде выходов белой расслаивающейся известняковой меловой скалы. Среди этих выходов встречаются более крупные камни правильной формы со следами подработки, образующие каменные кладки. Зафиксировано три такие кладки из 5-6 рядов меловых блоков, длиной 0,8-1,0 м и высотой 0,6-0,95 м, находящиеся в З, СВ и ЮВ стенках грабительской ямы (рис. 4, *5*). Сверху кладки задернованы. На верхнем уровне одной из кладок найден фрагмент столовой керамики красного цвета. Еще несколько невыразительных фрагментов собраны на осыпях ЮЗ склона возвышенности.

В 2006 г. при повторном осмотре укрепления стало очевидно, что данная возвышенность образована развалинами постройки башенного типа, внутреннее пространство которой делилось на два помещения. Так, выходящие наружу каменные кладки стен представляют собой остатки двух расположенных перпендикулярно стенок. С внешней стороны от С стены постройки была расчищена погребенная почва темного цвета, хорошо гумусированная, с большим количеством карбонатов. Были отобраны образцы для палинологического и фитолитного анализов, а также для радиоуглеродного датирования по гуминовым кислотам.

Рис. 4. 1 — результаты измерения магнитной восприимчивости в почвенных пробах, отобранных на верхней площадке укрепления Спящая Красавица; 2 — донце сосуда с клеймом с укрепления Спящая Красавица; 3 — план укрепления Боргустанское 1; 4 — вид с СЗ на возвышенность укрепления Боргустанское 1; 5 — вид с СЗ на кладку 3 в грабительской яме на возвышенности укрепления Боргустанское 1.

С В стороны возвышенности, нетронутой грабительской ямой, на поверхности виден выход каменной кладки внешней стены существовавшей здесь башни. Ее размеры реконструируются в ширину на 5,50 м по линии СЗ-ЮВ, в длину — на 7,90 м по линии СВ-ЮЗ. Было найдено еще три стенки от сосудов. Судя по обнаруженному здесь подъемному материалу, укрепление может быть отнесено к аланской культуре эпохи раннего средневековья, и предварительно датироваться в пределах I тыс. н.э.

4. Укрепление Боргустанское 2 также обнаружено в 2000 г. Кисловодским отрядом ИА РАН. Тогда же было составлено его краткое описание, вошедшее в каталог археологических объектов Кисловодской котловины под номером 641[10].

В 2005 году был совершен повторный осмотр памятника, проведена его инструментальная топосъемка, описание, фотофиксация и сбор подъемного материала. Укрепление занимает мыс на южных отрогах Боргустанского хребта, расположенный в глубине балки, выходящей устьем в долину р. Подкумок с его левого берега, напротив балки Сова (на правом берегу реки) и дачных участков за пос. Мирный по дороге из Кисловодска в Учкекен (на левом берегу реки). Мыс размерами 100 х 48 м вытянут практически по линии С-Ю. С С стороны, примыкающей к Боргустанскому хребту, виден хорошо выраженный в рельефе ров общей длиной не менее 31,5 м, шириной в центральной части 14 м и глубиной там же 3,3 м. С С стороны рва идет постепенное повышение рельефа на верх Боргустанского хребта, который занят лесопосадками сосны и лиственных деревьев и отделен противопожарной траншеей. Непосредственно возле укрепления подъемного материала в траншее нет.

К Ю от рва находится площадка мыса, склоны которой были эскарпированы с З и В стороны, в результате чего появилась узкая вытянутая ровная площадка с крутыми склонами (рис. 5, *1*). Длина площадки 16 м, ширина ее 7,7 м. С С стороны площадки, примыкающей ко рву, наверху ее находится возвышенность 1 — скорее всего, остатки небольшого вала или башни. Возвышенность эта округлой формы, ее диаметр 16 м, высота — 3 м. В СЗ поле вала имеется грабительская яма вытянутой формы, заросшая мелким кустарником и травой.

В Ю части площадки укрепления имеется возвышенность 2 диаметром 8 м и высотой 1 м. Она также представляет собой, по-видимому, остатки сооружения, которое отгораживало площадку с Ю стороны. В З поле вала имеется неглубокая грабительская траншея, уже заросшая травой и кустарником. Далее к Ю идет постепенное понижение рельефа в сторону долины р. Подкумок.

Тщательный осмотр склонов и площадки укрепления не дал большого количества подъемного материала. Была обнаружена единственная стенка столового сосуда, которая позволяет отнести памятник к аланской культуре и датировать его в пределах I тыс. н.э.

В 2007 г. на площадке укрепления между двумя возвышенностями — валами или развалинами каменных башен — был осуществлен систематический отбор проб в рамках полигона размерами 13 х 6 м, который был ориентирован практически по линии С-Ю с отклонением к З в 4° (обозначен серым цветом на пла-

не на рис. 5, *1*). В зондаже на нулевой линии с З стороны полигона в 4 м к Ю от ЮЗ его угла на глубине 0,58 м обнаружен культурный слой серого золистого легкого суглинка, кости животных и керамика. На материковой поверхности прослеживается черный слой погребенной почвы. На этом месте был заложен шурф 1 размерами 2 х 2 м для выяснения стратиграфической ситуации.

В шурфе были сняты четыре пласта по 10 см, отобран керамический материал, кости животных, пробы грунта на поиск макроботанических остатков и почвенные анализы. Ближе ко дну шурфа обнаружены развалы крупных сосудов, находящиеся в слое серой рассыпчатой золистой супеси, представлявшем собой верхний слой заполнения ямы 1. Яма расчищена в материковой скале. Она располагалась по центру З борта шурфа, уходя в него, и имела длину 1,0 м и ширину 0, 73 м. Глубина ямы была 7-10 см, она заполнена серым золистым слоем рассыпчатой супеси. В верхнем слое заполнения находилось три плоских камня небольших размеров и два крупных фрагмента кувшина с лощеными полосками и налепным округлым валиком. Нижний слой заполнения ямы содержал другие фрагменты этого же сосуда. Реконструируется крупный фрагмент кувшина, покрытого черным лощением высокого качества, на стенке которого расположены перпендикулярно друг другу два округлых налепных валика, покрытых насечками. К стенке прикреплена ручка, верхняя часть которой одинарная, а нижняя раздваивается, возможно, имитируя голову барана. Поверхность ручки покрыта косыми вдавлениями наподобие жгута (рис. 5, *3*). Кроме того, в яме был найден каменный терочник из гранитной гальки зеленоватого цвета, который побывал в огне и сильно растрескался.

В 70 см к В от ямы 1 располагалась небольшая столбовая яма 2 круглой формы, диаметром 15 см и глубиной 7 см, заполненная серым суглинком. Находок в ней не обнаружено.

Интересна стратиграфическая ситуация в В борту шурфа (рис. 5, *2*). Здесь под слоями дерна и горного чернозема лежит слой серого суглинка с карбонатами, под которым расчищена материковая скала. В С части профиля обнажилась каменная стенка строения, которая проходит точно по линии борта и уходит в него в 80 см к Ю от СВ угла. Видна кладка из небольших подработанных блоков белого известняка, уложенная без видимых следов раствора в 4 ряда, высотой 30-40 см. Верхний ряд камней представляет собой наклонно расположенный развал. В нижнем ряду средний блок выступает внутрь шурфа на 28 см. Присутствие каменной стенки дает основание считать видимые на поверхности возвышенности остатками разрушенных каменных строений, которые в силу местной геологии сохранились лишь в виде навалов щебня.

Из ямы 1, расчищенной в шурфе, со дна отобран образец угля, который был датирован в лаборатории университета г. Лунда (Швеция) (№ LuS 7755). Полученная дата радиокарбонного возраста относится к 1590±50 BP. Калиброванная датировка образца определяется как 420-535 гг. н.э. (вероятность 68,2%) или 375-590 гг. н.э. (вероятность 93,6%). Таким образом, следы жизнедеятельности на площадке укрепления можно отнести к последней четверти IV — концу VI вв. н.э.

Рис. 5. Укрепление Боргустанское 2: 1 — план укрепления (серым цветом обозначен участок систематического отбора почвенных образцов); 2 — профили бортов шурфа 1 на площадке укрепления: а — дерн; б — горный чернозем; в — серый суглинок; г — материковая скала; д — камни; 3 — фрагмент кувшина из ямы 1 в шурфе 1

5. Укрепление Боргустанское 3. Как и вышеописанные, оно было обнаружено нами в 2000 г. в процессе работ Кисловодского отряда. Тогда же памятник был осмотрен и кратко описан. Впоследствии укрепление вошло в каталог археологических древностей Кисловодской котловины под номером 643[11].

В 2005 году был произведен повторный осмотр памятника, его инструментальная топографическая съемка, сбор подъемного материала и описание. Укрепление располагается на Ю отрогах Боргустанского хребта, в глубине той же балки, что и укрепление Боргустанское 2, на ее правой стороне (рис. 6, *1*). Оно находится в 300-320 м к ЮЮЗ (азимут 248,5є) от укрепления Боргустанское 2 и в 670-680 м к СВ (азимут 47є) от укрепления Боргустанское 4.

Укрепление занимает мыс, ориентированный по линии СЗ-ЮВ, имеющий размеры 135 х 70 м (рис. 6, *2*). Сам памятник имеет форму, абсолютно аналогичную описанной выше — с СЗ стороны мыс отделен от плато с помощью рва длиной 20 м и шириной в средней части до 9,2 м, глубиной там же до 1 м. За рвом находится возвышенность 1 — остатки вала или стены — вытянутая по линии СВ-ЮЗ. Длина ее 20 м, ширина до 12 м, высота достигает 2,2 м. На этой возвышенности имеется две крупные грабительские траншеи, разрезавшие ее поперек. В борту ЮЗ траншеи с ее ЮЗ стороны прослеживается стратиграфия насыпи, состоящая из мелкого мелового щебня вперемешку с грунтом — серой супесью. Изредка среди щебня встречаются более крупные обломки камней, в том числе не местного на вид песчаника или известняка серого цвета, что может говорить в пользу интерпретации данного объекта как развала каменной стены. Максимальная высота по центру возвышенности 1, прослеживающаяся в грабительской траншее, достигает 1,6 м.

В СЗ сторону из траншеи произведен выкид щебенчатого грунта в ров, в результате чего образовался перешеек шириной 7,5 м. С внешней, СЗ, стороны от укрепления по краю верхней части плато Боргустанского хребта идет противопожарная траншея, за которой расположены лесопосадки лиственных и хвойных деревьев. В этой траншее в 2000 г. был собран подъемный материал — фрагменты керамики — отнесенный нами к **поселению Боргустанское 2** (№ 642 по каталогу памятников Кисловодской котловины[12], № 6 на карте памятников на рис. 1). Подъемный материал прослеживается здесь на расстояние не менее 250 м вдоль края балки в Ю направлении. На краю лесопосадок рядом с противопожарной траншеей видны остатки построек в виде небольших всхолмлений.

К ЮВ от вала 1 находится выровненная площадка на вершине мыса, склоны которой с ЮЗ и СВ стороны эскарпированы. Размеры площадки 19 х 18 м. В ее ЮВ стороне находится возвышенность 2. Она имеет в плане округлую форму, диаметр ее 11,5 м, высота — 0,4 м. Эта возвышенность также потревожена большой грабительской ямой.

При осмотре склонов площадки укрепления было обнаружено несколько маловыразительных фрагментов керамики, которые позволяют отнести данное укрепление к аланской культуре и предварительно датировать его в пределах I тыс. н.э. К этому же широкому периоду можно отнести и материалы с поселения Боргустанское 2.

Рис. 6. 1 — вид с ВСВ на укрепления Боргустанское 2 (а) и Боргустанское 3 (б); 2 — план укрепления Боргустанское 3; 3 — план укрепления Боргустанское 4; 4 — вид с З на внутреннее пространство башни 1 укрепления Боргустанское 4 после расчистки; 5 — пряслице из башни 1.

7. Укрепление Боргустанское 4 было открыто нами в 2000 г. Краткое описание памятника опубликовано в каталоге археологических древностей Кисловодской котловины под номером 644[13].

В 2005 году был произведен повторный осмотр памятника, составлен его инструментальный топоплан, описание, фотофиксация, произведена шурфовка и расчистка внутреннего пространства башни 1, разрушенной грабителями. Собирался подъемный материал.

Укрепление занимает площадку размерами 150 х 55 м, расположенную на Ю отрогах Боргустанского хребта (рис. 6, *3*). Эта площадка отделена небольшой балкой от вершины основного хребта, занятой лесопосадками ели и лиственных деревьев. Площадка укрепления ориентирована длинной стороной по линии СЗ-ЮВ.

Примерно по центру площадки в ее ЮВ части имеется возвышенность подпрямоугольной формы размерами 18 х 20 м и высотой 4,5 м. В С части ее расположена большая грабительская яма, сооруженная при помощи землеройной техники. Яма обнажила каменные кладки, дающие представление о размерах внутреннего пространства этой разрушенной грабителями постройки башенного типа (условно названа башней 1). Она имела подпрямоугольную форму и была ориентирована длинной стороной по линии З-В. В ЮЗ, нетронутой грабителями, части возвышенность имеет плоский, похожий на спланированный, облик. Не исключено, что эта часть скрывает под собой второе помещение постройки. До расчистки прослеживалось внутреннее пространство помещения, имевшего три выходящие на поверхность стены. Видимые внутренние размеры этого помещения до раскопок реконструируются по длине (З-В) на 3,1 м, по ширине (С-Ю) на 3,0 м. Помещение имеет подквадратную форму, видимая максимальная высота каменной кладки стен доходит до 1,0 м. Внутреннее пространство помещения башни 1 было расчищено до уровня материка (рис. 6, *4*; 7, *1-2*), а затем после фиксации его на фотографиях и чертежах, оно было законсервировано.

На первом этапе осуществлялся разбор каменного завала внутреннего пространства, который был сильно перемешан техникой при устройстве грабительской ямы. Очевидно, что этот завал имел разную мощность во внутреннем пространстве башни — она меньше по центру и больше по периметру ближе к стенам помещения. Завал состоял из мелкого мелового щебня вперемешку с более крупными меловыми блоками, попавшими сюда при разрушении башни. При разборке завала было обнаружено большое количество фрагментов керамики и костей животных. При этом встречались также каменные находки — 11 метательных камней для пращи (?) в виде речной гальки небольших размеров и точильные или шлифовальные камни-оселки. Кроме того, встречены два фрагмента глиняной обмазки и керамический кругляш из стенки сосуда.

Всего под грабительским завалом было обнаружено 83 фрагмента керамики, из которых 11 могут быть предварительно отнесены к кобанской культуре предскифского этапа (IX-VI вв. до н.э.). Остальной массив керамики уверенно относится к эпохе раннего средневековья и представляет собой фрагменты кухонной и столовой посуды. Несколько стенок имеют орнамент в виде вертикальных лощеных полосок (рис. 7, *5*); обнаружен резко отогнутый наружу венчик

горшка (рис. 7, *4*). Имеется один крупный фрагмент сероглиняной миски с острым ребром (рис. 7, *6*), который найден в ЮВ углу помещения на границе слоев каменного завала и серого суглинка с меловым щебнем (культурный слой). Рядом с ним на этом же уровне было найдено каменное пряслице (рис. 6, *5*). Возле Ю стены помещения примерно по ее центру находилось скопление угля.

З сектор помещения очевидно имел меньшую мощность культурного слоя, чем В сектор, что проявилось сразу после снятия каменного грабительского завала внутри башни. Видимая мощность слоя здесь составляет всего 5-7 см. Культурный слой представлял собой серый слой суглинка с мелким меловым щебнем, он влажный и комковатый. При его выборке выявились контуры ямы неправильной формы, располагавшейся примерно по центру внутреннего пространства помещения. Материал из ямы выбирался отдельно, однако, скоро было установлено, что яма имеет недавнее происхождение и представляет собой след грабительской деятельности, осуществленной здесь с помощью экскаватора. В яме обнаружен единственный фрагмент стенки столового сосуда эпохи раннего средневековья.

В ЮЗ углу находится каменный завал, под которым видна прослойка глины мощностью в 2-3 см (рис. 7, *1*). Возле З стены внутреннего помещения у развала в ЮЗ углу расчищено несколько пятен деревянного тлена круглой формы. Скорее всего, это следы мелких столбовых ямок. Две из них диаметрами 4,5 и 4,0 см прослежены на расстоянии 30 см друг от друга.

При разборе каменного завала в ЮЗ углу под ним обнаружена истлевшая деревянная плашка. Она взята практически целиком в качестве образца на радиоуглеродный анализ. Под слоем камней находилось пятно темно-коричневого древесного тлена мощностью до 4 см, лежащее на слое коричневой глины, также мощностью до 4 см. Из пятна тлена также был взят образец на радиоуглеродное датирование.

Выборка культурного слоя в В секторе помещения производилась после выборки З сектора до материка, для более четкой фиксации материала и слежением за перепадами культурного слоя. Культурный слой в этом секторе представлял собой темно-коричневый гумусированный суглинок с мелким щебнем. Из слоя отобраны образцы для почвоведческого анализа и изучения макроботанических остатков. В СВ углу В сектора находились более крупные камни. Кроме того, была зафиксирована так называемая «яма 1», при расчистке которой выяснилось, что она представляет собой естественную западину в материковой поверхности. В Ю части В сектора при выборке культурного слоя найдено более 160 фрагментов керамики. Среди последней большинство (116 фрагментов) может быть отнесено к кобанской культуре предскифского этапа (IX-VI вв. до н.э.). Часть из этих фрагментов атрибутируется подобным образом условно, так как подавляющее большинство этой керамики представлено неорнаментированными стенками сосудов. Лишь 4 стенки и 6 венчиков имеют орнамент, позволяющий уверенно отнести их к кобанской культуре. Кроме того, имеется еще 4 венчика и 8 донцев, не имеющих орнамента, также отнесенных к кобанской керамике. 50 фрагментов могут быть отнесены к керамике эпохи раннего средневековья. Из них примерно половина относится к кухонной посуде (22 стенки и 3 донца), а другая половина — к столовой (24 стенки и одно донце).

На двух стенках сосудов имеется орнамент в виде вертикальных лощеных полосок, аналогичный рис. 7, *5*. Кроме того, при выборке пласта обнаружено 46 костей и зубов животных, метательный камень из небольшой речной гальки и 4 фрагмента глиняной обмазки.

После расчистки внутреннего пространства помещения башни 1 были произведены чертежные работы и описание стен постройки. При расчистке В стены помещения в ее Ю части виден край стены, который упирается в каменно-земляной завал (рис. 6, *4*). Этот завал, по-видимому, маркирует собой слой разрушения помещения башни, он прослеживается в этой части на длину 3,1 м, вплоть до перпендикулярно расположенной стенки из 4 плоских обработанных камней. Такой же завал наблюдается и с З стороны помещения, возможно, он принадлежит заполнению второго помещения башни, которое примыкало с З стороны, и не подвергалось грабительскому разрушению. При этом вполне возможно, что нами прослежено основание разобранной в древности З стены помещения, которое покоилось на деревянных конструкциях. Наличие этих конструкций прослежено при разборке каменного завала в ЮЗ углу помещения (рис. 7, *1*).

Наибольшая сохранность очевидна у стен на С и В расчищенного помещения (рис. 7, *2-3*). Расчищенный угол постройки в этом месте сохранился наилучшим образом. Восточная стена имеет 9 рядов кладки из подработанных известняковых блоков (рис. 6, *4*). Нижние ряды состоят из крупных блоков с видимыми размерами до 0,66 х 0,37 м. Выше находятся ряды блоков меньшего размера. Общая сохранившаяся длина кладки В стены 3,12 м, высота ее в Ю части 1,0-1,35 м, в С части — 1,30 м. Угол с С стеной не имеет «перевязки», кладки просто примыкают друг к другу.

В Ю части кладка В стены обрывается, в этом месте расчищен каменный завал вперемешку с грунтом — серо-коричневым суглинком. Возле завала, в Ю части В стены, под нижними блоками имеется выход гумусированной погребенной почвы черного цвета — древней дневной поверхности, на которой сооружалась каменная постройка без всякого фундамента. Был взят ее образец для анализов.

Ю стенка расчищенного пространства представляет собой сплошной каменный завал. В В части его имеется несколько крупных каменных блоков, лежащих на слое погребенной почвы, описанном выше, из которого был взят образец.

С стена в длину достигает 3,0 м (рис. 7, *3*). В ее В части сохранилось также до 9 рядов каменной кладки, в З — всего 1-2 ряда, поэтому сохранившаяся высота ее в В части — 1,3 м, а в З части — 0,4 м. С З стороны стена также обрывается и граничит с каменным завалом из мелкого щебня, суглинка серого цвета и более крупных кусков мелового известняка. Внизу кладки располагаются более крупные каменные блоки, достигающие размеров 0,53 х 0,21 м, выше которых лежат блоки меньшего размера. Нижний ряд блоков стены положен на грунт, представляющий собой мелкий щебень вперемешку с серым суглинком.

В СЗ углу расчищен развал стены помещения. Камни здесь имеют средние размеры, среди них встречается мелкий уголь. Нижние камни развала лежат на прослойке желтого глиняного раствора. Рядом с ним находится слой древесного тлена, похожий на уголь, который был взят в качестве образца на радиоугле-

родный анализ. Этот слой тлена находится прямо под каменным завалом постройки, над слоем желтой глины, и идет пятнами. Скорее всего, он представляет собой остатки истлевших деревянных плах.

З стена постройки также представляет собой сплошной каменный завал, за исключением Ю угла, в котором расположено несколько крупных блоков (возможно, это часть стены следующего помещения, не разрушенного грабителями). Как уже упоминалось выше, нижний ряд каменных блоков здесь опирается на слой древесного тлена, который в свою очередь лежит на слое желтой глины мощностью 3-4 см (рис. 7, *1*). Из этой прослойки взят образец древесины, на радиоуглеродный анализ. Образец был датирован в лаборатории радиокарбонного датирования университета Лунда (Швеция) (№ LuS 7191). Полученная дата радиокарбонного возраста относится к 1890±50 BP. Калиброванная датировка образца определяется как 60-175 гг. н.э. (вероятность 60,8%) или 5-240 гг. н.э. (вероятность 95,4%). Таким образом, время строительства башни 1 может быть отнесено к I — первой половине III вв. н.э.

Таким образом, в результате расчистки было установлено, что помещение башни 1 возводилось при помощи каменной кладки, устроенной без «перевязки» и поставленной без фундамента прямо на древнюю дневную поверхность. По-видимому, в качестве основания стены в З части помещения использовались деревянные плахи, положенные на специально подготовленный слой желтой глины. В этой части и с Ю стороны стены помещения были разобраны в древности, в настоящий момент в этих местах зафиксирован каменный развал кладки вперемешку со щебнем и серо-коричневым суглинком. При этом в З части помещения культурный слой был минимален и не превышал по мощности 10 см. Обнаруженные в каменном развале, оставшемся от грабителей, а также под каменным завалом в ЮЗ углу помещения керамический материал имеет аналогии среди керамики Кисловодской котловины эпохи раннего средневековья и может датироваться V-VIII вв. н.э. Вместе с тем, встречаются фрагменты керамики более раннего времени, в частности сероглиняная миска с острым перегибом тулова в виде ребра (рис. 7, *6*), которая может быть датирована II-IV вв. н.э.[14] Не исключено, что к этому времени относятся и некоторые другие фрагменты керамики.

В В части помещения культурный слой, относящийся к периоду существования башни 1, был также невелик и достигал 15 см. Под ним находится древняя погребенная почва в виде темно-коричневого гумусированного суглинка, под которой был обнаружен культурный слой существовавшего на этом месте поселения. Оно получило наименование **поселение Боргустанское 3** (полевой номер по отчетам Кисловодского отряда 608). Выявленные в этой части помещения фрагменты керамики позволяют уверенно отнести это поселение к кобанской культуре и датировать его в пределах IX-VI вв. до н.э. Поселение, по всей видимости, существовало на В стороне мыса, позднее занятого укреплением Боргустанское 4. Здесь был обнаружен подъемный материал, относящийся, впрочем, к аланской эпохе. Среди найденных здесь стенок 4 относятся к столовой посуде, а одна имеет орнамент из налепного полукруглого валика.

Не исключено, что часть материала кобанской эпохи могло попасть внутрь помещения в процессе его сооружения и функционирования, особенно, если

учесть возможность добычи камня для строительства прямо на этом же мысу. В качестве аргумента в пользу этого предположения могут рассматриваться западины, находящиеся в В части памятника. В ЮВ части площадка укрепления имеется небольшое возвышение, за которым идет плавное понижение рельефа в ЮВ направлении. На краю этой мысообразной площадки видно несколько западин, скорее всего, искусственного происхождения (рис. 6, *3*). Они заросли осоковыми травами и выделяются как по перепаду в рельефе, так и по растительному покрову. Размеры западин колеблются от 2,9 до 7,0 м в диаметре и от 0,6 до 0,85 м глубины.

В 10 м к ССЗ от возвышенности с башней 1 расположена небольшая холмообразная возвышенность явно рукотворного происхождения, условно названная башней 2. Этот округлой формы холм имеет 11 м в диаметре и достигает 1,0 м высоты. На вершине его по центру устроена грабительская яма, в которой виден характер устройства этого сооружения, представлявшего, скорее всего, небольшую каменную постройку.

К СЗ от башни 2 идет небольшое повышение рельефа в виде ровной площадки, на которой был заложен шурф 1 размерами 2 х 2 м. В нем был обнаружен слой серо-коричневой сухой супеси мощностью 16-20 см, лежащий под дерном на небольшом слое (4-5 см) мелового щебня с включениями серо-коричневой супеси, который в свою очередь залегал непосредственно на материковой скале. В шурфе при раскопках найдено 2 метательных камня в виде речной гальки небольшого размера и 15 фрагментов керамики, среди которых два неорнаментированных фрагмента стенок отнесены к кобанской культуре, а остальные определяются как фрагменты сосудов эпохи раннего средневековья. Интересно отметить полное отсутствие костей животных в шурфе 1.

В СЗ части этой площадки располагается еще одна холмообразная возвышенность, условно названная нами башней 3. Диаметр возвышенности 10 м, ее высота 0,7 м. На вершине возвышенности также находится грабительская яма, в которой видно, что данная постройка имела аналогичный описанной выше характер (видны небольшие каменные кладки с прослойками серой супеси и большим количеством мелового щебня). К Ю от возвышенности, занятой башней 1, идет резкое понижение рельефа, переходящее в скальные обрывы.

8. Укрепление Боргустанское 5 было открыто в процессе работ Кисловодского отряда в 2000 г., когда производился первичный осмотр памятника и следующее его краткое описание. Затем памятник вошел в каталог археологических объектов Кисловодской котловины под номером 677[15]. В 2005 г. производился вторичный осмотр укрепления, была сделана инструментальная топосъемка и повторное описание памятника.

Укрепление находится на Ю отрогах Боргустанского хребта (рис. 7, *7*), оно занимает мыс в глубине балки, выходящей устьем на мост через р. Подкумок, находящийся на СЗ окраине пос. Конзавод. Вершины обеих сторон балки заняты искусственными посадками сосны. С С стороны от мыса идет плавное повышение рельефа в сторону плато на вершине Боргустанского хребта, которое также занято лесопосадками, отгороженными от края балки противопожарной траншеей.

Рис. 7. 1-6 — укрепление Боргустанское 4, башня 1. 1 — план нижнего уровня расчистки внутреннего пространства помещения: а — пятно желтой глины; б — скопление углей; в — столбовые ямы; г — камни; д — каменный завал из мелкого известняка; е — серый суглинок с мелким камнем; ж — светло-коричневая глина; 2 — разрез по линии А-А': а — дерн; б — черная супесь с мелким щебнем; в — камни; г — каменный завал с серой супесью; д — темно-коричневый гумусированный суглинок; е — материк; 3 — профили С и В внутренних фасов стен: а — дерн; б — серый суглинок с мелким камнем (культурный слой); в — погребенная почва; г — камни; д — слой завала из мелового щебня; е — темно-коричневый гумусированный суглинок; ж — материковая скала; 4-6 — керамика из заполнения внутреннего помещения; 7 — план укрепления Боргустанское 5; 8 — план укрепления Боргустанское 6; 9 — план укрепления Боргустанское 8

Край мыса отделен от плато рвом общей длиной 22,4 м, шириной в центральной части до 9,0 м и глубиной там же — до 0,9 м. К Ю от рва расположена большая холмообразная возвышенность округлой формы диаметром 15 м и высотой до 1,8 м. Вся поверхность возвышенности практически полностью уничтожена огромной бесформенной грабительской ямой, сделанной при помощи землеройной техники. В грабительской яме видна структура насыпи, представляющей собой, как и в вышеописанных случаях, меловой щебень вперемешку с серой супесью.

На С поле возвышенности видны еще три небольшие ямки квадратной формы размерами примерно 1 х 1 м. Возможно, они представляют собой проверочные шурфы, сделанные грабителями перед срытием возвышенности с помощью экскаватора. К Ю от возвышенности начинается плавное понижение рельефа в сторону долины р. Подкумок. При осмотре склонов с В стороны найден один фрагмент керамики эпохи раннего средневековья, датирующийся в широких пределах I тыс. н.э.

9. Укрепление Боргустанское 6 обнаружено нами в 2000 г. Памятник вошел в каталог археологических объектов Кисловодской котловины под номером 678[16]. В 2005 г. производился повторный осмотр и описание укрепления, был составлен его инструментальный топографический план.

Памятник располагается на Ю отрогах Боргустанского хребта на небольшом мысу, в глубине балки, выходящей своим устьем на местность к З от пос. Конзавод. С левой стороны балки проходит проселочная дорога, поднимающаяся из долины р. Подкумок с его левого берега на вершину Боргустанского хребта. С С стороны по краю хребта идет линия электропередач и проселочная дорога в сторону ст. Боргустанской.

Укрепление представляет собой площадку, занимающую край небольшого мыса размерами 60 х 45 м, ориентированного по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 7, *8*). С ССЗ стороны мыс отгорожен рвом общей длиной не менее 30 м, максимальной шириной в центральной части 6,7 м и глубиной там же до 2 м. За рвом к Ю располагается вал-возвышенность длиной 18 м, шириной 13 м и высотой до 3 м. Он ориентирован практически по линии З-В.

В З части возвышенности на ее вершине видна грабительская яма, в стенках которой прослеживается стратиграфия насыпи, состоящей из мелового щебня вперемешку с серой супесью, среди которого встречаются более крупные меловые блоки, похожие на каменную кладку. Более точная атрибуция данного сооружения в качестве каменной стены возможна лишь после проведения раскопок.

С внешней стороны возвышенности, в ее В части находится еще одна грабительская яма небольших размеров, заполненная меловым щебнем. За внутренней Ю стороной возвышенности находится небольшая ровная площадка размерами 15,6 х 12,6 м, за которой начинается плавное понижение рельефа в сторону долины р. Подкумок.

На склоне площадки укрепления с З стороны встречается редкий и не очень выразительный подъемный материал. Правда, практически все обнаруженные фрагменты стенок принадлежат, скорее всего, столовой посуде, позволяющей

предварительно датировать этот памятник в пределах I тыс. н.э. и отнести его к аланской культуре.

10. Укрепление Боргустанское 7 было обнаружено нами в процессе геокодирования аэрофотосъемки на вершине Боргустанского хребта в 2004 г. Оно располагается на Ю оконечности мыса, расположенного на вершине хребта и направленного на Ю в сторону Кисловодска. Мыс ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Длина его 62 м, ширина — 43 м. В СЗ части мыса расположен хорошо прослеживаемый ров длиной до 45 м, шириной до 15 м и глубиной до 3 м (рис. 8, *1*). Примерно по центру мыса находится возвышенность вытянутой формы, верхняя часть которой потревожена грабительской ямой или ямой по выборке камня (рис. 8, *3*). Возвышенность вероятнее всего искусственного происхождения. Диаметр ее составляет 15 м, высота с ЮВ стороны достигает 7 м, с СЗ — 4 м. Среди каменных отвалов грабительской ямы на возвышенности встречается подъемный материал — фрагменты керамических сосудов.

К ЮВ от нее находится еще одна небольшая возвышенность диаметром около 5 м и высотой до 0,5 м. На СВ склоне в норах грызунов была обнаружена керамика и кости животных. Видны выходы светло-серого рыхлого рассыпчатого слоя мощностью до 30 см. Найденная на памятнике керамика позволяет отнести его к укрепленным сторожевым постам эпохи раннего средневековья и предварительно датировать I тыс. н.э.

11. Укрепление Боргустанское 8. Памятник был обнаружен в процессе геокодирования аэрофотосъемки на вершине Боргустанского хребта в 2004 г. Данное укрепление занимает мыс на южных отрогах Боргустанского хребта на его вершине, направленный в сторону Кисловодска, в 1990 м к З от укрепления Боргустанское 7. Мыс ориентирован по линии СЗ-ЮВ, имеет в длину 21 м и в ширину 13 м (рис. 7, *9*). Примерно по центру мыса находится возвышенный холм диаметром около 16 м и высотой около 3 м, по центру которого видна огромная яма, недавно сделанная грабителями или рабочими, выбиравшими камень (рис. 8, *2*). На дне ямы мы обнаружили инструменты (ломы, кирки, ведра, лопаты, веревку), что говорит в пользу грабительских действий по разрушению данного памятника, очевидно принятого за курганную насыпь.

Возвышенность искусственного происхождения с напольной стороны с С была отделена рвом длиной 18 м, шириной 13,5 м и глубиной до 1 м. С С стороны от возвышенности на склоне и на самой возвышенности обнаружен подъемный материал — двадцать фрагментов керамики аланской культуры эпохи раннего средневековья, которые можно предварительно датировать I тыс. н.э.

12. Укрепление Боргустанское 9. Аналогичное вышеописанным укрепленное сооружение было обнаружено к З от кисловодской телевышки на вершине Боргустанского хребта. Оно занимает небольшой мыс размерами 27 х 24 м, ориентированный по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 8, *5*). На мысу находится возвышенный холм диаметром около 20 м и высотой около 5 м (рис. 8, *4*). Он отделен от напольной стороны с В небольшим рвом размерами 42 х 3-12 м и глубиной до 2 м. По центру возвышенности видна небольшая яма, вероятно, грабительского

Рис. 8. 1 — план укрепления Боргустанское 7; 2 — вид с ЗЮЗ на грабительский шурф на возвышенности укрепления Боргустанское 8; 3 — вид с СЗ на возвышенность 2 укрепления Боргустанское 7; 4 — вид с ЮЗ на укрепление Боргустанское 9; 5 — план укрепления Боргустанское 9; 6 — план укрепления Боргустанское 11.

происхождения, в которой виден меловой щебень — возможно, остатки сооружения из камня.

Подъемного материала на памятнике не обнаружено. Видимые следы каменных архитектурных сооружений отсутствуют. По аналогии с другими подобными памятниками, данное укрепление предварительно датировано I тыс. н.э. и отнесено к сигнально-сторожевым.

13. Укрепление Боргустанское 11. Памятник был обнаружен в 2004 г. при осмотре отрогов Боргустанского хребта в его С части. Укрепление расположено на мысу Ю отрогов хребта, занимает промежуточное положение между укреплениями Боргустанское 4 и Боргустанское 5, описанными выше. Как и некоторые другие аналогичные сторожевые укрепления, оно находится в глубине балки, образованной двумя мысами, вершины которых заняты современными лесопосадками сосны и лиственных деревьев. Устье балки выходит напротив поворота трассы Кисловодск — Учкекен на пос. Конзавод.

Укрепление занимает Ю край мыса размерами 70 х 25 м, постепенно понижающегося в Ю направлении, в сторону долины р. Подкумок (рис. 8, *б*). Мыс ориентирован длинной стороной по линии С-Ю. С Ю стороны на краю мыса находится холмообразная возвышенность округлой формы диаметром 10,5 м и высотой до 1 м. На вершине возвышенности видна грабительская яма прямоугольной формы, вырытая вручную. В яме видна структура возвышенности: на материковой меловой расслоившейся скале лежит слой серой супеси с большим количеством мелового щебня мощностью по центру до 0,7 м.

С С стороны насыпь отделена от мыса небольшим слабо читающимся в рельефе рвом подковообразной формы. Общая длина рва достигает 6,5 м, ширина по центру до 3,5 м и глубина до 0,5 м. К С от рва начинается повышение рельефа, идущее наверх на плоскую вершину Боргустанского хребта, по краю которого идет противопожарная траншея, отграничивающая искусственные лесопосадки сосны и лиственных пород. При осмотре противопожарной траншеи подъемный материал обнаружен не был. Не был он обнаружен и на склонах возвышенности или в грабительской яме. Однако, по аналогии с другими однотипными укреплениями, данный памятник может быть предварительно отнесен к аланской культуре эпохи раннего средневековья и датирован в пределах I тыс. н.э.

Для проверки гипотезы о нежилом характере данного укрепления и других аналогичных ему, был произведен систематический отбор проб на фосфатный анализ и измерение магнитной восприимчивости грунта. Пробы отбирались с вершины возвышенности из предматерикового слоя радиальным способом, через каждые 2 м. Результаты фосфатного анализа пока не получены; картографирование результатов измерения магнитной восприимчивости не привело к интерпретируемым выводам.

14. Укрепление Боргустанское 10. Укрепление Боргустанское 10 и поселение Боргустанское 4 были обнаружены в ходе объезда вершин Боргустанского хребта в 2004 году. Тогда на памятниках был собран небольшой подъемный материал, были первично осмотрены видимые на поверхности сооружения и зафиксированы координаты с помощью GPS.

В 2006 г. нами была осуществлена более детальная разведка на этих объектах: составлен инструментальный топографический план, проведены шурфовка, фотофиксация, описание и обмеры видимых на поверхности сооружений. Кроме того, на поселении Боргустанское 4 осуществлялась геофизическая магнитная съемка.

Укрепление Боргустанское 10 занимает мыс, расположенный в глубине балок на вершине Боргустанского хребта возле его Ю края. К укреплению с СВ стороны подходит проселочная дорога, идущая по хребту. Мыс образован двумя балками, находящимися с С и Ю стороны (рис. 9, *1*). Балка с С стороны сухая, на ее С берегу видны следы древней дороги, спускающейся в балку и ведущей, таким образом, с вершины Боргустанского хребта к укреплению и поселению. В балке на Ю стороне течет небольшой ручей, образованный находящимся в истоках балки родником. Край мыса имеет резкое понижение на В в сторону р. Подкумок, с С, В и Ю сторон он покрыт небольшим естественным лиственным лесом (дуб, орешник).

Укрепление таким образом занимает В склон мыса, имеющий понижение в сторону Подкумка (рис. 9, *2*). Оно расположено на двух площадках. Верхняя площадка размерами 90 х 50 м ориентирована по линии З-В и отделена от напольной стороны с З мощным рвом 1 длиной 53 м и глубиной до 5 м (рис. 10, *1*). Верхняя часть рва имеет более пологие склоны, ширина его по верху в средней части достигает 29 м. Ниже стенки рва крутые, приближаются к 45°. Ширина в средней части сужается до 19 м. При осмотре поверхности рва в его С части была найдена ручка кувшина, датируемая II-IV вв. н.э. (рис. 10, *2*), и фрагмент стенки сосуда. К З от рва был обнаружен крупный фрагмент стенки сосуда.

За рвом в В направлении следует повышение — холм в виде неправильного прямоугольника, на вершине которого просматриваются остатки вала. По всей вероятности вал был сооружен из грунта, вынутого в процессе сооружения рва. Вал ориентирован практически по линии С-Ю и, таким образом, перегораживает площадку укрепления. С сторона его высотой до 3 м немного ниже Ю, которая имеет в высоту 5 м. Длина вала 18,5 м, ширина 9 м.

Площадка с С и Ю стороны имеет эскарпированные склоны, угол которых приближен к 45°. Поверхность площадки повреждена современными карьерами, имеющими очевидно грабительское происхождение. В З части площадка имеет наклон в С направлении. К В от первого карьера площадка имеет выраженную в рельефе ступеньку высотой в 1,5-1,8 м. Далее она постепенно понижается в сторону долины р. Подкумок. Происхождение ступеньки непонятно — она очевидно представляет собой искусственное сооружение и может являться следствием выборки каменной породы с площадки укрепления при строительстве сооружений. Поверхность по всей площади площадки, в том числе на ступеньке задернована. Ниже ступеньки в Ю части площадки находится второй грабительский карьер, также устроенный, скорее всего, с помощью землеройной техники. На краю площадки с В стороны находится возвышенность № 1 диаметром 7,5 м и высотой 0,5 м. На ее вершине видна вырытая вручную грабительская яма.

Рядом с возвышенностью 1, к З от нее, на ровной площадке заложен шурф 1 размерами 2 х 2 м, ориентированный по сторонам света. При его раскопках не

Рис. 9. Укрепление Боргустанское 10 и поселение Боргустанское 4: 1 — вид с СВ на укрепление (а) и поселение (б); 2 — топографический план

было выявлено культурного слоя: под дерном залегал слой горного чернозема мощностью 12-15 см, который лежат непосредственно на материковой скале. Было найдено около 50 фрагментов керамики и 6 костей животных. Интересно отметить, что один из фрагментов относится к сосуду, изготовленному с помощью гончарного круга, и может быть датирован VIII-X вв. н.э.

С С стороны верхней площадки и к В от нее растет небольшой, но густой лес из лиственных пород деревьев вперемешку с кустарником. За возвышенностью № 1 площадка понижается, с В стороны ее край достаточно обрывист и, возможно, эскарпирован. Сооружения, описываемые ниже, находятся, таким образом, на нижней площадке, занятой лесом.

На нижней площадке, в 35 м к В от возвышенности № 1 примерно по центру площадки, имеющей здесь ширину до 22 м, располагается возвышенность 2. Она имеет вытянутую форму по линии ВЮВ-ЗСЗ. Длина возвышенности 7,0 м, ширина также достигает 7,0 м, высота — 1,2 м. Площадка в этом месте имеет ровную поверхность, при этом наблюдается слабое понижение рельефа в С направлении и более крутое — в Ю.

К В от возвышенности 2 находится ров 2, отделяющий В край нижней площадки. Его прослеживаемая по рельефу длина достигает 28,5 м, максимальная ширина в средней части составляет 8,5 м, глубина — 1,0 м. Вся поверхность площадки покрыта небольшим лесом и кустарником. Возможно, именно поэтому поверхность возвышенности 2 и рва 2 не задернованы — на поверхности видны щебень и мелкие камни. Остатков кладок не прослеживается. Однако не исключено, что возвышенность 2 представляет собой развалины каменной постройки типа башни.

Другая подобная постройка находится к В от рва в 6 м от возвышенности 2 на краю площадки. На поверхности этой возвышенности 3 также виден мелкий камень. Форма ее, как и у возвышенности 1, округлая, напоминающая курган. На едва задернованной поверхности видна вырытая вручную грабительская яма. Диаметр возвышенности 7,8 м, высота 0,6 м. Она расположена на самом краю мыса, за которым идет резкое понижение в поросшую дубовым лесом и кустарником балку в сторону р. Подкумок. Ю склон не залесенный, имеет весьма крутое понижение в боковую балку, по дну которой протекает небольшой ручей.

При осмотре нижней площадки в 2004 г. был зафиксирован подъемный материал — фрагменты керамики аланской культуры, которые широко датируются в пределах I тыс. н.э.

Таким образом, осмотр укрепления Боргустанское 10 показал его комбинированный характер. С одной стороны, укрепление имеет верхнюю площадку с эскарпированными склонами, отделенную от напольной стороны рвом и валом, и, таким образом, аналогично описанным выше укреплениям Боргустанское 2 и 3. С другой стороны, на верхней и нижней площадках укрепления расположены три курганообразные возвышенности, аналогично укреплениям Боргустанское 1, 5-9, 11. Несомненные аналогии укреплениям с эскарпированными склонами (Боргустанское 2 и 3) придает также наличие в непосредственной близости от укрепления Боргустанское 10 обширного поселения с остатками построек на поверхности.

Датировку памятника можно предварительно провести в пределах I тыс. н.э. Возможно отнести возникновение памятника ко II-IV вв. н.э., судя по обнаруженному фрагменту ручки сосуда из рва 1. Не исключено, что оборонительные сооружения укрепления использовались в VIII-X вв. н.э. Более детальную информацию о датировке можно будет получить лишь в ходе раскопочных работ на памятнике.

15. Поселение Боргустанское 4 расположено на напольной стороне описанного выше мыса к З от отделенного рвом укрепления Боргустанское 10 (рис. 9, *1*). Мыс имеет относительно ровную поверхность, слегка понижающуюся к крутым склонам балок, которые ограничивают мыс с С и Ю стороны. Общие размеры мыса 300 х 100 м. На Ю стороне мыса на расстоянии не менее 185 м от его В края (возле описываемого выше рва 1) по направлению на З идет непрерывная череда остатков сооружений, прослеживаемых на поверхности в виде развалин стен построек (?) и западин (рис. 9, *2*). Нами зафиксировано не менее 16 подобных западин и 17 построек, однако они продолжаются в В направлении практически до истоков балки ручья с Ю стороны мыса. При этом наблюдается явная тенденция устройства построек, сохранившихся в виде задернованных развалин фундаментов или стен (?), на ровной поверхности мыса возле его края, а заглубленных построек (?), представленных западинами — на склоне мыса, иногда весьма круто понижающемся в балку, по дну которой протекает ручей. Западины ориентированы по склону, поэтому в начале они в основном имеют ориентировку по линии З-В, а затем по линии СВ-ЮЗ.

В ходе работ по описанию этих сооружений появилась версия об их позднем происхождении. Действительно, наличие большого количества крупных западин в сочетании с незамкнутыми сооружениями, у которых как правило отсутствует Ю или В стены, в сочетании с обнаруженными на склонах соседних балок расположенными в шахматном порядке окопами, наталкивает на мысль о том, что мы имеем дело со следами боев времен гражданской войны, проходивших в этих местах в 1919 году. Возможно, что часть обнаруженных «построек» является остатками стационарных артиллерийских позиций в виде брустверов, при сооружении которых грунт брался неподалеку, и следы его выборки сохранились в виде западин на поверхности. Судя по их ориентировке, орудия могли быть направлены в сторону станицы Боргустанской, расположенной в 8 км отсюда. Однако, присутствие археологического материала в описываемых ниже шурфах, а также отсутствие следов современного металла на поверхности не позволяют быть уверенным в точности этого предположения. Поэтому в будущем требуется провести дальнейшее разъяснение времени, к которому относятся сооружения на поселении Боргустанское 4.

Помимо описаний видимых на поверхности сооружений, на поселении было заложено два шурфа размерами 2 х 2 м. Шурф 1 разбит в В части поселения примерно посередине мыса, ограниченного с В рвом, отделяющим поселение от укрепления Боргустанское 10. При раскопках выявлена следующая стратиграфия: под слоем дерна залегал слой горного чернозема с мелким меловым щебнем мощностью от 5 до 15 см. Ниже его находился слой серого суглинка мощностью 3-5 см, фактически являвшийся заполнением между неровной

верхней частью материковой скалы. Возможно, это и есть культурный слой поселения. Если это так, то следует признать его малую насыщенность находками, в отличие от расположенного выше слоя горного чернозема с щебнем. В шурфе обнаружено более 150 фрагментов керамики и более 20 костей и зубов животных. Среди них верхняя часть прилепа ручки от кружечки с плоским зооморфным налепом (рис. 10, *3*), которая датируется V-VIII вв. н.э. Кроме того, обнаружено два венчика, датирующиеся I-III вв. н.э. Один из них слегка отогнутый, с выступом наружу и плоско срезанным верхом (рис. 10, *4*). Другой также отогнут наружу, с массивным валиком и плоско срезанным верхом, на котором пальцевое вдавление (рис. 10, *5*); подобный тип сосудов по информации В.Ю. Малашева характерен для территории Осетии. Остальная керамика не имеет характерных признаков, позволяющих отнести ее к более узкому периоду, чем I тыс. н.э.

Шурф 2 заложен в З части поселения. При его раскопках зафиксирована аналогичная вышеописанной стратиграфия: под слоем дерна находился слой горного чернозема с меловым щебнем мощностью 15-18 см. Ниже прослеживался небольшой слой серого суглинка мощностью от 3 до 6-7 см, под которым находилась материковая меловая скала. В шурфе обнаружено около 50 фрагментов керамики и 10 костей животных. Найденные материалы позволяют датировать этот участок поселения в рамках I тыс. н.э.

Поскольку большая часть мыса не имела явных видимых сооружений, и лишь на присклоновом участке с Ю стороны видны остатки построек, была проведена магнитная разведка практически по всей ровной поверхности мыса (рис. 10, *7*). Общая площадь геофизического обследования составляла приблизительно 22 000 кв.м. Магнитная съемка велась доктором физики Й. Фассбиндером (Управление по охране памятников культуры земли Бавария, г. Мюнхен, Германия), которым использовалась авторская разработка цезиевого магнитометра Smartmag SM 4 конфигурации «total field». В результате были выявлены две четко выделяющихся структуры: заглубленная в материковую поверхность крупная траншея (древний ров ?) (рис. 10, *7а*), пересекающая ровное плато с ССВ на ЮЮЗ, а также место с признаками длительного разжигания огня в ЮВ части поселения (рис. 10, *7б*). На Ю линии частично исследованных квадратов видны остатки построек и западин.

Таким образом, налицо присутствие на поселении Боргустанское 4 невидимых на поверхности сооружений, представляющих, скорее всего, археологический интерес. Разумеется, характер этих сооружений может быть установлен лишь в ходе археологических раскопок. Однако уже сейчас очевидна высокая эффективность использования магнитной разведки на подобных памятниках в Кисловодской котловине.

На поселении был начат систематический сбор подъемного материала по квадратам 10 х 10 м. Всего было обнаружено 95 фрагментов керамики (87 стенок, 6 венчиков и 2 донца, 12 костей и 4 зуба животных. Среди этого материала имеется венчик миски с загнутым внутрь краем, датируемый I-III вв. н.э. (рис. 10, *6*). Наибольшая концентрация материала наблюдается ближе к В краю мыса. Здесь отмечается как большее в абсолютном отношении количество найденного материала, так и его больший удельный вес относительно количества

Рис. 10. Укрепление Боргустанское 10 и поселение Боргустанское 4: 1 — вид с СЗ на ров 1 и вал укрепления; 2-6 — керамика с укрепления и поселения; 7 — результаты магнитометрии поселения: а — предполагаемый ров; б — место разведения огня

кротовин, в которых этот материал обнаруживался. Эти наблюдения носят предварительный характер, систематический сбор подъемного материала на памятнике будет продолжен.

Подводя итог работам на поселении Боргустанское 4, следует отметить, что предварительной информации для узкой датировки памятника в нашем распоряжении пока немного. Очевидно, что жизнь на поселении начинается в предгуннское время, что следует из находок в шурфах и в виде подъемного материала керамики I-III вв. н.э. Скорее всего, жизнь на памятнике продолжалась и в раннем средневековье, о чем говорит присутствие ручки сосуда с плоским зооморфным налепом, датирующейся V-VIII вв. н.э.

Заключение. Обнаружение целой серии новых укреплений на Боргустанском хребте поставило ряд вопросов, связанных с их интерпретацией. Прежде всего, они касаются функциональных особенностей данных памятников. Принимая во внимание работы предшественников, прежде всего А.П. Рунича, мы склонны определять характер небольших укреплений Боргустанское 1, 5-9 и 11 как сигнально-сторожевых постов. Большинство из них представляет собой небольшие курганообразные холмы, расположенные на краю мысов или в глубине балок. Эти холмы могли возникнуть в результате сооружения небольших рвов, отделяющих край мыса. Грунт при сооружении рвов перемещался на край, в результате чего появлялись подобные возвышенности. Однако не исключено, что данные возвышенности являются остатками каменных построек наподобие башен. В пользу этого говорят каменные кладки, обнаруженные в грабительских ямах на укреплении Боргустанское 1 и 6. Предположение о сигнально-сторожевой функции данных укреплений базируется на особенностях памятников, описанных А.П. Руничем: небольшой площади, занятой земляными (каменными ?) сооружениями, малом количестве подъемного материала и отсутствии вблизи следов поселений[17].

Неподалеку от этих укреплений располагается, как минимум, пять небольших городищ. Три из них имеют очень близкие топографические особенности: это укрепления Боргустанские 2, 3 и 10, устроенные в виде площадок с эскарпированными склонами, отгороженных с двух сторон валами или каменными стенами, а с напольной стороны — рвом. Эти городища сопровождаются обширными открытыми поселениями с прослеживающимися на поверхности фундаментами каменных построек и большим количеством подъемного материала. Пока еще рано судить об одновременности данных памятников и сигнальных постов в форме возвышенностей, хотя налицо их некоторая типологическая близость. Аргументом в пользу последнего утверждения служит комбинированный характер укрепления Боргустанское 10, где присутствуют элементы обоих типов памятников (курганообразные возвышенности и площадки с эскарпами).

Особняком стоят два укрепления, находящиеся на краю Боргустанского хребта и имеющих схожий характер: Спящая Красавица и Боргустанское 4. В обоих случаях они занимают отделенные от напольной стороны площадки, иногда укрепленные с помощью эскарпов, на которых стоят постройки башенного типа. Раскопки одной из таких башен дали интересные результаты, позво-

ляющие определить время ее возникновения как I-III вв. н.э. Любопытно, что материалы этого времени находятся на всех памятниках, где проведены более детальные исследования (укрепления Боргустанское 4 и 10, поселение Боргустанское 4). В одном случае эта датировка подтверждается радиоуглеродным анализом образцов, полученных из деревянных конструкций, служащих основанием башни 1 укрепления Боргустанское 4. В другом случае фрагмент угля, найденного в заполнении ямы в материковой скале на площадке укрепления Боргустанское 2, дает близкую нижнюю дату финала предгуннского времени (345-375 гг. н.э. с вероятностью в 1,8 %), хотя с наибольшей вероятностью этот образец относится уже к эпохе раннего средневековья (конец IV — конец VI вв. н.э.).

Интересные закономерности прослеживаются в расположении сторожевых постов на отрогах Боргустанского хребта (рис. 1). Во-первых, они находятся на примерно равном расстоянии друг от друга (1,5-2 км) и, во-вторых, они устроены зачастую не на самом краю хребта, а в глубине балок. Последнее обстоятельство делает данные памятники менее заметными со стороны и укрытыми от сильных ветров, которые практически круглогодично владеют местностью на вершине Боргустана. При этом, вытянутая по всей южной оконечности Боргустанского хребта линия небольших укреплений в виде возвышенностей фланкируется крупными поселениями, сопровождающими городища Боргустанское 2 и 3 (поселение Боргустанское 2) с В стороны и Боргустанское 10 (поселение Боргустанское 4) с З стороны. Создается впечатление продуманной системы сигнальных постов, расположенных по северной границе Кисловодской котловины. Против кого же могла быть устроена подобная система ?

В цитируемой выше работе А.П. Рунич писал, что основными врагами населения Кисловодской котловины являлись северные соседи-степняки (хазары, половцы и др.), против которых и были устроены сигнальные посты[18]. Нами проводилась реконструкция сигнальной системы населения Кисловодской котловины эпохи раннего средневековья, в которой укрепления на вершине Боргустанского хребта занимали ключевую роль. Компьютерное моделирование с помощью анализа видимости и построения линий взгляда подкреплялось в данной работе экспериментом по передаче дымового сигнала, позволившего скорректировать некоторые результаты ГИС-анализа[19]. Однако новая информация о датировке возникновения укреплений на Боргустанском хребте позволяет высказать предположение о том, что они были устроены в предгуннский период (II-IV вв. н.э.), когда аланские племена занимали предгорную зону Центрального Предкавказья. Если это предположение верно, то система сигнальных постов на южной оконечности Боргустанского хребта была устроена для слежения за жителями Кисловодской котловины, представлявшими собой «субстратное» население, испытывавшее влияние аланской культуры Затеречья и Кабарды[20]. В пользу этого предположения говорит скрытый со стороны котловины характер расположения возвышенностей, находящихся в глубине балок, и их открытость с севера, со стороны Боргустанского плато, откуда явно не ожидалась опасность. Принимая во внимание существование аланских укрепленных поселений II-IV вв. н.э. в непосредственной близости к линии сигнальных постов (Боргустанские Горы 1), а также обнаруженные недавно новые го-

родища и могильники этого времени в районе Пятигорска и в бассейне р. Кумы[21], можно с уверенностью говорить о том, что степные территории к северу от котловины контролировались в этот период аланами.

Таким образом, обнаруженные новые памятники на вершине Боргустанского хребта представляются нам элементами продуманной системы охраны южной границы аланских племен, проживавших севернее Кисловодской котловины во II-IV вв. н.э. Вероятно, в более позднюю эпоху, после переселения алан в Кисловодскую котловину и обустройства их на укрепленных поселениях в горных долинах, данная система перестала существовать. Но на некоторых памятниках Боргустанского хребта обнаружены материалы эпохи раннего средневековья, что говорит об их использовании в V-VIII и даже VIII-IX вв., скорее всего, также в роли наблюдательных постов. К подобным раннесредневековым постам, осуществлявшим контроль уже в интересах обитателей котловины, можно с уверенностью отнести укрепления Спящая Красавица, Боргустанское 2 и 4, а также, возможно, Боргустанское 10. Дополнительные аргументы в пользу данной интерпретации могут появиться после проведения более детальных полевых исследований укреплений на Боргустанском хребте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
2. *Рунич А.П.* Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Нальчик, 1974. С. 106.
3. *Коробов Д.С.* Применение модуля 3D-Analyst для изучения системы оповещения у алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика. Вып. 3. [Электронный ресурс]. М. (CD-ROM), 2006; *Reinhold S., Korobov D.* The Kislovodsk basin in the North Caucasian piedmonts — archaeology and GIS studies in a mountain cultural landscape // Preistoria Alpina. Vol. 42 (2007). Interpretation of sites and material culture from mid-high altitude mountain environments. Ed. By Ph. Della Casa and K. Walsh. Trento, 2007. P. 183-207; *Коробов Д.С., Райнхольд С.* Результаты разведки в окрестностях Кисловодска // АО-2004. М., 2005. С. 304-306; *Коробов Д.С., Райнхольд С.* Работы в Кисловодской котловине // АО-2005. М. , 2007. С. 321-322.
4. *Коробов Д.С.* Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера); *Коробов Д.С.* Отчеты об археологических раскопках и разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2005-2007 гг. // Архив ИА РАН. Р-1 (без номера).
5. *Рунич.* Ук. соч. С. 106. Рис. 5.
6. *Афанасьев, Савенко, Коробов.* Ук. соч. С. 147.
7. *Коробов Д.С.* Применение модуля 3D-Analyst для изучения системы оповещения у алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика. Вып. 3. [Электронный ресурс]. М. (CD-ROM), 2006. Видеоролик.
8. *Рунич.* Ук. соч. С. 106.
9. *Афанасьев, Савенко, Коробов.* Ук. соч. С. 179.
10. Там же.
11. Там же. С. 179-180.
12. Там же. С. 179.
13. Там же. С. 180.
14. Выражаем глубокую благодарность В.Ю. Малашеву за помощь в атрибуции кера-

мического материала с памятников Боргустанского хребта.
15. *Афанасьев, Савенко, Коробов*. Ук. соч. С. 184.
16. Там же.
17. *Рунич*. Ук. соч. С. 106.
18. Там же. С. 109.
19. *Коробов Д.С.* Применение модуля 3D-Analyst для изучения системы оповещения у алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика. Вып. 3. [Электронный ресурс]. М. (CD-ROM), 2006.
20. *Малашев В.Ю.* Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II-IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику — друзья и ученики. М., 2007. С. 498. *Он же*. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии (сб. памяти В.А. Башилова). Материалы и исследования по археологии России. № 10. М., 2008. С. 275.
21. *Березин Я.Б., Швырёва А.К.* Фауна поселения Энергетик II-IV вв. на Пятигорье (по данным раскопок 2001 года) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М., 2007. С. 208, 216; *Габуев Т.А.* Исследования аланских курганов на могильнике Пегушин-1 в Ставропольском крае // АО-2006. М., в печати.

EARLY MEDIEVAL FORTIFICATIONS ON BORGUSTAN MOUNTAIN RIDGE NEAR KISLOVODSK

D.S. Korobov

New historic monuments discovered at the top of Borgustan mountain ridge present elements of a well thought security system safeguarding southern borders of Alani tribes living north of Kislovodsk depression in the 2nd — 4th cc. A.D. Later, when they moved to Kislovodsk depression and settled down in fortified mountain valleys, the system disappeared. But some Borgustan ridge monuments revealed early medieval material showing that in the 5th — 9th cc. they were presumably used for surveillance. Early medieval stations of the kind used in behalf of the depression inhabitants can be positively referred to such fortifications as Spyashchaya Krasavitsa, Borgustanskoye 2 and 4, and probably Borgustanskoye 10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	—	Античный мир и археология. Саратов
АСГЭ	—	Археологический сборник. Государственный Эрмитаж
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь. Керчь
БС	—	Боспорский сборник. Москва
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ГМИИ	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
ИГАИМК	—	Известия Государственной Академии материальной культуры. Ленинград
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
КГИКЗ	—	Керченский государственный историко-культурный заповедник.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды. Симферополь.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
НиСф	—	Нумизматика и сфрагистика. Киев
НС	—	Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАИБ	—	Очерки археологии и истории Боспора. Москва, 1992
ОАК	—	Отчеты Императоркой Археологической комиссии. Санкт-Петербург; Петроград
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
ПС	—	Палестинский сборник. Москва
РА	—	Российская археология
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СГАИМК	—	Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
СГМИИ	—	Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа
ТОНГЭ	—	Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Ленинград
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. Москва
ХСб	—	Херсонесский сборник. Симферополь
AA	—	Archäologischer Anzeiger
ACSS		Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden–Boston–Köln.
AE	—	Jannée epigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives a santiquité romaine. Paris, 1888–1961
Agora XII	—	Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th century B.C. // Athenian Agora. 1970. Vol. XII. Princeton; New Jersey

AJA — American Journal of Archaeology
ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin—New York
AWE — Ancient West and East
BABesch — Bulletin antieke Beschaving
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
BEFEO — Bulletin de l'École Française d'Extrкme-Orient. Paris
BMC — A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. London
BMetMus — Bulletin of the Metropolitan Museum of Arts
BRI — Britanno-Roman Inscriptions. Toronto, London
BSA — The Annual of the British School at Athens
BSS — Black Sea Studies of the Danish National Research Foundation's Centre for Black Sea Studies. Aarhus
CAH — Cambridge ancient history
CIAA — Circle of Inner Asian Art and Archaeology. London
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I-XVI. Leipzig, Berlin, 1862-1943
CIRDR — Codex inscriptionum romanarum Danubii et Rheni. Seligenstadt, 1851
CRAI — Comptes rendus des sйances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
HambBeitrA — Hamburger Beitrдge zur Archäologie
IGCH — Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973
JdI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JRS — Journal of Roman Studies. London
MDAFA — Mémoires de la Delegation Archéologique Française en Afghanistan.
NC — Numismatic Chronicle. London
NZ — Numismatische Zeitschrift. Wien
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. Von G. Wissowa. Stuttgart, 1893-1980
REA — Revue des études anciennes
RevArch — Revue archéologique
RN — Revue Numismatique. Paris
SNG — Sylloge Numorum Graecorum
SNR — Schweizerische Numismatische Rundschau
TAPA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Cleveland
ZfN — Zeitschrift für Numismatik. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Усманова З.И. (Ташкент) — Г.А. Кошеленко и Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 5
Ртвеладзе Э.В. (Ташкент) — Старый Мерв 12
Invernizzi A. (Турин) — A Goddess on the lion from susa 28
Lippolis C. (Рим) — Notes on Parthian Nisa on the light of new research. 36
Абдуллаев К. (Самарканд) — Греческие типы в керамике Согда и Бактрии 46
Gelin M. (Париж) — Conservation et mise en valeur du patrimoine architectural au proche-orient : quelques réalisations de missions archéologiques 62
Литвинский Б.А. (Москва) — Парфяно-бактрийские перекрестки 84
Пилипко В.Н. (Москва) — Об одной группе «мужских» терракот из Мерва 103
Никитин А.Б. (Санкт-Петербург) — Сасанидский Кушаншахр 115
Болелов С.Б. (Москва) — Расписная хозяйственная посуда Древнего Хорезма (по материалам Калалы-гыр 2). 122
Двуреченская Н.Д. (Москва) — Новый метод комплексного исследования терракотовой пластики. 143
Leriche P. (Париж) — L'Ancienne Termez dans l'Antiquité 153
Захаров А.О. (Москва) — К вопросу об основаниях власти в Шривиджайе 190
Genito B. (Неаполь) — The building no. 546 at Uly Kishman complex in the Merv oasis. 200

СКИФИЯ, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КАВКАЗ

Трейстер М.Ю. (Бонн-Берлин) — Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста 217
Масленников А.А. (Москва) — Организация сельской территории античного Боспора (к проблеме изучения форм землевладения и землеустройства). 252
Журавлев Д.В. (Москва) — О боспорских светильниках типа «кувшинчика» 264
Толстиков В.П. (Москва) — Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии и периодизации 277
Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. (Москва) — Укрепления в центре западной оборонительной линии Танаиса конца III–II вв. до н.э.. 315
Внуков С.Ю., Штепа О.И. (Москва) — Краснолаковая пелика с городища Кара-тобе (опыт комплексного исследования) 324
Алексеева Е.М. (Москва) — Пелики из Горгиппии 361
Завойкин А.А. (Москва) — Амфорный склад № 290Б и некоторые проблемы истории ранней Фанагории. 377
Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. (Москва) — Дома хазарского времени в Фанагории 393
Кузьмина Ю.Н. (Москва) — Апсидальное здание из раскопок 1979–1980 гг. в Фанагории . . 429
Добровольская Е.В. (Москва) — Археозоологические исследования в Фанагории хазарского времени 439
Гарбузов Г.П. (Ростов-на-Дону) — Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории. 444
Ломтадзе Г.А. (Москва) — Античные комплексы с керамической тарой VI–IV вв. до н.э. поселения Вышестеблиевская 10 458
Абрамзон М.Г. (Магнитогорск) — Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э: греческие монеты в денежном обращении. 477
Фролова Н.А. (Москва) — Медные монеты Херсонеса с датами 521
Поваляев Н.Л. (Гёттинген) — Идеальный полис и колонизация 538
Коробов Д.С. (Москва) — Укрепления эпохи раннего средневековья на Боргустанском хребте близ Кисловодска 560

CONTENTS

ANCIENT ORIENT

Usmanova Z.I. (Tashkent) — G.A. Koshelenko and South Turkmenestan Comprehensive Archeological Expedition 5
Rtveladze E.V. (Tashkent) — Ancient Merv 12
Invernizzi A. (Turin) — A Goddess on the Lion from Susa 28
Lippolis C. (Rome) — Notes on Parthian Nisa in the Light of New Research 36
Abdulayev K. (Samarkand) — Grecian Style in Ceramics of Bactria and Sogda 46
Gelin M. (Paris) — Conservation et mise en valeur du patrimoine architectural au proche-orient: quelques réalisations de missions archйologiques 62
Litvinsky B.A. (Moscow) — Parthian-Bactrian Mutual Exchange 84
Pilipko V.N. (Moscow) — On Male Terracotta Group from Merv 103
Nikitin A.B. (St.-Peterburg) — Sasanian Kushanshakhr 115
Bolelov S.B. (Moscow) — Painted Household Utensils of Ancient Khwarezm (based on Khalaly-gyr 2 material) 122
Dvurechenskaya N.D. (Moscow) — New Comprehensive Method of Terracotta Plastic Art Study . 143
Leriche P. (Paris) — L'Ancienne Termez dans l'Antiquité 153
Zakharov Anton O. (Moscow) — Foundations of Power in Early Srivijaya 190
Genito B. (Napoli) The building no. 546 at Uly Kishman complex in the Merv oasis 200

SCYTHIA, BLACK SEA REGION AND CAUCASUS

Treister M.Yu. (Bonn-Berlin) — Imported Metal Vessels in Scythia (historical context attribution and interpretation) 217
Maslennikov A.A. (Moscow) — Rural Territory Arrangement of Ancient Bosporus (on landownership and land-use study) 252
Zhuravlev D.V. (Moscow) — About the Bosporan Jug-shaped Lamps 264
Tolstikov V.P. (Moscow) — Apollo Temple on Panticapeum Necropolis (Dating, Typology, Periodization) 277
Arsenyeva T.M., Ilyashenko S.M., Naumenko S.A. (Moscow) — Fortification in the Center of Tanais Western Defenses of the late 3rd — 2nd cc. B.C. 315
Vnukov S.Yu., Shtepa O.I. (Moscow) — Red Lacquer Pelike from the Ancient Town Site of Kara-Tobe (Comprehensive Study Experience) 324
Alekseyeva Ye.M. (Moscow) — Pelikes from Gorgippia 361
Zavoykin A. (Moscow) — Amphorae Storehouse No 290B and Some Aspects of Early Phanagoria History 377
Kuznetsov V.D., Golofast L.A. (Moscow) — Khazar Period Houses in Phanagoria 393
Kuzmina Yu.N. (Moscow) — Apsidal Building from 1978–1980 Excavation in Phanagoria 429
Dobrovolskaya Ye.V. (Moscow) — Archeozoological Study in Phanagoria of Khazar Period 439
Garbuzov G.P. (Rostov-on-Don) — Area Assessment of Ancient Rural Settlements in the Vicinity of Phanagoria 444
Lomtadze G.A. (Moscow) — Vyshesteblievskaya 10 Ancient Complexes with Ceramic Vessels of the 6th — 4th cc. B.C. 458
Abramzon M.G. (Magnitogorsk) — Economic Contacts of the Bosporus in the 6th century BC — 3rd century AD: Greek Coins in the Monetary Circulation 477
Frolova N.A. (Moscow) — Copper Chersonesian Coins with Dates 521
Povaljaev N.L. (Göttingen) — Ideal Polis and Colonisation 538
Korobov D.S. (Moscow) — Early Medieval Fortifications on Borgustan Mountain Ridge near Kislovodsk 560

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, а также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, ключевых слов, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М. Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиппии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. № 3. С. 221–232.

Псковские летописи. М.; Л., 1941. Т.1. С. 341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Пушкин А.С. Стихотворения Баратынского // ПСС. Л., 1948. Т. 11. С. 14.

Пигарев К.В. Баратынский. Предисловие к изд. // *Баратынский Е.А.* Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 7.

Чехов А.П. Драма на охоте // Собр. соч.: в 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 356.

Аннинский Л. Беседа о странностях истории // Родина. 2008. № 2. С. 18.

ЦДОООСО. Ф. 42. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

6. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен!

7. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия давать или в переводе, или с пояснением, а также имена на языке оригинала. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

8. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

9. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

10. Авторов просим сообщать следующие сведения: полное имя и отчество, день и год рождения, домашний и рабочий адрес, телефон и e-mail.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510.
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru.
Тел. (3519) 34-38-49.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (27). 2010

Сдано в набор 20.08.2009. Подписано в печать ВВЕСТИ НОВЫЕ ДАННЫЕ.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,75. Уч.-изд. л. 48,1.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО "Аналитик". 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

На 1 стр. обложки: «Мервская» ваза. Раскопки Г.А. Кошеленко на Гяур-Кала.

На 4 стр. обложки: Краснофигурная пелика из Горгиппии. Раскопки Е.М. Алексеевой.